

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

Переведено подъ редакціей

В. ЗАЙЦЕВА.

ИЗДАНІЕ

Л. П. Шелгуновой.

ТОМЪ XI.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ Э. Ж. ВАВСТА.

1864.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ. Августа 8 дня 1864 г.

ИСТОРІЯ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

ИСТОРІЯ XVI СТОЛѢТІЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ XI-ГО ТОМА.

Исторія новаго времени.

Стр.

I. ИТАЛІЯ

ДО ВТОРЖЕНІЯ ВЪ НЕЕ ФРАНЦУЗОВЪ ПРИ КАРЛѢ VIII.

---

1. Венеція въ половинѣ XV столѣтія.

Если по богатству и блистательному состоянію государства можно судить о совершенствѣ его законодательства и управленія, то Маккіавелли безспорно правъ, выставляя законодательство и управленіе Венеціи образцовыми и не нуждающимися ни въ какихъ измѣненіяхъ. Но принимая это положеніе, слѣдовало бы допустить, что управленіе промышленной націей, въ рукахъ умнаго, исключительно покровительствующаго торговлѣ, аристократическаго правительства можетъ обойтись безъ идеальныхъ стремленій и нравственности; къ такому же выводу можетъ, пожалуй, привести историческое изученіе управленія Англіею. Похвалы, расточаемыя венеціанской олигархической тираніи и смѣшанному, плутоаристократическому правительству Англіи въ XVIII и XIX вѣкѣ, конечно вполнѣ ими заслужены, если признавать внѣшнее величіе государства, его богатство, блескъ и національную гордость народа за результатъ правительственныхъ дѣйствій. Но должно будетъ произнести иной приговоръ, если требовать отъ правительства строгой справедливости, человѣчности и нравственности. Маккіавелли превозноситъ политическую мудрость венеціанскаго правительства и считаетъ его образцо-

считаетъ его образцовымъ потому, что онъ ни мало не заботится о требованіяхъ нравственности; это видно всего лучше изъ отзыва его о Цезарѣ Борджія. Такого рода политическая мудрость проявляется во всемъ, что было говорено нами о ходѣ развитія венеціанскаго могущества и о распространеніи власти республики по Далмаціи, Пелопоннесу и на материкѣ Италіи; особенно ярко проявляется она въ исторіи дожа, бывшаго во главѣ венеціанскаго управленія въ половинѣ XV вѣка, Франческо Фоскари и его сына Джакопо. Въ наше время политическіе принципы Маккіавелли повидимому снова входятъ въ силу; потому въ разсказѣ о Фоскари мы воздержимся отъ порицанія или хвалы и отъ нравоученій.

Франческо Фоскари былъ выбранъ дожемъ 50-ти лѣтъ; онъ былъ младшимъ изъ сорока одного избирателя на эту должность и занималъ ее 34 года (1423—1457 г.). Въ его управленіе Венеція достигла высшей степени величія, силы и богатства; ему же самому пришлось перенести, какъ правителю и какъ отцу, всевозможныя оскорбленія отъ владычествовавшей тогда олигархіи. Его сынъ также сдѣлался жертвой олигарховъ, не смотря на ходатайство великаго совѣта и заслуги отца въ продолжительное его управленіе. При Франческо Фоскари Венеція, въ постоянной борьбѣ съ Турціею, своими морскими силами наводила ужасъ на берега Египта, Сиріи, на греческій архипелагъ и даже на Константинополь и берега Чернаго моря; она утвердилась въ Пелопеннесѣ, Далмаціи и Илиріи и расширила свои владѣнія въ Ломбардіи до Брешіи, Бергамо и Кремы. Миланъ тоже не устоялъ бы противъ венеціанцевъ, если бы Франдискъ Сфорца не оказался хитрѣе престарѣлаго дожа Фоскари и въ рѣшительную минуту не съумѣлъ заключить съ нимъ союзъ, благодаря которому самъ сдѣлался герцогомъ миланскимъ (т. IX, стр. 372). Франческо Фоскари былъ человѣкъ воинственный и щедрый; его богатство позволяло ему окружать себя блескомъ, и низшее дворянство было ему предано; но власть была не въ его рукахъ: она по прежнему сосредоточивалась въ страшномъ для каждаго венеціанца совѣтѣ десяти. — этой безсмерт-

ной коллегіи венеціанскаго управленія, постоянно пополнявшейся престарѣлыми и опытными въ государственномъ дѣлѣ сенаторами (т. VIII, стр. 316). Они строго и ревниво слѣдили за дожемъ и еще въ 1423 году довели его до того, что онъ хотѣлъ сложить съ себя это званіе. Но при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ согласиться на это было опасно, и совѣтъ десяти принудилъ Фоскари сохранить свое званіе. Спустя 10 лѣтъ (въ 1443 году), онъ снова и весьма рѣшительно отказывался отъ должности, но и на этотъ разъ его не допустили до того и даже вынудили у него обѣщаніе, что онъ останется дожемъ, пока будетъ живъ.

Въ слѣдующемъ году единственный изъ его четырехъ сыновей, оставшійся въ живыхъ, Джакопо Фоскари женился на одной изъ Контарини. Для венеціанцевъ эта свадьба была народнымъ праздникомъ; для обоихъ же Фоскари начался съ этого времени длинный рядъ несчастій. Вскорѣ послѣ свадьбы, Джакопо Фоскари былъ обвиненъ, по доносу флорентинскаго изгнанника Микеля Бевилаквы, въ принятіи подарковъ отъ иноземныхъ правительствъ и преимущественно отъ миланскаго герцога. (Doni e presenti mediante alcuni suoi famigli di dinari, giojelli e altri simili cose). По распоряженію совѣта десяти, его бросили въ тюрьму и подвергли жестокой пыткѣ. Слѣдствіе и судъ производились надъ нимъ съ такою таинственностью, что даже говорить о подсудимомъ запрещено было подъ страхомъ смертной казни. Пытка (datagli la corda) вынудила у него сознаніе. Въ тайномъ засѣданіи, судьи — враги обвиненнаго — приговорили его къ ссылкѣ, и старикъ отецъ его принужденъ былъ лично объявить этотъ приговоръ изувѣченному пыткою сыну въ полномъ собраніи совѣта (20 февр. 1445 г. — Chiamato il consiglio de'dieci colla giunta, nell' quale fu messer lo doge, fu sentenziato il detto Jacopo Foscari).

Несчастный Фоскари былъ сосланъ въ Наполи ди Романію (въ Пелопоннесѣ) подъ полицейскій надзоръ, т. е. съ обязанностью

ежедневно являться къ венеціанскому намѣстнику (rettore). Но изъ Тріеста, куда зашелъ корабль, который везъ его къ мѣсту ссылки, Фоскари удалось выпросить себѣ разрѣшеніе, во вниманіе къ его измученному состоянію, остаться въ Тревизо.—Вскорѣ на него обрушились новыя преслѣдованія совѣта десяти. Въ 1450 году предсѣдатель совѣта десяти Альморо Донато, — одинъ изъ трехъ государственныхъ инквизиторовъ, производившихъ первое слѣдствіе надъ Фоскари, — умеръ отъ руки убійцы. Другіе два инквизитора заявили подозрѣніе на Джакопо Фоскари, слугу котораго видѣли около этого времени въ Венеціи. Олигархи безъ труда нашли человѣка для ложнаго обвиненія Фоскари передъ правительствомъ, и сына престарѣлаго дожа вернули въ Венецію подъ новое слѣдствіе; но не смотря на продолжительную и жестокую пытку ни онъ, ни слуга его не приняли на себя убійства. Тѣмъ не менѣе Фоскари былъ снова осужденъ. Его сослали въ Канею на островъ Кандію, гдѣ также находились венеціанскія владѣнія. Однако вскорѣ ему разрѣшили возвратиться въ Венецію, такъ какъ вслѣдствіе пытки обнаружились въ немъ припадки сумашествія, отъ которыхъ по мнѣнію венеціанскаго правительства могло его вылечить непродолжительное пребываніе среди семьи. Полоумнаго, изувѣченнаго Фоскари привезли въ 1451 году обратно къ его женѣ и старику отцу,—но вскорѣ опять отправили въ Канею. Даже когда настоящій убійца инквизитора, Николо Эриццо, сознался въ этомъ преступленіи, Фоскари все таки не былъ освобожденъ.—Этимъ не кончились преслѣдованія судьбы или вѣрнѣе—неслыханно жестокой, мстительной и эгоистической олигархіи, служащей предметомъ удивленія для многихъ, въ томъ числѣ и для Маккіавелли: въ 1456 г. Фоскари былъ въ третій разъ подвергнутъ пыткѣ и отецъ его былъ снова вынужденъ принять участіе въ осужденіи сына, хотя по этому поводу снова отказывался отъ званія дожа. Обвиненіе противъ Джакопо Фоскари основано было на томъ, что онъ въ припадкѣ сумасшествія отправилъ изъ мѣста ссылки письмо къ миланскому

герцогу Франциску Сфорцѣ съ просьбою ходатайствовать за него предъ венеціанскимъ правительствомъ; а по законамъ Венеціи такой поступокъ наказывался смертью. Посланный съ письмомъ, боясь отвѣтственности, передалъ его въ совѣтъ десяти, и Фоскари былъ опять привезенъ въ Венецію на слѣдствіе. Умственно обезсилѣвшій отъ истязаній, онъ объявилъ на допросѣ, что отправилъ письмо съ единственною цѣлью увидѣть во чтобы ни стало еще разъ Венецію. Совѣтъ десяти, увеличивъ свой составъ для разсмотрѣнія этого дѣла двадцатью сенаторами, предалъ его еще злѣйшей пыткѣ, чѣмъ въ первые два раза (Ebbe per sapere la verità da que' che lo collegiarono trenta squassi di corda), и снова приговорилъ его, почти разорваннаго на части, къ ссылкѣ на о. Кандію. Когда послѣ пытки допустили къ нему въ темницу (gli torricelli) его старуху мать и отца, подавленнаго горемъ, и Джакопо Фоскари сталъ просить отца, что бы онъ добился ему разрѣшенія провести въ своемъ домѣ немногіе остающіеся ему дни жизни, Франческо отвѣтилъ: „ступай и повинуйся безъ ропота повелѣнію отечества“. (Въ хроникѣ венеціанскихъ дожей эта сцена передана въ слѣдующей формѣ: E Jacopo disse: Messer padre, vi prego, che procuriate per me, acciocche io torni a casa mia. Il doge disse: Jacopo, va e ubbedisci a quello che vuole la terra, e non cercar non più oltre). Этимъ отвѣтомъ восторгаются, какъ проявленіемъ высокаго, древнеримскаго патріотизма венеціанскихъ патриціевъ. Мы съ своей стороны такъ же мало восхищаемся древнеримскими патриціями, какъ и венеціанскими, и потому воздержимся отъ какихъ либо замѣчаній по поводу геройства тѣхъ и другихъ. Впрочемъ лѣтописецъ, передающій этотъ отвѣтъ дожа, прибавляетъ, что вслѣдъ за такою попыткою насилія надъ собою, старикъ отецъ упалъ безъ чувствъ. Вскорѣ по возвращеніи Джакопо Фоскари въ прежнее мѣсто ссылки, страданія его прекратились наконецъ смертью.

Мы ограничимся этимъ однимъ образцомъ политики самаго могущественнаго и богатаго государства среднихъ вѣковъ, хоть и

могли бы привести сотни совершенно подобныхъ примѣровъ въ доказательство того, какими средствами достигало мудрое венеціанское правительство своихъ великихъ политическихъ цѣлей. Мы упомянемъ еще только объ интригахъ и проискахъ, которыми оно преслѣдовало дожа Фоскари въ теченіе всей его жизни и отравило его послѣдніе дни. Впрочемъ мы отнюдь не беремъ на себя рѣшить, кто изъ нихъ—Франческо ли Фоскари и его сынъ Джакопо, или ихъ политическіе противники — были злѣе, мстительнѣе, коварнѣе и алчнѣе; наше дѣло только указать на характеръ того хваленаго управленія, той политической мудрости, которая сводится на такого рода разсказы о своихъ представителяхъ.

Со времени своего избранія дожемъ Фоскари постоянно боролся съ фамиліею Лоредано и ея партіею. Эта борьба и была главнѣйшею причиною его троекратнаго отказа отъ должности. Вражда между ними была вызвана тѣмъ, что адмиралъ Піетро Лоредано отвѣтилъ отказомъ на предложеніе дожа женить своего сына на дочери Фоскари, и что Марко Лоредано, братъ Піетро, въ качествѣ авогадора республики, потребовалъ зятя Фоскари Андреа Донато къ суду по обвиненію въ вымогательствѣ. Разсказываютъ, что дожъ сказалъ тогда, что онъ станетъ дѣйствительно главою Венеціи только съ того времени, когда не будетъ въ живыхъ Піетро Лоредано. Вслѣдъ за тѣмъ оба брата Лоредано внезапно умерли. По тогдашнему обычаю, опиравшемуся на тысячи примѣровъ такого рода, тотчасъ распространился слухъ, что оба они были отравлены дожемъ, личнымъ ихъ врагомъ. Для этого обвиненія не было никакихъ доказательствъ; тѣмъ не менѣе сынъ Марко, Джакопо Лоредано, показывалъ видъ, будто увѣренъ, что въ смерти его отца и дяди виновенъ Франческо Фоскари. Въ теченіе 10-ти лѣтъ онъ при каждомъ случаѣ старался дѣйствовать противъ дожа и съ глубокимъ злорадствомъ помогалъ въ преслѣдованіи его сына Джакопо. Когда послѣ послѣдняго, горькаго свиданія съ своимъ сыномъ, дожъ пересталъ являться въ засѣданіе совѣта десяти и въ

собраніе выборныхъ (ne in consiglio de 'dieci e meno in pregadi), Лоредано воспользовался этимъ, чтобы оскорбить 86-ти лѣтняго старика въ послѣдніе дни его жизни, и вмѣстѣ съ Джироламо Донато и Джироламо Барбариго, бывшими, какъ и онъ, во главѣ совѣта десяти, настоялъ на томъ, чтобы избраны были 25 человѣкъ изъ знатнѣйшихъ лицъ республики для рѣшенія, вмѣстѣ съ совѣтомъ десяти, вопроса о порядкѣ веденія дѣлъ въ случаѣ неспособности дожа. Эта коммиссія предложила принудить дожа отказаться отъ своего званія. Но предложеніе это встрѣчено было сильнымъ несочувствіемъ; на обсужденіе его потребовалось цѣлыхъ 8 дней, и засѣданія продолжались ежедневно до 4 и 5 часовъ утра. Наконецъ совѣтъ десяти, боясь дворянства и народа, принужденъ былъ согласиться призвать прокуратора республики. Это легко могло бы разсѣять всѣ намѣренія враговъ Фоскари, потому что должность прокуратора занималъ братъ дожа, Марко Фоскари; но совѣтъ десяти силою и угрозами заставилъ прокуратора не мѣшать имъ. Они заперли его въ тюрьму и угрозами принудили отказаться отъ подачи голоса *), но онъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ подписать рѣшеніе. Франческо Фоскари, котораго четырнадцать лѣтъ тому назадъ заставили дать обѣщаніе не оставлять до самой смерти мѣсто дожа, теперь принуждали сложить это званіе. Въ октябрѣ 1457 года дожу была прислана депутація отъ смѣшанной коммиссіи (gli dieci colla giunta) просить его отказаться отъ должности, которую онъ не исправляетъ уже пятнадцать мѣсяцевъ. Старикъ, ссылаясь на прежде взятую съ него клятву, объявилъ, что добровольно не откажется отъ власти, но покорится, если его отставятъ. Вскорѣ послѣ того онъ былъ отставленъ и Лоредано передалъ ему декретъ съ приказаніемъ оставить дворецъ дожей и сложить знаки своего достоинства; въ пенсію назначили ему тысячу пятьсотъ дукатовъ. 23-го октября Франческо Фоскари оставилъ дворецъ, такъ какъ уже 20-го

*) E il serrarono col dargli giuramento solenne, che nulla dicesse;

былъ избранъ новый дожъ. Вся Венеція выразила свое неудовольствіе на жестокое обращеніе со старикомъ; но страхъ, распространенный грозною олигархіей, былъ такъ великъ, что передъ нимъ умолкало всякое сожалѣніе. Совѣтъ десяти издалъ указъ, по которому всякій, говорящій о смѣщеніи дожа, будетъ преданъ судъ государственной инквизиціи. Старый Фоскари, подъ управленіемъ котораго тридцать лѣтъ велась, съ незначительными остановками, война съ турками и въ 1454 году былъ заключенъ первый миръ, умеръ черезъ нѣсколько дней по смѣщеніи его съ должности. Послѣ его смерти олигархія стала страшнѣе, чѣмъ когда либо.

Ко времени правленія Фоскари относятъ два измѣненія, оба въ пользу олигархическихъ учрежденій государства; одно безспорно принадлежитъ къ этому времени, а другое относится нѣкоторыми къ шестнадцатому и даже къ семнадцатому столѣтію. Первое заключается въ томъ, что по отставленіи Фоскари, прежде чѣмъ выбрали новаго дожа, постановлено было не дозволять дожамъ распечатывать и читать адресованныя къ нимъ депеши иначе, какъ въ присутствіи сенаторовъ. Второе измѣненіе касается увеличенія власти трехъ государственныхъ инквизиторовъ; это учрежденіе возникло въ началѣ XV столѣтія и уже въ первой его половинѣ часто напоминало о себѣ. Въ то время три государственныхъ инквизитора не составляли еще учрежденія особаго; они принадлежали къ совѣту десяти, для котораго стали впослѣдствіи такъ же страшны, какъ и для прочихъ гражданъ, и по порученію котораго они разбирали дѣла людей, виновныхъ въ государственной измѣнѣ, представляя совѣту десяти результаты произведенныхъ ими слѣдствій. Основаніе страшной власти этихъ трехъ должностныхъ лицъ, какъ основательно указываетъ Дарю въ своей „Исторіи Венеціи“, положено было за три года до смерти Фоскари: 16 іюня 1454 г. совѣтъ десяти положилъ передать всю свою власть комитету, составленному изъ трехъ членовъ, освободилъ ихъ отъ соблюденія всякихъ формальностей въ веденіи дѣлъ и запретилъ авогадорамъ вмѣшиваться въ какое либо начатое ими дѣло; 19-го

іюня совѣтъ десяти назначилъ трехъ государственныхъ инквизиторовъ и опредѣлилъ ихъ права особымъ указомъ. Этимъ указомъ предоставлялась имъ безграничная власть надъ всѣми безъ исключенія подданными республики, какъ надъ дворянствомъ и духовенствомъ, такъ и надъ народомъ, даже надъ самими членами совѣта десяти. Они могли, явно или тайно, предать смерти каждаго, если только были согласны на это всѣ трое. Каждый изъ нихъ могъ арестовать всякаго, но долженъ былъ объяснить дѣло двумъ остальнымъ. Касса совѣта десяти была въ ихъ распоряженіи, такъ что они не давали даже отчета въ ея употребленіи. Со всѣми намѣстниками, генералами, адмиралами и посланниками они могли переписываться и давать имъ и приказанія и порученія. Наконецъ они сами же составляли инструкцію для себя. Первые государственные инквизиторы составили ее 23 іюня. Въ то время она состояла изъ сорока восьми параграфовъ, но потомъ возросла до ста трехъ. Она была написана однимъ изъ инквизиторовъ собственноручно, оставалась неизвѣстною даже самимъ секретарямъ инквизиціи и хранилась въ ящикѣ, ключъ отъ котораго былъ только у одного инквизитора.

Это пресловутое государственное учрежденіе Венеціи, совершавшее до самаго уничтоженія венеціанской республики Наполеономъ безчисленныя жестокости и преступленія, причинявшее столько горя, которое и выражать-то боялись, столько насилія и безстыдныхъ несправедливостей,—хотя и мѣнялось отъ времени до времени въ своемъ составѣ, какъ французскій комитетъ общественной безопасности 1794 года, но какъ учрежденіе оставалось все тѣмъ же самымъ. Со времени Фоскари три государственныхъ инквизитора пользовались безграничной, ничѣмъ не связанной властью. Они тайно, сколько хотѣли, пытали и убивали людей и не оставляли слѣдовъ ни дѣлъ своихъ, ни пролитой крови. Если кто нибудь пропадалъ и можно было догадываться, что онъ взятъ по приказанію инквизиторовъ, то близкіе родные, изъ боязни предъ ужаснымъ судилищемъ, не рѣшались даже спрашивать, куда онъ дѣлся.

2) Италія въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія.

Въ то время какъ въ Венеціи аристократическое управленіе съ каждымъ днемъ сосредоточивалось въ рукахъ все меньшаго и меньшаго числа фамилій, власть которыхъ укрѣплялась самыми свирѣпыми средствами, въ Генуѣ продолжалась борьба между плебеями и патриціями, и послѣдніе даже раздѣлились на двѣ партіи. Борьба партій принудила генуэзскую республику сначала впустить въ городъ французовъ, а потомъ — присягнуть Висконти (т. IX, стр. 272 — 274, 303.); съ 1435 года, лишь только сбросила она иностранное иго, въ ней начались опять внутреннія распри (т. IX, стр. 351). Въ Генуѣ, какъ и во всякомъ промышленномъ государствѣ, управленіе постоянно было въ рукахъ извѣстныхъ богатыхъ фамилій. По происхожденію своему они опирались на различные слои населенія: патриціанскіе роды Гримальди, Доріа, Спинола и Фіески были сильны рыцарями, къ которымъ принадлежали по происхожденію, а Адорни и Фрегози поддерживались гражданами, изъ среды которыхъ они вышли. Лишь только миланцы были выгнаны изъ Генуи, споръ между патриціями немедленно возобновился. Адорни и Фіески соединились противъ дожа Піетро Фрегозо, осадили его въ городѣ и призвали Альфонса V, короля Неаполя, Сициліи и Арагоніи. Но король вскорѣ умеръ, именно въ 1458 году, во время осады Генуи.

Послѣ смерти Альфонса V, въ Неаполѣ вступила на престолъ боковая линія: тамъ ему наслѣдовалъ побочный сынъ его Фердинандъ I; въ Сициліи же и Сардиніи воцарился Іоаннъ II Арагонскій, братъ Альфонса. Альфонсъ заставилъ папу признать своего побочнаго сына за рожденнаго въ законномъ бракѣ и обезпечить за нимъ престолонаслѣдіе въ Неаполѣ; въ то же время, для ограниченія произвола папъ въ свѣтскихъ дѣлахъ народа,

онъ возстановилъ парламентъ и старинное право народа избирать себѣ короля и издавать законы. По старинному обычаю, парламентъ дѣлился на двѣ палаты: въ первой засѣдали князья, графы, бароны и прелаты, владѣвшіе большими имѣніями; самыми знатными между этими послѣдними были аббатъ Монте Кассино и архіепископъ Реджіо;—вторая палата состояла изъ городскихъ головъ и депутата отъ города Неаполя. По закону, эти представители сословій, вмѣстѣ съ королемъ, должны были производить судъ и распоряжаться финансами; но законъ этотъ рѣдко исполнялся и хотя оффиціально парламентъ неаполитанскій никогда не былъ отмѣненъ, но его не собирали такъ долго, что народъ совсѣмъ забылъ о немъ. Альфонсъ возстановилъ его, созвавъ въ 1433 году сословія для того, чтобы издать законъ о престолонаслѣдіи. Парламентъ, видя, что король предоставляетъ ему право, которымъ до сихъ поръ пользовались папы, или, выражаясь современнѣе, желаетъ признать верховную власть за народомъ, въ благодарность за это предупредилъ желаніе короля и объявилъ наслѣдникомъ сына его, Фердинанда. Папы Евгеній IV и Николай V согласились признать престолъ за Фердинандомъ и, по смерти Альфонса, никто не сомнѣвался, что на это согласится и преемникъ папы Николая, старый Каликстъ II, такъ какъ онъ, будучи кардиналомъ, велъ переговоры обоихъ своихъ предшественниковъ съ Альфонсомъ; но Каликстъ объявилъ себя противъ Фердинанда.

Каликстъ происходилъ изъ испанской фамиліи Борджія (Борха) и сильно вредилъ римской церкви, покровительствуя своей фамиліи, пороки и злодѣянія которой возмущали міръ гораздо болѣе, чѣмъ поведеніе какой либо другой папской фамиліи того столѣтія. Онъ предоставилъ мѣсто кардинала племяннику своему, который потомъ, будучи папой Александромъ VI, открыто предавался удовлетворенію самыхъ низкихъ страстей и поощрялъ всевозможные пороки, злодѣянія и позорныя потѣхи. Другому племяннику онъ не только пріобрѣлъ герцогство Сполето, но хотѣлъ даже помочь ему завладѣть неаполитанскимъ государствомъ. Поэтому

обнародованною имъ буллой Каликстъ изъявилъ претензію на Неаполь, какъ на упраздненный церковный ленъ, и обратился къ Франциску Сфорцѣ Миланскому за помощію; но у Франциска Сфорцы были политическія причины желать, чтобы Фердинандъ удержался на тронѣ. Преемникъ Каликста, безсмертный Пій II (Эней Сильвій Пикколомини), прославившійся какъ ученый, историкъ и дипломатъ, призналъ Фердинанда королемъ, но за буллу признанія взялъ съ него пенсію и потребовалъ возвращенія давно отнятыхъ у папъ Беневента, Понтекорво и Террачины.

Сначала народу былъ неизвѣстенъ характеръ молодаго неаполитанскаго короля, сдѣлавшагося впослѣдствіи ненавистнымъ своею жестокостью и распутствомъ; народъ радовался, что новый король родился въ своей землѣ и женатъ на неаполитанкѣ (племянницѣ князя Орсини Тарентскаго). Бароны же и близкіе родственники Фердинанда знали новаго короля лучше и, стараясь поэтому освободиться изъ подъ его власти, обратились къ племяннику короля Альфонса V, несчастному принцу Карлу де Віана, преслѣдуемому своимъ собственнымъ отцомъ и искавшему убѣжища у Альфонса. Карлъ былъ самъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и потому не хотѣлъ входить въ сношенія съ неаполитанцами. Отецъ Карла Іоаннъ II Арагонскій тоже не могъ принять предложенной ему короны. Недовольные бароны, и во главѣ ихъ князь тарентскій, обратились тогда къ претенденту, которому покровительствовалъ французскій король Карлъ VII и котораго онъ поддерживалъ во всѣхъ его странныхъ предпріятіяхъ. Претендентъ этотъ былъ Іоаннъ, герцогъ Калабрійскій, сынъ Рене или Рената Анжуйскаго, часто упоминаемаго нами номинальнаго короля Неаполя. Когда флорентинцы пригласили его въ 1454 году выступить противъ Альфонса во главѣ ихъ войска, онъ явился съ горстью наемниковъ въ Тоскану, надѣясь снова завоевать королевство своего отца; но въ то время флорентинцы обошлись и безъ него, а въ 1455 году онъ уже сталъ имъ въ тягость. Въ слѣдующемъ году, когда Пістро Фрегозо, преслѣдуемый королемъ Альфонсомъ, обратился къ Карлу VII

и присягнулъ ему, король французскій послалъ Іоанна, какъ своего намѣстника (прокуратора), въ Геную, гдѣ онъ долженъ былъ принять сторону Фрегозо и его партіи. Но Іоаннъ поссорился съ Піетро Фрегозо и попалъ въ очень затруднительное положеніе, потому что герцогъ миланскій Францискъ Сфорца, къ помощи котораго обратился Фрегозо, прислалъ ему семьсотъ всадниковъ и въ то же время флотъ Фердинанда заперъ въ гавани корабли Іоанна. Подъ конецъ однако счастье повернуло на его сторону. Піетро Фрегозо хотѣлъ во главѣ недовольныхъ силою ворваться въ городъ и уже проникъ въ городскія ворота, какъ вдругъ противная партія сдѣлала чрезвычайное усиліе, а Іоанна подкрѣпили изъ Прованса кораблями и войскомъ. Фрегозо былъ совершенно разбитъ и посланные ему Францискомъ Сфорцою семьсотъ рыцарей потерпѣли при этомъ случаѣ пораженіе. По этому-то историкъ Симонетта (т. IX, стр. 423), панегиристъ Франциска Сфорцы, вовсе не упоминаетъ объ этомъ походѣ миланцевъ. Вскорѣ послѣ того (1459 г.) въ Геную прибыло посольство недовольныхъ неаполитанскихъ дворянъ, начавшихъ войну противъ Фердинанда и объявившихъ законнымъ королемъ Іоанна, какъ старшаго сына Рената и наслѣдника всѣхъ правъ младшей линіи анжуйскаго дома. Іоаннъ тотчасъ же отправился на призывъ, тѣмъ охотнѣе, что послѣдній годъ онъ оставался въ Генуѣ, какъ бы только поджидая, что его вызовутъ неаполитанскіе бароны.

Іоаннъ Лотарингскій привелъ съ собой въ Неаполь весьма мало войска; но въ началѣ предпріятіе его, казалось, обѣщало успѣхъ, потому что съ нимъ соединились не только самые знатные бароны государства, въ томъ числѣ воинственный Антоніо Кальдора (т. IX, 354),—но на его сторону перешелъ и Эрколе (Геркулесъ I) д'Эсте, братъ котораго Борзо царствовалъ въ Феррарѣ и Моденѣ; городъ Ночера отворилъ ему свои ворота и на помощь къ нему спѣшилъ знаменитый предводитель кондоттьеровъ Джакопо Пиччинино (т. IX, стр. 366). Пиччинино прошелъ въ Абруццы чрезъ Мархіи, преслѣдуемый войсками Франциска Сфорцы, имѣвшаго ува-

жительныя причины бояться французскаго владычества въ Неаполѣ. Герцогъ Карлъ Орлеанскій, овладѣвшій уже городомъ Асти, какъ сынъ Валентины Висконти (т. IX, стр. 364), оспаривалъ у Франциска Сфорцы право на Миланъ, хотя Францискъ основывалъ свое право на бракѣ своемъ съ Бланкой, побочной дочерью послѣдняго герцога изъ дома Висконти. Сфорца боялся его, какъ претендента, и если бы Іоанну удалось укрѣпиться въ Неаполѣ, ему угрожала бы большая опасность и съ юга, и съ сѣвера—отъ французовъ, утвердившихся въ то время и въ Генуѣ. Чтобы не допустить до этого и задержать въ Мархіяхъ войска Пиччинино, Францискъ въ мартѣ 1460 г. послалъ туда одного изъ своихъ братьевъ; тотъ пришелъ слишкомъ поздно, однако соединился съ другимъ своимъ братомъ и съ княземъ Урбино и двинулся въ Абруццы вслѣдъ за Пиччинино. Пока Пиччинино старался пробраться въ Неаполь, Фердинандъ, поддерживаемый тоже войсками папы Пія II, сразился при Сарно съ войсками Іоанна Калабрійскаго и по собственному безразсудству поставилъ себя въ весьма дурное положеніе; вмѣсто того, чтобы послушаться благоразумнаго совѣта итальянскихъ полководцевъ и спокойно распоряжаться при Сарно, гдѣ французы не могли держаться, онъ лѣтомъ 1460 г. далъ сраженіе, въ которомъ былъ, какъ ему и предсказывали, такъ разбитъ, что войска его совершенно разсѣялись. Если вѣрить современной хроникѣ, онъ былъ обязанъ сохраненіемъ короны женѣ своей Изабеллѣ, племянницѣ князя тарентскаго. Мы передадимъ разсказываемый по этому поводу анекдотъ такъ, какъ прочли его сами; это если не исторія, то современная молва. Разсказываютъ, что когда Фердинандъ остался совершенно безъ денегъ въ Неаполѣ, куда онъ скрылся послѣ пораженія, жена его Изабелла ходила изъ дома въ домъ ко всѣмъ богатымъ людямъ, какъ бы прося милостыню бѣднымъ, и такимъ образомъ собрала значительную сумму. Потомъ, разсказываютъ, она обратилась къ дядѣ своему, князю тарентскому, вызвавшему Іоанна въ Неаполь, и такъ какъ уже много мѣстъ было занято французами, убѣдила его посовѣто-

вать Іоанну не итти прямо на Неаполь, а заняться осадою незначительныхъ городовъ. Неаполитанская хроника, написанная для народа, не рѣшается выдавать за истину, что Изабелла склоняла князя Тарентскаго къ тайной измѣнѣ; въ хроникѣ сказано: разсказываютъ, что Изабелла, переодѣтая францисканскимъ монахомъ, пришла въ лагерь своего дяди и убѣждала его помедлить. (Sono alcuni che dicono, che la regina Isabella di volontà del marito andata al principe di Tarento sus zio in habito di frate Zoccolante e se li buttasse a li piedi etc.).

Послѣ этого война затянулась. Вскорѣ, именно въ 1461 году, умеръ Карлъ VII французскій, покровитель стараго Рене и его сына, и съ 1461 года по 1464 порядокъ дѣлъ въ Италіи совершенно измѣнился. Еще до смерти короля Карла французы потеряли власть надъ Генуею, потому что обременяли тяжкими налогами гражданъ города, которые сваливали ихъ на народъ, и освобождали отъ нихъ многихъ членовъ аристократіи. Ненависть къ иноземцамъ соединила фамиліи Фрегозо, Адорно и Спинола; въ то же время Франческо Сфорца возмущалъ народъ, раздавалъ деньги и обѣщалъ помощь; наконецъ 10 марта 1461 года Адорно, выгнаннымъ изъ города, удалось при помощи народа и крестьянъ, приведенныхъ ими и Фрегозо, занять городъ и загнать французовъ и ихъ друзей въ крѣпость (castelletto). Борьба за Геную продолжалась до самаго лѣта. Старый Рене и король Карлъ VII посылали помощь осажденнымъ въ крѣпости соотечественникамъ; съ другой стороны, генуезцевъ, избравшихъ между тѣмъ дожемъ Проспера Адорно, поддерживалъ Франческо Сфорца значительными денежными суммами и нѣсколькими тысячами солдатъ. Наконецъ французское войско, потерпѣвъ и внѣ города, и въ городѣ значительныя пораженія, совершенно разсѣялось, и старый Рене, пришедшій въ Геную изъ Прованса, передалъ крѣпость своему другу, Лудовико Фрегозо. Лудовико Фрегозо не задолго передъ тѣмъ сдѣлался дожемъ, отнявъ это званіе у Спинета Фрегозо, который въ свою очередь

отнялъ его у Проспера Адорно. Однако хотя Лудовико называли дожемъ, но и онъ, и городъ повиновались двоюродному брату его, архіепископу Паоло Фрегозо.

Въ іюнѣ 1461 года, во время борьбы за Генуюи Неаполь, умеръ Карлъ VII французскій. Сынъ его Лудовикъ XI во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ слѣдовалъ совершенно противоположной политикѣ. Въ Италіи Лудовикъ показывалъ видъ, что принимаетъ сторону французовъ, а втайнѣ держался другой стороны. Воюя съ своими родственниками и вельможами, Лудовикъ отказался отъ намѣренія пріобрѣсти господство въ Италіи и заключилъ съ герцогомъ миланскимъ Франческо Сфорца союзъ, вслѣдствіе котораго Сфорца не только далъ Лудовику денежное вспоможеніе, но и послалъ старшаго сына своего, Галеаццо Марію, съ избранною дружиной во Францію, на помощь королю въ войнѣ съ недовольными феодалами или лигою общественнаго блага. Франческо Сфорца и Пій II поддерживали жестокаго и ненавистнаго короля Фердинанда неаполитанскаго, постоянно посылая ему деньги, полководцевъ и наемниковъ. Черезъ папу союзники уговорили и Георгія Кастріота, знаменитаго подъ именемъ Скандербега (т. IX, стр. 84 и 98), доставить королю Фердинанду поддержку противъ французовъ. Пій II обѣщалъ этому герою устроить подъ его предводительствомъ крестовый походъ противъ турокъ, собралъ въ Мантуѣ соборъ и обложилъ христіанство податью для этого похода. Но собранныя деньги были употреблены въ пользу тирана Фердинанда, и папа добился даже того, что Скандербегъ во главѣ восьмисотъ человѣкъ самъ пошелъ помогать Фердинанду противъ герцога Іоанна и отнялъ островъ Искію у приверженцевъ анжуйскаго дома. Наконецъ 18 августа 1462 года королю Фердинанду посчастливилось разбить въ битвѣ при Троѣ герцога Іоанна и его союзниковъ. Послѣ этого пораженія Іоанну не было надежды утвердиться въ Италіи, потому что вскорѣ (въ сентябрѣ) папѣ и герцогу миланскому удалось отвлечь отъ союза съ нимъ и князя Тарентскаго. Фердинанду это было тѣмъ выгоднѣе, что

вскорѣ (1464 года) жена его наслѣдовала послѣ дяди несмѣтныя богатства, тогда какъ соперникъ его Іоаннъ былъ чрезвычайно бѣденъ. По смерти князя Тарентскаго оставленный всѣми, претендентъ не могъ удержаться ни въ одномъ углу государства, хотя отецъ его, старый Рене, пришелъ въ Неаполь съ флотомъ, собраннымъ въ Марсели. Въ 1464 году имъ пришлось окончательно покинуть это предпріятіе, потому что наконецъ и Лудовикъ XI оставилъ ихъ на произволъ судьбы, а у нихъ самихъ не было ни денегъ, ни войска; позже они примкнули къ многочисленнымъ врагамъ Лудовика во Франціи.

Въ Генуѣ между тѣмъ хотя и продолжались внутренніе безпорядки, но городъ освободился изъ подъ власти французовъ, а въ 1464 году Лудовикъ XI вызвалъ войско изъ послѣдняго мѣста, занятаго ими. Въ 1462 году кроткій дожъ Лудовико Фрегозо рѣшился возстать противъ вліянія своего двоюроднаго брата, архіепископа Паоло Фрегозо, дѣйствовавшаго его именемъ, и прекратить его насилія. Тогда архіепископъ вооружилъ противъ дожа всѣхъ собравшихся въ Генуѣ искателей приключеній, которыхъ было множество въ Италіи въ то революціонное время. 14 мая онъ пробрался во дворецъ, принудилъ двоюроднаго брата отказаться отъ мѣста, на которое самъ возвелъ его, и соединилъ въ своемъ лицѣ свѣтскую власть дожа съ духовнымъ саномъ архіепископа. Не смотря на свое суевѣріе, генуэзскій народъ не хотѣлъ терпѣть этого. Въ короткое время изъ города и изъ деревень собрались ко дворцу тысячи людей и, грозя смертью архіепископу и нанятымъ имъ злодѣямъ, принудили духовнаго владыку уступить слабому брату отнятое у него мѣсто (іюнь 1462). Архіепископъ удержалъ однако при себѣ своихъ отчаянныхъ наемниковъ и даже увеличилъ число ихъ, и сталъ ждать болѣе благопріятнаго случая, чтобы возстановить въ городѣ свое военно-духовное владычество. Еще въ томъ же году ему удалось опять выгнать брата, хотя Лудовико занялъ было съ своими людьми крѣпость (castelletto). Архіепископъ захватилъ дожа въ

то самое время, когда тотъ отправлялся изъ крѣпости въ городъ; потомъ двинулся къ крѣпости и, велѣвъ поставить висѣлицу, грозилъ повѣсить дожа, если не сдадутъ ему крѣпость. Крѣпость сдалась, и архіепископъ былъ снова признанъ дожемъ.

При этомъ случаѣ ясно выказалось, до какой ужасающей степени дошли злоупотребленія духовной власти въ свѣтскихъ дѣлахъ, и это тѣмъ грустнѣе, что папою былъ не развратникъ или невѣжда, не какой-нибудь Каликстъ III или Александръ VI Борджіа, а ученѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ того времени, сочиненія котораго исполнены самыхъ благородныхъ мыслей, — Эней-Сильвій Пикколомини или Пій II. Когда архіепископъ, изгнавъ своего двоюроднаго брата, въ третій разъ заинялъ его мѣсто, онъ немедленно обратился къ папѣ Пію II, и тотъ не постыдился признать преступника законнымъ дожемъ и выразить это признаніе въ письмѣ, составляющемъ истинный образецъ лицемѣрной софистики (январь 1463 года). Папа дѣлаетъ въ этомъ письмѣ различныя наставленія и предостереженія, намекаетъ, что архіепископъ тиранъ, говоритъ даже о всеобщемъ къ нему нерасположеніи, которое можетъ быть гибельно для него и, не смотря на все это, даетъ ему свое полное благословеніе и признаетъ его законнымъ повелителемъ Генуи съ условіемъ, чтобы онъ ускорилъ крестовый походъ, о которомъ, повидимому, тогда еще хлопотали. Архіепископъ однако не только не обратилъ вниманія на наставленія папы, которыя, какъ ему хорошо было извѣстно, ничего не значатъ, но ежедневно предавался грабежу, насилію и душегубству, позволяя своимъ бандитамъ совершать неслыханныя злодѣйства, отъ которыхъ не было пощады ни духовнымъ лицамъ, ни самымъ знатнымъ городскимъ фамиліямъ. Это послужило поводомъ герцогу миланскому Франческо Сфорца снова забрать въ свои руки власть надъ генуэзской республикой. Онъ устроилъ союзъ между Адорно и Фіеско противъ тирана, привлекъ въ него Спинето Фрегозо, Иблетто Фіеско, Паоло Доріа и Джироламо Спинола. Они вооружили своихъ многочисленныхъ вассаловъ и

во главѣ ихъ направились къ городу. Такъ какъ въ Генуѣ всѣ были ожесточены противъ тиранна, то архіепископъ не рѣшился остаться въ городѣ. Онъ передалъ дворецъ вдовѣ одного изъ своихъ братьевъ, а главное начальство во дворцѣ и въ городѣ—своему брату Пандольфу, сѣлъ съ своими бандитами на корабль и сталъ заниматься морскими разбоями. Немедленно по его удаленіи Генуя подпала подъ власть герцога миланскаго: Иблетто Фіески, начальствовавшій въ городѣ, впустилъ туда 13-го апрѣля 1464 года миланское войско подъ начальствомъ Джакопо Вимеркато, а невѣстка Паоло сочла за лучшее продать дворецъ и за деньги открыть миланцамъ ворота его, безъ вѣдома Пандольфа; генуэзцы тотчасъ-же передали главное начальствованіе надъ городомъ герцогу Франциску Сфорцѣ на тѣхъ-же условіяхъ, на какихъ онъ былъ прежде отданъ королю Карлу VII. Король Людовикъ XI уступилъ герцогу послѣдній итальянскій городъ, находившійся еще въ рукахъ французовъ,—Савону. Какъ ни замѣчателенъ для характеристики нравовъ того времени и для исторіи фактъ, что архіепископъ могъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тиранствовать, какъ разбойникъ и какъ дожъ, но еще замѣчательнѣе, что впослѣдствіи тотъ же человѣкъ не только осмѣлился возвратиться въ Геную, но пользовался тамъ еще бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ прежде. Онъ снова сдѣлался архіепископомъ и снова получилъ званіе дожа, а въ 1480 году былъ даже сдѣланъ кардиналомъ.

3. Италія съ 1464 по 1476 годъ.

1464 годъ замѣчателенъ въ итальянской исторіи тѣмъ, что повсюду наконецъ установились миръ и спокойствіе и что почти всѣ государства управлялись въ то время туземцами. Одна Сицилія оставалась еще подъ властью арагонцевъ; французы, если исключить занятіе Асти, были удалены изъ Италіи, и Фердинандъ I тираннилъ неаполитанцевъ, не опасаясь ни французовъ, ни арагонцевъ. Флоренціею управлялъ кротко и демократически старый Косьма Медичи,

который держалъ себя не какъ государь, а скорѣе какъ богатый, образованный и щедрый гражданинъ; онъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ венеціанцами и герцогомъ миланскимъ Франциском Сфорцою. Сфорца управлялъ Ломбардіею, обладаніе которою онъ дѣлилъ съ венеціанцами, и Генуею военно-монархически, но справедливо и благоразумно. Всѣ папы этого времени заботились только объ обогащеніи своихъ родственниковъ и о пріобрѣтеніи для нихъ княжествъ и владѣній; потому каждый новый папа или даже его родственники старались всячески притѣснять и преслѣдовать приближенныхъ его предшественника. На этомъ основаніи мы не станемъ перечислять разныхъ мелкихъ итальянскихъ княжествъ, которыхъ существованіе было непрочно; достаточно будетъ замѣтить, что между множествомъ мелкихъ владѣтелей въ Романьи, самые значительные послѣ дома Эсте были Малатести въ Римини и что Модена и Реджіо управлялись Борзо д'Эсте, которому императоръ Фридрихъ III продалъ герцогскій титулъ и державныя права надъ этими владѣніями; впослѣдствіи (1471 г.) Павелъ II уступилъ ему же Феррару, которая и осталась собственностію дома Эсте.

Смерть двухъ лицъ совершенно различныхъ свойствъ, но одинаковаго политическаго направленія, своимъ искреннимъ союзомъ прочно соединявшихъ четыре главныя государства Италіи: Миланъ, Флоренцію, Венецію и Неаполь, произвела на полуостровѣ новыя гражданскія войны, давшія впослѣдствіи французамъ поводъ къ попыткѣ укрѣпиться въ Италіи. Эти два человѣка были: Францискъ Сфорца и Косьма Медичи. Первый умеръ 8-го марта 1466 года. За годъ до его смерти дочь его Ипполита, извѣстная своею ученостью, вступила въ бракъ съ наслѣднымъ принцемъ неаполитанскимъ, вслѣдствіе чего дружескія сношенія Сфорцы съ королемъ Фердинандомъ еще болѣе упрочились. Онъ оставилъ пятерыхъ сыновей, изъ которыхъ только двое, Галеаццо Марія и Людовикъ, имѣютъ историческое значеніе. Оба впрочемъ не были похожи на отца.—Косьма Медичи, съ 1434 года мирно управлявшій безпокойными флорентинцами, умеръ еще прежде

Франциска Сфорцы (въ августѣ 1464 г.), оставивъ только одного сына Петра, который такъ же мало походилъ на своего отца, какъ сыновья Франциска Сфорцы на своего. Петръ Медичи увеличилъ число изгнанныхъ съ 1434 года флорентинцевъ, проживавшихъ въ итальянскихъ городахъ, и уже это одно скоро вызвало попытки устранить Медичи отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ.

Еще самъ Косьма въ послѣднія восемь лѣтъ своей жизни считалъ нужнымъ имѣть особенно строгую полицію и юстицію и назначилъ гонфалоньеромъ (gonfaloniere di giustizia) грознаго Луку Питти, желая, чтобы все хорошее приписывалось ему самому, а всѣ жестокости одному Питти. Онъ самъ, уже старый и слабый, и весь флорентинскій народъ смотрѣли на восьмилѣтнее правленіе Питти не такъ, какъ Маккіавелли, который называетъ его жестокимъ и невыносимымъ. Совѣтъ (la Signoria) и Косьма обдаривали Питти огромными суммами, и значеніе его возвысилось до того, что его боялись больше, чѣмъ любили Косьму. Все, что разсказываетъ намъ Маккіавелли о средствахъ, какія употреблялъ Питти, чтобы съ изумительною роскошью устроить свой дворецъ, составляющій и въ настоящее время лучшее украшеніе Флоренціи, не даетъ выгоднаго понятія о человѣкѣ, которому кроткій, ласковый, свободолюбивый и до расточительности щедрый Косьма ввѣрилъ управленіе своимъ отечествомъ. Мы могли бы еще извинить Питти въ томъ, что онъ бралъ въ подарокъ отъ гражданъ и частныхъ лицъ строительные матеріалы; но чтобъ прослыть покровителемъ искусствъ, онъ употреблялъ и другія средства, которыя можетъ одобрить только развѣ художникъ, поэтъ или эстетикъ. Такъ напримѣръ: всѣ воры, разбойники и другіе преступники могли избѣгнуть наказанія и поселиться въ городѣ, если въ теченіе извѣстнаго времени работали при постройкахъ Питти.

По смерти Косьмы, его сынъ Петръ наслѣдовалъ богатства отца, а слѣдовательно и значеніе его въ государствѣ, потому что почти всѣ значительные торговые дома Флоренціи занимали у Косьмы

деньги или въ затруднительныхъ обстоятельствахъ получали отъ него помощь. Но Петръ не обладалъ ни умомъ, ни опытностью своего отца; потому Косьма, умирая, совѣтовалъ ему и въ частныхъ и государственныхъ дѣлахъ не предпринимать ничего, не спрося мнѣнія друга Косьмы Діотисальви Нерони, считавшагося умнѣйшимъ во Флоренціи человѣкомъ. Однако Діотисальви поступилъ съ Петромъ вѣроломно. Чтобы вытѣснить его, онъ соединился съ Питти, который по смерти Косьмы надѣялся быть первымъ человѣкомъ во Флоренціи и не могъ выносить, что такой молодой человѣкъ, какъ Петръ, былъ значительнѣе его. Оба они и друзья ихъ Аньоло Ачіаюоли (Acciajuoli) и Николо Содерини старались прежде всего разстроить тѣсный союзъ между Миланомъ и Флоренціею, благодаря которому Сфорцы въ Миланѣ и Медичи во Флоренціи были обеспечены отъ внѣшнихъ нападеній. Для этого они воспользовались минутой, когда сынъ Франциска Сфорцы, Галеаццо Марія, бывшій во время смерти отца еще во Франціи, возвратился въ Миланъ и вступилъ въ управленіе. Они думали, что этотъ союзъ былъ заключенъ только лично съ Францискомъ Сфорцою; флорентинцы-же думали иначе, и сохраненіе миланскаго союза не мало способствовало къ разрушенію плана, затѣяннаго знаменитѣйшими и старѣйшими людьми Флоренціи противъ молодаго и безразсуднаго наслѣдника мудраго Косьмы. Заговорщики собрали подписи всѣхъ своихъ друзей и сговорились уничтожить вліяніе партіи Медичи тотчасъ по избраніи въ слѣдующемъ году новаго правительства; они хотѣли также, чтобы чисто купеческая или мѣщанская власть Медичи, при которой сохранялись и внѣшняя форма и законы республики, была превращена въ княжескую. Хотя заговорщикамъ и удалось избрать гонфалоньеромъ (gonfaloniere di giustizia) Николо Содерини, который былъ способенъ произвести возстаніе, но братъ его Ѳома Содерини, дѣйствуя по природѣ медленно, задержалъ дѣло до избранія новаго правительства. И на этотъ разъ выборъ былъ благопріятенъ для противниковъ Петра; избранъ былъ Бернардо Лотти, нерасположенный къ нему. Вслѣдъ за тѣмъ

сдѣлана была попытка народнаго возстанія, но Петръ предупредилъ своихъ враговъ. Подъ предлогомъ опасности, угрожавшей со стороны Болоньи или Феррары, онъ удалился изъ города, собралъ своихъ друзей и наемниковъ и тогда вновь явился во Флоренцію, гдѣ къ нему присоединились всѣ приверженцы его дома. Заговорщики также хотѣли прибѣгнуть къ силѣ, но Ѳома Содерини былъ втайнѣ преданъ дому Медичи, а члены совѣта (Signoria) остались нейтральными и заперлись, какъ въ крѣпости, въ домѣ, гдѣ происходили ихъ засѣданія. Такимъ образомъ Петру удалось безъ кровопролитія достичь во Флоренціи княжеской власти, которой не желалъ отецъ его Косьма, отклонявшій отъ себя, по словамъ Маккіавелли, всякую тѣнь аристократизма *).

Послѣ неудавшейся попытки враговъ, Петръ выждалъ отставки Бернардо Лотти и назначенія въ гонфалоньеры совершенно преданнаго ему Роберто Ліони и, созвавъ большое народное собраніе (chiamato il popolo in piazza), измѣнилъ весь составъ управленія (fece nuova balia). Заговорщики пришли въ ужасъ, увидя, что всѣ мѣста заняты ихъ заклятыми врагами, и выѣхали изъ города (1466 г.). Аньоло Ачіаюола уѣхалъ въ Неаполь, Діотисальви Нерони и Николо Содерини отправились въ Венецію; Лука Питти, хотя и остался во Флоренціи, но вскорѣ убѣдился, что потерялъ всякое значеніе. Даже архіепископъ флорентинскій Джіованни Нерони возвратился въ Римъ, потому что все семейство его было разсѣяно и всѣ удалившіеся изъ города объявлены государственными врагами. Множество другихъ гражданъ было сослано и наконецъ за спасеніе демократіи и водвореніе мира было совершено торжественное молебствіе. Насильственныя мѣры, употребленныя при этомъ случаѣ **), могутъ считаться срокомъ, съ котораго Петръ началъ диктаторски править Флоренціею, гдѣ отецъ его

*) Tanto fu temporato dalla prudenza sua, che la civil modesta mai non trapassò.

**) Furono alcuni cittadini presi e tormentati e di poi parte di loro morti e posti in esilio.

стоялъ во главѣ правленія, какъ самый богатый, щедрый и добродѣтельный гражданинъ.

Высланные тогда флорентинцы соединились за границей съ изгнанными послѣ возвращенія Косьмы въ родной городъ (1434 г.) гражданами, къ которымъ принадлежали Строцци и другія аристократическія фамиліи. Всюду, куда ни пріѣзжали изгнанники, и въ особенности въ аристократической Венеціи, они пріобрѣтали огромное вліяніе и своимъ богатствомъ, и основаніемъ большихъ торговыхъ домовъ. Эти враги Медичи, и особенно бѣжавшій архіепископъ, старались пошатнуть въ Римѣ кредитъ дома Медичи и тѣмъ повредить Петру. И точно, нѣкоторое время казалось, что самый значительный торговый домъ въ Европѣ колеблется; но лишь только это почувствовалось въ Парижѣ и Авиньонѣ, какъ ему посыпалась отовсюду помощь, и кредитъ его былъ возстановленъ *). Изгнанники, проживавшіе въ Венеціи, добились впослѣдствіи поддержки венеціанцевъ, чрезъ сына Паоло Строцци, Франческо Строцци, основавшаго въ Феррарѣ большой торговый домъ и пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ Венеціи. Хотя венеціанцы явно и не держали стороны изгнанниковъ, но втайнѣ они покровительствовали имъ и позволили собраться въ Венеціи и расположить войска въ венеціанскихъ предѣлахъ. Чтобы дать изгнанникамъ предводителя, они уволили начальника кондоттьеровъ Бартоломео Колеони, человѣка съ громкимъ именемъ, хотя и не очень даровитаго, и находившагося до сихъ поръ въ ихъ службѣ. Партія, господствовавшая во Флоренціи, и партія изгнанниковъ, каждая съ своей стороны, собирали войско; обѣ онѣ располагали большими капиталами и потому могли взять къ себѣ на службу людей, державшихъ отряды для своей обороны или для разбоевъ. Партія Медичи, нанявшая около пятнадцати тысячъ человѣкъ и назначившая главнокоманду-

---

*) Si sforzarono di torre il credito alla ragione de Medicei, che in Roma si travagliava. A che Piero con difficultà provvide.

ющимъ урбинскаго князя Фредерико ди Монтефельтро, возобновила союзъ съ Галеаццо Маріей Миланскимъ и съ Фердинандомъ Неаполитанскимъ. Изъ Неаполя Фердинандъ выслалъ ей на помощь войско, а Галеаццо Марія самъ поступилъ въ флорентинскую армію. Поэтому Медичи рѣшились ускорить ходъ дѣлъ. Такъ какъ Галеаццо Марія въ двухъ случаяхъ выказалъ неспособность и малодушіе, то они хотѣли хитростью отдалить его отъ войска, чтобы онъ не помѣшалъ ихъ полководцу дать битву. Для этой цѣли они пригласили герцога миланскаго осмотрѣть ихъ городъ, а Монтефельтро приказали напасть на непріятеля въ то время, какъ они задержатъ герцога во Флоренціи почетными празднествами. Желанная ими битва была дана при Молителло 25 іюля 1467 г. Побѣда осталась нерѣшенною, хотя съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ. Галеаццо Марія былъ сильно оскорбленъ тѣмъ, что флорентинцы воспользовались его отсутствіемъ, чтобы рѣшиться на что нибудь положительное, и тотчасъ же вернулся въ Миланъ съ своими всадниками. Сынъ короля Фердинанда Альфонсъ, герцогъ калабрійскій, напротивъ поступилъ тогда въ армію Медичи. Въ надеждѣ, что Колеони побѣдитъ союзниковъ герцога миланскаго, венеціанцы составили планъ нападенія на Миланъ и для этого дали значительную сумму герцогу савойскому Амадею IX, съ тѣмъ чтобы братъ его Филиппъ тревожилъ миланцевъ съ запада, въ то время какъ сами они сдѣлаютъ нападеніе съ востока. Галеаццо Марія хотѣлъ обратить войска свои противъ Амадея, но король французскій возстановилъ миръ между Савоіей и Миланомъ. Между Венеціею Миланомъ, и Флоренціей, также не дошло дѣло до войны, потому что планъ, составленный противъ Петра Медичи, разстроился, и въ февралѣ 1468 года былъ заключенъ миръ, въ которомъ роль посредника игралъ сначала герцогъ феррарскій, а потомъ папа Павелъ II, бывшій родомъ изъ Венеціи.

Съ этого времени Петръ Медичи и сыновья его стали ненавистны флорентинцамъ какъ тиранны и преслѣдователи благородныхъ фамилій, которыя возвысили и прославили Флоренцію, тогда какъ

Косьма былъ ими любимъ за покровительство простому народу, которому доставлялъ работу и пропитаніе. Флорентинская республика, во главѣ которой стояли Петръ и сыновья его, страшно мстила родственникамъ людей, начавшихъ войну, вмѣсто того чтобы предоставить имъ, какъ желалъ папа, хотя право пользованія ихъ имѣніями. Маккіавелли сообщаетъ объ этихъ преслѣдованіяхъ много свѣдѣній; напротивъ того, о предшествовавшей войнѣ мы находимъ у него очень немногія и невѣрныя извѣстія. Изъ Флоренціи было изгнано множество другихъ аристократическихъ фамилій, въ томъ числѣ всѣ неизгнанные прежде члены фамилій Каппони, Строцци, Питти, Алессандри и Содерини, а гонфалоньеръ Бардо Альтовити преслѣдовалъ не только извѣстныхъ враговъ Медичи, но даже тѣхъ, которые только подозрѣвались въ непріязненныхъ къ нимъ чувствахъ. Въ это время (1469 г.) отпразднована была свадьба сына Петра Медичи—Лоренцо съ Клариссою Орсини, и вся Италія была подъ вліяніемъ блеска и пышности этихъ празднествъ, прославленныхъ тогда продажными поэтами и другими представителями искусствъ. Маккіавелли однако не поддался общему настроенію и называетъ управленіе Петра Медичи язвою, посланною богомъ на его родной городъ *). По увѣренію Маккіавелли и другихъ историковъ Флоренціи, Петръ Медичи самъ наконецъ почувствовалъ, что фанатики его партіи легко могутъ приготовить паденіе его сыновей; поэтому онъ потихонько призвалъ къ себѣ Аньоло Ачіаюоли посовѣтоваться съ нимъ о возвращеніи имѣній, отнятыхъ у изгнанниковъ, и о принятіи болѣе кроткихъ мѣръ. Но смерть постигла его еще въ началѣ декабря 1469 года, прежде чѣмъ могло быть принято имъ какое нибудь рѣшеніе. Вообще итальянскіе правители того времени, въ особенности папа Павелъ II, неаполитанскій король Фердинандъ и сынъ его Альфонсъ, признавали жестокость и коварство за высочайшую государственную мудрость.

---

*) In modo si governavano, che pareva che Iddio e la fortuna avesse data loro quella città in preda.

Послѣ Петра осталось двое сыновей, Юліанъ и Лоренцо. За Лоренцо удержалось названіе Magnificus т. е. великолѣпнаго, свѣтлѣйшаго, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ любилъ во всемъ великолѣпіе и блескъ. Ѳома Содерини, удержавшій брата своего Николо при его управленіи полиціей отъ поддержки заговора противъ Петра, принялъ сторону сыновей послѣдняго, помогалъ имъ своимъ совѣтомъ и постарался доставить имъ такое же вліяніе, какимъ пользовался ихъ отецъ.

Флоренція, Миланъ и Неаполь остались въ тѣсномъ союзѣ противъ Венеціи и вообще противъ всякой внѣшней опасности. 22 октября 1470 года былъ даже заключенъ священный или патріотическій союзъ между флорентинцами, папою, королемъ Фердинандомъ, герцогомъ Галеаццо Маріею и герцогомъ Борзо Моденскимъ и Феррарскимъ, чтобы сохранить спокойствіе Италіи и защитить итальянскую національность. Къ этому союзу присоединилось много мелкихъ владѣтелей и государствъ. Блескъ итальянскихъ дворовъ и богатство Медичи, агенты которыхъ за границей отличались такою же роскошью, какъ сами Медичи, — все это приносило такую пользу искусству, наукѣ и общественному образованію, что нельзя и удивляться, что писатели народа, живущаго болѣе фантазіей и чувствомъ, нежели разумомъ, называютъ это время, не смотря на совершенно упавшую нравственность, лучшимъ временемъ въ исторіи Италіи. Упомянутую свадьбу Лоренцо Медичи мы могли бы привести какъ примѣръ богатства и блеска, развитаго тогда въ Италіи; но мы предпочитаемъ два случая изъ 1471 года. Первый изъ нихъ — въѣздъ Борзо д'Эсте въ Римъ, послѣ того какъ Павелъ II пожаловалъ ему герцогскій титулъ. Его окружалъ отрядъ блестящихъ рыцарей, тѣлохранители, сто оруженосцевъ, множество различной прислуги и по крайней мѣрѣ сто восемьдесятъ муловъ съ его богатою утварью, покрытыхъ бархатомъ и другими пестрыми матеріями. Сами римляне, уже привыкшіе къ блестящимъ зрѣлищамъ, съ удивленіемъ смотрѣли на роскошь, окружавшую Борзо. Борзо, остававшійся въ Римѣ съ

13 марта по 18 мая, умеръ тотчасъ же по возвращеніи своемъ оттуда (27 мая), и отравленіе было въ то время такъ обыкновенно, что его смерть, какъ и скоропостижную смерть Павла II, послѣдовавшую два мѣсяца спустя, приписывали яду. Братъ Борзо, Геркулесъ I, сдѣлался послѣ него герцогомъ Феррары, Модены и Реджіо. Хотя герцогъ Галеаццо Марія и маркграфъ мантуанскій выставили другаго претендента на Модену и Реджю изъ боковой линіи, но венеціанцы двинулись въ пармскія владѣнія и принудили претендента со всѣми его защитниками уступить настоящему наслѣднику.—Второе великолѣпное зрѣлище представляетъ празднество, данное Лоренцо и Галеаццо Маріей въ мартѣ 1471 года флорентинцамъ. Всѣ историческія книги наполнены описаніемъ великолѣпія этихъ празднествъ, а Коріо въ своей миланской исторіи подробно исчисляетъ всѣ мелочи. Мы съ своей стороны вовсе не сочувствуемъ монархическо - аристократической жизни, убивающей моральную силу, и потому не говоримъ о ней много, а довольствуемся лишь нѣкоторыми указаніями на нравы того времени. Праздникъ былъ данъ по случаю визита герцога Галеаццо Маріи со всѣмъ его дворомъ частному жителю Флоренціи Лоренцо Медичи. Все высшее ломбардское дворянство окружало герцога; при каждомъ, даже самомъ незначительномъ дворянинѣ былъ свой дворъ, и всѣ они явились въ богатомъ вооруженіи и пышныхъ нарядахъ. Самъ герцогъ привезъ съ собою во Флоренцію, кромѣ придворныхъ, двѣ тысячи блистательно одѣтыхъ рыцарей въ качествѣ тѣлохранителей; двѣсти украшенныхъ муловъ везли его богатый обозъ, а за ними слѣдовали пятьсотъ сворь собакъ разныхъ породъ со множествомъ ястребовъ и соколовъ для герцогской охоты. Галеаццо Марія издержалъ, говорятъ, на это путешествіе двѣсти тысячъ червонцевъ. Издержки на встрѣчу и пріемъ его во Флоренціи были вѣроятно еще значительнѣе, потому что ломбардцы были внѣ себя отъ удивленія. Миланцамъ конечно не нравились расточительность и жестокая полиція ихъ герцога, который не прочь былъ сдѣлаться королемъ ломбардскимъ; а генуезцы, которыхъ Галеаццо

Марія также посѣтилъ въ то время, такъ явно выказали свое нерасположеніе къ нему, что онъ снова велѣлъ укрѣпить замокъ, чтобы держать жителей въ страхѣ.

Папа Сикстъ IV, преемникъ Павла II, заслужилъ также всеобщую ненависть не только въ Италіи, но и во всемъ христіанскомъ мірѣ за то, что оказывалъ неслыханное покровительство своимъ родственникамъ и пользовался для своихъ денежныхъ выгодъ планомъ крестоваго похода противъ турокъ. Онъ возвысилъ налоги, собиравшіеся для походовъ противъ турокъ, нѣсколько разъ снаряжалъ и высылалъ въ море свой флотъ вмѣстѣ съ венеціанскимъ и вообще дѣлалъ много шуму по поводу крестоваго похода, однако не приступалъ къ дѣлу: деньги текли въ карманы папской родни, между тѣмъ какъ турки своими набѣгами на Фріулъ все болѣе и болѣе угрожали Тріесту. Не смотря на все зло, которое дѣлали въ то время Италіи ея туземные правители и аристократы, она была— какъ средоточіе торговли, искусствъ и наукъ всей Европы—въ блестящемъ состояніи. Мы не упоминаемъ о мелкихъ раздорахъ, которые въ это время вспыхивали внутри Италіи; при тѣсномъ союзѣ болѣе значительныхъ государствъ полуострова, стремившихся къ поддержанію міра, они были слишкомъ ничтожны для того, чтобы говорить о нихъ во всеобщей исторіи. Даже потеря, понесенная Генуей вслѣдствіе отнятія у нея турками Каффы въ Крыму, и пріобрѣтеніе Венеціею острова Кипра имѣли мало вліянія на общій ходъ дѣлъ. Революціи въ Генуѣ, Миланѣ и Флоренціи однѣ имѣли значеніе для исторіи Италіи.

Въ 1476 году въ Миланѣ (а скоро послѣ того и во Флоренціи) была произведена насильственная попытка возстановленія аристократической республики: первыя миланскія фамиліи были такъ же возмущены жестокостью и праздной нѣгой порочнаго сына Франциска Сфорцы, какъ флорентинская молодежь высшаго круга дѣйствіями обоихъ внуковъ благороднаго Косьмы. Впрочемъ убійство Галеаццо Маріи, случившееся на второй день Рождества 1476 года, не было плодомъ республиканскаго заговора;

это была частная месть вслѣдствіе насильственныхъ поступковъ герцога для удовлетворенія своей постыдной страсти. Власть осталась въ рукахъ его сына, подъ защитой военной силы. Но со времени этого убійства взаимныя отношенія государствъ значительно измѣнились. Галеаццо Марія, подобно тираннамъ греческой и римской древности, тѣшился муками, истязаніями и смертью людей, которыхъ хоронилъ живыми или умерщвлялъ иными дьявольски придуманными способами. Онъ нетолько находилъ наслажденіе въ томъ, чтобы безчестить женщинъ и дѣвицъ и потомъ награждать ими своихъ людей, но любилъ еще хвастать своимъ преступленіемъ и публично объявлялъ имена лицъ, которыхъ семейное счастіе уничтожилъ. Между оскорбленными имъ было двое равныхъ по знатности царствующему дому, а по древности своего рода имѣвшихъ даже преимущество надъ потомками крестьянина Аттендоло Сфорцы. Это были: Карлъ Висконти и Джироламо Ольджіати. Они, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Джіованни Андреа Лампуньяни, посѣщали лекціи замѣчательнаго грамматика Монтано изъ Болоньи, который, подобно другимъ ученымъ, возсоздавшимъ въ то время въ итальянскихъ городахъ древнюю науку, горячо возставалъ противъ тиранніи и тиранновъ (т. IX, стр. 289). Николо ди Монтано, знаменитый талантомъ и ученостью, былъ наставникомъ герцога въ его ранней молодости. Это однако нисколько не измѣнило взгляда Галеаццо Маріи на его республиканскія проповѣди и онъ велѣлъ высѣчь своего наставника на площади. Съ этой минуты Монтано сталъ изъ мести проповѣдывать молодымъ вельможамъ патріотизмъ Брута и Кассія, и названные выше три ученика его поклялись убить Галеаццо Марію. Такъ какъ на всѣхъ торжествахъ они занимали первое мѣсто возлѣ герцога, то и выбрали случай, когда собравшійся народъ могъ тотчасъ же провозгласить перемѣну правленія. Тиранна предполагалось убить 26 декабря во время одной церемоніи въ соборѣ, въ ту самую минуту, когда духовенство должно было пѣть: „такъ проходитъ слава міра.“ Въ соборѣ присутствовали всѣ вельможи и придворные, гвардія и стрѣлки, послы изъ

Мантуи и Модены и весь народъ. Лампуньяни, сдѣлавъ герцогу лѣвой рукою привѣтствіе, какъ бы желая его просить о чемъ-то, въ то же время схватилъ правою рукою кинжалъ и прокололъ имъ сначала бедро, потомъ горло, а наконецъ и грудь тиранна; въ это время Карлъ Висконти и Джироламо Ольджіати подбѣжали какъ бы на помощь къ герцогу и также нанесли ему нѣсколько ударовъ кинжалами. Всѣ трое сдѣлались однако жертвами своего поступка, потому что никто не выразилъ сочувствія республикѣ: Лампуньяни былъ изрубленъ тутъ же въ церкви. Карлъ Висконти и Ольджіати сначала успѣли скрыться, но черезъ два дня были найдены. Перваго изрубили солдаты во время самой поимки; втораго предали суду, безчеловѣчно пытали и наконецъ предали жестокой казни. До насъ дошли признанія Ольджіати подъ пыткою и взглядъ его на государство и человѣка, выраженный имъ при этомъ случаѣ и почерпнутый изъ писателей древности. Сисмонди приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ нихъ въ своей исторіи итальянскихъ республикъ.

Осьмилѣтній сынъ убитаго герцога, Іоаннъ Галеаццо, былъ безъ всякаго сопротивленія признанъ наслѣдникомъ отца. О революціи не было и помину; но братья убитаго герцога сильно домогались отнять опеку у матери ихъ племянника, Бонны Савойской, невѣстки Людовика XI. Она съ самаго начала поручила управленіе знаменитому ученому и дипломату Чіекко или Франческо Симонеттѣ (т. IX, стр. 423), бывшему въ большой милости у Галеаццо Маріи, котораго жестокостей и распутства онъ однако никогда не одобрялъ. Трое изъ братьевъ Галеаццо Маріи, изгнанные имъ изъ Милана, не были при его смерти, но возвратились скоро послѣ нея и даже получили участіе въ управленіи. Двое изъ нихъ, Людовикъ Моро и Октавіанъ, прославились уничтоженіемъ плана изгнанныхъ генуэзскихъ патриціевъ, которые задумали въ апрѣлѣ 1477 года отдѣлить свое отечество отъ Милана. Они отправились въ Геную съ содержавшимся въ Миланѣ подъ стражею генуэзцемъ Просперо Адорно,

возвратили ему мѣсто, которое онъ занималъ прежде, и благоразумными уступками удержали Генуя за Миланомъ.

Возвратившись изъ Генуи, Людовикъ и Октавіанъ, вмѣстѣ съ другими братьями, составили въ маѣ заговоръ противъ регентши, въ которомъ приняли участіе Донато дель Конте, Робертъ ди Сансеверино и многія знатныя лица, пользовавшіяся прежде покровительствомъ Висконти. Заговорщики хотѣли силою отнять власть у Бонны и Симонетты. Хитрый министръ провѣдалъ однако о замыслѣ и 25 мая пригласилъ Донато къ регентшѣ въ замокъ, гдѣ онъ былъ схваченъ и отправленъ въ Монцу. Братья Сфорцы, а немного позже и Роберто ди Сансеверино, вздумали было съ оружіемъ въ рукахъ требовать освобожденія Донато, но Симонетта своими умными мѣрами не допустилъ ихъ даже до сраженія. Заговорщики разсѣялись: Сансеверино бѣжалъ въ Асти; Октавіанъ Сфорца также бѣжалъ, но былъ преслѣдуемъ и утонулъ, переправляясь черезъ Адду. Изъ остальныхъ братьевъ: Сфорца Марія долженъ былъ возвратиться въ свое герцогство Бари, Людовикъ Моро переселился въ Пизу, а Аскано въ Перуджію.

4. Италія съ 1477 г. до нашествія Карла VIII.

Во время убійства герцога Миланскаго Галеаццо Маріи, вся Италія, по свидѣтельству Маккіавелли, была раздѣлена на двѣ партіи. Одни примкнули къ папѣ Сиксту IV и союзнику его, королю неаполитанскому, другіе къ Флоренціи и Милану, которые со времени послѣдней войны возобновили союзъ съ Венеціей. Во Флоренціи все еще, повидимому, продолжала существовать республика, но на самомъ дѣлѣ Флоренція управлялась, по изгнаніи противниковъ дома Медичи, обоими сыновьями Петра: Юліаномъ и Лоренцо Великолѣпнымъ. Они обратили такъ называемую балію или временное правительство, состоявшее изъ восьми человѣкъ, въ постоянное учрежденіе, тогда какъ прежде балія назначалась только на извѣстное время; выборъ членовъ ея сталъ номинальнымъ, потому

что въ дѣйствительности ихъ назначали сами Медичи. Въ этой баліи сосредоточивались всѣ державныя права народа: она издавала законы, творила судъ, назначала пріоровъ и гонфалоньера, который считался ея президентомъ, и устанавливала налоги. Вслѣдствіе этого захвата власти со стороны Медичи, въ 1478 году составился противъ нихъ заговоръ, главную роль въ которомъ играла фамилія Пацци. Впрочемъ Юліанъ былъ расположенъ къ республикѣ гораздо болѣе своего знаменитаго брата, который любилъ королевскую пышность и соперничалъ въ нѣгѣ и расточительности съ жестокимъ и сладострастнымъ Галеаццо Маріею. Поэтому заговоръ фамиліи Пацци, жертвою котораго сдѣлался Юліанъ, былъ направленъ собственно противъ Лоренцо.

Фамилія Пацци была самою богатою и знатною во Флоренціи послѣ Медичи. Косьма даже искалъ сближенія съ ними посредствомъ брака, а Юліанъ, чтобы привлечь ихъ на свою сторону, хотѣлъ дать имъ новыя почести и богатства; одинъ Лоренцо удалялся отъ нихъ, не смотря на увѣщанія брата, который видѣлъ откуда грозитъ опасность.

Одинъ изъ членовъ этой многочисленной и богатой фамиліи Пацци основалъ торговый домъ въ Римѣ во времена папы Сикста IV, который также былъ недоволенъ Медичи, мѣшавшими ему обогащать его родственниковъ на счетъ церкви, государствъ и частныхъ людей Италіи. Изъ родственниковъ папы Сикста Піетро, Джіованни и Юліанъ ди Ровере пользовались самой дурной славой; поощряемые папой, они своими дѣйствіями сильно поколебали уваженіе къ свѣтской и духовной славѣ римскаго престола въ то самое время, когда на него нападали и то со всѣхъ сторонъ. Піетро Ровере, подъ именемъ кардинала Св. Сикста, получилъ отъ дяди столько доходныхъ мѣстъ, приходовъ и титуловъ, что когда въ 1474 г. онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, вслѣдствіе развратной жизни, носился слухъ, что его отравили его завистники изъ высшаго духовенства. Издержки кардинала св. Сикста въ 1473 году, когда Сигизмундъ д'Эсте, братъ Геркулеса I, герцога феррарскаго, возвращаясь изъ

Неаполя, проѣзжалъ черезъ Римъ, всего лучше покажутъ, до чего доходила въ то время роскошь и расточительность духовныхъ властей, ихъ родственниковъ и любимцевъ. Кардиналъ велѣлъ уложить всю огромную площадь св. Петра богатыми матеріями и на скорую руку выстроилъ на ней для различныхъ празднествъ деревянный дворецъ съ тремя большими залами, поддерживаемыми позолоченными колоннами. Мы не рѣшаемся дѣлать выписки изъ помѣщеннаго у Мураторн въ „Древностяхъ дома Эсте" подробнаго описанія этихъ блестящихъ построекъ и празднествъ; а то намъ пришлось бы разсказывать о блистательныхъ произведеніяхъ искусствъ, разставленныхъ въ этой эфемерной постройкѣ, объ устроенныхъ тамъ фонтанахъ и множествѣ серебряной и золотой посуды на столахъ. Можетъ быть и преувеличено, что Піетро истратилъ на одинъ обѣдъ двадцать тысячъ дукатовъ, но уже одна эта молва доказываетъ, что отъ него можно было ожидать подобной пышности. Кромѣ того, не за долго до смерти онъ купилъ за сорокъ тысячъ дукатовъ городъ Имолу у Таддео Манфреди, котораго изгнали граждане, и подарилъ его своему брату Іерониму ди Ровере, котораго многіе считаютъ сыномъ папы Сикста. Другой племянникъ папы Леонардо ди Ровере былъ намѣстникомъ въ Римѣ; по смерти его мѣсто это досталось Іерониму. Герцогство Урбино папа тоже передалъ своей фамиліи. Сначала онъ наградилъ племянника своего Джіованни ди Ровере значительными имѣніями, назначилъ его, къ сильному неудовольствію кардинальской коллегіи, намѣстникомъ Синигальи и подарилъ приходъ церкви Мондавіо съ окрестными землями. Возвеличивъ его такимъ образомъ, онъ женилъ его на дочери Фредерико Урбино; посредствомъ этого брака герцогство Урбино и перешло къ фамиліѣ Ровере. Почти въ то же время Сикстъ сдѣлалъ кардиналами двухъ другихъ племянниковъ своихъ; одинъ изъ нихъ, Юліанъ ди Ровере, будучи кардиналомъ и впослѣдствіи папою Юліемъ II, прославился дѣлами, вовсе не христіанскими.

Самъ папа, а въ особенности племянникъ его Іеронимъ ди Ровере,

принимали большое участіе въ заговорѣ Пацци и гвельфскихъ фамилій Флоренціи противъ Медичи. Франческо Пацци, банкиръ и казначей папы, и Іеронимъ Ровере составили противъ Медичи заговоръ въ увѣренности, что и папа и король неаполитанскій поддержатъ ихъ предпріятіе, чтобы разстроить посредствомъ его союзъ Флоренціи съ Венеціей и Миланомъ. И точно, папа былъ вовлеченъ въ заговоръ, а король неаполитанскій получилъ извѣстіе о всемъ происходящемъ. Оба предводителя заговора вошли въ сношенія съ архіепископомъ Пизы, Франческо Сальвіати, не за долго передъ тѣмъ оскорбленномъ Медичи. Они сговорились заколоть при какомъ нибудь удобномъ случаѣ Лоренцо и брата его Юліана, низвергнуть существующее правительство и измѣнить конституцію республики съ помощью наемниковъ папскаго начальника кондоттьеровъ Франческо Джіованни ди Толенто, стоявшаго вблизи Флоренціи во главѣ двухъ тысячъ человѣкъ. Ради этой цѣли, племянникъ Іеронима, юноша Рафаэль ди Ровере, посланный папою въ пизанскій университетъ для изученія теологіи, по просьбѣ заговорщиковъ былъ назначенъ кардиналомъ и легатомъ и поѣхалъ во Флоренцію, чтобы въ домѣ его и подъ его защитою могли собираться заговорщики и чтобы присутствіе его во Флоренціи подало поводъ къ какому нибудь обѣду или празднеству, на которомъ можно бы было убить заразъ обоихъ Медичи. Сначала они хотѣли исполнить намѣреніе это въ Виллѣ Пацци въ Фіезоле, куда пригласили кардинала; но Юліанъ не явился туда. Точно также отказался онъ и отъ празднества, устроеннаго ими во Флоренціи. Все это заставляло заговорщиковъ думать, что умыселъ ихъ открытъ, и они стали торопиться выполнить свое намѣреніе какимъ нибудь другимъ способомъ. Архіепископъ пизанскій, пріѣхавшій во Флоренцію, и кардиналъ Рафаэль ди Ровере, получившій приказаніе, какъ папскій легатъ, дѣйствовать по совѣтамъ архіепископа, 26 апрѣля 1478 г. должны были служить торжественную обѣдню, на которой обязаны были присутствовать оба брата Медичи; этотъ день и былъ выбранъ для совершенія

убійства. Заговорщики распредѣлили между собою роли такимъ образомъ: Джіованни Баттиста ди Монтесеко, папскій главнокомандующій и начальникъ наемниковъ, бывшій тогда во Флоренціи, долженъ былъ заколоть Лоренцо, а Пацци и Бернардо Бандини — Юліана. Но и этотъ планъ пришлось измѣнить, потому что Монтесеко еще прежде нашелъ его слишкомъ смѣлымъ и, боясь оскорбленія святыни болѣе, чѣмъ кардиналъ и архіепископъ, не рѣшался совершить, по приказанію папы, убійство передъ алтаремъ. Надо было пріискать другихъ помощниковъ; они нашлись въ лицѣ писца папской канцеляріи, Антоніо ди Вольтерры, и священника Стефано, который былъ многимъ обязанъ Пацци; Маккіавели впрочемъ говоритъ, что оба они были неспособны къ роли, которую на себя приняли *). Сигналомъ къ убійству была выбрана та минута, когда во время обѣдни поднимаютъ дары. Въ то самое время, когда предполагалось убить Лоренцо и Юліана, архіепископъ, вмѣстѣ съ Джакопо Поджіо и своими людьми, должны были занять дворецъ правительства (il palagio publico) и, лишь только смерть обоихъ Медичи сдѣлается извѣстною, принудить членовъ правленія стать за революцію.

Вся церковь уже была полна и служба началась, а Юліана, братъ котораго находился уже въ церкви, все еще не было. Франческо Пацци и Бернардо Бандини, взявшіе на себя убіеніе Юліана, отправились за своей жертвой къ ней на домъ. Только что Юліанъ показался съ ними въ церкви, Бандини положилъ его на мѣстѣ глубокою раною кинжаломъ въ грудь; Франческо Пацци также бросился на трупъ и съ такой яростью вонзилъ въ него кинжалъ, что самъ поранилъ себя. Антоніо и Стефано, напротивъ, только слегка ранили Лоренцо въ шею, такъ что онъ успѣлъ скрыться въ ризницу и запереть дверь; къ нему тотчасъ подоспѣли на помощь его друзья и раздраженный народъ. Мы удержимся отъ замѣчаній о состояніи цивилизаціи народа, который былъ тогда передовымъ по научному и

*) Duoi che per pratica e per natura erano a tanta impresa inettissimi.

и матеріальному своему развитію и дворянство котораго могло играть роль въ такой ужасной сценѣ передъ святыней, передъ многочисленнымъ собраніемъ, въ минуту возношенія святыхъ даровъ. Разумѣется въ этомъ событіи ужаснѣе всего, что убійство подготовлялось главою христіанской церкви, что ближайшее къ нему духовенство одобряло и поддерживало его и что духовное лицо могло обнажить кинжалъ въ алтарѣ. Безумное предпріятіе Пацци имѣло совершенно противуположныя слѣдствія тѣмъ, которыхъ ожидали папа и заговорщики. Согласно уговору, архіепископъ и друзья его бросились ко дворцу правительства; но тамъ самъ гонфалоньеръ, пріоры и прислуга сопротивлялись до тѣхъ поръ, пока солдаты, сторожившіе дворецъ, и народъ не схватились за оружіе и не подоспѣли къ нимъ на помощь. Архіепископа взяли подъ стражу и пригвоздили къ окнамъ дворца, какъ пригвоздили потомъ Джакопо Сальвіати и Джакопо Поджіо. Въ продолженіе четырехъ дней народъ чинилъ свою расправу надъ другими и убилъ при этомъ семьдесятъ аристократовъ. Говорятъ, что впослѣдствіи было убито еще двѣсти человѣкъ. Юноша, игравшій, какъ легатъ, такую роль въ этомъ постыдномъ поступкѣ, былъ пощаженъ. Послѣ убіенія Юліана онъ скрылся въ алтарь, гдѣ его окружило духовенство и спасло такимъ образомъ отъ смерти, но не отъ оскорбленій. Его тоже арестовали, но потомъ выпустили, потому что флорентинцы не хотѣли раздражать папу, который и безъ того отлучилъ ихъ отъ церкви вмѣстѣ съ Лоренцо Медичи за его произвольныя казни множества духовныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ заговорѣ.

Всѣ европейскіе государи, за исключеніемъ короля неаполитанскаго, и венеціанская республика приняли сторону Лоренцо противъ папы; даже турецкій султанъ помогъ Медичи наказать убійцъ его брата, выдавъ флорентинцамъ скрывшагося въ Константинополь Бернардо Бандини, котораго и казнили въ 1479 г. Только папа и король Фердинандъ Неаполитанскій съ неописанной дерзостью относились къ высказавшемуся повсюду общественному мнѣнію и къ настоятельнымъ требованіямъ императора Фридриха III, короля Мат-

тіаса Венгерскаго, Людовика Французскаго, миланскаго правительства и венеціанской республики. Всѣ они требовали, чтобы папа употребилъ деньги, собранныя для крестоваго похода, на войну противъ невѣрныхъ; а Сикстъ затратилъ ихъ на походъ противъ Флоренціи, отлученной имъ уже два раза отъ церкви. Флорентинцы были въ очень стѣсненномъ положеніи, потому что въ то время у нихъ еще не было нанято войско и нельзя было завербовать ни одного изъ мелкихъ государей, промышлявшихъ отдачею въ наемъ своихъ солдатъ. Когда впослѣдствіи они взяли къ себѣ на службу Геркулеса, герцога Феррары, и владѣтелей Римини, Пезаро и Фаенцы, Сикстъ IV отлучилъ отъ церкви и эти города. Образъ дѣйствій папы имѣлъ своимъ послѣдствіемъ, что въ Италіи не стали обращать вниманія на его отлученіе. Въ войнѣ противъ флорентинцевъ въ 1479 г., Сикстъ IV употребилъ упомянутаго выше (т. XI, стр. 32) Роберто ди Сансеверино, который нанимался всюду, гдѣ только велась война или была надежда на грабежъ; за годъ до этого, онъ по требованію папы, который самъ былъ генуезецъ, или вѣрнѣе — по представленію римскаго намѣстника, Іеронима ди Ровере, былъ посланъ въ Геную съ цѣлью отдѣлить ее отъ Милана и привлечь въ союзъ съ папою и неаполитанскимъ королемъ.

Когда Генуя стала грозить отдѣленіемъ отъ Милана, намѣстникомъ въ нее былъ назначенъ изъ Милана Просперъ Адорно (т. IX, стр. 32), который вліяніемъ своимъ и своей фамиліи на народъ, откуда вышли Адорни, могъ уравновѣсить вліяніе дворянъ, составлявшихъ сильную партію подъ предводительствомъ Фрегози и Спинолы. Новое миланское правительство добилось подчиненія Генуи на чрезвычайно выгодныхъ для нея условіяхъ, хотя городъ и укрѣпленія оставались занятыми миланскими войсками. Послѣ заговора во Флоренціи, Сикстъ IV старался склонить Просперо Адорно возстать противъ миланцевъ; Фердинандъ Неаполитанскій то же обѣщалъ ему поддержку для возстановленія независимости Генуи. Потому въ 1478 г. миланское правительство послало

въ Геную епископа комскаго смѣнить Просперо; но епископъ принялся за дѣло такъ неловко, что Просперо успѣлъ вооружить народъ и запереть миланцевъ въ крѣпости и фортахъ. Такъ какъ въ то же время король Фердинандъ прислалъ въ Геную одну галеру съ солдатами, то епископу комскому ничего не оставалось дѣлать, какъ силою оружія завладѣть намѣстничествомъ. Миланцы прислали ему войско, во главѣ котораго стояли Сфорца Висконти и Піетро Франческо Висконти. Оба предводителя были однако неискусны и начали походъ безразсудно, отправясь въ Геную черезъ Боккету. Въ этомъ проходѣ на миланское войско внезапно напалъ Роберто ди Сансеверино, шедшій, по вызову Іеронима ди Ровере, на помощь къ генуезцамъ и собравшій вокругъ себя все населеніе генуезскихъ долинъ, способное носить оружіе, и совершенно разбилъ это войско (7 августа 1478 г.). Потеря со стороны миланцевъ была такъ велика, а их гарнизоны въ генуезскихъ фортахъ находились въ такомъ опасномъ положеніи, что герцогиня регентша сочла за лучшее совсѣмъ отказаться отъ Генуи. Но она всетаки не отдала ея Просперо Адорно и его партіи, а послала туда изъ Милана Баттисту Фрегозо, какъ посылала прежде Просперо Адорно. Фрегозо съ своей старой партіей былъ вначалѣ такъ же счастливъ, какъ и Адорно. Иблетто Фіески и полководецъ короля Фердинанда приняли его сторону, такъ что онъ вскорѣ былъ уже въ состояніи изгнать изъ города Просперо Адорно и Роберто ди Сансеверино, и былъ выбранъ въ дожи.

Миланъ долженъ былъ снова отказаться совершенно отъ Генуи, тѣмъ болѣе что папѣ удалось возстановить противъ герцогини и ея министра Симонетты братьевъ покойнаго герцога и древніе кантоны Швейцаріи.—Сикстъ IV послалъ къ швейцарцамъ нѣсколькихъ ловкихъ итальянскихъ епископовъ съ индульгенціями. Съ помощью большаго числа духовныхъ лицъ, епископы съумѣли доставить своимъ индульгенціямъ хорошій сбытъ и большое значеніе между необразованными и суевѣрными поселянами. Швейцарцы жили грабежемъ и убійствами, въ услуженіи у каждаго значительнаго и

незначительнаго человѣка, который могъ платить имъ. Поэтому они выразили папѣ громкую признательность, когда онъ велѣлъ увѣрить ихъ, что его индульгенціи могутъ освободить ихъ отъ раскаянія и наказанія за всѣ преступленія. Они съ радостью вѣрили этому, такъ какъ вѣрить было и легко и выгодно. Изъ благодарности и по привычкѣ исполнять папскія расположенія, особенно когда они приносили пользу (какъ незадолго передъ тѣмъ при ссорѣ герцога тирольскаго съ папой Піемъ II), швейцарцы охотно согласились на требованіе отпускавшаго прегрѣшенія папскаго легата воспользоваться случаемъ и отнять въ угоду папѣ часть владѣній у малолѣтняго герцога миланскаго. Въ левантинской долинѣ, которая принадлежала Милану, потому что находилась по ту сторону Сен-Готарда и жители ея говорили по итальянски, былъ каштановый лѣсъ, оспариваемый у герцога миланскаго урійцами. Легатъ уговорилъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ миланскаго правительства въ 1478 г. и овладѣть лѣсомъ; чрезъ нихъ были вовлечены въ войну съ Миланомъ и другіе кантоны. Въ декабрѣ 1478 г. урійцы, значительно подкрѣпленные бернцами, цюрихцами, фрейбургцами и жителями другихъ кантоновъ, напали на левантинскую долину и, грабя и сожигая все на пути, пробрались до Беллинцоны. Но въ этомъ городѣ стояли миланскія войска, и швейцарцы не рѣшились брать штурмомъ такое важное для нихъ въ торговомъ отношеніи мѣсто. Они отступили отъ Беллинцоны и направили путь свой черезъ Монте-Ченере къ Лугано, чтобы ворваться въ самую Италію. Но такъ какъ время года имъ не благопріятствовало, то они скоро воротились домой черезъ горы, оставивъ гарнизонъ въ Джіорнико и около шести сотъ урійцевъ въ долинѣ. Противъ послѣднихъ двинулось съ нижнихъ частей долины миланское войско, состоявшее, съ подкрѣпленіями маркграфа мантуанскаго, изъ пятнадцати тысячъ человѣкъ. Урійцы заняли сначала крутизны горъ и запрудили рѣку Тичино, такъ что воды ея затопили всѣ луга и миланцы едва могли двигаться вверхъ по льду; между тѣмъ швейцарцы, стоя на возвышенностяхъ, пригото-

влялись надлежащимъ образомъ къ битвѣ на льду. Приведя сначала въ безпорядокъ непріятеля выстрѣлами и скатываніемъ обломковъ скалъ, они бросились съ верху на него. Миланцы не могли двинуться ни взадъ ни впередъ, ихъ неподкованныя лошади падали и загораживали имъ дорогу, а какой-то вырвавшійся мулъ распространилъ вдругъ такой непонятный страхъ, что все войско пришло въ разстройство и бросилось бѣжать. Впрочемъ, по словамъ Маккіавелли, это не рѣдко случалось съ кондоттьерами*). У итальянцевъ, число которыхъ превышало швейцарцевъ въ восемь разъ, было — по швейцарскимъ извѣстіямъ — полторы тысячи убитыхъ, а по итальянскимъ свѣдѣніямъ всего восемь сотъ; кромѣ того было взято множество плѣнныхъ, — изъ нихъ часть продана была королю неаполитанскому на галеры, а большинство, обобранное до послѣдней рубашки, отослано домой. Урійцы охотно бы продолжали войну, но другіе союзники, принявъ посредничество короля Людовика Французскаго, заключили на сносныхъ условіяхъ мирный договоръ, по которому имъ облегчался ввозъ въ Италію ихъ масла, сыру, лошадей, мѣховъ и кожи. Этотъ миръ не помѣшалъ однако швейцарцамъ, уже тогда нанимавшимся къ иностранцамъ и давно продавшимся въ вѣчную службу Людовику, заключить съ папой условіе о поставкѣ ему войска. По первому требованію папы они должны были выставлять ему солдатъ, и за каждый годъ службы получали по тысячѣ дукатовъ; кромѣ того папа обывался выдавать впередъ деньги на вооруженіе этихъ солдатъ и платить каждому пѣшему по пяти, а конному по десяти гульденовъ жалованья. При этомъ надо замѣтить, что эти уплаты, какъ указываетъ Іоаннъ фонъ Мюллеръ, производились, по крайней мѣрѣ частію, изъ денегъ, собранныхъ съ горныхъ поселянъ за послѣднія индульгенціи.

*) Di tanta poltroneria e disordine erano allora quelli eserciti ripieni, che nel voltare un cavallo la testa o la groppa dava la perdita o la vittoria d'una impresa.

Отдѣляя Геную отъ миланскаго герцогства и нанимая швейцарцевъ для войны противъ него, папа Сикстъ IV въ то же время не только поддерживалъ войну съ флорентинцами, противъ Лоренцо Медичи и его партіи, но и возбудилъ братьевъ убитаго герцога миланскаго противъ регентши Бонны и министра ея Симонетты. Скоро Флоренцію стали сильно тѣснить папскіе предводители съ своими наемными толпами; въ добавокъ Альфонсъ Калабрійскій, сынъ короля неаполитанскаго Фердинанда, напалъ на Тоскану. Самъ Лоренцо не былъ воиномъ и не держалъ, какъ венеціанцы, у себя въ услуженіи наемниковъ и предводителей на жалованьи. Правда, флорентинцы наняли, какъ мы уже замѣтили (т. XI, стр. 38), герцога Геркулеса Феррарскаго, Малатесту изъ Римини, Констанцо Сфорцу изъ Пезаро и Манфреда изъ Фаенцы, незадолго передъ тѣмъ служившихъ папѣ, а венеціанцы уступили имъ своихъ предводителей кондоттьеровъ, Карла ди Монтоне и Деифоба д'Ангвиллару. Но всѣ они берегли наемниковъ, какъ свою собственность, и разъѣзжали взадъ и впередъ, не предпринимая ничего важнаго. Въ 1478 и въ слѣдующемъ году флорентинскіе предводители, въ особенности герцогъ Геркулесъ, задерживали движеніе папскаго полководца Сансеверино впередъ, но въ Іюнѣ 1479 г. Альфонсъ Калабрійскій разбилъ Геркулеса, а Роберто ди Сансеверино заключилъ въ то же время союзъ съ тремя изгнанными дядями молодаго герцога миланскаго (т. XI, стр. 32), что заставило миланцевъ отозвать свои войска изъ Тосканы. Впрочемъ одинъ изъ трехъ братьевъ Сфорца, герцогъ Бари, умеръ вслѣдъ за тѣмъ, какъ они условились съ папскимъ главнокомандующимъ предпринять походъ на Миланъ. Онъ умеръ скоропостижно и, по тогдашнему обыкновенію предполагать отраву при неожиданной кончинѣ каждаго государя или важнаго лица, обвиненіе пало на двухъ его братьевъ. Характеръ итальянскихъ государей вообще оправдывалъ такое подозрѣніе, а братъ покойнаго Людовикъ Моро совершилъ потомъ столько злодѣяній, что такому обвиненію легко вѣрили.

Людовикъ Моро, наслѣдовавшій Бари послѣ брата, соединилъ своихъ наемниковъ съ войсками Сансеверино, 10 августа неожиданно явился передъ миланскимъ городомъ Тортоною и, завязавъ сношенія съ жителями, былъ впущенъ въ городъ черезъ тринадцать дней. Тогда, оставивъ Сансеверино въ Тортонѣ, онъ направился къ Милану. Здѣсь начальникъ крѣпости, котораго онъ заранѣе привлекъ на свою сторону, отворилъ ему ворота, и Людовикъ Моро взволновалъ противниковъ правительства. Регентшѣ совѣтовали принять его въ городъ и примириться съ нимъ. Это произошло 8 сентября 1479 г., и народъ ликовалъ, видя опять всю фамилію Сфорца въ городѣ. Войска Людовика были впущены и во всѣ другіе укрѣпленныя мѣста, такъ какъ онъ имѣлъ хитрость занять Тортону не отъ своего лица, а отъ имени племянника. Говорятъ, что въ одинъ день около сорока двухъ замковъ прислали ему свои ключи. То обстоятельство, что герцогиня регентша впустила его въ городъ Миланъ и съ почестью приняла при своемъ дворѣ, приписывалось въ особенности вліянію Антоніо Тоссони, уроженца Феррары, придворнаго служителя низкаго происхожденія, который вполнѣ овладѣлъ благосклонностью герцогини и желалъ свергнуть стараго Симонетту и его партію. И точно, черезъ три дня по вступленіи Людовика въ Миланъ, Симонетта, сынъ его, братъ и всѣ друзья были схвачены и отвезены въ Павію.

Съ этого времени начинаются несчастія, преслѣдовавшія племянника Людовика, Іоанна Галеаццо, вплоть до его смерти. Сначала, послѣ страшныхъ пытокъ, въ октябрѣ 1480 г., въ Павіи отрубили голову Симонеттѣ, оказавшему безсмертныя услуги фамиліи Сфорца и Милану. Потомъ измѣнилось въ Миланѣ правительство; арестовали Тоссони со всѣмъ его семействомъ и вывезли изъ города; восьмилѣтній герцогъ Іоаннъ Галеаццо былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ (7 ноября); его мать отрѣшили отъ регентства, и правленіе перешло въ руки Людовика. Герцогиня оставила городъ и поселилась въ Аббіате Гроссо. Овладѣвъ Миланомъ, Людовикъ примкнулъ къ Лоренцо Медичи и Фердинанду Неаполитанскому, со-

единившимся противъ Венеціи и завоевательныхъ плановъ папы Сикста IV и его племянниковъ. Фердинандъ возвратилъ ему тогда герцогство Бари, наслѣдованное Людовикомъ послѣ старшаго брата.

Средоточіемъ политическихъ переговоровъ Италіи была Флоренція, съ виду еще демократическая республика, а на дѣлѣ — царская собственность Лоренцо Великолѣпнаго. Въ 1479 году, когда предпріятіе Людовика Моро лишило Флоренцію помощи Милана, она была такъ стѣснена папскими и неаполитанскими войсками, а Венеція помогала ей такъ плохо, что люди, стоявшіе во главѣ правительства, начинали отчаяваться; но смѣлая выходка Лоренцо спасла республику. Въ концѣ 1479 года Лоренцо, воспользовавшись перемиріемъ, заключеннымъ между Флоренціей, папой и Фердинандомъ Неаполитанскимъ на десять дней, отправился самъ въ Неаполь для переговоровъ съ Фердинандомъ. Всѣ были удивлены неожиданнымъ и неблагоразумнымъ поступкомъ главы флорентинской республики; но Лоренцо надѣялся на громадныя суммы, которыя намѣревался истратить на короля и его дворъ. Заставивъ избрать себя депутатомъ флорентинской республики съ неограниченной властью, онъ передалъ управленіе городомъ выбранному подъ его руководствомъ комитету, а мѣсто свое въ государствѣ уступилъ на время Ѳомѣ Содерини и потомъ уже уѣхалъ въ Неаполь. Онъ былъ принятъ здѣсь какъ король и, по словамъ Маккіавелли *), своимъ краснорѣчіемъ и глубокимъ взглядомъ на запутанную политику Италіи и на отношеніе папской церкви къ государству умѣлъ расположить короля Фердинанда совершенно въ свою пользу. Маккіавелли, правда, прибавляетъ, что Фердинандъ при этомъ случаѣ не измѣнилъ себѣ; получивъ извѣстіе отъ аристократической партіи во Флоренціи, что отсутствіемъ Лоренцо хотятъ воспользоваться для рево-

*) Quel re si maravigliò più, poi che l'ebbe udito, della grandezza del animo suo e della destrezza dell' ingegno e gravità del giudizio, che non s'era prima dell' avere egli solo potuto sostenere tanta guerra maravigliato.

люціи, онъ медлилъ заключать союзъ, пока во Флоренціи все не успокоилось. Наконецъ въ мартѣ 1480 г. состоялся между Неаполемъ и Флоренціей миръ, къ которому присоединился и Людовикъ Моро, такъ что въ 1481 году съ одной стороны стояли Неаполь, Миланъ и Флоренція, а съ другой Венеція и папа.

Въ то время Сикстъ IV надѣялся завладѣть Феррарой для своего племянника Іеронима ди Ровере. Нельзя не удивляться, что послѣ страшныхъ бурь, обрушившихся на Римъ во время соборовъ констанцскаго и базельскаго даже со стороны высшаго духовенства, послѣ совершеннаго отпаденія Богеміи, обнародованія статута Praemunire въ Англіи (т. X, стр. 8) и изданія прагматической санкціи во Франціи (т. IX, стр. 237) папы, подобные Сиксту IV, могли такъ безумно довѣряться прочности существующаго порядка и итти не только противъ народа, но и противъ государей. Въ 1480 года Сикстъ воспользовался частью собранныхъ христіанскимъ міромъ денегъ для войны съ турками, чтобы завладѣть въ пользу своего племянника имѣніями дома Орделаффи въ Романьи, и занявъ венеціанцевъ до́ма, удержалъ, ихъ отъ поддержки родосскихъ рыцарей, пріобрѣвшихъ тогда безсмертную славу въ борьбѣ съ султаномъ Мухаммедомъ II. Тогда дошло даже до того, что турки высадились на землѣ единственнаго христіанскаго государя, пославшаго помощь храбрымъ защитникамъ Родоса, въ то самое время, какъ папа держалъ войско, чтобы грабить христіанскихъ государей. Грозному завоевателю Константинополя хотѣлось передъ смертью увѣнчать свои побѣды надъ христіанами отнятіемъ острова Родоса у рыцарей, которые воевали съ исламомъ такъ же, какъ Мухаммедъ съ христіанствомъ, не давая ему покоя ни въ его собственной столицѣ, ни въ архипелагѣ, ни на берегахъ. Мухаммедъ собралъ свои огромныя морскія и сухопутныя силы противъ острова Родоса ичуть не похоронилъ всѣхъ рыцарей подъ развалинами разрушенныхъ имъ стѣнъ, но все-таки принужденъ былъ оставить это предпріятіе. Родосское рыцарство, составленное изъ лучшихъ представителей воин-

ственнаго дворянства Европы, и въ особенности Франціи, пріобрѣло тогда безсмертную славу, вмѣстѣ съ королемъ Фердинандомъ Неаполитанскимъ, который своимъ флотомъ, посланнымъ на помощь храбрымъ бойцамъ, заставилъ султана снять осаду Родоса. Турки отмстили за это тѣмъ, что напали на землю неаполитанскаго короля, а венеціанцы покрыли себя позоромъ, такъ какъ ихъ считали виновниками этого похода.

Въ іюлѣ 1480 г. турецкій флотъ показался у береговъ Апуліи и высадилъ войско, которое подъ предводительствомъ Ахмеда Паши тотчасъ напало на цвѣтущій и хорошо укрѣпленный городъ Отранто. Въ это время, неаполитанцы, подъ начальствомъ наслѣднаго принца Альфонса, были заняты въ Тосканѣ войной противъ венеціанцевъ, папы и множества мелкихъ владѣтелей, вступившихъ въ союзъ съ Сикстомъ и отдавшихъ своихъ солдатъ подъ начальство папскаго родственника Іеронима ди Ровере и гонфалоньера или главнокомандующаго Фредерико ди Урбино. 21 августа Отранто былъ взятъ штурмомъ. Турки совершили надъ жителями города ужасныя жестокости, показывающія и грубый, дикій характеръ этого народа, и злобу султана Мухаммеда II, нарочно пославшаго Ахмеда Пашу въ Италію, чтобы отмстить за позоръ, которому онъ подвергся на Родосѣ. Сомнительно впрочемъ чтобы Турки, какъ говорятъ, изрубили и бросили на морскомъ берегу около десяти тысячъ христіанъ. Ахмедъ Паша, вскорѣ послѣ того отозванный Мухаммедомъ, оставилъ въ Отранто семь тысячъ человѣкъ пѣхоты и пятьсотъ всадниковъ и еще сильнѣе укрѣпилъ городъ. Турки очевидно имѣли намѣреніе водвориться въ Апуліи и уже задумали походъ противъ Бриндизи, когда Альфонсъ поспѣшилъ изъ Тосканы на защиту своей родины. Передъ удаленіемъ изъ Тосканы онъ впрочемъ совершилъ неизвинительный насильственный поступокъ, завладѣвъ измѣннически республикой Сіеной, незадолго передъ тѣмъ призвавшей его къ себѣ на помощь противъ Флоренціи.

Только тогда папа снялъ съ флорентинцевъ отлученіе отъ церкви, чего они такъ долго и тщетно просили. При этомъ они

должны были согласиться на самыя унизительныя условія въ наказаніе за жестокости, совершенныя ими съ духовными лицами, пойманными на дѣлѣ, при заговорѣ Пацци. Противъ турокъ въ Апуліи былъ заключенъ союзъ, въ которомъ приняли участіе папа, герцогъ миланскій, король венгерскій Матфій Корвинъ, герцогъ феррарскій, маркграфы мантуанскій и монферратскій и города Флоренція, Генуя, Сіена, Лукка и Болонья. Португалія и Арагонія тоже изъявили готовность послать войска. Но единственное государство, которое могло оказать немедленную помощь, Венеція, не хотѣла ничего знать. Помощь была оказана неаполитанцамъ только венгерцами, генуэзцами и папой: Матфій Корвинъ послалъ тысячу семьсотъ человѣкъ пѣхоты и триста всадниковъ, а генуэзцы и папа дали двадцать двѣ галеры. Корабли эти находились подъ начальствомъ извѣстнаго уже намъ архіепископа, генуэзскаго дожа и морскаго разбойника, Паола Фрегозо (стр. 17), котораго въ маѣ 1480 г. папа сдѣлалъ кардиналомъ. Передъ Отранто они соединились съ неаполитанскимъ флотомъ, состоявшимъ изъ восьмидесяти галеръ, подъ начальствомъ адмирала Караччіоли. Не смотря на всѣ сборы и шумъ, съ которымъ заключенъ былъ союзъ, турокъ все таки не изгнали бы изъ Апуліи, если бы смерть Мухаммеда II (въ маѣ 1481 г.) и волненія въ османской имперіи не помѣшали имъ получить подкрѣпленія. Альфонсъ напрасно стоялъ передъ Отранто до самой смерти Мухаммеда; турки владѣли городомъ до октября и удалились только потому, что внутреннія безпокойства въ Турціи не прекращались и ждать поддержки оттуда имъ было нельзя.

Папа и венеціанская республика сговорились между тѣмъ отнять владѣнія у герцога феррарскаго, Геркулеса д'Эсте, и раздѣлить ихъ между Венеціей и племянникомъ папы. Для этого въ 1481 г. Іеронимъ делла Ровере отправился самъ въ Венецію, а въ слѣдующемъ году венеціанцы объявили войну герцогу Геркулесу. Сами того не зная и не желая, они подали первый поводъ къ новому появленію въ Италіи французскихъ, нѣмецкихъ и испанскихъ войскъ.

Нападеніе на герцога феррарскаго заставило флорентинцевъ, короля Фердинанда и миланскаго регента, Лудовико Моро, державшаго своего племянника въ неволѣ, уже въ маѣ 1482 года вызвать изъ Рима своихъ пословъ и объявить, что они подадутъ помощь тѣсно соединенному съ ними дому Эсте. Вспыхнула всеобщая война, за которую весь христіанскій міръ проклиналъ папу и домъ Ровере. Въ этой войнѣ, подробности которой были бы излишни въ такомъ сочиненіи, какъ наше, Бентиволіо болонскіе и Колонна и Савелли изъ Церковной Области были противъ папы, а Фіеско изъ Генуи и Орсини изъ Церковной Области за него; венеціанскимъ войскомъ командовалъ Роберто ди Сансеверино, помогавшій Лудовико Моро завладѣть Миланомъ и потомъ совершенно разошедшійся съ нимъ. Папа скоро замѣтилъ, что венеціанцы, выигравшіе нѣсколько сраженій и уже отнявшіе нѣсколько крѣпостей у герцога феррарскаго, намѣреваются обмануть его самого и его родственниковъ, какъ до сихъ поръ обманывали всѣхъ, съ кѣмъ имѣли дѣло; поэтому онъ вдругъ совершенно неожиданно присталъ къ противной партіи. Въ концѣ 1482 года, по настоянію кардиналовъ и подкупленнаго непріятелемъ Іеронима делла Ровере, онъ заключилъ миръ съ Неаполемъ и присоединился къ союзу, образовавшемуся въ пользу герцога феррарскаго. Такимъ образомъ въ началѣ 1483 года почти вся Италія ополчилась противъ Венеціи, могущество и богатство которой достигли около того времени высшей степени развитія. Владѣнія ея, какъ теперь британскія, расширялись съ каждымъ годомъ; политикѣ и страшной полиціи ея удивлялся даже самъ Лудовикъ XI и старался ввести у себя нѣчто подобное; религія, гуманность и страхъ передъ вѣчнымъ закономъ правды никогда не удерживали венеціанской олигархіи отъ чего бы то ни было, что казалось полезнымъ въ данную минуту. Нѣсколько пораженій не пугали венеціанцевъ; богатство ихъ давало имъ возможность нанимать толпы людей, дѣлавшихъ изъ войны ремесло; они такъ и поступили и старались не только завербовать себѣ молодаго Рене Лотарингскаго, но и

переманить къ себѣ полтораста турокъ изъ тѣхъ пятисотъ, которыхъ Альфонсъ Калабрійскій взялъ къ себѣ въ службу при взятіи Отранто и послалъ на помощь къ папѣ. Духовной власти папы венеціанцы тоже не очень-то боялись; они такъ же смѣялись надъ его отлученіями, какъ и надъ увѣщаніями, тогда какъ флорентійцы еще незадолго передъ тѣмъ налагали на себя тяжелыя, строгія эпитемьи и церковныя наказанія, чтобы избавиться отъ отлученія. Когда венеціанцы осадили герцога феррарскаго въ его столицѣ, папа послалъ сначала ихъ сенату увѣщанія, потомъ обложилъ городъ и его владѣнія интердиктомъ, хотя даже патріархъ аквилейскій открыто упрекалъ его, что въ кардинальской коллегіи онъ проклинаетъ венеціанцевъ за такую вещь, которую прежде самъ приказывалъ и о которой съ жаромъ хлопоталъ. Венеціанцы, не смотря на отлученіе и интердиктъ, продолжали войну; противъ папы и кардинальской коллегіи они аппелировали предстоявшему собору, наказали священниковъ, не совершавшихъ богослуженія, не позволяли духовенству своему даже распечатавать папскія письма, и велѣли патріархамъ своимъ созвать совѣтъ и пригласить на него папу.

Хотя въ 1483 году Феррара и была спасена, такъ какъ миланскія и неаполитанскія войска раззоряли венеціанскія владѣнія въ сѣверной Ломбардіи отъ Бергамо и Брешіи до самой Вероны; но съ другой стороны герцогъ Калабрійскій и регентъ миланскій уже начинали ссориться въ этомъ году, а въ слѣдующемъ совершенно разошлись. Главная причина ссоры между Альфонсомъ Калабрійскимъ и Лудовикомъ Моро слѣдующая: Альфонсъ обѣщалъ отдать дочь свою Изабеллу замужъ за молодаго герцога Іоанна Голеацко; но, при нападеніи своемъ на Ломбардію, увидалъ, что тотъ никогда не достигнетъ престола, потому что дядя его Лудовико Моро забралъ въ свои руки всю власть въ Миланѣ. Изъ за этого-то возгорѣлась его вражда съ Лудовикомъ. Венеціанцы, провѣдавъ объ этомъ, тотчасъ же обѣщали регенту миланскому, помочь ему удержать за собою владѣніе этимъ герцогствомъ, и

тѣмъ парализировали дѣятельность его въ пользу союза. Споры и безпокойства въ церковной области мѣшали папѣ и Іерониму Ровере предпринять что нибудь; а флорентинцы берегли свои деньги. Поэтому венеціанцамъ легко было противиться всей соединенной противъ нихъ Италіи. Папа Сикстъ IV напрасно старался унизить ихъ духовнымъ или свѣтскимъ оружіемъ; онъ не могъ даже удержать въ союзѣ своемъ Лудовика Моро и многихъ незначительныхъ владѣтелей сѣверной Италіи. Лудовикъ Моро уговорился съ венеціанцами объ условіяхъ мира, и вызвалъ союзниковъ своихъ въ Баньоло. Тутъ всѣ въ одинъ день приняли его условія, и 7 августа 1484 г. былъ заключенъ миръ безъ папы и короля неаполитанскаго, и миръ этотъ водворилъ спокойствіе по крайней мѣрѣ въ Верхней Италіи, отъ Лукки до озеръ на сѣверѣ и до Феррары на востокѣ. При этомъ были въ выигрышѣ только одни венеціанцы; мелкіе же владѣтели всѣ остались въ проигрышѣ, и герцогъ феррарскій лишился не только Ровиго, но и всей страны Полезины. Въ областяхъ же церковной, неаполитанской и тосканской хотя и продолжались безпокойства, но по крайней мѣрѣ не велось настоящей войны.

Папа Сикстъ IV, доставившій племяннику своему, кардиналу Юліану, важныя крѣпости, и сдѣлавшій брата его Іоанна княземъ Синигаліи и префектомъ Рима, умеръ въ ночь на 13 августа; упомянутый племянникъ его Юліанъ и при слѣдующемъ папѣ, Иннокентіи VIII, остался во главѣ военныхъ силъ, которыя доставилъ ему Сикстъ. Новый папа не имѣлъ военныхъ наклонностей предшественника своего; да кромѣ того не имѣлъ ни энергіи ни принциповъ, и для достиженія папства заключилъ съ кардиналами условія, связавшія его по рукамъ и по ногамъ. У него было семь человѣкъ дѣтей, сыновей и дочерей, которыхъ онъ открыто признавалъ, хотя и не покровительствовалъ имъ подобно предшественнику своему. Онъ былъ не слишкомъ совѣстливъ и, вступивъ въ должность, далъ тотчасъ понять, что не считаетъ пред-

шествовавшихъ обязательствъ дѣйствительными, если они будутъ стѣснять его.

Въ ссору неаполитанскихъ вельможъ съ ихъ королемъ былъ замѣшанъ и Иннокентій, въ то время, какъ Лоренцо Медичи принималъ участіе въ замыслахъ Романьи, Болоньи и самаго Рима. Чтобы не слѣдить за однимъ лицомъ, мы выберемъ нѣсколько случаевъ изъ перваго года царствованія этого папы; они покажутъ состояніе нравовъ въ странѣ, являвшейся, сравнительно съ другими, и вѣрующей, и набожной. Первый изъ этихъ ужасныхъ случаевъ — убійство Іеронима Ровере, племянника папы Сикста IV, бывшаго во время царствованія дяди своего не только владѣтелемъ Имолы, но и Форли, откуда изгнали Орделафи. Іеронимъ былъ женатъ на Катеринѣ Сфорца, сестрѣ молодаго герцога миланскаго; при смерти папы Сикста, она владѣла замкомъ св. Ангела, и передала его кардиналамъ только когда получила отъ нихъ значительную сумму денегъ. Тогда оба они удалились въ Форли и Имолу. Тутъ они спокойно жили, владѣя своими помѣстьями, покавъ 1488 году кардиналъ Юліанъ, обобравшій когда-то въ ихъ пользу владѣтеля Форли, своего родственника, не вздумалъ возвратить ему отнятое. Юліанъ не побоялся убійства для достиженія своей цѣли. 14 апрѣля, въ Форли, три убійцы зарѣзали Іеронима въ его собственномъ домѣ, взяли сыновей его, сдѣлали возваніе народу о свободѣ, и заперли въ крѣпость вдову убитаго. Это дѣло одобрилъ не только Лоренцо Медичи, котораго подозрѣвали въ причинѣ этого убійства, но и папа Иннокентій; надѣясь пріобрѣсти въ свою пользу Имолу и Форли, онъ хотѣлъ послать войска на помощь убійцамъ. Стойкость Катерины Сфорца разстроила намѣренія кардинала Юліана. Напрасно грозили ей повѣсить ея дѣтей передъ ея глазами; она не поддавалась и просила помощи у Лудовика Моро миланскаго; Лудовикъ послалъ ей войска, ее освободили, и сынъ ея наслѣдовалъ престолъ отца. Лоренцо старался скрыть участіе свое въ этомъ дѣлѣ, а папа изъ робости покорился обстоятельствамъ.

Почти въ то же время въ Фаэнцѣ совершалось еще худшее злодѣяніе. Царствовавшій тамъ Манфреди былъ женатъ на Францескѣ, дочери Іоанна Бентиволіо, фамилія котораго пользовалась въ Болоньи такимъ же уваженіемъ и могуществомъ, какъ Медичи во Флоренціи, и который командовалъ миланскими войсками, посланными на помощь Катеринѣ Сфорца. Франческа, воображавшая себя оскорбленною своимъ мужемъ, рѣшилась убить его. Въ спальнѣ своей она спрятала убійцу, который долженъ былъ схватить и держать ея мужа, лишь только онъ войдетъ, пока трое другихъ, спрятанныхъ подъ постелью, не убьютъ его. Такъ какъ Манфреди оказался сильнѣе бандита, то Франческа сама соскочила съ постели, и проколола мужа шпагой. Послѣ убійства, отецъ Франчески двинулся туда съ миланскими войсками изъ Форли, чтобы извлечь выгоду изъ этого случая. Но жители Фаэнцы взялись за оружіе, разбили миланцевъ, и взяли въ плѣнъ самого Бентиволіо. Видя однакожь, что на прочность всего этого положиться нельзя, они обратились къ Лоренцо Медичи. Лоренцо доставилъ имъ защиту флорентинцевъ, освободилъ Бентиволіо и распространилъ такимъ образомъ владѣнія Флоренціи и въ церковной области.

Оба эти случая, выбранные изъ множества подобныхъ, могутъ служить яснымъ примѣромъ состоянія нравовъ, политики и того, какъ мѣнялись правленія и правители въ Средней Италіи. Теперь, прежде чѣмъ перейти къ появленію французовъ въ Италію, бросимъ еще взглядъ на Неаполь. Три послѣдніе папы не требовали съ этого королевства военнаго налога, слѣдуемаго по договору папѣ, какъ главному ленному владѣтелю, а довольствовались представленіемъ имъ иноходца, въ знакъ покорности. Они не требовали налога частью изъ политическихъ видовъ, частью принимая во вниманіе, что король неаполитанскій употреблялъ большія суммы на турецкую войну и вмѣстѣ съ Родосскими рыцарями заботился о защитѣ итальянскихъ береговъ противъ невѣрныхъ. Иннокентій VIII, напротивъ того, нарочно искалъ ссоры съ Неаполемъ, зная что бароны недовольны королемъ и его сы-

номъ Альфонсомъ Калабрійскимъ; изъ безпокойствъ въ Неаполѣ папа надѣялся извлечь выгоду для своего сына Франческино Чибо. И точно, 1485 году, когда папа не принялъ посланнаго ему королемъ при его вступленіи на престолъ, иноходца, неаполитанскіе бароны возстали противъ тиранніи короля и сына его. Герцогъ Калабрійскій не только требовалъ отъ бароновъ подати, которой они до сихъ поръ не платили, но и велѣлъ посадить въ темницу не желавшихъ платить — графа Монторіо и герцога Асколи съ ихъ семействами. Тогда произошло всеобщее возстаніе бароновъ, сговорившихся предварительно съ папой, и призвавшихъ его, какъ главнаго леннаго владѣльца и судью, судить короля. Во главѣ заговора стояли два человѣка; одинъ изъ нихъ, своими громадными торговыми дѣлами на востокѣ и западѣ, достигъ такого же значенія, какъ Медичи и такихъ несмѣтныхъ богатствъ, что ему довѣряли большія суммы знатнѣйшія фамиліи и самъ король. Другой же достигъ большаго богатства ученостью и знаніемъ дѣла, такъ же какъ и благосклонностью короля. Первый изъ нихъ былъ Франческо Каппола, сдѣланный королемъ графомъ Сарно, а второй — Антонелло Петручи, бывшій секретаремъ, или, лучше сказать, стоявшій во главѣ кабинета, король, покровительствовалъ ему какъ лучшему ученику знаменитаго археолога и филолога Лаврентія Валла (т. IX, стр. 437). На сколько король, уважалъ ихъ, на столько ненавидѣлъ корыстолюбивый, жестокій тираннъ, герцогъ Альфонсъ Калабрійскій, и потому-то они и составили противъ него заговоръ. Они намѣревались, когда соберутся всѣ бароны по случаю свадьбы Траяна Карачіоли, сына герцога Мельфи, просить папу призвать въ Неаполь потомка дома Анжуйскаго. Хотя изъ дома Анжуйскаго оставался только одинъ человѣкъ, годный для цѣли папы, Рене или Райнеръ II Лотарингскій (т. X, стр. 240), но и онъ, послѣ приглашенія папы, не явился предъявить право свое на Неаполь. Король же Неаполитанскій, или, лучше сказать, сынъ его, двинулся на Церковную область, и тѣснилъ папу тамъ и въ Римѣ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ; Миланъ и Флоренція подали папѣ

такую помощь, что ясно было видно, какъ мало принимають въ немъ они участія. Такъ какъ и безъ того папскимъ владѣніямъ были въ тягость плохо содержимыя войска варваровъ, то Иннокентій съ радостью ухватился за представлявшійся ему предлогъ съ честью выйти изъ затрудненія. Именно, король Іоаннъ II Арагонскій и сынъ его, Фердинандъ Католикъ, съ своей женой, случайно пріѣхавшіе въ Сицилію, предложили свое посредничество принятое Иннокентіемъ. Такимъ образомъ, 12 августа 1486 г. былъ заключенъ миръ, на который король неаполитанскій и сынъ его согласились, потому что удержать его было не въ ихъ волѣ, и они притомъ очень хорошо знали, что папа, заключивъ миръ, не будетъ болѣе заботиться о баронахъ. По договору о мирѣ, король Фердинандъ обязывался присылать папѣ ежегодный взносъ, который платили предшественники его, и не нарушать болѣе ни бароновъ, ни свободы города Аквилы, присоединившагося къ заговору, а тѣмъ менѣе не наказывать бароновъ и не мстить имъ.

Хотя за исполненіе этихъ обѣщаній поручились король арагонскій и Лоренцо Медичи, но неаполитанскіе тиранны знали, что первый скоро будетъ очень далеко отъ Неаполя, а послѣдній совсѣмъ не сочувствуетъ дѣлу бароновъ. Такимъ образомъ они скоро жестоко отмстили своимъ вельможамъ, понадѣявшимся на клятвенныя обѣщанія короля, и нѣсколько позже такимъ же образомъ обманули и папу. Всѣ неаполитанскіе бароны, принимавшіе участіе въ заговорѣ, пали жертвою своей довѣрчивости; только князь салернскій и сыновья владѣтеля Визиньяно, не довѣряя этому миру, отправились къ папѣ, но такъ какъ не могли убѣдить его начать войну, то поѣхали во Францію, гдѣ наслѣдникъ Людовика XI, Карлъ VIII, вздумалъ придать вѣсъ правамъ на Неаполь, доставшимся отцу его черезъ Карла Менскаго (т. X, стр. 300). Фердинандъ и сынъ его Альфонсъ пригласили всѣхъ участниковъ послѣдней войны въ Неаполь, гдѣ король хотѣлъ блистательно отпраздновать свадьбу графа Сарно съ дочерью герцога Амальфи, племянника Фердинанда. Всѣ явились, и свадьба была

пышно отпразднована въ Кастельнуово; но вдругъ Фердинандъ велѣлъ арестовать жениха и отца его, всѣхъ ихъ родныхъ и пріятелей, и разграбить дворцы ихъ какъ въ Неаполѣ, такъ и въ Сарно. Такъ какъ всюду выражалось сильное неудовольствіе, то назначили для виду судъ, и начали форменный процессъ; судя по составу суда, легко было приговорить четырехъ важнѣйшихъ вельможъ, какъ государственныхъ измѣнниковъ. Потомъ ихъ казнили одного за другимъ, но не въ скоромъ времени, боясь дѣйствовать поспѣшно. Двое изъ нихъ, графъ Сарно и министръ (Secretario), были казнены въ маѣ 1489 г. Послѣ этой казни правители пріостановились на нѣкоторое время, боясь всеобщаго возстанія. 11 октября 1489 г. они посадили въ тюрьму владѣтеля Альтамуры, владѣтеля Базиньяно, герцога Мельфи, герцога Нардо, графа Морконе, графа Лоріа, графа Мелито, графа Ноя и множества другихъ, и потомъ всѣ они въ различное время были умерщвлены различными способами. Тогда былъ казненъ и герцогъ Суэсса, содержавшійся въ темницѣ уже двадцать пять лѣтъ. Впрочемъ старались распустить слухъ, что заключенные бароны еще живы, и для этой цѣли король велѣлъ посылать въ тюрьму каждый день ѣду. Дѣти и жены казненныхъ были тоже заключены, подъ тѣмъ предлогомъ, будто они старались произвести безпокойства; имѣнія ихъ были конфискованы.

Король арагонскій и сынъ его Фердинандъ выразили сильное негодованіе на эту измѣну и жестокость и отказались отъ предположеннаго соединенія посредствомъ брака съ неаполитанской королевской фамиліей. Папа не могъ помочь не только баронамъ, но и самому себѣ; Лоренцо же Медичи сталъ заискивать дружбы и у папы и у короля Неаполитанскаго. Онъ привлекъ на свою сторону папу, выдавъ свою дочь за сына его, Франческино Чибо, за что папа сдѣлалъ на пятнадцатомъ году кардиналомъ сына Лоренцо, Іоанна Медичи, бывшаго потомъ папою подъ именемъ Льва X. Въ тотъ самый годъ, какъ Иннокентій снова привелъ въ негодованіи этимъ весь христіанскій міръ (1489), онъ опять поссорил-

ся съ Неаполемъ, потому что король неаполитанскій и сынъ его, избавившись отъ несносныхъ бароновъ, наконецъ отказались платить ленную подать, которую обѣщали папѣ. Папа хотѣлъ дѣйствовать духовнымъ оружіемъ, но оно оказалось недѣйствительнымъ (telum imbelle sine ictu) въ отношеніи такихъ людей какъ королевская неаполитанская фамилія того времени, привыкшая итти на перекоръ всему. Прежде всего онъ отлучилъ короля Фердинанда въ (іюнѣ 1489 г.) отъ церкви; но видя въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что того это ни сколько не безпокоитъ, объявилъ его лишеннымъ престола (11 сентября). Правда, Фердинандъ дѣлалъ нѣкоторыя приготовленія къ войнѣ, но Лоренцо, другъ его и въ то же время другъ папы, устроилъ такъ, что съ одной стороны дѣло ограничилось словами и проклятіями, а съ другой однимъ протестомъ. Фердинандъ только публично апелировалъ на папу послѣдующему собору.

Вообще Италія наслаждалась спокойствіемъ и миромъ, какими не пользовалась уже цѣлыя столѣтія, до послѣдовавшей въ 1494 году смерти короля Фердинанда неаполитанскаго; но вражда между Лудовикомъ Моро миланскимъ и наслѣдникомъ Фердинанда, Альфонсомъ калабрійскимъ, вскорѣ послѣ того проложила французамъ дорогу въ Италію, вмѣшала въ итальянскія распри германскаго императора, и впослѣдствіи дала поводъ испанцамъ перейти изъ Сициліи въ Неаполь. Альфонсъ калабрійскій и Лудовикъ Моро сдѣлались врагами со времени послѣдней войны съ Венеціей, за то, что Лудовикъ самъ управлялъ Миланомъ, не только не допуская племянника своего, Іоанна Галеаццо, обрученнаго съ дочерью Альфонса, Изабеллою, принимать участіе въ управленіи, но и не давая ему пользоваться вполнѣ личною свободой. Когда въ февралѣ 1489 г. былъ заключенъ бракъ Іоанна Галеаццо, Лудовикъ считалъ необходимымъ обезпечить себя противъ всякаго вліянія неаполитанской принцессы. Правда, онъ позволилъ отпраздновать свадьбу съ королевской пышностью; но лишь только замѣтилъ, что Изабелла не хочетъ терпѣть зависимости, въ которой держится мужъ ея, Лудо-

викъ не только завладѣлъ войсками и крѣпостями, но и самою особою герцога. Онъ занялъ миланскую крѣпость, велѣлъ наемникамъ стеречь молодаго герцога, какъ какого нибудь плѣннаго, взялъ крѣпость Треццо и другія укрѣпленія, удалилъ изъ войска всѣхъ старыхъ начальниковъ, служившихъ при отцѣ и дѣдѣ Іоанна Галеаццо, и мѣста ихъ занялъ людьми, совершенно ему преданными. Онъ не осмѣлился, правда, столкнуть съ дороги племянника своего и оказывалъ ему почести, но не предоставлялъ за то никакой власти. Такія отношенія молодаго герцога и жены его къ Лудовику Моро заставляли ожидать, что Альфонсъ, наслѣдовавшій въ 1494 г. отцу своему въ Неаполѣ, не будетъ спокойно смотрѣть на все это; поэтому-то Лудовикъ и поддерживалъ странное предпріятіе французскаго короля Карла VIII противъ Неаполя.

II. ФРАНЦІЯ, ИСПАНІЯ, ГЕРМАНІЯ И ИТАЛІЯ

ВЪ КОНЦѢ ПЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

---

1. Франція, Германія и Нидерланды отъ смерти Людовика XI до смерти послѣдняго герцога Бретанскаго.

Карлу VIII Французскому, сыну и наслѣднику Лудовика XI, было уже четырнадцать лѣтъ, когда умеръ отецъ его (1483 г.). По тогдашнему французскому обычаю (т. VIII, стр. 407) на него смотрѣли какъ на совершеннолѣтняго; но такъ какъ онъ былъ слишкомъ слабъ и горбатъ и оттого не только казался моложе, но и дѣйствительно былъ неспособнѣе, чѣмъ могъ бы быть по своему возрасту, то и не могъ самъ управлять государствомъ. Отецъ его, ничего не оставлявшій безъ вниманія и ни съ кѣмъ не совѣтовавшійся распорядился всѣмъ. Въ завѣщаніи своемъ онъ приказывалъ, чтобы старшая сестра Карла, Анна, жена Петра Бурбонскаго, наслѣдственнаго владѣльца Боже, извѣстная подъ именемъ Дамы де Боже, управляла государствомъ, пока Карлъ не будетъ въ состояніи взять на себя управленіе. Не мужъ ея, а она сама должна была править государствомъ. Лудовикъ XI былъ того мнѣнія, что знать, не привыкшая еще къ постоянному строгому повиновенію, легче снесетъ господство женщины. Противъ этого распорядка возсталъ однакожъ герцогъ Лудовикъ Орлеанскій, утверждая,

что ему, какъ первому принцу крови, принадлежитъ ближайшее право на регентство. Принцъ этотъ, впослѣдствіи король Лудовикъ XII, прославившійся своею любовью къ народу и любовью народа къ нему, на столько же, на сколько Лудовикъ XI прославился своей итальянской измѣннической политикой и безжалостнымъ эгоизмомъ, — этотъ принцъ тотчасъ расположилъ въ свою пользу нѣсколькихъ государственныхъ людей и герцоговъ Франциска II Бретанскаго и Максимиліана Бургундскаго. Но регентша первыми своими распоряженіями пріобрѣла довѣренность народа къ ея управленію. Она старалась увѣрить и народъ, и вельможъ, что не хочетъ пріучать брата своего къ продолженію системы, которой слѣдовалъ отецъ ея. Она отдала въ жертву народной ненависти отвратительныхъ любимцевъ Лудовика, Оливье Дьявола или Оленя (т. X, стр. 280) и другихъ подобныхъ креатуръ его, и впослѣдствіи принудила удалиться даже Филиппа Комина. Далѣе, она прекратила тягостный отцовскій грабежъ, ограничила расходы, совершенно распустила шесть тысячъ швейцарцевъ Лудовика, а также частью и навербованныхъ наемныхъ солдатъ. Послѣдняя мѣра была впрочемъ не очень выгодна странѣ, потому что часть отставныхъ нанялась въ службу къ помѣщикамъ. Такимъ образомъ снова начались частныя войны, и большія дороги стали опять не безопасны.

Всѣхъ очень безпокоило, что еще передъ коронаціей молодаго короля слѣдовало быть всеобщему собранію чиновъ; этого запальчиво требовали принцы, надѣясь извлечь себѣ выгоду изъ этого собранія. Собраніе это, созванное 14 января 1484 въ Турѣ и продолжавшееся два мѣсяца, для изслѣдователя состоянія средневѣковыхъ государствъ и народовъ гораздо значительнѣе, чѣмъ оно было, по нашему мнѣнію, для Франціи. Послѣ Маселина, игравшаго главную роль въ собраніи, сохранился толстый томъ рѣчей, сочиненій и разсужденій, написанныхъ на латинскомъ языкѣ; недавно французское правительство напечатало этотъ историческій матеріалъ, извѣстный до тѣхъ поръ только по подробному извлеченію

на французскомъ языкѣ, сдѣланному Гарнье. Изъ этой книги мы видимъ въ какомъ состояніи находились тогда во Франціи правительство, администрація, законы, финансовая система, судопроизводство и іерархія; но для нашей цѣли достаточно взять только результатъ собранія. Дама де Боже, также боялась этого, собранія, какъ въ 1848 году германскіе государи и высшее дворянство парламента; но, увидя, каковы были люди, всѣхъ громче кричавшіе, и какіе придворные и юристы блистали въ писанныхъ и изустныхъ утомительно-длинныхъ рѣчахъ, она успокоилась и стала стараться, чтобы собраніе кончилось, какъ кончались германскіе сеймы. При помощи людей своей партіи, купленныхъ деньгами и почестями, она съумѣла вовлечь ораторовъ и энтузіастовъ, принцевъ и защитниковъ народнаго блага въ такое глубокое болото, что они въ немъ засѣли и желали только, чтобы имъ помогли вылезть. Это и было сдѣлано декретомъ 7-го марта о распущеніи собранія. Дама де Боже на столько-то переняла отъ отца своего политическаго такта, чтобы съумѣть утѣшить наградами самыхъ сильныхъ изъ числа обманутыхъ. Герцогу Орлеанскому и графамъ Ангулемскому и Дюнуа она дала роту (compagnie) изъ ста копейщиковъ и порядочную пенсію.

Когда общее собраніе чиновъ было устранено и принцы удовлетворены, казалось, нечего было бояться новыхъ безпокойствъ. Хотя вскорѣ послѣ этого упомянутый прежде (т. X, стр. 275) министръ и любимецъ герцога Бретанскаго, Ландуа, и произвелъ возстаніе, но оно дало возможность регентшѣ присоединить къ французскому государству Бретань, какъ присоединялъ Лудовикъ XI Бургундію, графства Шароле и другія. Герцогъ Францискъ II Бретанскій былъ послѣднимъ въ родѣ Монфоровъ, и у него были двѣ дочери. Такимъ образомъ старшая изъ нихъ Анна, была наслѣдницею его герцогства, которое не было мужскимъ леномъ; тамошнее дворянство боялось быть присоединеннымъ къ французскому дворянству, очень ограниченному въ послѣднее время въ своихъ пра-

вахъ. Самъ герцогъ тоже желалъ, чтобы Бретань, по смерти его, оставалась самостоятельнымъ государствомъ, и готовъ былъ поэтому отдать обѣихъ дочерей своихъ за кого-нибудь изъ членовъ Бургундскаго дома, съ которымъ онъ всегда былъ въ союзѣ противъ Лудовика XI; Анна должна была выйти за герцога Максимиліана, а сестра ея, Изабелла, за сына его Филиппа. Но Максимиліанъ былъ такъ же безсиленъ въ Нидерландахъ, какъ Францискъ II въ Бретани, и пока онъ договаривался съ нимъ о томъ, какъ прибыть къ нему съ войсками и какъ заключить бракъ, бретанское дворянство было вовлечено въ возстаніе министромъ Ландуа. Франциску II приходилось столько терпѣть отъ своихъ вассаловъ, что такой презрѣнный и безсовѣстный человѣкъ, какъ Ландуа, казался ему необходимымъ, чтобы держать ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Ландуа дѣйствовалъ тѣми же способами произвола, жестокости, коварства и насилія, какими Лудовикъ XI дѣйствовалъ противъ французскихъ вельможъ. Но когда онъ велѣлъ сначала жестоко пытать, а потомъ лишить жизни лучшаго дворянина страны, канцлера Шовена, бурное дворянство, которое онъ всячески удалялъ отъ герцога, ожесточилось въ высшей степени, и знатнѣйшіе люди герцогства сдѣлали наконецъ рѣшительную попытку свергнуть или даже уничтожить ненавистнаго любимца. Часть бароновъ внезапно наступила на Нантъ и заняла городскую крѣпость, чтобы овладѣть министромъ; но онъ не только не попался имъ въ руки, но еще объясненіями своими, что возстаніе это направлено противъ особы герцога, натравилъ на бароновъ жителей Нанта и окрестныхъ поселянъ, такъ что бароны принуждены были оставить и крѣпость, и городъ. Послѣ этого они собрались въ городѣ Ансени, принадлежавшемъ маршалу Рье; Ландуа же, понявъ, что ему не удержаться безъ посторонней помощи, составилъ планъ, пріобрѣсти поддержку герцога Орлеанскаго.

Лудовикъ Орлеанскій былъ женатъ на страшно-безобразной второй дочери Лудовика XI, Жаннѣ. Хотя онъ долго энергично противился этому браку, но былъ принужденъ къ нему Лудови-

комъ, и никогда не скрывалъ своего отвращенія къ женѣ. На этомъ-то обстоятельствѣ Ландуа и основалъ планъ свой. Онъ хотѣлъ пріобрѣсти поддержку герцога, склонивъ его на разводъ съ женой и на бракъ съ наслѣдницей Бретани. Съ согласія Франциска II пригласилъ онъ въ Бретань герцога Орлеанскаго; герцогъ принялъ приглашеніе и, увидѣвъ принцессу Анну, замѣчательную умомъ и наружностью, согласился на это дѣло, по всеобщему увѣренію, не только изъ одной политики, но и изъ страстной любви. Регентша пришла въ ужасъ, получивъ извѣстіе о соединеніи герцоговъ Бретанскаго съ Орлеанскимъ и, воспользовавшись предстоящей коронаціей короля, вызвала ко двору Лудовика Орлеанскаго. Лудовикъ хотя и пріѣхалъ на зовъ, но не только не разрывалъ сношеній съ герцогомъ Бретанскимъ, а еще съумѣлъ такъ расположить въ свою пользу молодаго короля, что у регентши явилось новое безпокойство и съ этой стороны. Все это, кажется, было именно такъ; мы не можемъ довѣрять на столько Брантому, чтобы передавать, по его словамъ, будто Дама де Боже была особенно ожесточена противъ герцога Орлеанскаго за то, что онъ, имѣя связи со всевозможнаго рода женщинами, только съ нею разъигралъ роль цѣломудреннаго Іосифа.

Регентша вошла въ сношенія съ недовольными въ Бретани, чтобы помѣшать намѣреніямъ Людовика Орлеанскаго; этимъ воспользовался Ландуа, и вынудилъ у слабаго герцога Франциска согласіе на цѣлый рядъ ужасныхъ мѣръ противъ дворянъ своей страны. Хотя возмущенному дворянству, при выходѣ его изъ Нанта, и было обѣщано полнѣйшее прощеніе, тѣмъ не менѣе ихъ не только объявили теперь открыто государственными измѣнниками, но и издали указъ, чтобы дома ихъ были срыты, лѣса вырублены и, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, подданные ихъ не имѣли съ ними никакихъ сношеній, не продавали имъ ни съѣстныхъ припасовъ, ни оружія, ни лошадей. Неслыханная строгость, съ какой исполнялся этотъ указъ, заставила бретанское дворянство сдѣлать шагъ, весьма важный по своимъ послѣдствіямъ. А именно, въ 1484 году

знатнѣйшіе вельможи герцогства, принцъ Оранскій (Жанъ де Шалонъ), Пьеръ де Вильбраншъ и Жанъ де Бутелье де Мопертюи были посланы къ регентшѣ просить ея защиты и, въ замѣнъ того, клятвенно обѣщались признать по смерти герцога Франциска своимъ единственнымъ и естественнымъ государемъ короля французскаго. При этомъ было сдѣлано восемъ условій, которыя и были приняты французскимъ правительствомъ. Условія эти слѣдуетъ перечислить потому, что на нихъ основываются позднѣйшія отношенія Бретанской провинціи къ Франціи и оставшееся чувство самостоятельности въ тамошнемъ дворянствѣ. Соединившись совершенно въ 1532 г. съ Франціей, Бретань не только сохранила, какъ и ранѣе присоединенныя страны Дофине и Провансъ, свою національность, свои собственные законы и сословія, но и удерживала ихъ, подобно двумъ названнымъ провинціямъ, до самой революціи. Восемъ условій были слѣдующія. „Судопроизводство остается такое же, какъ было при герцогахъ и въ немъ могутъ принимать участіе только мѣстные уроженцы; всякое сословіе сохраняетъ свои особенныя привиллегіи; безъ согласія сословій нельзя назначать никакихъ налоговъ; дворянство можетъ быть принуждено идти на войну только въ тѣхъ случаяхъ и мѣстахъ, которые король опредѣлитъ закономъ; всѣ мѣста въ войнѣ и въ государственной службѣ могутъ быть занимаемы только мѣстными уроженцами; по смерти Франциска II, вдова его будетъ получать содержаніе отъ сословій; обѣ дочери его должны быть выданы замужъ, соотвѣтственно ихъ званію, съ совѣта сословій; наконецъ, если у Карла VIII будетъ много сыновей, то герцогство должно перейти къ одному изъ нихъ и такимъ образомъ стоять отдѣльно отъ Франціи.“ На этихъ условіяхъ регентша согласилась защитить бретанское дворянство. Именемъ короля объявила она герцогу Франциску, чтобы онъ удержался отъ всякихъ насилій относительно бароновъ и вознаградилъ ихъ за всѣ причиненные имъ непріятности. Это смутило и герцога, и министра его и они обратились снова къ эрцгерцогу Максиміліану,

повидимому счастливо окончившему тогда войну съ недовольными сословіями и городами Нидерландовъ.

Только по укрощеніи безпокойствъ въ Люттихѣ, въ Утрехтѣ и Голландіи (т. X, стр. 310), Максимиліанъ могъ обратиться къ фламандцамъ, которымъ онъ долженъ былъ оставить сына своего и составленное именемъ его правительство; согласно Аррасскому миру, онъ долженъ былъ послать для воспитанія во Францію дочь свою Маргариту, сговоренную за Карла VIII. Въ Гентѣ, гдѣ находилось регентское управленіе Фландріею, распоряжались старшины двадцати пяти цеховъ вполнѣ демократическимъ образомъ. Это правительство было въ заговорѣ съ французами противъ отца молодаго герцога и по возвращеніи Максимиліана изъ Голландіи между нимъ и фламандцами дѣло дошло до жестокаго боя. Максимиліанъ взялъ города Торрмонде и Дендермонде; жители же Гента отмстили ему, лишь только онъ обратился къ нимъ тыломъ, опустошительнымъ нападеніемъ на зеландскій городъ Флисингенъ. Но вскорѣ послѣ этого Максимиліанъ явился во Фландрію съ значительнымъ подкрѣпленіемъ, опустошилъ страну, взялъ Слюйсъ и Брюгге, и такъ стѣснилъ городъ Гентъ, что принудилъ его къ капитуляціи (1485 г.). Хотя послѣ этой капитуляціи гентцы и удержали и свою конституцію, и свое демократическо-республиканское правленіе, но должны были за это признать Максимиліана, которому возвратили сына, правителемъ, впустить его въ свой городъ съ такимъ же количествомъ войска, съ какимъ являлся онъ въ другіе нидерландскіе города, выплатить ему военныя издержки въ семсотъ тысячъ гульденовъ по срокамъ, возвратить всѣхъ сосланныхъ за приверженность къ нему, а если имѣнія ихъ разграблены, то вознаградить ихъ за всѣ убытки. Лишь только капитуляція эта была заключена, Максимиліанъ вошелъ въ Гентъ съ пятью тысячами человѣкъ, и въ городѣ, казалось, дойдетъ дѣло снова до битвы. За какое-то грубое преступленіе нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ было схвачено и представлено въ республиканскій судъ, но товарищи ихъ тотчасъ же освободили; поэтому случаю магистратъ

велѣлъ бить въ набатъ, и предъ домомъ Максимиліана собрались тысячи народа, такъ что онъ очутился плѣнникомъ. Онъ немедленно велѣлъ своимъ людямъ выступать, и каждую минуту грозилъ вспыхнуть кровавый бой; солдаты Максимиліана получили уже приказаніе начать жечь дома въ городѣ, но принцамъ Шиме и Нассаускому удалось успокоить бѣшенную толпу. Максимиліанъ воспользовался этимъ возстаніемъ, ввелъ въ Гентъ войска, посланныя другими городами ему на помощь и началъ строгую расправу. Онъ велѣлъ повѣсить тридцать трехъ зачинщиковъ возстанія, около сотни изгнать, разрушить укрѣпленія и часть стѣнъ, отобралъ отъ города артиллерію и увеличилъ сумму, платимую ему. Онъ даже открыто разорвалъ льготныя грамоты города, прогналъ демократическое правительство двадцати пяти и назначилъ аристократическое. Все это сдѣлалось такъ легко оттого, что французская регентша была занята въ 1484 и въ 1485 г. внутренними безпокойствами и могла помогать фламандцамъ только втайнѣ.

Во Франціи собраніе чиновъ въ Турѣ постановило, что король долженъ считаться совершеннолѣтнимъ, но управленіе дѣлами, пока онъ будетъ въ состояніи самъ принять его, предоставляется его сестрѣ; но по старанію герцога Орлеанскаго это рѣшеніе было отмѣнено парламентомъ, и герцогъ заключилъ противъ регентши союзъ съ герцогомъ Бретанскимъ, графомъ Дюнуа, герцогомъ Алансонскимъ и даже съ старымъ коннетаблемъ герцогомъ Бурбонскимъ. Тщетно стараясь завладѣть особой герцога Орлеанскаго, регентша лишила его и друга его, Дюнуа, всѣхъ привиллегій, полученныхъ ими по рѣшенію турскаго засѣданія, и осадила его въ городѣ Вернейлѣ въ Першѣ, принадлежавшемъ герцогу Алансонскому, куда онъ бѣжалъ. Лудовикъ долженъ былъ сдаться на капитуляцію и принять прощеніе, которое ему даровали, принимая во вниманіе его отношенія, какъ будущаго наслѣдника престола; но онъ долженъ былъ обязаться жить постоянно при дворѣ или, другими словами, подъ присмотромъ. Хотя онъ былъ снова допущенъ въ государственный совѣтъ, но не получилъ

обратно ни своихъ замковъ, ни содержанія. Сопровождая потомъ короля въ поѣздкѣ въ Нормандію, онъ снова заключилъ союзъ съ старымъ коннетаблемъ и со всѣми любимцами Лудовика XI, оставшимися въ тѣни послѣ его смерти, и старался собирать недовольныхъ въ принадлежавшемъ ему городѣ Блуа.

Надежда герцога Орлеанскаго и партіи его основывалась преимущественно на герцогѣ Францискѣ Бретанскомъ и ненавистномъ любимцѣ его, Ландуа. Регентша, во всемъ точно слѣдовавшая политикѣ своего отца, старалась поэтому поддерживать безпокойства въ Бретани. Она неожиданно послала помощь собравшимся въ Ансени баронамъ, на которыхъ Ландуа хотѣлъ напасть. Обѣ стороны были уже готовы начать кровавый бой, но королевскому повѣренному удалось убѣдить главнокомандующихъ бретанскими войсками, при которыхъ находился самъ Ландуа, что они служатъ орудіемъ злодѣю. Тогда все бѣшенство герцогскихъ войскъ обратилось противъ Ландуа. Не задолго передъ тѣмъ онъ возбуждалъ гражданъ и крестьянъ къ насиліямъ противъ дворянства и даже хотѣлъ разослать отъ имени герцога циркуляръ, въ которомъ всѣ дворяне, офицеры и чиновники, состоящіе въ какомъ бы то ни было сношеніи съ недовольными баронами, объявлялись государственными измѣнниками, лишенными покровительства законовъ; канцлеру Франсуа Кретьену было уже поручено приложить къ этимъ патентамъ государственную печать. Но канцлеръ, узнавъ о происшедшемъ отъ войсковыхъ депутатовъ, не только не сдѣлалъ этого, но согласился даже изготовить приказъ объ арестованіи Ландуа (prise de corps). Ландуа бѣжалъ къ герцогу въ нантскую цитадель. Но герцогъ не могъ спасти его, потому что нантскіе граждане также возстали, и всѣ попытки усмирить волненіе не удавались. Тѣмъ не менѣе онъ не отдалъ ненавистнаго министра въ жертву народной ярости, и канцлеръ согласился придать революціонной расправѣ видъ законности. Ландуа передали канцлеру, и тотъ повелъ процессъ быстро. Хотя Ландуа сдѣлалъ столько

зла, что легко можно было бы привести противъ него и свидѣтелей и доказательства, но тѣмъ не менѣе вмѣсто всего этого, по обычаю того времени, употребили пытку и вынудили всѣ нужныя признанія. Такъ какъ герцогъ все-таки не согласился бы подписать смертный приговоръ, то предводитель французскихъ вспомогательныхъ отрядовъ, Лекенъ, какъ представитель короля, далъ совѣтъ обдѣлать дѣло помимо герцога. Такъ и сдѣлали: пока нѣсколько дворянъ занимали герцога разговорами, выстроили высокую висѣлицу и къ не малой досадѣ герцога повѣсили на ней его министра и любимца (17 іюня 1485 г.).

Эни событіяія совершенно разстроили весь планъ партіи герцога Орлеанскаго. Герцогъ и его друзья, въ надеждѣ на герцога Бретанскаго и Максимиліана, вооружили всѣхъ своихъ вассаловъ и наемниковъ. Теперь они ничего не могли сдѣлать, потому что регентша приняла очень хорошія мѣры, а вліяніе молодого короля, котораго отправили противъ нихъ съ войскомъ, помѣшало поголовному возстанію. Безпокойства, возбужденныя ими, получили названіе глупой войны (guerre folle); вскорѣ они были совершенно прекращены, и зачинщики, герцогъ Орлеанскій, графъ Дюнуа и старый коннетабль, были очень рады какъ нибудь выпутаться изъ этого дѣла. Графа Дюнуа изгнали въ Піемонтъ, въ городъ Асти, принадлежавшій герцогу Орлеанскому; самъ герцогъ долженъ былъ согласиться на занятіе королевскими войсками всѣхъ его укрѣпленій; отъ стараго же коннетабля потребовали только, чтобы онъ сложилъ оружіе, поднятое имъ лишь по желанію герцога; онъ былъ уже близокъ къ смерти, и мужъ регентши былъ его наслѣдникомъ. Что же касается герцога Бретанскаго, то не было надобности налагать на него новое обязательство, такъ какъ сословія его уже согласились на все. Его заставили только обязаться договоромъ, заключеннымъ въ Буржѣ, оставаться, подобно предкамъ своимъ, вассаломъ Франціи; вопросъ же, будетъ ли

то полное подданство (hommage lige) или болѣе независимое (т. X стр. 136), не былъ рѣшенъ. Дѣло въ томъ, что герцогъ, отказываясь отъ всѣхъ связей внѣ своей страны, отдавался совершенно въ руки своихъ сословій и французскаго правительства, и что сословія уже (стр. 63) обѣщали соединить герцогство Бретанское съ Франціей и установили условія этого соединенія.

По окончаніи спора съ герцогами Бретанскимъ и Орлеанскимъ, регентша могла обратить вниманіе на вѣрнаго союзника ихъ, Максимиліана. Онъ разстроилъ дурнымъ и нечестнымъ образомъ коварный замыселъ, составленный французами съ Рене II Лотарингскимъ и съ извѣстнымъ арденнскимъ кабаномъ Вильгельмомъ де ля Маркомъ (т. X стр. 289). Регентша помирила герцога Лотарингскаго и Вильгельма де ля Марка, бывшихъ непримиримыми врагами, и они согласились вмѣстѣ напасть на Брабантъ. Поэтому Максимиліанъ соединился съ Фридрихомъ фанъ Гоорномъ, братомъ епископа люттихскаго, чтобы, какъ мы уже говорили (т. X,стр. 290), уничтожить страшнаго Вильгельма де ля Марка такимъ же способомъ, какими истребляли своихъ враговъ Лудовикъ XI и итальянскіе тираны. Фридрихъ фанъ Гоорнъ, послѣ долгой ссоры, жилъ съ Вильгельмомъ въ большой дружбѣ; поступивъ на службу къ Максимиліану, онъ пригласилъ Вильгельма къ себѣ въ гости и потомъ уговорилъ его поѣхать съ нимъ къ епископу люттихскому; послѣ обѣда епископъ поѣхалъ съ ними кататься верхомъ; тутъ Фридрихъ подбилъ своего друга скакать съ нимъ въ перегонку и такимъ образомъ завлекъ его къ мѣсту, гдѣ была устроена засада. Наемники Гоорна, бывшіе въ засадѣ, схватили Вильгельма и привезли въ Мастрихтъ, гдѣ Максимиліанъ представилъ его въ наскоро собранную коммисію и велѣлъ казнить. Разумѣется, демократическихъ фламандцевъ нельзя было расположить такимъ способомъ въ пользу правленія рыцарски-романтическаго германскаго феодальнаго государя. Впрочемъ, Максимиліанъ, наказавъ, какъ мы видѣли, жителей Гента, отправился въ Гер-

манію, чтобы быть избраннымъ въ римскіе короли и короноваться.

Въ то время Германія была совершенно предоставлена на произволъ судьбы; отецъ Максимиліана, императоръ Фридрихъ III, былъ, подобно всѣмъ королямъ того времени, постоянно въ ссорѣ съ могущественными вассалами своихъ наслѣдственныхъ владѣній и даже съ гражданами городовъ, стремившихся къ независимости; кромѣ того еретическая Богемія съ своимъ свободно избраннымъ королемъ, Георгомъ Подѣбрадомъ, и венгерскій король Матфій Корвинъ отнимали у него не мало времени. Съ 1480 г. Матфій почти завоевалъ Австрію и осадилъ Вѣну; граждане, терпѣвшіе невѣроятныя бѣдствія и защищавшіеся съ мужественною стойкостью, убѣдительно просили подкрѣпленія (1485 г.), но старый эгоистъ императоръ отказалъ имъ въ помощи. Говорятъ, онъ даже далъ имъ холодный отвѣтъ, сказавъ, что очень радъ, что вѣнцы голодаютъ, потому что самъ прежде голодалъ у нихъ, когда они осаждали его въ своемъ замкѣ (т. X, стр. 190). Наконецъ Фридрихъ былъ принужденъ (1485 г.), оставить страну съ полуторатысячнымъ отрядомъ конницы и отправиться просить помощи у нѣмецкихъ государей; у него не было другаго утѣшенія или, лучше сказать, другаго исхода, какъ забыть дѣло, которое было непоправимо. Матфій Корвинъ покорилъ всю Нижнюю Австрію, за исключеніемъ вѣнскаго Новаго Города, часть Каринтіи, Крайна и Штиріи и заставилъ вѣнскій сеймъ присягнуть себѣ, какъ герцогу; Фридрихъ долженъ былъ по необходимости согласиться на избраніе въ римскіе короли своего сына, Максимиліана, хотя прежде противился этому избранію, основательно опасаясь, что по избраніи римскаго короля, его предоставятъ безполезнымъ ученымъ занятіямъ, какъ человѣка ни къ чему неспособнаго. Онъ явился на Рейнъ бѣглецомъ, но съ большой торжественностью и обычнымъ феодальнымъ этикетомъ пожаловалъ лены курфирсту кёльнскому Герману Гессенскому, Вильгельму Младшему, герцогу

Юлихскому и Бергскому и герцогу Геннепскому, Маркскому и Клевскому, а потомъ поѣхалъ во Франкфуртъ на свиданіе съ Максимиліаномъ, котораго не видѣлъ уже восемь лѣтъ. До сихъ поръ онъ всегда считалъ своего сына за въ высшей степени непрактичнаго идеалиста и основательно боялся его рыцарской смѣлости и безпокойнаго, предпріимчиваго характера; теперь же онъ самъ предложилъ его собравшимся князьямъ въ римскіе короли. Избраніе Максимиліана послѣдовало въ февралѣ 1486 г. во Франкфуртѣ, а въ апрѣлѣ новый король былъ коронованъ въ Ахенѣ. При этомъ видно, что французское правительство уже тогда старалось запутывать нѣмецкія дѣла и пользоваться эгоизмомъ нѣмецкихъ государей и ихъ слугами, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ. Французскіе посланники всѣми силами старались противодѣйствовать избранію Максимиліана, и нѣкоторые князья патріоты передавали даже сыну императора письма, писанныя къ нимъ отъ имени французскаго короля; тѣмъ не менѣе, Дама де-Божё жаловалась, что Максимиліанъ не пригласилъ на коронацію своего будущаго зятя, короля французскаго.

Максимиліанъ могъ сдѣлать для отца своего и для Австріи только воззваніе къ австрійцамъ, прося ихъ стойко держаться противъ венгровъ. Хотя онъ обѣщалъ имъ поддержку, но сдержать своего обѣщанія не могъ, потому что, кромѣ желанія отмстить французамъ, пославшимъ изъ Артуа помощь фламандцамъ, имѣлъ много хлопотъ во Фландріи, куда отправился тотчасъ послѣ коронаціи. Фламандцы, въ особенности жители Гента и Брюгге, державшіе на службѣ нѣсколько тысячъ здоровыхъ работниковъ, соединясь съ французами, надѣлали ему въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ не меньше хлопотъ, чѣмъ венгры его отцу, такъ что онъ былъ принужденъ просить поддержки у императора и у нѣмцевъ. Тѣмъ не менѣе, во время поѣздки своей черезъ Нидерланды во Фландрію, онъ снова выказалъ большой блескъ и задавалъ множество педантическихъ торжествъ, которыя онъ и его секретарь и поклонникъ, авторъ „Тейердан-

ка“, описали весьма подробно, но скучно. Онъ взялъ съ собою цѣлыя толпы нѣмецкихъ наемниковъ, нанятыхъ на фламандскія деньги. Этимъ людямъ, сдѣлавшимъ изъ войны ремесло, платили лучше, чѣмъ художникамъ и ученымъ, и поэтому они были обременительнѣе для тѣхъ, кому служили, чѣмъ для враговъ.

По возвращеніи въ Нидерланды, Максимиліанъ старался отмстить французской регентшѣ, которая далеко превосходила его государственной мудростью и политическимъ тактомъ; пойдя по слѣдамъ своего отца и умѣя унижать высшее дворянство, она пріобрѣла любовь не рыцарства, а народа. Максимиліанъ поддерживалъ сношенія съ высшимъ французскимъ дворянствомъ, а регентша съ нѣмецкими государями; ожидая, что герцоги Бретанскій и Орлеанскій начнутъ противъ регентши новую войну, римскій король заключилъ съ ними формальный союзъ и, несмотря на перемиріе, вторгнулся въ Артуа. Въ договорѣ, заключенномъ въ мартѣ 1487 г. въ Брюггe, было положено, что Максимиліанъ и герцогъ Бретанскій обязываются силою возставать противъ каждой попытки французскаго правительства расширить свои владѣнія, и принудятъ молодого короля удалить дурныхъ совѣтниковъ. За мѣсяцъ до заключенія этого союза, Францискъ II Бретанскій пытался оградить свое герцогство отъ покушеній регентши. Послѣ мира въ Буржѣ (стр. 67) регентша предвидѣла, что будущее соединеніе Бретани съ Франціей, не смотря на договоръ, подписанный сословіями, все-таки очень невѣрно, такъ какъ герцогъ Францискъ былъ противъ него. Поэтому она постаралась обезпечить права брата другимъ путемъ: она пріобрѣла отъ Жана де-Бросса и его жены, у которыхъ Людовикъ XI купилъ права на Бретань (т. X. стр. 280), подтвержденіе этой сдѣлки. Слабый и больной Францискъ былъ этимъ сильно взволнованъ. Поэтому въ февралѣ 1487 г. онъ собралъ свои чины и, заставивъ ихъ поклясться на святыхъ дарахъ, частицѣ Животворящаго Древа и на евангеліи, что по смерти

его они признаютъ его дочерей единственными и исключительными наслѣдницами Бретани и будутъ противиться всѣми силами всякому, кто вздумаетъ отнять у нихъ это право.

Этотъ поступокъ герцога Франциска и союзъ, заключенный имъ съ Максимиліаномъ, послужили поводомъ или предлогомъ къ вторичному водворенію во Франціи военнаго и финансоваго гнета, который былъ не надолго отмѣненъ регентшей. Во-первыхъ, Дама де-Божё наложила на страну новый военный налогъ: каждые пятьдесятъ два двора (feux) должны были поставлять человѣка, снаряжать его на войну и во все продолженіе его службы платить ему по шестидесяти су. Во-вторыхъ, она снова взяла на службу 6 тыс. швейцарцевъ, отпущенныхъ по смерти Лудовика XI; чтобы платить имъ, не назначая новаго налога, она выдумала возвысить обыкновенный налогъ (des crues), что̀ можно сравнить съ нынѣшними прибавочными сантимами (centimes additionnels). Такимъ образомъ, по новой системѣ управленія, совершенно одинаковой съ системою Лудовика XI, народъ попалъ если не изъ огня въ полымя, то изъ огня въ огонь; вмѣсто прекращенныхъ разбоевъ, грабежей и другихъ феодальныхъ насилій, тяготившихъ страну, явился равномѣрный гнетъ, угнетавшій всю націю, кромѣ привиллегированныхъ сословій; короли же пріобрѣли возможность нанимать иностранныхъ солдатъ, готовыхъ защищать всякое дѣло, какъ бы оно ни было несправедливо. Для характеристики французскаго правительства, не только впрочемъ въ средніе вѣка, но и вообще вплоть до революціи, замѣчательно, что канцлеръ, недовольный увеличеніемъ податей, просилъ регентшу, чтобы она избавила отъ нихъ по крайней мѣрѣ высшихъ, благородныхъ и знатныхъ (notables) особъ.

Что касается войны Максимиліана съ французами, то новый римскій король собралъ въ 1486 г. значительное войско изъ наемныхъ солдатъ и сверхъ того получилъ помощь (на какомъ основаніи, мы не знаемъ) отъ англійскаго короля Генриха VII.

Онъ началъ свои дѣйствія довольно успѣшно и произвелъ уже значительныя опустошенія; но война, счастливо начатая, кончилась для него позоромъ. Максимиліанъ и тутъ выказалъ себя только рыцаремъ и храбрымъ воиномъ, тогда какъ французскій главнокомандующій, Декердъ герцогъ Кревкеръ, былъ искуснымъ полководцемъ. Послѣдній держался въ укрѣпленіяхъ до тѣхъ поръ, пока Максимиліанъ не истратилъ необходимыхъ для наемниковъ денегъ; тогда Декердъ переманилъ къ себѣ часть войскъ своего противника (какъ говорятъ, болѣе трехъ тысячъ человѣкъ); остальные разбѣжались, кромѣ небольшого числа, съ которымъ Максимиліанъ возвратился во Фландрію. Въ слѣдующемъ (1487) году французы одержали побѣду при Бетюнѣ, гдѣ между прочимъ, они взяли въ плѣнъ герцога Карла Гельдернскаго, сына герцога Адольфа (т. X. стр. 281), пользовавшагося дурной славой за гнусный поступокъ съ отцемъ. Но война велась вяло съ обѣихъ сторонъ, потому что Максимиліанъ снова ссорился съ жителями Гента и Брюгге, а французская регентша хотѣла прежде покончить съ герцогами Орлеанскимъ, Бретанскимъ и ихъ союзниками.

Республиканцы въ Нидерландахъ, ревностно стоявшіе за свои права и не очень вѣровавшіе въ божественность правъ римскаго короля, снова возстали противъ Максимиліана за попытку подобнаго же насилія, какое было совершено надъ арденнскимъ кабаномъ. Онъ велѣлъ схватить въ Кортрикѣ и отправить въ Брабантъ изгнаннаго имъ изъ Гента Адріана де Виленя, одного изъ рыцарей демагоговъ, такъ хитро и ловко умѣвшихъ пользоваться народомъ для своихъ аристократическихъ цѣлей. Дорогою плѣнникъ убѣжалъ и возвратился въ Гентъ, гдѣ ему удалось тотчасъ возбудить возстаніе. Предлогомъ къ возстанію послужило то, что Максимиліанъ своимъ поведеніемъ относительно этого человѣка не только лишаетъ гражданина его естественныхъ судей, но своими нѣмецкими воинами и употребленіемъ ввѣренныхъ ему денегъ оскорбляетъ права гражданъ. Прежде

чѣмъ возстаніе успѣло вспыхнуть, Максимиліанъ неосторожно отдался во власть недовольныхъ фламандцевъ, ободренныхъ Декердомъ, обѣщавшимъ имъ французскую помощь. Граждане Брюгге просили Максимиліана отпраздновать у нихъ Срѣтенье Господне 1488 г.; просьба эта вѣроятно имѣла отношеніе къ возстанію въ Гентѣ. Максимиліанъ принялъ приглашеніе, хотя всѣ друзья его совѣтовали ему не ѣздить. Лишь только онъ пріѣхалъ въ Брюгге, какъ было получено извѣстіе, что гентцы взялись за оружіе (10 февраля 1488 г.). Максимиліанъ хотѣлъ немедленно идти на Гентъ; но жители Брюгге заперли ворота и съ шумомъ и крикомъ требовали выдачи его ненавистныхъ совѣтниковъ. Максимиліанъ уклонялся отъ исполненія этого желанія, тщетно говорилъ нѣсколько разъ на площади ожесточенному народу, и въ продолженіи трехъ дней жизнь его находилась въ постоянной опасности. Спокойствіе и присутствіе духа, выказанныя имъ тогда среди городской черни, дѣлаютъ ему гораздо болѣе чести, чѣмъ всѣ разсказываемыя о немъ смѣлыя выходки. На четвертый день онъ былъ арестованъ. Въ городѣ распространился слухъ, что для освобожденія Максимиліана приближаются рыцари, а во дворцѣ его находится оружіе, которое друзья его употребятъ противъ народа. Это побудило народъ возвратиться во дворецъ для грабежа. Максимиліанъ бѣжалъ въ домъ одного лавочника, выходившій на площадь; здѣсь его содержали какъ плѣнника, задѣлавъ окна рѣшетками. Потомъ его перевели въ другой, болѣе отдаленный домъ. Разъяренный народъ преслѣдовалъ его приверженцевъ и неуспѣвшихъ бѣжать жестоко пытали, шестнадцать человѣкъ казнили, а одного, мера Брюгге, Петра де Лангхальса, такъ долго мучили, что казнь его считали уже милостью. Впрочемъ, сцены, разсказываемыя о тогдашнемъ возстаніи въ Брюгге и въ Гентѣ, похожи, какъ двѣ капли воды, на сцены 1790 — 1794 годовъ въ Парижѣ или на происходившія не такъ давно въ разныхъ городахъ Германіи.

Депутаты отъ собраній другихъ провинцій тщетно старались просьбами и угрозами заставить освободить Максимиліана. Его выпустили лишь 16 мая, принудивъ заключить договоръ съ фламандцами, весьма тягостный для него и постыдный для германской имперіи; онъ долженъ былъ скрѣпить его клятвою и дать въ заложники трехъ членовъ высшаго дворянства. Договоръ этотъ состоялся при посредничествѣ трехъ остальныхъ провинцій, болѣе привязанныхъ къ Германіи. Мы приведемъ изъ него лишь нѣсколько пунктовъ, чтобы показать различіе между управленіемъ въ Германіи и Бельгіи и регентствомъ Дамы де Божё. Максимиліанъ согласился отдалить фламандцевъ отъ союза съ Германіей, удержаннаго для другихъ нидерландскихъ провинцій. Далѣе онъ обѣщалъ мятежникамъ Гента и Брюгге, что въ отношеніи къ Франціи сдѣлаетъ все по условіямъ арраскаго мира (т. X, стр. 285), откажется отъ опеки во Фландріи надъ своимъ сыномъ, Филиппомъ, удержавъ ее за собой для другихъ провинцій и не будетъ противиться демагогическому правленію Брюгге и Гента, которое прежде уничтожилъ. Наконецъ, онъ обѣщалъ вывести всѣ свои нѣмецкія войска въ теченіи трехъ дней изъ Фландріи, а въ теченіи восьми изъ Нидерландовъ. Такимъ образомъ Максимиліанъ какъ бы соглашался, чтобы Фландрія оставалась въ союзѣ съ Франціей въ то самое время, когда регентша старалась пріобрѣтеніемъ Бретани увеличить Францію, къ которой Лудовикъ XI уже присоединилъ Бургундію, Пикардію съ Булонью, Провансъ, Мень и большую часть Артуа. Пока во Франціи при Дамѣ де Божё расширялись государственныя владѣнія и проводилась система Лудовика XI, т. е. высшее дворянство теряло свое прежнее значеніе, пока тамъ развивалась національность, и королевская власть утверждалась на прочныхъ основаніяхъ, — разрозненной Германской имперіи приходилось видѣть, что ея императора гонятъ изъ столицы, а наслѣдника его ростовщики и торгаши выгоняютъ даже изъ дворца, держатъ въ плѣну и при-

нуждаютъ купить свободу цѣною позорнаго договора. Однако, повидимому, нѣмцы рѣшились наконецъ спасти честь своей націи; но вскорѣ оказалось, что нѣмецкій народъ, раздѣленный на безчисленныя мелкія государства, оцѣпенѣвшій въ узкихъ, эгоистическихъ стремленіяхъ князей, не былъ способенъ возвыситься надъ Максимиліановскимъ романтизмомъ; поэтому смѣшное рыцарство римскаго короля сдѣлало смѣшною всю націю. Прежде чѣмъ мы докажемъ это фактами, надо показать, какія мѣры принимала регентша Франціи для присоединенія къ своему государству герцогства Бретани.

Максимиліанъ, занятый въ Нидерландахъ, не могъ помочь герцогу Бретанскому и союзнымъ съ нимъ французскимъ владѣтелямъ, которые, подъ предводительствомъ графа Дюнуа, возвратившагося изъ ссылки въ Асти, заключили сильный союзъ противъ регентши. Къ этому союзу принадлежали герцогъ Орлеанскій и графъ Ангулемскій, весь домъ Фуа, д'Альбре и его сынъ, Жанъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи королемъ наваррскимъ (т. X, стр. 445), принцъ Оранскій, намѣстникъ гіэнскій Лекенъ, старый графъ Неверъ, Понъ и д'Орваль; даже прежній врагъ Лудовика Орлеанскаго, герцогъ Лотарингскій и государственные совѣтники Лудовика XI, Филиппъ Коминъ и Кюланъ, пристали къ нему. Но такъ какъ между союзниками не было единодушія, то регентшѣ легко удалось занять Гіэнь, откуда угрожала наибольшая опасность, наказать Лекена и довести до добровольной покорности Ангулема и д'Альбре. Остальные недовольные бѣжали въ Бретань, но и тамъ находились въ сомнительномъ положеніи: бретанскіе вельможи завидовали герцогу Орлеанскому и подозрѣвали Лекена и принца Оранскаго въ измѣнѣ; поэтому они вошли въ переговоры съ французскимъ правительствомъ и, въ числѣ болѣе пятидесяти человѣкъ, заключили съ нимъ формальный союзъ, чтобы принудить герцога Бретанскаго удалить французскихъ вельможъ. Вслѣдствіе этого въ Бретань явилась французская армія; герцогъ Францискъ выступилъ противъ нея, но

былъ покинутъ большею частью своего войска и попалъ бы въ плѣнъ, если бы къ нему на помощь не подоспѣлъ принцъ Оранскій, который далъ ему возможность спастись въ Нантъ.

Союзное войско французовъ и бретанскихъ бароновъ осадило Нантъ, но обстоятельства внезапно измѣнились. Регентша выпросила для себя у брата Нантъ, не смотря на обѣщаніе не имѣть никакихъ притязаній на герцогскія владѣнія. Бароны увидѣли, что регентша не сдержала заключеннаго съ ними условія и перемѣнили роль; въ то же время жители Нижней Бретани вооружились за своего герцога, и полторы тысячи отборныхъ нѣмецкихъ солдатъ, присланныхъ Максимиліаномъ, высадились въ нантской гавани. Но французскія войска все болѣе и болѣе наводняли Бретань и заняли много крѣпостей, такъ что Бретань не могла получить помощи ни отъ Максимиліана, ни отъ англійскаго короля Генриха VII, котораго настоятельно умоляла о пособіи. Гентцы и брюггцы мѣшали Максимиліану заступиться за принцессу бретанскую, бывшую его невѣстою, а Генрихъ VII былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ герцогомъ Францискомъ и не хотѣлъ помогать въ завоеваніи Бретани ни герцогу Орлеанскому, ни принцу д'Альбре, также искавшему руки принцессы Анны. За то нѣкоторые англійскіе вельможи послали на свой собственный счетъ вспомогательныя войска, а армія герцога Бретанскаго была усилена недовольными французами. Конечно, это не могло принести большой помощи, такъ какъ четыре главные предводителя бретанскаго войска, герцогъ Орлеанскій, принцъ Оранскій, маршалъ де-Ріё и д'Альбре, враждовали между собою, а французы, кромѣ единодушія, имѣли искуснаго полководца— Ла-Тремуйля. Союзники, въ томъ числѣ и герцоги Бретанскій и Орлеанскій, которыхъ французская палата перовъ еще въ февралѣ 1488 года троекратно призывала къ суду, въ маѣ были объявлены виновными въ оскорбленіи величества.

По смерти стараго коннетабля, послѣдовавшей 1 апрѣля, Петръ Божё сдѣлался герцогомъ Бурбонскимъ, графомъ Овернь³

скимъ, Форескимъ и Лиль-Журденскимъ и сталъ такимъ образомъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ поземельныхъ владѣльцевъ Франціи; жена его послала въ Бретань новое 12-тысячное войско, подъ предводительствомъ Ла-Тремуйля, чтобы привести въ исполненіе приговоръ парламента. Ла-Треймуйль съ самаго начала дѣйствовалъ очень успѣшно, и когда союзники рѣшились аттаковать его, то открытая вражда между принцемъ Оранскимъ и герцогомъ Орлеанскимъ, съ одной стороны, и д'Альбре, съ другой, заранѣе рѣшила исходъ дѣла. Во французскихъ историческихъ книгахъ, расчитывающихъ на эффектъ и описывающихъ истинныя и вымышленныя интриги, говорится, что д'Альбре и Лудовикъ Орлеанскій сдѣлались смертельными врагами за то, что Анна Бретанская отвергла любовь перваго и предпочла герцога Орлеанскаго. Поэтому, когда войска союзниковъ стояли противъ непріятеля, д'Альбре сдѣлалъ покушеніе на жизнь герцога Орлеанскаго; ночью онъ ворвался въ его палатку съ толпою дюжихъ солдатъ; но замыселъ уже былъ открытъ, и герцогъ Орлеанскій съ принцемъ Оранскимъ вышли на встрѣчу д'Альбре, который напрасно пытался пустыми увертками отклонить отъ себя подозрѣніе въ покушеніи на убійство. На слѣдующее утро, въ военномъ совѣтѣ д'Альбре былъ открыто обвиненъ въ покушеніи, и всѣ значительныя лица въ войскѣ раздѣлились на двѣ партіи; но споръ былъ оконченъ полюбовно, хотя не надолго. Сраженіе, данное вслѣдъ за тѣмъ при Сентъ-Обенѣ (27 іюля 1488 г.), кончилось совершеннымъ пораженіемъ союзниковъ: они потеряли отъ 1,200 — 1300 человѣкъ убитыми и отъ 500 — 600 плѣнными; остальное войско ихъ было совершенно разсѣяно, потому что никто не прикрывалъ отступленія. Въ числѣ плѣнныхъ находились герцогъ Орлеанскій и принцъ Оранскій. Англичане, находившееся въ войскѣ, были безпощадно изрублены.

Послѣ сентъ-обенскаго сраженія всѣ бретанскіе города перешли въ руки непріятеля. Одинъ Реннъ защищался и далъ дерзкій отвѣтъ королевскимъ герольдамъ, пугавшимъ жителей

угрозами *). Когда палъ Сенъ-Мало, герцогъ Францискъ долженъ былъ рѣшиться 21 августа 1488 г. принять семь тягостныхъ условій, предложенныхъ ему отъ имени короля въ Сабле. Однимъ изъ главныхъ было то, что дочери герцога не могли выходить замужъ безъ позволенія французскаго короля. Черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія этого договора, герцогъ Францискъ умеръ (9 сентября 1488 г.).

2. Франція, Германія и Нидерланды по смерти послѣдняго герцога Бретанскаго.

Францискъ II Бретанскій назначилъ по завѣщанію маршала де Ріё опекуномъ своихъ дочерей и защитникомъ правъ своего государства. Опекунъ старался выдать наслѣдницу герцогства замужъ за д'Альбре, такъ какъ герцогъ Орлеанскій уже былъ женатъ; но герцогиня противилась его требованіямъ и нашла защитниковъ въ канцлерѣ, въ графѣ Дюнуа и во многихъ другихъ. Де Ріё и д'Альбре не оставляли однако своего плана и до того преслѣдовали Анну, что она рѣшилась бѣжать въ Редонъ. Граждане Ренна приглашали къ себѣ несчастную, но неустрашимую принцессу, владѣнія которой были заняты французами, и которой опекунъ навязывалъ въ мужья ненавистнаго ей человѣка. Она приняла приглашеніе, и жители Ренна, какъ бо-

*) Въ заключеніе этого отвѣта говорилось. Seigneurs hérauts, il y a dans cette bonne ville de Rennes quarante mille hommes, dont vingt mille combattront si bien, que vous y gagnerez tout autant que vous avez gagné devant la ville de Nantes.—Nous ne craignons le roi ni toute sa puissance. Partant retournez au seigneur de la Tremouille et faites lui rapport de cette joyeuse réponse; car de nous n'aurez autre chose pour le présent. (Господа герольды, у насъ въ Реннѣ 40 т. чел., изъ которыхъ 20 т. будутъ драться такъ хорошо, что вы возьмете здѣсь такъ же мало, какъ подъ Нантомъ. Мы не боимся короля со всѣмъ его могуществомъ. Ступайте къ г. де ля-Тремуйлю и передайте ему этотъ веселый отвѣтъ; потому что отъ насъ не дождетесь ничего другого).

гатые, такъ и бѣдные, щедрыми пожертвованіямь дали ей средства къ жизни до полученія помощи отъ Генриха VII англійскаго.

Генрихъ VII дѣйствительно полагалъ, что пришло время уступить настоятельному желанію подданныхъ и помочь герцогинѣ Бретанской. Рѣшиться на это ему было очень трудно, потому что онъ боялся всякаго расхода и усердно копилъ деньги, чтобы имѣть возможность силою удерживать за собою господство надъ Англіей, котораго силою достигъ. Наконецъ онъ рѣшился далъ помощь герцогинѣ на самыхъ тяжкихъ для нея условіяхъ; но маршалъ де Ріё вошелъ съ нимъ въ переговоры и такъ обольстилъ и опуталъ его разною ложью, что онъ, желая помѣшать замужству наслѣдницы бретанской съ Максимиліаномъ, принялъ сторону д'Альбре. Изъ договора, заключеннаго имъ съ Анною, ясно видна его безграничная жадность къ деньгамъ и желаніе содѣйствовать д'Альбре, прикрытое темными фразами. Такъ, напримѣръ, съ одной стороны онъ требуетъ уплаты всѣхъ издержекъ за 6,000 — 10,000 т. войска, которое пошлетъ въ Бретань и оставитъ тамъ отъ февраля до ноября 1489 г., и въ обезпеченіе этой уплаты проситъ въ залогъ пять городовъ; съ другой стороны, въ третьемъ пунктѣ коварнаго условія говорится: „герцогиня и четверо первыхъ бретанскихъ вельможъ, въ томъ числѣ маршалъ де Ріё, обязаны дать присягу въ томъ, что герцогиня ни за кого не выйдетъ замужъ безъ согласія англійскаго короля, котораго необходимо извѣщать о всѣхъ условіяхъ, заключаемыхъ герцогинею съ другими государствами“. Англійскія войска были приняты въ Бретани неблагопріятно. Имъ было, можетъ быть, приказано при первой возможности, овладѣть герцогинею; но она во время получила помощь изъ Испаніи. Фердинандъ Католикъ арагонскій послалъ ей войско, которое въ соединеніи съ нѣмцами, присланными Максимиліаномъ и съ приверженцами графа Дюнуа и герцога Орлеанскаго, вполнѣ ограждало герцогиню отъ козней мар-

шала; сверхъ того, Фердинандъ обѣщалъ лично перейдти съ войскомъ Пиренеи и аттаковать французовъ съ тылу.

Для Генриха VII защита герцогини Бретанской была отличной денежной спекуляціей; его духовенство дало ему для этой цѣли десятую часть своихъ доходовъ, что было для него чистымъ барышомъ; кромѣ того онъ выговорилъ себѣ вознагражденіе за всѣ издержки, до полученія котораго могъ удерживать заложенные ему города. Французская регентша послѣдовала довольно безцеремонно его примѣру. Она не рѣшилась созвать духовенство, чтобы вытребовать отъ него десятину, какъ-бы слѣдовало по закону и по обычаю; но вмѣсто того она поручила двумъ коммиссарамъ просить парламентъ, ссылаясь на положеніе дѣлъ, взыскать съ духовенства десятинную подать. Парламентъ отвѣтилъ на это, что, будучи весьма благодаренъ королю за извѣщеніе его о положеніи дѣлъ, хочетъ доказать ему свою вѣрность; поэтому, считая долгомъ говорить ему правду, онъ проситъ короля обратить вниманіе на то, что парламентъ существуетъ для судопроизводства, и что во Франціи было бы неслыханнымъ нововведеніемъ требовать отъ духовенства подати, не созвавши его предварительно для этой цѣли. Всѣ усилія измѣнить мнѣніе парламента были тщетны. Тогда обратились къ папѣ Иннокентію VIII, который былъ очень радъ, что даже французскій король признаетъ его законодателемъ въ свѣтскихъ дѣлахъ, совершенно чуждыхъ церковной власти папы. Онъ охотно приказалъ духовенству заплатить десятину, но при этомъ не оставилъ безъ вознагражденія и свою любезность, потребовавъ себѣ третью часть изъ предстоящаго сбора, подъ предлогомъ войны съ турками.

Англійскій король, наконецъ, пересталъ навязывать Аннѣ Бретанской д'Альбре; французская регентша отдѣлалась отъ него и отъ бретанскихъ недовольныхъ тѣмъ, что обманула римскаго короля Максимиліана мнимымъ содѣйствіемъ его женитьбѣ на Аннѣ и, обезпечивъ себя такимъ образомъ съ этой стороны,

направила всѣ свои силы противъ Бретани и арагонцевъ. Этотъ оборотъ ея политики заставляетъ насъ обратиться къ исторіи Максимиліана. Максимиліанъ долженъ былъ купить у гражданъ Брюгге свое освобожденіе цѣною тяжелыхъ условій, обязательности которыхъ семидесятитрехлѣтній отецъ его, Фридрихъ III, не хотѣлъ признавать. Императоръ обнародовалъ воззваніе, приглашая отмстить фламандцамъ и французамъ за позоръ, нанесенный государству плѣномъ римскаго короля; онъ даже предлагалъ выступить въ походъ во главѣ нѣмцевъ, не смотря на то, что въ послѣдніе годы жизни потерялъ въ алхимическихъ и астрологическихъ занятіяхъ ту каплю здраваго смысла, которую прежде имѣлъ. Въ Германіи дѣла шли обычнымъ порядкомъ. На сеймѣ, созванномъ Фридрихомъ по поводу похода въ Нидерланды, шли длинныя совѣщанія, говорились скучныя рѣчи и писались матеріалы для будущихъ нѣмецкихъ историковъ. Когда же дѣло дошло до вопроса объ издержкахъ, то ни императоръ, ни города — всегда тугіе на расплату — ни князья не умѣли дать порядочнаго совѣта. Изъ всѣхъ членовъ сейма одинъ только герцогъ Альбрехтъ Саксонскій выказалъ при этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, истинно патріотическія стремленія, уважая императора даже въ такомъ ничтожномъ тунеядцѣ, какъ Фридрихъ, котораго сбивали съ толку духовенство и мистики. Поэтому мы намѣрены нѣсколько подробнѣе изложить исторію Альбрехта и его дяди Вильгельма.

Въ Саксоніи въ 1464 г. Фридриху Миролюбивому наслѣдовали (Т. IX, стр. 190) сыновья его, Эрнстъ и Альбрехтъ, основатели двухъ линій—Эрнестинской и Альбертинской; сначала они управляли вмѣстѣ, но въ 1485 г. раздѣлили свои владѣнія; старшій изъ нихъ, Эрнстъ, получилъ курфиршеское достоинство. Альбрехтъ при всякомъ случаѣ старался поддержать достоинство главы имперіи, даже въ ущербъ своимъ личнымъ выгодамъ. Въ 1475 г. онъ оказалъ императору Фридриху значительныя услуги въ кёльнской распрѣ (Т. X, стр. 225). Когда,

по истеченіи перваго срока военной службы, назначеннаго Фридрихомъ, саксонскіе графы хотѣли возвратиться домой, дядя Альбрехта, Вильгельмъ III Тюрингенскій, которому впослѣдствіи наслѣдовали его племянники, Эрнстъ и Альбрехтъ, издалъ, чтобъ удержать ихъ, грозную прокламацію, а по окончаніи втораго срока, Альбрехтъ написалъ имъ письмо, въ которомъ выразилъ убѣжденіе въ солидарности императора и имперіи. (Вотъ подлинныя слова этого письма: Es gebeut die Ehre und das Herkommen in solchem thun von einem Römischen Keyser, von unserm Herrn, von unserm angebohrenen Fründe und Mage, indem das, sein Gnade, als ein Vorsteher des heiligen Reichs, Kurfürsten und Fürsten, Herrn, Grafen und allen des Reichs Unterthanen in des heiligen Reichs nöthigen Sachen, zu Ere und Glimpf, zu Schutz und Handhabung hoch betreffe, nicht auszuweichen *). Такъ какъ курфирстъ Саксонскій былъ въ отсутствіи, то императоръ пожаловалъ Альбрехту званіе архимаршала, слѣдовательно право носить главную хоругвь имперіи. Вслѣдъ за тѣмъ Альбрехтъ помогъ императору противъ венгровъ, не смотря на то, что въ Германіи всѣми было признано, что Габсбургскій домъ самымъ постыднымъ образомъ злоупотребляетъ нѣмцами въ пользу своихъ наслѣдственныхъ владѣній. Это было въ 1480—1482 г., когда Матфій Корвинъ вторгнулся въ Австрію; еще болѣе важную услугу оказалъ Альбрехтъ въ 1485 г., когда венгры заняли большую часть наслѣдственныхъ владѣній Фридриха (см. выше, стр. 69). Альбрехтъ принялъ на себя въ высшей степени неблагодарную роль главнаго императорскаго военачальника или, другими словами, сталъ во главѣ нестройнаго войска, которому императоръ не

*) По чести и по обычаю не слѣдуетъ покидать въ такомъ положеніи римскаго императора, нашего господина и друга, потому что его милость, какъ глава Священной Имперіи, необходимъ для чести и тишины, защиты и управленія курфюрстовъ, князей, господъ, графовъ и всѣхъ подданныхъ Священной Имперіи.

*

могъ платить жалованья, потому что финансы Фридриха были въ томъ состояніи, въ какомъ финансы Габсбургскаго дома находились и находятся всегда. При такихъ обстоятельствахъ, борьба Альбрехта съ венграми, конечно, не могла имѣть успѣха; герцогу приходилось даже защищаться отъ собственныхъ солдатъ, которые съ угрозою требовали жалованья. Онъ вынужденъ былъ наконецъ взять для императора и имперіи изъ своего собственнаго казначейства значительную для того времени сумму, 30 тысячъ дукатовъ, чѣмъ возбудилъ неудовольствіе въ саксонцахъ, которымъ не было дѣла до патріотизма своего герцога. Не смотря на то, что императорскія войска, неполучавшія жалованья, наконецъ разбѣжались, онъ продержался до ноября 1487 г. и именемъ Фридриха заключилъ Мергендорфское перемиріе, по которому венгерскій король сохранилъ свои завоеванія.

Когда послѣ этого императоръ прибылъ въ Нюрнбергъ, Альбрехтъ хотѣлъ отдать отчетъ ему и имперскимъ властямъ; но Фридрихъ не допустилъ этого, вѣроятно, какъ говоритъ казначей Альбрехта, Ратгальтеръ, на томъ грязномъ основаніи, что не зналъ откуда взять 52,600 дукатовъ, слѣдовавшихъ Альбрехту. Однако, когда въ слѣдующемъ году, императоръ хотѣлъ отмстить за плѣнъ своего сына, Альбрехтъ одинъ изъ первыхъ былъ готовъ къ войнѣ съ Нидерландами. Но саксонцы не ставили, подобно ему, честь и отечество выше денегъ; поэтому онъ долженъ былъ собрать въ Дрезденѣ депутатовъ и высказать имъ правила, въ то время уже чуждыя нѣмецкимъ князьямъ. „Я-бы скорѣе рѣшился“, сказалъ онъ депутатамъ, „жить въ величайшей бѣдности, чѣмъ оставить безъ отмщенія позоръ, нанесенный римскому королю, а слѣдовательно всей имперіи и націи. Поэтому, я хочу, съ божьею помощію, идти въ походъ и буду благодаренъ всѣмъ, кто добровольно послѣдуетъ за мною.“

Въ походѣ противъ фламандцевъ Альбрехтъ получилъ главное начальство надъ войскомъ, а позднѣе, — должность намѣ-

стника Нидерландовъ. Самъ императоръ находился при войскѣ. Въ Мехельнѣ онъ созвалъ сеймъ, на которомъ клятва, данная Максимиліаномъ въ Брюгге, была признана вынужденною и недѣйствительною, и положено принять противъ фламандцевъ самыя рѣшительныя мѣры. Самъ Максимиліанъ, выказавшій при этомъ робкую совѣстливость, только тогда согласился на походъ своего отца противъ Брюгге и Гента, когда его одобрили прочіе нидерландскіе города. Война началась осадою Гента, которая однако должна была быть снята въ іюлѣ 1488. Фламандцы назначили своимъ главнокомандующимъ Филиппа Клеве, бывшаго прежде приверженцемъ Максимиліана и перешедшаго потомъ на сторону республиканцевъ; онъ усмирилъ весь Брабантъ, занялъ Брюссель и привлекъ на свою сторону французовъ, подъ предводительствомъ Декерда. Филиппъ не давалъ однако ходу демагогамъ и не дозволялъ имъ попирать международное право. Въ Брюгге находились въ заточеніи десять вельможъ, взятыхъ въ прошломъ году въ плѣнъ вмѣстѣ съ Максимиліаномъ. Максимиліанъ съ угрозами потребовалъ отъ гражданъ города, чтобы они прислали ихъ въ его лагерь; но двѣнадцать цеховыхъ старшинъ, оскорбленные этимъ, хотѣли выдать депутатамъ Максимиліана вмѣсто самихъ плѣнныхъ, ихъ головы. Старшина сапожнаго цеха, которому было поручено выполнить это рѣшеніе, направился къ тюрьмѣ, окруженный чернью и въ сопровожденіи палача съ десятью кожанными мѣшками для десяти головъ; но Филиппъ Клеве, вступивъ въ городъ, не только спасъ плѣнныхъ, но принялъ мѣры предупреждать и на будущее время всякую попытку подобной расправы.

Скоро поднялись и безпокойные люттихцы. Они прогнали своего епископа, Іана фанъ-Гоорна, который прежде содѣйствовалъ убійству Вильгельма де-ля Марка (т. X, стр. 290), и избрали правителями Эбергарда и Роберта де-ля Маркъ. Глава голландскихъ удочекъ (т. X, стр. 282), Францъ Бредероде, выгналъ изъ

Роттердама партію рыбъ и Вильгельма фонъ-Рейкерсваале, котораго осенью 1488 г. Максимиліанъ назначилъ бургомистромъ. Вслѣдствіе всего этого Максимиліанъ долженъ былъ отправиться въ Голландію, гдѣ въ 1489 г. побѣдилъ своихъ враговъ, между тѣмъ какъ императоръ еще въ 1488 г. возвратился въ Австрію. Альбрехтъ Саксонскій, стоявшій во главѣ нѣмецкаго войска, едва-ли могъ-бы что-нибудь сдѣлать, еслибъ французы продолжали помогать фламандцамъ; но именно въ это самое время политика ихъ приняла, какъ было сказано выше (стр. 82), другое направленіе, потому что регентша Франціи, не желая въ одно и то же время вести войну съ Англіей, Арагоніей и Германіей, считала полезнымъ заключить миръ съ Максимиліаномъ и Анной Бретанской. Въ 1489 г. французскій главнокомандующій Декердъ былъ во враждѣ съ бельгійскими демократами; фламандцы, брабантцы и французы боялись Альбрехта, грознаго не столько многочисленностью войска, сколько—по сознанію самихъ французовъ — единодушнымъ, быстрымъ и тайнымъ исполненіемъ своихъ плановъ. Регентша, узнавъ черезъ своихъ агентовъ, что нѣмецкіе князья, къ которымъ Максимиліанъ въ это время ѣздилъ, вооружаются серьезно, сочла за лучшее предупредить войну. Съ этой цѣлью она послала во Франкфуртъ на Майнѣ, куда Максимиліанъ созвалъ имперскій сеймъ, трехъ пословъ, въ сопровожденіи графа Энгельберта Нассаускаго, находившагося въ плѣну у французовъ. Максимиліанъ, озлобленный на французовъ, не хотѣлъ выслушать пословъ; но нѣмецкіе князья, которыхъ помощь была ему необходима, подкупленные Энгельбертомъ и послами, согласились на условія, предложенныя французами, и 22 іюля 1489 г. римскій король долженъ былъ принять миръ съ Франціей. Это еще болѣе усилило его ненависть къ Франціи, такъ что въ памятной книжкѣ, гдѣ онъ записывалъ всѣ продѣлки съ нимъ французовъ, онъ замѣтилъ, что ложью, гладкими рѣчами и подкупомъ они отняли у него побѣду, въ ту самую минуту, когда онъ былъ въ ней увѣренъ.

Миръ, заключенный во Франкфуртѣ между Максимиліаномъ и Карломъ VIII, былъ вѣнцомъ того коварнаго дипломатическаго искусства, въ которомъ постоянно упражнялся Лудовикъ XI и которое наслѣдовала отъ него его дочь. Судя по словамъ договора, Франція должна была содѣйствовать браку Максимиліана съ Анной Бретанской и женить Карла VIII на его невѣстѣ, дочери римскаго короля, Маргаритѣ, воспитывавшейся во Франціи; на самомъ же дѣлѣ регентша желала воспрепятствовать этимъ брачнымъ союзамъ и женить Карла на Аннѣ. Въ первомъ пунктѣ договора говорится, что Максимиліанъ долженъ съѣхаться въ Турнэ съ Карломъ — который названъ его зятемъ—для словеснаго окончанія спора по поводу герцогства Бургундіи и графства Шароле. Въ остальныхъ пяти статьяхъ, относящихся къ Фландріи, Карлъ обѣщаетъ римскому королю удовлетвореніе, котораго онъ требовалъ отъ Гента и Брюгге, и освобожденіе герцога Орлеанскаго; за это Максимиліанъ даетъ полное прощеніе Филиппу Клеве. Наконецъ, седьмая и осьмая статьи обязываютъ французскаго короля возвратить все, завоеванное въ Бретани со смерти герцога Франциска II, но съ условіемъ, чтобы и англичане оставили герцогство; кромѣ того, города Сенъ-Мало, Фужеръ, Динанъ и Сентъ-Обенъ должны быть предоставлены принцу Оранскому и герцогу Бурбонскому до тѣхъ поръ, пока особая комиссія не рѣшитъ окончательно вопроса о нихъ. Бретанскія дѣла были рѣшены договоромъ такъ, что легко можно было предвидѣть, что послѣднія статьи его дадутъ поводъ совершенно уничтожить всѣ прочія условія, подобно тому какъ уничтожались многіе договоры въ наше время.

По окончаніи войны съ французами, Альбрехтъ и Максимиліанъ легко справились съ нидерландцами, постоянно враждовавшими между собою. Максимиліанъ созвалъ въ Лейденѣ своихъ приверженцевъ, подъ именемъ чиновъ Голландіи, и продолжалъ войну съ удочками, у которыхъ въ 1489 г. отнялъ Роттердамъ. Его счастіе въ Голландіи подѣйствовало на Фи-

липпа Клеве и на фламандцевъ. Три главные города Фландріи заключили 1 октября 1489 г. договоръ, по которому Максимиліанъ, подтвердившій ихъ древнія привиллегіи, былъ признанъ опекуномъ и регентомъ, получалъ въ вознагражденіе убытковъ 300 тысячъ червонцевъ, а всѣ, засѣдавшіе въ совѣтѣ во время взятія его въ плѣнъ, должны были просить у него прощенія на колѣняхъ и съ обнаженною головою. По заключеніи этого договора Максимиліанъ отправился въ Австрію, чтобы возстановить тамъ значеніе своего дома. Альбрехтъ же съ графомъ Нассаускимъ и княземъ Шиме остался намѣстникомъ Нидерландовъ и продолжалъ подчинять голандскихъ удочекъ. Его флотъ, состоявшій изъ тридцати восьми кораблей подъ начальствомъ Іана Эгмонта, окончательно покорилъ удочекъ 21 іюля 1490 г. и взялъ въ плѣнъ ихъ предводителя, Франца Бредероде, который нѣсколько недѣль спустя умеръ отъ ранъ. Герцогъ Альбрехтъ оставался императорскимъ намѣстникомъ въ Нидерландахъ до 1500 года, т. е. до смерти своей во Фрисландіи во время происходившихъ тамъ безпорядковъ.

3. Карлъ VIII французскій и Максимиліанъ I германскій въ 1490—1493 гг.

Молодая герцогиня Бретанская и ея приближенные все еще боялись, что ее насильно выдадутъ за д'Альбре, такъ какъ Анна находилась въ такомъ же положеніи въ Бретани, какъ Максимиліанъ во Фландріи. Поэтому она просила его пріѣхать въ Бретань и жениться на ней; но обстоятельства препятствовали этому, такъ что совѣтники Максимиліана придумали обвѣнчать его съ Анной черезъ уполномоченнаго (per procurationem); эта церемонія, введенная въ употребленіе нѣмцами, была впослѣдствіи осмѣяна французами, и до сихъ поръ о ней не говорятъ безъ смѣха. Для совершенія ея

былъ посланъ въ Бретань графъ Энгельбертъ Нассаускій съ Вольфгангомъ Польгаймомъ и кабинетнымъ секретаремъ Максимиліана, Гундебальдомъ. Они прибыли туда благополучно, и французское правительство покровительствовало имъ, такъ какъ они объявили, что имъ поручено слѣдить за исполненіемъ условій послѣдняго мирнаго трактата, касающихся Бретани. По прибытіи ихъ въ Реннъ было немедленно устроено вѣнчаніе, но такъ секретно, что даже самыя довѣренныя лица ничего не знали о немъ, и намъ неизвѣстно, когда оно произошло. Когда герцогиня обвѣнчалась съ первымъ посломъ Максимиліана, Энгельбертомъ Нассаускимъ или — что вѣроятнѣе—съ принцемъ Оранскимъ, брачная церемонія, по разсказамъ французовъ, продолжалась слѣдующимъ образомъ. Герцогиня легла въ постель, подлѣ нея положили шпагу, къ которой представитель Максимиліана приложилъ свою голую ногу, держа въ рукѣ полномочіе своего государя. Этотъ смѣшной способъ вступать въ обладаніе своей невѣстой считался законнымъ совершеніемъ брака. Но такъ какъ Максимиліанъ не могъ лично пріѣхать въ Бретань, то французскіе юристы имѣли достаточно времени объявить все это дѣло недѣйствительнымъ. Французская регентша созвала королевскій совѣтъ, который, по совѣщаніи со всѣми знаменитыми канонистами и юристами королевства, постановилъ слѣдующее рѣшеніе по поводу бракосочетанія дочери перваго королевскаго вассала: герцогиня Бретанская, по несовершеннолѣтію и по вассальной зависимости отъ французской короны, не могла ни вступать въ бракъ, ни распоряжаться своимъ леномъ безъ согласія родныхъ и короля, своего сюзерена, и такъ какъ нѣмецкая церемонія ея бракосочетанія была ничто иное, какъ неприличная комедія, то этотъ мнимый бракъ долженъ считаться недѣйствительнымъ какъ въ гражданскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніяхъ. Рѣшеніе это было вскорѣ обнародовано офиціально.

Французскій дворъ рѣшился женить короля Карла, бывшаго

еще очень юнымъ, тщедушнымъ и кривобокимъ, на наслѣдницѣ Бретани, которая была гораздо старше его. Для приведенія въ исполненіе этого намѣренія обратились къ д'Альбре, который, со времени дипломатическаго бракосочетанія герцогини, потерялъ всякую надежду на полученіе ея руки. Его подкупили, и онъ измѣнилъ своему старому другу, маршалу де-Ріё, потому что ему было гораздо пріятнѣе видѣть герцогиню женою своего короля, чѣмъ Максимиліана. Маршалъ де-Ріё велъ тогда переговоры съ англичанами и хотѣлъ, овладѣвъ Нантомъ, гдѣ командовалъ д'Альбре, дать имъ возможность защитить герцогиню и ея супруга, Максимиліана; но д'Альбре измѣнническимъ образомъ передалъ Нантъ французамъ (начало 1491 г.). Положеніе молодой герцогини въ Реннѣ стало опасно, и такъ какъ французы въ то же время задерживали въ Нидерландахъ ея супруга или, по ихъ выраженію, жениха, то предположенная ими цѣль была достигнута. Между тѣмъ Максимиліанъ испытывалъ тоже несчастіе, которое преслѣдовало его всю жизнь: гоняясь за двумя зайцами, онъ упускалъ изъ рукъ выгоды и становился тѣмъ безсильнѣе и бѣднѣе, чѣмъ болѣе пріобрѣталъ владѣній и правъ. Чтобы доказать это, мы должны разсмотрѣть подробнѣе, какъ помогалъ Максимиліанъ своему отцу противъ венгровъ въ 1490 и 1491 гг.

На пути изъ Нидерландовъ въ Австрію, Максимиліанъ заѣхалъ въ Тироль, чтобы принять эту страну во владѣніе отъ своего стараго двоюроднаго брата Сигизмунда, который уже давно усыновилъ его. Старый Сигизмундъ постоянно ссорился съ депутатами своей страны за дурное управленіе его совѣтниковъ, которые совершенно овладѣли имъ; поэтому, они давно признали Максимиліана его наслѣдникомъ, и Сигизмундъ самъ охотно уступилъ власть своему двоюродному брату. 18 марта 1490 г. они заключили между собою условіе, по которому Максимиліанъ получилъ графство Тироль, а Сигизмундъ съ женою—годовое содержаніе въ 52 тысячи дукатовъ (гульденовъ). Изъ Тироля Максимиліанъ отправился въ

Австрію. Сюда его привлекало желаніе его отца пріобрѣсти венгерскую корону, которой не совсѣмъ благоразумно домогался и Максимиліанъ. Матфій Корвинъ еще въ 1463 г. завѣщалъ, въ случаѣ бездѣтной смерти своей, венгерскій престолъ императору Фридриху. Теперь онъ лежалъ при смерти больной въ Офенѣ и отправилъ къ Фридриху и Максимиліану въ Линцъ своего министра и генерала, Іоганна фонъ-Проснища епископа гросвардейнскаго; сверхъ того онъ выказалъ имъ дружеское расположеніе посылкою 400 бочекъ вина, 400 быковъ и 12 т. дукатовъ; онъ предлагалъ даже возвратить Нижнюю Австрію за 70 тысячь гульденовъ военныхъ издержекъ. Этой суммой Фридрихъ могъ купить не только миръ и обладаніе потерянною страною, но, вѣроятно, и завѣщаніе, о которомъ было говорено. Но онъ былъ слишкомъ скупъ, тогда какъ сынъ его сорилъ деньгами, что всегда дѣлаютъ сыновья скупыхъ отцовъ. Фридрихъ надѣялся, что скорая смерть венгерскаго короля даромъ доставитъ ему потерянное. Но въ апрѣлѣ 1490 г. Матфій Корвинъ умеръ, прежде чѣмъ венгерскій сеймъ успѣлъ, по его желанію, собраться для выбора короля; тогда завоеванную часть Австріи пришлось возвращать оружіемъ, и сынъ императора долженъ былъ разстаться съ мечтою о пріобрѣтеніи венгерской короны.

По смерти Матфія, супруга его, Беатриса Неаполитанская и побочный сынъ его, Іоаннъ Корвинъ, враждовали между собою; избраніе же наслѣдника лежало на обязанности трехъ знатнѣйшихъ вельможъ государства, — Стефана Заполія, епископа Урбана Доци эрлаускаго и епископа гросвардейскаго Іоанна фонъ-Проснища, подъ властію котораго находились всѣ наемныя войска и черный легіонъ въ Моравіи и Силезіи. Эти лица устроили такъ, что выборъ кончился прежде заключенія мира съ императоромъ и его сыномъ и палъ на слабаго короля богемскаго, Владислава VII, привыкшаго къ олигархическому правленію вельможъ. Владиславъ былъ сынъ польскаго

короля Казиміра IV и по смерти Георга Подѣбрада былъ предпочтенъ его сыну, императору Фридриху и Максимиліану, потому что чешскіе вельможи не хотѣли обращать избирательное правленіе въ наслѣдственное и уменьшать свое собственное вліяніе. Онъ долженъ былъ вести за богемскую корону продолжительную войну съ Матфіемъ Корвиномъ и былъ наконецъ вынужденъ (1479 г.) уступить ему право носить титулъ короля богемскаго съ Моравіею и большею частью Силезіи. У него была также размолвка съ Фридрихомъ и Максимиліаномъ за то, что при избраніи послѣдняго въ римскіе короли, у него не спросили голоса; впрочемъ онъ скоро примирился съ ними. Въ Богеміи онъ безпрестанно долженъ былъ воевать то съ тѣмъ, то съ другимъ владѣтелемъ, и сверхъ того былъ тревожимъ враждою католическаго духовенства съ утраквистами. Впрочемъ, онъ управлялъ въ народномъ духѣ и признавалъ извѣстную независимость за поземельными владѣльцами и городами. Такой образъ правленія привлекъ къ нему, по смерти Матфія Корвина, венгерскихъ вельможъ. Они не желали имѣть королемъ человѣка могущественнаго и склоннаго къ самодержавію и старались удержать свою олигархическую конституцію, хотя при Матфіѣ испытали всѣ выгоды военно-монархическаго управленія, которое препятствовало злоупотребленіямъ знати и отражало турокъ. Три названные нами вельможи избрали Владислава, соперниками котораго были Іоаннъ Корвинъ и римскій король Максимиліанъ; они дѣйствовали при этомъ хитростію, деньгами и смѣлымъ нападеніемъ на друзей и войска Іоанна Корвина. Они откладывали избраніе, пока наконецъ дворянство, не имѣя средствъ оставаться долѣе въ избирательномъ лагерѣ, рѣшилось избрать изъ своей среды шестьдесятъ уполномоченныхъ, которымъ поручили избраніе короля и съ которыми, конечно, легче было справиться, чѣмъ со всѣмъ дворянствомъ. Послѣ этого, они заставили Владислава обѣщать представителямъ ихъ партіи разныя привиллегіи и владѣнія и тѣмъ подвинуть ихъ собрать сто тысячъ дукатовъ; этими деньгами Іоаннъ

фонъ-Проснпцъ заплатилъ большую часть жалованія черному легіону, что побудило этотъ отрядъ присягнуть той партіи, которая была самой могущественной въ Венгріи. Послѣ этого, Іоаннъ, во главѣ чернаго легіона, отправился въ Венгрію, разбилъ молодаго Корвина, прогналъ его съ избирательнаго поля и такимъ образомъ достигъ того, что 14 іюля 1490 г. Владиславъ былъ избранъ королемъ венгерскимъ. Вслѣдъ за тѣмъ, венгерскіе магнаты вынудили у короля разныя ограниченія и до того стѣснили его, что безъ ихъ согласія онъ не могъ жаловать болѣе ста крестьянъ.

Между тѣмъ Максимиліанъ собралъ небольшое войско (хотя отецъ его все-таки не давалъ на это денегъ), съ цѣлью отнять у венгровъ свои наслѣдственныя земли, которыми они завладѣли, и оружіемъ пріобрѣсти право на ихъ престолъ. Ненависть, которую венгры возбудили противъ себя въ Австріи, значительно облегчала ему выполненіе перваго намѣренія. Едва подошелъ онъ къ Нейбургу, какъ жители Вѣны выставили императорскаго орла и черезъ депутатовъ пригласили къ себѣ своего государя. 19 августа Максимиліанъ вступилъ въ Вѣну и овладѣлъ цитаделью, которую занимали 400 венгерцевъ. Первый приступъ его былъ, правда, отбитъ, и самъ онъ раненъ, но черезъ нѣсколько дней осажденные приняли выгодныя условія, предложенныя имъ Максимиліаномъ и вышли изъ города. Послѣ этого онъ отнялъ у венгровъ еще нѣсколько городовъ и наконецъ вторгся въ самую Венгрію; но многіе изъ австрійскихъ городовъ и замковъ находились еще во власти непріятеля, какъ видно изъ условій мира, заключеннаго въ слѣдующемъ году. Максимиліанъ вступилъ въ Венгрію съ 18 т. войскомъ, шелъ безостановочно впередъ и въ ноябрѣ завоевалъ Штульвейсенбургъ. Въ то же время турки напали на Венгрію съ юга, а польскій отрядъ ворвался въ нее съ сѣвера. При взятіи Штульвейсенбурга швабы въ войскѣ Максимиліана дѣлали такія гнусныя жестокости, что всѣ возненавидѣли не только ихъ, но и ихъ господина, который самъ былъ въ очень скверь-

номъ положеніи; онъ не могъ заплатить жалованья даже третьей части своего войска и съ часу на часъ ожидалъ возстанія своихъ собственныхъ солдатъ. Венгры отвергли всѣ его требованія и ожидали прибытія чернаго легіона. Поэтому въ декабрѣ онъ счелъ за лучшее удалиться въ Германію, надѣясь получить отъ имперскаго сейма армію противъ Венгріи.

Нѣмецкіе чины, собравшіеся въ апрѣлѣ 1491 г. въ Нюренбергѣ, долго разсуждали и спорили о томъ, какого рода помощь подать своему императору: дать ли ему денегъ или войско; они никакъ не могли поладить и кончили тѣмъ, что не дали ни того, ни другаго. Такимъ образомъ нѣмцы остались и на этотъ разъ вѣрны себѣ; князья и владѣтели, которыхъ спрашивали вмѣсто народа, занимались на сеймѣ тѣмъ, что писали, ораторствовали и пили. Это позволило венграмъ голодомъ принудить къ сдачѣ осажденный ими Штульвейсенбургъ. 19 іюля 1491 г. городъ сдался на капитуляцію. Тогда Максимиліанъ рѣшился начать мирные приговоры. 8-го августа къ Владиславу явились австрійскіе послы; въ Пресбургѣ былъ собранъ конгресъ, на которомъ 7 ноября состоялся договоръ, весьма важный для габсбургскаго дома. Изъ десяти статей его мы приведемъ только тѣ, которыя имѣютъ значеніе для исторіи шестнадцатаго столѣтія. По этимъ статьямъ Владиславъ VII и его мужескіе потомки признаются законными владѣтелями Венгріи; по прекращеніи же мужеской линіи права ихъ переходятъ къ габсбургскому дому. Венгерскій сеймъ, поспѣшно созванный, утвердилъ это условіе. Кромѣ того, Максимиліанъ долженъ былъ получить обратно всѣ города и крѣпости, составлявшія родовую собственность его дома и находившіеся во власти венгровъ и, съ своей стороны, отдать все, завоеванное имъ въ Венгріи и Кроаціи. Далѣе, императору Фридриху было возвращено долговое обязательство въ сто тысячъ дукатовъ, данное имъ венграмъ. Наконецъ, Владиславъ обязался въ теченіе двухъ лѣтъ уплатить габсбургскому дому сто тысячъ

червонцевъ за военныя издержки и помочь ему пріобрѣсти богемскій престолъ.

Во время венгерской войны, въ Нидерландахъ снова произошли безпорядки. Альбрехтъ Саксонскій, графъ Нассаускій и князь Шиме дѣлали разныя притѣсненія при сборѣ пени не только во Фландріи, но и въ Брабантѣ и Геннегау; сверхъ того, чтобы имѣть возможность расплатиться съ своими войсками, они перечеканивали монету въ низшее достоинство и велѣли собирать во всѣхъ провинціяхъ деньги на содержаніе конницы. Бѣдность, распространенная повсемѣстно, усиливала всеобщее неудовольствіе. Въ трехъ провинціяхъ произошли даже возмущенія. Первыми поднялись фламандцы, когда правители, желая вынуть изъ обращенія дурную монету, приказали въ извѣстный срокъ сбавить на третью часть цѣнности стоимость червонцовъ. Всѣ должники спѣшили удовлетворить своихъ кредиторовъ ранѣе этого срока, и Максимиліана громко обвиняли въ томъ, что этою мѣрою онъ хотѣлъ свалить на народъ долги, надѣланные имъ и его пріятелями. Возстаніе началось въ Гентѣ, который больше всѣхъ терялъ отъ пониженія цѣнности денежныхъ знаковъ; отсюда оно быстро распространилось по всей Фландріи. Второе возстаніе произошло въ Кеннемерѣ и у фризовъ. Въ апрѣлѣ 1491 г. Іанъ Эгмонтъ, намѣреваясь взыскать деньги силою, велѣлъ публично казнить двухъ человѣкъ, которые возстали противъ него и вызвалъ этимъ общее сопротивленіе взыманію обременительнаго налога. Народъ собрался подъ знаменемъ, на которомъ вмѣсто герба были изображены сыръ и хлѣбъ, и къ концу 1491 г. занялъ Алькмаръ. Мятежниковъ назвали, по знамени, сырниками и хлѣбниками. Третье возстаніе было вызвано французами. Они подбили молодого герцога Карла Гельдернскаго, бывшаго у нихъ въ плѣну (стр. 73), вторгнутся въ Гельдернъ, отнятый у него Максимиліаномъ и дали ему тысячный обрядъ конницы. Къ нему присоединились Робертъ и Эбергардъ де-ля Марки, непримиримые враги Максимиліана, епископъ люттихскій и Рене II Лотарингскій.

Возбудивши такимъ образомъ междоусобную войну въ Нидерландахъ, французы воспользовались этимъ временемъ, чтобъ присоединить къ Франціи Бретань. Достиженію этой цѣли содѣйствовалъ герцогъ Лудовикъ Орлеанскій. Съ этимъ обстоятельствомъ тѣсно связано освобожденіе Карла VIII изъ подъ опеки его сестры, Дамы де-Божё. Вторая сестра Карла, Іоанна, отличавшаяся необыкновеннымъ безобразіемъ, была насильно выдана Лудовикомъ XI за герцога Орлеанскаго и претерпѣла отъ него много горя. Ея мужъ давно перестала скрывать, что хочетъ развестись съ нею, чтобы жениться на Аннѣ Бретанской. Не смотря на это, Іоанна дружески обращалась съ нимъ и любила его. Когда въ 1488 г. Лудовикъ былъ взятъ въ плѣнъ (стр. 78), она три года дѣлила его судьбу, пока наконецъ, послѣ неутомимыхъ усилій, ей удалось выхлопотать ему свободу. Впродолженіе этого времени она много разъ напрасно умоляла объ освобожденіи мужа свою сестру, регентшу, и наконецъ обратилась къ брату, молодому королю; въ траурной одеждѣ, съ распущенными волосами и въ слезахъ, она бросилась къ его ногамъ, и онъ исполнилъ ея просьбу, хотя сказалъ при этомъ, что, освобождая мужа, она готовитъ себѣ много горя *). Такимъ образомъ Іоанна дала своему брату поводъ сдѣлать первый шагъ къ освобожденію себя изъ подъ опеки старшей сестры. Это былъ первый случай, когда Карлъ рѣшился противупоставить свою собственную волю волѣ регентши; онъ тайно удалился отъ нея, послалъ приказъ объ освобожденіи своего зятя и велѣлъ позвать его къ себѣ. Между ними произошла трогательная сцена примиренія; за нею послѣдовали еще двѣ такія же, когда король торжественно примирился съ своею старшею сестрою, оскорбленной освобожденіемъ Лудовика и нежеланіемъ брата оставаться подъ ея властію, а Лудовикъ Орлеанскій—съ мужемъ регентши. Герцогъ Орлеанскій сдѣланный тогда намѣстникомъ Нормандіи, от-

*) Fasse de ciel, que vous n'ayez jamais lieu de vous en repentir.

казался отъ своей любви къ Аннѣ Бретанской, частію изъ патріотизма, частію изъ благодарности къ женѣ. Онъ даже помогъ убѣдить герцогиню Бретанскую согласиться на бракъ съ Карломъ VIII.

Едва англичане вышли изъ Бретани, какъ три отряда королевскаго войска заняли эту страну. Два первые, предводимые Ла-Тремуйлемъ и самимъ королемъ, направились прямо къ Ренну, гдѣ жила Анна. Герцогиня не имѣла никакой возможности защищать этотъ городъ, потому что люди, на которыхъ она возлагала всѣ свои надежды, а именно принцъ Оранскій, графъ Дюнуа, маршалъ де-Ріё и другіе, настоятельно умоляли ее согласиться на просьбу короля и тѣмъ обезпечить себѣ и своимъ подданнымъ права и преимущества, которыхъ нельзя было удержать иначе. Анна согласилась и послала принца Оранскаго къ королю, осаждавшему городъ. Онъ принялъ сдѣланныя ему предложенія и тотчасъ выказалъ свою власть въ странѣ, созвавъ въ Ваннѣ бретанскіе чины. Мѣсяцъ спустя (15 октября 1491 г.) въ реннскомъ предмѣстьѣ была заключена капитуляція, составленная такъ, что нѣмецкія войска и комиссары, находившіеся въ Реннѣ, были обмануты, и Анна могла безъ труда отдѣлаться отъ нихъ. Въ условіяхъ капитуляціи говорилось, что Анна даетъ обѣщаніе выслать изъ Бретани всѣхъ иностранцевъ, но предоставляетъ себѣ право, отправляясь къ своему мужу въ Нидерланды, взять съ собою всѣхъ бретанцевъ, которые пожелаютъ слѣдовать за нею. Когда часть французскихъ войскъ вступила въ Реннъ, король Карлъ отправился въ городъ и тайно обручился съ Анною. Скоро послѣ того, когда нѣмцы, окружавшіе герцогиню, думали, что она занята приготовленіями къ путешествію въ Нидерланды, она тайно оставила городъ въ сопровожденіи своихъ совѣтниковъ и канцлера и отправилась въ замокъ Ланже въ Турени, гдѣ ожидалъ ее король. Здѣсь былъ заключенъ брачный договоръ между Карломъ VIII и Анной, а затѣмъ послѣдовало бракосочетаніе (6 декабря). Король обѣщалъ ваннскому сейму сохранить конституцію,

привиллегіи и обычаи ихъ страны. По заключеніи брачнаго договора, Анна, единственная сестра которой умерла за годъ до того, сдѣлала распоряженіе на случай своей бездѣтной смерти, по которому передавала французскому королю герцогство Бретань, графство Нантъ и всѣ прочія свои владѣнія. За это король предоставилъ ей всѣ права на герцогство въ случаѣ, еслибы онъ умеръ прежде ея; но Анна, кромѣ того, должна была обязаться не выходить впослѣдствіи замужъ ни за кого, кромѣ преемника Карла или,—если то было бы невозможно,—за ближайшаго наслѣдника престола, который въ такомъ случаѣ долженъ былъ присягнуть королю и уплачивать всѣ ленныя повинности и не могъ отчуждать свои владѣнія никому кромѣ короля. Анна и ея мужъ были очень несходны между собой во всѣхъ отношеніяхъ. Анна, отличавшаяся необыкновенной красотой и величественной осанкой, обладала энергіею и правительственными талантами; Карлъ же, напротивъ, былъ безобразенъ и гонялся за фантастическими планами.

Бракъ Карла и Анны вдвойнѣ оскорбилъ Максимиліана, потому что у него не только похитили жену, но и оскорбили въ лицѣ его дочери, Маргариты, которая, какъ невѣста короля, жила въ Парижѣ. Онъ тотчасъ же рѣшился отмстить за нанесенную ему обиду, но не могъ ожидать помощи ни отъ своего отца, ни отъ нѣмцевъ, ни отъ нидерландцевъ. Не смотря на это, онъ началъ войну съ Франціей, разсчитывая, что Генрихъ VII англійскій не допуститъ присоединенія Бретани къ французскому королевству. Но англійскій король былъ умнѣе Максимиліана, который всегда упускалъ то, что было у него въ рукахъ, гоняясь за чѣмъ нибудь другимъ, чего все таки не могъ добиться. Генрихъ понималъ, что для войны всего нужнѣе деньги, въ которыхъ въ новое время заключается вся сила; поэтому онъ мало заботился объ извѣстномъ изрѣченіи Горація, которымъ постоянно руководствовался Максимиліанъ *), непони-

*) Virtus populum falsis
Dedocet uti

мавшій этой истины. Правда, Генрихъ соединился съ Максимиліаномъ противъ Франціи, потому что былъ также обиженъ; но онъ вовсе не заботился объ удовлетвореніи, а просто хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы вытребовать денегъ у своихъ подданныхъ и у французскаго короля, который уже мечталъ о походѣ въ Италію.

Максимиліанъ предоставилъ окончаніе переговоровъ съ Нидерландами герцогу Альбрехту Саксонскому, окончившему ихъ очень удачно, а самъ направилъ всѣ свои помыслы на Францію. Онъ отправилъ ко всѣмъ дворамъ пословъ, которые должны были поносить французовъ и распространять манифесты, гдѣ, по нѣмецкому обычаю, подробно доказывалось, что онъ во всемъ правъ, а французскій король кругомъ виноватъ. Кромѣ того, онъ послалъ графа Нассаускаго во Францію за дочерью и потребовалъ назадъ ея приданное, — графства Артуа и Бургундію. Французскій король далъ уклончивый отвѣтъ, потому что завелъ черезъ своего генерала Декерда интриги во Фландріи и разсчитывалъ на ихъ успѣхъ. Но онъ ошибся; фламандцы изъ патріотизма не согласились воспользоваться обидой, нанесенной ихъ государю. Только Филиппъ Клеве, занимавшійся морскими разбоями въ Слюйсѣ, принялъ предложеніе французовъ. Но вскорѣ онъ былъ до того стѣсненъ въ Слюйсѣ флотами Максимиліана и Генриха VII, что долженъ былъ бѣжать къ французамъ.

Между тѣмъ англійскій король давно уже началъ извлекать для себя пользу изъ отношеній Нидерландовъ къ Франціи. Уже въ іюлѣ 1491 г. онъ сдѣлалъ воинственныя приготовленія и выжималъ деньги изъ графствъ своего королевства, подъ прилич-

---

Vocibus, regnum et diadema tutum
Deferens uni propriamque laurum,
Quisquis ingentes oculo irretorto
Spectat acervos.

нымъ названіемъ добровольныхъ пожертвованій (benevelence). Въ октябрѣ того же года, прежде чѣмъ Карлъ овладѣлъ Бретанью, Генрихъ требовалъ и получилъ отъ парламента налогъ, чтобы наказать французскаго короля за его вѣроломство. Послѣ рождества онъ склонилъ парламентъ издать цѣлый рядъ постановленій, по которымъ вассалы богатыхъ владѣтелей получили право слѣдовать за королемъ на войну безъ разрѣшенія своихъ сюзереновъ; сверхъ того, парламентъ обезпечилъ плату людямъ, которыхъ они примутъ на службу. Когда наконецъ въ маѣ 1492 г. онъ объявилъ о своемъ желаніи начать войну и помогъ выгнать изъ Слюйса Филиппа Клеве, то стало ясно, что онъ и теперь заботится только о томъ, чтобы подъ приличнымъ предлогомъ увеличить подати, платимыя народомъ и взыскать побольше денегъ съ французовъ. Подъ разными предлогами онъ отсрочивалъ войну до октября, когда наконецъ 1500 англійскихъ кирасировъ (жандармовъ) и 25 тысячъ пѣхоты расположились передъ Булонью. Но и это было пустою комедіею, потому что въ то время, когда Максимиліанъ все еще возлагалъ надежду на Генриха, и когда англичане, изъ гордости и національной ненависти къ французамъ, мечтали о побѣдахъ своего короля во Франціи, онъ уже вошелъ въ переговоры съ французами, и 30 октября между Франціей и Англіей былъ заключенъ миръ. Чтобы какъ нибудь оправдаться передъ своими обманутыми подданными, Генрихъ обнародовалъ донесенія своихъ пословъ, изъ которыхъ оказывалось, что ни отъ Максимиліана, ни отъ арагонскаго короля, на помощь котораго также разсчитывали, нельзя было ничего ожидать. При заключеніи мира, Генрихъ, въ силу тайной статьи, получилъ значительную сумму денегъ; всѣ лица, имѣвшія на него какое-нибудь вліяніе, также были подкуплены щедрыми подарками. Сумма, полученная Генрихомъ, была бы значительна даже въ наше время. Она простиралась до 745 тысячъ гольдкронъ или талеровъ, или другими словами, до 8,008,750 ливровъ, такъ какъ

Гарнье, въ продолженіи исторіи Франціи Вильаре, вычислилъ, что гольдкрона 1492 года равняется десяти ливрамъ пятнадцати су французскихъ денегъ 1784 года. Въ главныхъ статьяхъ мирнаго трактата постановлялось, что французскій король долженъ заплатить Генриху не только долгъ Анны Бретанской въ 620 тысячь кронъ, но и недоимку годоваго платежа, слѣдовавшаго отъ Лудовика XI Эдуарду IV (т. X, стр. 329) и составлявшую 125 тысячъ кронъ; обѣ эти суммы надлежало уплачивать ежегодно по 50 тысячь фунтовъ. Относительно Максимиліана и его сына Филиппа было положено совершенно въ духѣ нынѣшней англійской политики, что Англія обязывается помогать этимъ государямъ въ случаѣ нападенія на нихъ, но оставить ихъ безъ всякой помощи, если нападеніе послѣдуетъ отъ нихъ.

Максимиліанъ въ теченіе всего 1492 г. безполезно хлопоталъ о полученіи отъ нѣмцевъ денегъ или войска. Нѣмцы и на этотъ разъ дѣйствовали, какъ всегда: они собирали одинъ сеймъ за другимъ, чтобы разсуждать о требованіяхъ Максимиліана; наконецъ согласились на такъ называемую малую смѣту для чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ и наложили налогъ на каждый очагъ; такимъ образомъ тяжесть податей по феодальному обычаю была возложена не на тѣхъ, кому она была по силамъ, а на тѣхъ, кто и безъ того былъ не въ мѣру угнетенъ. Напрасно Максимиліанъ приглашалъ манифестомъ: „наказать французскаго короля, причинившаго Австріи и всей нѣмецкой націи столько зла и позора“; онъ требовалъ, чтобы члены швабскаго союза обѣщали выставить 400 человѣкъ конницы и 1600 пѣхоты (мартъ 1493 г.). Поэтому, для него было счастіемъ, что французскій король съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда можно будетъ начать походъ въ Италію, и что въ маѣ 1493 г. граждане Арраса, главнаго города графства Артуа, воспользовались неосторожностью французскаго генерала Декерда, чтобы передать городъ римскому королю. Стре-

мясь начать походъ въ Италію, Карлъ предложилъ своему противнику выгодныя условія, на основаніи которыхъ 23 мая 1493 г. былъ заключенъ миръ въ Санли. По этому миру, Карлъ обязывался не только доставить на свой счетъ въ Нидерланды дочь Максимиліана, Маргариту, но и возвратить ему Артуа и графства Шароле, Нойе и Бургундское, за исключеніемъ городовъ Турне, Мортани и Сентъ-Амапа, которые навсегда остаются за Франціей и городовъ: Гедена, Эра и Бетюна, которые остаются за нею до совершеннолѣтія сына Максимиліана, Филиппа. Четырнадцатилѣтняя принцесса Маргарита была впослѣдствіи такъ же несчастна замужемъ, какъ прежде невѣстою. Черезъ четыре года по возвращеніи во Францію она вышла замужъ за Донъ-Хуана, наслѣдника Кастиліи, а когда онъ вскорѣ умеръ, — за герцога Филиберта Савойскаго; послѣ четырехлѣтней счастливой жизни, она потеряла и этого мужа, и такимъ образомъ на двадцать четвертомъ году жизни была уже вторично вдовою. Послѣ этого она уже не выходила замужъ. При Карлѣ V, въ качествѣ правительницы Нидерландовъ, она прославилась политическимъ тактомъ и мудрымъ управленіемъ.

Черезъ три мѣсяца послѣ санлисскаго мира императоръ Фридрихъ III умеръ на семдесятъ восьмомъ году жизни (августъ 1493 г.) Старикъ, не смотря на свои лѣта, имѣлъ, должно быть, очень здоровый аппетитъ; онъ умеръ отъ кроваваго поноса, потому что съѣлъ за разъ восемь дынь. Сынъ его, Максимиліанъ, сдѣлался императоромъ и возобновилъ вражду съ Карломъ VIII французскимъ, когда послѣдній началъ свой давно желанный походъ въ Италію.

4. Обстоятельства, находящіяся въ непосредственной связи съ походомъ Карла VIII въ Италію.

Карлъ VIII французскій былъ постоянно занятъ гордыми планами и поэтическими мечтаніями о королевскомъ величіи. Онъ

мечталъ о подвигахъ Цезаря, жилъ въ воображеніи съ паладинами Карла Великаго и тѣшилъ свой слабый разумъ баснословными разсказами объ Александрѣ Великомъ, о Троѣ и о королѣ Артурѣ, которыхъ на разные лады воспѣвали современные ему поэты. Самый походъ въ Италію былъ романтической выдумкой его слабаго ума, зараженнаго сумасбродными мечтаніями о великихъ подвигахъ. Походъ этотъ стоилъ ему громадныхъ денегъ въ ущербъ его народу. Онъ заплатилъ, какъ мы видѣли, большую сумму англійскому королю за миръ, возвратилъ Максимиліану значительныя области и уступилъ королю кастильскому и арагонскому весьма важныя пріобрѣтенія своего отца за обѣщанія, которыя Фердинандъ заранѣе рѣшился не исполнять. Въ январѣ 1493 г. онъ заключилъ съ Фердинандомъ Католикомъ договоръ, по которому отдавалъ ему графства Руссильонъ и Сердань, взятыя въ залогъ его отцомъ въ 1462 г. (т. X, стр. 443); при этомъ онъ не получилъ ни денегъ, данныхъ Лудовикомъ XI, ни иного вознагражденія; вся выгода, пріобрѣтенная имъ, состояла въ томъ, что онъ и Фердинандъ обязались помогать другъ другу противъ всякаго, кромѣ папы.

Карлъ хотѣлъ силою осуществить наслѣдственныя права своего отца на отдаленныя государства. Права эти заключались не только въ правахъ старшаго и младшаго домовъ Анжу на Неаполь, но и въ пріобрѣтенномъ первымъ, впрочемъ совершенно ничтожномъ, правѣ на латинскую имперіюи греческое царство (т. VII, стр. 302) Лудовикъ XI по своей практической и прозаической натурѣ никогда не думалъ объ этихъ правахъ и не искалъ почестей тамъ, гдѣ нельзя было разсчитывать на выгоду; сдѣлавшись, по завѣщанію Карла Менскаго, наслѣдникомъ младшаго дома Анжу, онъ овладѣлъ только Меномъ, Анжу и Провансомъ, оставивъ безъ вниманія права на земли, лежащія по ту сторону Альпъ (т. X, стр. 280). Его дочь, регентша, также благоразумно предпочитала присоединеніе Бретани всякому пріобрѣтенію земель гдѣ-нибудь на лунѣ. Но Карлъ VIII, цѣнившій все полезное

и практическое ниже рыцарскаго, романтическаго и поэтическаго, началъ добиваться древнихъ правъ и думалъ воспользоваться важной перемѣной, происшедшей тогда въ Миланѣ и Неаполѣ.

Перемѣна эта произошла вслѣдствіе смерти двухъ человѣкъ: папы Иннокентія VIII, умершаго въ іюлѣ 1492 г. и Лоренцо Великолѣпнаго, въ апрѣлѣ того года; наслѣдники ихъ не только отказались отъ союза съ Лудовико Моро Миланскимъ, но примкнули къ Неаполю и этимъ возбудили въ миланскомъ узураторѣ зависть и безпокойство. Новый папа, кардиналъ Родриго Борджіа, испанецъ изъ Валенсіи, принялъ имя Александра VI. Онъ обезсмертилъ себя своими безбожными и безчеловѣчными принципами, неслыханнымъ развратомъ и безразсуднымъ воспитаніемъ своихъ многочисленныхъ сыновей и дочерей, которые также прославились убійствами, грабежами, развратомъ и кровосмѣшеніемъ. О его распутной и порочной жизни, о его дворѣ и дѣтяхъ мы имѣемъ почти столько-же подробныхъ свѣдѣній, какъ и о французскомъ правительствѣ въ началѣ XVIII столѣтія и о частной жизни Лудовика XV въ половинѣ того же вѣка. Два человѣка разсказали намъ совершенно хладнокровно и спокойно, какъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, о возмутительныхъ поступкахъ Александра VI и его приближенныхъ; эти два человѣка были: государственный секретарь римскаго сената и народа (senatus populique Romani) Стефано Инфессура и церемоніймейстеръ Александра, Іоганнъ Буркардъ, тайный дневникъ котораго сдѣлался извѣстенъ лишь въ позднѣйшее время. Хотя наше время любитъ скандалы, но мы должны пользоваться этими богатыми источниками съ большою осторожностію. Умолчать, во избѣжаніе соблазна, о многомъ существенно-важномъ мы считаемъ себя невправѣ, но смѣло можемъ выпустить все оскорбительное для цѣломудреннаго уха и опасное для чистой души. Мы постараемся только изобразить нравы тогдашней образованной и богатой итальянской аристократіи, духовной и свѣтской и по-

этому обратимъ вниманіе лишь на такіе факты, изъ которыхъ читатель можетъ видѣть, что богатство, образованность и высокая цивилизація бываютъ всегда опасны для нравственности.

Александръ VI былъ сынъ Изабеллы Борджіа, сестры папы Каликста III, который сдѣлалъ его кардиналомъ (стр. 11) и въ царствованіе котораго онъ игралъ постыдную роль. Упомянутые нами выше, совершенно достовѣрные авторы дневниковъ и другіе писатели, вовсе не враждебные къ католической церкви, прямо говорятъ, что онъ былъ худшій изъ кардиналовъ и былъ избранъ папою только потому, что подкупилъ голоса при помощи огромныхъ богатствъ, пріобрѣтенныхъ имъ при Каликстѣ и обѣщаніями разныхъ графствъ, чиновъ и должностей. У него было много дѣтей, отчасти уже давно извѣстныхъ въ Римѣ; онъ воспитывалъ ихъ такъ, какъ обыкновенно воспитываютъ знатныхъ дѣтей. Предшественникъ Александра также всѣми способами обогащалъ своего сына, Франческино Чибо и прочихъ своихъ родственниковъ, но Франческино отказался впослѣдствіи отъ всѣхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ на счетъ церкви, кромѣ графства Ферентилло; и хотя домъ Чибо владѣлъ потомъ Массою и Каррарою, но эти владѣнія Франческино взялъ за женою, Риккардою Маласпина. Изъ дѣтей Александра болѣе другихъ извѣстны четверо, прижитые имъ съ женою одного римлянина, Ванноціей, знаменитой по красотѣ, наглости и геніальному пренебреженію нравственности и религіи. Эти четверо дѣтей Александра были: Цезарь Борджіа, дьявольскую политику котораго хвалитъ даже Маккіавелли считая ее патріотизмомъ; Іоаннъ, которому отецъ доставилъ герцогство Гандійское въ Испаніи, Готфридъ и наконецъ дочь Лукреція, осквернившая свое цѣломудренное имя нецѣломудреннымъ поведеніемъ, достойнымъ какой нибудь Семирамиды или Мессалины. Съ самаго начала своего правленія Александръ старался надѣлить свое семейство церковными имѣніями. Двое изъ кардиналовъ, Іоаннъ Медичи и Юліанъ делла-Ровере, (которые впослѣд-

ствіи были папами, одинъ, подъ именемъ Льва X, другой — подъ именемъ Юлія II), могли, казалось, помѣшать ему въ этомъ намѣреніи; но первый былъ еще очень молодъ и потому не опасенъ, а второй, котораго Александръ хотѣлъ тайнымъ образомъ извести, бѣжалъ во Францію, увидѣвъ, что кардиналы, подкупленные Александромъ, отправились одинъ за другимъ на тотъ свѣтъ отъ отравы, доведенной въ то время въ Италіи до совершенства.

Поводомъ къ союзу папы Александра VI и сына Лоренцо Великолѣпнаго, Петра Медичи, съ владѣтелемъ неаполитанскаго королевства былъ поступокъ Лудовико Моро съ его племянникомъ, молодымъ герцогомъ Миланскимъ. Лудовико Моро держалъ своего племянника, Іоанна Галеаццо, въ сторонѣ отъ правленія, хотя тотъ уже достигъ двадцатилѣтняго возраста. Лудовико забралъ въ свое распоряженіе всѣ сокровища Сфорцовъ, всѣ миланскія войска и занялъ всѣ крѣпости герцогства. Жена молодого герцога, внучка неаполитанскаго короля, обращалась къ своему дѣду и отцу съ убѣдительной просьбой освободить ее съ мужемъ изъ плѣна, въ которомъ они находились. Они сначала медлили, не желая нарушать продолжительнаго мира Италіи, но наконецъ соединились съ Петромъ Медичи и просили Лудовико Моро черезъ пословъ освободить Іоанна Галеаццо. Лудовико далъ уклончивый отвѣтъ; но, узнавъ случайно, что Фердинандъ и Петръ Медичи соединились противъ него, отправилъ пословъ къ французскому королю Карлу VIII и предлагалъ ему большія суммы, чтобы побудить его къ походу въ Неаполь. Новый папа не измѣнилъ сначала, подобно Петру Медичи, прежнему союзу съ Лудовико Моро. Согласно съ политикой своихъ предшественниковъ, онъ присоединился къ Лудовико и предложилъ даже французскому королю поддержать притязанія дома Анжу на Неаполь. Но по смерти Фердинанда, сынъ и наслѣдникъ его съумѣлъ измѣнить политику Александра, указавъ ему на выгодную перспективу, открывавшуюся для его сыновей.

Фердинандъ умеръ 25 января 1494 г. Преемникъ его, Альфонсъ II, не обладалъ никакими достоинствами, которыя въ Фердинандѣ вознаграждали за военный деспотизмъ, гнетъ и жестокость, особенно въ странѣ, гдѣ кротость считалась слабостью. Фердинандъ былъ научно образованъ и раздѣлялъ любовь своихъ современниковъ къ наукѣ и искуству; ученые, какъ Лоренцо Валла и Антоніо Панормита (т. IX, стр. 427, 454) находились у него на службѣ; онъ самъ написалъ нѣсколько рѣчей и писемъ, которыя были впослѣдствіи (1586 г.) напечатаны и даютъ ему почетное мѣсто въ ряду ораторовъ и ученыхъ его времени. Онъ отчасти изцѣлилъ раны, нанесенныя странѣ междоусобной войной и нищетой, и въ его царствованіе возвратились хваленыя времена его отца, Альфонса. Своимъ сыновьямъ онъ далъ такое воспитаніе, какого, къ сожалѣнію, нынѣшніе принцы не получаютъ. Одинъ изъ сыновей Фердинанда, Федерико, былъ человѣкъ весьма образованный и даже ученый, а другой, котораго Сикстъ IV сдѣлалъ кардиналомъ, прославился подъ именемъ кардинала арагонскаго, въ числѣ покровителей искуства; только старшій сынъ его остался невѣжественнымъ и грубымъ солдатомъ. Финансы Фердинанда находились въ цвѣтущемъ состояніи вслѣдствіе конфискацій, которыми онъ коварнымъ образомъ поражалъ богатѣйшихъ бароновъ своего королевства. Впрочемъ деньги, безчестно нажитыя, онъ употреблялъ на пользу своей прекрасной страны и ея городовъ. Имѣя деньги, Фердинандъ могъ содержать армію, что, какъ всего лучше доказываетъ исторія Германіи, было невозможно для большей части тогдашнихъ государей, стѣсненныхъ феодальными чинами, содержавшими ихъ весьма скудно. Мы не будемъ разбирать, выгодно или невыгодно было для свободы неаполитанцевъ благосостояніе ихъ короля; впрочемъ, итальянскіе наемники, изъ которыхъ состояла неаполитанская армія, были далеко ниже французскихъ войскъ Карла VIII, хотя Фердинанду служили знаменитѣйшіе полководцы слѣдующаго двадцатилѣтія: Вирджиніо, Джакопо Тривульціо, Просперо и Фа-

бричіо Колонна, графъ Питильяно и другіе, о которыхъ мы будемъ часто упоминать.

При смерти Фердинанда, Карлъ VIII, котораго въ 1493 г. обстоятельства еще задерживали во Франціи, готовился къ походу въ Италію для поддержанія своихъ правъ на Неаполь, доставшихся ему отъ Анжу. Лудовико Моро и папа Александръ VI просили его настоятельно объ этомъ. Впрочемъ, король Альфонсъ II вскорѣ переманилъ папу на свою сторону, давъ ему ленную присягу за Неаполь и все, чего онъ требовалъ для своихъ дѣтей *). Поэтому Карлъ, узнавъ о союзѣ Александра съ Альфонсомъ, отправилъ посольство къ венеціанцамъ, чтобы пріобрѣсти въ нихъ поддержку.

Лейбъ-медикъ Карла, Александръ Бенуа, утверждаетъ, что Лудовико Моро, Геркулесъ I Феррарскій, кардиналъ делла-Ровере и одна изъ партій, враждовавшихъ въ Генуѣ за господство, поддерживали сумасбродные завоевательные планы короля и побуждали его къ походу. Но Филиппъ де-Коминъ приводитъ другія обстоятельства, привлекавшія короля въ Италію, въ томъ числѣ надежду, внушенную ему, что неаполитанцы покинутъ Альфонса II въ рѣшительную минуту. Надежда эта основывалась на

---

*) Стефано Инфессура совершенно спокойно, сухо и не переводя духу, разсказываетъ о томъ, что Александръ VI сначала побуждалъ императора Максимиліана изгнать короля Фердинанда и поддерживалъ Карла VIII въ намѣреніи заявить свои права на Неаполь, а потомъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы отклонить ихъ отъ этого похода. E lo papa con Alphonso fisse patte e parentele id est che un figliuolo suo bastardo diede per marito alla figlia del detto duca de Calabria. E lo papa li promise di coronarlo nel detto reame, e assettate, che furono intra loro le cose lo papa mando a dire al re di Francia che non venisse, perche in Roma era grande peste, e che dubitava dello stato suo. Item, che in Roma era grande fame. (Папа заключилъ съ Альфонсомъ договоръ и родственный союзъ, женивъ своего побочнаго сына на дочери герцога Калабрійскаго. Папа обѣщалъ ему короновать его и условился съ нимъ, что пошлетъ сказать французскому королю, чтобъ онъ не приходилъ, потому что въ Римѣ сильная чума, такъ что онъ за него опасается и что въ Римѣ сильный голодъ).

томъ, что сыновья князя Бизиньяно и Антоніо Сансеверино князь Салерно, бѣжавшіе отъ кровавыхъ преслѣдованій Фердинанда и Альфонса (стр. 54), состояли въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ неаполитанскими баронами: они убѣжали переодѣтые въ Венецію и, по совѣту венеціанскаго сената, отправились къ королю Карлу. При французскомъ дворѣ находились въ то время два человѣка темнаго происхожденія, имѣвшіе большое вліяніе на короля; они заключили между собой формальный союзъ, который даже скрѣпили клятвою, обязавшись поддерживать другъ друга и сообща управлять королемъ. Одинъ изъ нихъ, Этіенъ де-Векъ, сперва камердинеръ короля, а потомъ сенешаль бокерскій и сеньёръ де Гримо, а другой — Гильомъ Бриссоне, бывшій при Лудовикѣ XI однимъ изъ шести оберъ-интендантовъ финансовъ и сдѣлавшійся, по смерти своей жены, епископомъ Сенъ-Мало и министромъ финансовъ (chef et surintendant des finances). Неаполитанскіе эмигранты прибѣгнули къ нимъ, чтобъ приготовить короля къ пріему блестящаго посольства Лудовико Моро и папы Александра, въ то время еще не заключавшаго союза съ Неаполемъ. Не смотря на сопротивленіе прочихъ совѣтниковъ, имъ удалось побудить короля заключить съ Лудовико Моро договоръ, которымъ онъ обязался выступить противъ Неаполя. Дѣло впрочемъ держалось въ тайнѣ; офиціально ограничились тѣмъ, что отправили пословъ ко всѣмъ итальянскимъ дворамъ собрать точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ. Карлъ обѣщалъ Лудовико Моро выступить въ Италію лично, во главѣ значительнаго войска, завоевать неаполитанское королевство и отдать миланскому владѣтелю княжество тарентское. Лудовико Моро съ своей стороны обязывался дать французскому королю взаймы 200 т. дукатовъ на военныя издержки, свободный пропускъ черезъ миланскую область, вспомогательный отрядъ въ 500 чел. конницы (gens d'armes) и позволеніе снарядить въ генуэзской гавани нужное число галеръ.

Прежде чѣмъ войско Карла перешло Альпы, Лудовико Моро

получилъ отъ императора Максимиліана имперскій титулъ по герцогству миланскому, подобно тому какъ прежде Висконти пріобрѣлъ отъ императора Венцеслава княжескій титулъ (т. VIII, стр. 544). Нищій императоръ, обремененный долгами, согласился за 400 т. дукатовъ деньгами и 40 т. драгоцѣнными камнями жениться на Біанкѣ-Маріѣ, сестрѣ несчастнаго племянника Моро; свадьба произошла 16 марта 1494 г. въ Инспрукѣ. Тогдашняя аристократія порицала этотъ бракъ, негодуя, что императоръ изъ за денегъ женился на внучкѣ мужика; но дѣло это имѣло другую сторону, еще болѣе позорную для Максимиліана, но которая обнаружилась только впослѣдствіи. Императоръ обязался по выплатѣ этой суммы отдать Лудовико въ ленъ герцогство его племянника, на томъ основаніи, что Миланъ — выморочный ленъ, возвратившійся къ имперіи, такъ какъ три послѣдніе герцога не просили и не получили императорскаго утвержденія.

Французскій король обнаружилъ свои замыслы на Неаполь посольствами, отправленными во Флоренцію и Венецію и сборомъ войскъ, въ томъ числѣ 6 т. швейцарцевъ, стоившихъ 20 т. итальянскихъ кондотьери. Поэтому Альфонсъ неаполитанскій и папа Александръ искали посторонней помощи. Они обратились къ турецкому султану. Подобный поступокъ былъ въ то время неслыханною вещью и считался столь же позорнымъ для государя, какъ для частнаго лица союзъ съ дьяволомъ, въ которомъ тогда многихъ упрекали. При этомъ папа поступилъ съ однимъ принцемъ, отдавшимся ему подъ защиту, еще гаже, чѣмъ Максимиліанъ съ несчастнымъ герцогомъ Миланскимъ; императоръ обѣщалъ только не препятствовать преступленію, которое должно было совершиться, а папа обязался совершить его самъ.

5. Походъ Карла VIII въ Италію.

Союзу злѣйшаго врага христіанской вѣры съ верховнымъ главою христіанства способствовало то обстоятельство, что пре-

тендентъ на турецкій престолъ, бывшій съ 1481 г. грозою султана, находился во власти папы. Султанъ Мухаммедъ II умеръ, какъ извѣстно, 6 мая 1481 г. послѣ неудачнаго нападенія на Родосъ и оставилъ двухъ сыновей: Баязета II и Джема (извѣстнаго въ Европѣ подъ именемъ Зизима); изъ нихъ первый былъ пашою амазійскимъ, а второй—караманскимъ. Право первородства неизвѣстно на востокѣ. Притомъ Мухаммедъ не заботился о выполненіи изданнаго имъ жестокаго закона, по которому по смерти султана всѣ братья его наслѣдника должны предаваться смерти. Джемъ, какъ намѣстникъ провинціи, имѣлъ подъ своимъ начальствомъ войска и потому могъ оспаривать власть у своего брата. Великій визирь, знавшій слабости Джема и надѣявшійся управлять имъ, объявилъ себя за Баязета, но въ тайнѣ содѣйствовалъ Джему; онъ былъ впрочемъ убитъ въ мятежѣ янычаровъ, вспыхнувшемъ при смерти Мухаммеда, что случалось при всякой перемѣнѣ правительства; войско провозгласило Баязета султаномъ. Междоусобная война, начавшаяся между братьями, не могла быть продолжительною, такъ какъ могущество и военныя способности ихъ были слишкомъ неравны. Баязетъ II одержалъ рѣшительную побѣду, и братъ его долженъ былъ бѣжать въ Египетъ.

Этимъ побѣгомъ начинается печальный романъ жизни Джема. На всемъ пути чрезъ Сирію и Палестину, его принимали какъ принца и оказывали всякія почести; мамелюки, господствовавшіе въ Египтѣ, отвели сыну величайшаго магометанскаго государя и всей его свитѣ помѣщеніе, приличное его сану и окружили почетомъ и попеченіями. Онъ ходилъ на богомолье въ Мекку и Іерусалимъ и чрезъ восемь мѣсяцевъ многіе недовольные вельможи предложили ему возобновить войну съ братомъ. Онъ согласился на это предложеніе и, прибывъ 6 мая 1482 г. въ Алеппо, собралъ войско, съ которымъ двинулся въ Малую Азію и дошелъ до окрестностей Ангоры; но когда одинъ изъ призвавшихъ его вельможъ потерпѣлъ пораженіе, ему пришлось или принять условія

брата или бѣжать за границу. Условія, предписанныя султаномъ, были таковы, что принять ихъ не было никакой возможности; поэтому уже 8 іюня онъ бѣжалъ къ его врагамъ въ Родосъ.

Родосскіе рыцари приняли его съ почетомъ и торжествомъ, но когда султанъ предложилъ имъ за выдачу брата выгодныя условія, они не сочли благоразумнымъ позволить принцу оставаться на Родосѣ. Чтобы согласить обязанности гостепріимства съ отношеніями къ могущественному сосѣду, они рѣшились удалить Джема, отославъ его во французское пріорство ордена. Случай этотъ доказалъ, что великодушіе высокородныхъ воинственныхъ рыцарей ордена было не выше великодушія молящихся и постящихся простыхъ монаховъ. Джемъ долженъ былъ заключить съ гросмейстеромъ договоръ, которымъ обязался вознаградить орденъ по вступленіи на турецкій престолъ за благодѣяніе и доброе расположеніе, оказанныя ему. Онъ обѣщалъ открыть флотамъ ордена всѣ гавани, каждый годъ безъ выкупа отпускать на волю триста христіанскихъ рабовъ и выплатить ордену полтораста тысячъ гульденовъ за издержки по пребыванію его на Родосѣ. Другой договоръ, заключенный орденомъ почти одновременно съ Баязетомъ II, былъ еще постыднѣе; рыцари обязались не давать бѣглецу полной свободы. Орденъ отправилъ въ Константинополь посольство, а султанъ послалъ на Родосъ уполномоченнаго, который заключилъ съ гросмейстеромъ договоръ; гросмейстеръ обѣщалъ держать принца во Франціи подъ надзоромъ, за что султанъ долженъ былъ платить ежегодно 45 тысячъ дукатовъ.

16 октября Джемъ съ своею свитою высадился въ Ниццѣ. Вскорѣ онъ убѣдился, что, не смотря на свободу, которой онъ, повидимому, пользовался, рыцари держатъ его въ плѣну. Дорогою въ Руссильонъ, гдѣ было пріорство ордена, его провожало множество рыцарей; въ городахъ, принадлежавшихъ имъ, его держали подъ надзоромъ, а свиту его еще дорогой насильно разлучили съ нимъ. Баязетъ II былъ такъ доволенъ, что рыцари со-

держатъ его брата какъ плѣнника, что подарилъ имъ за это правую руку св. Іоанна Крестителя, принятую въ Родосѣ съ церковною и свѣтскою пышностью, какъ мощи 1-го разряда. По достовѣрнымъ извѣстіямъ о судьбѣ и приключеніяхъ несчастнаго Джема, сообщаемымъ Гаммеромъ во второмъ томѣ его „Османской исторіи", видно, что гросмейстеръ д'Обюссонъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ постыдно барышничалъ заключеніемъ принца, котораго содержалъ въ особой башнѣ, выстроенный нарочно для него. Султанъ пересталъ довѣрять рыцарямъ и обратился черезъ пословъ къ французскому королю, прося его взять бѣглеца отъ гросмейстера и выдать ему. Но выдача Джема не совпадала съ планомъ Карла VIII относительно Константинополя. Такимъ образомъ турецкіе послы не достигли своей цѣли. За то папа Иннокентій VIII предложилъ взять принца къ себѣ въ Римъ. Для Карла это было очень удобно, а гросмейстеръ, зависѣвшій отъ нихъ, долженъ былъ согласиться на пересылку Джема въ Римъ.

Въ замѣнъ 45 т. дукатовъ, ежегодно получаемыхъ орденомъ съ султана, папа предоставилъ ордену много новыхъ льготъ и преимуществъ и пожалованъ гросмейстеру д'Обюссону кардинальскую шапку. Джемъ прибылъ въ Римъ 14 марта 1489 г., заѣхавъ сперва къ сыну папы, Франческино Чибо; онъ поселился въ Ватиканѣ, гдѣ ему было свободнѣе и лучше, чѣмъ въ башнѣ д'Обюссона. Хотя черезъ три года, по смерти Иннокентія, его перевели въ замокъ св. Ангела, но возвратили въ Ватиканъ тотчасъ по избраніи Александра VI. Новый папа, торговавшій всѣмъ на свѣтѣ, былъ не прочь продать султану жизнь своего плѣнника. Онъ вступилъ въ союзъ съ Баязетомъ и даже отправилъ въ Константинополь посольство, чего до тѣхъ поръ не смѣлъ дѣлать ни одинъ папа. За ежегодную плату въ 40 тысячъ дукатовъ, онъ соглашался держать принца подъ надзоромъ, а за единовременный взносъ въ 300 тысячъ—лишить его жизни. Мы не осмѣлись бы утверждать съ авторомъ „Жизни Льва X", Роско,

что могъ существовать папа, предлагавшій султану помочь за деньги спровадить на томъ свѣтѣ его брата, еслибы не имѣли передъ глазами корреспонденціи Александра съ Баязетомъ, найденной въ 1759 г. въ Безансонѣ Беленомъ и переданной французскому государственному секретарю. Между папою и султаномъ еще шли переговоры, когда Карлъ VIII вступилъ въ Римъ.—

Всѣ благоразумные люди порицали походъ Карла въ Италію. Филиппъ Коминъ, снова призванный тогда на дипломатическое поприще и служившій королю съ пользою въ Италіи, говоритъ, что Карлъ ни съ кѣмъ не совѣтовался *). Это предпріятіе не было еще рѣшено окончательно, когда Карлъ уже набралъ войско; онъ нанялъ восемь тысячъ швейцарцевъ и созвалъ рыцарей на блестящій турниръ въ Ліонъ. Коминъ говоритъ, что приказы то издавались, то отмѣнялись, пока наконецъ 23 августа 1494 г. было внезапно приказано выступать въ походъ.

На время своего отсутствія король предоставилъ управленіе государствомъ герцогу Бурбонскому и его женѣ, своей сестрѣ, которая была регентшей во время его малолѣтства. Герцога Орлеанскаго онъ послалъ въ Марсель, а оттуда въ Геную, чтобы дѣйствовать противъ неаполитанцевъ съ моря. Король имѣлъ значительную армію; говорятъ, что тридцатитысячная армія его въ Тосканѣ возрасла до шестидесяти тысячъ человѣкъ. Но за то онъ страдалъ въ самомъ началѣ похода недостаткомъ денегъ. Чтобы продолжать походъ, Карлъ былъ принужденъ занять въ банкѣ Соли, въ Генуѣ, сто тысячъ дукатовъ, за 14 тысячъ дукатовъ процентовъ въ четыре мѣсяца; кромѣ того онъ взялъ у одного миланскаго банкира еще пятьдесятъ тысячъ; эту сумму онъ получилъ, благодаря посредничеству Лудовико Моро и за поручительствомъ разныхъ лицъ, въ томъ

---

*) Tout homme sage et raisonnable blasmoit l'allée de par de là par plusieurs raisons et par èstre là sur les champs au mois d'Aoust sans argent et sans autres choses nécessaires.

числѣ Филиппа Комина *). Но занятыхъ суммъ хватило не надолго; уже въ Туринѣ у Карла было такъ мало денегъ, что онъ выпросилъ у герцогини Савойской ея драгоцѣнныя вещи и заложилъ ихъ за 12,000 червонцевъ **). Сойдясь съ молодою маркграфиней Монферратской, дочерью сербскаго князя, онъ заложилъ за ту же сумму и ея брилліанты.

Несчастный Іоаннъ Галеаццо Сфорца былъ очень боленъ (вѣроятно отъ медленнаго яда) и заключенъ съ женою и дѣтьми въ павійской цитадели. Когда Карлъ прибылъ въ Павію, къ нему явился Лудовико Моро. Нѣсколько ласковыхъ словъ, сказанныхъ королемъ несчастному принцу, возбудили въ злодѣѣ безпокойство и подозрѣніе. Когда же жена Іоанна Галеаццо, дочь неаполитанскаго короля Альфонса II, съ плачемъ и распущенными волосами бросилась къ ногамъ Карла и умоляла его примириться съ ея отцемъ и защитить ея мужа и младенца сына, Лудовико рѣшился умертвить племянника. Въ Піаченцѣ, куда Карлъ прибылъ 22 октября, онъ получилъ извѣстіе о смерти Іоанна Галеаццо, которую Лудовико вѣроятно ускорилъ новымъ пріемомъ яду. Мы можемъ на этотъ разъ положительно говорить объ отравѣ, такъ какъ съ этимъ согласны всѣ авторы; притомъ отравленія были въ то время въ такомъ ходу, и ядами занимались въ Италіи такъ научно, что никто не могъ быть спокоенъ за свою жизнь, какъ скоро смерть его могла принести пользу какому нибудь негодяю. Лудовико Моро еще въ мартѣ 1494 г. обезпечилъ себѣ вышеупомянутымъ договоромъ съ императоромъ Максиміаномъ всѣ выгоды отъ убійства своего племянника. По смерти его, онъ поспѣшилъ собрать въ Миланѣ высшее дворянство и, убѣдивъ его въ невозможности возвести на престолъ ребенка, короновался герцогомъ. Вдова уби-

*) Et y fut pour ma part pour six mille ducats.

**) Il emprunta les bagues de Madame de Savoye, fille du fen marquis de Monferrat et veufve du duc Charles de Savoye, et les mit en gage pour douze mille ducats.

таго и малолѣтній сынъ его, Франческо, остались въ павійской цитадели. Императоръ Максимиліанъ издалъ въ Атверпенѣ дипломъ, которымъ передалъ Лудовико герцогство миланское, какъ упраздненный имперскій ленъ; но дипломъ этотъ былъ изданъ уже по вступленіи Лудовико во владѣніе Миланомъ.

Карлъ не встрѣчалъ нигдѣ сопротивленія, хотя Альфонсъ II послалъ своего сына, Фердинанда, съ войскомъ въ Церковную Область, а брата, Федерико, съ флотомъ къ лигурійскому и тосканскому берегу. Они вернулись назадъ, не сдѣлавъ даже попытки удержать французовъ; между тѣмъ три генерала, командовавшіе отрядами войскъ Фердинанда, прославились въ позднѣйшихъ войнахъ. Французы и швейцарцы, служившіе Карлу, далеко превосходили жалкія итальянскія войска. Но они производили такія ужасающія насилія и жестокости, что походъ Карла походилъ на нашествіе монголовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они истребили все народонаселеніе.

Въ Піаченцѣ французы ожидали встрѣтить сопротивленіе въ тѣснинахъ, ведущихъ въ Тоскану, и потому намѣревались выбрать другой путь. Вскорѣ, однако, узнали, что Петръ Медичи находится не въ ладахъ съ флорентинцами, которыми онъ правилъ, и что поэтому нечего бояться упорной защиты горныхъ укрѣпленій. Дорогу, выбранную французами, не трудно было запереть. Она шла по такъ называемой Луниджіанѣ, полосѣ морскаго берега, не болѣе двухъ часовъ ѣзды въ ширину; здѣсь крѣпость Сарцано и фортъ Сарцанелло, а нѣсколько далѣе укрѣпленіе Пьетра Санта легко могли бы задерживать ихъ до тѣхъ поръ, пока недостатокъ въ деньгахъ и провіантѣ принудилъ бы ихъ къ отступленію. Но Петръ Медичи, которому во Флоренціи угрожала революція, явился въ королевскій лагерь и сдалъ Карлу укрѣпленія. Потомъ французовъ впустили даже въ Ливорно и Пизу. Флорентинцы, владѣвшіе Пизою съ 1406 г., сочли это государственнымъ преступленіемъ, потому что Петръ, стоявшій во главѣ флорентинскаго посольства, отправленнаго въ

Сарцано, дѣйствовалъ, по свидѣтельству всѣхъ писателей, не только дурно, но вѣроломно. Какъ только онъ вернулся во Флоренцію, его сперва исключили изъ правительственной коллегіи города, которымъ онъ и его партія распоряжались безусловно, а затѣмъ, по древнему обычаю, призвали народъ къ свободѣ. Петру было не по силамъ противиться этой бурѣ; онъ бѣжалъ изъ города съ своими братьями, кардиналомъ Джіованни Медичи и Джуліано. Во Флоренціи его объявили предателемъ отечества. Онъ отправился къ Джіованни Бентиволіо въ Болонью, но былъ не принятъ и уѣхалъ въ Венецію. Мятежнымъ флорентинскимъ народомъ предводилъ Іеронимъ Савонарола, знаменитѣйшій проповѣдникъ и пророкъ Италіи, классическая образованность и краснорѣчіе котораго доставили ему высокое значеніе между учеными, а строгая жизнь и горячія проповѣди — любовь и уваженіе народа (т. IX, стр. 439). Онъ проповѣдывалъ о государствѣ и о церкви въ томъ же духѣ, какъ первые анабаптисты и зачинщики крестьянской войны въ Германіи. Савонарола не могъ удержать флорентинскій народъ отъ вандальскаго разрушенія дворцовъ, сокровищъ искусства, древностей и коллекцій Медичи. Коминъ упоминаетъ только о денежныхъ потеряхъ Петра Медичи, бывшихъ сравнительно незначительными *).

Король Карлъ двинулся во Флоренцію черезъ Пизу, которой возвратилъ ея независимость. Во Флоренціи, гдѣ онъ пробылъ отъ 17 до 28 ноября 1494, онъ настаивалъ спачала на возвращеніи Петра и его братьевъ; но новое правительство съ твердостью отвергло это требованіе. Дѣло дошло даже до очень серьезнаго столкновенія между королемъ и флорентійскими уполномоченными; хотя объ этомъ говорятъ, сами французы но мы не повѣрили бы имъ, если бы они не были вполнѣ согласны съ разсказомъ флорентинца Гвиччіардини. Гвиччіардини говоритъ, что

*) Ce qu'il perdit ce jour en la cité, valoit cent mille escus et plus.

при мирныхъ переговорахъ, начатыхъ въ присутствіи Карла, секретарь короля прочелъ посламъ очень тяжелыя условія; тогда Петръ Каппони такъ взбѣсился на это, что выхватилъ изъ рукъ секретаря проэктъ договора и изорвалъ его передъ королемъ. „Если такъ, воскликнулъ онъ, зовите на бой своихъ солдатъ, а мы велимъ бить въ набатъ!“ *). Что бы, впрочемъ, не сказалъ Петръ Каппони, бывшій за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ посланникомъ во Франціи, но дѣло въ томъ, что король постановилъ очень выгодныя условія. Онъ принялъ флорентинскую республику на вѣчныя времена подъ покровительство французской короны и обѣщалъ возвратить ей Ливорно, Пизу, Пьетра Санта, Сарцано и Сарцанелло, когда кончитъ походъ на Неаполь, но ни въ какомъ случаѣ не позже двухъ лѣтъ. Правленіе, судъ и сборъ податей въ занятыхъ мѣстахъ оставлялись за флорентинцами, которые съ своей стороны обязались не мстить за отпаденіе Пизы. Кромѣ того, во время похода, во Флоренціи должны были оставаться два королевскихъ уполномоченныхъ, безъ согласія которыхъ нельзя было назначать главнокомандующаго и принимать какихъ бы то ни было рѣшеній. Въ договорѣ находилась, кромѣ того, статья, выручавшая короля изъ денежнаго затрудненія: флорентинцы обязывались уплатить ему въ теченіи четырнадцати дней 50,000 червонцевъ, потомъ до марта 1495 г. еще 40,000, а къ іюню еще 30,000. Относительно Медичи было постановлено уничтожить приговоръ объ изгнаніи Петра и его братьевъ и о конфискаціи ихъ имуществъ; но они не должны были приближаться къ флорентинской области ближе какъ на 100 миль.

Въ началѣ января 1495 г. Карлъ былъ въ Римѣ, откуда неаполитанскія войска выступили передъ его вступленіемъ. Папа велъ переговоры съ французскимъ королемъ изъ крѣпости Св. Ангела. Договоръ состоялся уже 11 января, потому что король то-

*) Poi che si domandano cose si disoneste, voi sonerete le vostre trombe e noi soneremo le nostre campane!

ропился, а папа опасался, чтобы Карлъ не послушался совѣта кардинала Юліана делла Ровере, возвратившагося съ нимъ изъ Франціи и совѣтовавшаго низложить Александра. Папа обѣщалъ признать Карла королемъ неаполитанскимъ и сдѣлать кардиналомъ французскаго епископа Бриссонѐ. Кромѣ того, онъ долженъ былъ выдать королю, на нѣкоторое время, принца Джема, потому что Карлъ замышлялъ обширные планы на турецкую имперію. Въ залогъ папа передалъ Карлу Террачину, Чивиту-Веккію и Витербо, а сынъ его, кардиналъ Цезарь Борджіа, долженъ былъ сопровождать его въ Неаполь въ видѣ заложника. 16 января Карлъ очень дружески говорилъ съ Джемомъ въ присутствіи папы, и въ продолженіи цѣлаго мѣсяца Джемъ пользовался свободою и княжескими почестями. Но четыре недѣли спустя послѣ отъѣзда Карла изъ Рима (23 февраля), несчастный принцъ умеръ, и такъ какъ папу Александра и его сына, Цезаря, считали способными на всякое преступленіе, то думали, что Александръ, разсчитывая получить отъ султана обѣщанную сумму, велѣлъ отравить Джема.

23 января 1495 г. Карлъ выѣхалъ изъ Рима. Въ тотъ же день король неаполитанскій Альфонсъ II, которому, кромѣ французовъ, грозило возстаніе въ государствѣ, сложилъ съ себя корону и съ согласія своего брата Федерико провозгласилъ королемъ своего двадцати четырехъ лѣтняго сына, Фердинанда II. Грубый и жестокій тиранъ чувствовалъ такой паническій страхъ или, какъ говорятъ обыкновенно, впалъ въ такое безуміе, что не посмѣлъ оставаться въ королевствѣ. Не говоря ни слова ни сыну, ни брату, онъ, будто гонимый злыми духами или привидѣніями, бѣжалъ на четырехъ галерахъ въ Сицилію, въ сопровожденіи своей мачихи, сестры Фердинанда Католика, которому принадлежалъ тогда этотъ островъ *). Вскорѣ потомъ

*) Les uns disoient, говоритъ Коминъ, qu'il alloit au Turc; autres disoient, que c'estoit pour donner faveur a son fils, qui n'estoit point hay au royaume

(ноябрь 1495 г.) онъ умеръ въ Мессинѣ въ монастырѣ отъ злокачественнаго нарыва.

Его сынъ и наслѣдникъ, Фердинандъ II, не былъ, повидимому, ненавидимъ подданными; однако и онъ не могъ побудить ихъ къ сопротивленію и, вздумавъ удержать французовъ у Санъ-Джермано и Капри, долженъ былъ покинуть этотъ планъ. Поэтому французы имѣли полное право хвалиться, что ѣхали изъ Вьенны до Неаполя съ деревянными шпорами и посылали впередъ квартирмистровъ, чтобы отмѣчать мѣломъ квартиры въ городахъ. Фердинандъ II былъ всѣми покинутъ и бѣжалъ съ своимъ дядей, Федерико и своей маленькой дочерью на островъ Искію. Французы быстро овладѣли неаполитанскимъ королевствомъ до крайней оконечности его; всѣ крѣпости и города сдавались имъ безъ сопротивленія; владѣтели и бароны, даже ближайшіе родственники маркиза Пескары, оставленнаго Федериго въ Кастель-Нуово, явились въ Неаполь присягать королю Карлу. Фердинандъ еще въ мартѣ 1495 г. убѣжалъ изъ Искіи въ Сицилію, поручивъ главное начальство на этомъ островѣ брату маркиза Пескара, Иниго Авалосу. Карлъ поспѣшилъ раздать французамъ и сопровождавшимъ его генераламъ всѣ мѣста и имѣнія наaполитанцевъ. Между прочимъ, онъ отдалъ очень большія владѣнія графа Акри и маркиза Скулаче шотландцу Эбергарду Стюарту, котораго во Франціи называли д'Обиньи; прежніе владѣльцы этихъ владѣнійбѣжали въ Сицилію.

Вся Европа изумлялась неслыханно быстрому занятію всей итальянской территоріи отъ Асти до Отранто, Мессины и Бари; но общее изумленіе было еще больше, когда въ томъ же году французы такъ же быстро потеряли свои завоеванія.

mais mon avis fut toujours, que ce fut par vraye laschеté, car jamais homme cruel ne fut hardy. (Одни говорили, что онъ отправился къ туркамъ, другіе, что онъ уѣхалъ для пользы сына, который не былъ ненавидимъ въ королевствѣ; но я думаю, что онъ сдѣлалъ это по трусости, потому что жестокіе люди никогда не бываютъ смѣлы).

Карлъ и его французская свита занимались въ Неаполѣ только пирами и забавами, грабительствомъ и добываніемъ денегъ, оскорбляли неаполитанскихъ бароновъ своею нестерпимою надменностью и вѣтренностью и скоро заставили легкомысленныхъ неаполитанцевъ раскаяться въ безразсудной радости, съ которою они бросились имъ на шею. Пока они, беззаботно и необдуманно, разъигрывали роль повелителей Италіи, Лудовико Моро и венеціанцы заключили противъ Франціи грозный союзъ съ папой, съ императоромъ Максимиліаномъ, съ Арагоніей и съ Кастиліей. Карла извѣстилъ объ этомъ союзѣ его тогдашній посланникъ въ Венеціи, Филиппъ Коминъ; тогда королю пришлось подумать объ отступленіи, потому что армія его могла быть заперта въ Неаполѣ Лудовико Моро, венеціанцами и императоромъ. Когда онъ вступилъ въ Неаполь, войско его, не смотря на гарнизоны, оставленные по пути, простиралось еще до 38,000 человѣкъ; но откуда взялъ бы онъ денегъ для платы солдатамъ, когда папа, Венеція и Лудовико Моро отпали отъ него? Лудовико Моро боялся герцога Орлеанскаго, который предъявлялъ притязанія на миланское герцогство, какъ на наслѣдіе своей бабки, Валентины Висконти. Папа Александръ всегда былъ союзникомъ весьма ненадежнымъ, и Карлъ, еще до вступленія въ Неаполь, зналъ, что онъ пристанетъ къ его врагамъ, такъ какъ Цезарь Борджіа, котораго Александръ далъ ему въ заложники, убѣжалъ изъ Веллетри.

Союзъ противъ Карла былъ заключенъ 31 марта 1495 г. въ Венеціи, съ цѣлью изгнать изъ Италіи всѣхъ французовъ. Съ этой цѣлью, Фердинандъ Католикъ послалъ въ Италію одного изъ величайшихъ полководцевъ того времени, Гонсальво Фернандеса де Агилара. Этотъ полководецъ, обезсмертившій себя въ войнѣ съ Гранадой подъ именемъ Гонсальво Кордуанскаго, образовалъ національное испанское войско и развилъ военное искусство, до тѣхъ поръ неизвѣстное въ другихъ европейскихъ государствахъ. Съ самаго появленія его, испанскія войска

заняли первое мѣсто между военными силами Европы, наравнѣ съ швейцарцами.

Король Карлъ, получивъ извѣстіе о заключенномъ противъ него союзѣ, долженъ былъ предвидѣть, что испанцы нападутъ на него изъ Сициліи, а угнетаемые имъ неаполитанцы возмутся за оружіе. Поэтому онъ отказался отъ дальнѣйшихъ завоевательныхъ плановъ, помышляя только о скорѣйшемъ возвращеніи во Францію. Короновавшись торжественно королемъ неаполитанскимъ, онъ выступилъ съ отборнымъ войскомъ въ Римъ, спѣша предупредить союзниковъ, которые могли отрѣзать ему путь черезъ Аппенины. Пять тысячъ французовъ остались въ неаполитанскомъ королевствѣ; главнокомандующимъ ихъ Карлъ назначилъ одного изъ Бурбоновъ, герцога Монпансье. Намѣстникомъ Калабріи былъ назначенъ Эбергардъ Стюартъ д'Обиньи, котораго Карлъ сдѣлалъ неаполитанскимъ коннетаблемъ. Этіенъ де Векъ, возведенный въ герцоги Нола, остался комендантомъ въ Гаэтѣ, Габріель Монфоконъ въ Монфредоніи, Жоржъ Сюлли въ Тарентѣ. Перваго іюня Карлъ прибылъ въ Римъ, откуда папа съ своими войсками бѣжалъ уже въ Перуджію и не вернулся въ Римъ, не смотря на дружескія увѣренія короля. Венеціанцы не нарушали съ своей стороны мира, хотя назначили своего генерала Франческо Гонзагу маркграфа Мантуанскаго главнокомандующимъ арміи, назначенной противъ французовъ. Филиппъ де Коминъ воротился изъ Венеціи къ Карлу, котораго засталъ въ Сіенѣ. Онъ привезъ самыя точныя извѣстія о положеніи дѣлъ, такъ какъ былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ венеціанскими сенаторами.

Филиппъ де Коминъ оставилъ намъ извѣстіе о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ французовъ. Онъ обвиняетъ короля въ томъ, что онъ слишкомъ долго промедлилъ въ Тосканѣ. Коминъ говоритъ о трудностяхъ перехода чрезъ совершенно непроходимые въ то время Аппенины; затрудненія эти были тѣмъ важнѣе, что французы везли съ собою всю добычу, пріобрѣтенную ими во время

похода и тяжелую артиллерію *). Онъ прибавляетъ, что нѣмцы (какъ называетъ онъ швейцарцевъ) помогли при этомъ королю, перетащивъ орудія черезъ горы, и превозноситъ ихъ труды, подобно тому какъ французы превозносятъ работы при переходѣ Бонапарта чрезъ Сенъ-Бернаръ.

Къ счастью итальянцы не попытались помѣшать переходу короля. Они ждали его у выхода долины Форнуово, чрезъ которую онъ проходилъ у Понтремоли, на пути въ пармезанскую равнину; здѣсь 7 іюля 1495 г. произошло сраженіе, о которомъ Филиппъ Коминъ, участвовавшій въ немъ, говоритъ подробно. Передъ сраженіемъ король поручилъ Филиппу вступить въ дружескіе переговоры съ венеціанскими преведиторами, находившимися въ непріятельской арміи; Карлъ велѣлъ объяснить имъ, что не имѣетъ никакихъ непріязненныхъ намѣреній, а желаетъ только мирно пробраться домой. Но арміи сошлись слишкомъ близко другъ съ другомъ, и союзники, которыми командовалъ Гонзага, были сильнѣе французовъ. Поэтому переговоры были не во время, и венеціанцы не могли принять предложенія Карла о свободномъ пропускѣ французовъ. Однако имъ пришлось раскаяться въ этомъ; французы дрались цѣлый день сомкнутыми рядами (esquadre par esquadre), теряя очень мало людей и поражая непріятелей копьями и мечами. По словамъ Комина, сраженіе при Форнуово было очень жарко и кровопролитно. Хотя въ первое время артиллерійскій огонь былъ безвреденъ, такъ что отъ него погибло всего 12 человѣкъ, но когда бой разгорѣлся, то въ два часа (Коминъ говоритъ въ четверть часа) пало нѣсколько тысячъ итальянцевъ, въ томъ числѣ много важныхъ лицъ. Самъ Карлъ, сражавшійся, какъ простой рыцарь, находился въ большой опасности, такъ какъ окружавшіе его увлеклись

*) Il y avoit grande famine et des montagnes très hautes et très aspres, où onques homme ne passa artillerie grosse, comme sont canons et grosses coulevrines, qui lors y passèrent.

жаромъ битвы. Французы пробились сквозь непріятеля; но весь ихъ обозъ и безчисленная добыча достались итальянцамъ.

Французы направились черезъ Пьяченцу и Асти въ Туринъ. Здѣсь Карлъ былъ встревоженъ извѣстіемъ объ опасности, грозящей герцогу Лудовику Орлеанскому со стороны герцога Миланскаго. Лудовикъ, завоевавшій незадолго передъ тѣмъ городъ и крѣпость Новару, по неосторожности отправился лично въ Новару, гдѣ былъ аттакованъ венеціанскимъ войскомъ, явившимся послѣ битвы при Форнуово съ цѣлью отнять Новару у французовъ; это поставило герцога въ большое затрудненіе, потому что въ Новарѣ былъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Карлъ спасъ его, воспользовавшись раздоромъ, возникшимъ между вѣроломнымъ и жестокимъ герцогомъ Миланскимъ и венеціанцами, и предложивъ первому миръ. Миръ этотъ былъ заключенъ въ Верчелли 10 октября 1495 г.; цѣною его была Новара. Герцогъ Орлеанскій получилъ пропускъ, а генуэзскій замокъ былъ отданъ герцогу Геркулесу Феррарскому.

6. Неаполь по отступленіи Карла VIII.

Положеніе Италіи послѣ похода Карла VIII прекрасно описано Сисмонди въ двѣнадцатомъ томѣ его сочиненія объ исторіи итальянскихъ республикъ; поэтому мы ограничимся ссылкою на него и бѣглымъ взглядомъ на политическую исторію этой страны. Карлъ, возвратясь во Францію, грозилъ вернуться въ Италію съ болѣе сильной арміей. Но такъ какъ онъ не исполнилъ этого, то Италія, по удаленіи французовъ, была въ теченіи двухъ лѣтъ жертвою козней, ссоръ и войнъ своихъ аристократовъ, государей и папы. Мы не можемъ вдаваться въ лабиринтъ частныхъ исторій ея государствъ и оставимъ безъ вниманія все, относящееся къ Венеціи и Милану; для исторіи послѣдующихъ событій довольно будетъ сказать вкратцѣ о Неаполѣ и Флоренціи и о планахъ Цезаря Борджіа.

Французы, оставленные Карломъ въ разныхъ частяхъ неаполитанскаго государства, по уходѣ главной арміи были окружены со всѣхъ сторонъ. Испанцы высадились въ Нижней Италіи, а непостоянные неаполитанцы, призывавшіе французовъ и принимавшіе ихъ съ распростертыми объятіями, съ такимъ же жаромъ призвали обратно своего короля, Фердинанда II, и поднялись повсемѣстно противъ французовъ. Еще во время похода Карла VIII противъ Неаполя, къ папѣ явились два посла отъ арагонскаго короля Фердинанда Католика; они отправились въ лагерь Карла при Веллетри и протестовали противъ его дѣйствій, заявляя притязанія своего короля на Неаполь, который перешелъ отъ дяди короля арагонскаго, Альфонса V, къ его побочному сыну, Фердинанду I. Говорятъ даже, что гордые испанцы привезли съ собой въ лагерь договоръ, въ которомъ Фердинандъ, взамѣнъ уступки ему Руссильона и Сердани, соглашался не препятствовать походу Карла; но одинъ изъ нихъ, Антоніо Фонсека, разорвалъ его въ присутствіи короля. Кромѣ того, Фердинандъ Католикъ уже послалъ въ Сицилію своего лучшего генерала, Гонсальво Кордуанскаго съ отборнымъ войскомъ. Гонсальво высадился въ Калабрію, какъ только Карлъ вышелъ изъ завоеванной страны. Хотя онъ имѣлъ всего 6000 человѣкъ, но по испанскому обычаю носилъ званіе генералисимуса (gran capitano); титулъ этотъ остался впослѣдствіи за нимъ, какъ почетное прозвище, въ смыслѣ великаго полководца.

И такъ Гонзальво высадился въ Калабріи; неаполитанскій король Фердинандъ II, бѣжавшій отъ французовъ, возвратился въ то же время въ свое королевство и вышелъ на берегъ въ Реджіо, жители котораго встрѣтили его съ восторгомъ; кромѣ того, венеціанскій флотъ явился передъ Монополи и овладѣлъ этимъ городомъ. Коннетабль Карла, Эбергардъ Стюартъ д'Обиньи, очутился на краю гибели. Но вскорѣ оказалось, что неаполитанцы, не смотря на 6,000-й корпусъ Гонзальво, не могутъ противиться французамъ въ открытомъ полѣ. Гонзальво совѣтовалъ

королю не выводить своихъ ненадежныхъ калабрійцевъ, которые умѣли разбойничать, а не воевать, противъ воинственныхъ французовъ и закаленныхъ швейцарцевъ д'Обиньи и Преси; Фердинандъ пренебрегъ этимъ совѣтомъ и при Семинарѣ потерпѣлъ такое пораженіе, что былъ принужденъ поспѣшно бѣжать въ Сицилію вмѣстѣ съ Гонсальво. Въ самомъ началѣ этой войны народонаселеніе Монополи и Гаэты было истреблено жестокимъ образомъ, такъ какъ венеціанскіе стратіоты (далматы) и французы поступали одинаково безчеловѣчно. Венеціанцы, высадившись въ Монополи, рѣзали жителей съ такою яростью, что ихъ адмиралъ съ трудомъ спасъ женщинъ и дѣтей, искавшихъ убѣжища въ церквяхъ. Въ Гаэтѣ граждане хотѣли напасть на слабый французскій гарнизонъ, который отмстилъ за это покушеніе ужасной рѣзней, продолжавшейся цѣлые сутки.

Фердинандъ II нашелъ въ Сициліи флотъ и свѣжія испанскія войска, присланныя въ подкрѣпленіе Гонсальво; поэтому онъ вторично отплылъ въ свое королевство, въ то самое время когда Карлъ былъ у Понтремоли. Испанскій флотъ подъ начальствомъ Рекесенса, вошелъ въ Салернскій проливъ. Жители Салерно, Амальфи и Ла-Кава приняли короля Фердинанда съ радостью, а неаполитанцы, которыхъ Монпансье держалъ въ страхѣ, просили его, сдѣлавъ высадку близь столицы, выманить изъ нея французовъ и дать жителямъ возможность возстать. Высадка и возстаніе произошли 7 іюля. Когда Монпансье выступилъ противъ арагонцевъ, неаполитанцы заперли городскія ворота и перебили оставшихся французовъ; между тѣмъ Фердинандъ поспѣшно посадилъ свои войска снова на корабли, высадилъ ихъ на противоположной сторонѣ города и оттуда вступилъ въ столицу. Чтобы пробраться къ фортамъ Сантъ-Эльмо, Кастель-Нуово и Кастель д'Уово, остававшимся во власти французовъ, Монпансье пришлось сдѣлать обходъ; но на другой день онъ былъ окруженъ въ этихъ фортахъ съ 6000 войскомъ. Лучшій генералъ Фердинанда, Альфонсъ де Авалосъ маркизъ Пескара, палъ въ то время отъ

руки убійцы; но въ замѣнъ его король пріобрѣлъ Проспера Колонну, который обезсмертилъ себя въ царствованіе Карла V. Кардиналъ Асканіо Сфорца уговорилъ его отпасть со всѣмъ своимъ родомъ отъ французовъ и перейти на сторону испанцевъ, хотя Колонна долго служилъ во французской службѣ и былъ многимъ обязанъ имъ. Французы теряли одинъ городъ за другимъ; впрочемъ д'Обиньи, Преси и князь Бизиньяно держались на югѣ, а Монпансье въ неаполитанскихъ фортахъ до октября, такъ-какъ Карлъ обѣщалъ имъ, тотчасъ по прибытіи во Францію, послать въ Неаполь флотъ и войско. Но такъ какъ ни того, на другого не явилось, то французскіе генералы, командовавшіе на югѣ, условились, что д'Обиньи пойдетъ въ Калабрію противъ Гонсальво, а Преси и Бизиньяно двинутся на выручку герцога Монпансье. Однако имъ не удалось спасти форты, хотя въ сраженіяхъ французы одерживали постоянно верхъ надъ неаполитанцами и арагонцами. Герцогъ Монпансье успѣлъ впрочемъ уйти изъ фортовъ съ нѣсколькими тысячами человѣкъ и соединиться съ Преси. Горсть французовъ защищала укрѣпленія еще нѣсколько мѣсяцевъ против всѣхъ неаполитанскихъ силъ. Одинъ изъ фортовъ продержался даже до февраля 1496 г.

Въ Калабріи французы также держались съ удивительною храбростью, хотя въ началѣ 1496 г. ихъ тѣснили въ одно время венеціанцы съ моря, а Гонсальво на сушѣ. Венеціанцы послали въ Калабрію флотъ на помощь Гонсальво Кордуанскому противъ д'Обиньи; кромѣ того, они дали взаймы 15,000 червонцевъ и приказали своему полководцу, Франческо Гонзага, двинуться изъ Мантуи чрезъ Санъ Джермано и Беневентъ въ неаполитанскія владѣнія и направить всѣ свои силы противъ Монпансье. Они приняли впрочемъ мѣры, чтобы щедро вознаградить себя за эту помощь. Неаполитанскій король, находившійся въ затруднительномъ положеніи, долженъ былъ дать имъ вексель въ 200,000 червонцевъ и въ залогъ передать города Отранто, Бриндизи Монополи, Трани и Пулиньяно. Дорогая цѣна, какою венеціанцы

продали свою помощь королю Фердинанду, не осталась безъ вліянія на союзъ, заключенный впослѣдствіи государями противъ узурпацій венеціанской аристократіи. Итальянскіе государи были побуждаемы къ союзу противъ венеціанскаго сената причинами, подобным тѣмъ, какія могли бы въ наше время заставить государей соединиться противъ монархической аристократіи Англіи.

Армія Гонзаги была втайнѣ усилена войсками Лудовико Моро Миланскаго, котораго безпокоило присутствіе французовъ въ Италіи; но договоръ, заключенный въ Верчелли (стр. 124), не позволялъ ему открыто объявить ему войну. Монпансье также получилъ подкрѣпленія. Въ іюнѣ 1496 г. Монпансье и Орсини сошлись съ арміею Гонзаги. Въ то же время Гонсальво Кордуанскій аттаковалъ французскій отрядъ, посланный д'Обиньи въ подкрѣпленіе герцогу Монпансье, а въ началѣ іюля соединился съ Фердинандомъ. Монпансье былъ принужденъ укрыться въ крѣпости Ателлѣ въ Базиликатѣ, гдѣ 7000 французовъ и швейцарцевъ были окружены непріятелемъ безъ надежды на выручку и безъ достаточныхъ запасовъ. Въ этомъ положеніи Монпансье исполнилъ свои обязанности относительно короля и войска. Онъ послалъ въ непріятельскій лагерь Преси, Бартелеми д'Альвіано и одного изъ швейцарскихъ военачальниковъ, поручивъ имъ заключить капитуляцію съ условіемъ, чтобы ему было дозволено послать къ королю курьера съ извѣстіемъ о положеніи войска и просьбою о помощи, и чтобы въ теченіи тридцати дней войска его могли получать продовольствіе. Если, по истеченіи этого срока, помощь не явится, то онъ передастъ неаполитанскому королю всѣ города съ артиллеріей, за исключеніемъ Венозы, Гаэты и Тарента, коменданты которыхъ назначены не имъ, а самимъ королемъ. Король неаполитанскій обязался съ своей стороны дать французамъ свободный пропускъ, обнародовать полную амнистію неаполитанцамъ и отпустить прочихъ италіанцевъ.

Договоръ этотъ былъ подписанъ 20 іюля 1496 г. Впрочемъ, Монпансье уже черезъ три дня сдалъ крѣпость Атоллу. Онъ утверждалъ, что былъ принужденъ къ сдачѣ собственнымъ войскомъ, потому что наемники его настоятельно и грозно требовали жалованья, а Фердинандъ предлагалъ 10,000 червонцевъ для удовлетворенія ихъ. Начальники другихъ городовъ отказались повиноваться приказу Монпансье, предписывавшаго имъ положить оружіе. Поэтому онъ долженъ былъ остаться заложникомъ и провести все лѣто въ самой нездоровой мѣстности Италіи, вслѣдствіе чего заболѣлъ и умеръ въ октябрѣ 1496 г. Изъ 5000 французовъ, вышедшихъ съ нимъ изъ Ателлы, во Францію не вернулось и 500. Д'Обиньи тоже заболѣлъ. Не будучи въ силахъ противиться Гонсальво, возвратившемуся въ Калабрію, онъ сѣлъ на корабли и отправился во Францію. Французы держались еще только въ Тарентѣ, Гаэтѣ и Аверсѣ, когда (5 октября 1496 г.) умеръ король Фердинандъ. Не задолго передъ смертью, онъ женился на сестрѣ своего отца, съ разрѣшенія папы, который позволялъ все, что приносило выгоду ему или его семьѣ. Фердинанду наслѣдовалъ дядя его, Федерико.

7. Флоренця при Савонаролѣ.

Ни одно государство не потеряло такъ много отъ нашествія французовъ, какъ флорентинская республика. Всѣ ея крѣпости были заняты французами; Пиза получила независимость, а Сіена была принята подъ покровительство Франціи. Карлъ VIII обѣщалъ, правда, возвратить флорентинцамъ, которые заплатили ему за это деньги, ихъ города, но съ 1495 г. отыскивалъ постоянно предлоги отсрочивать исполненіе своего обѣщанія. Въ слѣдующемъ году они настоятельно требовали этого, и онъ послалъ комендантамъ крѣпостей и д'Антрегу, занимавшему Пизу, приказъ впустить флорентинскія войска. Но они не исполни-

ли приказанія и предпочли продать съ молотка занимаемыя ими мѣста. Такимъ образомъ крѣпость Сарцано и городъ Сарцанелло достались генуэзцамъ за 25,000 червонцевъ. Генуэзцы хотѣли купить и Пьетра Санту, но аристократическое правительство Лукки перебило ее у нихъ. Пизанскую цитадель д'Антрегъ продалъ гражданамъ Пизы, которые поспѣшили срыть ее, потому что она господствовала надъ городомъ, и флорентинцы, занимая ее, могли располагать Пизой. Разрушеніе цитадели положило конецъ ихъ четырнадцатилѣтнему владычеству надъ этимъ городомъ. Попытки флорентинцевъ снова покорить Пизу повлекли за собою войну, продолжавшуюся 14 лѣтъ. Эта война подробно описана Гвиччіардини, и скучный разсказъ объ однообразныхъ мелкихъ подробностяхъ ея, былъ однимъ изъ главныхъ упрековъ, дѣлаемыхъ этому историку. Сама по себѣ война эта дѣйствительно ничтожна, но она тѣсно связана съ исторіей важнаго времени, когда судьба всей Европы зависѣла отъ исторіи итальянскихъ городовъ, и когда испанскіе короли угрожали независимости древнихъ государствъ и существованію народовъ новой части свѣта, открытой ихъ мореплавателями и покоренной ихъ наемниками. Пизанцы не могли защищаться сами противъ превосходныхъ силъ Флоренціи. Они искали и получили помощь венеціанцевъ, которые были очень недовольны сдѣлкою флорентинцевъ съ Франціей и стремились къ господству надъ Пизой и надъ восточнымъ берегомъ Неаполитанскаго королевства. Герцогъ Миланскій и папа также взяли Пизу подъ свою защиту, и судьба ея рѣшилась лишь тогда, когда, по смерти Петра, Медичи снова пріобрѣли рѣшительное вліяніе на флорентійское правительство, утраченное по неспособности Петра.

По изгнаніи Петра, во Флоренціи были возстановлены республиканскія учрежденія; въ это время доминиканскій монахъ, Іеронимъ Савонарола, о которомъ мы уже упоминали въ исторіи литературы (т. IX, стр. 439), игралъ роль народнаго трибуна. Савонарола господствовалъ во Фло-

ренціи такъ же неограниченно, какъ за 100 лѣтъ передъ тѣмъ Кола Ріенци въ Римѣ (т. VIII, стр. 183—87 и 195—97), съ тою лишь разницею, что римскій трибунъ управлялъ государствомъ именемъ императора и римскаго народа, а Савонарола—именемъ Бога. Мы скажемъ нѣсколько подробнѣе о флорентинской революціи, возбужденной Савонаролой и о судьбѣ его, потому что это покажетъ намъ, какимъ образомъ въ началѣ XVI столѣтія Тоскана превратилась въ великое герцогство, а Флоренція—въ резиденцію государя. Когда Карлъ VIII вступилъ въ Неаполь, флорентинская республика управлялась уже въ теченіи шестидесяти лѣтъ домомъ Медечи, который велъ міровую торговлю и пользовался безусловнымъ кредитомъ на востокѣ, западѣ и сѣверѣ отъ Лондона, Любека и Новгорода до Персіи и Египта. Прадѣдъ Петра, Косма Медичи, не нуждался въ титулахъ; отъ него зависѣли всѣ вліятельныя лица Флоренціи, и всѣ ремесленники нуждались въ его деньгахъ и кредитѣ, тогда какъ ему самому, при его скромной жизни, не было надобности тратить деньги управляемаго имъ государства. Отношенія эти измѣнились, когда ближайшіе наслѣдники его стали разыгравать роль государей и окружили себя роскошью, которою восхищались художники и ученые. Они не могли дѣлать большихъ торговыхъ оборотовъ и призвали на административное поприще людей, занимавшихся прежде торговлей, которые, слѣдуя ихъ примѣру, зажили роскошно; вслѣдствіе этого, кредитъ ихъ поколебался, и государство было принуждено выдавать большія суммы, чтобы поддержать торговлю. Скоро она совершенно прекратилась, потому что уже Лоренцо вынулъ изъ оборота большія суммы наличными деньгами и накупилъ на нихъ имѣній и помѣстій.

Сынъ Лоренцо, Петръ, принявъ завѣдываніе управленіемъ флорентинской республики, нашелъ дѣла въ подобномъ положеніи; но Флоренція владѣла многими до тѣхъ поръ независимыми городами Тосканы и упомянутыми нами выше (стр. 116) пограничными крѣпостями, отнятыми у генуэзцевъ. Изъ этихъ горо-

довъ Пиза и Ливорно были совершенно подчинены, а Лукка и Сіена хотя и удерживали свою независимость, но должны были опасаться гнѣва могущественной Флоренціи. Все это измѣнилось, когда Петръ Медичи отдалъ французскому королю укрѣпленія и впустилъ его во Флоренцію. Слѣдствіемъ этого было, какъ мы говорили выше (стр. 117), изгнаніе Петра, и когда французы удалились, Флоренція хотя и возвратила себѣ полную свободу, которой лишилась 60 лѣтъ назадъ, но начала снова страдать отъ внутреннихъ раздоровъ, на которые такъ горько жаловался Данте.

Савонарола сперва восхвалялъ французскаго короля Карла и говорилъ о немъ, какъ о государѣ, призванномъ Богомъ для преобразованія церкви и государства; по удаленіи французовъ, онъ съ двумя другими благородными и просвѣщенными людьми, Франческо Валори и Паоло Антоніо Содерини, сталъ во главѣ сильной политической партіи. Онъ былъ извѣстенъ еще съ 1483 г., какъ проповѣдникъ, аскетъ и отличный знатокъ древней литературы; съ 1489 г. онъ подготовлялъ народъ къ появленію Карла VIII въ Италіи, какъ апостолъ и чудотворецъ возвѣщалъ исправленіе христіанской церкви во всѣхъ частяхъ ея, возстановленіе равенства между людьми и учрежденіе патріархальнаго быта. Впрочемъ, церковныя реформы, которыхъ онъ желалъ, относились только къ іерархіи и внѣшнему порядку, а не къ принципамъ, которыхъ касались Гусъ и Лютеръ. Стараніями Савонаролы во Флоренціи возникла полнѣйшая демократія. Съ тѣхъ поръ всѣ дѣла должны были рѣшаться въ собраніи гражданъ, которое могло дать законное рѣшеніе только въ присутствіи по крайней мѣрѣ тысячи гражданъ, и куда закономъ допускались молодые люди отъ двадцати четырехъ до тридцати лѣтъ. Во главѣ исполнительной власти стоялъ, какъ и прежде, гонфалоньеръ республики, занимавшій эту должность только въ продолженіи года; Савонарола же изъ своего монастыря руководилъ народомъ, вѣрившимъ въ его чудеса, какъ пророкъ, какъ свя-

той или какъ народный вождь съ какою-то божественною властью.

Его значеніе въ народѣ съ 1483 г. постоянно возрастало. Въ первый разъ оно поколебалось 29 апрѣля 1497 г., когда Петръ Медичи сдѣлалъ попытку возвратить себѣ свое прежнее и явился передъ воротами города съ отрядомъ наемниковъ. При этомъ онъ надѣялся на сильную партію, которую домъ его все еще имѣлъ во Флоренціи, въ особенности на гонфалоньера, Бернардо дель Нери, съ которымъ онъ былъ прежде очень друженъ. Попытка однако не удалась. Подойдя съ 4000 человѣкъ къ Флоренціи, Петръ встрѣтилъ сильное сопротивленіе; партія его въ городѣ не смѣла пошевелиться, и потому черезъ четыре часа онъ былъ принужденъ воротиться. Народный судъ страшнымъ образомъ отмстилъ его городскимъ друзьямъ за эту попытку. Нѣсколько важнѣйшихъ гражданъ, въ томъ числѣ Бернардо дель Нери и ближайшіе родственники Медичи были обвинены въ заговорѣ, составленномъ съ цѣлью возвратить Петра, и восемъ судей, назначеные демократическими властями, приговорили ихъ къ смерти и къ лишенію имущества (17 августа 1497 г.). По закону, установленному самимъ Савонаролою, каждый приговоренный имѣлъ право аппелировать къ большому совѣту, т. е. ко всему народу; поэтому всѣ ожидали, что Савонарола употребитъ свое вліяніе на свою партію и убѣдитъ ее не противиться соблюденію этого закона. Но Савонарола не сдѣлалъ этого, и даже постарался застращать умѣренныхъ ультра-демагогами и фанатиками. Такимъ образомъ аппеляція къ совѣту не могла состояться. и 21 августа приговоръ былъ исполненъ.

Въ то самое время, когда Савонарола своимъ молчаніемъ при кровавыхъ дѣйствіяхъ политическихъ фанатиковъ вооружилъ противъ себя умѣренныхъ и друзей Медичи, онъ поссорился и съ папой Александромъ VI изъ за своихъ проповѣдей, въ которыхъ являлся исправителемъ церкви, ниспосланнымъ самимъ Богомъ. Савонарола возставалъ противъ жизни

Александра, пренебрегавшаго всѣми правилами нравственности и противъ его окружающихъ. Но при этомъ онъ забывалъ, что современники его, имѣвшіе вліяніе на народъ, слишкомъ искусились въ политикѣ и слишкомъ опередили народъ, чтобы придавать какое нибудь значеніе нравственной сторонѣ христіанства. Все это вышло иначе въ Германіи, гдѣ дворянство, ученые и народъ по образованію стояли гораздо ближе другъ къ другу, и гдѣ поэтому вскорѣ послѣ того Лютеръ въ борьбѣ съ ультрамонтанизмомъ былъ гораздо счастливѣе флорентинскаго трибуна.

8. Савонарола и семейство Борджіа.

По удаленіи Карла VIII изъ Италіи, соблазны при папскомъ дворѣ, безстыдная жизнь Александра VI, сыновей и дочерей его и ихъ любимцевъ и любовницъ достигли высочайшей степени, такъ что всѣ книги полны описаніями ихъ. Даже сухая реляція, оставленная намъ церемонимейстеромъ Александра, Буркардомъ, описавшимъ ежедневныя происшествія при папскомъ дворѣ, приводитъ въ содроганіе и ужасъ. Эта эпоха папства была хуже времени знаменитаго правленія куртизанокъ, Теодоры и Марозіи (т. VI, стр. 40, 67 и 93); но мы не будемъ повторять анекдотовъ о папскомъ дворѣ, чтобы не оскорбить скромныхъ людей разсказами о возмутительномъ развратѣ и отвратительныхъ сценахъ. Мы упомянемъ лишь о двухъ происшествіяхъ, случившихся въ томъ самомъ году, когда началась жаркая борьба между Савонаролой и Александромъ VI (1497 г.).

Давно уже вся сила вдохновенныхъ проповѣдей Савонаролы была направлена противъ соблазна, возбужденнаго во всемъ христіанскомъ мірѣ развратомъ, убійствами и богохульствомъ папы. Особенно сильно гремѣлъ онъ противъ Джуліи Фарнезе, прозванной прекрасной (Giulia Bella), съ которою папа открыто жилъ въ связи. Но ни Джулія, ни папа не обращали вни-

манія на проповѣди, хотя онѣ производили сильное впечатлѣніе. При всѣхъ церковныхъ празднествахъ, Джулія являлась, какъ законная жена папы и въ апрѣлѣ 1497 г. родила сына, котораго папа тотчасъ же призналъ, равно какъ и другихъ дѣтей ея. Въ іюлѣ одинъ изъ сыновей Александра, кардиналъ Цезарь Борджіа, велѣлъ умертвить и бросить въ Тибръ своего брата, герцога Гандію, въ ту минуту, какъ тотъ, ради одной непозволительной интриги, отказался участвовать въ оргіи, устроенной Ванноціей. Буркардъ, разсказывающій очень подробно объ этомъ убійствѣ, не называетъ кардинала виновникомъ его, но Гвиччіардини говоритъ прямо, что убійство было совершено по приказанію Цезаря и сообщаетъ причину этого поступка. Впрочемъ онъ не рѣшаетъ была ли поводомъ къ убійству ревность или желаніе овладѣть свѣтскими званіями и имѣніями брата. Гвиччіардини ясно говоритъ, что они были одинаково порочны *). По словамъ Буркарда, папа принесъ сначала покаяніе и публично обѣщалъ исправиться; а Гвиччіардини прибавляетъ, что Александръ уговаривалъ кардиналовъ, которые были также развратны, перемѣнить образъ жизни; этотъ историкъ говоритъ однако, что вслѣдъ за тѣмъ Александръ впалъ въ прежніе грѣхи. Другое событіе, о которомъ намъ нужно сказать, есть разводъ дочери папы, Лукреціи Борджіа; она была въ связи съ своими братьями и поссорилась за это съ своимъ мужемъ, Іоанномъ Сфорцою, владѣтелемъ Пезаро. Александръ принялъ сторону своей дочери и развелъ ее съ мужемъ, не объявивъ достаточнаго повода къ тому. Іоаннъ Сфорца лишился бы и Пезаро, еслибъ венеціанцы не защитили его отъ папы и его сыновей.

Въ 1497 г. Савонарола воспользовался новыми злодѣяніями папы, чтобы начать рѣзкую проповѣдь противъ Александра и

---

*) Incitato dalla libidine e dall'ambizione, ministri patenti ad ogni grande sceleratezza. (Были сладострастны и честолюбивы и великіе мастера во всѣхъ злодѣйствахъ).

нравственнаго паденія церкви. Въ своихъ проповѣдяхъ о пророкахъ Амосѣ и Езекіилѣ онъ возставалъ противъ современнаго духовенства (но не противъ ученія), подобно этимъ пророкамъ, возстававшимъ противъ еврейскихъ поповъ. Савонарола требовалъ исправленія и очищенія церкви. Онъ возвѣщалъ, что церкви придется перенести много бѣдствій, но что она выйдетъ изъ нихъ очищенною и обновленною, и что даже невѣрные обратятся ко Христу. Онъ говорилъ, что Флоренція также испытаетъ великое несчастіе, но по окончаніи его снова расцвѣтетъ. Эти проповѣди и вліяніе доминиканскаго монаха раздражили завистливыхъ францисканцевъ. Они соединились съ многочисленными врагами, нажитыми демагогомъ Савонаролою и помогли папѣ уничтожить фанатика, который, не смотря на свою строго аскетическую жизнь, говорилъ и дѣлалъ много страннаго. Они пожаловались на него и на его фанатическихъ учениковъ въ Римъ. Папа запретилъ ему проповѣдать и ругаться. Но Савонарола началъ говорить еще болѣе рѣзко. Папа отлучилъ его отъ церкви, грозилъ тѣмъ же всѣмъ его слушателямъ и написалъ наконецъ флорентинскому правительству, чтобы оно арестовали и наказало Савонаролу, угрожая въ противномъ случаѣ наложить интердиктъ на весь городъ и на цѣлую область.

Это случилось какъ разъ въ то время, когда флорентинцы, по своимъ политическимъ обстоятельствамъ, не могли обойтись безъ папы, и тогдашній генералъ-викарій флорентійскаго архіепископства, Леонардо Медичи съ францисканцами и августинцами старался исполнять всѣ приказанія папы. Между тѣмъ Савонарола продолжалъ водить процессіи и проповѣдовать въ соборѣ при огромномъ стеченіи народа. Въ 1497 г. его поддерживали народъ и правительство; въ слѣдующемъ году новое правительство было къ нему сначала тоже благосклонно и даже изгнало за него генералъ-викарія изъ города. Наконецъ, францисканцы нашли въ своей средѣ человѣка, который съ такою же силой умѣлъ защищать существующій порядокъ церкви, съ

какою Савонарола проповѣдывалъ исправленіе ея. Послѣдній впрочемъ возставалъ противъ классическихъ книгъ съ такою горячностью, какъ и противъ папы и велѣлъ сжечь сотни экземпляровъ Боккачіо и „Morgante Maggiore“.

Наконецъ францисканцамъ пришла мысль потребовать, чтобы Савонарола доказалъ огненнымъ испытаніемъ свое пророческое призваніе. Испытаніе это состояло въ томъ, чтобы пройти черезъ огонь, разложенный на площади. Савонарола не хотѣлъ принимать это предложеніе; но между преданными ему монахами нашлось нѣсколько фанатиковъ, готовыхъ, вмѣсто него, выдержать испытаніе. Они требовали только, чтобы вмѣстѣ съ ними пошелъ въ огонь кто нибудь изъ францисканцевъ. Нѣсколько францисканскихъ монаховъ приняли вызовъ. Они говорили, что знаютъ навѣрное, что сгорятъ; но такъ, какъ тоже случится и съ учениками Савонаролы, то испытаніе послужитъ къ доказательству обмана фанатика. Споры объ этомъ дѣлѣ шли очень долго, и съ обѣихъ сторонъ нѣсколько человѣкъ раздумали подвергать себя испытанію; наконецъ флорентинское начальство объявило, что 7 апрѣля 1498 г. на площади передъ зданіемъ сената произойдетъ испытаніе Доминика Бонвиче изъ Пешіи за Савонаролу и Андреа Рондинелли за его противниковъ. Тогда произошло странное зрѣлище. Вся площадь, всѣ окна и кровли кругомъ были полны народомъ; члены обоихъ монашескихъ орденовъ заняли отведенныя имъ мѣста, посрединѣ площади пылалъ уже костеръ, какъ вдругъ францисканцы стали дѣлать разныя придирки относительно формы испытанія. Нѣсколько часовъ длился споръ, но партіи не могли согласиться, и наконецъ всѣ разошлись, не сдѣлавъ испытанія.

Не трудно было свалить всю вину на Савонаролу и его фанатиковъ, настаивавшихъ на формальностяхъ, на которыя не согласились ихъ противники; съ этого дня Савонарола потерялъ не мало приверженцевъ въ массѣ народа. Когда онъ возвращался домой съ несостоявшагося испытанія, его осыпали насмѣш-

ками. Два дня спустя народъ былъ возбужденъ распутниками, озлобленными на Савонаролу за его проповѣди; народъ бросился къ монастырю св. Марка, раззорилъ его, схватилъ Савонаролу и притащилъ въ тюрьму съ нѣсколькими друзьями и учениками. Еще въ мартѣ судъ (balia) и администрація перешли въ руки его враговъ, и дѣло его было скоро покончено. Папа прислалъ вести процессъ генерала доминиканцевъ, бывшаго венеціанскимъ уроженцемъ и докторомъ жестокаго испанскаго уголовнаго права. Савонаролу пытали, вслѣдствіе чего онъ, разумѣется, сознался во всемъ, но когда пытку прекратили, отрекся отъ своихъ показаній, былъ снова подвергнутъ ей, и наконецъ 23 мая 1498 г. сожженъ, какъ еретикъ.

9. Фердинандъ Католикъ арагонскій и Изабелла кастильская.

Въ то время, какъ Карлъ VIII французскій, преемникъ его Лудовикъ XII и даже пріемникъ Лудовика, Францискъ I, расточали въ Италіи силы монархіи, основанной Лудовикомъ XI и утвержденной старшей дочерью его, Дамой де Божѐ, Испанія достигла высшаго могущества, что впослѣдствіи дало императору Карлу V возможность мечтать о всемірной монархіи.

Въ Кастиліи, какъ мы уже говорили (т. X, стр. 474), послѣ долгаго спора о наслѣдованіи престола, наслѣдницею короля Генриха IV была признана его сестра, Изабелла, бывшая замужемъ за Фердинандомъ Католикомъ, а дочь Генриха, Іоанна, была устранена отъ наслѣдства, какъ незаконнорожденная. По смерти Генриха (1474 г.) обладаніе Кастиліей обошлось, однако, Фердинанду и Изабеллѣ не безъ борьбы. Португальскій король Альфонсъ V вступился за свою племянницу, Іоанну, и въ маѣ 1475 г. явился съ значительнымъ войскомъ въ Кастилію. Фердинандъ и Изабелла созвали милицію, и послѣ

цѣлаго года безплодной борьбы въ мартѣ 1476 г. произошло рѣшительное сраженіе, при Торо; португальское войско было на голову разбито и разсѣяно; 12,000 человѣкъ португальцевъ пали въ сраженіи или попались въ плѣнъ. Война продолжалась еще три года, потому что король португальскій не хотѣлъ сложить кастильскаго герба и отказаться отъ сватовства за инфантину Іоанну. 24 сентября 1479 г. Альфонсъ согласился наконецъ на миръ, при чемъ отказался носить кастильскій гербъ и защищать права своей племянницы.

Еще въ началѣ 1479 г. умеръ отецъ Фердинанда, Іоаннъ II арагонскій, и изъ двухъ королевствъ, Арагоніи и Кастилія, образовалась Испанія, не смотря на соперничество сословій въ обоихъ королевствахъ и на господствовавшее мнѣніе, что Фердинандъ, какъ арагонецъ, не имѣетъ права править Кастиліей. Узы, соединявшія оба королевства, были прочны, потому что Изабелла страстно любила мужа, и желанія его были для нея закономъ. Поэтому въ первые же три года царствованія ихъ оба королевства были преобразованы, на сколько было возможно, въ монархическомъ духѣ. То, что началъ, но не кончилъ, во Франціи Лудовикъ XI, мало по малу было совершенно въ Испаніи; такимъ образомъ раны, нанесенныя обоимъ королевствамъ рыцарскою анархіею во времена Іоанна II арагонскаго и Генриха IV кастильскаго, были частью исцѣлены.

Фанатизмъ испанскихъ христіанъ и связь, въ которой онъ находился съ истиннымъ патріотизмомъ, не мало содѣйствовали образованію хорошаго войска и введенію порядка и полиціи въ государствѣ. Религіозная ненависть къ господствовавшимъ въ Гранадѣ мусульманамъ привлекала воинственныхъ испанцевъ въ ряды войскъ, посылаемыхъ Фердинандомъ и Изабеллой противъ враговъ вѣры, и доставляла арагонскому королю и его супругѣ воиновъ и полководцевъ. Но фанатизмъ, который существовалъ въ дѣлѣ религіи и имѣлъ въ виду поддерживать насильственную связь обращенныхъ евреевъ и магометанъ съ христіанами, далъ пра-

вительству возможность учредить во имя религіи такую полицію, какой иначе не потерпѣлъ бы гордый испанецъ. Чтобы утвердить и поддерживать военною силою внутренній миръ (что въ Германіи удалось только при Карлѣ V, внукѣ Фердинанда Католика), въ Испаніи пользовались учрежденіемъ, возникшимъ въ Арагоніи въ половинѣ XIII вѣка и распространившемся потомъ далѣе. Это учрежденіе и военная сила, состоявшая въ распоряженіи его, называлась Санта Эрмандадъ, т. е. святое братство; впослѣдствіи этимъ именемъ называлась инквизиціонная полиція. Учрежденіе это возникло въ городахъ для отпора рыцарству, а иногда и королевской власти и для защиты частныхъ лицъ и ихъ собственности. Города, соединенные братствомъ, взимали съ этой цѣлью съ своихъ гражданъ налогъ, содержали на него команду для охраненія улицъ и держали на жалованьи избранныхъ ими рыцарей, которые могли судить всѣхъ и исполнять свои приговоры всюду, гдѣ бы не совершилось преступленіе.

Фердинандъ еще въ 1476 г., на собраніи кортесовъ въ Мадригалѣ, назвалъ это учрежденіе королевско-городскимъ, и распространилъ его на все государство. Съ тѣхъ поръ каждыя сто семействъ должны были платить ежегодно 1800 мараведи для снаряженія и содержанія одного всадника; въ каждомъ городѣ изъ тридцати семействъ былъ учрежденъ судъ изъ двухъ алькальдовъ, которые судили преступленія противъ общественной безопасности по законамъ, составленнымъ юнтою депутатовъ отъ всѣхъ городовъ королевства. Дворянство противилось этому гражданско-полицейскому учрежденію; но правительство и граждане, соединенные вмѣстѣ, были сильнѣе рыцарства. Въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ Эрмандадъ было республиканскимъ учрежденіемъ, потому что до 1498 г. всѣ должности въ немъ занимались лишь тѣмъ, кто вносилъ деньги. Хитрый арагонецъ, подъ предлогомъ облегченія гражданамъ издержекъ, преобразовалъ его въ королевскую полицію. Въ 1498 г. онъ упразднилъ

всѣ высшія должности, оставивъ только нѣсколько нижнихъ чиновъ и передалъ судопроизводство обыкновеннымъ судамъ. Съ того времени страшное названіе Санта Эрмандадъ стало обозначать королевскихъ жандармовъ.

Дѣятельность королевы Изабеллы, являвшейся всюду лично, чинившей судъ, водворявшей миръ и заводившей новыя учрежденія, была необыкновенна въ мирное время и производила чудеса во всей Кастиліи. Въ военныхъ предпріятіяхъ Изабелла была неразлучна съ мужемъ. Предпріятія эти направлялись противъ невѣрныхъ и прославили въ Европѣ, Азіи и Африкѣ короля Фердинанда и его генерала, Гонсальво Кордуанскаго. Въ 1482 г. Фердинандъ и Изабелла начали войну противъ гранадскихъ магометанъ и вели ее непрерывно въ продолженіи десяти лѣтъ, до самаго завоеванія Гранады. Эта война безчисленное множество разъ воспѣвалась испанскими поэтами, и испанскіе историки обработывали ее съ особенною любовью; она составляетъ лучшій отдѣлъ „Всеобщей исторіи Испаніи“ Маріаны. Графъ Альберъ Сиркуръ, „Исторія мавровъ“ котораго, разработанная по новымъ источникамъ, вышла недавно въ трехъ частяхъ *), описываетъ предпріятіе Фердинанда и Изабеллы противъ Гранады точно, критически и безъ натяжекъ; исторіи своей онъ предпосылаетъ краткій обзоръ христіанскихъ завоеваній, сдѣланныхъ у мавровъ съ 1284 до 1474 г. Мы не будемъ описывать подробно десятилѣтнюю войну, веденную Фердинандомъ и Изабеллою съ Гранадой, такъ какъ подробности ея не важны для европейской исторіи. Результатомъ этой войны были внѣшнее величіе Испаніи и усиленіе королевской власти.

Что касается до начала этой войны, то въ 1482 г. Фердинандъ охотно обратился бы противъ Франціи, чтобы завое-

---

*) «Histoire des Mores Mudejares et des Morisques ou des Arabes d'Espagne sous la domination des Chrètiens, par le comte A. de Circourt.». Paris 1846 г.

вать Руссиліонъ, но жена его, удержавшая за собою управленіе Кастиліей, настаивала на войнѣ съ Гранадой. Она энергически готовилась къ ней. Каждый мудехаръ въ государствѣ долженъ былъ пожертвовать для войны червонецъ; вновь учрежденная инквизиція, о дѣятельности которой мы будемъ говорить въ слѣдующемъ томѣ, внесла на издержки сумму изъ собранныхъ пеней и изъ конфискованныхъ имѣній; духовенство заплатило треть церковной десятины, что составляло 100,000 гульденовъ; папа позволилъ продавать индульгенціи; наконецъ частныя лица также жертвовали деньги. Первыя предпріятія не имѣли рѣшительныхъ послѣдствій; но при самомъ началѣ войны (1482—1484) часть жителей Гранады приняла подданство, а другая переселилась въ Африку. Непріятельская страна, воздѣланная какъ садъ, пострадала жестоко, а густое населеніе ея претерпѣло страшныя бѣдствія; не смотря на свое обѣщаніе, испанцы часто истребляли цѣлыя толпы невѣрныхъ.

Въ 1484 г., по требованію архіепископа толедскаго, начался новый походъ противъ Малаги, въ пользу котораго папа доставилъ треть духовной десятины на двадцать лѣтъ. Въ этой войнѣ, длившейся до 1487 г., архіепископъ толедскій, бывшій главнокомандующимъ испанскою арміею, взялъ Малагу со всѣми принадлежавшими ей городами. Въ 1488 г. испанцы хотѣли взять Басу, бывшую ключемъ къ Гранадѣ; но королевская казна совершенно истощилась, и вассалы были утомлены войною. Весною 1489 г. изъ пятидесяти королевскихъ вассаловъ явились только пятнадцать. При такихъ обстоятельствахъ Изабелла рѣшилась выставить войска на свой счетъ. Она стремилась къ уничтоженію мавританскаго владычества, образованности и промышленности съ такою же религіозною ревностью, какъ впослѣдствіи Лудовикъ XIV французскій къ искорененію во Франціи кальвинизма и изгнанію кальвинистовъ. Изабелла заняла сто милліоновъ мараведи, заложила свои драгоцѣнности, отдала свои доходы на аренду за десять процентовъ наличными деньгами, и такимъ образомъ полу-

чила возможность двинуть въ іюнѣ 1489 г. 12,000 всадниковъ и 15,000 пѣхоты противъ Басы и Эль-Сагаля, владычествовавщаго въ этомъ городѣ.

Баса и вся область Эль-Сагаля считались лучшей частью гранадскаго царства, и безъ нихъ столица не могла держаться. Эль-Сагаль былъ такъ храбръ и такъ искусенъ въ военномъ дѣлѣ, что историкъ приписываетъ ему, послѣ побѣды надъ нимъ, слова, подобныя словамъ Энея о Гекторѣ у Виргилія *). Говорятъ, онъ сказалъ: „Если бы Аллахъ не рѣшилъ паденія гранадскаго престола, я удержалъ бы его моею рукой. Да будетъ воля его!“ Но Эль-Сагаль не былъ побѣжденъ въ битвѣ; племянникъ его, Сиди-Ягія, которому Изабелла обѣщала огромныя владѣнія, нѣсколько разъ измѣнялъ ему и наконецъ уговорилъ его отдаться по договору въ руки христіанскихъ короля и королевы.

Договоръ этотъ былъ заключенъ 22 декабря 1489 г., при Альмеріи, въ палаткѣ Фердинанда; тогда пала и Гранада. Въ Гранадѣ царствовалъ Абу-Абдилейи Эль-Сагиръ, овладѣвшій престоломъ при помощи Фердинанда, котораго былъ вассаломъ; Фердинандъ заключилъ съ нимъ еще прежде тайный договоръ въ Лохѣ, обязавъ его уступить ему свое царство послѣ покоренія Басы; за это онъ долженъ былъ получить герцогскій титулъ и городъ Гадихъ. По взятіи Басы онъ напомнилъ ему это обѣщаніе. Но король Гранады не желалъ выполнять его и даже старался заслужить потерянную любовь мусульманъ враждебными дѣйствіями противъ христіанъ. Фердинандъ и Изабелла изъ фанатизма нарушили самымъ возмутительнымъ образомъ капитуляціи съ городами Гадихомъ и Альмеріей, и поэтому подданные мавританскаго короля врядъ ли бы мирно сдались испанцамъ, если бы даже Абу-Абдилейи пользовался у нихъ большимъ значеніемъ, чѣмъ въ дѣйствительности.

Съ 1490 до 1492 г. шла кровопролитная война; послѣ страш-

*) Si Pergama dextra defendi possent, etiam hac defensa fuissent.

ной рѣзни, она кончилась въ началѣ 1492 г. тѣмъ, что Абу-Абдилейи сдалъ христіанамъ свою столицу. Главная заслуга принадлежала Гонсальво Кордуанскому, болѣе всѣхъ прославившемуся въ этой войнѣ, хотя названіе „великаго полководца“ (стр. 125) онъ получилъ позднѣе. Въ войнѣ съ Гранадою Гонсальво былъ въ особенности полезенъ сношеніями, которыя поддерживалъ съ маврами; благодаря имъ, Абу-Абдилейи сдалъ городъ противъ желанія своихъ подданныхъ. Гонсальво хотя отличался какъ воинъ и предводитель, но въ этомъ отношеніи былъ не выше другихъ; за то никто изъ предводителей не былъ такъ хорошо знакомъ съ домашними обстоятельствами гранадскихъ мавровъ. Поэтому, когда въ началѣ октября 1491 г. Абу-Абдилейи предложилъ капитуляцію, Изабелла поручила переговоры Гонсальво и Фернандо Сафрѣ. Они велись втайнѣ, иногда въ Альгамбрѣ, но большею частью изъ предосторожности въ Курріаннѣ, деревнѣ, лежащей на разстояніи часа отъ Гранады. Уже 25 ноября былъ подписанъ договоръ, подтверждавшій всѣ выгоды, обѣщанныя королю Гранады, а черезъ три дня другой, обезпечивавшій права магометанскаго народонаселенія. Въ началѣ 1492 г. Фердинандъ и Изабелла заняли Гранаду. Мы не станемъ передавать ни условій договора, ни увлекательныхъ мелкихъ подробностей войны и осады, потому что всѣ обѣщанія и всѣ клятвы были нарушены. По ученію того времени, вѣроломство и измѣна въ сношеніяхъ съ невѣрными считались высокой доблестью, если приносили пользу истинной вѣрѣ.

Война съ маврами, полезная Кастиліи, была не выгодна Арагоніи, и Фердинандъ нѣсколько разъ хотѣлъ кончить ее, чтобы положить предѣлъ успѣхамъ французскаго короля. Онъ дважды покидалъ югъ и обращался къ Франціи, первый разъ на помощь наслѣдницѣ Бретани, а второй для завоеванія Руссильона и Сердани. Провинціи эти были возвращены Испаніи почти въ то самое время, когда пало мавританское королевство. 19 января 1493 г. французскій король Карлъ VIII въ Турѣ, а Ферди-

нандъ и Изабелла въ Барселонѣ подписали договоръ, по которому Руссильонъ и Сердань возвращались Испаніи (стр. 103). Для достиженія этого Фердинандъ, какъ говорятъ, съумѣлъ запугать чрезъ духовенство совѣсть сестры Карла VIII или подкупить его приближенныхъ или же воспользовался страстнымъ желаніемъ французскаго короля начать походъ противъ Неаполя и Константинополя.

Барселонскимъ договоромъ Карлъ отдалъ испанскому королю Руссильонъ и Сердань и доставилъ ему миръ съ Франціей, не лишивъ его возможности поддерживать своихъ неаполитанскихъ родственниковъ и посылать въ Италію войска потому что въ силу договора Фердинандъ могъ въ случаѣ надобности помогать папѣ. Въ одномъ пунктѣ трактата было именно сказано, что Карлъ VIII и Фердинандъ будутъ помогать другъ другу противъ всѣхъ враговъ намѣстника Христа. Въ благодарность за это папа Александръ VI даровалъ королю Фердинанду, его супругѣ и ихъ наслѣдникамъ почетный титулъ „католическаго короля“, которымъ испанскіе короли гордятся доселѣ.

Опираясь на этотъ пунктъ, Фердинандъ отправилъ въ Римъ, какъ мы уже сказали (стр. 125), двухъ пословъ, чтобъ защищать папу; одинъ изъ нихъ, Антоніо Фонсека, объявилъ французскому королю войну, разорвавъ въ лагерѣ при Веллетри въ глазахъ Карла договоръ, заключенный въ Турѣ и Барселонѣ. Сначала мы сомнѣвались въ этой театральной сценѣ; но изъ словъ испанцевъ, цитируемыхъ Прескоттомъ, видимъ, что Фонсека дѣйствовалъ согласно данной ему инструкціи. Фердинандъ уже послалъ въ Сицилію отрядъ войска подъ начальствомъ Гонсальво Кордуанскаго. Этотъ отрядъ помогъ изгнаннымъ арагонскимъ принцамъ, царствовавшимъ въ Неаполѣ, возвратить себѣ не надолго свой престолъ; кромѣ того, Гонсальво было поручено вывѣдать положеніе дѣлъ въ Неаполѣ, потому что Фердинандъ имѣлъ намѣреніе снова присоединить его къ Сициліи, отъ которой оно было отчуждено братомъ его отца (Альфонсомъ V); Си-

цилія же продолжала принадлежать Арагоніи. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ достигъ этой цѣли. Когда осенью 1496 г. Карлъ VIII заключилъ миръ съ Миланомъ, Фердинандъ также завелъ переговоры, и въ маѣ 1497 г. военныя дѣйствія, открывшіяся на пиринейской границѣ, кончились перемиріемъ и болѣе не возобновлялись.

10. Лудовикъ XII и его походъ на Миланъ.

Карлъ VIII умеръ уже въ апрѣлѣ 1498 г. Съ нимъ угасла мужеская линія короля Карла VI; поэтому на престолъ вступилъ герцогъ Лудовикъ Орлеанскій, внучатный племянникъ Карла VI. Новый король, Лудовикъ XII, и министръ и любимецъ его, архіепископъ Жоржъ д'Амбуазъ, распоряжавшійся всѣмъ, слѣдовали совершенно иной политикѣ, чѣмъ Карлъ VIII. Лудовикъ хотѣлъ овладѣть частью миланскаго герцогства, какъ наслѣдствомъ своей бабки Валентины Висконти (т. VIII, стр. 498); кромѣ того, онъ нуждался въ дружбѣ папы Александра VI, потому что готовился поступить съ вопіющей несправедливостью съ своей женой. Лудовикъ уже давно желалъ развестись съ своей женой Іоанной, сестрой Карла VIII, которой былъ обязанъ своимъ освобожденіемъ и которая была искренно привязана къ нему, не смотря на его распутство; онъ имѣлъ въ виду жениться на вдовѣ Карла, Аннѣ Бретанской; а ужасный папа Александръ хотѣлъ сдѣлать свѣтскимъ государемъ на счетъ Италіи своего сына, кардинала Цезаря Борджіа. Поэтому папа и король соединились для выполненія своихъ замысловъ. Папа послалъ во Францію своего сына Цезаря, который объявилъ уже гласно, что намѣренъ сложить кардинальское достоинство и духовное званіе, принятыя по принужденію. Папа поручилъ ему начать во Франціи родъ процесса противъ несчастной королевы Іоанны и далъ ему буллу, рѣшавшую разводъ. За это король Лудовикъ

обѣщалъ папѣ не мѣшать Цезарю Борджіа изгонять фамиліи, царствовавшія въ Церковной Области съ титуломъ апостольскихъ викаріевъ и наслѣдственныхъ владѣтелей; сверхъ того, онъ обѣщалъ помочь ему своими войсками въ этомъ предпріятіи.

На пути во Францію и во время пребыванія тамъ, Цезарь Борджіа жилъ съ такою роскошью и такимъ великолѣпіемъ, что затмилъ даже королевскій дворъ. Король Лудовикъ дарилъ ему имѣнья и деньги, надѣясь при его помощи уничтожить ненавистнаго ему Лудовико Моро Миланскаго. Онъ подарилъ Цезарю герцогство Валентинуа въ Дофинѐ, назначилъ его полковникомъ коннаго отряда съ двадцатью тысячами ливровъ жалованья и обѣщалъ дать владѣніе въ миланскомъ герцогствѣ. За это Цезарь привезъ кардинальскую шапку архіепископу Жоржу д'Амбуазу. Не стоитъ упоминать объ основаніяхъ, приводимыхъ папскими комиссарами въ пользу расторженія столь давнаго брака; достаточно сказать, что разводъ состоялся, и въ началѣ 1499 г. Лудовикъ XII женился на вдовѣ своего предшественника. Народъ, возбуждаемый рьяными проповѣдями противъ развода и противъ новаго брака короля, громко выразилъ свое неудовольствіе; но Лудовикъ успокоилъ его, приказавъ не требовать налога, взимаемаго королями при вступленіи на престолъ, и сбавивъ десять процентовъ со всѣхъ податей.

Это начало показывало, что Лудовикъ XII хочетъ употребить въ пользу народа монархическую власть, которую предшественники его добывали всякими правдами и неправдами; послѣдующія событія покажутъ, что государственныя реформы были необходимы и что Лудовикъ старался заслужить данное ему прозваніе „о т ц а н а р о д а". Онъ отмѣнилъ вопіющія злоупотребленія, вызванныя учрежденіемъ постояннаго войска. Сборы, назначенные на содержаніе конницы, были до тѣхъ поръ неопредѣлены, и начальники извиняли свои насилія и грабежи необходимостью содержать солдатъ и платить имъ жалованьее; но Лудовикъ XII опредѣлилъ этотъ налогъ, такъ что подобныя оправ-

*

данія потеряли значеніе. Насилія совершались въ деревняхъ и маленькихъ городахъ, поэтому Лудовикъ размѣстилъ конницу по большимъ городамъ, укрѣпленнымъ стѣнами, гдѣ граждане могли не уступать солдатамъ. Кромѣ того, онъ назначалъ командирами не авантюристовъ и разбойниковъ-рыцарей, а людей извѣстныхъ и достойныхъ довѣрія. Они были отвѣтственны за всѣ безпорядки, если не представляли виновныхъ въ судъ для наказанія. Полицейскія учрежденія Лудовика были прочны и благодѣтельны, какъ напримѣръ новая монетная система, новая монета съ изображеніемъ короля, радикальное улучшеніе всего судоустройства и учрежденіе нѣсколькихъ новыхъ парламентовъ.

За то прибавленіе, сдѣланное Лудовикомъ къ своему титулу, было поводомъ къ войнамъ, продолжавшимся полстолѣтія. Онъ принялъ титулъ „короля неаполитанскаго, сицилійскаго и іерусалимскаго, герцога миланскаго“. Предъявленныя этимъ титуломъ права должны были повидимому поссорить французскаго короля не только съ Миланомъ, герцога котораго, Лудовико Моро, онъ ненавидѣлъ смертельно, но и съ императоромъ Максимиліанъ I. Послѣдній былъ уже призванъ въ Италію противъ Карла VIII и отправился на помощь къ союзнымъ итальянцамъ въ Тоскану; но онъ сдѣлалъ для нихъ такъ же мало, какъ потомъ для своего родственника, Лудовико Моро, платившаго ему большія субсидіи. Онъ и тутъ находился въ томъ же положеніи, какъ и вездѣ, дѣлалъ очень мало, потому что не могъ платить своимъ войскамъ, но выказывалъ рыцарскій духъ и большую личную отвагу. По смерти Карла VIII, онъ началъ съ Лудовикомъ XII войну за своего сына, Филиппа Бургундскаго, а также за нидерландцевъ и нѣмецкихъ герцоговъ, споривщихъ за герцогство Клеве и графство Маркъ; но вскорѣ онъ вернулся, не сдѣлавъ ничего. Филиппъ и нѣмецкіе герцоги обошлись потомъ безъ его помощи, а Максимиліанъ пустился на новый безплодный подвигъ. Онъ выступилъ противъ швейцарцевъ и дошелъ до Энгадина, но не ничего не выигралъ. По этому

обо всѣхъ этихъ предпріятіяхъ мы упоминаемъ далѣе лишь вскользь.

Въ то время какъ императоръ Максимиліанъ игралъ такую жалкую роль въ Италіи, во Франціи и въ Швейцаріи, сынъ его, Филиппъ Бургундскій, полагалъ основы распространенію власти Габсбургскаго дома, которая потомъ въ теченіи полутора вѣка была равно гибельна для Испаніи, Германіи и Италіи. Походъ Карла VIII въ Италію заставилъ властителей Арагоніи и Кастиліи заключить брачный союзъ съ Максимиліаномъ и Нидерландами. Они женили своего единственнаго сына, донъ-Хуана, на дочери Максимиліана, Маргаритѣ, отверженной Карломъ VIII; но принцъ умеръ тотчасъ послѣ брака (4 октября 1497 г.); тогда они отдали свою вторую дочь, Іоанну, за брата Маргариты, Филиппа. Эта принцесса, сдѣлавшаяся по смерти своей старшей сестры наслѣдницей всей испанской монархіи, родила въ 1500 году въ Гентѣ будущаго императора Карла V, который, мечтая о всемірной монархіи, велъ много счастливыхъ войнъ, но блестящіе планы котораго были разрушены реформаціей.

Если вѣрить тому, что говоритъ Прескоттъ о тайныхъ переговорахъ, происходившихъ при заключеніи мира между Франціей и Испаніей въ августѣ 1498 г., то Лудовикъ XII условился съ королемъ испанскимъ относительно своихъ плановъ на Италію. Послѣ перемирія, заключеннаго Фердинандомъ Католикомъ и Карломъ VIII, былъ заключенъ въ Маркуси, миръ, при чемъ, говорятъ, короли согласились обогатиться въ Италіи на счетъ слабѣйшихъ государей. Вліяніе Фердинанда доставило тогда эрцгерцогу Филиппу Бургундскому такія выгоды отъ французскаго правительства, какихъ не могло добыть ему оружіе его отца, Максимиліана.

Выгоды эти касались выполненія одной статьи санлисскаго трактата (стр. 102). Король французскій обѣщалъ возвратить эрцгерцогу города Геденъ, Эръ и Бетюнъ, находившіеся еще

въ его владѣніи, когда Филиппъ достигнетъ совершеннолѣтія, приметъ самъ правленіе и присягнетъ французскому королю за Артуа и Фландрію. Хотя Филиппъ уже давно правилъ самъ и предлагалъ дать присягу, но французы постоянно оттягивали это дѣло. Максимиліанъ вторгался за это во Францію, о чемъ мы недавно упомянули. Но онъ не могъ помочь своему сыну и былъ почти изгнанъ изъ герцогства Бургундскаго; тѣмъ времени при дворѣ короля французскаго англійскій и испанскій посланники совѣщались съ депутатами Филиппа; они требовали точнаго исполненія санлисскаго трактата и счастливо окончили дѣло. Въ договорѣ, заключенномъ съ Лудовикомъ, Фердинандъ обѣщалъ не противиться намѣреніямъ французскаго короля относительно Италіи. Лудовикъ могъ теперь привести въ исполненіе свой планъ изгнать герцога Миланскаго, не встрѣтивъ препятствій со стороны Испаніи и Англіи. Поэтому онъ не требовалъ отъ Филиппа личной присяги и отправилъ во Фландрію пословъ принять ее отъ его имени.

Лудовикъ XII склонилъ въ пользу своего плана не только папу, но и венеціанцевъ. Лудовико Моро обѣщалъ нѣкогда передать венеціанцамъ Новару, за помощь, оказанную ему противъ Карла VIII, но не сдержалъ слова; къ тому же политика венеціанцевъ требовала, чтобы они приняли на всякій случай мѣры удержать за собой занятые ими неаполитанскіе порты, и потому планы Лудовика XII побудили ихъ отправить посольство во Францію, гдѣ тогда находился Цезарь Борджіа. Въ февралѣ 1499 г. они заключили съ королемъ договоръ въ Блуа, въ которомъ онъ обѣщалъ имъ участіе въ будущихъ завоеваніяхъ и обезпечивалъ за ними владѣніе городами Кремоной и Гіара-д'Аддой или полосою земли между Аддой, По и Оліо.

Для завоеванія Милана Лудовикъ XII нуждался въ швейцарцахъ, а чтобы навербовать ихъ, надо было имѣть наличныя деньги. Такъ какъ система займовъ нашего времени не была еще

изобрѣтена, то Жоржъ д'Амбуазъ предложилъ ему средство, которое скоро сдѣлалось гибельнѣе для французскаго государства, чѣмъ притѣсненія, къ которымъ прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ предшественники Лудовика. Амбуазъ посовѣтовалъ королю взыскать значительныя суммы съ чиновниковъ финансоваго вѣдомства, а вакантныя мѣста ихъ не раздавать, а продавать. Лудовикъ XII неохотно послѣдовалъ этому совѣту; онъ предвидѣлъ, что сборщики податей сдѣлаются черезъ это самыми худшими притѣснителями и мучителями народа. И дѣйствительно, система, изобрѣтенная Амбуазомъ и преобразовавшая финансовыхъ чиновниковъ въ самостоятельныхъ кровопійцъ, была такъ же вредна французскому народу, какъ несчастная система займовъ восемнадцатаго столѣтія—всѣмъ европейскимъ народамъ.

Получивъ нужныя деньги, Лудовикъ двинулъ въ августѣ 1499 г. противъ Милана армію въ 13,000 человѣкъ пѣхоты и 9,500 конницы или, по тогдашнему, 1,600 копій. Пѣхота состояла изъ 5,000 швейцарцевъ и 8,000 французовъ. Опытные генералы вели три дивизіи, на которыя была раздѣлена армія. Первою дивизіею командовалъ Джіовани Джакопо Тривульціо, одинъ изъ друзей свободы, изгнанныхъ изъ Милана, второю — Жакъ Люксанбуръ графъ де-Линьи, третьею—Эбергардъ Стюартъ д'Обиньи, отличившійся въ Неаполѣ по отступленіи Карла VIII. Планъ Лудовика завоевать миланское герцогство былъ выполненъ быстро. Папа Александръ VI совершенно предался интересамъ Лудовика, когда король обѣщалъ найти невѣсту его сыну, Цезарю Борджіа и помочь ему отнять у законныхъ владѣтелей Имолу, Фаенцу, Форли и Пезаро, и составить изъ нихъ для него особое государство; Тривульціо имѣлъ сношенія съ миланскими гвельфами; венеціанцы вступили въ миланское герцогство; вся страна ненавидѣла Лудовика Моро, какъ тирана, узурпатора и убійцу своего племянника; ни одинъ изъ начальниковъ не исполнялъ своего долга; крѣпости сдавались. Поэтому уже 2 сентября 1499 г. тиранъ былъ принужденъ бѣжать изъ Милана въ

Тридентъ и искать спасенія у императора Максимиліана. Онъ взялъ съ собою своихъ дѣтей, драгоцѣнности и 250,000 червонцевъ. Бѣжавшій герцогъ надѣялся возвратиться во главѣ арміи, нанятой у швейцарцевъ и данной ему за деньги Максимиліаномъ; поэтому онъ оставилъ въ миланской цитадели своего главнокомандующаго Бернардо де-Карте съ нѣсколькими тысячами человѣкъ. Но Бернардо продался французамъ за 10,000 дукатовъ и за половину серебрянной посуды герцога, находившейся въ крѣпости. Такимъ образомъ никто не попытался противиться, и 6 октября Лудовикъ XII вступилъ въ Миланъ. Онъ отправилъ во Францію молодого сына несчастнаго герцога Іоанна Галеаццо, а мать его, Изабеллу, отослалъ въ Неаполь.

Французы не могли утвердиться въ завоеванной странѣ, потому что противъ нихъ была вся сильная партія ломбардскихъ гибеллиновъ. Поэтому папа и его дѣти торопились воспользоваться для своихъ цѣлей первыми минутами побѣды французовъ и сдѣлали это въ высшей степени возмутительнымъ образомъ для всего христіанскаго міра. Знаменитая дочь папы, Лукреція Борджіа, послѣ развода съ Сфорцою вышла за донъ-Алонзо Арагонскаго князя Бизиньяно, побочнаго сына неаполитанскаго короля Альфонса II и передъ тѣмъ получила отъ своего отца герцогство Сполето; послѣ побѣды Лудовика XII, Александръ отнялъ у законнаго владѣтеля Сермонету и подарилъ ее своей дочери. Кромѣ того, Цезарь Борджіа герцогъ Валентинуа, явился съ вспомогательными войсками Лудовика, чтобы отнять у Сфорцы—Пезаро, у Малатесты — Римини, у Манфреди — Фаенцу, у Катарины Сфорцы, правившей за Ріаріа — Имолу и Форли, у Варано—Камерино, у графовъ Монтефельтро и герцоговъ Урбино—ихъ владѣнія. Имола и ея цитадель сдались черезъ двадцать дней; но Катарина Сфорца такъ мужественно защищала Форли, что когда городъ былъ взятъ приступомъ и Катарина, попавшая въ плѣнъ, была отправлена въ замокъ Ангела, начальникъ французскаго вспомогательнаго отряда, Аллегръ, выхлопоталъ плѣн-

ницѣ свободу. Но вскорѣ однако (въ февралѣ 1500 г.) французы были принуждены выйти изъ Церковной области, потому что Лудовико Моро явился внезапно въ Миланѣ съ войскомъ, набраннымъ въ Швейцаріи и въ графствѣ бургундскомъ.

Французы возстановили противъ себя всѣхъ своими грабежами, жестокостями и насиліями, которыми еще хвастались; кромѣ того, они смертельно ненавидѣли Тривульціо и покровительствуемыхъ имъ гвельфовъ; поэтому изгнанный герцогъ, неожиданно явившійся въ серединѣ зимы, нашелъ всюду благопріятный пріемъ, и счастіе французовъ кончилось. Лудовико Моро возвратился въ столицу, не бывъ въ состояніи однако занять крѣпости; онъ преслѣдовалъ по пятамъ французскій корпусъ, который Тривульціо велъ въ Мортару, и взялъ укрѣпленную Новару. Между тѣмъ король Лудовикъ вооружилъ новое войско подъ начальствомъ Ла-Тремуйля и черезъ дижонскаго бальи навербовалъ множество швейцарскихъ волонтеровъ. Эта армія двинулась къ Новарѣ, гдѣ Лудовикъ стоялъ съ своимъ войскомъ. Такимъ образомъ швейцарцы были въ обоихъ непріятельскихъ лагеряхъ и составляли главную и единственную надежду Лудовико Моро. Но вдругъ, на его бѣду, явился изъ Швейцаріи приказъ обоимъ войскамъ возвратиться домой. Приказъ этотъ далъ швейцарцамъ, служившимъ Лудовико, поводъ къ измѣнѣ, что весьма порицалось ихъ соотечественниками, которые, не смотря на упрямство и корыстолюбіе, отличались вѣрностью и потому считались добрыми союзниками.

По этому дѣлу было произведено слѣдствіе; однако настоящій ходъ дѣла неизвѣстенъ, и всего вѣроятнѣе то, что говоритъ о немъ Сисмонди. Швейцарскіе офицеры, служившіе у французовъ, подучили волонтеровъ Лудовико Моро отказаться, на основаніи полученнаго приказа, отъ службы противъ своихъ соотечественниковъ и шумно требовать должнаго имъ жалованья. Герцогъ просилъ своего брата, кардинала Асканіо Сфорца, придти къ нему на помощь изъ Милана съ итальянцами; но онъ былъ принужденъ

вступить въ сраженіе, не дождавшись его прихода, чтобы не потерять сообщенія съ Миланомъ. Онъ выступилъ изъ Новары, но едва только построилъ свои войска, какъ швейцарцы отказались служить и стали неистово требовать должной имъ платы. Онъ тщетно просилъ ихъ не покидать рядовъ; они возвратились въ городъ и 10 апрѣля держали совѣтъ съ своими соотечественниками, находившимися во французской арміи. Вѣроятно, ихъ подкупили, на что, кажется, намекаетъ самъ Ла-Тремуйль въ своихъ запискахъ *). Результатомъ совѣщанія было то, что швейцарцы предоставили герцога на произволъ судьбы и даже не позаботились о его свободномъ пропускѣ, ограничившись тѣмъ, что взяли его съ собой, переодѣтымъ францисканскимъ монахомъ.

Лудовико Моро легко можно было узнать по его длинной, худой фигурѣ, но вѣроятно онъ былъ указанъ французамъ, которые внимательно осматривали каждаго проходящаго мимо швейцарца. Однако они не узнали бы его, если бы Каспаръ Зиленъ и Рудольфъ Турманъ изъ Ури и Рудольфъ Залисъ изъ Граубиндена не указали на него пальцемъ. Французы вытащили его изъ рядовъ и арестовали. Ла Тремуйль отправилъ плѣннаго герцога во Францію. Король поступилъ съ нимъ, какъ съ узурпаторомъ и преступникомъ, хотя не имѣлъ никакого права быть его судьей; онъ перевозилъ его изъ тюрьмы въ тюрьму и наконецъ заперъ въ Лошъ, гдѣ онъ и умеръ черезъ десять лѣтъ. Итальянцы говорятъ, что съ нимъ обращались очень дурно; французы же увѣряютъ въ противномъ. Швейцарцы, служившіе герцогу, были большею частью изъ четырехъ маленькихъ кантоновъ и изъ Граубиндена; они по такому же праву, какъ Лудовикъ XII и венеціанцы, завладѣли частью миланскаго герцогства, ко-

---

*) Le seigneur de Tremoille trouva moyen de pourparler aux ennemis du roi et a leurs capitaines cognoissant partie d'iceuls. Ses devis et remonstrances donnèrent occassion aux Suisses Lancequenetz et Bourguignons d'eulx assembler pour adviser á ce que leur avoit été dict par le seigneur la Tremoille.

торая могла имъ пригодиться. Занятіемъ города Беллинцоны, швейцарцы изъ Ури обезпечили своимъ соотечественникамъ владѣніе теперешнимъ кантономъ Тессиномъ, уступленнымъ имъ впослѣдствіи. Измѣнники, выдавшіе Лудовико Моро, преслѣдовались общимъ презрѣніемъ, и Турманъ былъ даже казненъ въ отечествѣ. Кардинала Асканіо Сфорцу привезли также во Францію, но впослѣдствіи освободили. Сыновья Лудовико Моро остались у императора Максимиліана; сынъ Іоанна Галеаццо былъ еще въ дѣтствѣ постриженъ въ монахи.

Паденіе герцога Миланскаго увѣнчало счастіемъ и торжествомъ преступленія Борджіевъ; Цезарь Борджіа герцогъ Валентинуа и его сестра, Лукреція, подъ покровомъ своего отца, Александра VI и добраго короля Лудовика XII предавались порокамъ и преступленіямъ, о которыхъ мы можемъ развѣ намекнуть вскользь, чтобы не возмущать нравственнаго чувства читателя. Чтобы показать однако ужасающее паденіе нравственности и отсутствіе религіозности во всей общественной жизни Италіи, мы должны хотя вкратцѣ коснуться исторіи Цезаря Борджіа и его сестры въ 1500—1501 годахъ. Получивъ подкрѣпленіе отъ французовъ, Цезарь взялъ сначала Пезаро, а потомъ изгналъ владѣтеля Римини, Малатесту. Асторре Манфреди, юный владѣтель Фаенцы, замѣчательный своею цвѣтущею красотой, сдѣлался бы еще въ 1500 г. жертвою честолюбія Цезаря, еслибъ его не защитила любовь подданныхъ. Но въ слѣдующемъ году Цезарь взялъ Фаену и умертвилъ его; передъ казнью развратникъ поступилъ съ нимъ такъ постыдно, что мы не можемъ входить въ эти подробности. Князь Бизиньяно, третій мужъ Лукреціи Борджіа, былъ раненъ сбиромъ на порогѣ церкви, а потомъ отравленъ; всѣ обвиняли въ этомъ герцога Валентинуа и его сестру. Общее мнѣніе подтверждалось тѣмъ, что Цезарь велѣлъ убить и брата своего, герцога Гандію, не назначилъ слѣдствія объ убійствѣ мужа Лукреціи и не наказалъ виновниковъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого убійства,

папа и его дѣти принудили герцога Феррарскаго, Альфонса д'Эсте, жениться на Лукреціи, три первые мужа которой умерли такъ трагически.

Флорентинцы также благопріятствовали сыну Александра, который, думалъ основать королевство въ средней Италіи при помощи французовъ. Цезарь получилъ отъ своего отца герцогство Романію и взялъ къ себѣ на службу швейцарцевъ, которые въ огромномъ числѣ шли къ нему, такъ какъ у него не было недостатка въ деньгахъ. Ему хотѣлось прогнать Джіованни Бентиволіо, господствовавшаго въ Болоньѣ; но этому помѣшалъ Шарль д'Амбуазъ де Шомонъ, оставленный Лудовикомъ XII намѣстникомъ въ Миланѣ; на этотъ разъ онъ дѣйствовалъ именемъ короля, хотя Лудовикъ вообще всячески помогалъ папѣ Александру и его сыновьямъ. Тѣмъ не менѣе, Бентиволіо счелъ необходимымъ удовлетворить герцога Валентинуа, обязавшись платить ему ежегодную дань. Флорентинцамъ пришлось сдѣлать тоже, когда Цезарь, утвердивъ за собою Болонью, обратился противъ нихъ. Они просили помощи у короля французскаго, но должны были поладить съ Борджіей, во что бы то ни стало. Они обязались принять его на службу республики съ отрядомъ войска и платить ежегодно по 36,000 червонцевъ. Кромѣ того, они должны были выдать ему владѣтеля Піомбино, у котораго были отняты всѣ его владѣнія, кромѣ замка Піомбино. Макіавелли полагаетъ, что власть герцога Валентинуа, основанная съ дьявольскою хитростью и коварствомъ, на убійствѣ, грабежѣ и несправедливости, утвердилась бы прочно, если бы въ 1503 г. не умеръ не во время папа Александръ. Мы думаемъ однако, что трактатъ, заключенный Лудовикомъ XII и Фердинандомъ Католикомъ о раздѣлѣ земель несчастнаго Федерико Неаполитанскаго, сдѣлалъ совершенно невозможнымъ исполненіе плановъ Цезаря. Мы понимаемъ, что Цезарь могъ не видѣть этого, несмотря на всю свою хитрость; но намъ непонятно, какъ могъ Макіавелли, до нынѣ слывущій мастеромъ въ

политикѣ и получавшій отъ флорентинцевъ дипломатическія порученія, какъ могъ онъ отзываться въ своихъ письмахъ съ такой похвалой о предпріятіяхъ Цезаря. Какъ дипломатъ, онъ могъ не обращать вниманія на нравственность; но такому великому государственному человѣку слѣдовало бы, кажется, видѣть политическіе промахи.

11. Завоеваніе Неаполя Франціей и Испаніей.

Фердинандъ Католикъ соединился родственными узами не только съ императоромъ Максимиліаномъ, но и съ англійскимъ королемъ Генрихомъ VII; но въ обоихъ случаяхъ онъ плохо позаботился о супружескомъ счастіи своихъ дочерей. Іоанна, выданная за сына Максимиліана, Филиппа Бургундскаго, доставила своему мужу, по смерти своей старшей сестры, всю испанскую монархію; она любила его со всею страстью испанки, но взамѣнъ того встрѣчала въ немъ большую холодность и лишилась разсудка, когда Филиппъ преждевременно умеръ. Младшая дочь Фердинанда, Катарина, вышла за сына Генриха VII, Артура принца Уэльскаго, а по смерти его, ради богатаго приданнаго, принуждена была выйти за своего зятя, будущаго короля Генриха VIII. Вся жизнь этой женщины была рядомъ огорченій; но отецъ ея черезъ ея бракъ, достигъ своей политической цѣли: онъ привлекъ на свою сторону англійскаго короля, въ то время какъ обманулъ французскаго.

Еще Карлъ VIII условился съ Фердинандомъ завладѣть сообща неаполитанскимъ королевствомъ, вознаградивъ слабаго, но образованнаго и ученаго короля Фридриха. Эти переговоры возобновились въ 1500 году, когда преемникъ Карла VIII, Лудовикъ XII, вторично занялъ Миланъ и хотѣлъ покорить Неаполь. Разсчитывая заключить договоръ съ Фердинандомъ, Лудовикъ отклонилъ предложеніе короля Фридриха, которое могло

бы доставить ему власть въ Неаполѣ, не проливъ ни капли крови. Фридрихъ предлагалъ признать короля французскаго своимъ верховнымъ главою и платить ему ежегодную дань. Въ маѣ 1500 г. Лудовикъ и Фердинандъ сблизились другъ съ другомъ такъ, что въ Испаніи снаряжались флотъ и войско. Поводомъ къ этимъ вооруженіямъ Фердинандъ выставлялъ защиту южнаго неаполитанскаго берега отъ турокъ, которые, по призыву Лудовико Моро и короля Фридриха, безпокоили венеціанцевъ не только въ Далмаціи и Илиріи, но и на занятомъ ими берегу Калабріи. Предводителемъ испанскаго войска былъ Гонсальво Кордуанскій, вернувшійся въ Испанію по отнятіи у французовъ Неаполя; онъ былъ снова посланъ въ Сицилію, чтобы по заключеніи съ Франціей договора, напасть общими силами на короля, котораго недавно защитилъ отъ французовъ.

Длинный и точный договоръ, заключенный между Лудовикомъ XII и Фердинандомъ Католикомъ съ цѣлью завоеванія неаполитанскаго королевства, былъ составленъ во Франціи, но утвержденъ Фердинандомъ только 22 сентября 1500 г. въ Гранадѣ. Потому этотъ памятникъ высочайшаго безбожія двухъ монарховъ, изъ которыхъ одинъ назывался христіанѣйшимъ, а другой—католическимъ, извѣстенъ подъ именемъ Гранадскаго трактата. Изъ множества пунктовъ этого договора, который никогда не былъ выполненъ и которымъ Лудовикъ снова отказывался навсегда отъ Руссильона и Сердани, мы приводимъ только тѣ, которые находятся въ непосредственной связи съ событіями слѣдующаго года, такъ какъ мы хотимъ говорить только о фактахъ, а не о планахъ, переговорахъ и дипломатическихъ штукахъ. Единственнымъ предлогомъ лишить Фридриха Неаполя могло послужить королямъ то обстоятельство, что неаполитанскій король призывалъ съ Лудовико Моро турокъ на помощь противъ французовъ. Въ Гранадскомъ договорѣ сказано, что Фридрихъ, вызвавъ турокъ, поступилъ такъ, что правленіе его ставитъ въ опасность весь христіанскій міръ, и пото-

му монархи, составляющіе договоръ, находятъ необходимымъ для охраненія отъ турокъ христіанства раздѣлить его государство. Касательно этого раздѣла было рѣшено, что Лудовикъ получитъ столицу, провинціи Терра ди Лаворо и Абруццо и титулъ неаполитанскаго короля, а Фердинандъ — Апулію и Калабрію съ титуломъ герцога. Пунктъ договора, касающійся таможеннаго сбора съ стадъ Капитанаты, оцѣненнаго въ 100,000 дукатовъ, достаточенъ для доказательства, что испанцы не смотрѣли на договоръ серьезно; было постановлено, что испанскіе чиновники будутъ собирать этотъ доходъ и дѣлить между испанскимъ и французскимъ правительствами. Папа Александръ VI одобрялъ союзъ, заключенный противъ Фридриха Неаполитанскаго, а сынъ его, Цезарь Борджіа, сопровождалъ французскую армію, когда дѣло дошло до исполненія.

Во время переговоромъ объ этомъ трактатѣ, Гонсальво Кордуанскій помогалъ венеціанцамъ противъ турокъ и отличался славными подвигами на морѣ и на сушѣ, такъ что въ теченіе 1500 года республика возвратила отнятый у нея островъ Кефалонію. Въ началѣ 1501 г. Гонсальво былъ посланъ въ Сицилію для завоеванія Неаполя и занялъ оттуда южную часть неаполитанскаго королевства. Въ іюлѣ того же года д'Обиньи вступилъ въ неаполитанскія владѣнія съ французскою арміею, въ которой по обыкновенію было много швейцарцевъ; первое сопротивленіе встрѣтило его при Капуѣ; но послѣ непродолжительной обороны городъ этотъ предложилъ капитуляцію. Переговоры о ней еще не были кончены, какъ Капуя была взята штурмомъ, при чемъ погибло болѣе 7,000 жителей. Здѣсь Цезарь Борджіа выказалъ такую жестокость, какую можно встрѣтить только у турокъ и монголовъ. Онъ велѣлъ взять сорокъ красивѣйшихъ женщинъ и дѣвушекъ и привезти ихъ къ себѣ въ Римъ. Мы не повѣрили бы тому, что разсказываютъ объ этомъ, если бы не знали еще худшихъ фактовъ о неестественныхъ наслажденіяхъ этого дьявола.

Король Фридрихъ скоро отказался отъ всякой надежды, удержаться на престолѣ и былъ такъ неблагоразуменъ, что бѣжалъ въ Искію; когда явился французскій флотъ, ему пришлось положиться на великодушіе французовъ. Онъ отправился во Францію и, хотя вначалѣ король Лудовикъ принялъ его сухо, но впослѣдствіи обращался съ нимъ соотвѣтственно его сан уи сдѣлалъ намѣстникомъ Анжу и Мена. Онъ умеръ въ 1504 году. Старшій сынъ его, Фернардо, жилъ до 1550 г. въ Испаніи, получая приличное содержаніе; однако его дважды женили на такихъ женахъ, отъ которыхъ, навѣрно знали, что у него не будетъ дѣтей.

Дружба двухъ монарховъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ, не могла быть продолжительною, такъ какъ въ договорѣ, заключенномъ между ними, не было и помину о провинціяхъ Контадо ди Молизе, Валь ди Беневенто, Принчипато и Базиликатѣ, а Абруццо и Терра ди Лаворо не могли быть удержаны безъ плодоносной Капитанаты. Поэтому, какъ доказалъ актами Джіанноне, французы стали оспаривать у испанцевъ не только таможенную пошлину на скотъ Капитанаты, о которой въ договорѣ было точное постановленіе, но и владѣніе всею провинціею. Намѣстникъ Лудовика XII въ Неаполѣ, герцогъ Немурскій, и намѣстникъ Фердинанда, Гонсальво Кордуанскій, хотѣли казалось, сперва мирно покончить споръ и съ этой цѣлью нѣсколько разъ съѣзжались въ апрѣлѣ 1502 г.; но когда герцогъ Немурскій получилъ подкрѣпленіе, переговоры были внезапно прерваны, и въ іюнѣ началась въ Неаполѣ война между испанцами и французами. Лудовикъ XII отправилъ въ Неаполь вновь навербованныхъ швейцарцевъ и затѣмъ прибылъ лично въ Миланъ, откуда посылалъ подкрѣпленія войскамъ герцога Немурскаго и д'Обиньи. Въ теченіе 1502 года испанцы были изгнаны изъ Апуліи, а въ Калабріи удержали только морской берегъ, потому что Фердинандъ находился тогда въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и не могъ посылать имъ войска. Гонсальво съ трудомъ защитилъ Барлетту, Андрію, Галлиполи,

Тарентъ, Козенцу, Семинару и нѣкоторыя другія мѣста. Самыя жаркія сраженія происходили при Бари и при Барлеттѣ, гдѣ Гонсальво былъ запертъ съ своими испанцами безъ денегъ, и обѣ арміи соперничали другъ съ другомъ въ стойкости.

Испанцы, какъ и французы, вели войну средневѣковымъ образомъ, геройски осаждая и защищая крѣпости и укрѣпленія. Это могло прославлять храбрость рыцарей, но не приводило къ рѣшительнымъ результатамъ. Поэтому д'Обиньи совѣтовалъ обратить всѣ силы противъ Барлетты; но герцогъ Немурскій пренебрегъ его совѣтомъ. Хроники, описывающія сраженіе при Барлеттѣ, напоминаютъ намъ времена Илліады; Барлетта играетъ роль Илліона, а французскій рыцарь Баяръ—Ахилла; онъ былъ идеаломъ рыцарства и кумиромъ воинственныхъ французовъ. Сначала цѣлый день сражались одиннадцать испанцевъ и столько же французовъ, а Баяръ, Франсуа д'Урфе (сеньёръ д'Орозъ), Торси и Мондрагонъ сдѣлали изъ лошадей больверкъ, чтобы держаться противъ многочисленныхъ враговъ. Затѣмъ Баяръ побѣдилъ испанскаго дворянина Сотомахора, котораго описываютъ какимъ-то Голіафомъ. Наконецъ, тринадцать итальянцевъ дрались съ тринадцатью французами, въ виду обѣихъ армій и жителей Трани, причемъ венеціанцы были судьями поединка и отвели для него мѣсто близъ этого города. Тысячи зрителей стекались отовсюду, точно на бой быковъ, турниръ или упражненіе въ боксированіи смотрѣть на кровавое зрѣлище, которое ничего не рѣшило, но въ которомъ итальянцы были счастливѣе французовъ.

Что же касается войны, то лукавство Фердинанда обмануло французовъ; онъ усилилъ свою армію и изгналъ противниковъ изъ неаполитанскаго королевства, помочь которому французы не могли вслѣдствіе гранадскаго договора. Эрцгерцогъ Филиппъ жилъ съ января 1502 г. въ Испаніи съ своей вѣтренной бельгійско-французской свитой и возбудилъ сильное неудовольствіе своимъ образомъ жизни и вмѣшательствомъ въ испанскія дѣла; ему же

надоѣла испанская спѣсь и, кромѣ того, онъ тяготился излишнею любовью своей жены и ея ревностью, къ которой его распутство давало поводъ. Наконецъ онъ потерялъ терпѣніе и, оставивъ жену, выѣхалъ изъ Испаніи во Фландрію. Дорогою онъ посѣтилъ въ Ліонѣ короля Лудовика XII, чтобы прекратить споръ о раздѣлѣ Неаполя; тесть далъ ему неограниченное полномочіе для переговоровъ. Французскіе и итальянскіе писатели говорятъ, что Фердинандъ, слѣдуя коварной политикѣ, которою постоянно руководствовался, постыднымъ образомъ обманулъ зятя. Хотя испанцы отрицаютъ это, но мы находимъ это вѣроятнымъ. Фердинандъ предоставилъ зятю безусловное полномочіе на заключеніе договора и, достигнувъ задуманной цѣли, утверждалъ, что далъ ему инструкціи, которымъ онъ, будто, не послѣдовалъ. 5 апрѣля 1503 г. въ Ліонѣ былъ заключенъ договоръ между Филиппомъ и Лудовикомъ, въ силу котораго сынъ эрцгерцога (Карлъ V), родившійся въ 1500 году, долженъ былъ жениться на дочери Лудовика, Клавдіи, имѣвшей тогда два года; они должны были получить титулъ короля и королевы неаполитанскихъ и герцога и герцогини калабрійскихъ; но до брака ихъ испанская часть Неаполя предоставлялась эрцгерцогу Филиппу, а во французскую назначался намѣстникъ, по согласію обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ эти условія были выгодны для Лудовика, который поэтому пріостановилъ отплытіе изъ Генуи флота съ войскомъ и запасами. Было рѣшено, что Филиппъ, какъ уполномоченный своего тестя, также пошлетъ приказаніе Гонсальво прекратить военныя дѣйствія. Французскій флотъ остался въ Генуѣ, но Гонсальво не послушалъ приказа Филиппа, и потому французы проиграли дѣло.

Во французскомъ войскѣ, д'Обиньи былъ недоволенъ, что ему, старому и опытному полководцу, приходится стоять ниже молодого герцога Немурскаго. Онъ остался въ войскѣ только изъ патріотизма въ особенности потому, что герцогъ препятствовалъ ему взять приступомъ Барлетту и покончить войну од-

нимъ ударомъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ посланъ въ Калабрію и покорилъ эту провинцію, пока герцогъ Немурскій старался голодомъ принудить Барлетту къ сдачѣ. Но онъ не взялъ эту крѣпость и даже самъ попалъ въ большое затрудненіе, когда Гонсальво отнялъ у него запасы, собранные въ Кастелланетѣ и отправилъ ихъ въ Барлетту. Герцогъ Немурскій могъ бы еще спастись, еслибъ французскій флотъ, стоявшій въ Генуѣ, получилъ приказаніе идти въ Неаполь. Правда, Гонсальво также получилъ отъ эрцгерцога Филиппа приказаніе прекратить военныя дѣйствія; но онъ не послушалъ его, такъ какъ, говорятъ, король предписалъ ему не повиноваться приказаніямъ Филиппа, хотя далъ зятю безусловное полномочіе заключить договоръ съ Лудовикомъ XII. Испанскій историкъ Сурита объясняетъ это иначе, и Прескоттъ въ свой „Исторіи Фердинанда и Изабеллы" также даетъ дѣлу другой оборотъ, въ пользу Фердинанда. Мы предоставляемъ рѣшеніе этого спорнаго вопроса другимъ, и довольствуемся указаніемъ на тотъ неоспоримый фактъ, что Лудовикъ XII, въ надеждѣ на помянутый договоръ, велѣлъ своему флоту, везшему подкрѣпленіе и съѣстные припасы, не трогаться изъ Генуи, а Фердинандъ какъ разъ въ то самое время дѣлалъ усиленныя приготовленія къ дѣятельному продолженію войны. Фердинандъ послалъ въ Барлетту людей, деньги и съѣстные припасы, добытые изъ Тріеста и отправилъ противъ д'Обиньи въ Калабрію новое войско, числомъ, говорятъ, до 15,000 человѣкъ.

Свѣжія войска, посланныя въ Калабрію, тотчасъ по высадкѣ лишились своего главнокомандующаго, Портокареро. По смерти его, начальство принялъ Фернандо Андрада, который немедленно двинулся на Терра-Нуову, для выручки этого укрѣпленнаго города, осажденнаго д'Обиньи. Д'Обиньи вышелъ противъ нихъ и аттаковалъ при Семинарѣ, гдѣ 25 апрѣля 1503 г. произошло рѣшительное сраженіе. Испанцами предводительствовали, подъ главнымъ начальствомъ Андрады, Мануэль Бенавидесъ, Гонсальво де-

Авалосъ, Хуанъ Кардона и Антоніо де-Лейва, умъ и храбрость котораго возвели его изъ низшихъ слоевъ общества на первыя ступени; впослѣдствіи онъ былъ лучшимъ изъ замѣчательныхъ полководцевъ Карла V. д'Обиньи былъ разбитъ. Д'Имбрекуръ, Малербъ и Джонъ Стюартъ герцогъ Ольбэни пали въ сраженіи; д'Обиньи бѣжалъ въ крѣпость Анджитолу, гдѣ вскорѣ долженъ былъ сдаться испанцамъ. Въ то же время Гонсальво втихомолку двинулся изъ Барлетты, чтобы аттаковать герцога Немурскаго. Герцогъ поспѣшно стянулъ свои войска и при Сериньолѣ, въ 16 часахъ пути отъ Барлетты, предложилъ испанцамъ сраженіе, которое они приняли (28 апрѣля 1503 г.). Испанцы выиграли сраженіе, и побѣда ихъ доставила королю Фердинанду неаполитанское королевство. Герцогъ Немурскій палъ, и испанцы, разбивъ французское войско, такъ быстро овладѣли всею страной, что уже въ концѣ іюля въ Неаполѣ не осталось ни одного француза. Въ числѣ начальниковъ отрядовъ, служившихъ подъ предводительствомъ Гонсальво и сражавшихся при Сериньолѣ, находился и Пизаро, который впослѣдствіи покорилъ Перу, гдѣ совершилъ возмутительныя злодѣянія, запятнавшія его имя.

Лудовикъ XII былъ глубоко огорченъ. Онъ считалъ себя обманутымъ и оскорбленнымъ и при первомъ извѣстіи о нарушеніи ліонскаго трактата рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы вновь покорить Неаполь. Это заставило его примириться съ швейцарцами или, лучше сказать, съ мелкими кантонами, съ которыми его миланскій намѣстникъ воевалъ безъ особеннаго успѣха въ нынѣшнемъ кантонѣ Тессинѣ по поводу занятія Белинцоны. Въ то самое время, какъ война разгоралась въ Апуліи и Калабріи, швейцарцы изъ Ури проникли при помощи своихъ союзниковъ до Ароны на южномъ берегу озера. Но Лудовикъ рѣшился уступить имъ и 10 апрѣля 1503 г. заключилъ договоръ, въ силу котораго Ривіера, Белинцона и Болленца предоставлялись кантонамъ Ури, Швицу и Унтервальдену, образовавшимъ изъ нихъ подвластныя имъ общины. Помирившись съ швейцарцами,

Лудовикъ снова вооружился и отправилъ противъ Фердинанда три арміи. Первая была набрана въ Гаскони и находилась подъ начальствомъ сира д'Альбре, отца короля наваррскаго (стр. 76); она должна была вторгнуться чрезъ Фонтарабію въ испанскіе предѣлы. Вторая, предводимая маршаломъ де Ріё, имѣла порученіе покорить Руссильонъ, а третія и сильнѣйшая двинулась чрезъ Тоскану въ Неаполь подъ командою Ла Тремуйля.

Но всѣ эти силы сдѣлали немного. Главнокомандующій арміи, посланной противъ Фонтарабіи, щадилъ владѣнія своего сына, который не хотѣлъ изъ политики расходиться съ Фердинандомъ. Де Ріё прошелъ со своимъ войскомъ до Руссильона и шесть недѣль, въ сентябрѣ и октябрѣ 1503 г., осаждалъ городъ Сельсасъ; но король Фердинандъ призвалъ къ оружію своихъ воинственныхъ арагонцевъ, привыкшихъ ополчаться противъ мавровъ. Собравъ народное ополченіе, онъ пошелъ на помощь 6 т. отряду, наблюдавшему подъ начальствомъ Фернандо Альбы за осаждающими. При появленіи его въ Перпиньянѣ, во главѣ этой народной силы, состоявшей изъ 12,000 конницы и втрое большаго числа пѣхоты, Ріё поспѣшилъ отступить и укрылся со своимъ войскомъ подъ стѣнами Нарбонны. Фердинандъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, занялъ множество французскихъ городовъ, а на другіе наложилъ контрибуцію; но при этомъ онъ доказалъ свою политическую мудрость тѣмъ, что не пытался упрочивать за собой свои завоеванія и проникать далеко во Францію. Онъ заключилъ перемиріе на пять мѣсяцевъ, которое было потомъ продолжено на три года.

Въ Италіи, которую Фердинандъ не включилъ въ это перемиріе, французы дѣйствовали еще неудачнѣе, чѣмъ на испанской границѣ. Швейцарцы, очень недовольные Лудовикомъ XII, плохо содѣйствовали Ла Тремуйлю. Тѣмъ не менѣе, еслибъ онъ могъ быстро идти на Неаполь, побѣда осталась бы за нимъ; но смерть папы Александра VI и интриги всемогущаго министра французскаго короля, кардинала д'Амбуаза, долго задерживали Ла Тремуйля

въ Римѣ. Поэтому, прежде чѣмъ будемъ слѣдить далѣе за ходомъ войны въ Италіи, намъ слѣдуетъ взглянуть на послѣднее время царствованія этого ужаснаго папы и его сына, Цезаря Борджіа.

12. Конецъ царствованія Александра VI, смерть Цезаря Борджіа и окончаніе войны французовъ и испанцевъ въ Италіи.

Въ то время какъ французы и испанцы завязали новую борьбу въ Италіи за обладаніе неаполитанскимъ королевствомъ, власть и могущество папы Александра VI и сына его, Цезаря Борджіа, мгновенно разлетѣлись въ прахъ; жизнь ихъ Гвиччіардини характеризуетъ сложившеюся про нихъ поговоркою: „папа никогда не дѣлаетъ того, что говоритъ; а сынъ его никогда не говоритъ того, что дѣлаетъ.“ Изъ исторіи Борджій мы можемъ привести только нѣкоторыя черты, и изъ всего касающагося послѣдняго времени ихъ жизни приведемъ только то, что основано на вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельствахъ. Эти данныя, касающіяся жизни Александра и его родни, не могутъ быть опровергнуты никакой исторической критикой. Въ дневникѣ папскаго церемоніймейстера Буркарда совершенно спокойно и прямо говорится о всѣхъ убійствахъ, отравленіяхъ и грабежахъ, совершенныхъ папою Александромъ, его сыномъ Цезаремъ и дочерью, Лукреціею, съ 1500 по 1503 г. Въ книгѣ Буркарда, кромѣ того, помѣщено письмо, писанное изъ Тарента въ Германію, въ которомъ упоминается о множествѣ постыдныхъ поступковъ, открыто совершенныхъ Борджіами; если даже считать несправедливымъ и преувеличеннымъ семь восьмыхъ его, то остальное все-таки далеко превзойдетъ всѣ разсказы объ ужаснѣйшихъ злодѣяхъ и убійцахъ.

Буркардъ говоритъ положительно, что Лукреція находилась въ связи съ своимъ отцемъ, что она рѣшала всѣ дѣла, даже ду-

ховныя, что архіепископъ лиссабонскій, колебавшійся исполнить желаніе Лукреціи, былъ сбытъ съ рукъ посредствомъ грязной выходки, одобренной Лукреціей. То, что Буркардъ говоритъ объ увеселеніяхъ папы Александра и Лукреціи, и сцены, публично происходившія въ Піомбино и разсказываемыя имъ съ полною откровенностью, превосходитъ всякое вѣроятіе. Въ дневникѣ Буркарда помѣщено подъ особымъ заглавіемъ описаніе празднества съ пятьюдесятью публичными женщинами, даннаго герцогомъ въ апостольскомъ дворцѣ (conviveum quinquaginta meritricum), и тому подобныхъ папскихъ увеселеній; описаніе это ужаснѣе всѣхъ вымысловъ Ювенала и всего, что можетъ придумать самое развращенное воображеніе. Но въ порядочной книгѣ нельзя повторять этого длиннаго и точнаго описанія оргіи съ пятьюдесятью публичными женщинами, которыхъ Буркардъ называетъ честными любовницами *). Мы пропустимъ все непристойное и разскажемъ только о поступкахъ Цезаря Борджіа, стремившагося основать королевство въ средней Италіи.

Мы говорили уже (стр. 152), какимъ образомъ герцогъ Валентинуа изгонялъ, убивалъ и грабилъ такъ называемыхъ викаріевъ въ Романьи и въ Мархіяхъ. Осенью 1501 дѣло дошло до древнихъ фамилій Колонна и Савелли. Въ 1502 Цезарь уговорилъ герцога Урбино, столицу котораго никогда не могъ бы взять силой, помочь ему артиллеріей въ какомъ-то мнимомъ предпріятіи; тогда онъ неожиданно оборотился противъ него, изгналъ его и его родственниковъ и завладѣлъ четырьмя городами и 300 укрѣпленными замками, составлявшими урбинское герцогство. Послѣ этого, онъ взялъ Камерино такимъ постыднымъ образомъ, что вся Италія возмутилась этимъ **). Затѣмъ онъ быстро бралъ города, измѣннически изгонялъ одного владѣльца за другимъ, и еслибы Лудовикъ XII не положилъ этому

*) Meretrices honestae, cortegianae nuncapatae.

**) Azione si proditoria, che niuno si teneva più sicuro dalle insidie di costui.

конца, большая часть Тосканы была бы жертвою грабежа папы, его сына и дочери. Когда наконецъ Паоло Орсини, Вителлоццо Вителли, герцогъ Гравина, Пандольфо Петруччи и другіе мелкіе владѣтели заключили тѣсный оборонительный союзъ съ Болонской республикой, Цезарь разстроилъ этотъ союзъ тѣмъ, что обманомъ, ласками и обѣщаніями привлекъ къ себѣ на службу всѣхъ этихъ владѣтелей, державшихъ наемныя войска. Съ ихъ помощью онъ завладѣлъ городомъ Синигаліею, который принадлежалъ прежде префекту Рима, Франческо Маріи делла Ровере. Завладѣвъ Синегаліею, онъ тотчасъ велѣлъ всѣмъ наемникамъ выступать; владѣтелей же этихъ и много другихъ лицъ созвалъ на какое-то совѣщаніе въ открытомъ полѣ и велѣлъ всѣхъ перебить. Уцѣлѣлъ только Пандольфо Петруччи, не давшійся въ обманъ. Это случилось или въ послѣдній день 1502 года или въ первый слѣдующаго.

Папа, узнавъ, что нечего болѣе бояться этихъ предводителей кондотьери, велѣлъ позвать къ себѣ во дворецъ кардинала Джіованни Батиста Орсини, арестовалъ его и въ февралѣ потихоньку отправилъ на тотъ свѣтъ. Той же участи подверглись Ринальдо Орсини архіепископъ флорентинскій, протонотарій Орсини и другіе члены этой фамиліи. У Вителли отняли Читту ди Кастелли, а у Джіованни Паоло Бальоне — Перуджію. Городъ Сіена избѣгнулъ покоренія только потому, что на помощь ему поспѣшило множество могущественныхъ фамилій (1503 г.). Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что средняя Италія была тогда наполнена мелкими владѣтелями и тиранами. Поэтому софисту государственнаго единства легко представлять злодѣянія Цезаря полезными и даже необходимыми. Эта софистика необходимости преступленій, измѣны и насилія для пользы правительства обманула и Маккіавелли, изъявлявшаго тогда въ своихъ письмахъ удивленіе къ Цезарю. Вѣроятно тоже самое говорилъ и папа Александръ, стараясь, не задолго передъ смертью, получить согласіе кардиналовъ на провозглашеніе своего сына

королемъ Романіи, Mapxiй и Умбріи; у него не было недостатка въ талантѣ дѣлать изъ чернаго бѣлое, а изъ бѣлаго черное, которымъ теперь восхищаются въ государственныхъ людяхъ.

Планъ сдѣлать ужаснаго Цезаря Борджію королемъ Средней Италіи рушился по той же причинѣ, по которой остановился походъ Ла Тремуйля въ Неаполь, а именно по внезапной смерти Александра VI, 18 августа 1503 г. Александръ умеръ или отъ лихорадки, бывшей, до употребленія хинной корки, смертельною, или, какъ утверждаютъ враги его, отъ собственнаго преступленія. Говорятъ, что за обѣдомъ онъ выпилъ отравленнаго вина, приготовленнаго имъ и его сыномъ для кардинала Адріана ди Корнето. Мы оставляемъ нерѣшеннымъ, точно ли это была причина его смерти; но вѣроятно это правда, потому что Цезарь Борджіа и кардиналъ Корнето, пившіе это вино вмѣстѣ съ Александромъ, тотчасъ же заболѣли, но, благодаря болѣе крѣпкому здоровью, послѣ долгой болѣзни выздоровѣли. Весьма вѣроятно, что Цезарь намѣревался отравить кардинала Адріана ди Корнето и, перемѣшавъ бутылки, отравился самъ; но сомнительно, чтобы папа присутствовалъ на обѣдѣ, гдѣ это случилось.

Вѣсть о смерти папы возбудила въ всемогущемъ министрѣ Лудовика XII, кардиналѣ Жоржѣ д'Амбуазѣ, игравшемъ до сихъ поръ роль папы во Франціи, надежду быть преемникомъ Александра. Поэтому онъ тотчасъ же отправился въ Римъ въ сопровожденіи кардинала арагонскаго и освобожденнаго брата Лудовико Моро, кардинала Асканіо Сфорцы. Въ твердой увѣренности, что его выберутъ въ папы, онъ приказалъ французской арміи остановиться за нѣсколько часовъ къ сѣверу отъ города. Войска Цезаря должны были выйти изъ Рима тотчасъ по смерти Александра, а испанская армія была задержана передъ Гаэтой. Но надежда кардинала Амбуаза не осуществилась, потому-что папой избрали не его, а архіепископа сіенскаго, принявшаго имя Пія III.

Новый папа умеръ черезъ нѣсколько недѣль (18 октября 1503 г.). Смерть его огорчила всѣхъ друзей апостольскаго ученія, потому что первымъ словомъ его послѣ избранія было желаніе созвать всеобщій соборъ и наконецъ дѣйствительно исправить весь церковный порядокъ. Случись это, Лютеру не было бы нужды расходиться съ существующими учрежденіями церкви противъ своего желанія и принциповъ. Къ счастью, судьба рѣшила иначе. Пію III наслѣдовалъ сначала делла Ровере, а потомъ Медичи, и оба они сдѣлали гораздо болѣе для временной и преходящей церкви, чѣмъ для невидимой и вѣчной (ove Christo è Romano). Одинъ изъ нихъ, Юліанъ делла Ровере, избранный по смерти Пія III, болѣе думалъ о войнахъ и пріобрѣтеніяхъ, чѣмъ о своей духовной паствѣ; преемникъ его, Іоаннъ Медичи или папа Левъ X думалъ, подобно язычнику, о наукѣ и искуствѣ, о царственномъ блескѣ и свѣтскомъ великолѣпіи, о славѣ и удивленіи потомства и о своемъ семействѣ, а не о страждущемъ человѣчествѣ и его утѣшеніи, какъ бѣдный пророкъ Назарета.

Въ краткое правленіе Пія III, Цезарь Борджіа возратился въ Римъ, съ тѣмъ, какъ онъ говорилъ, чтобы пожелать счастія новоизбранному папѣ. Во время въѣзда его, не смотря на конвой, данный ему Піемъ, на него напали Джіованни Паоло Бальоне, всѣ Орсини и приверженцы многочисленныхъ жертвъ его злодѣяній. На улицѣ произошло настоящее сраженіе, и Орсини преслѣдовали его до Ватикана, куда онъ скрылся. Оттуда, по совѣту папы, онъ перешелъ въ замокъ Ангела. Наемники его разсѣялись, какъ только узнали о его пораженіи, и могуществу его, казалось, наступилъ конецъ. Однако онъ удерживалъ еще за собой Чезену, Форли, Бертиноро, Имолу и Форлимпополи, занятые наемниками, начальники которыхъ были ему преданы. Поэтому новый папа и даже французы и испанцы искали его дружбы.

Преемникомъ папы Пія былъ избранъ Юліанъ делла Ровере,

называвшійся кардиналомъ St Petri a Vinculis (стр. 34 и 105), бѣжавшій нѣкогда во Францію; онъ былъ родственникомъ Сикста IV и извѣстенъ, какъ предводитель кондотьери. Онъ принялъ имя Юлія II. Онъ не хотѣлъ расходиться съ Цезаремъ Борджіей, чтобы не допустить венеціанцевъ овладѣть всѣми захваченными имъ городами; венеціанцы воспользовались возвращеніемъ изгнанныхъ Цезаремъ фамилій и купили у нихъ Фаенцу, Равенну, Форли, Римини, Порто Чезенатико, Санто Арканджело и другія мѣста. Поэтому Юлій II выпустилъ Цезаря Борджію изъ замка Ангела и, чтобы привлечь на свою сторону, возвратилъ ему всѣ его прежніе титулы и почетныя должности. Цезарь послалъ комендантамъ крѣпостей приказъ передать ихъ папѣ; но они сочли это хитростью Юлія, повѣсили посланнаго на стѣнѣ и дали папѣ поводъ думать, что Цезарь обманулъ его. Поэтому Цезарь былъ запертъ въ башню Борджіа, гдѣ погубилъ столько невинныхъ; но скоро его выпустили. Онъ имѣлъ потомъ еще много приключеній, которыя, по нашему мнѣнію, не касаются всеобщей исторіи. Онъ снова явился во главѣ наемниковъ, сошелся съ испанцами, чуть не сдѣлался владѣтелемъ Пизы и наконецъ былъ дружески принятъ Гонсальво; но, послѣ блестящаго пира, его измѣнически взяли и отправили въ Испанію. Оттуда онъ бѣжалъ къ своему зятю, королю Іоанну II наваррскому и погибъ въ походѣ, предпринятомъ послѣднимъ.

Кардиналъ Амбуазъ, увидѣвъ обманъ папы Юлія II, поспѣшилъ воротиться во Францію. Французское войско между тѣмъ стало наконецъ продолжать свой путь къ Неаполю. Гонсальво, все еще задерживаемый осадою Гаэты, ожидалъ французовъ при Гарильяно. Такъ какъ Ла Тремуйль заболѣлъ передъ Римомъ, то французской арміей предводительствовали маркграфъ мантуанскій, Франческо Гонзага, который не могъ тягаться съ Гонсальво. Въ октябрѣ арміи встрѣтились на мосту Гарильяно, и часть французовъ пробралась на противуположный берегъ, но тщетно пыталась устроить тетъ-де-понъ. Нѣсколько недѣль про-

исходила безплодная рѣзня на мосту, бывшему во власти французовъ. Въ ноябрѣ французамъ пришлось терпѣть отъ вреднаго воздуха этой мѣстности, и генералы ихъ и солдаты сваливали вину на итальянскаго маркграфа, который командовалъ ими. Ему пришлось выйти въ отставку и, подъ предлогомъ болѣзни, онъ оставилъ войско. Въ декабрѣ его мѣсто занялъ маркграфъ Салуццо. Наконецъ, послѣ семинедѣльной стоянки армій другъ противъ друга, произошло рѣшительное сраженіе. 28 декабря испанцы, получивъ подкрѣпленіе отъ итальянцевъ, перешли Гарильяно по наведенному мосту и на слѣдующій день атаковали французовъ. Французы храбро оборонялись, но испанцы расположились очень выгодно и поразили непріятелей, не смотря на ихъ мужество и геройскіе подвиги ихъ знаменитаго Баяра. Французы отступили къ Гаэтѣ такъ поспѣшно и въ такомъ безпорядкѣ, что сраженіе это называлось потомъ неиначе, какъ **Гарильянскимъ бѣгствомъ**. Остатки ихъ войска были истреблены испанцами на гаэтской гати, и января 1504 г. городъ этотъ сдался Гонсальво на капитуляцію, съ артиллеріей, пороховыми магазинами и всѣми запасами. Занятіемъ Гаэты кончилось завоеваніе неаполитанскаго королевства.

Европейская слава Гонсальво, пріобрѣтенная имъ послѣ этой войны и поклоненіе ему въ Неаполѣ и во всей Италіи были таковы, что самъ Фердинандъ началъ опасаться его и былъ даже готовъ изъ за этого заключить миръ. Со времени перемирія, заключеннаго между Франціей и Испаніей (стр. 165), Фердинандъ велъ переговоры съ Лудовикомъ XII о мирѣ и послалъ съ этою цѣлію во Францію двухъ министровъ, которые съ тѣхъ поръ постоянно жили тамъ. Послѣ битвы при Гарильяно, они приняли предложенное имъ трехлѣтнее перемиріе. Договоръ, составленный ими, былъ принятъ 25 февраля 1504 и подписанъ французскимъ королемъ въ Ліонѣ 11 марта, а 31 числа Фердинандомъ и Изабеллой въ монастырѣ Санта Марія де ла Махорада. Испаніи предоставлялось владѣть во время перемирія неа-

политанскимъ королевствомъ, а Франціи — герцогствомъ миланскимъ; французы должны были обѣщать не поддерживать въ Неаполѣ никакихъ сношеній. Такимъ образомъ, миръ былъ одинаково выгоденъ какъ испанцамъ, такъ и французамъ, потому что обѣ стороны обѣщали другъ другу не помогать своимъ врагамъ. Въ томъ же году умерла королева Изабелла (26 ноября 1504), и положеніе дѣлъ въ Италіи и Испаніи совершенно измѣнилось.

III. ГЕРМАНІЯ, ИСПАНІЯ И ИТАЛІЯ

СЪ КОНЦА XV СТОЛѢТІЯ ДО СМЕРТИ МАКСИМИЛІАНА I.

1. Германія при Максимиліанѣ I до 1504 г.

Говоря о различныхъ событіяхъ, мы дали понятіе о положеніи германской имперіи при Фридрихѣ III и въ первые года царствованія Максимиліана I; но германскія дѣла не могутъ быть представлены съ достаточной ясностью въ общей исторіи. Поэтому мы должны вернуться къ самому началу исторіи царствованія Максимиліана.

Разстройство финансовъ также безпокоило императора по избраніи его въ римскіе короли, какъ и до того. Имперія и всѣ подвластныя Максимиліану страны доставили ему въ три года меньше той суммы, какую онъ получилъ въ приданое за второю женой, Бланкой Маріей Миланской (стр. 110). Германскіе чины и города, не желавшіе ничего дѣлать для чести имперіи и императора, были конечно неправы, упрекая римскаго короля въ томъ, что онъ женился на племянницѣ Лудовико Моро. Но признаніе за деньги законнымъ герцогомъ Лудовико Моро, заточившаго и отравившаго своего племянника, было дѣйствительно дѣломъ постыднымъ; признаніемъ этимъ онъ объявлялъ узурпаторомъ своего несчастнаго зятя, Іоанна Галеаццо.

Императора сильно порицали за этотъ поступокъ, тѣмъ болѣе, что нѣмецкіе чины въ этомъ самомъ году живо ощущали отсутствіе права, законности и порядка въ государствѣ и стали настаивать на составленіи государственнаго уложенія и на отдѣленіи интересовъ императора, какъ наслѣдственнаго владѣтеля своихъ земель, отъ интересовъ князей, рыцарей и городовъ имперіи. Попытки ограничить права императора дѣлались уже не разъ, но безплодно. Въ мартѣ 1495 г. въ Вормсѣ былъ открытъ имперскій сеймъ. Ученый и романтическій рыцарь Максимиліанъ говорилъ о помощи противъ турокъ, о римскихъ походахъ и о войнахъ въ Италіи. Но чины отвѣчали ему весьма прозаически и очень умно, что не согласятся помогать ему противъ внѣшнихъ враговъ, пока не будутъ возстановлены миръ, право и порядокъ внутри. Чины не хотѣли давать Максимиліану денегъ на его похожденія и поѣздки. Города выказали при этомъ скупость и торгашество, а когда зашла рѣчь о займахъ, имперское дворянство поступило съ римскимъ королемъ точно такъ, какъ теперь поступаетъ съ народомъ. Въ 1495 и въ слѣдующихъ годахъ оно объявило, что ему съ древности принадлежитъ право не платить податей. Поэтому неудивительно, что Максимиліанъ игралъ такую жалкую роль въ Италіи, куда отправился по отступленіи Карла VIII. Не смотря на это, Вормскій сеймъ и старанія благороднаго канцлера, архіепископа Б е р т о л ь д а Майнцскаго, много способствовали тому, что наконецъ черезъ двѣсти лѣтъ было составлено общее имперское уложеніе, при чемъ прежнеезначеніе императора быловесьма ограничено. На новомъ сеймѣ въ Вормсѣ (съ августа до октября 1495) имперское уложеніе, получившее законную силу для всей имперіи, было обсужено, написано и утверждено.

Мы скажемъ объ этомъ важномъ учрежденіи лишь вкратцѣ, такъ какъ подробное изложеніе его завело бы насъ слишкомъ далеко въ науку, которая преподается въ нѣмецкихъ университетахъ подъ именемъ „исторіи германской имперіи и правъ“. Еще

въ августѣ 1495 на имперскомъ сеймѣ въ Вормсѣ былъ установленъ прочный порядокъ относительно внутренняго мира и имперскаго суда; онъ долженъ былъ рѣшать спорные случаи, рѣшавшіеся до тѣхъ поръ оружіемъ. Впрочемъ ниже мы увидимъ, какъ трудно было удерживать князей, имперскихъ рыцарей и ихъ хваленыхъ героевъ, Зиккингеновъ, Гуттеновъ, Гётцовъ фонъ Берлихингеновъ и отучать ихъ отъ курдскихъ обычаевъ, грабежей и кулачной расправы противъ мирныхъ гражданъ и поселянъ. Въ Вормсѣ былъ объявленъ всеобщій и вѣчный королевскій земскій миръ; подъ страхомъ наказанія было запрещено всякое нападеніе и междоусобіе и для нарушителей мира была установлена денежная пеня въ 2000 золотыхъ марокъ, при чемъ виновникъ лишался всѣхъ чиновъ, имѣній, привилегій, правъ, долговыхъ притязаній и другихъ преимуществъ. При новомъ порядкѣ былъ необходимъ имперскій судъ. Фридрихъ III учредилъ было такой судъ; но самое названіе его императорскій дворцовый судъ показываетъ, что онъ не былъ имперскимъ. Въ 1494 Максимиліанъ лично предсѣдательствовалъ въ назначенной имъ судебной коллегіи въ Кёльнѣ и, назначая судъ въ Нидерланды, наименовалъ графа Эйтеля Фридриха фонъ Цоллерна дворцовымъ судьей. Потомъ онъ призвалъ девять судей въ Вормсъ и велѣлъ производить судъ предъ имперскимъ собраніемъ и подъ предсѣдательствомъ графа фонъ Цоллерна. Судъ этотъ не былъ имперскимъ, и чины по мелочной скупости своей готовы были возложить содержаніе его на императора, который также не имѣлъ средствъ содержать ни войска, ни двора, ни судовъ. Наконецъ умный Бертольдъ Майнцскій, урожденный графъ Геннебергъ, нашелъ средство учредить настоящій имперскій судъ 1 октября 1495 г. Онъ долженъ былъ открыться въ томъ же мѣсяцѣ и состоять изъ шестнадцати судей, назначаемыхъ императоромъ изъ кандидатовъ чиновъ и городовъ. Жалованье судьямъ слѣдовало платить частью изъ побочныхъ доходовъ, частью изъ взносовъ отъ членовъ сейма или изъ сбора извѣст-

наго подъ именемъ простого феннинга (gemeiner Pfenning, потомъ срочный платежъ [Zieler]; мы предоставляемъ спеціальной исторіи разсуждать о безконечныхъ спорахъ, возобновлявшихся почти ежегодно о порядкѣ этого суда, о сборѣ простого феннинга и о его взиманіи. Плата его производилась такъ дурно, что судъ часто останавливался за неимѣніемъ денегъ для жалованья. Онъ производился въ разныхъ городахъ, пока наконецъ не основался окончательно въ Шпейерѣ.

Максимиліанъ старался удержать часть своего прежняго рыцарскаго вліянія, распространивъ на всю имперію имперскій надворный судъ, учрежденный имъ для Австріи. Мы упоминаемъ объ этомъ потому, что это учрежденіе существовало до конца имперіи. Рѣшенія надворнаго суда совершенно равнялись рѣшеніямъ дворцоваго или палатнаго, и тягающіяся могли выбирать любой. Максимиліанъ немедленно объявилъ, что, посовѣтовавшись съ князьями и курфирстами, „возьметъ къ своему двору честныхъ и разсудительныхъ людей, съ помощью которыхъ будетъ исполнять всѣ пункты уложенія имперскаго палатнаго суда, на сколько они не нарушаютъ его власти. На время своихъ отлучекъ онъ желаетъ назначать въ этотъ судъ председателя, который бы рѣшалъ дѣла вмѣсто императора“.

На томъ же сеймѣ въ Вормсѣ Максимиліанъ соединилъ всѣ родовыя виртембергскія земли въ одно герцогство, въ пользу графа Эбергарда Старшаго Виртембергскаго, покровителя и друга Рейхлина и Бертольда Майнцскаго (т. X стр. 415—17). Впрочемъ Эбергардъ Старшій и преемникъ его Эбергардъ Младшій не имѣли дѣтей, а братъ послѣдняго, Генрихъ, былъ слабоуменъ. Поэтому когда въ 1498 г. Эбергардъ Младшій былъ изгнанъ изъ страны виртембергскими чинами, швабскимъ союзомъ и римскимъ королемъ, недовольными его дурными дѣйствіями, всѣ виртембергскія владѣнія перешли къ восьмилѣтнему сыну Генриха, Ульриху или, лучше сказать, къ назначенной надъ нимъ опекѣ. Швабскій союзъ былъ такъ важенъ для охраненія земскаго мира и порядка въ

имперіи, что въ 1496 стараніями Максимиліана и Бертольда Майнцскаго его продлили на три года, а въ 1498 году въ него долженъ былъ вступить Ульрихъ Виртембергскій еще на двѣнадцать лѣтъ; при этомъ были сдѣланы распоряженія о выборѣ главы союза.

Въ 1499 году Максимиліанъ велъ вышеупомянутую (стр. 148) войну съ Швейцаріей. Какъ эрцгерцогъ австрійскій онъ имѣлъ притязанія на мюнстерскую долину, а какъ германскій король враждовалъ съ швейцарцами за ихъ обязательство являться на имперскіе сеймы и платить простой феннингъ; кромѣ того швабскій союзъ, считая ихъ подвѣдомственными себѣ, былъ также во враждѣ съ ними. Поэтому можно было надѣяться, что онъ энергически поддержитъ Максимиліана; но поддержки этой не было, вслѣдствіе чего Максимиліанъ пожалъ въ войнѣ съ союзниками такъ же мало лавровъ, какъ при нападеніи на Францію и въ походѣ противъ Карла Гельдернскаго, возвратившаго себѣ отцовское наслѣдіе.

Въ это время имперскій палатный судъ снова задремалъ, потому что не получалъ нужныхъ на содержаніе его денегъ, такъ какъ могущественные владѣльцы охотнѣе рѣшали свои дѣла кулакомъ; кромѣ того Максимиліанъ видѣлъ, что новое учрежденіе низводитъ его на степень президента нѣмецкой федеральной республики, такъ что онъ перестаетъ быть римскимъ императоромъ Божіею милостью. Нѣмецкіе князья, въ особенности Бертольдъ Майнцкій, не переставали однако приставать къ нему и наконецъ въ іюнѣ 1500 потребовали его согласія на учрежденіе особаго независимаго отъ императора имперскаго правленія для охраны земскаго мира и поддержки палатнаго суда. Это учрежденіе, назначенное сперва на шесть лѣтъ, должно было состоять изъ двадцати лицъ подъ предсѣдательствомъ императора, а въ отсутствіе его, его уполномоченнаго. Максимиліанъ назначилъ сначала своимъ намѣстникомъ курфирста саксонскаго Фридриха Мудраго, съ 6000 гульденовъ жалованья. Палатный

судъ былъ также отданъ подъ надзоръ имперскаго правленія. Но германскіе чины, не хотѣли подчиняться правленію, и императоръ, не желавшій терпѣть его на ряду съ собой, были недовольны этимъ. Поэтому Максимиліанъ старался съ 1502 придать болѣе значенія своему австрійскому надворному суду и распространить его на всю Германію, помѣстивъ въ немъ своихъ совѣтниковъ.

При учрежденіи имперскаго правленія было возобновлено предложеніе, сдѣланное еще при Альбрехтѣ II, раздѣлить Германію, кромѣ Нидерландовъ и Австріи, на шесть округовъ (Kreise) и поручить исполненіе имперскихъ приговоровъ и повелѣній двумъ важнѣйшимъ владѣтелямъ въ каждомъ округѣ, по выбору мѣстныхъ чиновъ; главное назначеніе ихъ было охраненіе земскаго мира. По нѣмецкому обыкновенію объ этомъ много совѣщались, толковали и рѣшали, но мало сдѣлали. Наконецъ планъ этотъ былъ покинутъ, и вмѣсто того составили десять округовъ, въ томъ числѣ Нидерланды и Австрія. Но это устройство, необходимое для полнаго искорененія кулачнаго права и для отвращенія междоусобій, было приведено въ исполненіе уже по смерти Максимиліана въ 1522 году.

Пока проповѣдь Лютера противъ тогдашняго церковнаго порядка не привела въ движеніе всей Европы, событія въ Германіи имѣли весьма мало значенія для успѣховъ цивилизаціи и для всеобщей исторіи. Даже Венеція была нѣкоторое время важнѣе въ системѣ европейскихъ государствъ, чѣмъ Германія. Значеніе этой республики было невыносимо для воинственнаго папы Юлія II, римскаго короля Максимиліана и королей Арагоніи и Франціи. Поэтому они образовали противъ Венеціи союзъ, извѣстный подъ именемъ Канбрейской лиги. Съ этимъ союзомъ связана исторія европейскаго материка и общая исторія періода 1504—1519 г.; въ этомъ періодѣ, кромѣ реформаціи, испанскія и неаполитанскія событія имѣютъ больше смысла, чѣмъ германскія, тѣмъ болѣе, что все, происходившее тогда въ Нидерландахъ,

Испаніи и Италіи,было какъ бы приготовленіемъ того, что впослѣдствіи предпринялъ сынъ Филиппа Бургундскаго, Карлъ V. Какъ внукъ Фердинанда Католика, Карлъ V наслѣдовалъ Арагонію и Неаполь, а какъ внукъ Максимиліана I—всѣ австрійскія владѣнія и былъ, по смерти дѣда, избранъ германскимъ императоромъ

2. Открытіе Америки. Христофоръ Колумбъ.

Завоеваніе Гранады, изгнаніе мавровъ изъ Испаніи и открытіе Америки дѣлаютъ царствованіе Фердинанда Католика и супруги его, Изабеллы, столь же важнымъ для новаго времени, какъ предпріятія Александра Великаго для исторіи древняго міра. Мы уже упоминали о покореніи Гранады, къ печальнымъ послѣдствіямъ котораго намъ еще не разъ придется возвращаться; объ открытіи же Америки и его результатахъ мы разскажемъ вкратцѣ теперь.

Мы уже замѣтили (т. IX, стр. 315—18), что заслуга послѣдовательнаго открытія острововъ Зеленаго Мыса и всего западнаго берега Африки принадлежитъ португальцамъ. Извѣстно также, что и кастильцы предпринимали путешествія въ эти страны. Позднѣе португальцы проникли послѣ многихъ экспедицій до крайней оконечности Африки, которая сперва была названа Мысомъ Бурь, а потомъ Мысомъ Доброй Надежды. Португальцы уже цѣлое полстолѣтіе вели очень выгодную торговлю съ новооткрытыми странами и народами, и наконецъ Васко де Гама объѣхалъ Африку а проникъ въ переднюю Индію по пути на востокъ, извѣстному, какъ видно изъ Геродота, еще финикійцамъ.

Съ древнѣйшихъ временъ Индія была страною богатства и чудесъ, а по вялости своихъ жителей — добычею воинственныхъ народовъ. Войны съ маврами развили въ португальцахъ воин-

ственность и обратили ихъ въ грозныхъ воиновъ; поэтому они сдѣлали въ Индіи большія завоеванія и взяли несмѣтную добычу. Они считали баснословную золотую страну своею исключительною собственностью, не позволяли ни одному иностранцу пользоваться ихъ морскими картами и хранили въ тайнѣ мореплаваніе по компасу и средства противиться опасностямъ океана. Но во времена Васко де Гама люди другихъ націй догадались, что такъ какъ земля кругла, то алмазныхъ розсыпей и золотыхъ горъ чудной Индіи можно достигнуть не только по восточному пути, открытому португальцами, и что для этой цѣли нужно направляться на западъ.

Эта мысль занимала Христофора Коломбо или Колумба, родившагося въ 1446 г. въ Генуѣ и принявшаго, поселившись въ Испаніи, имя Колона. Онъ долго жилъ въ Португаліи, гдѣ изучалъ морско едѣло, космографію и математическія науки, сдѣлалъ нѣсколько очень выгодныхъ морскихъ путешествій и женился на дочери однаго португальскаго дворянина, имѣвшаго большое значеніе при дворѣ. Онъ возимѣлъ мысль искать Индіи по западному пути, но не могъ добиться отъ португальскаго правительства средствъ для исполненія этого плана. Португальскій король Іоаннъ II покровительствовалъ всѣмъ смѣлымъ предпріятіямъ и всякому плану, выгодному для торговли и промышленности, но Колумба не понялъ. Генуэзскій сенатъ, къ которому Колумбъ обратился потомъ, также отказалъ ему. Колумбъ отправился въ Испанію, но въ то же время послалъ своего брата, Варѳоломея, въ Англію къ королю Генриху VII. Онъ пріѣхалъ въ Андалузію въ то самое время, когда Фердинандъ и Изабелла были заняты приготовленіями къ второму походу противъ Гранады (стр. 142). Тѣмъ не менѣе Колумба выслушали и назначили коммиссію изъ космографовъ и знатоковъ морскаго дѣла для разбора его предложеній. Засѣданіе ея происходили въ монастырѣ св. Стефана въ Саламанкѣ, куда король съ королевою прибыли зимою 1486—87 года. Впрочемъ Мугносъ гово-

ритъ, что актовъ ея не сохранилось, хотя другіе разсказываютъ странныя вещи о преніяхъ, происходившихъ въ ней. Проэктъ Колумба казался нелѣпою фантазіей. Но первый профессоръ теологіи, королевскій духовникъ Фрай Діего Діасъ, имѣвшій неограничное вліаніе на богомольную и фанатическую королеву Изабеллу, добился того, что на Колумба перестали смотрѣть какъ на сумасброда и объявили, что планъ его полезенъ для государства. Колумбъ былъ принятъ въ королевскую свиту и съ этихъ поръ пользовался, наравнѣ съ другими придворными, даровымъ содержаніемъ и квартирою. Поступки его доказываютъ, что онъ былъ совершенно увѣренъ въ своемъ дѣлѣ. Передъ отплытіемъ, онъ хотѣлъ формально утвердить за собой большія льготы и преимущества, причемъ встрѣтилъ не мало затрудненій, въ особенности со стороны придворныхъ.

До покоренія Гранады Колумбу приходилось тратить время на просьбы и исканія; въ теченіи шести лѣтъ ему то обѣщали, то отказывали, то снова утѣшали. Когда наконецъ капитуляція Гранады обрадовала всѣхъ испанскихъ христіанъ, онъ началъ надѣяться на успѣхъ. Но удачи все таки не было, и поэтому онъ разстался въ январѣ 1492 г. съ королевскою четою и уѣхалъ изъ лагеря при Санта-Фе въ Кордову. Но едва доѣхалъ онъ до мосту, какъ былъ остановленъ двумя людьми, имѣвшими большое вліяніе на королеву Изабеллу. То были сборщикъ церковныхъ доходовъ Арагоніи Луисъ де Сантъ-Анжель и министръ финансовъ Кинтанилья. Они не хотѣли допустить, чтобы португальцы взяли перевѣсъ надъ испанцами и обратились къ королевѣ, представляя ей, что она можетъ заслужить великую славу, отправивъ на западъ корабли къ золотымъ и алмазнымъ горамъ и обративъ въ христіанство народы, найденные португальцами на востокѣ. Имъ удалось убѣдить королеву. Она обѣщала добыть денегъ изъ кастильской казны, которою могла располагать независимо отъ мужа и послала за Колумбомъ, который немедленно возвратился въ Санта-Фе.

Королева не могла понести при этомъ предпріятіи большихъ убытковъ. Снаряженіе жалкихъ кораблей для Колумба стало дешево: 17,000 флориновъ (dies y siete mil Florines) по Мугносу или 20,500 піастровъ, какъ говоритъ Фердинандо Колумбъ въ біографіи своего отца, а по Робертсону—4,000 ф. ст. За то очень важны были выгоды, предоставленныя Колумбу договоромъ 17 апрѣля 1492 г. Во-первыхъ, найдя въ морѣ острова или материкъ, онъ долженъ былъ получить отъ Кастиліи для себя и для своихъ потомковъ званіе адмирала со всѣми правами генералъ-адмирала. Во вторыхъ, онъ назначался вице-королемъ всѣхъ земель и острововъ, которыя откроетъ, съ правомъ представлять королю на каждую должность трехъ кандидатовъ. Въ-третьихъ, какъ генералъ-адмиралъ Кастиліи, онъ становился верховнымъ судьей во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ, могущихъ возникнуть по торговымъ сношеніямъ съ новооткрытыми странами. Въ-четвертыхъ, въ предѣлахъ его адмиральской власти онъ долженъ былъ пользоваться десятью процентами со всѣхъ доходовъ съ товаровъ и плодовъ. Наконецъ, въ-пятыхъ, онъ принималъ на себя восьмую часть расходовъ на всѣ корабли, снаряженные для сношеній съ новооткрытыми странами, за что долженъ былъ пользоваться той же долей въ доходахъ.

Маленькій флотъ Колумба состоялъ изъ трехъ дрянныхъ кораблей, изъ которыхъ два имѣли менѣе ста тоннъ вмѣстимости, а третій только сорокъ. Онъ не успѣлъ добраться съ ними до Канарскихъ острововъ, которыми испанцы окончательно завладѣли лишь въ 1495 г. вмѣстѣ съ покореніемъ Тенерифа. Корабли еще во время этого переѣзда потерпѣли такія поврежденія, что пришлось простоять весь августъ на мѣстѣ, и только 6 сентября отплыли въ неизвѣданное море. Въ океанѣ Колумбу пришлось бороться не столько съ волнами и бурями, сколько съ суевѣріемъ и предразсудками своего экипажа. 12 октября 1492 г. онъ открылъ островъ Ганагани, который назвалъ Сан-Сальваторомъ; потомъ онъ нашелъ еще нѣсколько мелкихъ острововъ и познакомился съ берегомъ Кубы и Испаньолы или Гаити. Скоро онъ

повернулъ впрочемъ обратно и ужь черезъ семь мѣсяцовъ (въ мартѣ 1493) присталъ къ испанскому берегу, Одинъ изъ его кораблей потонулъ, другой заблудился, отставъ отъ него, и онъ воротился домой всего съ однимъ.

Колумбъ привезъ изъ своего перваго путешествія не много золота; но онъ открылъ испанцамъ новый міръ, населенный плохо-вооруженнымъ и беззащитнымъ первобытнымъ племенемъ. На открытыхъ имъ островахъ они нашли сначала очень мало золота, но надѣялись отыскать его въ огромномъ количествѣ, проникая дальше въ новыя земли. Надежда эта увлекла въ новооткрытыя страны множество испанцевъ. Они отправлялись не съ цѣлью колонизаціи или основанія торговыхъ сношеній, но для завоеваній и грабежа. Побѣды и завоеванія знаменитыхъ испанскахъ героевъ, Пизарро, Кортесовъ, покорявшихъ съ горстью смѣлыхъ проходимцевъ большія государства, какъ Мехико, Перу и Чили,— сопровождались неслыханнымъ варварствомъ и запятнали славу Испаніи. Награбленныя богатства имѣли пагубное вліяніе на нравственность испанцевъ. Подкрѣплять эти положенія доказательствами мы не желаемъ; мы ограничимся краткимъ разсказомъ о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ Колумба.

Вся Европа пришла въ неописанное изумленіе, когда по ней пронеслась молва о новооткрытыхъ островахъ, о ихъ произведеніяхъ и обитателяхъ, нѣсколько экземпляровъ которыхъ Колумбъ привезъ съ собою. Папа (Александръ VI) немедленно подарилъ испанцамъ всѣ земли, которыя они откроютъ на западѣ, подобно тому какъ предшественники его дарили португальцамъ открытыя ими страны на востокѣ. Папа торжественно объявилъ объ этомъ въ двухъ буллахъ. Но изъ нихъ не видно, какъ соглашалъ онъ свой подарокъ съ господствовавшимъ тогда мнѣніемъ, что острова, открытые Колумбомъ, принадлежатъ къ старой Индіи, какія именно страны хотѣлъ онъ отдать во владѣніе Испаніи, и что разумѣлъ онъ подъ пунктомъ къ югу отъ экватора, о которомъ говоритъ во второй своей буллѣ. Испанскій народъ и его государи осы-

нали Колумба похвалами и почестями и принялись снаряжать новую экспедицію подъ его руководствомъ. На этотъ разъ было построено 17 кораблей, щедро снабженныхъ всѣмъ необходимымъ. На нихъ отправлялось 2,500 человѣкъ, изъ коихъ многіе намѣревались завести въ Новомъ Свѣтѣ колонію.

Вся обстановка этой второй экспедиціи Колумба была въ высшей степени блестяща для того времени, хотя изъ 17 судовъ только три были во сто тоннъ. Колумбъ отплылъ изъ Кадикса 25 сент. 1493 г., а 2 ноября увидалъ оконечность острова, который назвалъ Доминикой (островомъ Воскресенія), такъ какъ онъ былъ открытъ въ воскресный день. Отсюда онъ поплылъ назадъ въ Испаніолу, гдѣ въ первую поѣздку свою оставилъ около тридцати испанцевъ, въ мѣстѣ, названномъ имъ Навидадомъ. Но онъ нашелъ, что всѣ возведенныя такъ постройки сожжены и раззорены, а люди исчезли. Колумбъ основалъ здѣсь новый городъ съ тысячью жителей, который назвалъ Изабеллой. Мореплаватели имѣли въ виду покорять, угнетать и грабить туземцевъ и найдти воображаемыя неистощимыя сокровища природы; стало быть въ новооткрытыхъ земляхъ можно было упрочиться, лишь обезпечивъ себѣ помощь изъ Испаніи. Такимъ образомъ вскорѣ оказалось, что предпріятіе Колумба, вмѣсто немедленныхъ выгодъ, потребуетъ сначала большихъ расходовъ. Въ февралѣ 1495 г. адмиралъ отправилъ назадъ двѣнадцать кораблей за разными предметами, въ которыхъ нуждался.

Хвастливыя извѣстія, присланныя по этому случаю Колумбомъ испанскому двору и разсказы возвратившихся спутниковъ его, показываютъ, что единственною цѣлью этихъ испанцевъ, тысячами стремившихся въ новый свѣтъ, были грабежъ, насиліе и завоеванія. Какъ ни достойны великаго уваженія научныя стремленія Колумба, какъ ни велики заслуги его передъ новымъ временемъ, какъ ни высоко цѣнимъ мы его умъ и твердость его характера, но донесеній его нельзя читать безъ содроганія. Людямъ, посланнымъ въ Испанію, онъ далъ дикарей, взятыхъ си-

лою и золота, вымѣненнаго у нихъ; это должно было служить приманкою, взамѣнъ которой онъ требовалъ себѣ лошадей, рогатаго скота, овецъ и съѣстныхъ припасовъ разнаго рода. При этомъ онъ объявилъ, что совершенно законно и справедливо—обращать островитянъ въ рабство, въ особенности дикихъ и враждебныхъ караибовъ, въ наказаніе—какъ онъ говоритъ—за ихъ нечеловѣческіе нравы. Онъ заходитъ даже далѣе, прося правительство не высылать ему на свой счетъ множество нужныхъ ему предметовъ, но лишь поощрять купцовъ перевозить ихъ въ Кубу. Тамъ, по его словамъ, купцы получатъ взамѣнъ товаровъ людей, которыхъ жители Изабеллы поймаютъ и продадутъ имъ въ рабство; невольники эти, говоритъ онъ, будутъ едва ли не лучше африканскихъ. Жадныя сердца испанскихъ финансистовъ Колумбъ утѣшалъ надеждою на пошлину, которою можно обложить всѣ товары, привозимые въ Испанію съ острововъ.

Поведеніе колонистовъ, думавшихъ только о золотѣ и о грабежѣ, ихъ отвращеніе отъ земледѣлія, мѣры Колумба обуздать ихъ, обманутыя надежды на золотыя горы и алмазныя копи,—все это породило на Испаніолѣ вражду и несогласія, а въ Испаніи—неудовольствіе, и въ 1496 г. Колумбъ былъ отозванъ. Онъ могъ отправиться въ третью экспедицію не раньше мая 1498 г. Въ это путешествіе онъ впервые вступилъ на материкъ Америки, откуда впослѣдствіи, къ несчастію Испаніи, было привезено въ Европу несмѣтное множество благородныхъ металловъ, которыхъ Колумбъ такъ тщетно искалъ на островахъ. Однако онъ возвратился въ Изабеллу, гдѣ за два года передъ тѣмъ оставилъ намѣстникомъ своего брата, Варѳоломея. Варѳоломей не могъ ввести никакого порядка между упрямыми гидальго и дерзкими авантюристами, поселившимися тамъ. Никто не хотѣлъ ни работать, ни повиноваться, на Испаніолѣ возникли недостатки и нищета, грабежи и насилія. Чтобы хотя нѣсколько привести въ порядокъ начиняющуюся колонизацію, адмиралу пришлось прибѣгать къ самымъ печальнымъ мѣрамъ.

Индѣйцы, за исключеніемъ караибовъ, были жалкое, слабое, робкое, непривычное къ войнѣ племя, плохо вооруженное и не употреблявшее желѣза; напротивъ, испанцы были храбры, знакомы съ европейскою тактикой и стратегіей, вооружены панцырями, хорошими мечами, копьями и булавами и, что еще важнѣе, имѣли запасъ ружей, пушекъ, лошадей и кровныхъ собакъ, которыя были всего страшнѣе для нагихъ индѣйцевъ. Во вторую экспедицію свою Колумбъ привезъ, правда, мало лошадей, но они внушали туземцамъ почти такой же ужасъ, какъ огнестрѣльное оружіе. Въ третье путешествіе привезли еще лошадей, которыя съ тѣхъ поръ размножились въ Новомъ Свѣтѣ. Не удивительно поэтому, что не смотря на всѣ злоупотребленія, не смотря на внутренній раздоръ и тяжелыя преслѣдованія, постигшія, противъ воли королевы Изабеллы, достойнѣйшихъ людей и самого Колумба, предпріимчивый духъ испанцевъ вскорѣ подчинилъ себѣ не только острова, но и цѣлыя государства на материкѣ. Этому наиболѣе способствовали трудныя экспедиціи, предпринимавшіяся частными людьми, которые потомъ подчинялись государству, чтобы найти въ немъ себѣ поддержку.

Мы не можемъ вдаваться въ подробности испанскихъ открытій и завоеваній на западѣ и предпріятій португальцевъ на востокѣ, какъ ни блистательны были и тѣ, и другія; иначе намъ пришлось бы слишкомъ уклониться отъ цѣли нашей книги. Слѣдуетъ однако упомянуть, что Колумбъ и его правительство смотрѣли на всѣхъ людей не европейскаго происхожденія и не христіанской вѣры, какъ на товаръ и звѣрей, которыхъ можно продавать. Взглядъ этотъ укоренился окончательно съ третьей экспедиціи Колумба. Испанцы въ такой мѣрѣ слѣдовали этому возрѣнію, что отъ нихъ отвращались всѣ добрые люди, а колонизація ихъ была пагубна для ихъ отечества. Когда энтузіазмъ охладѣлъ, а правительству все-таки хотѣлось отправить съ Колумбомъ въ третью экспедицію значительное число колонистовъ, оно послало разбойниковъ и убійцъ и дало право сво-

боднаго убѣжища въ Америкѣ всѣмъ приговореннымъ къ казни. Уже одно это не могло имѣть полезныхъ послѣдствій; но еще возмутительнѣе были поступки Колумба при распредѣленіи колонистовъ и ихъ устройствѣ. Самымъ безпокойнымъ и предпріимчивымъ изъ нихъ, какъ бы въ вознагражденіе за разочарованіе, онъ отвелъ въ собственность большія владѣнія и позволилъ имъ заставлять несчастныхъ туземцевъ, число которыхъ опредѣлялось жребіемъ, обработывать землю. Эта система грабежа (безъ вошедшей потомъ въ употребленіе въ сѣверной Америкѣ подложной покупки) и обращеніе туземцевъ въ крѣпостное состояніе, или такъ-называемыя Repartimientos, вызвала неслыханныя злодѣянія, которыя наконецъ дошли до слуха королевы Изабеллы и возбудили въ ней такое негодованіе, что она велѣла уничтожить эти распоряженія. Но едва Изабелла умерла, какъ старый порядокъ водворился снова.

3. Испанія, Италія и Германія до мира въ Блуа.

Кастильцы были очень довольны правленіемъ, которое въ Кастиліи было сосредоточено исключительно въ рукахъ королевы Изабеллы; двое духовныхъ управляли Кастиліей съ такою же властью, какъ въ слѣдующемъ столѣтіи Ришлье и Мазарини Франціею. Одинъ изъ нихъ былъ кардиналъ донъ Педро Гонсалесъ де Мендоса. Намъ можетъ показаться страннымъ, что онъ соединялъ въ своемъ лицѣ достоинство генералъ-адмирала Кастиліи съ саномъ архіепископа толедскаго; но въ концѣ XV столѣтія въ Испаніи это никого не удивляло. Онъ имѣлъ огромное вліяніе и такъ долго и неограниченно завѣдывалъ государственными дѣлами, что его называли третьимъ королемъ Испаніи. Мендоса умеръ въ 1495 г., слѣдовательно время его управленія не относится къ исторіи XVI вѣка и потому мы прямо перейдемъ къ преемнику его, Хименесу де Сиснеросъ

или кардиналу Хименесу. Онъ оказалъ большія заслуги императору Карлу V, когда тотъ жилъ въ Нидерландахъ.

Хименесъ, какъ монахъ, рано прославился святою жизнью, такъ что всѣ желали имѣть его духовникомъ. Такимъ образомъ онъ подробнѣе, чѣмъ гдѣ либо, могъ узнать людей и изучить кастильскій характеръ, добродѣтели и пороки своихъ соотечественниковъ и средства управлять ими. Въ 1492 г., по рекомендаціи кардинала Мендосы, королева Изабелла взяла его въ свои духовники. Скоро онъ овладѣлъ всѣмъ существомъ поэтической и богомольной испанки. Женщина эта безспорно желала и дѣлала добро; но она была жестоко обманута относительно Новаго Свѣта и особенно марранъ, т. е. магометанъ, которымъ былъ предоставленъ выборъ или креститься, или погибнуть, или наконецъ выселиться изъ Испаніи. Суровый монахъ, Хименесъ, не могъ быть полезнымъ совѣтникомъ въ дѣлахъ религіи и сужденіи о марранахъ и американскихъ дикаряхъ, не смотря на то, что, съ разрѣшенія папы, онъ ратовалъ противъ злоупотребленій монашества и заботился о томъ, чтобы духовенство было образовано и знакомо съ евангельскимъ ученіемъ. По смерти Мендосы, Изабелла, цѣнившая заслуги Хименеса, возвела его въ достоинства архіепископа толедскаго и великаго канцлера, хотя Фердинандъ желалъ отдать ихъ своему подобному сыну, архіепископу саррагосскому.

Съ этой минуты духовная полиція тѣсно соединилась съ свѣтской, а административная власть съ инквизиціей, не только въ Кастиліи, но и въ остальной Испаніи. Это имѣло сначала благодѣтельное вліяніе, и Хименесъ пріобрѣлъ безсмертную славу, потому что водворилъ спокойствіе, порядокъ и законность въ безпокойномъ и разстроенномъ государствѣ. Но вскорѣ духовный деспотизмъ, соединясь съ свѣтскимъ, остановили всякое движеніе, такъ что народонаселеніе начало уменьшаться, земля плохо воздѣлывалась, легко пріобрѣтаемое золото породило праздность, а слѣпой религіозный фанатизмъ воздвигалъ гоненія

на жидовъ и марррановъ, которые, не имѣя жалкой дворянской спѣси кастильцевъ, были дѣятельны, трудолюбивы и вели торговлю. Съ 1499 г. Хименесъ самъ руководилъ въ Гранадѣ обращеніемъ невѣрныхъ. Ужасныя жестокости, совершенныя имъ повсюду и вліяніе ихъ на характеръ и дѣятельность испанцевъ и на опустошеніе страны, относятся къ частной исторіи Испаніи; мы коснемся дѣятельности кардинала лишь на столько, на сколько необходимо для уразумѣнія исторіи императора Карла V.

Для характеристики той науки, которой исключительно покровительствуетъ слѣпая вѣра, любопытно узнать, что Хименесъ прославился изданіемъ въ Алкалѣ библіи, напечатанной на нѣскольких языкахъ и потому называемой комплутенскимъ полиглотомъ. Изданіе это стоило огромныхъ расходовъ, а между тѣмъ еще въ 1499 г. онъ сжегъ множество арабскихъ книгъ и нанесъ этимъ не менѣе вреда литературѣ, чѣмъ дикіе вандалы Гейзериха греческому и римскому искуству. Возмущеніе, убійство и юридическія жестокости были слѣдствіемъ монашескаго фанатизма, за который Хименесъ получилъ въ 1499 г. странную похвалу отъ гранадскаго архіепископа Талаверы, знаменитаго своею кротостью и смиреніемъ. Онъ говорилъ: „Хименесъ одержалъ бóльшія побѣды, чѣмъ Фердинандъ и Изабелла; они покорили только землю Гранады, Хименесъ же овладѣлъ душами ея жителей.“ Какъ совершалось это покореніе душъ, видно изъ мавританскаго возмущенія, вспыхнувшаго въ 1500 г. въ Альпухаррскихъ горахъ. Это возмущеніе было подавлено тѣми же средствами, какими со времени третьяго путешествія Колумба просвѣщали жителей Кубы и Доминго. Несчастныхъ мучили всѣми мѣрами и, подъ предлогомъ обращенія въ христіанство, лишали свободы и имущества. Періодъ 1500—1502 годовъ представляетъ страшное зрѣлище отчаянной борьбы между гонимыми и ихъ гонителями. Обѣ стороны выказали равное мужество, но однихъ одушевляла любовь къ родинѣ и къ религіи своихъ отцовъ, а другихъ — фанатическая ярость, слѣпое суевѣріе и

національная ненависть. Мавры наконецъ пали, и испанское правительство, руководимое Хименесомъ, истребило то, что уцѣлѣло отъ войны; страна, которую трудолюбіе жителей превратило нѣкогда въ пышный садъ, представляетъ теперь пустыню. Испанское правительство издало 12 февраля 1503 г. такъ называемую прагматику, обрекавшую несчастныхъ мавровъ на такое же безчеловѣчное прослѣдованіе, какому прежде подвергались жиды, которые принесли такую громадную пользу Испаніи въ торговлѣ, промышленности и наукѣ.

Указомъ этимъ предписывалось всѣмъ некрещеннымъ маврамъ, свыше четырнадцати-лѣтняго возраста для мужчинъ и двѣнадцати-лѣтняго для женщинъ, покинуть Кастилію и Леонъ до конца апрѣля 1502 г. Начиная съ февраля, они должны были продавать свое имущество, но выручку вывезти изъ королевства не звонкой монетой, а въ дозволенныхъ закономъ товарахъ. Кромѣ того, имъ было запрещено отправляться во владѣнія турецкаго султана и въ тѣ части Африки, съ которыми Испанія вела войну. Неисполнившій этого приказа подвергался смертной казни и лишенію имущества. Самымъ дурнымъ послѣдствіемъ этого закона было то, что большая часть мавровъ, чтобы остаться въ странѣ, приняли для виду христіанство, чѣмъ доставили политическую необходимость страшной инквизиціонной полиціи и суду. Вслѣдствіе хронологической ошибки, въ хроникѣ Бледы мѣры эти приписывались знаменитому судьѣ еретиковъ, Торквемадѣ, который далъ тайной полиціи и инквизиціонному судилищу ужасные размѣны и точно также преслѣдовалъ евреевъ, какъ Хименесъ — мавровъ; но Торквемада давно уже умеръ, когда вышелъ указъ о маврахъ.

Дѣятельность духовника и перваго министра Изабеллы и личный взглядъ королевы на религію и на обращеніе невѣрныхъ, были весьма вредны для Испаніи. За то много пользы принесла строгость Хименеса относительно надменнаго дворянства. Это было особенно необходимо, когда послѣ преждевре-

менной смерти королевы, Кастиліи грозила новыя безпокойства. Единственный сынъ Фердинанда и Изабеллы, донъ-Хуанъ, и старшая дочь ихъ, Изабелла, бывшая за королемъ португальскимъ, умерли рано, не оставивъ дѣтей. Поэтому Кастилія, Арагонія и обѣ Сициліи достались Іоаннѣ, женѣ Филиппа Бургундскаго и двумъ ея сыновьямъ, Карлу и Фердинанду. Изъ нихъ первый родился въ 1500 г. въ Гентѣ и воспитывался въ Бельгіи, а второй въ 1503 г. въ Испаніи, гдѣ и воспитывался. Отправляясь передъ рожденіемъ своего втораго сына во Фландрію, Филиппъ оставилъ въ Испаніи свою жену, начинавшую сходить съ ума. Весною 1504 г. Іоанна поѣхала къ мужу во Фландрію, гдѣ онъ обращался съ нею очень дурно. Между ними произошелъ полный разрывъ, когда Іоанна стала дерзко обращаться съ его главною любовницею, которая жила съ нимъ въ открытой связи, и велѣла обстричь ей ея прекрасные локоны. Королева Изабелла была въ это время опасно больна, и извѣстіе о бѣдственномъ положеніи дочери, которая окончательно помѣшалась, усилило болѣзнь; въ октябрѣ она сдѣлала завѣщаніе, а 26 ноября—умерла.

Послѣ того, что говоритъ объ этомъ завѣщаніи Прескоттъ, видѣвшій три экземпляра его, мы не понимаемъ, какъ могли сомнѣваться въ его подлинности. Изабелла распоряжается въ немъ королевствомъ и его управленіемъ, какъ своею частною собственностью. Она назначаетъ свою дочь, Іоанну и мужа ея, Филиппа, наслѣдниками престола; но Филиппъ во время отсутствія жены не долженъ былъ дѣлать никакого распоряженія, для котораго требовалось бы согласіе кортесовъ и не могъ принимать на службу иностранцевъ. Важнѣйшій пунктъ касается отношеній Фердинанда Католика къ королевству Кастиліи, къ его дочери и къ внуку, Карлу. Неопредѣленность этого пункта подала поводъ подозрѣвать подлогъ завѣщанія. Еще въ 1503 г. былъ предложенъ кортесамъ вопросъ, какъ поступать при помѣшательствѣ Іоанны. Съ тѣхъ поръ здоровье несчастной прин-

тессы измѣнилось къ худшему. Поэтому Изабелла постановила въ завѣщаніи, чтобы до совершеннолѣтія внука ея, Карла, въ отсутствіе или при неспособности ея дочери король Фердинандъ былъ правителемъ Кастиліи. Кромѣ того, Фердинандъ долженъ былъ пользоваться половиною дохода съ новооткрытыхъ земель и получать нѣсколько милліоновъ мараведи съ гросмейстерствъ.

Вслѣдствіе этого завѣщанія, изъ шести душеприкащиковъ котораго главными были король Фердинандъ и кардиналъ Хименесъ, Фердинандъ въ день смерти жены сложилъ съ себя титулъ короля Кастиліи и провозгласилъ дочь свою Іоанну и ея мужа, Филиппа, королемъ и королевой. Черезъ нѣсколько времени (11 января 1505 г.) кортессы, созванные въ Торо, признали завѣщаніе Изабеллы и присягнули королю арагонскому, какъ регенту. Зять Фердинанда, Филиппъ, былъ однако не доволенъ его регентствомъ, равно какъ и часть высшаго дворянства Кастиліи, нежелавшая, чтобы правленіе оставалось въ рукахъ хитраго и ловкаго государя, который всегда старался обезсилить бароновъ. Это побудило короля Фердинанда поддерживать дружбу съ Франціей, не смотря на то, что Лудовикъ XII оскорбилъ въ 1505 г. эрцгерцога Филиппа, нарушивъ договоръ, которымъ былъ рѣшенъ будущій бракъ четырехлѣтней дочери Лудовика, Клавдіи, съ пятилѣтнимъ сыномъ Филиппа, Карломъ (стр. 162).

Предметомъ общихъ заботъ главныхъ государствъ Европы было усиленіе венеціанскаго могущества. Въ послѣднее время олигархія Венеціи заняла важнѣйшія гавани и укрѣпленія Ломбардіи въ ущербъ Франціи и овладѣла всѣмъ югозападнымъ берегомъ неаполитанскаго королевства; еще недавно венеціанцы отняли у церкви значительные города и уничтожили значеніе германской имперіи въ Брешіи, Бергамо и другихъ городахъ. Папа Юлій II и Фердинандъ Католикъ старались поэтому составить союзъ противъ Венеціи. Лудовикъ XII скло-

нилъ къ нему германскаго короля Максимиліана и его сына, Филиппа. Такимъ образомъ въ сентябрѣ 1504 г. въ Блуа были заключены въ одно время три разныхъ договора.

Изъ нихъ два касались отношеній Максимиліана и его сына къ герцогству миланскому, къ Франціи и къ молодому герцогу Карлу Гельдернскому, котораго французы поддерживали въ войнѣ съ Филиппомъ (стр. 95). Максимиліанъ давно уже грозилъ начать въ Италіи войну за сыновей Лудовико Моро, бѣжавшихъ къ нему и не отказывавшихся отъ притязаній на Миланъ. Онъ соглашался покинуть этотъ планъ, если король Лудовикъ XII перестанетъ поддерживать двухъ нѣмецкихъ князей, не покорявшихся императорскому рѣшенію. Это были пфальцграфъ Рупрехтъ и герцогъ Карлъ Гельдернскій. Первый женился на дочери герцога Ландсгутскаго Георга Богатаго Баварскаго и по завѣщанію своего тестя оспаривалъ владѣнія его у ближайшаго мужескаго наслѣдника, Альбрехта Нижне-Баварскаго, въ пользу котораго Максимиліанъ рѣшилъ дѣло. Карлъ Гельдернскій требовалъ отцовскаго наслѣдія, которымъ завладѣлъ Максимиліанъ (т. X. стр. 251) для своего сына, Филиппа. Это заставило Максимиліана заключить въ сентябрѣ 1504 г. въ Блуа два договора, которые впрочемъ не были приведены въ исполненіе. Въ одномъ изъ нихъ Лудовикъ XII и Максимиліанъ I признавали другъ за другомъ всѣ владѣнія, и послѣдній обѣщалъ снять опалу съ Мантуи и Монферрата, Генуи и Флоренціи, съ герцога Феррарскаго и князя Капри, съ условіемъ. что они будутъ покорны императору и имперіи. За это король французскій обязывался не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Германіи и Италіи и не помогать князьямъ и вассаламъ, которыхъ императоръ объявилъ мятежными. Во второмъ договорѣ Лудовикъ снова обѣщалъ свою дочь, Клавдію, сыну Филиппа, Карлу и ручался, что права и владѣнія принцессы, точно опредѣленныя въ договорѣ, достанутся ему.

Третій договоръ, заключенный въ Блуа, былъ такъ же страненъ, какъ и вся жизнь Максимиліана, начиная съ его опас-

ныхъ охотъ въ Тиролѣ до послѣднихъ войнъ въ Италіи и въ Швейцаріи. Этотъ договоръ кажется просто какимъ-то дипломатическимъ фокусомъ, если даже не брать во вниманіе могущества Венеціи, противъ котораго онъ былъ направленъ. Въ немъ дѣло шло о раздѣлѣ владѣній венеціанской республики, какъ будто она была уже покорена. Папа былъ при этомъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ; его именемъ предполагали вести войну съ Венеціей. Онъ долженъ былъ предать республику проклятію и разрѣшить ея подданныхъ отъ присяги, послѣ чего Людовикъ XII и Максимиліанъ приступали къ раздѣлу. Впрочемъ въ договорѣ былъ намекъ на возможность неисполненія этого дѣлежа: въ одномъ пунктѣ сказано, что если одна изъ союзныхъ сторонъ не выполнитъ своего обязательства, то и прочія освобождаются отъ него.

Блуасскими договорами Максимиліанъ и папа достигли, каждый по своему, своихъ цѣлей. У Максимиліана развязались руки въ пфальцско-баварскомъ дѣлѣ, а папа добился отъ венеціанцевъ нѣкоторыхъ выгодъ. Но ни императоръ, ни папа не смотрѣли на договоры серьезно. Максимиліанъ самъ указалъ венеціанцамъ на заключенный противъ нихъ союзъ, посовѣтовалъ имъ поладить съ папою, такъ какъ весь планъ раздѣла основанъ на его проклятіи и интердиктѣ, и предложилъ свое посредничество въ этомъ дѣлѣ. Венеціанцы хитро и вѣжливо отклонили его предложеніе, но немедленно вступили въ переговоры съ папой, и Юлій, въ ожиданіи большаго, удовольствовался тѣмъ, что они ему предложили. Венеціанцы возвратили ему Порто Чезенатико, Савиньано, Тоссиньано, Санто Арканджело и шесть другихъ зàмковъ, за что удержали Римини и Фаенцу. Это произошло въ концѣ 1505 года, послѣ того какъ папа изгналъ Джіованни Бентиволіо изъ Болоніи, а Джіованни Паоло Бальоне изъ Перуджіи.

Пфальцско-баварскій споръ былъ оконченъ черезъ годъ по заключеніи договоровъ въ Блуа. Дѣло шло о владѣніи герцогствомъ Баварско-Ландсгутскимъ. Пфальцграфъ Рупрехтъ, тре-

тій сынъ курфирста Филиппа Пфальцскаго, былъ женатъ на дочери своего дяди съ материнской стороны, Георга Богатаго Баварскаго герцога Ландсгутскаго. Георгъ, умершій въ декабрѣ 1503 г., завѣщалъ свое герцогство дочери. Но Максимиліанъ еще до смерти Георга обѣщалъ его владѣнія Альбрехту и Вольфгангу Баварскимъ герцогамъ Мюнхенскимъ, такъ какъ Георгъ не имѣлъ права распоряжаться имперскимъ леномъ. Въ октябрѣ 1503 г. императоръ потребовалъ, чтобы Георгъ и его чины признали права герцоговъ Мюнхенскимъ на наслѣдство Ландсгута. Но когда Георгъ умеръ, пфальцграфъ Рупрехтъ овладѣлъ землею своего тестя и оставшимися послѣ него богатствами, которыя были очень значительны, если вѣрить тому, что разсказывалъ альтъ-еттингскій пробстъ Іоганнъ о разграбленіи Георгомъ чудотворной иконы альтъ-еттингской Божіей Матери *). Максимиліанъ и швабскій союзъ, членомъ котораго былъ герцогъ Ландсгутскій, объявили себя противъ Рупрехта, и послѣ скучныхъ процедуръ дѣло дошло до кровопролитной войны. Рупрехтъ двинулся противъ непріятеля съ войскомъ, нанятымъ въ Богеміи. Война эта была опустошительна не только для Баваріи, но и для Пфальца, такъ какъ герцоги Гессенскій и Виртембергскій выступили противъ отца Рупрехта, Филиппа Пфальцскаго. Рупрехтъ умеръ во время войны (1504 г.), но отецъ его и жена продолжали войну съ наемными солдатами и разбойниками; Баварія, Швабія и Пфальцъ были страшно опустошены. Блуасскій миръ

---

*) Въ хроникѣ говорится: Zuletzt hat Brobst Iohann zu Allenötting sich vor gemainer Landchaft beklagt, wie Herzog Georg von der Kirchen von Altenötting genommen hab, erstbien zwanzig tausend florin, nachmals sechzigtausend Gulden, gen Burkhausen gefürt, mer siben Zentner XI Pfund an ringen prochem Geld, darauf begert zu verfügen, dass solch Geld nit verkert, sondern der Mutter Gottes aufbehalten werde. Пробстъ Іоганнъ альтенёттингскій жаловался земству на герцога Георга, который взялъ съ альтенёттингскихъ церквей сперва 20 т. флориновъ, потомъ 60 т. и увезъ въ Бурггаузенъ 7 центнеровъ 11 фунтовъ серебра и золотыхъ вещей; пробстъ утверждалъ, что деньги эти назначены не на расходъ, но должны сохраняться для Божіей Матери.

показалъ курфирсту Филиппу, что нечего ждать помощи отъ Франціи и что Максимиліанъ съ швабскимъ союзомъ держатъ сторону герцога Альбрехта (1505 г.). Максимиліанъ, князья Виртембергскій и Гессенскій и городъ Нюренбергъ захватили даже пфальцскія и баварскія владѣнія въ вознагражденіе за военныя издержки. Максимиліану и его сыну, Филиппу Бургундскому, было труднѣе справиться съ Карломъ Гельдернскимъ, чѣмъ съ курфирстомъ Пфальцскимъ. Послѣ мира въ Блуа Карлъ не получалъ, правда, прямыхъ подкрѣпленій отъ Франціи, но имѣлъ союзниковъ, пока Франція не покинула его совершенно.

4. Отъ мира въ Блуа до Канбрейской Лиги.

Въ 1505 году въ Гагенау, городѣ, пріобрѣтенномъ Максимиліаномъ въ послѣднюю войну, былъ рѣшенъ на сеймѣ споръ за покровительство, въ которомъ Лудовикъ XII все еще не отказывалъ врагу Максимиліана, Карлу Гельдернскому. Максимиліанъ подарилъ въ Гагенау герцогство миланское французскому королю, въ лицѣ присланнаго имъ министра Амбуаза, и за это Лудовикъ отказался защищать герцога Карла Гельдернскаго. Эрцгерцогъ Филиппъ немедленно занялъ Гельдернъ и Цютфенъ, и Карлъ долженъ былъ послѣдовать за Филиппомъ въ Испанію, куда эрцгерцогъ намѣревался ѣхать.

Вскорѣ Филиппъ разошелся со своимъ тестемъ, Фердинандомъ, и второй бракъ Фердинанда заставилъ его опасаться потерять Арагонію, Неаполь и Сицилію, особенно если бы у короля арагонскаго родился сынъ; въ Кастиліи Филиппъ былъ королемъ еще со смерти Изабеллы. Фердинандъ снова тѣснѣе сблизился съ Лудовикомъ XII противъ Габсбургскаго дома и женился на его племянницѣ, Жерменѣ де-Фуа. Въ августѣ 1505 г. къ Лудовику XII явились Томасъ Мальферитъ и графъ Сифуэнтесъ просить руки племянницы Лудовика отъ имени своего короля. Впрочемъ, ка-

стильцы были очень не довольны тѣмъ, что король Фердинандъ, такъ скоро послѣ смерти Изабеллы задумалъ сватовство Лудовикъ принялъ предложеніе Фердинанда, и между ними былъ заключенъ договоръ, подписанный французскимъ королемъ 12 октября въ Блуа, а арагонскимъ 16 числа въ Сеговіи. Въ этомъ договорѣ было рѣшено, что Фердинандъ женится на племянницѣ Лудовика, который уступалъ ей всѣ свои права на Неаполь. Но въ случаѣ смерти Жермени безъ наслѣдниковъ, Фердинандъ долженъ удовольствоваться половиною неаполитанскаго государства, назначенною ему въ прежнемъ договорѣ. За издержки Лудовика на завоеваніе Неаполя Фердинандъ долженъ былъ заплатить ему милліонъ червонцевъ. Въ мартѣ 1506 г. Фердинандъ женился. Жермени де-Фуа было тогда восемнадцать лѣтъ. Эта принцесса славилась необыкновенной красотой, но уже въ раннемъ возрастѣ была въ высшей степени вѣтрена и развращена.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака Фердинанда, Лудовикъ XII оскорбилъ римскаго короля и его сына, нарушивъ дважды или трижды данное имъ обѣщаніе выдать дочь свою, Клавдію, за сына Филиппа, Карла. Лудовикъ еще прежде коварнымъ образомъ тайно протестовалъ противъ этого обѣщанія, за которое ручались принцы крови и важнѣйшіе сановники; но актъ протеста былъ показанъ только тремъ или четыремъ важнымъ лицамъ и капитанамъ гвардіи. Соединившись тѣснѣе съ Фердинандомъ арагонскимъ, онъ рѣшился на офиціальный отказъ. Опасно заболѣвъ, Лудовикъ, не имѣвшій мужескихъ наслѣдниковъ, созвалъ чины королевства въ половинѣ мая 1506 г. въ Туръ. По его наущенію, чины и совѣтники слезно молили его отказать Филиппу и обручить свою дочь съ наслѣдникомъ французскаго престола. Повременивъ немного изъ приличія, онъ согласился на ихъ просьбу и обнародовалъ въ формѣ манифеста (lettres patentes) завѣщаніе, которымъ устроилъ судьбу дочери. Наслѣдникомъ французскаго престола былъ герцогъ Францискъ

Валуа, сынъ графа Карла Ангулемскаго, умершаго въ 1496 г., и внукъ дяди Лудовика, Іоанна Орлеанскаго. Францискъ былъ не только обрученъ съ Клавдіей, но даже—хотя ему было только десять лѣтъ — обвѣнчанъ. Пятилѣтнюю принцессу и десятилѣтняго герцога привели къ алтарю, и кардиналъ Амбуазъ совершилъ надъ ними церковный обрядъ.

Въ это время Фердинандъ и Филиппъ вели самую оживленную переписку. Тесть упрекалъ зятя въ томъ, что своимъ поведеніемъ онъ заставилъ его жениться въ другой разъ и совѣтовалъ ему быть осторожнѣе, чтобы предотвратить окончательный разрывъ. Фердинандъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ зятю писалъ ему даже: „теперь, сынъ мой, оставьте вашъ безпутный образъ жизни (fit satis pervagatum) и пріидите въ себя (redi in te!) Если вы прибудите ко мнѣ въ Испанію, какъ сынъ, а не какъ врагъ, я, не смотря на все прошлое, приму васъ дружественно (his non obstantibus amplexabere). Чувство отца можетъ многое извинить и забыть.“ По поводу этого недоразумѣнія между тестемъ и зятемъ, король Лудовикъ также писалъ Филиппу, что не пропуститъ его черезъ Францію въ Испанію, если онъ не помирится сначала съ Фердинандомъ. Филиппъ счелъ за лучшее уступить. 24 ноября 1505 г. онъ заключилъ договоръ съ Фердинандомъ, управлявшимъ въ его отсутствіе Кастиліей; но онъ не имѣлъ намѣренія исполнять этотъ договоръ, желая лишь имѣть возможность прибыть въ Испанію, если не черезъ Францію, то моремъ. Договоръ, заключенный между Фердинандомъ и Филиппомъ, извѣстенъ подъ именемъ Саламанкскаго. Онъ постановлялъ, что Кастилія будетъ впредь управляться Фердинандомъ, Іоанной и Филиппомъ вмѣстѣ, но первый будетъ получать половину дохода.

Филиппъ, увѣрившись, что тесть не помѣшаетъ ему высадиться въ Испанію, сѣлъ 8 января 1506 г. въ Мидльбургѣ на корабль со своею женою, бывшею уже совершенно безумною. Дорогой его застигла страшная буря; корабль загорѣлся, и онъ съ

величайшими опасностями добрался до одной англійской гавани. Превосходный корабль его погибъ, а остальной флотъ разсѣялся. Пока корабли собирались, ему пришлось пользоваться гостепріимствомъ англійскаго короля Генриха VII, которое вскорѣ превратилось въ настоящій плѣнъ. Генрихъ VII не измѣнилъ себѣ и въ этомъ случаѣ. Онъ принялъ королевскую чету у себя въ Виндзорѣ и угощалъ ее три мѣсяца, но щедро вознаградилъ себя за это договорами, которые вынудилъ силою и обманами. Генрихъ и Фердинандъ находились тогда въ грязной ссорѣ. Они были равно хитры, скупы, жадны и злы; но Генрихъ VII не былъ такъ слѣпо суевѣренъ и такъ нетерпимъ, какъ Фердинандъ.

Въ 1496 г. арагонскій король, нуждаясь въ англійскомъ, просваталъ свою четвертую дочь, Катарину, за старшаго сына Генриха, Артура принца Уэльскаго, обѣщавъ за нею 200,000 кронъ приданаго. Хотя женихъ и невѣста были еще дѣтьми, но Генрихъ, боясь лишиться денегъ, обвѣнчалъ ихъ въ ноябрѣ 1501 г. Кроткій, любезный принцъ, сдѣлавшій свою жену счастливою, умеръ въ апрѣлѣ 1502 г., и вдова его, изъ-за политики отца своего и скупости свекра, была обречена на безконечныя несчастія. Фердинандъ выплатилъ только половину приданнаго, а Генрихъ, видя, съ какимъ нежеланіемъ онъ сдѣлалъ это, удержалъ Катарину въ Англіи. Такъ какъ Фердинандъ тоже не желалъ разрывать союза съ Англіей, то они согласились, чтобы братъ Артура, будущій король Генрихъ VIII, женился на его вдовѣ. Разрѣшеніе папы, необходимое для этого брака, было скоро получено. За то надо было ждать, чтобы молодому Генриху минуло пятнадцать лѣтъ. Бракъ совершился въ 1505 г. Но такъ какъ Фердинандъ не выплатилъ еще второй половины приданнаго, то Генрихъ внушилъ своему сыну хитрую уловку, которою тотъ впослѣдствіи постыдно злоупотреблялъ противъ своей жены. Чтобы испугать арагонскаго короля разрывомъ брака, принцъ долженъ былъ публично объявить, что не думалъ и не думаетъ считать законнымъ бракъ, заключенный во время его

несовершеннолѣтія. Въ то же время, чтобы принудить Фердинанда выслать деньги, король Генрихъ увѣрялъ, что дозволилъ своему сыну объявить это, съ цѣлью развязать его отъ прежнихъ обязательствъ; онъ увѣрялъ, что принцъ желаетъ жениться на Катаринѣ, но не считаетъ этотъ бракъ обязательнымъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда въ началѣ 1506 г. Филиппъ и Іоанна пристали къ англійскому берегу и подъ видомъ гостепріимства были задержаны Генрихомъ VII. Генрихъ не приминулъ воспользоваться неожиданнымъ появленіемъ Филиппа и Іоанны, чтобы добыть черезъ нихъ денегъ посредствомъ новой брачной спекуляціи. Чтобы добраться до владѣній жены, Филиппъ долженъ былъ заключить нѣсколько договоровъ въ пользу Генриха. Сестра его, Маргарита, должна была выйдти замужъ за англійскаго принца, Генриха, и принести въ приданое 300,000 кронъ, а сынъ его, Карлъ, жениться на младшей дочери англійскаго короля, Маріи, о чемъ Генрихъ уже условился съ Максимиліаномъ. Кромѣ того, Филиппъ по неволѣ заключилъ торговый договоръ, очень выгодный для англичанъ и весьма невыгодный для фламандцевъ. Наконецъ онъ долженъ былъ обѣщать выдать герцога Соффолька, потомка іоркскаго дома. Этому принцу, на котораго Генрихъ смотрѣлъ, какъ на одного изъ опаснѣйшихъ враговъ своихъ, бабка Филиппа дала пріютъ въ Нидерландахъ. Обязательство выдать его было тѣмъ тяжелѣе для Филиппа, что онъ зналъ, что Генрихъ, которому принцъ не могъ вредить, хочетъ лишь утолить на немъ свою месть. Хотя Филиппъ взялъ съ Генриха обѣщаніе не лишать герцога Соффолька жизни, но Генрихъ и тутъ остался вѣренъ своему упрямому и лживому нраву. Онъ дѣйствительно не казнилъ герцога, но, умирая, велѣлъ своему сыну немедленно умертвить его.

Въ Нидерландахъ у Филиппа остался врагъ, гораздо болѣе опасный, чѣмъ Соффолькъ для Генриха. Карлъ Гельдернскій не задолго передъ тѣмъ былъ снова лишенъ своего герцогства Филиппомъ и взятъ въ плѣнъ, но по отъѣздѣ эрцгерцога,

бѣжалъ изъ заключенія. Поэтому Круа и Шиме, которымъ Филиппъ поручилъ своего сына и управленіе Нидерландами, должны были сдѣлать значительныя приготовленія противъ грозившаго имъ нападенія со стороны Карла Гельдернскаго и его друзей.

Въ концѣ апрѣля 1506 г. Филиппъ и его жена прибыли наконецъ въ Испанію. Они высадились въ самомъ отдаленномъ концѣ государства, въ заливѣ Коругны, избѣгая встрѣчи съ Фердинандомъ, женившимся еще въ мартѣ на Жерменѣ де Фуа и напрасно выѣхавшимъ на встрѣчу къ дѣтямъ. Филиппъ немедленно призвалъ всѣхъ кастильскихъ сановниковъ и собралъ значительныя силы для возстанія противъ тестя; Фердинандъ понялъ, что Филиппъ и его совѣтникъ, донъ Хуанъ Мануэль, переняли у него его коварную политику и дипломатическую ловкость. Филиппъ объявилъ, что не намѣренъ стѣсняться саламанкскимъ договоромъ и потому, несмотря на него, требуетъ для себя и своей жены исключительнаго владѣнія Кастиліею. Фердинандъ тщетно старался чрезъ Хименеса склонить своего зятя къ уступкѣ. Филиппъ стоялъ на своемъ. Наконецъ между ними произошло личное свиданіе; но оно было не радостно, потому что Филиппъ не желалъ его, а Фердинандъ чувствовалъ, что въ Кастиліи будутъ не рады ему. Свиданіе произошло 23 іюля при Пуэблѣ ди Сенабріи, на границѣ Леона и Галиціи, въ открытомъ полѣ; со стороны Филиппа были приняты мѣры предосторожности, напоминавшія о свиданіяхъ капитановъ европейскихъ кораблей съ начальниками дикихъ племенъ. Историкъ Сурита, желавшій и обязанный хвалить своего Фердинанда, говоритъ, что короли явились тутъ въ совершенно различномъ свѣтѣ: одинъ какъ будто боялся и приготовился защищаться: другой же, надѣялся на свои личныя достоинства и считалъ, что санъ его служитъ ему достаточной оградой *). Фердинандъ не могъ даже добить-

*) El Rey Catholico yva con los suyos en habito de paz, y el Rey su yerno venia con gran apparato y estruendo de gente de guerra, Alemanes y,

ся отъ Филиппа свиданія съ своею несчастною дочерью, чего ему очень хотѣлось. Разговоръ, происходившій между ними безъ свидѣтелей, остался тоже безъ послѣдствій; они разстались, какъ сошлись. Однако Фердинандъ возвратился въ Арагонію болѣе спокойнымъ, потому что видѣлъ, что ожесточеніе кастильцевъ противъ фламандцевъ и французовъ, пріѣхавшихъ съ Филиппомъ, который оказывалъ имъ полное довѣріе, кончится тѣмъ, что въ Кастиліи вспыхнутъ безпокойства. И точно, Филиппъ, характеръ котораго, какъ доказалъ Прескоттъ, Робертсонъ въ своей „Исторіи Карла V" изобразилъ слишкомъ невыгодно, своимъ безграничнымъ мотовствомъ, своей французскою вѣтренностью и недостаткомъ испанской важности, вооружилъ противъ себя кастильцевъ.

Наконецъ, по ходатайству Хименеса, состоялось соглашеніе между Фердинандомъ и Филиппомъ; но Фердинандъ, какъ видно изъ сохранившихся актовъ, выказалъ относительно своего зятя неслыханное коварство: всякій разъ, когда онъ подписывалъ публичный актъ въ пользу Филиппа, онъ составлялъ другой, которымъ втайнѣ уничтожалъ первый или утверждалъ противное тому, что было рѣшено въ первомъ. Онъ утвердилъ договоръ, по которому правленіе Кастиліей предоставлялъ Іоаннѣ и Филиппу, а себѣ удерживалъ только гросмейстерства трехъ орденовъ и доходы, назначенные ему Изабеллою по завѣщанію. Кромѣ того, онъ обязывался поддерживать зятя противъ всѣхъ, кто будетъ возбуждать безпокойства подъ предлогомъ предоставленія свободы и участія въ управленіи его женѣ. Но въ то же время онъ объявилъ въ трехъ тайныхъ актахъ все это вынужденнымъ и увѣрялъ въ желаніи сдѣлать противное. Король Фердинандъ всегда руководствовался подозрѣніемъ, котораго, не сдер-

---

Flamencos sin los soldades, que se juntaron en Gallicia; y de la parte del rey non avia otra confianza in seguro sino el, que se tenia en el respeto y reverencia, que se devia como a padre y a la magestad de su persona.

живая никогда своихъ обѣщаній, заслуживалъ самъ больше всѣхъ. Это недовѣрчивость побудила его заподозрить даже Гонсальво Кордуанскаго, который пользовался въ Неаполѣ неограниченной властью и былъ всѣми уважаемъ, какъ великій герой и благодѣтель, хотя впрочемъ по счетамъ оказалось, что онъ швырялъ сотни тысячъ, какъ гроши.

Уступивъ своему зятю, Фердинандъ отправился съ флотомъ изъ 15 кораблей въ Неаполь, чтобы имѣть возможность, безопасно для себя и тайкомъ, удалить Гонсальво и возвратить занятые венеціанцами неаполитанскіе города. Что касается его поступковъ съ Гонсальво, то Фердинандъ, по нашему мнѣнію, выказалъ низкое коварство, достойное турка или мавра; поступки его не были вызваны необходимостью, потому что Гонсальво былъ, разумѣется слишкомъ уменъ, чтобы довѣриться наемному войску и безхарактернымъ неаполитанцамъ и отпасть отъ своего стараго государя. Историки разногласятъ, приводя причины подозрѣнія, взведеннаго на Гонсальво и побудившаго Фердинанда къ самому возмутительному образу дѣйствій; всѣ эти соображенія сводятся къ тому, что Гонсальво пользовался неосторожно неограниченною властью, ввѣренною ему Фердинандомъ въ завоеванномъ Неаполѣ, и что онъ, не отдавая отчета, расточалъ и раздаривалъ большія суммы. Это было главнымъ поводомъ къ тому, что когда король призывалъ его къ себѣ, онъ старался найдти предлогъ не ѣхать, что возбуждало въ Фердинандѣ подозрѣнія. Впрочемъ до возвращенія въ Испанію, король не показывалъ ни малѣйшаго вида неудовольствія противъ завоевателя Гранады и Неаполя. Гонсальво, явившись къ нему, былъ принятъ очень ласково; большая часть историковъ и Гвиччіардини говорятъ, что свиданіе это происходило въ генуэзской гавани, а біографъ Гонсальво, Павелъ Іовіусъ, утверждаетъ, что оно было на сѣверозападномъ берегу Неаполя. Онъ подарилъ ему Террачину и герцогство Сессу, оставилъ за нимъ герцогство Сантъ-Анджело, данное ему еще королемъ Федерико, и всѣ многочисленныя вла-

дѣнія его въ Калабріи, утвердилъ его въ званіи неаполитанскаго коннетабля, назначилъ его рескриптомъ (cedola di sua mano) гросмейстеромъ Санъ-Яго, и въ грамотѣ, данной на эти новыя милости, выразился, что услуги, оказанныя Гонсальво, такъ велики, что невозможно достойно наградить его. Но все это было ложью и обманомъ.

Во время своего путешествія въ Неаполь, Фердинандъ нашелъ на берегахъ Прованса и въ Генуѣ весьма почетный пріемъ, устроенный его другомъ, Лудовикомъ XII. Къ гавани Порто-Фино, близъ Генуи, онъ узналъ, къ своему великому удовольствію, что зять его, Филиппъ, скоропостижно умеръ въ Бургосѣ 25 сентября 1506 г. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ путь въ Неаполь, пробылъ тамъ семь мѣсяцевъ и сдѣлалъ распоряженія, которыя такъ ограничили власть вице-короля, что нечего было опасаться будущихъ Гонсальво. Самому же Гонсальво, котораго Фердинандъ все еще держалъ въ своей свитѣ, онъ притворно высказывалъ величайшую дружбу и признательность. Только въ Арагоніи, куда онъ отправился съ Фердинандомъ, Гонсальво пришлось поплатиться за услуги, оказанныя коварному королю своимъ геройствомъ, талантами, вѣроломствомъ и предательствомъ и за могущество, слишкомъ большое для подданнаго. При свиданіи съ Фердинандомъ въ Савонѣ, когда онъ возвращался въ Арагонію, Лудовикъ XII оказалъ Гонсальво необыкновенныя почести, а въ Испаніи его принимали какъ національнаго героя; но онъ не получилъ обѣщаннаго ему гросмейстерства, не былъ приглашаемъ въ совѣтъ и, видя такое пренебреженіе къ себѣ, счелъ за лучшее удалиться въ свои помѣстія въ южной Испаніи. Впрочемъ, сколько намъ извѣстно, онъ не потерпѣлъ никакихъ оскорбленій.

При свиданіи Фердинанда съ Лудовикомъ въ Савонѣ, продолжавшемся четыре дня (въ іюнѣ 1507 г.), происходили тайныя совѣщанія, при которыхъ кромѣ королей присутствовали только министръ Лудовика, кардиналъ Амбуазъ и папскій нунцій. Тутъ, какъ показали послѣдствія, вѣроятно снова шла

рѣчь о раздѣлѣ венеціанской республики, предположенномъ въ Блуа. Но въ 1506 и 1507 годахъ нельзя было серьезно думать о какомъ либо предпріятіи противъ Венеціи. Для этого былъ необходимъ римскій король Максимиліанъ, а съ нимъ Фердинандъ былъ тогда въ ссорѣ изъ за опеки надъ ихъ общимъ внукомъ; къ тому же Лудовикъ XII и папа не желали его вмѣшательства въ итальянскія дѣла. Вѣроятно и впослѣдствіи, въ Канбре, не было бы заключено договора о раздѣлѣ венеціанскихъ владѣній, еслибъ въ 1508 г. венеціанцы не нанесли жестокаго оскорбленія рыцарю и мечтателю римскому королю, который былъ очень щепетиленъ относительно своей чести.

Еще въ 1507 г. между Максимиліаномъ и венеціанцами произошли очень серьезныя объясненія. Германскіе чины согласились наконецъ дать своему королю денегъ и войска для похода на Римъ, чтобы заставить папу короновать его императоромъ. Но обѣщанія ихъ были неопредѣленны, а изъ Австріи король не могъ получить ни войска, ни денегъ, такъ что дѣло кончилось тѣмъ, что послѣ долгихъ преній и переписки, имперія выставила всего 3,000 кавалеріи и 10,000 пѣхоты, да и то больше на бумагѣ. Затѣянный Максимиліаномъ римскій походъ вызвалъ сопротивленіе со стороны французскаго вицекороля Милана, Шомона; венеціанцы также объявили, что готовы принять императора со всѣми почестями, если онъ явится съ невооруженной свитой, но не пропустятъ съ войскомъ. Не даромъ Максимиліанъ разразился такимъ гнѣвомъ противъ Венеціи на Констанцскомъ сеймѣ, въ августѣ 1507 г. Венеціанцы отправили туда посла; Максимиліанъ потребовалъ, чтобы его выслушали въ собраніи сейма и передали ему то, что слѣдуетъ объявить его правительству. Послѣ доклада его слѣдовало удалить, какъ о б м а н щ и к а и л а з у т ч и к а. Посолъ отказался передать своему правительству слова сейма и повторилъ, что императоръ будетъ пропущенъ и получитъ подобающій ему пріемъ только въ томъ случаѣ, если п р и б у д е т ъ м и р н о и безъ

4-тысячнаго отряда, о которомъ извѣщалъ. Максимиліанъ велѣлъ удалить посла изъ сейма и приказалъ ему немедленно выѣхать изъ имперіи, что тотъ и исполнилъ.

Максимиліанъ твердо стоялъ на своемъ намѣреніи, не смотря на то, что нѣмцы давали ему вмѣсто 13,000 человѣкъ, только 4,000, а вмѣсто обѣщанныхъ 120,000 гульденовъ, только 30,000, и не смотря на то, что папа даровалъ ему императорскій титулъ буллою, о чемъ было объявлено германскимъ чинамъ. Предпріятіе это могло имѣть позорные результаты для императора и имперіи. Максимиліанъ назначилъ имперскій судъ, къ которому приглашалъ чрезъ имперскаго герольда дожа Леонардо Лоредано и весь венеціанскій сенатъ; но такъ какъ ни дожъ, ни сенатъ не явились, то онъ произнесъ надъ ними опалу. Въ началѣ 1508 г. Максимиліанъ двинулся къ Веронѣ и занялъ восточную границу. Шомонъ подкрѣпилъ венеціанцевъ французскимъ отрядомъ, и венеціанцы выставили противъ императора 20,000 человѣкъ, не смотря на то, что должны были оставить гарнизоны во всѣхъ крѣпостяхъ. Тѣмъ не менѣе императорское войско дѣйствовало сначала съ успѣхомъ и взяло нѣсколько укрѣпленій. Но вскорѣ, какъ водится, оказался недостатокъ во всемъ. Императоръ долженъ былъ разъѣзжать по имперіи и выпрашивать денегъ и солдатъ, а генералы его ограничивались въ Италіи оборонительными дѣйствіями. Венеціанцы имѣли трехъ превосходныхъ полководцевъ: Никколо Орсини графа Питиліяно, Андреа Гритти и Бартоломео Альвіано. Кромѣ того, маршалъ Тривульціо помогалъ имъ французскою арміею, такъ что они могли одновременно двинуться на Фріуль и на Тироль. Около половины марта Альвіано разбилъ императорскаго генерала, Сикста Траутсона и взялъ въ плѣнъ 1,000 человѣкъ, которые были съ торжествомъ приведены въ Венецію. Вслѣдъ за тѣмъ венеціанцы не только воротили потерянныя прежде укрѣпленія, но взяли кромѣ того Градиску, Герцъ и другіе города, а венеціанскій генералъ Контарини занялъ Тріестъ, Капо д'Истрію, Партенау и Равиньо. Три-

дентъ былъ бы также взятъ, если бы Тривульціо не отказался помогать дальнѣйшимъ предпріятіямъ венеціанскаго войска.

Въ маѣ императоръ долженъ былъ предложить венеціанцамъ перемиріе. Венеціанцы согласились на это предложеніе, и перемиріе было заключено на самыхъ невыгодныхъ для императора условіяхъ, по которымъ венеціанцы удерживали всѣ свои завоеванія. Это перемиріе не предоставляло французамъ никакихъ выгодъ. Шомонъ требовалъ, чтобы Карлъ Гельдернскій, покровительствуемый Лудовикомъ XII и начавшій снова войну за свое наслѣдство, былъ включенъ въ перемиріе; но венеціанцы не согласились на это, что весьма оскорбило французскаго короля. Притомъ они слишкомъ явно выказали свое опасеніе, чтобы власть французовъ въ Италіи не возрасла. Вслѣдъ затѣмъ они оскорбили императора, чѣмъ ускорили походъ противъ нихъ, затѣянный Фердинандомъ, Лудовикомъ XII и Максимиліаномъ. Императоръ, честь котораго была задѣта потерею крѣпостей, пришелъ въ величайшую ярость, когда венеціанцы отпраздновали оскорбительнымъ для него образомъ свою побѣду надъ Сикстомъ Траутсономъ. Олигархи воспользовались этимъ случаемъ, какъ и всѣми другими, чтобы празднествами и блестящими зрѣлищами вознаградить народъ за ихъ тиранію. По римскому обычаю Альвіано вступилъ торжественно въ Венецію; плѣнныхъ нѣмцевъ вели въ тріумфальной процессіи, а художники сочиняли каррикатуры, сатиры и народныя пѣсни, распространявшіяся повсюду и осмѣивавшія императора и имперію.

Обстоятельства, слѣдовавшія за перемиріемъ въ Верхней Италіи, благопріятствовали планамъ Фердинанда и Максимиліана противъ Венеціи, при чемъ споръ этихъ государей объ опекѣ надъ ихъ внукомъ, Карломъ, былъ, повидимому, рѣшенъ, хотя Максимиліанъ, по своему обыкновенію, не переставалъ претендовать на регентство Кастиліи, о чемъ никто не хотѣлъ и слышать. Іоанна, которую кастильцы, до самой ея смерти, считали законной королевой, совершенно помѣшалась, такъ что ее надо было держать

подъ присмотромъ. По завѣщанію Изабеллы Фердинандъ былъ регентомъ до тѣхъ поръ, пока сынъ Іоанны, Карлъ, которому предоставлялось правленіе, не прибудетъ въ Испанію изъ Нидерландовъ, гдѣ воспитывался. Регентство Фердинанда было утверждено кортесами въ октябрѣ 1507 г. Хименесъ, имѣвшій большое вліяніе на кастильцевъ, дѣйствовалъ энергически въ пользу Фердинанда. Онъ пользовался королевскими почестями и получалъ несмѣтные доходы съ безчисленнаго множества аббатствъ; онъ получилъ кардинальское достоинство, былъ примасомъ Испаніи и соединялъ съ административною властью должность великаго инквизитора; онъ былъ даже назначенъ предводителемъ крестоваго похода въ Африку, издержки на который онъ покрылъ изъ своихъ частныхъ доходовъ.

Въ Нидерландахъ Максимиліанъ сначала никакъ не могъ добиться согласія на опеку надъ своимъ внукомъ, Карломъ; но когда понадобилась его помощь, онъ пріобрѣлъ тамъ такое же вліяніе, какое Фердинандъ имѣлъ къ Кастиліи. Послѣ смерти Филиппа, Карла Гельдернскаго поддерживали дикіе валлонцы, въ особенности графы де-ля-Маркъ; съ помощью французскихъ наемниковъ онъ превратилъ Гельдернъ въ разбойничій притонъ и разъѣзжалъ, грабя и убивая, вдоль и поперегъ Нидерландовъ и Германіи. Поэтому-то, по настоянію де Круа и де Шиме, которымъ Филиппъ поручилъ сына и управленіе Нидерландами, Максимиліанъ былъ признанъ регентомъ. Подобно тому, какъ Фердинандъ дѣйствовалъ чрезъ Хименеса, такъ и Максимиліанъ дѣйствовалъ чрезъ свою дочь, Маргариту, вдову герцога Филиберта Савойскаго, имѣвшую вліяніе на своихъ соотечественниковъ, бельгійцевъ. Въ 1508 г. Маргарита увѣрила своего отца, что для внука его, было бы полезно, еслибъ онъ примирился съ французами, которые поддерживаютъ герцога Карла Гельдернскаго. Она получила полномочіе вступить въ переговоры съ кардиналомъ д'Амбуазомъ; поэтому было немедленно заключено сорокадневное перемиріе съ Карломъ Гельдернскимъ; сверхъ того,

было рѣшено, что правительница Нидерландовъ и кардиналъ д'Амбуазъ съѣдутся въ Канбре.

Чтобы обмануть венеціанцевъ на счетъ цѣли этого свиданія и заставить ихъ думать, что дѣло идетъ только о герцогѣ Гельдернскомъ, въ Канбре созвали весьма немного лицъ. Маргарита вела переговоры отъ имени Фердинанда и Максимиліана, а кардиналъ д'Амбуазъ — отъ имени короля французскаго и папы; но Маргарита была такъ же мало уполномочена Фердинандомъ, какъ кардиналъ папой. Маргарита и д'Амбуазъ скоро согласились, такъ какъ въ основаніе своихъ переговоровъ положили договоръ 1504 года о раздѣлѣ; за то прежде чѣмъ рѣшили раздѣлъ венеціанской республики сильно поспорили объ отношеніяхъ Карла Гельдернскаго и о томъ, какого рода присягу долженъ принести французскому королю внукъ Максимиліана, Карлъ. Касательно герцога Гельдернскаго было положено, что онъ временно (par provision) получитъ герцогство Гельдернъ и графство Цютфенъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. О раздѣлѣ же венеціанскихъ владѣній былъ заключенъ трактатъ 10 декабря 1508 г.. Главные пункты этого трактата или такъ называемой Канбрейской лиги были слѣдующіе: папа долженъ отлучить венеціанцевъ отъ церкви, а подданныхъ ихъ освободить отъ присяги. Вслѣдъ за этимъ французскій король начнетъ войну съ Венеціей; но остальные союзники явятся на поле сраженія черезъ сорокъ дней послѣ него. Папа получитъ Равенну, Червію, Фаенцу, Римини и Форли, (Чезена и Имола, причисляемыя нѣкоторыми къ этимъ городамъ, уже принадлежали папѣ). Къ имперіи должны были отойти Падуа, Виченца и Верона, а къ Австріи Ровередо, Тревизо и Фріуль. Фердинандъ долженъ былъ получить обратно занятыя венеціанцами гавани и города неаполитанскаго королевства, Трани, Отранто и Галлиполи; Лудовикъ XII французскій пріобрѣталъ все, что прежде принадлежало герцогству миланскому, какъ то: Крему, Кремону, Бергамо, Брешію и Гіару д'Адда. Чтобы привлечь флорен-

тинцевъ къ участію въ этомъ грабежѣ, имъ обѣщали Пизу, девять лѣтъ мужественно боровшуюся съ ними за свободу. За эту измѣну передъ Пизой, съ Флоренціи получали: король французскій 100,000, а Фердинандъ арагонскій 50,000 дукатовъ; при этомъ устроили такъ, что послѣдній не зналъ, что первый получилъ больше. Герцогамъ Феррарскому и Савойскому, маркграфу Мантуанскому и королю венгерскому было обѣщано возвращеніе всѣхъ отнятыхъ у нихъ владѣній, если въ теченіи мѣсяца они объявятъ желаніе вступить въ союзъ.

Десять олигарховъ, управлявшихъ Венеціей и усовершенствовавшихъ систему шпіонства, узнали о переговорахъ, касавшихся существованія ихъ государства, отъ папы, который въ 1506 г. намекнулъ имъ объ этомъ; кромѣ того, ихъ посланникъ въ Миланѣ также получилъ извѣстіе о союзѣ. Но Фердинандъ не нарушалъ спокойствія, пока венеціанцы сами не вызвали свои гарнизоны изъ его городовъ; получивъ свое, онъ могъ выжидать исхода войны, чтобы дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Папа, бывшій лучшимъ воиномъ, чѣмъ духовнымъ, хотя и навербовалъ значительную армію, но былъ бы очень доволенъ, еслибъ венеціанцы добровольно возвратили города, завоеванны ими въ церковной области; ему не хотѣлось усиливать французовъ въ Италіи, но венеціанскій сенатъ отвергнулъ его предложеніе. Въ 1509 г. перемиріе, недавно заключенное съ Венеціей, помѣшало Максимиліану открыть непріязненныя дѣйствія; но папа помогъ ему. Произнеся надъ Венеціей проклятіе, Юлій пригласилъ императора, какъ защитника и охранителя церкви, привести въ исполненіе это отлученіе.

Главнымъ лицомъ въ канбрейскомъ союзѣ былъ папа Юлій II, и, за исключеніемъ Фердинанда, всѣ остальные союзники были его орудіями. Добившись отъ Венеціи всего, чего хотѣлъ, онъ тотчасъ же основалъ новый союзъ, чтобы уничтожить власть французовъ въ Италіи. Будучи кардиналомъ, онъ былъ похожъ скорѣе на предводителя кондотьери, чѣмъ на епископа, и оп-

тому всѣ были удивлены его миролюбіемъ въ первое время его царствованія; но въ 1506 г. онъ взялся за свою прежнюю роль. Онъ объявилъ въ кардинальской коллегіи, что долженъ изгнать тирановъ изъ владѣній церкви (nettare la chiesa dei tiranni), и немедленно приступилъ къ исполненію, выступивъ 27 августа 1506 года изъ Рима въ сопровожденіи двадцати-четырехъ кардиналовъ и 400 конныхъ латниковъ (gens'darmes). Французскій намѣстникъ въ Миланѣ, Шомонъ, а также Феррара, Мантуа и Флоренція обѣщали ему помощь. Онъ направился прежде всего противъ Джіованни Паоло Бальоне, который владѣлъ Перуджіей и былъ демократическимъ диктаторомъ. Бальоне не рѣшился сопротивляться, и по его приказу папа былъ принятъ во всѣхъ замкахъ, а 12 сентября и въ самой Перуджіи. Бальоне сопровождалъ сначала папу, но, не вѣря въ прочность его дружбы, тайно удалился. Изъ Перуджіи Юлій II пошелъ къ Болоньѣ, гдѣ номинально существовала республика, а на дѣлѣ господствовалъ Джіованни Бентиволіо съ аристократической партіей, какъ въ Перуджіи Бальоне съ демократами. Бентиволіо, покровительствуемый французами, надѣялся, съ помощью ихъ, защититься отъ папы; но онъ обманулся въ расчетѣ. Шомонъ не только не далъ ему подкрѣпленія, но даже примкнулъ къ папскому войску съ 9,000-нымъ отрядомъ. Флорентинцы, герцогъ Феррарскій и маркграфъ Мантуанскій, Францискъ Гонзага, тоже послали папѣ свои войска, надъ которыми начальство принялъ Гонзага, бывшій въ то же время главнокомандующимъ папскою арміею. Бентиволіо видѣлъ, что не можетъ сопротивляться и отправился во французскій лагерь, предоставивъ республикѣ, во главѣ которой стоялъ, войти въ сдѣлку съ папой. Болонцы торжественно приняли папу, но не впустили французовъ. Бентиволіо съ французскимъ войскомъ отправился въ Миланъ, и король Лудовикъ XII, прибывшій въ томъ же году въ Италію для усмиренія Генуи, взялъ его подъ свою защиту.

Въ Генуѣ не задолго передъ тѣмъ демократы изгнали фран-

цузовъ и наказали тѣхъ патрицiевъ, которыхъ французы защищали. Поэтому король Лудовикъ XII угрожалъ поступить съ городомъ безпощадно. Но несмотря на то, что онъ въѣхалъ въ городъ въ латахъ и съ мечемъ въ рукѣ, онъ обошелся съ жителями кротко и ограничился тѣмъ, что взялъ большую контрибуцію. Пощада, оказанная Лудовикомъ Генуѣ, увеличила славу его кротости и доброты, пріобрѣтенную имъ въ это жестокое, желѣзное время. Еще недавно, когда Лудовикъ тяжко заболѣлъ, французскіе чины просили его принять титулъ отца отечества; они дѣлали это не по официальному предложенію какого нибудь придворнаго, но по собственному побужденію.

5. Отъ заключенія канбрейской лиги до смерти Лудовика XII.

Венеціанцы не испугались духовныхъ и свѣтскихъ угрозъ членовъ канбрейской лиги. Чтобы поладить съ папой, имъ стоило уступить только два города; но этому препятствовала римская твердость духа, которою венеціанское правительство старалось блеснуть при всякомъ случаѣ, особенно если можно было дѣлать это не въ ущербъ правительственной аристократіи. Миланъ былъ не страшенъ имъ. Фердинандъ держалъ себя, какъ будто ничего не зналъ о союзѣ; за то король французскій, съ которымъ венеціанцамъ приходилось имѣть дѣло прежде всего, набралъ огромное войско, съ цѣлью возвратить территоріи, отнятыя у Милана. Венеціанцы видѣли, что ихъ войска, состоявшія изъ новобранцевъ, не могутъ противиться французамъ и швейцарцамъ. Къ тому же венеціанскіе олигархи не послѣдовали совѣтамъ стараго и опытнаго графа Питиліано и болѣе молодаго и смѣлаго Альвіано и предпочли полумѣры, которыхъ не одобряли ни тотъ, ни другой. Графъ Питиліано хотѣлъ ограничиться обороною укрѣпленій, а Альвіано желалъ предупредить французовъ и

аттаковать ихъ въ миланской области, прежде чѣмъ они получатъ помощь изъ Франціи.

Еще до вступленія въ Италію войска, собраннаго Лудовикомъ, французскій намѣстникъ Шомонъ, имѣвшій въ Миланѣ до 8,000 человѣкъ, перешелъ Адду и началъ враждебныя дѣйствія. Вслѣдъ за тѣмъ Лудовикъ предъявилъ венеціанскому сенату, чрезъ своего герольда, длинный рядъ обвиненій и объявилъ войну. Въ то же время папа Юлій II издалъ противъ венеціанцевъ буллу, въ которой осыпалъ ихъ рѣзкими и заслуженными обвиненіями. Онъ упрекалъ ихъ въ вѣроломствѣ, нарушеніи естественнаго и международнаго права, въ святотатствѣ и безчеловѣчіи. Венеціанскій совѣтъ не остался передъ папой въ долгу. Признавая его судъ несправедливымъ, онъ, по своему обыкновенію, аппелировалъ къ вселенскому собору и въ своемъ манифестѣ высказалъ папѣ очень рѣзкія вещи, которыя были такъ же основательны, какъ и упреки папы. Они не пощадили даже личность папы Юлія, который съ юности занимался больше ремесломъ солдата и грабителя, чѣмъ обязанностью священника. Армія Лудовика состояла изъ 12,000 человѣкъ легкой и тяжелой кавалеріи, изъ 6,000 швейцарцевъ и 12,000 французской пѣхоты. Венеціанцами командовали старый графъ Питиліано, Альвіано и венеціанскіе патриціи, Андреа Гритти и Корнаро; они были многочисленнѣе французовъ, имѣя 3,000 копій или, другими словами, около 8,000 тяжелой и легкой кавалеріи, 4,000 албанскихъ стратіотовъ, считавшихся тогда лучшими кавалеристами и 30,000 пѣхоты. На послѣднюю впрочемъ было нечего расчитывать.

Французская армія, при которой находился самъ король, перешла Адду, намѣреваясь при первой встрѣчѣ аттаковать венеціанскія войска. Но графъ Питиліано всячески избѣгалъ этой встрѣчи. Лудовикъ пошелъ вверхъ по Аддѣ, чтобы отрѣзать венеціанцевъ отъ ихъ магазиновъ въ Кремѣ и Кремонѣ, куда Питиліано могъ дойти кратчайшимъ путемъ. Нѣсколько времени обѣ

арміи шли, не замѣчая другъ друга за кустами и высокими плотинами, возведенными для защиты отъ разливовъ Адды. Но у излучины рѣки, Альвіано неожиданно наткнулся на непріятеля на плотинѣ Пандино или Войто, тогда какъ графъ Питиліано уже прошелъ впередъ; тутъ произошло сраженіе, и хотя Питиліано поспѣшилъ вернуться, но отсутствіе его уже дало битвѣ оборотъ, невыгодный для венеціанцевъ. Въ сраженіи при Аньяделло (14 мая 1509 г.) со стороны французовъ авангардомъ командовали Шомонъ и маршалъ Тривульціо; король Лудовикъ предводительствовалъ центромъ, а Ла Палисъ и герцогъ Лонгвилль—арьергардомъ. Графъ Питиліано, замѣтивъ, что его кавалерія не можетъ противиться французской, отдалъ приказаніе отступать. Альвіано остался одинъ со своею пѣхотою. Онъ защищался геройски, но его отрядъ былъ истребленъ и разсѣянъ; самъ Альвіано попалъ въ плѣнъ, въ которомъ пробылъ три года. Сраженіе при Аньяделло, извѣстное подъ именемъ битвы при Гіара д'Адда, было гибельно для Венеціи.

Папа тоже выставилъ войско, которое находилось подъ начальствомъ его сына или племянника, Франческо Маріи делла Ровере и такъ же свирѣпствовало въ фаенцкомъ округѣ, какъ и французы. При взятіи Бригеллы, по словамъ современниковъ, воины церкви поступали, какъ невѣрные *). Между тѣмъ король Лудовикъ занялъ всю Гіару д'Адду и купилъ городъ Кремону у нѣкоего Сончино Бенцоне, которому венеціанцы довѣрили его. Кремона и Бергамо сами отворили ему ворота. Брешіа, дворянство и граждане которой не приняли венеціанскаго гаризона, также впустили французовъ. Въ маленькой крѣпости Пескіерѣ находилось 500 человѣкъ венеціанцевъ; они не могли устоять противъ сильной аттаки французовъ и погибли до послѣдняго человѣка. Лудовикъ не хотѣлъ переходить Минчіо. Онъ предоставилъ, согласно договору, императору Максимиліану занять го-

*) Con trattar chiese e donne come avrebbono fatto i Turchi.

родъ Верону, который, подобно Брешіи, не принялъ венеціанскаго войска.

Венеціанское правительство, испугавшись грозы, обратилось къ Максимиліану, Фердинанду и Юлію II. Такъ какъ Лудовикъ былъ непоколебимъ, то оно предложило императору, папѣ и королю арагонскому уступить имъ все, чего они потребуютъ, съ условіемъ отступиться отъ союза съ французами. Папа и Фердинандъ были очень рады этому предложнію, потому что боялись французскаго владычества въ Италіи болѣе, чѣмъ венеціанскаго. Имъ были возвращены ихъ города; Фердинандъ, владѣя торговыми и приморскими пунктами на Адріатическомъ морѣ, господствовалъ надъ всѣмъ неаполитанскимъ королевствомъ. Императоръ Максимиліанъ, напротивъ того, былъ слишкомъ честенъ, чтобы разорвать союзъ съ французами и слишкомъ бѣденъ, слабъ и вялъ, чтобы воспользоваться благопріятною минутой, что было можно и даже должно сдѣлать. Чтобы выставить самое незначительное войско и занять города, никѣмъ не обороняемые, германскій императоръ долженъ былъ предварительно занять денегъ у короля французскаго, у папы и у Фердинанда, между тѣмъ какъ мелкіе владѣтели Мантуи и Феррары пріобрѣли все, чего желали. Еще въ маѣ имперія отказалась сдѣлать какое нибудь усиліе для пріобрѣтенія выгодъ, которыя предоставлялъ ей канбрейскій договоръ; она даже не хотѣла принимать никакого участія въ войнѣ своего императора, затѣянной изъ за пустыхъ и вредныхъ для Германіи притязаній. Спокойный и разсудительный курфирстъ Фридрихъ Саксонскій, которому графъ Іоганнъ, Лудвигъ Нассаускій и пріоръ нюрнбергскаго монастыря св. Зебальда предложили отъ имени Максимиліана званіе имперскаго главнокомандующаго въ Италіи, отказался отъ этой должности, сказавъ, что пусть выбираютъ кого нибудь болѣе способнаго. Императоръ пришелъ въ Тридентъ съ 1,000 конницы и 8 хоругвями пѣхоты; но онъ поспѣлъ только черезъ три недѣли послѣ битвы при Аньяделло, потому что долженъ былъ ждать

размѣна на векселя денегъ, занятыхъ имъ у короля англійскаго и суммъ, полученныхъ отъ папы (40,000 дукатовъ), отъ Фердинанда арагонскаго (60 т.) и короля французскаго (70 т.); размѣнъ этотъ производился черезъ большой торговый домъ Якова Фуггера въ Аугсбургѣ.

Въ Тридентѣ произошло свиданіе Максимиліана съ кардиналомъ Амбуазомъ. Затѣмъ императору пришлось ждать вспомогательныхъ войскъ, которыя должна была выслать ему правительница Нидерландовъ, Маргарита. По приходѣ ихъ императоръ имѣлъ, какъ говорятъ, до 15 т. войска и могъ принять участіе въ грабежѣ Венеціи. Въ іюлѣ онъ вступилъ въ Верону, Виченцу и Падую, не встрѣтивъ сопротивленія, потому что венеціанскіе намѣстники сами отворили ему ворота. Тревизо также отправилъ къ Максимиліану пословъ и звалъ нѣмцевъ къ себѣ; но офицеры, которымъ было поручено занять этотъ городъ, потеряли такъ много времени, распивая вино, что пришли слишкомъ поздно и нашли ворота запертыми; затѣмъ венеціанцы послали въ Тревизо восьмисотенный отрядъ пѣхоты. Въ то же время герцогъ Эрихъ Брауншвейгскій и графъ Кристофоро Фраджипани завоевали Беллуно, Фельтре, Гёрцъ, Тріестъ и всѣ мѣста въ Истріи и Фріулѣ, отнятыя въ послѣднюю войну венеціанцами у императора. Максимиліанъ могъ бы пріобрѣсти въ то время славу, которой тщетно добивался, если бы съумѣлъ во время остановиться; но онъ былъ поэтъ и рыцарь, и благоразуміе было не по немъ. Венеціанцы, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, унижались передъ императоромъ. Они прислали къ нему Антоніо Джустиніани, который долженъ былъ долго добиваться аудіенціи и наконецъ получилъ ее въ Бассано; онъ подалъ императору отъ имени своего правительства бланковый листъ (carte blanche), на которомъ Максимиліану предоставлялось написать какія угодно условія. Знатнѣйшій патрицій гордой аристократіи, стоя передъ императоромъ на колѣняхъ, произнесъ униженную рѣчь. Хотя подробности этой аудіенціи достовѣрны, но можно сомнѣ-

ваться была ли рѣчь Джустиніани такова, какою передаетъ ее Гвиччіардини, хотя этотъ историкъ увѣряетъ, что перевелъ ее съ латинскаго оригинала. Въ рѣчи, приводимой Гвиччіардини, Джустиніани между прочимъ говоритъ, что проситъ императора взять подъ свое покровительство несчастный городъ, который будетъ обязанъ своимъ спасеніемъ и свободою единственно его добротѣ и великодушію. Такъ какъ Муратори сомнѣвается въ подлинности этой рѣчи, то мы не можемъ утверждать, что это было дѣйствительно сказано, хотя рѣчь, приписываемая Гвиччіардини послу республики, вполнѣ согласна съ предложеніями Венеціи императору. Не смотря на то, что императоръ не былъ такъ страшенъ венеціанцамъ, и хотя имъ грозило въ то время со стороны Лудовика XII такая же гибель, какъ въ 1797 г. со стороны Бонапарте, но они добровольно вызвались покориться законамъ, повелѣніямъ и манифестамъ императора и даже платить ему и его наслѣдникамъ ежегодную дань въ пятьсотъ фунтовъ золота. Но императоръ упорно оставался вѣренъ союзу съ Франціею. Впослѣдствіи, когда Лудовикъ уѣхалъ домой, французы перестали поддерживать его, а венеціанцы воспользовались для составленія новаго войска ненавистью, возбужденною грабежами нѣмцевъ и французовъ въ благословенной и цвѣтущей Верхней Италіи.

Венеціанцы имѣли много денегъ, въ которыхъ такъ нуждался императоръ; поэтому война скоро приняла иной оборотъ. Венеціанскій сенатъ соединилъ гарнизоны, стоявшіе во всѣхъ занятыхъ папою крѣпостяхъ Романьи, съ возвратившимися изъ неаполитанскихъ городовъ, навербовалъ албанцевъ и далматовъ и передалъ главное начальство надъ войскомъ графу Питиліано. Старый генералъ умѣлъ привлечь къ себѣ множество заслуженныхъ итальянцевъ, и потому скоро вышелъ въ поле съ значительными силами. Уже 17 іюля 1509 г. Падуа снова перешла въ руки венеціанцевъ. Черезъ нѣсколько недѣль Максимиліанъ подступилъ къ этому городу съ многочисленнымъ, но нестройнымъ

войскомъ. Онъ напрасно стоялъ передъ Падуей до сентября, наконецъ снялъ осаду и, по обычаю того времени, распустилъ въ началѣ октября остатки своей арміи, большая часть которой разошлась еще раньше.

По отступленіи императора графъ Питиліяно началъ наступательныя дѣйствія. Онъ взялъ Виченцу и осадилъ Верону. Верона была сперва выручена Шомономъ, но потомъ совершенно окружена, а Фельтре, Беллуно и всѣ прежнія венеціанскія крѣпости въ Фріулѣ снова завоеваны, къ великому стыду рыцаря и романтика, императора, надъ которымъ всѣ потѣшались. Герцогъ Альфонсъ Феррарскій, противъ котораго венеціанцы были озлоблены больше, чѣмъ противъ императора и которому они хотѣли строже отмстить, чѣмъ Максимиліану, вывернулся изъ бѣды съ большой славою. Венеціанцы, желая аттаковать самую столицу герцога, снарядили на По флотъ и посадили на него войско; они опустошили оба берега этой рѣки, мужественно отбили 30 ноября войска герцога, которыми онъ лично предводительствовалъ, и 4 декабря взяли и разрушили городъ Комаккіо. Но кардиналъ Эсте принялъ превосходныя мѣры для спасенія Феррары. Онъ поставилъ тяжелую артиллерію на гати, которая тянется по извилистому теченію рѣки, такъ что могъ открыть перекрестный огонь противъ многочисленнаго непріятельскаго флота. Венеціанцы не знали объ этихъ приготовленіяхъ. Когда 22 декабря корабли ихъ приблизились подъ выстрѣлы феррарскихъ баттарей, непріятель открылъ страшную пальбу. Часть кораблей загорѣлась, другая была разрушена, тринадцать галеръ и множество мелкихъ судовъ съ большимъ запасомъ съѣстныхъ припасовъ и пороху достались непріятелю и на другой день были съ торжествомъ привезены въ Феррару. Болѣе 3,000 венеціанцевъ пало отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, а въ бастіонѣ, взятомъ приступомъ, погибло 600 славянъ. Адмиралъ Тревизано, командовавшій экспедиціей, съ трудомъ спасся.

Въ началѣ слѣдующаго 1510 года обстоятельства перемѣ-

нились въ пользу Венеціи. Послѣ тщетныхъ усилій отклонить Максимиліана отъ союза съ Франціей, республика обратилась къ воинственному папѣ Юлію II, стремившемуся къ свѣтской власти. Она согласилась на всѣ его неумѣренныя требованія, въ которыхъ долго отказывала ему. Она обѣщала прекратить военныя дѣйствія противъ Альфонса Феррарскаго, за котораго папа вступился, возвратить ему Комаккіо и заплатить за страшное, варварское опустошеніе, произведенное ея войсками въ его владѣніяхъ. Самому папѣ венеціанцы обѣщали не ограничивать его права духовнаго суда въ ихъ владѣніяхъ, не держать въ Феррарѣ викаріата и предоставить всѣмъ папскимъ подданнымъ свободу торговли и судоходства по Адріатическому морю. На этихъ условіяхъ папа принялъ венеціанскихъ посланниковъ и снялъ съ республики интердиктъ и проклятіе. Король Лудовикъ былъ этимъ очень недоволенъ и прервалъ сношенія съ Юліемъ II, который сталъ искать помощи Англіи.

Со смертью Филиппа Кастильскаго и Бургундскаго, англійскій король Генрихъ VII потерялъ надежду на денежныя выгоды, которыя ожидалъ извлечь изъ трактата, заключеннаго съ нимъ противъ его воли. Дочь Фердинанда, Катарина, все еще жила въ Англіи, какъ вдова принца Артура, потому что Генрихъ не хотѣлъ ни отправить ее домой, ни выдать за своего втораго сына. Фердинандъ, не уступавшій англійскому королю въ скупости, жадности и лукавствѣ, постоянно отсрочивалъ уплату 100,000 кронъ, не доданныхъ въ числѣ приданнаго, обѣщаннаго имъ за дочерью. Генрихъ же до полученія этой суммы не хотѣлъ заключать втораго брака. Старый тиранъ, какъ видно изъ писемъ несчастной Катарины, мучилъ и преслѣдовалъ ее. Фердинандъ, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, имѣлъ возможность заплатить долгъ только въ послѣдніе годы царствованія Генриха VII. Генрихъ долженъ былъ согласиться получить деньги въ четыре срока, но не хотѣлъ обручать своего сына съ Катариной до полученія всей суммы.

Третій срокъ еще не наступилъ, когда Генрихъ VII умеръ въ апрѣлѣ 1509 г. Сынъ его Генрихъ VIII, погруженный въ богословіе, не заботился о деньгахъ, но питалъ религіозныя сомнѣнія касательно женитьбы на вдовѣ брата. При самомъ вступленіи на престолъ онъ объявилъ, что женится на дочери Фердинанда, хотя остальныя деньги должны быть выплачены въ маѣ и сентябрѣ, если его сомнѣнія будутъ разрѣшены и если тайный совѣтъ докажетъ, что бракъ Катарины съ его братомъ не былъ дѣйствительно совершонъ. Послѣ долгихъ совѣщаній тайный совѣтъ постановилъ рѣшеніе благопріятное браку, и 24 іюня 1509 г. послѣдовали свадьба и коронація королевы. Генрихъ VIII получилъ педантическое воспитаніе; онъ былъ ученый богословъ и соединялъ тщеславіе и суетность педанта съ надменностью, эгоизмомъ и жестокостью деспота. Онъ воображалъ, что знаетъ все, начиная отъ богословія и до военныхъ наукъ и надѣялся стяжать себѣ великую славу въ войнахъ. Случай прославиться представился ему, когда папа Юлій II, разойдясь съ французами, изъявилъ намѣреніе сдѣлать англійскаго короля судьей въ распряхъ, возникшихъ между главными европейскими государствами, вслѣдствіе канбрейской лиги. Придворное духовенство Генриха знавшее характеръ короля и желавшее воспользоваться его слабостями, льстило тщеславію Генриха, увѣряя его, что папа только потому согласился на миръ съ венеціанцами, что за нихъ вступился король Генрихъ. Папа Юлій II послѣ разрыва съ Франціею искалъ посредничества Генриха.

Юлій II и Фердинандъ Католикъ не желали совершенно уничтожить Венецію. Они считали республику оплотомъ христіанства противъ турокъ и полагали, что она можетъ поддерживать въ Италіи равновѣсіе и положить предѣлъ завоеваніямъ французовъ. Поэтому они, добившись своего, легко примирились съ Венеціей, и Юлій II, выставившій отборное войско въ 15,000 человѣкъ, видѣлъ препятствіе къ расширенію своей свѣтской власти не въ венеціанцахъ, а въ французахъ. Изъ остальныхъ

членовъ канбрейской лиги Максимиліанъ былъ такъ ничтоженъ, что послѣ его отступленія отъ Падуи, спасся только благодаря помощи Ла Палиса. Споръ его, съ Фердинандомъ изъ за кастильскаго регентства окончила дочь его Маргарита, далеко превосходившая его политическимъ тактомъ и правительственными дарованіями; она была такъ же близка съ королемъ арагонскимъ, какъ съ отцомъ своимъ. Фердинандъ старался через нее отвратить императора отъ союза съ Франціею. Въ началѣ 1510 г. о томъ же хлопоталъ и папа, которому удалось наконецъ привлечь въ свою службу швейцарцевъ, имѣвшихъ въ то время лучшую и многочисленнѣйшую пѣхоту.

Ненасытная жадность швейцарцевъ, насилія ихъ въ покоренныхъ земляхъ, ихъ хвастовство тѣмъ, что безъ нихъ нельзя обойтись и ихъ республиканское высокомѣріе давно раздражили французскаго короля Лудовика. Чтобы имѣть возможность обойтись безъ швейцарцевъ, онъ хотѣлъ организовать французскую пѣхоту и поручилъ это дѣло Баяру и другимъ рыцарямъ; но они смотрѣли съ презрѣніемъ на пѣхотную службу и предпочитали быть кавалерійскими солдатами, чѣмъ пѣхотными офицерами. Кромѣ того Лудовикъ оскорбилъ швейцарцевъ, отказавшись возобновить заключенный съ нимъ въ 1499 г. договоръ, въ силу котораго они ежегодно получали плату. Онъ готовъ былъ давать кантонамъ деньги отъ времени до времени, но не желалъ принять обязательство платить дань. Въ замѣнъ платы, онъ требовалъ, чтобы въ швейцарскихъ отрядахъ, находящихся у него, не было прежнихъ безпорядковъ, и чтобы они не смѣли не слушаться его и слѣдовать своимъ выгодамъ и желаніямъ, а не королевскимъ приказаніямъ. Швейцарскій сеймъ въ Люцернѣ не обратилъ никакого вниманія на то, что Лудовикъ долженъ былъ платить двѣнадцати кантонамъ, вмѣсто десяти; онъ отправилъ къ нему посольство, которое грубо предъявило безсовѣстныя требованія. Послы приписывали всѣ побѣды французовъ швейцарцамъ и требовали денежнаго вознагражденія за всѣ прежнія

услуги, а также увеличенія пенсій, платимыхъ кантонамъ и жалованья, даваемаго войскамъ. Король былъ взбѣшенъ этимъ и отвѣчалъ, что не понимаетъ, какъ какіе нибудь жалкіе горные мужики осмѣливаются считать его своимъ данникомъ или казначеемъ; онъ прибавилъ, что они могутъ умолять о благодѣяніи, а не предписывать законы *).

Отвѣтъ этотъ оскорбилъ и раздражилъ швейцарцевъ, и они были готовы добывать деньги, въ которыхъ французы отказали имъ, на службѣ кому нибудь другому. Поэтому они охотно согласились на требованіе папы разрѣшить ему вербовать у нихъ солдатъ. Посредникомъ между папой и кантонами былъ честолюбивый швейцарскій епископъ, ненавидѣвшій французовъ и добивавшійся кардинальской шапки, которую получилъ въ 1511 г. Матвѣй Шиннеръ, человѣкъ темнаго происхожденія, но классически образованный, былъ выбранъ въ 1500 въ епископы Сіона или Зиттена въ Валлисѣ и съ тѣхъ поръ ревностно проповѣдовалъ и дѣйствовалъ противъ военной службы за границей. Онъ довелъ дѣло даже до того, что во многихъ кантонахъ было сдѣлано распоряженіе брать съ кантонскихъ гражданъ церковную присягу въ томъ, что они отказываются отъ жалованья иностранныхъ государей и не будутъ больше служить имъ. Но это принесло мало пользы, такъ какъ родная почва была бѣдна, а военная служба прибыльна; притомъ, мы уже видѣли, какую значительную роль играли швейцарцы во всѣхъ войнахъ перваго десятилѣтія XVI вѣка. Когда папа поссорился съ Лудовикомъ XII, и послѣдній оскорбилъ швейцарцевъ, епископъ сіонскій былъ вызванъ въ Римъ, гдѣ, прельщенный надеждою на кардинальство, рѣшился уговорить своихъ соотечественниковъ служить папѣ. Епископъ зналъ, что маленькіе кантоны и валлисцы согла-

*) Qu'il ne concevoit pas, sur quel fondement de miserables montagnards osoient le regarder comme leur caissier ou leur tributaire, qu'ils etaient faits pour solliciter des graces et non pour dicter des loix.

сятся на все изъ за денегъ и индульгенцій, потому что боялись небеснаго наказанія за грабежи, произведенные въ иностранной службѣ. Поэтому, отправляясь домой, онъ запасся цѣлыми тюками индульгенцій и значительными денежными суммами и въ февралѣ 1510 г. уговорилъ кантоны взять папскія деньги вмѣсто французскихъ. Ему удалось убѣдить своихъ соотечественниковъ заключить съ папой пятилѣтній союзъ и обѣщать ему не вступать ни въ какія сношенія, невыгодныя для священнаго престола, всѣми силами противиться всякому, кто потревожитъ церковную область и по первому востребованію выставлять для ея защиты не менѣе 6 тыс. отборнаго войска. Папа, съ своей стороны, обѣщалъ не заставлять этихъ солдатъ служить во флотѣ и предоставилъ кантонамъ, въ случаѣ надобности, отзывать ихъ домой; сверхъ того онъ обѣщалъ выдавать ежегодно каждому кантону тысячу гульденовъ золотомъ и объявилъ, что беретъ союзъ подъ свое покровительство и будетъ защищать его своимъ священнымъ мечемъ отъ всѣхъ нападеній. Наконецъ онъ подтвердилъ всѣ древнія привиллегіи ихъ. Но договоръ заключалъ въ себѣ такую оговорку, латинскій, далеко не классическій слогъ которой позволялъ итальянцамъ дѣлать какія угодно толкованія *).

Папа слишкомъ рано началъ военныя дѣйствія, надѣясь на интриги, которыя въ слѣдующемъ году обратили канбрейскую лигу въ орудіе церкви и вовлекли въ союзъ противъ Франціи англійскаго короля Генриха VIII. Въ то время Максимиліанъ оставался еще вѣренъ союзу съ французами и воевалъ очень счастливо въ Фріулѣ и Истріи, подъ Виченцой и Падуей, гдѣ его поддерживали французы. Въ іюлѣ Юлій II отлучилъ отъ церкви герцога Альфонса Феррарскаго; но въ то же время дѣла его приняли дурной оборотъ. Въ сентябрѣ онъ былъ принужденъ вызвать черезъ епископа Шиннера

---

*) Такъ какъ они не требовали: quae honestate et rectitudine urgentibus necessario negare oporteat.

6,000 швейцарцевъ, обѣщанныхъ ему маленькими кантонами. Швейцарцы попробовали сначала пройти въ Италію черезъ Савойю, но должны были вернуться; потомъ, когда они стали пробираться въ миланское герцогство чрезъ Комо и Кіассо, они потерпѣли еще большее пораженіе. Неудача второй попытки швейцарцевъ, извѣстной подъ названіемъ кіасскаго похода, убила въ нихъ энергію и повредила репутаціи и значенію Шиннера.

Дѣла венеціанцевъ шли не лучше папскихъ, такъ какъ въ 1510 году Максимиліанъ дѣйствовалъ еще за одно съ французами. Императоръ былъ, правда, не въ состояніи удержать даже Верону; чтобы помѣшать венеціанцамъ овладѣть ею, онъ долженъ былъ заложить ее Лудовику XII за 60,000 дукатовъ. Замѣчательно, что, закладывая такія важныя владѣнія, чтобъ расплатиться съ наемниками, Максимиліанъ тратилъ на аугсбургскомъ сеймѣ несмѣтныя суммы на охоты, танцы, обѣды, маскарады, турниры и тому подобныя увеселенія, а на турнирѣ, происходившемъ между нимъ и курфирстомъ Фридрихомъ, явился въ вооруженіи, которое (вѣроятно впрочемъ преувеличено) цѣнилось въ 200,000 гульденовъ. Хотя Рудольфъ Ангальтскій, котораго въ апрѣлѣ 1510 г. Максимиліанъ назначилъ главнокомандующимъ противъ Венеціи, былъ счастливъ въ Истріи, Фріулѣ и въ другихъ пограничныхъ областяхъ, но нѣмцы, подобно французамъ, возбуждали ненависть своею грубостью и жестокостями. Тривульціо и Шомонъ, оказавъ помощь герцогу Феррарскому, соединились съ арміею императора; но они не сдѣлали ничего важнаго, потому что французскіе главнокомандующіе должны были подчиняться приказаніямъ Рудольфа Ангальтскаго.

Въ томъ же 1510 году Лудовикъ XII и его духовенство убѣдили императора Максиміліана сдѣлать первый шагъ противъ папы и ультрамонтанства; хотя этотъ поступокъ остался безъ послѣдствій, но онъ въ высшей степени замѣчателенъ относительно церковной реформы, вскорѣ совершившейся. Въ Германіи и во Франціи при этомъ случаѣ обнаружилось движеніе, дока-

зывающее, что почва для реформаціи была уже готова, и восемь лѣтъ спустя государи и города радостно привѣтствовали ее. Ссора папы съ императоромъ дала другое направленіе его политикѣ, какъ внѣшней, такъ и внутренной; онъ началъ съ удовольствіемъ принимать жалобы, которыхъ прежде не позволилъ бы высказывать.

Дѣло это происходило такимъ образомъ. Въ апрѣлѣ и маѣ снова раздались жалобы нѣмецкаго народа противъ римскаго престола (Gravamina nationis Germanicae), представлявшіяся императору уже нѣсколько разъ со времени констанцскаго собора и даже въ царствованіе Максимиліана. Въ офиціальныхъ актахъ сказано, что курфирсты, князья и сословія подали императору на аугсбургскомъ сеймѣ десять главныхъ жалобъ на папу и римское духовенство. Жалобы эти, говорится далѣе, были въ особенности направлены противъ притязаній папскаго престола, желавшаго обращаться произвольно съ нѣмецкими епископствами и аббатствами, противъ денежныхъ поборовъ, аннатовъ, индульгенцій и турецкой десятины, въ особенности же противъ централизаціи всѣхъ дѣлъ въ Римѣ. При этомъ было приведено тринадцать проэктовъ, какъ помочь злу, и совѣтъ, какъ предупреждать жалобы имперскихъ городовъ, которые потомъ первые отложились отъ папы. Въ концѣ было нѣсколько указаній (Avisamenta) императору, что для избѣжанія худшаго онъ долженъ ревностнѣе стараться объ отмѣнѣ всѣхъ указанныхъ злоупотребленій. Это прошеніе, поданное въ Аугсбургѣ, было, говорятъ, составлено Яковомъ Вимпфелингомъ, знаменитымъ богословомъ, способствовавшимъ просвѣщенію Германіи классическою ученостью (т. X, стр. 425). Онъ составлялъ его по бумагамъ архіепископа Бертольда Майнцкаго (стр. 175), который прославился справедливостью въ рѣшеніи имперскихъ дѣлъ и нѣкогда самъ писалъ проэктъ просьбы папѣ Пію III.

Максимиліанъ, повидимому, дѣйствительно помышлялъ объ отмѣнѣ свѣтскою властью свѣтскихъ злоупотребленій, такъ

какъ это было единственное средство не касаться догматовъ. Такъ поступили французы во время базельскаго собора; такъ составилась ихъ прагматическая санкція или привиллегированный французскій церковный порядокъ (т. IX, стр. 237). Максимиліанъ хотѣлъ основать императорскій имперскій церковный порядокъ на подобной же привиллегіи; но съ этою реформой было то же, что и съ прочими его дѣлами. Онъ послалъ своего частнаго секретаря, Якова Шпійеля, къ его дядѣ, Якову Вимпфелингу, съ прагматическою санкціей, которую выписалъ изъ Франціи и поручилъ просить его составить извлеченіе изъ французскаго закона, принаровленное къ германской имперіи. Вимпфелингъ исполнилъ это, какъ видно изъ его писемъ, писанныхъ изъ Страсбурга; но изъ этого ничего не вышло. Король Лудовикъ XII поступилъ въ этомъ дѣлѣ также, какъ и союзникъ его, Максимиліанъ. Онъ также воспользовался для своихъ свѣтскихъ цѣлей всеобщимъ неудовольствіемъ на злоупотребленія духовной власти и грозилъ папѣ реформаціей; но ему и въ голову не приходило приводить въ исполненіе то, что онъ такъ громко провозглашалъ. Лудовикъ былъ такъ раздраженъ противъ папы Юлія II, что созвалъ въ Турѣ національный соборъ и просилъ германскаго императора прислать туда нѣсколько нѣмецкихъ епископовъ, чтобы принять сообща нужныя мѣры. Лудовикъ извѣстилъ объ этомъ папу, причемъ отнесся къ нему съ угрозою.

Папа Юлій II, взбѣшенный неудачами своихъ военныхъ предпріятій, поступилъ въ этомъ случаѣ возмутительнымъ образомъ. Онъ позволилъ себѣ даже грубое нарушеніе международнаго права. Когда къ нему явились послы отъ флорентинской республики и отъ герцога Савойскаго, намѣревавшіеся присоединиться къ французскому посольству и предъявить тѣ же требованія, Юлій поступилъ съ ними неслыханнымъ образомъ. Съ флорентинскимъ посломъ онъ обошелся такъ, что тотъ бѣжалъ изъ Рима ночью, воспользовавшись туманомъ. Савойскому посланнику пришлось еще хуже. Его схватили, заковали въ цѣпи и

жестоко пытали, какъ шпіона. Вслѣдъ за тѣмъ, папа отправился въ Болонью, чтобы, если нужно, стать во главѣ своего войска, какъ потомъ и сдѣлалъ. Пятеро кардиналовъ удалились отъ него; подъ предлогомъ, что поѣдутъ другою дорогою, они отправились во Флоренцію, гдѣ господствовала французская партія и объявили себя сторонниками Франціи противъ папы. Ученый Сисмонди и другіе очень хвалятъ Юлія II, но мы не можемъ согласиться съ ними. Мы не споримъ, что планы его были, какъ многіе утверждаютъ, весьма обширны, а характеръ — благороденъ и честенъ; но ни планы эти, ни характеръ не соотвѣтствовали его званію и евангельскому ученію. Между прочимъ извѣстно, что Юлій жестоко поступалъ съ нѣкоторыми французскими кардиналами; они были посажены въ тюрьму, гдѣ одинъ изъ нихъ скоропостижно умеръ, а папа подвергалъ жестокой пыткѣ даже ихъ прислугу. Все это плохо вяжется съ похвалами, расточаемыми Сисмонди воинственному папѣ.

Французскій соборъ, созванный Лудовикомъ, происходилъ въ Турѣ въ сентябрѣ 1510 г. Канцлеръ предложилъ собранному духовенству восемь вопросовъ касательно пути, которой предстояло избрать. Король, а особенно его жена, Анна Бретанская, которую очень огорчала война съ папой, желали избавиться отъ религіозныхъ сомнѣній. Духовенство дало единогласно рѣшительный отвѣтъ. Оно объявило, что король можетъ, не задумываясь, употреблять свою власть для защиты подданныхъ отъ всякаго притѣсненія, хотя бы папскаго. Онъ можетъ, хотя временно овладѣть крѣпостями, которыя служатъ папѣ только для того, чтобы нарушать спокойствіе сосѣдей. Онъ можетъ отказаться отъ повиновенія папѣ, конечно не безусловно и не во всѣхъ случаяхъ, но на сколько это нужно для его собствевенной защиты. Въ теченіи этого времени, во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ по новѣйшимъ церковнымъ постановленіямъ необходимо папское разрѣшеніе, онъ можетъ слѣдовать уставамъ древней церкви, когда папъ еще не существовало.

Король можетъ дѣлать для своихъ союзниковъ, если ихъ несправедливо угнетаютъ, все, что позволительно для его собственной защиты, такъ какъ польза ихъ солидарна съ его интересами. Всѣ духовныя пени (цензуры), которыя папа наложилъ или намѣренъ наложить, считаются недѣйствительными, если касаются свѣтскихъ дѣлъ или постановлены безъ соблюденія всѣхъ формальностей духовнаго процесса. Важнѣйшіе члены французскаго духовенства требовали даже, чтобы эти рѣшенія были объявлены папѣ особою депутаціей, которая должна была склонить его отказаться отъ вмѣшательства въ свѣтскія дѣла и посовѣтовать ему созвать вселенскій соборъ для кореннаго преобразованія церкви. Они пошли даже дальше и просили короля, если папа не согласится на ихъ представленіе, побудить императора и прочихъ христіанскихъ государей оказать покровительство кардиналамъ (тѣмъ пятерымъ, которые разошлись съ папой) и дать имъ возможность созвать вселенскій соборъ, какъ констанцскій и базельскій. Члены національнаго синода дали обѣщаніе собраться къ 1-му марту слѣдующаго года въ Ліонѣ для обсужденія отвѣта папы. Между тѣмъ они запретили обращаться къ папѣ по какому бы то ни было дѣлу или посылать въ Римъ деньги. Наконецъ, они утвердили добровольный налогъ въ 100,000 талеровъ на духовныя имущества.

Матвѣй Лангъ епископъ гуркскій, посланный Максимиліаномъ, пріѣхалъ въ Туръ очень поздно и присутствовалъ только на послѣднихъ засѣданіяхъ синода. Онъ вытребовалъ себѣ вышеупомянутую копію съ акта о правахъ галликанской церкви, принялъ всѣ рѣшенія турскаго собора и обѣщалъ, что императоръ, съ своей стороны, соберетъ нѣмецкихъ епископовъ и пришлетъ ихъ на ліонскій соборъ. Касательно послѣдняго онъ объявилъ, что если имперскіе епископы, независящіе отъ императора, откажутся пріѣхать въ Ліонъ, то Максимиліанъ отправитъ епископовъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній. Матвѣю Лангу, быв-

шему у императора чѣмъ-то въ родѣ перваго министра, не было дѣла до религіи и до исправленія развалившагося стараго церковнаго порядка. Онъ хотѣлъ только воспользоваться французами, чтобы дать возможность императору сдѣлать безъ издержекъ завоеванія въ Верхней Италіи и удержать ихъ за собой. Между Матвѣемъ Лангомъ и королемъ Лудовикомъ шла рѣчь о вѣчномъ союзѣ. Лудовикъ долженъ былъ держать наготовѣ для императора армію, а Максимиліанъ намѣревался лично явиться въ Италію и принять главное начальство надъ войскомъ. Пока Лудовикъ и Максимиліанъ были еще въ союзѣ противъ папы и Венеціи, дочь императора, Маргарита и Фердинандъ Католикъ старались составить союзъ для совершеннаго изгнанія французовъ изъ Италіи.

Въ декабрѣ 1510 г. жесточайшею зимой, какую помнятъ въ Италіи, папа принялъ лично начальство надъ своими войсками. Такъ какъ Шомонъ и Тривульціо были въ ссорѣ изъ-за соперничества, то онъ напалъ на городъ Мирандолу. Въ латахъ, съ мечемъ въ рукѣ и окруженный турками, нанятыми у венеціанцевъ, онъ руководилъ осадой и предводительствовалъ штурмомъ и къ великому ужасу всего христіанскаго міра побѣдоносно вошелъ въ городъ черезъ брешь по трупамъ и крови, какъ какой нибудь гусарскій генералъ (январь 1511 г.). Въ то же время Шомонъ терпѣлъ неудачи. Онъ хотѣлъ аттаковать венеціанское войско и занять Модену; но долженъ былъ, къ своему стыду, отказаться отъ этого намѣренія и предоставить Модену императору, которому отдалъ ее папа. Онъ умеръ въ февралѣ 1511 г. и его мѣсто занялъ Тривульціо.

По смерти Шомона явилась надежда на миръ, потому что самъ Фердинандъ совѣтовалъ императору укрѣпить за собою договоромъ съ папой завоеванія, сдѣланныя имъ въ Италіи; еслибъ Максимиліанъ могъ поладить съ папой, то венеціанцы по неволѣ должны бы были согласиться на миръ. Фердинандъ и эрцгерцогиня Маргарита, правившая Нидерландами, какъ опекунша своего племянника, Карла, всячески старались

разорвать союзъ Максимиліана съ Лудовикомъ XII. Фердинандъ боялся, чтобы французы, въ союзѣ съ императоромъ и Флоренціей, не завладѣли всею Италіей; Маргаритѣ же хотѣлось совершенно уничтожить герцога Карла Гельдернскаго (стр. 194 и 209), котораго она ненавидѣла, но не могла побѣдить, пока Лудовикъ покровительствовалъ ему, а ея отецъ оставался союзникомъ Лудовика. Фердинандъ уговорилъ папу и венеціанцевъ начать мирные переговоры. Для этой цѣли въ Мантуѣ былъ открытъ конгрессъ, на который явились послы отъ венеціанцевъ, папы, Максимиліана и Лудовика XII. Но переговоры были безуспѣшны. Максимиліанъ послалъ своего министра, епископа Матвѣя Ланга гуркскаго, явившагося съ смѣшною пышностью и принявшаго титулъ императорскаго намѣстника въ Италіи. Онъ возбудилъ подозрѣніе епископа парижскаго, посланнаго Лудовикомъ въ Мантую, тѣмъ, что передъ открытіемъ конгресса отправился къ папѣ въ Болонью. Кромѣ того, съ самимъ папою, привѣтливо встрѣтившимъ его, Матвѣй Лангъ обошелся гордо и дерзко; но обращеніе его съ тремя кардиналами, которымъ папа поручилъ вести переговоры, и съ венеціанцами было еще нестерпимѣе. По одному этому нельзя было ничего ожидать отъ мантуанскаго конгресса. Притомъ и папа дѣйствовалъ въ родѣ Григорія VII или Иннокентія III относительно короля, духовенства и всей французской націи, съ такимъ жаромъ принявшей въ прошломъ году мысль своего короля. Въ великій четвергъ онъ прочелъ страшную буллу in coena domini, направленную противъ всѣхъ еретиковъ вообще; хотя король французскій не былъ пораженъ отлученіемъ лично, но въ числѣ отлученныхъ были герцогъ Альфонсъ Эсте, Джакопо Тривульціо, миланскій подеста и городскіе совѣты всѣхъ ломбардскихъ городовъ, помогавшихъ королю собирать подать, которую Лудовикъ употребилъ во вредъ церкви. Вообще папа не соглашался ни на какія предложенія. Поэтому 25 апрѣля 1511 г. епископъ гуркскій удалился изъ Болоньи, весьма недовольный Юліемъ II. Можетъ быть онъ досадовалъ

также на то, что Юлій сдѣлалъ кардиналомъ епископа Матвѣя Шиннера зиттенскаго (стр. 223), тогда какъ ему приходилось отказаться отъ надежды получить это достоинство отъ раздраженнаго папы.

Когда всякая надежда на миръ исчезла, французы воспользовались фамиліей Бентиволіо, чтобъ побудить болонцевъ отпасть отъ папы; Юлій надоѣлъ болонцамъ, хотя сначала они выказывали ему лесть и уваженіе (стр. 212). Своими набѣгами папа пробудилъ отъ сна французскаго главнокомандующаго Тривульціо, который бездѣйствовалъ по случаю мантуанскаго конгресса. Тривульціо поспѣшно отправился въ Болонью, въ сопровожденіи извѣстнаго въ исторіи нѣмецкой военной науки, какъ теоретика и практика, Георга Фрундсберга, пришедшаго къ нему изъ Вероны съ 2,500 войска: онъ расположился въ окрестностяхъ Болоньи. По приходѣ его сторонники изгнанныхъ членовъ фамиліи Бентиволіо, находившихся во французскомъ лагерѣ, вступили въ сношенія съ ними и уговаривали Тривульціо аттаковать городъ. Французскій главнокомандующій не рѣшился бы однако на это, если бы воинственный папа, его легатъ, кардиналъ Алидозіо павійскій и племянникъ папы, герцогъ Урбино, не выказали непостижимой трусости. При появленіи французовъ папа выѣхалъ изъ Болоньи, созвавъ передъ отъѣздомъ совѣтъ сорока, управлявшій городомъ; по обычаю того времени, онъ произнесъ рѣчь, составленную по всѣмъ правиламъ риторики. Историки, писавшіе по латынѣ и сообщающіе ее, вѣроятно постарались изукрасить ее еще болѣе. Но сущность ея состояла въ томъ, что папа предоставлялъ болонцамъ защищаться своими собственными силами. Совѣтъ сорока съ своей стороны продекламировалъ рѣчь, въ которой краснорѣчиво восхвалялъ заслуги, оказанныя городу Юліемъ. Обѣ рѣчи въ точности приведены у Гвиччіардини, который, какъ адвокатъ и дипломатъ, придаетъ больше значенія рѣчамъ и актамъ, чѣмъ мы; результатомъ всего было то, что Юлій поспѣшно удалился изъ Болоньи и заперся въ Ра-

веннѣ. Онъ не посмѣлъ даже отправиться въ Равенну прямой дорогой, а прошелъ черезъ Форли. Кардиналъ-легатъ Алидозіо, оставленный имъ намѣстникомъ въ Болоньи, не постыдился послѣдовать примѣру папы. При содѣйствіи совѣта сорока онъ составилъ изъ болонской молодежи національную гвардію; но такъ какъ во главѣ двадцати отрядовъ онъ поставилъ двадцать начальниковъ, изъ которыхъ большая часть принадлежала къ сторонникамъ Бентиволіо, то это народное ополченіе служило не ему, а Бентиволіо. Тѣмъ не менѣе ему легко бы было удержать городъ, еслибы онъ имѣлъ больше храбрости, потому что герцогъ Урбино стоялъ не далеко отъ Болоньи со всею папскою арміей. Алидозіо отступилъ изъ города въ цитадель и притомъ такъ поспѣшно, что забылъ даже взять съ собою деньги и драгоцѣнныя вещи, за которыми долженъ былъ потомъ посылать. Но и въ крѣпости ему показалось не безопасно, такъ что онъ удалился въ Имолу. Племянникъ папы, герцогъ Урбино, также совершенно смѣшался. Узнавъ о бѣгствѣ легата, онъ приказалъ ночью отступать. Тогда болонцы призвали въ городъ французовъ, что окончательно привело въ ужасъ папскія войска; они разбѣжались въ безпорядкѣ, лагерь ихъ былъ разграбленъ, а черезъ пять дней сдалась французамъ и цитадель. Она была разграблена и потомъ срыта. Тривульціо могъ бы тогда завоевать всю Романію; въ его арміи находился сынъ сестры Лудовика XII, Гастонъ де Фуа герцогъ Немурскій, котораго французы ставятъ на ряду со своимъ Баяромъ; но французскій главнокомандующій долженъ былъ ждать приказаній отъ Лудовика. Лудовикъ же имѣлъ намѣреніе примириться съ церковью, чтобъ отмстить венеціанцамъ. Поэтому онъ не желалъ дѣйствовать противъ папы, хотя національный соборъ въ Ліонѣ назначилъ надъ папою слѣдствіе.

Благочестивая неразвитость массъ позволяла князьямъ церкви предаваться всевозможнымъ преступленіямъ и злодѣяніямъ; но, казалось, что Богъ хочетъ наконецъ, ослѣпивъ ихъ и допустивъ до крайней наглости и порочности, открыть глаза на-

роду и подвинуть его на борьбу противъ такъ называемой церкви для возстановленія истиннаго христіанства. Папа Юлій, кипѣвшій бѣшенствомъ и местью и предававшійся чрезмѣрному употребленію вина, дѣйствовалъ какъ помѣшанный. Онъ не пощадилъ даже своего легата Алидозіо и своего племянника, герцога Урбино, и излилъ на нихъ свою ярость, между тѣмъ, какъ въ то же время они свирѣпствовали другъ противъ друга. Алидозіо отправился изъ Имолы, куда бѣжалъ изъ Болоньи, къ папѣ въ Равенну, и всю вину несчастія, случившагося въ Болоньи, свалилъ на герцога Урбино, который прибылъ вслѣдъ за нимъ, чтобы оправдаться. Озлобленный папа не принялъ племянника, за что послѣдній сталъ преслѣдовать легата и, встрѣтивъ, убилъ его на улицѣ. Разумѣется, папа лишилъ его за это всѣхъ должностей и, повидимому, очень разгнѣвался на него; но не прошло и пяти мѣсяцевъ, какъ убійство, совершенное имъ, и неудача, случившаяся въ Болоньи, были забыты, и герцогъ снова пользовался почестями и дружбой папы. Впрочемъ поведеніе болонцевъ весьма огорчало стараго вспыльчиваго папу. Болонцы прежде признавали папу своимъ главою, а во время его пребыванія у нихъ всячески льстили ему; но по прибытіи французовъ они оскорбили его, сбросивъ и позорно протащивъ по улицамъ его статую, художественное произведеніе Микель-Анжело, стоившее 5,000 дукатовъ.

Часть итальянскаго и французскаго духовенства была также противъ Юлія, такъ что пять кардиналовъ, уполномоченныхъ отъ прочихъ, присутствовали на соборѣ, созванномъ Максимиліаномъ и королемъ французскимъ осенью 1511 г. въ Пизѣ. Ни король, ни императоръ не придавали впрочемъ значенія этому собору, думая только попугать папу призракомъ церковной реформы, которую не могли произвести прелаты, созванные, чтобъ судить папу. Юлій могъ вскорѣ составить противъ пизанскаго собора другой, въ Латеранѣ; въ то время, какъ Лудовикъ XII приглашалъ всѣ европейскія державы отправить депутатовъ въ Пизу,

дочь Максимиліана, Маргарита, служившая интересамъ Фердинанда Католика, устроила союзъ въ пользу папской церкви.

Фердинандъ, полагавшій, что цѣль канбрейской лиги достигнута, смотрѣлъ съ завистью на успѣхи французовъ въ Италіи; Маргарита же, которой хотѣлось отдѣлаться отъ дикаго и грубаго Карла Гельдернскаго, знала, что его поддерживаетъ Лудовикъ, хотя французскій король выражалъ ей въ дружескихъ письмахъ свое неудовольствіе на Карла. Карлъ Гельдернскій игралъ въ Нидерланддхъ такую же роль, какъ герцогъ Ульрихъ Виртембергскій и Францъ Зиккингенъ въ Швабіи и на Рейнѣ. Онъ много лѣтъ разбойничалъ и тревожилъ разные города и провинціи. Маргарита вела по поводу его набѣговъ постоянную переписку съ Лудовикомъ XII. Лудовикъ писалъ Маргаритѣ и герцогу письма, въ которыхъ выражалъ Карлу неудовольствіе и даже грозилъ ему *), и посылалъ пословъ, чтобы водворить миръ; но Маргарита, повидимому, мало вѣрила искренности короля. Она даже схватила одного изъ посланныхъ отъ короля къ герцогу и очень дурно обошлась съ нимъ, быть можетъ, желая нарочно оскорбить короля.

Союзъ въ пользу папской церкви состоялся 4 октября 1511 г. и былъ названъ Священною Лигой. Новѣйшій историкъ Фердинанда Католика приложилъ большія старанія, чтобы оправдать разрывъ своего героя съ Лудовикомъ XII; намъ же кажется совершенно излишнимъ тратить слова, такъ какъ извѣстно, что католическій король первый взялъ сторону папы и привлекъ на его защиту правовѣрнаго короля англійскаго, Генриха VIII. Онъ самъ писалъ Петру Мартиру, что опасается, что французы возьмутъ Римъ, вслѣдствіе чего, по его мнѣнію, погибнетъ сво-

---

*) Между прочимъ Лудовикъ писалъ Маргаритѣ: qu'il regardoit le duc comme un fou, une mauvaise et perverse tête, qu'il voudroit que le grand diable l'emportât. Самому же Карлу Гельдернскому онъ писалъ: que de par dieu ou de par le diable il eut à se tenir en paix.

бода Европы. Французскій король, сзывавшій въ то время соборъ въ Пизѣ для церковныхъ реформъ, зналъ хорошо характеръ Фердинанда, и чѣмъ дружественнѣе и нѣжнѣе становились объясненія арагонскаго короля, тѣмъ болѣе Лудовикъ убѣждался, что онъ намѣренъ отпасть отъ союза. Священная лига, заключенная между Фердинандомъ, венеціанцами и папой, имѣла цѣлью защищать существующій церковный порядокъ. Въ договорѣ было условлено, что Венеція, арагонскій король и Неаполь снарядятъ войско и флотъ для изгнанія французовъ изъ Италіи. Фердинандъ обязался прислать 1,200 человѣкъ тяжелой и 1,000 легкой кавалеріи, 10,000 пѣхоты и 11 парусныхъ судовъ; союзныя силы должны были быть ввѣрены начальству неаполитанскаго вице-короля Раймонда Кардоны.

Прежде чѣмъ сторонники и противники папы подняли свѣтское оружіе, кардиналы и прелаты, отпавшіе отъ него, собрались въ Пизѣ и сражались съ нимъ духовнымъ оружіемъ; но папа не боялся ихъ рѣшеній, потому что самъ Лудовикъ объявилъ, что все это одна комедія, имѣющая цѣлью побѣдить упрямство папы. Этотъ соборъ собрался не въ концѣ сентября, какъ было положено, а только 1 ноября, и такъ какъ пизанское и флорентинское правительство стѣсняли его, то онъ тотчасъ же перебрался въ Миланъ. Дѣйствія этого собора противъ папы основывались на томъ, что Юлій II и ближайшіе его предшественники предъ избраніемъ давали кардиналамъ клятвенное обѣщаніе созвать въ теченіи двухъ лѣтъ церковный соборъ въ совершенно независимомъ городѣ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что преступленія церкви при Александрѣ VI сдѣлались гласны и возбудили всеобщее негодованіе государей. Соборъ Лудовика XII только увеличилъ упорство римской церкви, вмѣсто того чтобы сломить его. Кромѣ французовъ и миланцевъ, въ Пизу пріѣхали нѣсколько епископовъ изъ Шотландіи и Наварры; но этого было недостаточно, чтобъ составить вселенскій соборъ. Императоръ Максимиліанъ также не

смотрѣлъ на него серьезно; но и въ противномъ случаѣ нѣмецкіе епископы не послушались бы его. Вскорѣ послѣ заключенія священной лиги, онъ совершенно отказался отъ этого дѣла. Соборъ, созванный папою въ Латеранѣ и состоявшій только изъ 83 епископовъ, большею частью итальянскихъ, не имѣлъ конечно права называться вселенскимъ; но онъ имѣлъ на своей сторонѣ политику и дипломатію, которыя на свѣтѣ значатъ больше, чѣмъ право и истина. Латеранскій соборъ могъ расчитывать, что его рѣшенія будутъ имѣть силу папскихъ декретовъ, тогда какъ французскій соборъ издавалъ повелѣнія, не имѣвшія никакого значенія.

Первыя рѣшенія отцевъ, собравшихся въ Пизѣ, касались послѣдствій папскаго гнѣва, который навлекли на себя члены собора. Они издали декретъ, которымъ объявлялось недѣйствительнымъ все, что папа сдѣлалъ или сдѣлаетъ противъ нихъ; поэтому приходскіе священники, присутствовавшіе на соборѣ, проклятомъ папою, могли продолжать пользоваться всѣми своими доходами. Въ этихъ постановленіяхъ не было еще ничего реформаціоннаго. Только 11 ноября пизанскіе отцы возобновили декретъ констанстскаго собора, касавшійся церковной реформы и значенія соборовъ; при этомъ они въ первый разъ объявили, что не разойдутся, пока не преобразуютъ вполнѣ церковь: затѣмъ они постановили, что вселенскій соборъ, составленный законнымъ образомъ, получаетъ свою власть непосредственно отъ Іисуса Христа и что всякій, хотя бы самъ папа, долженъ подчиняться соборнымъ рѣшеніямъ во всемъ, касающемся вѣры или препятствующемъ расколу и необходимымъ для исправленія церковнаго порядка. Наконецъ они постановили, что за сопротивленіе декретамъ собора всѣ, въ томъ числѣ и папа, будутъ подвергнуты церковному наказанію, смотря по степени виновности.

По заключеніи священной лиги въ декабрѣ 1511 г. Фердинандъ Католикъ собралъ въ Италіи войско, которое соединилось съ венеціанскимъ и осадило Болонью; кромѣ того, онъ и

папа вовлекли въ свой союзъ англійскаго короля Генриха VIII, Этотъ король наслѣдовавшій своему отцу (1509 г.) восемнадцати лѣтъ отъ роду, отличался жестокостью, деспотизмомъ и фанатизмомъ, а богословская ученость сдѣлала его недоступнымъ для любви, дружбы и истинной религіозности. Богословскія соображенія долго не позволяли ему жениться на вдовѣ своего брата, Артура, Катаринѣ, дочери Фердинанда, но наконецъ, не желая упустить изъ рукъ ея приданнаго (стр 221), онъ рѣшился побѣдить свои сомнѣнія. Тотчасъ по вступленіи на престолъ онъ нарушилъ справедливость, чтобы пріобрѣсть популярность. Ненависть народа была преимущественно обращена на двухъ министровъ его отца, Эмпсона и Додли, бывшихъ орудіями неслыханныхъ грабежей и насилій Генриха VII. Молодой король тотчасъ по смерти отца казнилъ ихъ безъ суда, какъ преступниковъ и заслужилъ этимъ сочувствіе народа. Эти министры могли бы доказать, что все, дѣлаемое ими, было лишь исполненіемъ приказаній его отца; этого было бы достаточно, чтобы оправдать ихъ передъ судомъ. Поэтому Генрихъ не предалъ ихъ суду, а объявилъ виновными и приговорилъ къ казни посредствомъ парламентскаго акта (bill of attainder). Въ продолженіи всего своего царствованія, ужасный тиранъ слѣдовалъ этому удобному способу отдѣлываться отъ людей, на которыхъ нельзя было взвести никакого преступленія. Не смотря на это, онъ хотѣлъ прослыть защитникомъ церкви и льстилъ себя надеждою разыграть роль третейскаго судьи въ европейскихъ дѣлахъ. Поэтому Фердинанду и папѣ легко было привлечь тщеславнаго юношу перспективою сдѣлать его главою священнаго союза, тѣмъ болѣе, что папа обѣщалъ дать ему титулъ „христіаннѣйшаго“ короля, котораго Лудовикъ XII сталъ недостоенъ. Между Генрихомъ и Фердинандомъ еще въ 1511 г. состоялся союзный договоръ, въ которомъ было рѣшено, что въ началѣ апрѣля 1512 г. Генрихъ вышлетъ 6,500, а Фердинандъ 9,000 человѣкъ въ Гіэнь, чтобы завоевать эту провинцію, принадлежавшую прежде Англіи.

Въ іюнѣ англійское войско подъ начальствомъ маркиза Дорсета сѣло на испанскіе транспортные корабли; но предварительно Генрихъ потребовалъ отъ Лудовика черезъ своего государственнаго герольда (roi d'armes), Кларенсо, возвращенія владѣній, принадлежавшихъ нѣкогда Англіи.

Швейцарцы маленькихъ кантоновъ, нанятые Венеціей и папой и жившіе грабежемъ и жалованьемъ, вторгнулись въ концѣ 1511 г. въ Италію и сдѣлали попытку напасть въ Миланѣ на племянника Лудовика, Гастона де Фуа, назначеннаго намѣстникомъ короля (lieutenent du roi) въ арміи и губернаторомъ Милана. Изъ Тридента они двинулись въ сопровожденіи папскихъ и венеціанскихъ комиссаровъ, черезъ провинцію Варезе, опустошая на пути всю страну огнемъ и мечемъ. На этомъ походѣ они поступали чрезвычайно нагло и старались оскорбить французовъ дерзкими надписями на знаменахъ, въ родѣ тѣхъ, за которыя, въ трагедіи Эсхила, боги разгнѣвались на вождей, осаждавшихъ Ѳивы и поразили Капанея, а Амфіарея живаго низвергли въ адъ *). По совѣту Тривульціо Гастонъ избѣгалъ сраженія съ яростной ордой наемниковъ; такимъ образомъ они безпрепятственно достигли черезъ Галерату Милана, но въ это время Гастонъ получилъ нѣсколько тысячъ подкрѣпленія, и швейцарцы должны были отступить. Они пошли къ Кассано, дѣлая видъ, что хотятъ перейти Адду, но въ то же время предложили французскому главнокомандующему удалиться во свояси, если онъ выплатилъ имъ мѣсячное жалованье. Гастонъ отказалъ имъ въ этомъ, но, вѣроятно, далъ взятку жаднымъ начальникамъ швейцарцевъ; по крайней мѣрѣ между ними завязался споръ, и, не смотря на возраженія папскихъ и венеціанскихъ комиссаровъ, они отправились домой, не сдѣлавъ ничего за полученныя деньги.

26 января 1512 г. армія лиги начала осаду Болоньи, подъ

*) На маломъ знамени большими золотыми буквами было написано: Domatores principum, amatores justiciae, defensores sanctae Romanae ecclesiae.

предводительствомъ Раймонда Кардоны. Гастонъ поспѣшилъ съ своимъ войскомъ на выручку этого города. Король французскій послалъ за Альпы свою гвардію (sa maison) и всю свою тяжелую кавалерію (les gens d'armes) и опорожнилъ всю свою казну, чтобы наполнить военную кассу Гастона. Герцогъ Немурскій двинулся изъ Финале (въ моденскомъ герцогствѣ), гдѣ соединилъ свои войска и пошелъ форсированнымъ маршемъ по холоду, снѣгу и льду въ Болонью, куда прибылъ 5 февраля и пробрался черезъ ворота св. Феликса, незамѣченный непріятелемъ, что намъ кажется невѣроятнымъ. На слѣдующій день онъ хотѣлъ аттаковать непріятеля, но по совѣту одного изъ своихъ генераловъ отложилъ сраженіе до 6-го числа, чтобы дать отдыхъ войскамъ, утомленнымъ чрезвычайными трудностями похода. Но союзники, узнавъ 6-го о его прибытіи, отступили 7-го, а не 19, какъ горитъ Гвиччіардини.

Въ то время какъ Гастонъ совершилъ этотъ удивительный переходъ и принудилъ къ поспѣшному отступленію войска Раймонда Кардоны, въ Брешіи и Бергамо народъ возсталъ противъ французовъ, притѣсненія которыхъ, особенно поступки съ женщинами, возбудили всюду сильное неудовольствіе. Граждане или, вѣрнѣе, часть дворянства Брешіи, возбуждаемые графомъ Авогадоро, пригласили венеціанскія войска аттаковать французовъ въ ихъ городѣ. Хотя это не удалось, но венеціанцы расположились передъ городомъ, а граждане неожиданно возстали при крикахъ: „св. Маркъ! св. Маркъ“, такъ что французы принуждены были отступить въ цитадель. То же повторялось и въ Бергамо. Получивъ извѣстіе объ этихъ событіяхъ, Гастонъ вышелъ изъ Болоньи и съ быстротою молніи перешелъ въ Брешію; переходъ этотъ былъ еще поразительнѣе марша изъ Финале въ Болонью. Гастонъ, прозванный съ тѣхъ поръ молніею Италіи, вышелъ 8 февраля изъ Болоньи, а 11 уже аттаковалъ близь Маньяно венеціанскаго генерала и поразилъ его на голову; во вторникъ слѣдующей недѣли онъ уже стоялъ подъ Брешіей, ввелъ въ ци-

тадель подкрѣпленіе и расположилъ свою армію лагеремъ передъ городомъ. „Павійская хроника“, которую часто цитируетъ Мураторы, считаетъ переходы Гастона и побѣду, одержанную имъ на пути, невѣроятнымъ подвигомъ, какъ со стороны полководца, такъ и войскъ *).

По приходѣ Гастона гарнизонъ цитадели грозилъ гражданамъ Брешіи и венеціанскимъ войскамъ убійствомъ и грабежомъ, если они не примутъ условій, предлагаемыхъ Гастономъ и будутъ ожидать приступа. Но они не хотѣли и слышать о переговорахъ. Поэтому гарнизонъ ворвался въ городъ и послѣ отчаяннаго боя, въ которомъ пало нѣсколько тысячъ венеціанцевъ, впустилъ войска Гастона, которыя заняли Брешію. Они свирѣпствовали въ теченіе двухъ дней съ такой яростью, что кровь лилась рѣкою, и Гастонъ принужденъ былъ повѣсить нѣсколько своихъ солдатъ, потому что они совершали страшныя насилія въ женскихъ монастыряхъ. Женщины искали спасенія въ церкви, и французскіе солдаты, по выраженію одного итальянца, ругающаго ихъ собаками, обращались съ ними хуже дикихъ звѣрей **). Около 5,000 человѣкъ лишились жизни. Убійства и грабежъ не прекращались, пока Гастонъ не вывелъ своихъ людей изъ Брешіи и не пригрозилъ смертной казнью всякому, кто останется въ городѣ. Графа Авогадоро и его друзей, виновныхъ во всемъ этомъ и призывавшихъ венеціанцевъ, казнили на слѣдующій день, а двухъ сыновей его позднѣе въ Миланѣ. При взятіи города былъ опасно раненъ рыцарь Баяръ, равно грозный, какъ воинъ и гене-

---

*) Она говоритъ: Dopo la pugno, che seguì circa le quattr'ora al chiaro della neve e al lume delle stelle, si trovò aver eglino fatto quel giorno, senza mai trarre la brillia a i cavalli, miglia cinquanta, cosa che non sarà creduta, ma io che fui presente sul fatto ne faccio vera testimonianza. (Послѣ битвы, продолжавшейся около четырехъ часовъ при блескѣ снѣга и свѣтѣ луны, они сдѣлали въ этотъ день пятьдесятъ миль, не разнуздывая лошадей; это должно казаться невѣроятнымъ, но я, бывъ свидѣтелемъ, могу удостовѣрить, что это дѣйствительно правда).

**) Peggiori si scuoprono delle fiere stesse.

ралъ. Извѣстіе о гибели Брешіи испугало Бергамо. Жители стали просить пощады и изъявили готовность выплатить контрибуцію и впустить французовъ въ городъ. Тогда Гастонъ послалъ къ нимъ новый гарнизонъ и велѣлъ взыскать съ нихъ 20,000 дукатовъ.

Вскорѣ послѣ этого императоръ Максимиліанъ заключилъ съ Венеціей перемиріе за сумму 50,000 рейнскихъ гульденовъ и такимъ образомъ разорвалъ союзъ съ Франціей. Его уполномоченный, епископъ гуркскій, сдѣлалъ его всеобщимъ посмѣшищемъ переговорами, затѣянными съ коллегіей кардиналовъ о соединеніи папскаго сана съ императорскимъ достоинствомъ. Мысль эта была нелѣпа, и самъ Максимиліанъ считалъ ее вздорной. Хотя въ доказательство противнаго приводятъ письмо, писанное имъ къ своей дочери, Маргаритѣ, въ которомъ онъ выражаетъ надежду сдѣлаться папою по смерти Юлія II, но оно написано въ такомъ шуточномъ тонѣ, что ясно, что Максимиліанъ не думалъ объ этомъ серьезно. Легко можно было предвидѣть, что императоръ совершенно отпадетъ отъ союза съ Франціей и что французскія войска, посланныя въ Италію, понадобятся Лудовику XII для войны съ Генрихомъ VIII и Фердинандомъ Католикомъ; поэтому Гастонъ де Фуа получилъ приказаніе, если можно, дать рѣшительное сраженіе. Молодой герой самъ желалъ этого. Онъ поспѣшно выступилъ противъ соединенныхъ войскъ испанцевъ, венеціанцевъ и папы, бывшихъ подъ начальствомъ Раймонда Кардоны. 26 марта онъ двинулся съ 1800 копій (по четыре человѣка на копье) кирасиръ (gend'sarmes), 4000 стрѣлковъ и 16,000 пѣхоты изъ Финале въ Романію. На пути онъ соединился съ Альфонсомъ Феррарскимъ, который доставилъ ему много пушекъ и огнестрѣльныхъ снарядовъ. Союзники, которыми командовали Раймондъ Кардона и кардиналъ Джіованни Медичи, имѣли только 1500 копій, 3000 легкой кавалеріи и 18,000 пѣхоты. Предводители ихъ не хотѣли вступать въ сраженіе, пока швейцарцы не вторгнутся снова въ миланское герцогство. Въ ожиданіи этого Раймондъ Кардона располо-

жился на горѣ Фаенцѣ, такъ что могъ прикрывать городъ Равенну, которому угрожалъ Гастонъ. Гастонъ узналъ только на пути въ Романію, что императоръ Максимиліанъ сбросилъ наконецъ маску и сдѣлался врагомъ французскаго короля и другомъ и союзникомъ свирѣпаго и воинственнаго папы, а изъ покровителя пизанскаго собора сталъ приверженцемъ латеранскаго. Максимиліанъ послалъ нѣмецкимъ начальникамъ, Филиппу Фрейбургу и Якову Эмпсеру, которымъ дозволилъ вступить въ французскую службу съ 5000 ландскнехтовъ, приказаніе вернуться домой. Но эти добрые люди не обратили вниманія на приказаніе и не покинули своихъ прежнихъ союзниковъ въ минуту опасности.

Подойдя къ сильной позиціи Раймонда Кардоны, Гастонъ тщетно пытался выманить его. Это поставило его въ величайшее затрудненіе. Войска его въ теченіи пяти дней питались только кашей и водой, а лошадей кормили пшеницей и ивовыми листьями. Поэтому храброму Гастону оставался одинъ выборъ: или отступить или, очертя голову, кинуться на непріятеля. Онъ рѣшился на послѣднее. Въ свѣтлое воскресенье 11 апрѣля 1512 г., онъ повелъ французское войско на союзниковъ, хотя выгода была на сторонѣ послѣднихъ. Кромѣ 5000 ландскнехтовъ, онъ не могъ полагаться на свою пѣхоту, тогда какъ непріятель имѣлъ 8000 человѣкъ пѣхоты, хорошо огранизованной и предводимой Педро Наварро; кромѣ того, Джіованни Медичи командовалъ такъ называемой черной итальянской шайкой, состоявшей изъ опытныхъ и смѣлыхъ, но дикихъ и хищныхъ солдатъ. Пока войско союзниковъ не оставляло своей позиціи, французы ничего не могли сдѣлать. Ландскнехты и другая надежная часть ихъ войска, стоявшая противъ одного непріятельскаго фланга, понесли большой уронъ. Но другой флангъ Кардоны, гдѣ стоялъ съ итальянцами Фабричіо Колонна, терпѣлъ такія потери отъ превосходной артиллеріи герцога Феррарскаго, что Колонна убѣдительно просилъ главнокомандующаго или, лучше сказать, Педро Наварро, помогавшаго Кардонѣ своими талантомъ и опытностью,

позволить ему оставить свою позицію и двинуться на французовъ. Главнокомандующій и Педро Наварро не согласились на это, потому что это было выгодно французамъ. Но Фабричіо Колонна не захотѣлъ оставаться въ положеніи, гдѣ ничто не спасало его отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Онъ ринулся впередъ и далъ непріятелю возможность вступить въ рукопашный бой и выиграть побѣду. Битва была упорна и кровопролитна; съ обѣихъ сторонъ пало 18 или 20 тысячь человѣхъ.

Французы побѣдили; но неосторожное увлеченіе ихъ полководца, забывшаго, что не слѣдуетъ мѣшать бѣгству непріятеля, лишило ихъ плодовъ блестящей побѣды. Когда сраженіе было проиграно, превосходная испанская инфантерія стала въ порядкѣ отступать вдоль рва. Ея спокойствіе раздражило Гастона, и онъ имѣлъ непостижимое безразсудство кинуться на нее въ сопровожденіи Лотрека и восемнадцати кирасировъ. Они были сброшены съ коней въ ровъ, при чемъ Гастонъ убился до смерти, но Лотрекъ уцѣлѣлъ. Кромѣ главнокомандующаго, французы потеряли своихъ лучшихъ офицеровъ, какъ напримѣръ Ива д'Алегра, которому были обязаны побѣдой, потому что онъ съумѣлъ искусно расположить артиллерію, огонь которой разстроилъ крыло Колонны. Въ числѣ убитыхъ находились, кромѣ того, сыновья Алегра, храбрый Филиппъ Фрейбургъ и Яковъ Эмпсеръ, котораго называли добрымъ Яковомъ. Изъ непріятельскихъ генераловъ Педро Наварро, Джіованни Медичи, маркизъ Битонто, Карвахаль князь Бизиньяно, Фабричіо Колонна и знаменитый впослѣдствіи полководецъ Карла V, тогда двадцатилѣтній Фердинандъ д'Авалосъ маркизъ Пескара, были взяты въ плѣнъ. Фабричіо Колонна попалъ въ руки герцога Феррарскаго, который поступилъ съ нимъ очень великодушно. Главнокомандующій Раймондъ Кардона первый обратился въ бѣгство. Французы овладѣли всею артиллеріей и всѣмъ обозомъ непріятеля и большею частію знаменъ и лошадей. Остатки разбитаго и разсѣяннаго войска Раймондъ Кардона собралъ при Чезенѣ.

Послѣ побѣды французовъ при Равеннѣ Антоніо Колонна, храбро защищавшій до тѣхъ поръ городъ, отправился въ Римини. Оставленные имъ начальники вступили, по его совѣту, въ переговоры съ французами. Но прежде чѣмъ капитуляція была заключена, непріятель занялъ Равенну и ея цитадель. И здѣсь, какъ въ Брешіи, французы производили страшныя убійства и грабежи. Это повергло въ ужасъ всю Романію; Фаенца, Червіа, Имола, Чезена, Форли и Римини отворили ворота, и только цитадели этихъ городовъ не сдались французамъ. Не смотря на такія блестящія слѣдствія, побѣда при Равеннѣ была послѣднимъ успѣхомъ французовъ въ Италіи. Герцогъ Альфонсъ Феррарскій увидѣлъ это тотчасъ послѣ побѣды. Поэтому онъ отказался отъ предложеннаго ему Лудовикомъ XII командованія французскимъ войскомъ, отпустилъ своего плѣнника, Фабричіо Колонну, и искалъ мира съ папой. Одинъ итальянецъ говоритъ, что онъ отказался отъ команды французами потому, что при отсутствіи между ними дисциплины съ ними ничего нельзя было сдѣлать *). Папа завлекъ герцога въ Римъ и сдѣлалъ приготовленія, чтобы удержать его. Фамилія Колонна изъ благодарности къ герцогу помогла ему бѣжать и этимъ растроила планы папы.

Ла Палисъ, получившій начальство, отъ котораго отказался Альфонсъ, не могъ оставаться въ Романіи, потому что Милану угрожали со всѣхъ сторонъ, а англичане съ арагонцами напали на Гіэнь и Гасконь. Оставивъ въ Романіи небольшой отрядъ, онъ поспѣшилъ съ остальнымъ войскомъ къ сѣвернымъ границамъ миланскаго герцогства. Едва перешелъ онъ границу, какъ заняли папскія войска. Бонтиволіо снова лишились Болоньи. Между тѣмъ кардиналъ Шиннеръ возбудилъ движеніе въ Швейцаріи и согласился съ императоромъ сдѣлать герцогомъ миланскимъ старшаго сына Лудовико Моро, Массимиліано Сфорцу, кото-

*) Онъ называетъ ихъ: gente indisciplinata, orgogliosa e bestiale.

рый бѣжалъ къ императору съ своимъ братомъ, Франческо. Это тоже содѣйствовало разрыву императора съ Франціей. Императоръ отправилъ швейцарцевъ чрезъ Тридентъ въ Италію; граубинденцы открыли имъ путь чрезъ Хуръ въ Кіавенну, а когда швейцарцы пришли въ веронскую область, венеціанцы присоединили къ нимъ свою кавалерію; поэтому Ла Палисъ долженъ былъ вездѣ отступать передъ ними. Французское войско становилось съ каждой минутой слабѣе. Волонтеры возвратились во Францію, а императоръ опять послалъ вызовъ четыремъ или пяти тысячамъ ландскнехтовъ, бывшихъ во французской арміи, и племянникъ „добраго Якова“ долженъ былъ наконецъ исполнить это требованіе. Ла Палисъ сдалъ даже Миланъ, удержавъ только цитадель. Онъ не могъ сохранить и Павію, былъ во время бѣгства аттакованъ при Асти, и побѣдоносные союзники освободили изъ плѣна кардинала Джіованни Медичи.

Когда Раймондъ Кардона двинулся въ Тоскану съ вновь организованнымъ испанскимъ войскомъ, воинственный кардиналъ Медичи соединилъ съ его арміею свой отрядъ и помогъ своей фамиліи возвратить власть надъ Флоренціей, гдѣ до сихъ поръ была республика, а ганфалоньеромъ былъ одинъ изъ Содерини. Флорентинцы не могли противиться, потому что испанцы стояли близь Прато; они вступили въ переговоры касательно условій, на которыхъ управленіе городомъ предоставлялось племяннику кардинала Джіовани, Лоренцо. Самъ кардиналъ потому не былъ выбранъ, что имѣлъ надежду сдѣлаться папою, и въ слѣдующемъ году дѣйствительно вступилъ на св. престолъ подъ именемъ Льва X. Во время переговоровъ испанцы, стоявшіе въ Прато, терпѣли нужду, вслѣдствіе чего неожиданно выступили и 30 августа взяли Флоренцію приступомъ и принялись такъ безчеловѣчно разбойничать, грабить и рѣзать, что историки утверждаютъ, будто они поступали во Флоренціи хуже, чѣмъ французы въ Брешіи. Тѣмъ не менѣе 31 августа, при радостныхъ крикахъ народа, Медичи были снова водворены; Содерини долженъ былъ

удалиться въ Рагузу. Лоренцо Медичи, правившій съ тѣхъ поръ Флоренціей, былъ развратный злодѣй; однако флорентинцамъ пришлось заплатить за удовольствіе имѣть государя 140,000 дукатовъ императору и испанскому королю.

Когда французы сдали Миланъ, швейцарцы, шедшіе изъ Тироля и Хура противъ этого города, привезли туда съ собою такого же тирана, какъ Лоренцо Медичи, и знамя Сфорца стало снова развѣваться надъ столицею Ломбардіи. Французскіе гарнизоны держались однако въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ и городахъ еще два мѣсяца. Венеціанцы надѣялись купить ихъ у комендантовъ, и Кривелли, начальствовавшій въ Кремѣ, продалъ имъ свою крѣпость. Но имъ не удалось овладѣть такимъ образомъ Брешіею. Д'Обиньи храбро защищалъ всѣ города до прихода вице-короля, Раймонда Кардоны, войска котораго взяли въ Тосканѣ огромную добычу. Раймондъ не хотѣлъ и слышать о притязаніяхъ Венеціи на Брешію и Бергамо; онъ даже потребовалъ у нихъ Крему. 13 ноября д'Обиньи передалъ на почетныхъ условіяхъ городъ испанцамъ, которые заняли также Леньяно, Пескіеру и цитадели Треццо и Новары. Генуя возвратила себѣ свободу; Джіано Фрегозо, посланный союзниками въ этотъ городъ, призвалъ гражданъ къ возстанію, изгналъ французскій гарнизонъ и былъ избранъ дожемъ. Ла Палисъ потерялъ много людей въ Италіи и при переходѣ черезъ Альпы. Между тѣмъ въ Алессандріи, Павіи, Тортонѣ и Комо Массимиліано Сфорца былъ провозглашенъ герцогомъ при громкихъ крикахъ народа. Маркграфъ Монтферратскій взялъ Асти и Новару, но цитадели ихъ еще держались. Швейцарцы, подкрѣпленные венеціанцами, сопровождали герцога Моссимиліано Сфорцу въ Миланъ; 15 декабря 1512 г. кардиналъ зиттенскій отъ имени папы, епископъ гуркскій отъ имени императора и Раймондъ Кардона отъ имени Фердинанда Католика, ввели его въ Миланъ въ великолѣпной процессіи и съ блестящими праздниками. На походѣ въ Миланъ швейцарцы опять разбойничали; убійства, пожары и грабежи обозначали

ихъ путь; они безъ пощады требовали вездѣ контрибуцію и, получивъ ее, возобновляли требованіе. Не довольствуясь пріобрѣтенными такимъ образомъ богатствами, они, возвращаясь домой, заняли Локарно, Кіавевну и Вальтелину, какъ свою долю въ добычѣ.

Папа Юлій II, годъ тому назадъ покинутый всѣмъ міромъ и хотѣвшій послѣ битвы при Равеннѣ бѣжать изъ Италіи, сталъ теперь заносчивѣе, чѣмъ когда либо. Пизанскій соборъ былъ переведенъ въ Миланъ, а изъ Милана въ Ліонъ; но его признавали только французы. Послѣ того какъ императоръ совершенно разорвалъ союзъ съ Франціей, папа могъ безпрепятственно держать соборъ въ Латеранѣ и постановлять черезъ него все, что угодно. Кромѣ того, императоръ долженъ былъ помочь ему завладѣть Пармою и Піаченцею, потому что ученые римской куріи рѣшили, что оба герцогства принадлежали когда-то къ экзархату равенскому и потому составляли часть извѣстнаго мнимаго пожалованія (т. V, стр. 366). Взамѣнъ этого папа хотѣлъ доставить императору значительныя выгоды отъ венеціанцевъ. Юлій II предложилъ венеціанцамъ свое посредничество, говоря, что желаетъ обратить перемиріе, заключенное на восемь мѣсяцевъ съ императоромъ, въ миръ. Но когда при этомъ онъ намекнулъ венеціанцамъ, что за миръ съ императоромъ они должны отдать Верону и Виченцу, а за остальныя имперскія провинціи, занятыя ими, заплатить большія суммы, они отказались отъ его посредничества. Они знали, что папа втихомолку заключилъ союзъ съ императоромъ и королемъ испанскимъ, и потому стали стараться сойтись съ Лудовикомъ XII французскимъ.

Фердинандъ пользовался императоромъ и папою, чтобы лишить венеціанцевъ всѣхъ выгодъ союза, восторжествовавшаго, благодаря ихъ деньгамъ и войскамъ; англійскій король Генрихъ VIII послужилъ ему орудіемъ для завоеванія части королевства наваррскаго, лежавшей по ту сторону Пириней; при этомъ вся тяжесть войны съ Лудовикомъ XII падала на союзника Ферди-

нанда. Мы уже говорили (т. X, стр. 438—46), что по поводу королевства наваррскаго между королями арагонскимъ и французскимъ происходило несогласіе изъ за вліянія на наваррское правительство. Рыцарство этого королевства было раздѣлено на двѣ партіи, Бомоновъ и Граммоновъ; первые были въ союзѣ съ Арагоніей, а вторые съ Франціей. Съ тѣхъ поръ, какъ наслѣдница наваррская, Катарина де Фуа, вышла замужъ (1485 г.) за Жана д'Альбре, склонявшагося болѣе на сторону французовъ, Граммоны имѣли преобладающее вліяніе какъ въ испанской Наваррѣ, такъ и въ Беарнѣ. Поэтому Бомоны обратились къ Арагоніи, и Фердинандъ Католикъ, тщетно старавшійся отвлечь слабаго короля отъ союза съ Франціей, воспользовался этой партіей, чтобы возбудить безпокойства въ странѣ. Іоаннъ Наваррскій былъ, что называется, добрый малый; онъ былъ кротокъ, веселъ, каждый день выслушивалъ двѣ или три мессы, обѣдалъ у всякаго, кто его приглашалъ, присутствовалъ при освященіи церквей въ каждой деревни и не пропускалъ ни одного празднества, гдѣ бы оно не происходило. О церемоніяхъ и внѣшнемъ достоинствѣ онъ и не думалъ; онъ любилъ больше быть въ толпѣ, довѣрчиво танцовалъ съ крестьянками и гражданками, даже на улицахъ и площадяхъ. Не удивительно, что Іоаннъ пренебрегалъ предостереженіями своего союзника, короля Лудовика XII французскаго, который настойчиво совѣтовалъ ему быть осторожнѣе. Веселый, беззаботный, простосердечный государь не обращалъ на это вниманія, продолжалъ жить между своими поселянами и, какъ они, беззаботно мечтать и танцовать. Фердинандъ Католикъ погубилъ его, уговоривъ своего зятя, короля Генриха VIII, послать войско, назначенное противъ Франціи, не въ Нормандію, а въ Гасконь.

Фердинандъ обманулъ Генриха самымъ грубымъ образомъ. Онъ убѣдилъ его отказаться отъ намѣренія напасть на Францію изъ Кале, и уговорить послать въ Гіэнь на испанскихъ корабляхъ свои войска, которыми командовалъ маркизъ Дорсетъ.

Фердинандъ высадилъ эти войска въ Гипускоа, желая побудить маркиза двинуться оттуда на Байонну. Но англійскій генералъ не согласился на это, потому что, чтобы сдѣлать это, ему приходилось предварительно занять Наварру и предоставить ее арагонцамъ. Онъ снова поплылъ съ своими войсками и высадился у Адура. Король Фердинандъ отправилъ герцога Альбу съ войскомъ, при которомъ находился глава партіи Бомоновъ; когда король Іоаннъ отказался вступить въ союзъ противъ Лудовика XII, войско это вступило въ Наварру. Мы не знаемъ, справедливо ли утверждаетъ іезуитъ Маріана (XXX, 18), будто Фердинандъ въ оправданіе своего нападенія приводилъ документъ, которымъ папа Юлій II объявлялъ короля наваррскаго лишеннымъ владѣній за союзъ съ отлученнымъ отъ церкви покровителемъ пизанскаго собора; но извѣстно, что Фердинандъ покинулъ англичанъ, чтобы завладѣть Наваррой. Хотя онъ обѣщалъ соединить свое войско съ англійскимъ для осады Байонны, но не сдѣлалъ этого, имѣя въ виду только покорить Наварру. Въ результатѣ вышло, что всѣ французскія силы, подъ командой Ла Палиса и герцоговъ Лонгвилля и Бурбона-Монпансье, направились противъ англичанъ, что дало испанскому войску время утвердиться въ Наваррѣ. Пока англичане отвлекали главную армію французовъ, герцогъ Лонгвилль ссорился съ герцогомъ Бурбономъ-Монпансье за начальство надъ войскомъ, такъ что король Лудовикъ былъ принужденъ послать въ армію своего наслѣдника, герцога Франциска Валуа. Коннетабль наваррскій, Луи де Бомонъ, занялъ между тѣмъ свое отечество съ отрядомъ арагонскаго войска. Король Іоаннъ отправилъ свое семейство въ Беарнъ и заперся, въ ожиданіи французскаго войска, въ крѣпости Мойя. Но такъ какъ мѣстничество главнокомандующихъ, основанное на феодальномъ правѣ, остановило ихъ дѣйствія, то веселый король соскучился наконецъ въ крѣпости. Въ великому огорченію своей смѣлой и дѣятельной жены, онъ покинулъ королевство и отправился къ ней во Фран-

цію въ то время, какъ герцогъ Альба занялъ всю сторону до Пиринеевъ и даже лежащій по ту сторону ихъ городъ Сенъ-Жанъ-Пье-де-Поръ. Маркизъ Дорсетъ, какъ видно изъ его письма къ королю Генриху, былъ очень недоволенъ занятіемъ Наварры. Онъ жаловался, что Фердинандъ не дѣлаетъ ни шага, чтобы помочь ему взять Байонну; а Фердинандъ, съ своей стороны, посылалъ гонцовъ къ Генриху VIII съ жалобой, что англичане не соединились съ нимъ. Эта ссора отсрочила наступательныя дѣйствія до октября, и когда Генрихъ приказалъ наконецъ своему генералу соединиться съ испанцами, маркизъ Дорсетъ уже посадилъ свои войска на испанскіе корабли, чтобы возвратиться въ Англію. Впослѣдствіи Генрихъ узналъ, что тесть обманулъ его.

Отдѣлавшись отъ англичанъ, французы двинулись впередъ, чтобы возвратить владѣнія изгнанному королю наваррскому; герцогъ Альба избѣгалъ встрѣчи съ ними. Въ самое дурное время года, въ ноябрѣ, онъ отступилъ въ горы и заперся въ Пампелунѣ. Здѣсь онъ отразилъ яростную аттаку французовъ, потерпѣвшихъ при этомъ большой уронъ, и еще въ ноябрѣ принудилъ ихъ къ отступленію. По словамъ современныхъ историковъ, Катарина де-Фуа поняла, что за ней и ея потомками останется только королевскій титулъ, а владѣнія будутъ ограничены Беарномъ. Приводятъ даже слова, въ которыхъ Катарина упрекала своего добраго Іоанна за его апатичность *). Результатомъ всѣхъ дипломатическихъ и военныхъ предпріятій Лудовика XII было то, что въ началѣ 1513 г. союзникъ его, король наваррскій, былъ лишенъ своего королевства, а изъ всѣхъ завоеваній въ Италіи у Лудовика остались только цитадели Милана, Кремоны, Трецио и Финале близь Генуи. Перемиріе, заключенное на

*) Dom Juan, mon ami, si nous fussions nés vous Catherine et moi Dom Juan, nous serions encore rois de Navarre.

годъ между Лудовикомъ и Фердинандомъ, причемъ о королѣ Іоаннѣ даже не было упомянуто, позволило арагонскому королю присоединить Наварру къ своему королевству.

Лудовикъ не терялъ надежды снова утвердиться въ Италіи въ особенности потому, что венеціанцы были готовы вступить съ нимъ въ союзъ противъ папы, императора и короля Фердинанда. Папа возбудилъ въ венеціанцахъ подозрѣніе попыткою лишить ихъ, въ угоду императору, Вероны и Виченцы, и своимъ тайнымъ союзомъ съ Фердинандомъ Католикомъ. Притязанія его на Парму и Піаченцу также смущали Венецію, захватившую столько императорскихъ владѣній. Отношенія венеціанцевъ къ императору и папѣ и желаніе Лудовика снова покорить Миланъ произвели то, что 24 марта 1513 г., при посредничествѣ Тривульціо, между Франціей и Венеціей былъ заключенъ наступательный и оборонительный союзъ въ Блуа. Дочь Максимиліана, Маргарита, по предложенію Фердинанда и папы, устроила 5 апрѣля въ Мехельнѣ другой, противный союзъ, хотя Фердинандъ только что заключилъ съ Лудовикомъ перемиріе. Эти союзы главныхъ державъ Европы были третьими въ ряду тѣхъ, которые установили существующія до нынѣ политическія и дипломатическія отношенія Европы.

Блуаскій и мехельнскій договоры были заключены уже по смерти папы Юлія II (въ февралѣ 1513 г.); младшіе члены кардинальской коллегіи, бывшіе тогда въ ссорѣ съ старшими кардиналами, выбрали на его мѣсто тридцатишести-лѣтняго кардинала Джіованни Медичи, сына Лоренцо Великолѣпнаго. Этотъ папа, еще менѣе благочестивый, чѣмъ его предшественникъ, справедливо прославился, подъ именемъ Льва X, какъ государственный и свѣтскій человѣкъ, какъ знатокъ и покровитель искусствъ и художниковъ, поэтовъ и ученыхъ и какъ творецъ блистательнѣйшихъ архитектурныхъ произведеній древняго и новѣйшаго времени. Онъ возвеличилъ свою фамилію и проложилъ побочному сыну своего дяди, Юліану, дорогу къ папскому престолу, но

произвелъ въ то же время расколъ латинской церкви и продалъ Испаніи свободу и національность Италіи.

Мехельнскій трактатъ былъ заключенъ между папою Львомъ X, императоромъ Максимиліаномъ и королями испанскимъ и англійскимъ. Союзники обязались немедленно объявить войну французамъ и начать ее въ Италіи непремѣнно въ два слѣдующіе мѣсяца. Остальныя статьи трактата показываютъ, что Лудовику нечего было бояться этого союза. Генрихъ VIII англійскій долженъ былъ вести войну въ Нормандіи, Пикардіи и Гіэнѣ, Фердинандъ въ Беарнѣ, Лангедокѣ и Гіэнѣ, папа въ Провансѣ и Дофине, императоръ въ Бургундіи и въ самой Франціи. Кромѣ того, папа долженъ былъ отлучить французовъ и ихъ союзниковъ отъ церкви, а король Генрихъ — заплатить императору 10,000 золотыхъ кронъ. При заключеніи договора полагали, что Фердинандъ и папа утвердятъ его; но ни тотъ, ни другой не дали своего согласія. Главными виновниками мехельнскаго союза были императоръ и англійскій король; но они-то и были обмануты. У императора тогда, какъ и всегда, была одна забота — о деньгахъ. Генрихъ VIII англійскій хотѣлъ продолжать войну съ Франціей, въ которой понесъ въ предшествовавшемъ году большія потери на морѣ и на сушѣ; съ согласія своего парламента и духовенства онъ собралъ значительныя суммы отъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Онъ назначилъ по этому случаю сословную подать и налогъ на движимыя и недвижимыя имущества, которыя въ ходу въ наше время *).

*) Герцогъ долженъ былъ платить 6 фунтовъ 13 шиллинговъ, графъ или маркизъ 4 фунта, жены ихъ столько же, баронеты, бароны и ихъ жены по два фунта, другіе кавалеры и лорды, засѣдающіе въ парламентѣ, одинъ фунтъ десять шилинговъ, а землевладѣльцы $2^1/_2$ процента съ годоваго дохода своихъ имѣній и т. д. Такимъ образомъ тѣ, у кого было менѣе двухъ фунтовъ дохода, должны были платить одинъ шилингъ. Кто имѣлъ состояніе въ 800 фунтовъ—платилъ 2 фунта 13 шилинговъ и т. д., слуга и поденьщикъ съ 2 фунтовъ годовой платы—одинъ шилингъ, а съ одного до двухъ фунтовъ — 6 пенсовъ, остальные же всѣ—по четыре пенса.

Лудовику XII нечего было бояться императора и англійскаго короля, и потому онъ направилъ всѣ свои силы противъ Милана въ то время, какъ ему угрожали изъ Кале и изъ Фландріи. Не смотря на заключенное между нимъ и Фердинандомъ перемиріе, ему приходилось имѣть дѣло съ испанцами, такъ какъ договоръ о перемиріи касался только Франціи и Испаніи, но не распространялся на Италію. Кромѣ того, папа Левъ X разошелся съ Испаніей, потому что хотѣлъ завладѣть для своего семейства Пармой и Піаченцой и возобновилъ притязанія своихъ предшественниковъ на эти герцогства. Раймондъ Кардона, по смерти Юлія II, принудилъ гражданъ Пармы и Піаченцы снова признать своимъ главою Массимиліано Сфорцу Миланскаго. Но ссора герцога съ папою была улажена; герцогъ снова очистилъ Парму и Піаченцу, и Левъ далъ ему помощь, разумѣется, не высказываясь прямо въ его пользу противъ французовъ. Чтобы помогать герцогу втайнѣ, папа воспользовался швейцарцами и, разойдясь съ испанцами, сталъ сближаться съ Лудовикомъ XII.

Во главѣ многочисленнаго войска, посланнаго Лудовикомъ XII весною 1513 г. въ Италію противъ Милана, стоялъ Ла Тремуйль, назначенный королевскимъ намѣстникомъ (lieutenant-general du roi) въ Италіи и главнокомандующимъ арміею. Подъ его начальствомъ служили маршалъ Джіованни Джакопо Тривульціо и де-ля-Марки. Такъ какъ имѣнія де-ля-Марковъ находились на нѣмецкой и нидерландской границахъ, то они могли подобно Францу Зиккингену и Гётцу фонъ-Берлихингену заниматься въ XVI вѣкѣ разбоями, въ которыхъ рыцарство упражнялось въ средніе вѣка. Робертъ де-ля-Маркъ сеньеръ де-Седанъ предводительствовалъ семью или восьмью стами рыцарей и 8,000 французскихъ пѣшихъ наемниковъ (aventuriers); сынъ его, маршалъ Флеранжъ, 6,000 нѣмецкихъ наемниковъ или ландскнехтовъ. Если бы Лудовикъ назначилъ главнокомандующимъ, вмѣсто Ла Тремуйля, маршала Тривульціо, то, вѣроятно, предпріятіе его удалось бы. Авторъ „Мемуаровъ Ла Тремуйля“, разумѣется, защи-

щаетъ его отъ всякихъ упрековъ; но всѣ остальные писатели утверждаютъ, что Ла Тремуйль одинъ виноватъ въ позорномъ и пагубномъ для Франціи окончаніи этого похода. Біографъ его соглашается, что Ла Тремуйль съ самаго начала не предвидѣлъ добраго результата *).

Лишь только французы появились въ Италіи, Раймондъ Кардона, войско котораго было слишкомъ слабо, вышелъ по приказанію Фердинанда изъ миланскаго герцогства и отступилъ въ окрестности Пьяченцы, чтобы по первому знаку идти къ Неаполю. Поэтому Асти и Алессандрія сдались французамъ безъ сопротивленія. Такъ какъ, кромѣ того итальянцы, убивавшіе французовъ въ прошломъ году тысячами, теперь снова призывали ихъ, то спасеніе Милана зависѣло только отъ швейцарцевъ. Французы послали войско въ Генуя, чтобы поддержать братьевъ Адорно противъ Фрегозо, а демократовъ Ривіеры противъ аристократовъ столицы. Послѣдніе должны были уступить, и Генуя, за исключеніемъ Кастеллетто, чрезъ Адорно снова сдѣлалась французскою. Когда французское войско вступило въ миланское герцогство, герцогъ Массимиліано владѣлъ только Комо и Наваррою. Онъ не смѣлъ оставаться въ Миланѣ и почти бѣжалъ въ Наварру съ своими ненадежными итальянцами и 5000 швейцарцевъ. Въ тоже время венеціанскій генералъ Альвіано воспользовался неудовольствіемъ ломбардцевъ, чтобы занять Пескіеру, Валеджіо и Кремону, послѣднюю впрочемъ безъ цитадели; своего генерала Ренцо да Чери, онъ послалъ поддерживать возмущеніе гражданъ Бергамо и Брешіи, испанскіе гарнизоны которыхъ искали спасенія въ цитаделяхъ. Лоди и Сончино также отпали отъ герцога.

Французская армія прежде всего обратилась противъ Новары. Но Ла Тремуйль получилъ извѣстіе, что при приступѣ на Но-

*) Qui n'osa le (командованіе) refuser, combien qu'il cogneust la charge estre dangereuse pour les causes susdites.

вару ему будетъ грозить опасность быть окруженнымъ двумя швейцарскими войсками, такъ какъ на выручку идутъ черезъ долину Аосты два сильныхъ швейцарскихъ отряда. Чтобы не попасть между двухъ огней, Ла Тремуйль расположился лагеремъ при Ла Ріоттѣ. Позиція была дурно выбрана, потому что въ горахъ нельзя было дѣйствовать тяжелой кавалеріей, составлявшей главную силу французовъ; пѣхота же ихъ не могла равняться съ швейцарской. 5 іюня въ Новару пришло десятитысячное подкрѣпленіе, и по совѣту Якова Матти изъ Ливинена или, какъ его называютъ, Якова изъ Ури, они рѣшились не ждать третьяго швейцарскаго отряда, который велъ къ нимъ баронъ Гогенсаксъ, и на другой же день сдѣлать вылазку изъ Новары. Ла Тремуйль былъ застигнутъ въ расплохъ; поэтому 6 іюня 1513 г. швейцарцы одержали блистательную побѣду; а такъ какъ французы вмѣсто того, чтобы отступить къ Асти и Алессандріи, обратились въ постыдное бѣгство за Альпы, то вся ихъ артиллерія и огнестрѣльные снаряды, достались побѣдителямъ. Въ Генуѣ французская партія была низвергнута, Жалкіе ломбардцы стали убивать французовъ, съ которыми недавно были друзьями и старались пріобрѣсти милость герцога Массимиліано низостями и деньгами. Города должны были заплатить большія суммы, Миланъ—200,000 дукатовъ, а остальные пропорціонально этому. Всѣ эти деньги шли швейцарцамъ, но не удовлетворили ихъ жадность, хотя они сверхъ этого обогатились на счетъ пьемонтцевъ, у которыхъ, подъ предлогомъ прегражденіи французамъ пути въ Италію, хозяйничали, какъ монголы или турки.

Послѣ битвы при Новарѣ, Раймонду Кардонѣ хотѣлось, по примѣру своего короля, загребать жаръ чужими руками. Онъ возвратился въ миланское герцогство съ намѣреніемъ отнять у венеціанцевъ ихъ завоеванія. Но сдѣлать это было не легко, потому что ему пришлось имѣть дѣло съ лучшимъ венеціанскимъ генераломъ, графомъ Альвіано. Онъ оспаривалъ каждый клочекъ земли у

испанцевъ, съ которыми въ концѣ іюля соединились нѣмецкія войска, посланныя Максимиліаномъ; но наконецъ Альвіано долженъ былъ оставить равнину Терра Фирмы и ограничиться защитою городовъ Тревизо, Кремы и Падуи. Въ началѣ августа Матвѣй Лангъ, который не задолго передъ тѣмъ былъ наконецъ сдѣланъ кардиналомъ и служилъ Максимиліану на военномъ и дипломатическомъ поприщахъ, предложилъ союзникамъ аттаковать Падую, гдѣ находился самъ Альвіано; но они были принуждены со стыдомъ и срамомъ отступить, и кардиналу пришлось сознаться, что военныя дѣла не по его части. Послѣ этого союзники совершенно удалились изъ венеціанской области, пока въ концѣ сентября императоръ не прислалъ въ Италію новаго войска. Съ этимъ нѣмецкимъ войскомъ и съ своими испанцами Раймондъ Кардона пошелъ внизъ по Эчу, прошелъ за Бренту въ Местре, пустилъ оттуда, какъ бы въ насмѣшку, нѣсколько бомбъ въ острова и отправился съ своей добычей въ Верону. Альвіано, доселѣ спокойно стоявшій въ Падуѣ, долженъ былъ по приказанію венеціанскаго сената выступить и преградить непріятелю путь въ Верону. Такимъ образомъ онъ вышелъ изъ Падуи, и, соединившись съ отрядомъ, расположеннымъ въ Тревизо, встрѣтился съ непріятелемъ 7 октября 1513 г. близь Винченцы. Здѣсь произошло сраженіе, въ которымъ главнокомандующіе, Просперъ Колонна и Фердинандъ д'Авалосъ маркизъ Пескара, дѣйствовали такъ хорошо, что венеціанцы были совершенно разбиты, ихъ лучшіе предводители взяты въ плѣнъ или убиты, а артиллерія и обозъ захвачены. Послѣ пораженія венеціанцевъ, Италія была совершенно потеряна для французовъ.

Вся выгода отъ новаго оборота дѣлъ въ Италіи досталась папѣ и испанцамъ; впрочемъ и швейцарцы поживились на счетъ Франціи и пріобрѣли много денегъ въ Бургундіи. За то Максимиліанъ и Генрихъ VIII были обмануты, хотя первый, какъ мы увидимъ, пріобрѣлъ въ Нидерландахъ даже нѣкоторую славу.

Король Генрихъ VIII былъ въ 1513 г. простымъ орудіемъ императора Максимиліана и его дочери, Маргариты, которая умѣла заставить своего отца всячески льстить тщеславію молодого короля, поступить даже къ нему въ службу въ качествѣ начальника кондотьери и выступить за него въ походъ. Максимиліанъ носилъ бѣлую розу — гербъ Генриха и не стыдился принимать жалованье, по сту кронъ въ день. Онъ хотѣлъ даже, по примѣру своихъ предшественниковъ, выманить денегъ у тщеславнаго юноши посредствомъ диплома, не имѣвшаго никакого значенія; но англичане были слишкомъ практичны, чтобъ поддаться на эту штуку. Максимиліанъ хотѣлъ сдѣлать англійскаго короля безсмѣннымъ викаріемъ имперіи на вѣчныя времена; но императоръ весьма сконфузился, когда Генрихъ полюбопытствовалъ узнать какія права и преимущества соединены съ этимъ титуломъ, и дѣло кончилось ничѣмъ.

Маргарита дѣйствовала противъ французовъ съ тѣмъ коварствомъ и притворствомъ, которое впослѣдствіи будетъ изумлять насъ и приводить въ негодованіе въ поступкахъ ея племянника и воспитанника, Карла V. Съ 1507 г. ее безпрестанно тревожилъ неугомонный герцогъ Гельдернскій, котораго тайно поддерживалъ Лудовикъ XII. Чтобы сохранить нейтралитетъ Фландріи, бывшей французскимъ леномъ, Маргарита обманывала короля Лудовика дружескими письмами, которыя не переставала писать ему даже тогда, когда Генрихъ уже былъ готовъ отправить моремъ свое войско. Въ іюнѣ 1513 г. она увѣряла Лудовика, что, подобно своему отцу, останется доброй союзницей Франціи, хотя въ союзѣ этомъ собираются участвовать дурные люди *). Но въ это время она получила письмо отъ своего отца, въ которомъ Максимиліанъ изъявлялъ надежду, что Генрихъ высадится при Кротуа и пойдетъ вверхъ по Соммѣ, чтобы дать ему (Максимиліану) возможность разбить фран-

*) Combien plusieurs pour leur gaing et prouffit particulier à leurs perils et fortunes soient allez au service du roi d'Angleterre.

цузовъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда они были поражены его тестемъ *).

Генрихъ высадился въ Кале; Максимиліанъ прислалъ ему 7,000 человѣкъ такъ называемыхъ ландскнехтовъ, которые въ Германіи занимались ремесломъ швейцарцевъ и были такъ же ловки, храбры и опытны и такъ же грубы, жестоки и падки на добычу. Этотъ отрядъ назывался черною шайкой, подобно итальянской, которую вскормилъ и взлелѣялъ папа Юлій II. Максимиліанъ находился лично при союзной арміи, когда она пошла на осаду Теруанни, и англійскій король былъ на столько уменъ, что предоставилъ ему главное начальство. Чтобы выручить Теруаннь, Лудовикъ XII собралъ значительное войско, при которомъ находились первые вельможи и лучшіе генералы и рыцари королевства. Максимиліанъ аттаковалъ французовъ при Гингатѣ, и легкая побѣда, одержанная имъ, принесла императору тѣмъ болѣе чести, что лучшіе рыцари Франціи бѣжали передъ нимъ почти безъ боя, и такимъ образомъ ненавистные французы были не только побѣждены, но и унижены. Это лучше всего видно изъ мемуаровъ дю-Белле, гдѣ подробно и поименно исчислены всѣ господа, позорно бѣжавшіе при Гингатѣ, въ томъ числѣ главнокомандующій и намѣстникъ Пикардіи де-Піеннъ, герцогъ Лонгвилль, храбрый Баяръ, Ла-Палисъ и Имбрекуръ. По рыцарскому обычаю того времени, они сошли со своихъ огромныхъ, тяжелыхъ коней и сняли шлемы и латы; въ это время Максимиліанъ бросился на нихъ со своими рыцарями и не далъ имъ времени сѣсть на лошадей и надѣть вооруженіе. Имъ оставалось только бѣжать, и сами французы называютъ сраженіе при Гингатѣ битвою шпоръ (la journee des épe-

*) Par ainsi, que pourront, пишетъ Максимиліанъ, à grand honneur et puissance marcher oultre jusqu'a Montlhéry, ou feu nostre beaupère le duc Charles eut grand bataille et victoire (т. X, стр. 145), au quel lieu il faut que les Français combattent, car c'est au coeur du royaume, qui s'appelle Isle de France.

rons). Ла-Палисъ скрылся; но Баяръ совѣстился бѣжать и былъ взятъ въ плѣнъ съ герцогомъ Лонгвиллемъ, маркизомъ Ротленомъ, Бюсси д'Амбуазомъ, Клермономъ и Лафайеттомъ. Послѣ этого Теруаннь не могла держаться и была срыта до основанія, въ угоду нидерландцамъ. Генрихъ VIII осадилъ и взялъ городъ Турнѐ, владѣніе которымъ стало для Англіи тяжелымъ бременемъ. По взятіи этого города въ концѣ сентября, императоръ и король отправились въ Нидерланды, гдѣ Маргарита не поскупилась на празднества.

Въ томъ же 1513 году, когда Максимиліанъ, Маргарита и папа такъ позорно помыкали молодымъ королемъ Англіи въ походѣ въ Нидерланды и Италію, войска его одержали блестящую побѣду надъ королемъ Іаковомъ IV шотландскимъ. Іаковъ былъ женатъ на сестрѣ Генриха, Маргаритѣ; но этотъ союзъ принесъ обоимъ королевствамъ не миръ, а бѣду. Іаковъ ссорился со своимъ зятемъ, и мало по малу между ними завязалась кровопролитная война изъ-за одного члена семейства Бартоновъ, съ которымъ Генрихъ поступилъ, какъ съ пиратомъ. Поводъ къ этой войнѣ совпадаетъ съ характеромъ шотландцевъ и съ однимъ событіемъ, случившимся въ послѣдней четверти XV вѣка. Шотландцы были морскими и сухопутными разбойниками, какъ разсказываетъ соотечественникъ ихъ, Вальтеръ Скоттъ, который впрочемъ по своему романтизму похваляетъ ихъ за это; но, подобно нашимъ Францу Зиккингену и Гётцу фонъ Берлилингену, они были вмѣстѣ съ тѣмъ храбрыми рыцарями. Къ числу пиратовъ, занимавшихся морскою торговлей, принадлежали братья Бартоны, бывшіе въ большой милости у Іакова. Отецъ этихъ Бартоновъ, у котораго въ 1473 г. былъ отнятъ корабль, требовалъ отъ португальскаго правительства уплаты за понесенный при этомъ убытокъ; вслѣдствіе этого король Іаковъ далъ сыновьямъ Бартона (черезъ 30 лѣтъ послѣ происшествія) привиллегію грабить португальскіе суда до тѣхъ поръ, пока не будутъ выплачены долгъ и проценты. Шотландцы, занимавшіеся грабежемъ, какъ ремесломъ,

воспользовались этимъ позволеніемъ, чтобы захватывать и другіе корабли, и Бартоны, служившіе Іакову, напали при этомъ на англійскія суда. Генрихъ VIII послалъ противъ нихъ свой флотъ, который взялъ два шотландскихъ корабля въ битвѣ, стоившей жизни Андрью Бартону, Генрихъ отослалъ плѣнныхъ въ Шотландію, но отказалъ шотландскому королю въ требуемомъ удовлетвореніи. Іаковъ чрезвычайно разсердился и въ 1512 г. возобновилъ древній союзъ Шотландіи съ Франціей. Однако онъ не объявлялъ Англіи открытой войны; но лѣтомъ 1513 г., когда англичане и французы сражались при Теруаннѣ, онъ послалъ на помощь французскому королю флотъ и вторгнулся въ Англію, прежде чѣмъ его герольдъ успѣлъ прибыть въ лагерь Генриха при Теруаннѣ. Если вѣрить англичанамъ, трудно было придумать предпріятіе болѣе безумное. Если дѣйствительно, какъ они утверждаютъ, 80,000 шотландцевъ бросились грабить англичанъ, то ясно, что эти дурно вооруженныя, нестройныя массы должны были неизбѣжно погибнуть. Графъ Сѐррэ, стоявшій съ войскомъ въ Понтефректѣ, собралъ рыцарство сѣверныхъ графствъ и выступилъ противъ шотландцевъ, съ своимъ сыномъ, лордомъ Говардомъ. Шотландцы занимали неприступную позицію у **Флоддена** на Твидѣ, и англійскіе полководцы выказали большія военныя способности, съумѣвъ выманить ихъ оттуда. По словамъ офиціальнаго извѣстія, шотландцы двинулись на нихъ стройно и въ порядкѣ, точно швейцарцы *), но не дальше какъ черезъ часъ потерпѣли пораженіе (8 сентября 1513 г.), и ожесточенные англичане, страну которыхъ они звѣрски опустошали, истребили ихъ совершенно. Въ битвѣ пало 10,000 шотландцевъ, въ томъ числѣ самъ король Іаковъ и его побочный сынъ, архіепископъ Сентъ-Андрьюсъ, два епископа, два аббата, двѣнадцать графовъ, тринадцать бароновъ и пятьдесятъ

*) «En bon ordre, en la manière que marchent les allemans, sans parler, ne faire aucun bruit.»

пять другихъ знатныхъ лицъ. Англичане захватили также 6,000 лошадей и шотландскую артиллерію, состоявшую изъ 17 пушекъ.

Въ одно время съ нападеніемъ Генриха на Францію и разбойничьимъ походомъ шотландцевъ, швейцарцы, побуждаемые императоромъ, предприняли такой же разбойничій набѣгъ на восточную Францію, кончившійся чрезвычайно счастливо, но въ ущербъ англичанамъ. Въ то время вся Швейцарія, какъ мы уже замѣтили, къ неудовольствію всѣхъ истинныхъ швейцарцевъ и всѣхъ друзей свободы, обратилась въ гнѣздо кровожадныхъ наемниковъ. Швейцарское воинство помогло сначала французамъ и ихъ страшному тирану Лудовику XI завоевать Бургундію; потомъ оно отправилось въ Италію съ Карломъ VIII и наконецъ, когда Лудовикъ XII оскорбилъ его, стало служить императору и папѣ противъ французовъ. Когда Левъ X, подъ предлогомъ недоплаченнаго жалованья, выдалъ имъ 24,000 дукатовъ, швейцарцы взяли подъ свое покровительство молодого герцога миланскаго и изгнали французовъ изъ Италіи. Швейцарцы, возвратившіеся въ послѣднее время изъ Италіи, разбогатѣли отъ полученной платы и отъ контрибуцій и грабежей; поэтому швейцарцы стремились въ иностранную службу, какъ наши современники къ калифорнскому золоту. Максимиліанъ, считавшій англійскія субсидіи неисчерпаемыми, предложилъ швейцарцамъ за 16,000 войска 16,000 гульденовъ въ мѣсяцъ, если они завоюютъ Бургундію для внука его, Карла; не смотря на то, что въ то же время ихъ приглашали папа и герцогъ миланскій, жадность ихъ была такъ велика, что вмѣсто 16,000 человѣкъ обралось 25,000 или, какъ говорятъ, даже 50,000, подъ предводительствомъ бернскаго городского старшины Ваттевиля. Кромѣ сшвейцарцевъ, Максимиліанъ, не умѣвшій соразмѣрять своихъ издержекъ со средствами, нанялъ бургундское рыцарство и герцога Ульриха Виртембергскаго съ нѣсколькими тысячами кавалеріи.

Эти шайки ворвались въ Бургундію и опустошили ее. Они достигли Дижона, прежде чѣмъ намѣстникъ Бургундіи, Ла-Тремуйль, успѣлъ сдѣлать какія нибудь приготовленія для укрѣпленія этого города. Но онъ вывернулся изъ бѣды, подкупивъ тѣхъ швейцарцевъ и нѣмцевъ, которые говорили по французски, для того, чтобы съ ихъ помощью обмануть прочихъ. Хотя въ „Мемуарахъ Ла-Тремуйля" этого не сказано прямо, но есть намекъ на это. Сначала Ла-Тремуйль переговаривался изъ города съ какимъ-то Альбрехтомъ Штейномъ и другими, которыхъ онъ зналъ прежде, потомъ отправился самъ въ непріятельскій лагерь и заключилъ съ ними условія на французскомъ языкѣ, которыя были вкратцѣ сообщены добрякамъ нѣмцамъ *). Обманъ былъ очень грубъ; читая условія, переданныя людямъ, понимавшимъ только по нѣмецки, съ перваго взгляда видно, что Ла-Тремуйль не смѣлъ и не могъ позволить себѣ что нибудь подобное безъ особаго полномочія. Если бы въ Дижонѣ былъ запертъ самъ король со всѣмъ своимъ войскомъ, то и онъ бы призадумался давать подобныя обѣщанія разбойничьей ордѣ. Ла-Тремуйль заключилъ договоръ, по которому со стороны французовъ было обѣщано выплатить швейцарцамъ 400,000 золотыхъ талеровъ, а герцогу Ульриху—8,000, отказаться отъ владѣнія Асти, Миланомъ и Генуей, возвратить римской церкви и германской имперіи все, отнятое у нихъ и наконецъ не вербовать болѣе въ Швейцаріи войскъ, если всѣ кантоны не изъявятъ согласія на это.

Въ обезпеченіе этого договора, швейцарцы, правда, полу-

*) Et leur (швейцарцевъ) sauf conduit reçu, le seigneur de la Tremouille sans armes et petitement accompagné selon la forme du dit conduit alla vers eux. Потомъ слѣдуютъ намеки на двухдневные переговоры. Наконецъ говорится: Ils (швейцарцы) furent si bien menés par exhortation du dit seigneur de la Tremouille, que moyennant quelque grosse somme de deniers, qu'il leur promit, leverent leur siége et retournèrent en leur pays, sans autrement endommager le duché de Bourgogne.

чили заложниковъ *); но самъ Ла Тримуйль посовѣтовалъ королю предоставить ихъ на произволъ судьбы и отказаться утвердить договоръ. Швейцарцы, возвратившись домой, пришли въ страшное негодованіе, и многіе заговорили о вторичномъ походѣ; но такъ какъ никто не хотѣлъ принять вооруженіе на свой счетъ, то всѣ остались дома. Обѣщанныхъ 400,000 золотыхъ талеровъ, въ счетъ которыхъ швейцарцы получили 20,000, они выпрашивали до тѣхъ поръ, пока наслѣдникъ Лудовика XII, Францискъ I, желая опять принять ихъ на службу, далъ имъ послѣ побѣды надъ ними болѣе денегъ, чѣмъ они могли бы требовать, оставшись побѣдителями.

Главною заботою Лудовика XII въ 1514 г. было завоеваніе герцогства миланскаго, хотя онъ дѣлалъ, повидимому, большія приготовленія къ высадкѣ въ Англію и, чтобы быть въ состояніи вести войну съ Англіей, заключилъ съ Фердинандомъ и Максимиліаномъ перемиріе на годъ. Это перемиріе было причиною того, что въ 1514 г. всѣ политическія отношенія между государствами внезапно измѣнились. Генриха VIII убѣдили принять участіе въ союзѣ противъ Франціи обѣщаніемъ женить на его младшей сестрѣ внука и наслѣдника Максимиліана и Фердинанда, Карла; но въ трактатѣ, заключенномъ Максимиліаномъ съ Лудовикомъ, предполагался совершенно иной бракъ, и Максимиліанъ разорвалъ союзъ съ Генрихомъ, вслѣдствіе обѣщанія Лудовика выдать свою младшую дочь за его внука и дать за ней въ приданное Миланъ. Какъ ни старались хранить втайнѣ эти переговоры, но они обнаружились, такъ какъ герцогъ Лонгвилль, жившій въ Англіи плѣнникомъ послѣ битвы при Гингатѣ, извѣстилъ Генриха объ измѣнѣ Максимиліана. Англійскій король пришелъ въ страшный гнѣвъ. Онъ потребовалъ у Маргариты объясненія, почему ея отецъ не является для совершенія

*) Le seigneur de Mezières, neveu de la Tremouille, François de Rochefort, bailli de Dijon, et quatre des plus riches bourgeois de Dijon.

условленнаго брака; но оказалось, что она даже не слыхала о такомъ бракѣ, такъ что Генрихъ былъ явно одураченъ.

Герцогъ Лонгвиль, часто игравшій съ Генрихомъ въ воланъ и выигравшій у него большую часть назначенныхъ за него въ выкупъ 40,000 дукатовъ, воспользовался этой минутой, чтобъ подготовить союзъ между Англіей и Франціей. Съ этою цѣлью онъ сошелся съ менторомъ молодаго короля, Томасомъ Уольси епископомъ линкольнскимъ. Герцогъ Лонгвилль составилъ планъ женитьбы Лудовика XII на сестрѣ Генриха, Маріи, такъ какъ королева Анна недавно умерла; онъ польстилъ тщеславію короля надеждою возвести на французскій престолъ свою сестру, которою Максимиліанъ пренебрегъ для своего внука. Генрихъ согласился на этотъ планъ, а Лудовикъ не только принялъ предложеніе, но впослѣдствіи страстно влюбился въ англійскую принцессу. Переговоры по этому дѣлу велись весьма тайно, чтобы такъ же удивить Максимиліана, какъ онъ обманулъ короля. Поэтому первый президентъ руанскаго парламента, Жанъ де-Сельвъ и главный сборщикъ податей Нормандіи, Томасъ Бойе, необходимые герцогу Лонгвиллю для заключенія договора, отправились въ Англію подъ предлогомъ переговоровъ о выкупѣ гингатскихъ плѣнниковъ. Заключеніе договора встрѣтило однако препятствіе въ томъ, что съ одной стороны Лудовикъ требовалъ отъ Генриха выдачи графства и города Турне, а Генрихъ требовалъ всѣхъ французскихъ владѣній, принадлежавшихъ прежде Англіи. Наконецъ Лудовикъ согласился оставить Турне въ рукахъ англичанъ, а вмѣсто выдачи прежнихъ англійскихъ провинцій обѣщать дать молодому королю денегъ, подъ предлогомъ старыхъ долговъ, требуемыхъ Англіей съ Франціи. Генрихъ еще въ первые года царствованія промоталъ всѣ богатства, собранныя правдами и неправдами его жестокимъ и скупымъ отцемъ. Между Лудовикомъ и Генрихомъ были заключены три договора, что дало французскому королю возможность осуществить свои планы на Миланъ при помощи англичанъ. Въ первомъ

договорѣ короли обѣщали помогать другъ другу въ наступательныхъ и оборонительныхъ войнахъ. Во второмъ назначалось приданное, которое Генрихъ долженъ былъ дать за своей сестрой и вдовье содержаніе, которое ассигновалъ ей король французскій. Въ третьемъ Лудовикъ обязался уплатить королю Генриху и его наслѣдникамъ милліонъ золотыхъ кронъ въ тридцать восемь полугодовыхъ сроковъ за долговыя обязательства Карла VIII Генриху VII и герцога Карла Орлеанскаго герцогинѣ Маргаритѣ Соммерсетъ.

Въ октябрѣ 1514 г. англійская принцесса была привезена въ Аббевиль, гдѣ обвѣнчалась съ Лудовикомъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда своей невѣсты и, увидѣвъ ее, былъ совершенно очарованъ. Старшая дочь его, Клавдія, обладавшая въ этихъ вещахъ болѣе зоркимъ окомъ, чѣмъ Лудовикъ, тотчасъ же увидѣла, что на эту англичанку нельзя полагаться. Хотя молодой королевѣ было только шестнадцать лѣтъ, но она не отличалась ни кротостью, ни цѣломудріемъ и привезла съ собой явнаго любовника Чарльса Брандона, за котораго вышла замужъ, когда въ слѣдующемъ году Лудовикъ умеръ. По старанію Клавдіи, Чарльсъ Брандонъ, котораго Генрихъ, въ угоду сестрѣ, сдѣлалъ герцогомъ Соффолькомъ, и дамы пріѣхавшія съ королевою, были отосланы назадъ въ Англію. Генрихъ не обратилъ на это вниманія, хотя выгнанные придворные жаловались ему. При молодой королевѣ во Франціи осталась только несчастная Анна Боленъ, для которой дворъ королевы Маріи не представлялъ, по правдѣ сказать, хорошаго общества. Но ни Максимиліанъ, ни Фердинандъ не пожалѣли, узнавъ о бракѣ Лудовика; Маргарита и ея племянникъ, Карлъ, были даже приняты въ союзъ королей. Лудовикъ XII умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ втораго брака. Онъ и прежде часто хворалъ; перемѣна образа жизни окончательно свела его въ могилу. Онъ умеръ 1 января 1515 г.

6. Францискъ I французскій до Нойонскаго мира.

Преемникъ Лудовика, Францискъ I, былъ внукъ Іоанна Ангулемскаго, дяди Лудовика съ отцовской стороны. Онъ уже девять мѣсяцевъ былъ женатъ на старшей дочери покойнаго короля, Клавдіи, которая наслѣдовала Бретань отъ своей матери, Анны. Бракъ этотъ былъ бы уже давно заключенъ, еслибъ ему не противилась Анна, которая не хотѣла, чтобы ея наслѣдственное владѣніе было на всегда соединено съ Франціей; поэтому Францискъ женился на Клавдіи только послѣ ея смерти. Такимъ образомъ, со смертью Лудовика, Бретань была присоединена къ королевству, послѣ кратковременнаго отчужденія до бракосочетанія Клавдіи.

Франциску I при вступленіи на престолъ было всего двадцать лѣтъ. Онъ былъ идеаломъ французскаго короля, ловкаго и изящнаго придворнаго и блестящаго, храбраго рыцаря. Предшественникъ его считался строгимъ и скучнымъ, потому что не расточалъ вельможамъ, придворнымъ, рыцарямъ, дамамъ и ученымъ достоянія гражданъ и крестьянъ. Францискъ, напротивъ, былъ вполнѣ націоналенъ и, подобно Генриху IV, до нынѣ слыветъ образцовымъ королемъ. Онъ былъ ласковъ и любезенъ, но вѣтренъ, мелоченъ и расточителенъ, какъ его придворные; онъ покровительствовалъ искуствамъ и наукамъ, не обладая впрочемъ въ послѣднихъ даже поверхностными познаніями. Разумѣется, воспитаніе его не позволяло ждать отъ него образованія. Лудовикъ XII, который долженъ былъ руководить его воспитаніемъ, вполнѣ предоставилъ молодаго Франциска его матери, Луизѣ Савойской; это была дама въ высшей степени пустая и постоянно занятая своими любовными дѣлами. Она приставила къ сыну сначала маршала де-Жіе, а потомъ, когда онъ не вполнѣ слѣдовалъ ея волѣ, Артура де-Гуфье сеньёра де-Буасси. Послѣдній далъ въ товарищи грубому мальчику, жившему въ замкѣ Анбуазѣ, нѣсколько дворянскихъ дѣтей, которые были такъ же

дики, какъ и онъ. Мальчики играли по цѣлымъ днямъ въ воланъ и забавлялись стрѣльбою изъ лука, ловлею птицъ сѣтями и западнями и охотою за сернами и оленями. Сдѣлавшись старше, они стали заниматься верховой ѣздой, фехтованьемъ и скачкой черезъ рвы и заставы. Это не могло пріохотить молодаго Франциска къ политикѣ и образовать изъ него спокойнаго, обдуманнаго и бережливаго правителя и пріобрѣсть ему любовь крестьянъ и гражданъ, которою пользовался Лудовикъ XII. Лудовикъ слылъ въ народѣ добрымъ королемъ, отцомъ народа; за то придворные, рыцари, художники, ученые и поэты восхваляли Франциска, больше всѣхъ другихъ королей, кромѣ Лудовика XIV. Впрочемъ, какъ и Лудовикъ XIV, онъ имѣлъ нѣкоторыя хорошія качества, не смотря на свое аристократическое воспитаніе и баловство матери; достоинствами этими онъ былъ обязанъ людямъ, окружавшимъ Лудовика XII, который принялъ его къ своему двору и допустилъ въ государственный совѣтъ.

Начало царствованія молодого короля ознаменовалось безграничнымъ мотовствомъ и раздачей намѣстничествъ и синекуръ любимцамъ и вельможамъ. Особенно щедро одарилъ Францискъ землями и крестьянами свою мать, Луизу Савойскую; она извлекала кромѣ того большіе барыши изъ утвержденія монополій, которыя должны были подтверждаться за деньги при всякой перемѣнѣ царствованія. Креатура ея, Дюпра, сдѣлался канцлеромъ, Карлъ Бурбонъ былъ назначенъ 24 лѣтъ коннетаблемъ и губернаторомъ Лангедока, потому что Луиза добивалась его любви, но, какъ утверждаютъ французы, большіе любители романовъ, не добилась и за это возненавидѣла; все семейство Карла получило деньги и важныя должности. Оде де-Фуа сеньёръ де-Лотрекъ и Жакъ де-Шабаннь сеньёръ де-Ла-Палисъ были возведены въ маршалы; раболѣпный гофмейстеръ короля, де-Буасси, получилъ званіе гофмаршала, которое принадлежало прежде Лотреку, и голосъ въ кабинетѣ. Буасси и его братъ, сдѣланный Львомъ X кардиналомъ, разыгрывали впослѣдствіи неблаговидную роль.

Самъ Францискъ принялъ титулъ герцога Миланскаго и объявилъ, что намѣренъ поддерживать свое право на наслѣдство своей прабабки, Валентины Висконти, тѣмъ болѣе, что получилъ Миланъ въ ленъ. Онъ сталъ лично во главѣ арміи, собранной Лудовикомъ XII для похода въ Миланъ и на время своего отсутствія назначилъ свою мать правительницей.

Въ Италіи, съ конца 1513 г., Венеція одна несла на себѣ все бремя войны и боролась противъ четырехъ державъ сразу. Изъ враговъ ея императоръ Максимиліанъ былъ самымъ ничтожнымъ; онъ, правда, проникалъ нѣсколько разъ до Местре, но долженъ былъ снова отступать, потому что не имѣлъ денегъ, Опаснѣе были испанцы, предводимые Раймондомъ Кардоною. Герцогъ Миланскій, существовавшій только помощью папы, который далъ ему въ полководцы Проспера Колонну, могъ разсчитывать лишь на помощь швейцарцевъ; но они были далеко и стоили очень дорого. Что касается французовъ, то они потеряли и тѣ не многіе города, которые доселѣ занимали. Сначала они были принуждены сдать герцогу миланскую цитадель; вслѣдъ за тѣмъ они потеряли и Кремону, а 26 августа были уже не въ силахъ удерживать за собой крѣпость Лантерно близь Генуи, считавшуюся неприступною. Венеціанцы доказали при этомъ, что средства ихъ неистощимы, а мужество—непоколебимо.

Когда Францискъ I двинулъ свои войска, императоръ, герцогъ Миланскій, Фердинандъ Католикъ и флорентинцы, страдавшіе отъ тираніи Лоренцо Медичи, заключили союзъ съ швейцарцами, обязавъ ихъ не допускать французовъ въ Миланъ; Францискъ не боялся впрочемъ этого союза, потому что папа не принялъ въ немъ участія, будучи занятъ мыслью сдѣлать своего брата, Юліана, если не государемъ всей, то важнѣйшимъ владѣтелемъ Верхней Италіи. Еще въ 1514 г. онъ энергически старался увеличить Церковную область и обогатить себя и своихъ родственниковъ. Онъ отнялъ Реджіо обманомъ у герцога Феррарскаго и принудилъ его уступить ему доходныя

соловарни Коммакіо. У императора Максимиліана, постоянно нуждавшагося въ деньгахъ, онъ купилъ за ничтожную сумму 40,000 дукатовъ мнимое право имперіи на Модену и надѣялся завладѣть Феррарой. Наконецъ, онъ заставилъ бѣднаго герцога Миланскаго возвратить ему Парму, Піаченцу и многіе другіе лены и города; говорили даже, что онъ хочетъ купить у французовъ ихъ притязанія на Неаполь. 9 декабря 1514 г. онъ заключилъ особый договоръ съ швейцарцами, чтобы дѣйствовать ими противъ французовъ, въ случаѣ если бы король Францискъ напалъ на Миланъ.

Левъ X давно началъ переговоры съ французами. Едва Лудовикъ XII заключилъ союзъ съ Генрихомъ VIII, какъ папа написалъ ему самое дружеское письмо, въ которомъ намекалъ на то, что желаетъ соединиться съ французами для изгнанія испанцевъ изъ Италіи; при этомъ онъ упоминалъ и о братѣ своемъ, Юліанѣ. Но Лудовикъ XII узналъ въ то же время, что папа всѣми силами старается не допускать французовъ въ Миланъ. Поэтому въ отвѣтъ на письмо Льва онъ написалъ, что доставитъ его брату Неаполь, если папа предоставитъ ему Миланъ. Отвѣтъ папы на это странное предложеніе былъ вполнѣ достоенъ государя, соединявшаго въ себѣ древнюю и новую образованность и располагавшаго величайшими учеными и художниками со всею софистикой и цицероновской латынью разныхъ Бембо и Садолетовъ. Левъ отвѣчалъ королю, чтобы „онъ не сердился на него, если, при настоящемъ положеніи дѣлъ, онъ не сочтетъ возможнымъ немедленно вступить съ нимъ въ открытый союзъ, потому что въ такомъ случаѣ его нынѣшніе союзники, узнавъ о его соглашеніи съ Франціей, обратятся противъ него. Онъ просилъ короля не предпринимать пока похода на Миланъ, такъ какъ онъ не можетъ соединиться съ нимъ, хотя бы только потому, что война будетъ стоить слишкомъ много христіанской крови, которую слѣдуетъ беречь въ виду столь сильнаго возрастанія турецкаго могущества. Если король согласится отложить походъ,

то впослѣдствіи встрѣтитъ въ немъ полную готовность по прежнему содѣйствовать его величію и славѣ.“ Когда Францискъ I сталъ во главѣ войска, собраннаго Лудовикомъ, папа возстановилъ противъ него швейцарцевъ и для осуществленія плановъ, клонившихся къ обогащенію своего семейства, сошелся съ матерью короля, имѣвшею неограниченное вліяніе на сына. Въ февралѣ 1515 г. онъ женилъ своего брата, Юліана, на Филибертѣ, сестрѣ Луизы Савойской. Свадьба Юліана праздновалась съ необыкновенной роскошью и пышностью сначала въ Римѣ, а потомъ вторично въ Туринѣ, и итальянскіе князья оказывали молодымъ царскія почести. Когда Францискъ готовился къ переходу черезъ Альпы, коварная политика папы снова обнаружилась. Онъ намекнулъ генуэзскому дожу, Оттавіано Фрегозо, что союзники поступаютъ съ нимъ не совсѣмъ чистосердечно; поэтому дожъ обратился къ Франціи, но этимъ побудилъ генерала Проспера Колонну и пришедшихъ въ Италію швейцарцевъ поспѣшно двинуться противъ Генуи; такъ какъ съ Просперомъ прибыли семейства Адорно и Фіеско, то Фрегозо очутился въ затруднительномъ положеніи. Но тогда папа явился посредникомъ, чтобы не испортить своихъ отношеній къ Франціи.

Ни одинъ европейскій государь не обладалъ еще такимъ многочисленнымъ и прекраснымъ войскомъ, какъ то, которое въ августѣ 1515 г. Францискъ I повелъ въ Италію. Въ немъ, между прочимъ, было 2,500 копій (по 4 человѣка на копье), 22,000 ландскнехтовъ подъ предводительствомъ герцога Карла Гельдернскаго и 6,000 басковъ подъ начальствомъ лучшаго генерала Фердинанда Католика, Педро Наварро. Этотъ полководецъ былъ взятъ въ плѣнъ при Равеннѣ и перешелъ во французскую службу, потому что Фердинандъ отказалъ помочь его выкупу.

Изъ Франціи въ Италію можно было тогда пройдти только тремя альпійскими проходами: чрезъ Монъ-Женевръ, Монъ-Сени и Ниццу. Первые два были заняты 16,000 швейцарцевъ; третій, хотя

былъ свободенъ, но представлялъ другія затрудненія, и швейцарцы могли во всякое время запереть его. Поэтому два главные отряда французской арміи направились чрезъ Монъ-Женевръ и Монъ-Сени; а третій отрядъ былъ посланъ по неизвѣстной еще доселѣ дорогѣ, ведущей черезъ Коль д'Аржантьеръ, Пей ле Поро, Демонъ и Рокспарвьеръ, въ маркизатство Салуццо; ему было поручено обойти швейцарцевъ, стоявшихъ при Сузѣ и Кони. Шабань, д'Обиньи, Тривульціо и Баяръ слѣдовали по этой дорогѣ съ отрядомъ латниковъ; горный охотникъ указывалъ имъ путь, а впереди шелъ Педро Наварро съ басками, взбиравшимися на крутизны и прокладывавшими дорогу остальной части отряда, который такимъ образомъ достигъ Салуццо. Испанскія войска были заняты наблюденіемъ за движеніями венеціанцевъ, дѣйствовавшихъ отъ Пьяченцы до Вероны; въ то же время Оттавіано Фрегозо впустилъ въ Геную небольшой отрядъ французовъ, прибывшій моремъ. Неожиданное появленіе французовъ въ Салуццо окончательно поразило испанскаго главнокомандующаго, Проспера Колонну. Онъ стоялъ въ Виллафранкѣ, всего въ трехъ часахъ ходьбы отъ Салуццо и по близости отъ швейцарцевъ, расположенныхъ въ Кони; но, получивъ извѣстіе о прибытіи французовъ въ Салуццо, онъ не спѣшилъ соединиться съ швейцарцами, и, когда 15 августа Баяръ и Ла-Палисъ явились со своею кавалеріею передъ Виллафранкой, испанскій генералъ спокойно обѣдалъ со своимъ штабомъ. Французы просунули въ ворота свои копья и, помѣшавъ такимъ образомъ запереть ихъ, ворвались въ городъ и взяли въ плѣнъ Колонну и его генераловъ, Чезаро Феремоска, Піетро Маргано и другихъ. Когда подоспѣли швейцарцы, французы уже отступили. Главный французскій корпусъ, перебравшись чрезъ Монъ-Женевръ и Монъ-Сени въ Сузу, прошелъ оттуда въ Туринъ, потому что швейцарцы, опасаясь аттаки съ тылу, сошли съ горъ. Французы собрались въ Туринъ, чтобы оттуда двинуться въ миланское герцогство. Герцогъ Массимиліано въ отчаяніи заперся въ миланской цитадели; говорили

даже, что онъ сошелъ съ ума, съ тѣхъ поръ, какъ его генералъ Колонна по неосторожности попалъ въ руки непріятеля.

Швейцарцамъ угрожало съ тылу войско, прошедшее отъ Генуи до По, а съ фланга Шабаннь, д'Обиньи и Тривульціо; наконецъ спереди они имѣли противъ себя главную французскую армію подъ предводительствомъ самого короля Франциска. Поэтому они отправили всю свою артиллерію въ Наварскую цитадель, чтобы идти пѣшкомъ, сомкнутыми рядами, съ копьями, мечами и топорами противъ пушекъ и кавалеріи французовъ. Они уже дошли до Галерата, близь Милана, когда герцогъ Савойскій завязалъ переговоры съ измѣнниками, бывшими въ ихъ рядахъ и отъ имени французскаго короля удовлетворилъ всѣ ихъ требованія. Францискъ велѣлъ обѣщать имъ даже уплату обѣщанныхъ въ Дижонѣ 400,000 золотыхъ талеровъ (стр. 263). Швейцарцы изъ Золотурна, Фрейбурга, Берна и Верхне-Валлиса, которыми торговали ихъ патриціи, Іоганнъ Дисбахъ, Альбрехтъ Штейнъ, баронъ Гогенсаксъ и другіе, изъявили готовность за деньги измѣнить герцогу Массимиліано; но Ваттенвиль и жители Швица, Цюриха, Ури и Гларуса хотѣли сражаться за герцога. Папа и племянникъ его, Лоренцо Медичи, командовавшій флорентинскимъ войскомъ, играли очень двусмысленную роль. Письма папы къ Лоренцо, перехваченныя Раймондомъ Кардоною, были такъ странны, что Раймондъ остановился въ моденскомъ герцогствѣ, выжидая дальнѣйшихъ обстоятельствъ, такъ что въ сентябрѣ защита Милана лежала только на швейцарцахъ. Только кардиналъ зиттенскій выказывалъ рѣшительную ненависть къ французамъ. Когда швейцарцы потребовали отъ него денегъ, которыхъ у него не было, и угрожали ему смертью, онъ поѣхалъ въ испанскій лагерь, гдѣ досталъ сумму, которою однако швейцарцы не удовольствовались.

Король французскій согласился на всѣ требованія швейцарцевъ. Онъ обѣщалъ дать Массимиліано Сфорца за миланское герцогство немурское и пенсію, а швейцарцамъ аккуратно

платить жалованье, въ которомъ имъ отказалъ Лудовикъ XII; кромѣ того, онъ обязался выплатить имъ шестьсотъ тысячъ дукатовъ, а если они возвратятъ Тессинъ и Вальтелину, отнятые ими у герцогства миланскаго, то еще триста тысячъ. Переговоры были уже окончены, и Лотрекъ уже привезъ въ Буффалоро сумму, собранную по складчинѣ со всей арміи, какъ вдругъ дѣло разстроилось. Причиною этого было прибытіе двадцати тысячъ свѣжаго швейцарскаго войска; оно пришло принять участіе въ добычѣ и вознагражденіи, слѣдовавшихъ имъ, еслибъ договоръ былъ выполненъ. Но рѣчь, произнесенная кардиналомъ зиттенскимъ, способствовала прекращенію переговоровъ. Разумѣется, мы не вѣримъ, что онъ произнесъ такую рѣчь, какую приписываетъ ему адвокатъ Гвиччіардини, или такую, которую передаетъ намъ латинистъ и риторъ Павелъ Іовіусъ; нѣтъ сомнѣнія, что краснорѣчіе его было доступнѣе его соотечественникамъ, чѣмъ школьная болтовня этихъ риторовъ; какъ бы то ни было, но слова его до того воспламенили швейцарцевъ, что 13 сентября они неудержимо устремились изъ Милана и принудили къ бою вдвое сильнѣйшее войско французовъ. Лотрекъ съ трудомъ спасъ отъ нихъ деньги, доставленныя имъ въ Буффалоро. Такимъ образомъ 13 сентября 1515 г., началось рѣшительное сраженіе при Мариньяно. Чтобъ отрѣзать швейцарцевъ отъ папскихъ и испанскихъ войскъ, Францискъ расположился на дорогѣ изъ Піаченцы въ Миланъ при Мариньяно или Санта-Бриджита на рѣчкѣ Ламбро, въ восьми часахъ пути отъ Милана; но при приближеніи швейцарцевъ онъ выступилъ противъ нихъ до Санъ-Донато. Швейцарцы, шедшіе изъ Милана безъ пушекъ и безъ музыки, застигли бы короля и коннетабля при Санъ-Донато въ расплохъ, еслибы Тривульціо не предупредилъ его во время о ихъ яростномъ наступленіи. 13 сентября бой былъ кровопролитенъ, но не рѣшителенъ; обѣ арміи простояли всю ночь одна противъ другой въ боевомъ порядкѣ, и 14 сраженіе возобновилось съ удвоеннымъ оже-

сточеніемъ. Оно было упорно, и швейцарцы выказали не только непоколебимое мужество, но и большое искуство, потому что могли противопоставить многочисленной артиллеріи непріятеля лишь нѣсколько пушекъ. Но въ десять часовъ утра неожиданное появленіе венеціанскаго генерала Альвіано рѣшило сраженіе въ пользу французовъ. Альвіано оставилъ большую часть своей арміи задерживать испанцевъ, а самъ съ небольшимъ отрядомъ кавалеріи поспѣшилъ къ Мариньяно. Подкрѣпленіе, приведенное имъ, было ничтожно, но слухъ о его приближеніи быстро распространился, и крикъ: св. Маркъ! св. Маркъ! далъ поводъ думать, что приближается вся венеціанская армія; поэтому швейцарцы отступили къ Милану. Отступленіе ихъ произошло въ совершенномъ порядкѣ, и король Францискъ запретилъ горячо преслѣдовать ихъ, опасаясь, чтобъ испанцы не аттаковали его, воспользовавшись отсутствіемъ Альвіано. Впрочемъ мы не будемъ утверждать, что при Мариньяно пало 10,000 швейцарцевъ и 5,000 французовъ. Достовѣрно только то, что побѣда доставила Франциску все, чего онъ желалъ. Онъ первый разбилъ на полѣ сраженія непобѣдимыхъ швейцарцевъ и побѣдой пріобрѣлъ Миланъ. Грубый и буйный герцогъ Гельдернскій не участвовалъ въ мариньянскомъ сраженіи; онъ возвратился домой въ досадѣ на галератскій договоръ, послѣ котораго нельзя было ожидать никакого побоища. Узнавъ, что ошибся, онъ съ горя заболѣлъ *).

Послѣ битвы при Мариньяно швейцарцы большею частью возвратились домой, потребовавъ предварительно отъ герцога Массимиліано значительную сумму, чтобъ имѣть благовидный предлогъ отказаться служить ему. Они знали, что у него нѣтъ

*) Le duc de Gueldre, говоритъ du Bellay, voyant la paix conclue et ayant nouvelles que les Brabançons estoient entrés en ses pays, prenant congé du roi laissa sa charge au comte de Guise, son nepveu, et print la poste, pour aller secourir ses sujets, mais arrivé à Lyon estant adverti, que la bataille se donnoit, il en print tel ennuy qu'il tomba en fièvre continue, dont il fut en danger de mort.

денегъ. Только 1500 ч. заперлись въ цитадели, которую Массимиліано могъ бы долго защищать, еслибъ не былъ жалкимъ трусомъ. Миланцы отправили во французскій лагерь депутатовъ и должны были заплитить триста тысячъ дукатовъ. Но король пошелъ не въ Миланъ, а къ Павіи. Миланскимъ намѣстникомъ онъ оставилъ герцога Карла Бурбона, а осаду цитадели поручилъ Педро Наварро. Черезъ три недѣли герцогъ отчаялся въ возможности удержаться въ цитадели до полученія помощи отъ императора, къ которому бѣжалъ братъ его Франческо. 5 октября онъ заключилъ съ коннетаблемъ капитуляцію. Король обѣщалъ ему пенсію въ тридцать тысячъ дукатовъ, и за это герцогъ не только сдалъ цитадель, но даже отказался отъ своихъ правъ на герцогство и призналъ права короля. Затѣмъ сдалась кремонская цитадель, которую осаждалъ батардъ Савойскій.

Папа уже давно игралъ двусмысленную роль и теперь заключилъ съ Франціей союзъ; 13 октября онъ ратификовалъ договоръ уже давно заключенный за него герцогомъ Савойскимъ, но ратификацію котораго онъ откладывалъ, пока не рушились всѣ надежды его прежнихъ союзниковъ. Послѣ того Левъ вскорѣ поладилъ съ Францискомъ, потому что французскій король, замышлявшій обширные планы, точно также нуждался въ папѣ, какъ папа въ немъ. Льву X пришлось выпустить изъ рукъ Парму, Піаченцу и Модену, но король обѣщалъ дать Медичи другія владѣнія. Онъ утвердилъ ихъ во Флоренціи: братъ Льва, Юліанъ, получилъ пенсію и обѣщаніе какого нибудь владѣнія во Франціи. Кромѣ того Францискъ не препятствовалъ Льву ограбить герцога Урбино, которому, такимъ образомъ, досталось въ чужомъ пиру похмѣлье, и отдать его владѣнія своему племяннику. Племянникъ папы, Лоренцо, также получилъ отъ короля пенсію.

Раймондъ Кардона былъ очень недоволенъ этимъ миромъ; однако онъ не могъ ничего сдѣлать и долженъ былъ отступить

въ Неаполь. Впрочемъ настоящій, наступательный и оборонительный союзъ былъ заключенъ между папой и королемъ французскимъ лишь въ декабрѣ, при свиданіи ихъ въ Болоньѣ. Францискъ заключилъ при этомъ съ папой конкордатъ касательно отношеній французскаго королевства къ папѣ и къ королю. Этотъ конкордатъ, къ которому мы еще возвратимся ниже, лишилъ французское духовенство всѣхъ выгодъ прагматической санкціи, заключавшей въ себѣ сущность епископальнаго церковнаго права, противупоставленнаго базельскимъ соборомъ папской власти. Оно было признано французскимъ духовенствомъ и получило законную силу отъ парламента и короля (т. IX, стр. 237). Болонскій же конкордатъ ставилъ французскую церковь въ полную зависимость отъ короля и папы, уничтоживъ свободный выборъ епископовъ и аббатовъ и предоставивъ замѣщеніе духовныхъ должностей папѣ и королю.

Императоръ Максимиліанъ и по завоеваніи Милана не переставалъ угрожать французскому королю и хлопоталъ съ Генрихомъ VIII за Сфорца; но онъ былъ не страшенъ. Это обнаружилось, какъ мы увидимъ, въ итальянскомъ походѣ, предпринятомъ императоромъ въ 1516 г. Однако Францискъ долженъ былъ стараться привлечь къ себѣ швейцарцевъ, не только потому что опасался ихъ, но и потому что безъ ихъ помощи не надѣялся выполнить своихъ сумасбродныхъ плановъ. Онъ былъ готовъ на все, чтобъ приманить ихъ. Съ этою цѣлью онъ поддерживалъ сношенія съ Альбрехтомъ фонъ-Штейномъ и другими золотурнскими, фрейбургскими и бернскими патриціями; кромѣ того онъ поручилъ герцогу Савойскому вести переговоры съ пятью кантонами въ Женевѣ, куда послалъ 200 т. дукатовъ для раздачи вліятельнымъ людямъ. Общее собраніе кантоновъ, происходившее въ Цюрихѣ, было противъ союза съ Франціей; многіе осыпали французовъ и ихъ кліентовъ рѣзкою бранью и ругали Альбрехта фонъ-Штейна и другихъ, хваставшихъ своими безчестно нажитыми богатствами, называя ихъ негодяями и из-

мѣнниками; но интриги продолжались, и пять кантоновъ приняли участіе въ раздѣлѣ денегъ, присланныхъ въ Женеву. Но Цюрихъ, Ури, Швицъ, Базель, Шафгаузенъ и Граубинденъ остались вѣрны импературу, и когда въ 1516 г. онъ получилъ деньги отъ Генриха VIII и роздалъ имъ, они послѣдовали за нимъ въ Италію возводить на престолъ другаго Сфорцу. Походъ Максимиліана не удался, впрочемъ не вслѣствіе только тѣхъ причинъ, которыя обыкновенно разстроивали всѣ затѣи этого императора; по возвращеніи, онъ громко сказалъ, что вернулся такъ скоро оттого, что опасался измѣны со стороны тѣхъ швейцарцевъ, которые были сторонниками французовъ. Тогда кантоны приняли предложеніе французскаго короля и 29 ноября 1516 г. заключили съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ.

Главныя постановленія этого, такъ называемаго, вѣчнаго мира заключаются въ слѣдующихъ пунктахъ. Въ первыхъ двухъ говорится, что между Франціей и Союзомъ будетъ вѣчный миръ и дружба, и всѣ военноплѣнные будутъ выпущены безъ выкупа. Въ пятомъ пунктѣ король обязался заплатить швейцарцамъ 400 т. червонцевъ за походъ въ Дижонъ и 300 т. за убытки, понесенные ими въ Италіи; уплата должна производиться по третямъ въ Бернѣ, гдѣ будутъ выдаваться росписки на полученныя деньги; но изъ этихъ суммъ должны быть вычтены деньги, полученныя нѣкоторыми кантонами въ счетъ 200 т. кронъ, обѣщанныхъ въ Женевѣ. Сверхъ того, въ договорѣ были слѣдующія постановленія: „Король будетъ платитъ каждому кантону и валлисцамъ по 2 т. ливровъ ежегодно и уплатить тремъ союзамъ все, дарованное имъ Лудовикомъ XII. Аббатъ ст. галленскій съ своими причетниками и толенбургцы получатъ 600 ливровъ, городъ Ст.-Галленъ — 400, подданные графства Грейерса (но не графъ) — 600. Белленцъ, Лугано, Локарно и Майенталь удерживаютъ всѣ свои преимущества относительно миланскаго герцогства; но швейцарцамъ предоставляется выбирать получить 300 тыс. талеровъ или удержать Лугано, Локарно, Майенталь, Вальтелину, Клевенъ и

другія мѣста, принадлежащія къ миланской области. Белленцъ же съ своимъ округомъ остается во всякомъ случаѣ за кантонами. Договоръ недѣйствителенъ въ войнахъ, предпринимаемыхъ противъ Льва X, имперіи, императора, римскаго престола, Австріи, Савойи, Виртемберга, Медичи, Флоренціи и г. Вержье маршала Бургундіи". За нѣсколько мѣсяцевъ (августъ 1516 г.) былъ заключенъ миръ между Франціей и Испаніей въ Нойонѣ, о которомъ мы скажемъ подробнѣе ниже.

Венеціанцы по справедливости могли торжествовать по заключеніи вѣчнаго мира и нойонскаго трактата, къ которому приступилъ и императоръ. Они одни извлекли дѣйствительную выгоду изъ продолжительной борьбы. Король Францискъ пріобрѣлъ только блистательную славу мариньянской побѣды, потому что обладаніе Миланомъ было для него невыгодно, такъ какъ для удержанія его были необходимы усилія и денежныя пожертвованія, истощавшія Францію. За то Венеція въ началѣ 1517 г. снова владѣла Сало, Пескіерой, Бергамо, Брешіей, Кремой, Вероной, Виченцой, Падуей, Тревизо, Ровиго и Удине, и венеціанскій сенатъ поручилъ отличнымъ генераламъ Гритти и Корнаро возстановить укрѣпленія этихъ городовъ. Но богатѣйшее государство земнаго шара уже начинало приходить въ упадокъ, хотя мудрость, могущество и богатство его, процвѣтаніе искуства и промышленности, царская пышность его патриціевъ, о которой доселѣ свидѣтельствуютъ ихъ полуразрушенныя виллы между Падуей и Лагуной, наконецъ даже то, что въ Венеціи называлось свободой—все это такъ же удивляло современниковъ, какъ теперь насъ изумляетъ Англія. Но на востокѣ возрастало могущество турокъ, а по открытіи и завоеваніи португальцами богатѣйшихъ странъ на востокѣ торговля съ Остъ-Индіей и Китаемъ перешла въ руки португальцевъ, которые обладали цѣлыми государствами, землями и островами не только въ Азіи, но и въ вновь открытой Америкѣ. Произведенія Остъ-Индіи, Китая и индѣйскихъ острововъ шли въ

Европу уже не черезъ Венецію, а черезъ Испанію и Португалію. Правда, Испанія отцвѣла еще въ томъ же вѣкѣ и погрузилась въ усыпленіе, потому что хотѣла владычествовать въ Америкѣ не промышленностью и торговлею, а оружіемъ; но корабли ея покрывали море и вытѣсняли венеціанскіе. Нидерланды же, соединенные съ Испаніею при Маргаритѣ и ея племянникѣ, Карлѣ, воспользовались открытіями испанцевъ и португальцевъ. Промышленность и торговля ихъ возрастала, по мѣрѣ того какъ Венеція падала; господство на морѣ, торговля, богатство и промышленность перешли къ Англіи только въ концѣ XVII и въ теченіе XVII вв.

7. Испанія отъ смерти Изабеллы до смерти Фердинанда Католика.

Фердинандъ Католикъ управлялъ отъ своего имени Арагоніей, Сициліей и Неаполемъ. Въ Кастиліи онъ снова добился регентства, хотя сперва зять его, Филиппъ, съ своей бельгійской свитой устранилъ его отъ власти. Онъ былъ главою кастильскаго правительства, и кардиналъ Хименесъ, управлявшій этимъ государствомъ, былъ подчиненъ ему. Фердинандъ и Хименесъ отлично умѣли пользоваться для возстановленія порядка въ государствѣ, разстроенномъ долгими безпорядками и жестокой войною противъ лучшей части народонаселенія, предразсудками, обычаями и суевѣріемъ своихъ соотечественниковъ. Они пользовались для этой цѣли всемогущимъ и произвольнымъ судопроизводствомъ духовной инквизиціи, но, не ограничиваясь этимъ средствомъ, старались возвысить общины и мѣстное управленіе городовъ и дѣйствовали городскою полицейскою силою или эрмандадъ. Главною заботою Фердинанда было унизить духовную и свѣтскую аристократію, которая въ Кастиліи, какъ въ Германіи, стремилась къ полной независимости; съ этой цѣлью онъ соединилъ въ сво-

емъ лицѣ гроссмейстерства трехъ орденовъ, бывшихъ совершенно самостоятельными (Санъ-Яго, Калатрава и Алькантара); онъ былъ также очень доволенъ, что Хименесъ держалъ въ своихъ рукахъ всю государственную власть, не только духовную, но и свѣтскую. Хименесъ еще при Изабеллѣ достигъ высшихъ степеней церковной іерархіи въ Испаніи; а по смерти ея онъ былъ правителемъ государства и получилъ отъ папы Юлія II званіе кардинала; сверхъ того Фердинандъ назначилъ его генералъ-инквизиторомъ Кастиліи на мѣсто архіепископа Десы севильскаго.

Могущественный кардиналъ-архіепископъ главнымъ образомъ старался объ истребленіи ереси и возстановленіи единства и единообразія культа. Обладая, по словамъ Альваро Гомеца, большими военными талантами, онъ составилъ планъ предпринять противъ африканскихъ мавровъ два похода. Этимъ онъ достигалъ сразу двухъ цѣлей, политической и фанатической. Сперва онъ обезпечилъ испанскіе берега отъ набѣговъ мавровъ и лишилъ многочисленныхъ еще испанскихъ мусульманъ надежды на внѣшнюю помощь при возстаніи. Въ то же время африканскіе походы давали ему возможность истреблять и рѣзать невѣрныхъ въ Африкѣ, если они не захотятъ увѣровать, и безпрепятственно хватать, жечь и преслѣдовать инквизиціей испанскихъ жидовъ, мусульманъ и новообращенныхъ христіанъ. Въ первый походъ, въ сентябрѣ 1505 г., Хименесъ завоевалъ главное гнѣздо морскихъ разбойниковъ и враговъ христіанъ — гавань Масаркивиръ, лежащую противъ Картагены. Счастливый исходъ этого предпріятія ободрилъ его представить на разсмотрѣніе Фердинанда планъ другого, болѣе значительнаго похода. Онъ замышлялъ нападеніе на Оранъ, имѣвшій въ то время 20—30 т. жителей. Но Фердинандъ колебался согласиться на этотъ планъ, потому что, не смотря на американское золото, постоянно нуждался въ деньгахъ. Хименесъ выручилъ его изъ затрудненія. Онъ предложилъ дать нужныя деньги, лично отправиться въ армію и руководить всѣмъ предпріятіемъ. Король согласился,

и въ маѣ 1509 г. испанскій флотъ подъ начальствомъ Хименеса отправился въ Африку. Часть войска высадилась вдали отъ Орана къ востоку, а другая при самомъ городѣ. Оба отряда подошли къ Орану почти въ одно время, и началась битва, въ которой испанцы побѣдили и ворвались въ городъ вслѣдъ за бѣгущимъ непріятелемъ. Городъ былъ разграбленъ, и тысячи безоружныхъ жителей лишились жизни; но Хименесъ поступилъ не такъ, какъ вскорѣ потомъ папа Юлій II при взятіи Мирандолы (стр. 230); онъ не пошелъ въ Оранъ по трупамъ, а явился въ завоеванномъ городѣ, когда кровь и трупы были прибраны.

Испанскіе историки приписываютъ быстрый и блестящій успѣхъ похода противъ Орана единственно распоряженіемъ кардинала; но Педро Наварро имѣетъ право на участіе въ этой славѣ и впослѣдствіи онъ былъ лучшимъ полководцемъ школы Гонсальво Кордуанскаго. Фердинандъ завидовалъ всякому роду величія, потому что его мелкая душонка хотѣла господствовать всюду при помощи коварства, козней и измѣны; онъ поступилъ съ Хименесомъ такъ же неблагодарно, какъ съ Гонсальво Кордуанскимъ и съ Педро Наварро. Кардиналъ далъ деньги для предпріятія, разсчитывая, что можетъ выполнить свой великій планъ — занять подъ своимъ личнымъ руководствомъ весь берегъ Африки до Египта; но Педро Наварро желалъ получить начальство въ дальнѣйшихъ военныхъ предпріятіяхъ, и Фердинандъ написалъ ему по этому случаю столь двусмысленное письмо, что Хименесъ, увидавъ его, немедленно отправился въ Испанію. Король не осмѣливался прямо приказать кардиналу возвратиться и потому совѣтовалъ Наварро удерживать его. Хименесъ, высадившійся въ Африку 16 мая, 22 уже съ сожалѣніемъ возвращался въ Испанію.

Педро Наварро, взявшійся вмѣсто кардинала исполнить составленный имъ планъ завоеванія, пока все шло удачно, получалъ отъ Фердинанда деньги и войска; но когда случилось пораженіе,

и испанское войско должно было вести войну въ Италіи, то большая часть африканскихъ завоеваній была скоро потеряна. Походъ Наварро начался въ январѣ 1510 г. покореніемъ Бужіи, столицы одного маленькаго мусульманскаго владѣнія или такъ называемаго королевства на берегу Средиземнаго моря. Потомъ Наварро покорилъ Алжиръ, Тунисъ, Тремезенъ и другіе приморскіе города, а 26 іюня, послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія, взялъ могущественный Триполисъ. Взятіе этого города было, впрочемъ, послѣднею побѣдою Наварро. Единовѣрцы мавровъ дали сраженіе на морѣ и на сушѣ, считая, какъ и христіане, эту войну дѣломъ религіи, и одержали въ августѣ на островѣ Гельвесѣ рѣшительную побѣду, при чемъ Наварро потерялъ, говорятъ, 4000 старыхъ солдатъ, стало быть, по тогдашнему, цѣлое войско.

По возвращеніи изъ Африки кардиналъ, сердился на короля и перестадъ посѣщать его. Но Фердинандъ пріѣзжалъ къ нему въ 1513 г. въ Алкала де Энаресъ, гдѣ Хименесъ началъ въ 1500 г. заводить новый университетъ, открытый въ 1508 г. Это учрежденіе свидѣтельствовало о королевскомъ богатствѣ, пышности и щедрости и прославилось во всей Европѣ двумя особенностями, которыя могъ создать только Хименесъ. Это были, во первыхъ, большая библіотека драгоцѣнныхъ арабскихъ рукописей, привезенная Хименесомъ въ Алкалу изъ Орана и во вторыхъ уже упомянутое нами (стр. 190) изданіе библіи на разныхъ языкахъ (biblia polyglotta Complutensis), которому подобнаго не было и нѣтъ въ цѣлой Европѣ. Біографъ Хименеса, Альваро Гомесъ, въ своемъ сочиненіи посвящаетъ много страницъ описанію построекъ и зданій, возведенныхъ Хименесомъ въ Алкалѣ и вокругъ ея съ истинно царскими издержками; но въ описаніи его многое кажется намъ страннымъ, какъ напримѣръ то, что по статуту кардинала въ Алкалѣ жалованье профессорамъ платилось по числу учениковъ и профессора избирались черезъ четыре года вновь.

Съ 1509 г. Фердинандъ долженъ былъ вести войну въ Италіи и въ то же время употреблялъ всѣ свои силы и средства, чтобъ присоединить къ Арагоніи Наварру; дочь его, Іоанна, была еще жива и называлась королевой; внукъ же его, Карлъ, былъ въ отсутствіи, и кастильцы не знали его; стало быть, Хименесъ могъ властвовать въ Кастиліи неограниченно и соединить высшую духовною власть съ свѣтскою. Онъ правилъ не по монашески и не гонялся за монашескими или поповскими цѣлями, но какъ государственный человѣкъ пользовался своимъ церковнымъ значеніемъ для чисто правительственныхъ видовъ. За исключеніемъ его фанатическаго преслѣдованія евреевъ, мухамеданъ и американцевъ, время его управленія было благодѣтельнѣйшимъ для Кастиліи. Правительственная полиція была гражданскою силою и духовною полиціей. Но такъ какъ въ Испаніи и Португаліи римская религія основывалась на народныхъ обычаяхъ, преданіяхъ, поэзіи и искуствѣ, а не такъ, какъ у насъ, на вѣрѣ, убѣжденіи и даже разумѣ, то примирялись и съ духовной полиціей. Поэтому въ то время, какъ въ Германіи, во Франціи и Швейцаріи реформаторы старались возстановить первобытное христіанство, въ Кастиліи никому не было дѣла до библейскаго ученія или до основаній національныхъ религіозныхъ обычаевъ; единственною религіей кастильцевъ были ихъ отряды, какъ у мусульманъ омовенія и поклоны.

Инфантъ Карлъ, окруженный бельгійцами или французами, былъ въ странномъ положеніи съ тѣхъ поръ, какъ притязанія его дѣда Максимиліана на опеку были осмѣяны въ Испаніи. Мать его, Іоанна, называлась королевой кастильской; отецъ ея, Фердинандъ, поручилъ управленіе королевствомъ Хименесу; наслѣдникъ жилъ во Фландріи подъ опекой своей тетки и не имѣлъ участія въ управленіи Испаніей даже тогда, когда въ 1515 г. принялъ правленіе Нидерландами. Въ томъ же году Карлъ присягнулъ конституціи или такъ-называемой blyde inkomst (joyeuse entrée), въ февралѣ у бра-

бантцевъ, въ апрѣлѣ у фламандцевъ, въ маѣ у зеландцевъ, а въ іюнѣ у голландцевъ. Карлъ, которому минуло тогда только пятнадцать лѣтъ, провелъ свое дѣтство въ Нидерландахъ, и его тетка, Маргарита, извѣстная своими талантами, дала ему совершенно французское воспитаніе. Братъ его, Фердинандъ, оставался въ Испаніи и былъ воспитанъ вполнѣ по испански. Поэтому онъ былъ гораздо ближе къ своему дѣду, Фердинанду, чѣмъ Карлъ, учители, друзья и товарищи котораго были безъ исключенія бельгійцы или нидерландцы. Говорили даже, что Фердинандъ Католикъ не хочетъ, чтобы Карлъ наслѣдовалъ Арагонію и итальянскія владѣнія; Кастиліи же, гдѣ онъ самъ былъ только регентомъ, онъ не могъ у него отнять. Утверждали, что онъ женился во второй разъ съ цѣлью имѣть сына, которому бы могъ оставить свои владѣнія, но потомъ рѣшился предпочесть старшему внуку младшаго. Мы не хотимъ рѣшать, на сколько все это основательно, потому что не вдаемся въ нашемъ сочиненіи въ сплетни, предположенія, рѣчи, министерскія ноты и дипломатическія дрязги. Несомнѣнно, что испанцы были недовольны людьми, окружавшими Карла. Честнѣйшимъ изъ этихъ людей былъ, безспорно, добрый и ученый педантъ Адріанъ, тогда лёвенскій деканъ, а потомъ папа Адріанъ VI. Адріанъ наставлялъ своего ученика въ вопросахъ не здѣшняго міра; но Карлъ мало интересовался такими высокими предметами, хотя впослѣдствіи изъ благодарности сдѣлалъ добраго педанта епископомъ утрехтскимъ. Карлъ не хотѣлъ знать богословско-метафизическихъ мудрованій, въ которыхъ былъ такъ силенъ этотъ нидерландецъ; но за то онъ внимательно слушалъ наставленія своей тетки, Маргариты и своего гофмейстера, Вильгельма де Круа герцога де Шіевра. Они рано посвятили его въ дипломатическую мудрость, а онъ былъ дипломатъ отъ природы.

Фердинандъ Католикъ былъ уже давно болѣнъ, и въ концѣ 1515 года болѣзнь его приняла опасный характеръ. Карлъ или,

лучше сказать, его менторъ, герцогъ де Шіеврь, послалъ учителя Карла въ Испанію съ тайнымъ порученіемъ тотчасъ по смерти Фердинанда предъявить, отъ имени Карла, притязанія на регентство. Карла затрудняло то, что кастильцы, не смотря на совершенное помѣшательство, а временами даже бѣшенство его матери, Іоанны, не хотѣли и слышать о королѣ, пока жива несчастная королева. Такимъ образомъ, регентство продолжалось до смерти Фердинанда, послѣдовшей 23 января 1516 г.; притомъ Фердинандъ считалъ себя въ правѣ распорядиться о немъ въ завѣщаніи. По завѣщанію его, Іоанна и ея сыновья должны были наслѣдовать Арагонію и Неаполь, а Хименесъ управлять Кастиліей до тѣхъ поръ, пока Карлъ находится въ отсутствіи; побочный сынъ Фердинанда, Альфонсъ, архіепископъ сарагосскій, былъ назначенъ временно правителемъ Арагоніи. Брату Карла Фердинандъ завѣщалъ нѣсколько владѣній въ Неаполѣ и ежегодную пенсію въ 30,000 дукатовъ изъ государственной казны.

8. Испанія и Нидерланды въ первое время царствованія Карла V.

До пріѣзда Карла I (или какъ онъ назывался императоромъ — Карла V) въ Испанію, ему, по завѣщанію Фердинанда, слѣдовало давать не болѣе 50 т. дукатовъ; пенсія эта была назначена дѣдомъ, еще когда послѣдній началъ управлять всею испанскою монархіею. Но Карлъ не только принялъ королевскій титулъ, но и уполномочилъ Адріана, посланнаго имъ въ Испанію, принять регентство, вакантное по случаю смерти Фердинанда. Адріанъ былъ совершенно незнакомъ съ испанскими дѣлами. Поэтому онъ не могъ имѣть притязаній на право, принадлежавшее Хименесу и предоставленное ему по завѣщанію; притомъ самъ принцъ, отъ имени котораго онъ дѣйствовалъ, не былъ признанъ

королемъ и никогда еще доселѣ не правилъ государствомъ. Вслѣдствіе всего этого Адріанъ согласился до полученія новыхъ инструкцій изъ Фландріи управлять сообща съ Хименесомъ. Въ февралѣ 1516 г. изъ Фландріи было получено согласіе на это распоряженіе; но совѣтники Карла потребовали отъ монаховъ, управлявшихъ Испаніей, чтобы они немедленно признали Карла королемъ, хотя мать его была еще жива.

Это было бы невозможно, еслибы Адріанъ не былъ такъ скроменъ, что передалъ Хименесу все управленіе, а самъ удовольствовался второстепенной ролью. Хименесъ умѣлъ ладить съ испанцами, былъ вполнѣ увѣренъ въ расположеніи къ правительству могущественныхъ городовъ, получившихъ отъ него и отъ Фердинанда независимость и особенно расчитывалъна Мадридъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи при Филиппѣ II постоянною резиденціей королей; онъ созвалъ въ Мадридъ прелатовъ и рыцарство для сообщенія имъ желанія наслѣдника престола. Когда всѣ они собрались, онъ доказалъ исторически и юридически черезъ ученаго публициста Карвахаля, что требованіе Карла, которое они въ письмахъ къ нему называли неосторожнымъ и страннымъ, можетъ быть оправдано правомъ и обычаемъ. Карвахаль однако не убѣдилъ ихъ своею ученостью и юридическими софизмами, но Хименесъ рѣшилъ затрудненія, провозгласивъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій въ Мадридѣ наслѣдника престола королемъ. Другіе города тотчасъ же послѣдовали примѣру Мадрида, и ни прелаты, ни рыцари не осмѣлились противорѣчить. Все это впрочемъ касалось только Кастиліи; въ Арагоніи же Карла признавали законнымъ наслѣдникомъ своего дѣда, но не королемъ.

Въ награду кастильскимъ городамъ, слѣдовательно въ то же время и для униженія независимыхъ вельможъ, Хименесъ увеличилъ пѣхоту, которою уже Фердинандъ пользовался противъ рыцарства. Онъ склонилъ деньгами и рѣчами городскія власти платить жалованье отрядамъ гражданъ и заставлять ихъ по време-

намъ упражняться въ военномъ дѣлѣ, чтобы они могли помочь королю уничтожить кулачное право. Старыхъ, опытныхъ офицеровъ, побѣждавшихъ съ кардиналомъ невѣрныхъ и не имѣвшихъ понятія о конституціи, онъ давно уже употреблялъ для набора наемниковъ. Бережливость его и необыкновенный порядокъ въ финансахъ дали ему возможность нанять этихъ офицеровъ и около 30,000 солдатъ и такимъ образомъ располагать не только гражданской милиціей, но и правильнымъ войскомъ, какого не имѣла тогда ни одна европейская держава. Войско это очевидно предназначалось для охраненія гражданской свободы отъ дерзости и насилій могущественной аристократіи, которая противилась его учрежденію; но Хименесъ сформировалъ его, не дожидаясь отвѣта короля.

Съ такою же энергіей Хименесъ занимался возстановленіемъ финансовъ и слѣдилъ за расходомъ денегъ, получаемыхъ Фердинандомъ съ гроссмейстерствъ трехъ рыцарскихъ орденовъ. Опираясь на городскія общины, онъ чувствовалъ себя довольно сильнымъ, чтобы отнимать пенсіи, синекуры и наслѣдственныя должности у аристократіи, которая въ Испаніи, какъ нынче въ Англіи, роскошничала и кормила свою родню на счетъ государственной казны. Конечно, это имѣло также свою непривлекательную сторону, и духовно-военный деспотизмъ тѣмъ болѣе порицался, чѣмъ страшнѣе становились розыски и преслѣдованія духовной инквизаціи. Гранды громко вопили противъ кардинала, и бельгійцы, составлявшіе совѣтъ и свиту Карла, также были недовольны; даже Адріанъ, не имѣя никакого значенія, чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи. Тѣмъ не менѣе Хименесъ принесъ королю Карлу такія же услуги, какъ Ришлье и Мазаринъ Лудовику XIV, съ тою только разницею, что онъ не уничтожалъ свободы гражданъ; притомъ онъ былъ гораздо гуманнѣе Адріана и нидерландскихъ доктринеровъ, что доказали его поступки касательно ввоза невольниковъ-негровъ въ Америку, придуманнаго для удобства разработки золота, производившейся доселѣ исключительно индѣйцами. Хименесъ возсталъ

противъ этой мѣры, предвидя все зло, происшедшее впослѣдствіи отъ него. Разумѣется, въ этомъ случаѣ ему пришлось уступить фламандскимъ филантропамъ. Впрочемъ Адріанъ жаловался Карлу, что Хименесъ ни о чемъ не совѣтуется съ нимъ и распоряжается всѣмъ по своему; поэтому въ Испанію были посланы еще двое нидерландцевъ, менѣе уступчивыхъ; имъ было поручено принять участіе въ управленіи, но Хименесъ обращалъ на нихъ такъ же мало вниманія, какъ и на добраго Адріана.

Главные представители кастильской аристократіи, герцогъ Инфантадо, графъ Бенавенте и кастильскій амиранте (адмиралъ) не признавали за кардиналомъ права поступать такъ деспотически; но онъ принудилъ ихъ подчиниться завѣщанію Фердинанда. Однако, не смотря на авторитетъ Робертсона и Прескотта, мы не вѣримъ, чтобы, какъ разсказывается во всѣхъ исторіяхъ, Хименесъ подвелъ этихъ господъ къ окну и, указавъ на пушки, сказалъ, что это самое дѣйствительное право. Кардиналъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы поступать такимъ образомъ, достойнымъ только эксъ-портного Джойса, который везъ плѣннаго англійскаго короля Карла I и на вопросъ, есть ли у него полномочіе (warrant), указалъ на пистолетъ. Вскорѣ по смерти Фердинанда Хименесъ, не спросясь Карла, доказалъ папѣ Льву X, партіи Педро Портокарреро и капитулу ордена Санъ-Яго, что съ нимъ шутить опасно. Предшественникъ Льва передалъ внуку Фердинанда, Карлу, право наслѣдовать дѣду въ трехъ гроссмейстерствахъ, чтобы не отчуждать отъ короны большихъ орденскихъ владѣній; но Левъ передалъ гроссмейстерство Санъ-Яго Педро Портокарреро, который тотчасъ по смерти Фердинанда предъявилъ притязанія на это достоинство. Основываясь на папской грамотѣ, орденскій капитулъ собрался и приготовился возвести Портокарреро въ санъ гроссмейстера. Но кардиналъ прислалъ комиссара съ войсками и помѣшалъ избранію Портокарреро. Изгнанный король наваррскій, Іоаннъ д'Альбре, думалъ также воспользоваться смертью Фердинанда, и вторгнулся

съ войскомъ въ свое бывшее государство; но Хименесъ выслалъ противъ маршала наваррскаго, командовавшаго войскомъ Іоанна, значительный корпусъ, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ. Маршалъ пробылъ въ плѣну до самой смерти и въ 1523 г. лишилъ себя жизни; самъ же Іоаннъ д'Альбре и жена его умерли въ 1516 году. Союзъ, который всякому другому правительству былъ бы весьма опасенъ, возвысилъ значеніе кардинала или, лучше сказать, короля. Между аристократами завязался споръ о наслѣдствѣ герцога Медина-Сидоніи, но когда дѣло дошло у нихъ до кровопролитія, Хименесъ послалъ своего генерала Фонсеку и поступилъ съ ними, какъ съ мятежниками. Послѣ этого всѣ важнѣйшія фамиліи собрались и послали депутатовъ въ Брюссель, но ихъ не приняли.

Не смотря на все это, кардиналъ въ теченіи 1516 года находился въ непріятномъ положеніи, потому что де-Шіеврь и бельгійскіе друзья его, при всѣхъ своихъ добрыхъ качествахъ, были слишкомъ жадны къ деньгамъ и считали американское золото неизчерпаемымъ, такъ что изъ Испаніи вывозились очень значительныя суммы въ Бельгію, и кастильцы были очень недовольны. Кромѣ того, вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія Карла, образовалась партія въ пользу его брата, Фердинанда; опасно было и то, что городскія общины начинали волноваться и настойчиво требовали созванія кортесовъ. Кардиналъ наконецъ самъ потребовалъ, чтобы Карлъ прибылъ въ Испанію. Требованіе городовъ побудило кардинала хлопотать о поспѣшномъ прибытіи Карла въ Испанію, хотя сначала онъ противился этому требованію. Карлъ не могъ выѣхать изъ Нидерландовъ, не обезпечивъ ихъ съ моря и съ суши отъ нападеній Франциска I и Карла Гельдернскаго. Поэтому въ Нойонѣ былъ собранъ конгрессъ, и въ августѣ 1516 г. заключены два договора—одинъ для Нидерландовъ, другой для всѣхъ владѣній Карла.

Возстановленію мира между Франціей и Нидерландами болѣе свего содѣйствовалъ тогдашній намѣстникъ Голландіи, Генрихъ

Нассаускій, который пріобрѣлъ при этомъ полное расположеніе короля Франциска I. Въ договорѣ Францискъ обѣщать защищать Нидерланды, за что Генрихъ, именемъ Карла, присягнулъ ему за Артуа и Фландрію. Договоръ, касавшійся всей монархіи Карла, былъ заключенъ двумя уполномоченными, дѣйствовавшими по приказаніямъ воспитателей королей, Франциска и Карла. Де-Шіевръ и Артуръ де-Буасси, давшіе это полномочіе, вышли изъ затруднительнаго положенія не надолго и не заботились о возможности выполнить договоръ. Дружба между Францискомъ и Карломъ, было сказано въ договорѣ, должна закрѣпиться будущимъ бракомъ шестнадцатилѣтняго Карла съ дочерью Франциска, которой было всего годъ; въ приданное за ней назначались права французскаго короля на Неаполь, бракъ долженъ былъ совершиться на двѣнадцатомъ году жизни принцессы, и до тѣхъ поръ Карлъ платилъ въ годъ 100,000 золотыхъ кронъ, а потомъ 50 т. Могъ ли быть выполненъ подобный договоръ? Что касается остальныхъ условій договора, то хотя Наварра и оставлялась пока за Испаніей, но этотъ пунктъ былъ очень запутанъ; точно также условіе, касающееся Неаполя, было составлено съ такимъ крючкотворствомъ, что Францискъ и послѣ брака могъ бы предъявлять притязаніе на королевство. Касательно Наварры, было положено, что Карлъ въ своемъ совѣтѣ юридически разсмотритъ, имѣлъ ли дѣдъ его, Фердинандъ, право на Наварру; чего, какъ извѣсто, не было. О Миланѣ въ договорѣ не упоминалось, потому что Францискъ владѣлъ герцогствомъ; де-Шіевръ именемъ Карла обѣщалъ, что Максимиліанъ также приступитъ къ миру.

Генрихъ VIII англійскій и императоръ Максимиліанъ были очень недовольны нойонскимъ договоромъ. Послѣдній, какъ мы уже (стр. 278) замѣтили, нанялъ швейцарцевъ на деньги, полученныя отъ Генриха, и отправился за Альпы; но когда англійскія деньги были истрачены, швейцарцы сдѣлались наглы и грубы, такъ что Максимиліанъ сталъ бояться того, что слу-

чилось съ Лудовико Моро (стр. 154), т. е. измѣны. Поэтому онъ поспѣшно возвратился въ Германію. Дочь его, Маргарита, убѣдила его признать нойонскій договоръ. Однако онъ не выполнилъ пункта, въ которомъ было сказано, чтобы онъ очистилъ Верону.

Нойонскій договоръ обезпечилъ Маргариту по крайней мѣрѣ со стороны страшнаго предводителя черной шайки, герцога Карла Гельдернскаго. По возвращеніи изъ Италіи и выздоровленіи (стр. 275), Карлъ напалъ на Голландію и Фрисландію и произвелъ страшныя опустошенія; въ то же время достойный товарищъ его, морской разбойникъ, прозванный Большимъ Петромъ (de Groote Pier), овладѣвалъ всѣми кораблями. Намѣстникъ Голландіи, Генрихъ Нассаускій долго, но тщетно, боролся съ разбойниками и рыцарями, пока наконецъ не созвалъ ополченія всей страны, съ которымъ оттѣснилъ герцога Карла къ Арнгейму. Это случилось въ то самое время, когда Генрихъ хлопоталъ о нойонскомъ мирѣ. Поэтому, стараніями Франциска, 7 сентября было заключено въ Утрехтѣ шестимѣсячное перемиріе между герцогомъ Гельдернскимъ и королемъ Карломъ. По условіямъ перемирія, король получилъ обратно вестерлауерскую Фрисландію, отнятую герцогомъ у Бельгіи; но за это онъ долженъ былъ заплатить герцогу 100,000 золотыхъ кронъ; такимъ образомъ полугодовое спокойствіе обошлось ему дорого. При всѣхъ этихъ переговорахъ болѣе всѣхъ выигралъ Генрихъ Нассаускій, породнившись съ царственнымъ домомъ Оранскимъ. Король Францискъ позволилъ ему жениться на сестрѣ и наслѣдницѣ Филиберта Оранскаго и Шалонскаго, Клавдіи, которая, владѣя большими имѣніями въ Бургундіи, не могла выходить замужъ безъ позволенія своего сюзерена, короля французскаго.

Послѣ нойонскаго мира Карла задерживали еще долго въ Нидерландахъ, такъ что онъ отправился въ Испанію только черезъ годъ и 17 сентября 1517 г. высадился при Виллависіосѣ, окруженный цѣлою свитою бельгійцевъ; своими вѣтренными французскими манерами, жадностью и высокимъ мнѣніемъ о себѣ они

возбудили сильное отвращеніе въ серьезныхъ и церемонныхъ испанцахъ. Въ сопровожденіи своей сестры, Элеоноры, Карлъ отправился въ Тордесильясъ къ матери, радость которой при видѣ дѣтей (какъ очень нѣжно выражается Миніана, продолжавшій исторію Маріаны) побѣдила даже на минуту ея бѣшеное помѣшательство. *) По внушенію своихъ нидерландцевъ Карлъ отплатилъ самой черной неблагодарностью министру, которому былъ обязанъ тѣмъ, что при вступленіи на престолъ нашелъ Испанію въ томъ положеніи, въ какомъ не находилъ ее еще ни одинъ король. Онъ холодно далъ понять восьмидесятилѣтнему кардиналу-правителю, чтобы онъ пріѣхалъ отдать ему отчетъ и затѣмъ удалился отъ дѣлъ **). Хименесъ былъ бѣльмомъ на глазу для нидерландской свиты Карла по энергіи, съ которою смирялъ кастильскихъ вельможъ и даже города, если они осмѣливались противиться его волѣ. Кромѣ того, люди, окружавшіе Карла, еще въ Брюсселѣ торговали должностями, мѣстами, свѣтскими и духовными титулами и привиллегіями трехъ частей свѣта. Но они знали, что могущественный кардиналъ будетъ имъ помѣхою. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ уступить имъ. Хименесъ умеръ уже черезъ шесть недѣль послѣ удаленія отъ должности (8 ноября 1517); но Прескоттъ справедливо замѣчаетъ, что смѣшно увѣрять, основываясь не этомъ обстоятельствѣ, будто старикъ умеръ съ горя отъ неблагодарности. На такія сильныя и холодныя характеры, какъ кардиналъ, горе дѣйствуетъ лишь мимолетно; кто имѣлъ силу бороться съ міромъ, тому легко преодолѣть горе и зависть. Хименесъ еще недавно доказалъ первымъ грандамъ государства, герцогамъ Альбѣ и Инфантадо, графу Урегнѣ и его

*) «Cui in filiorum amplexu etsi graviter affectae mirifice gaudium natura expressit,»

**) Краткое извѣстіе объ этомъ Маріанны краснорѣчивѣе длинныхъ объясненій Миніаны: Ut sibi ad Mogiados occurreret, ubi, postquam de reipublicae rebus, cum de privatis, tum de familia constituenda in commune egissent, domum quieti suae consultum discederet.»

сыну, донъ Педро Жирону, что его энергическое правленіе сдѣлало Кастилію непохожею на Германію. Эти господа и множество другихъ дворянъ силою возставали противъ королевскихъ чиновниковъ и пускали при этомъ въ ходъ кулачную расправу. Когда противъ нихъ хотѣли употреблять силу, они, по старому доброму обычаю, бросились въ укрѣпленный городъ Виллафранку, намѣреваясь держаться противъ королевской полиціи, пока она не утомиться осадой, Но кардиналъ немедленно послалъ нѣсколько тысячь человѣкъ своей милиціи, взялъ городъ, срылъ всѣ укрѣпленія и принудилъ гордыхъ феодаловъ просить помилованья короля.

Въ 1518 Карлъ собралъ въ Вальядолидѣ кортесовъ Кастиліи и потребовалъ отъ нихъ провозглашенія его королемъ; но они воспротивились этому, однако вскорѣ успокоились, хотя онъ продолжалъ называть себя королемъ. Впрочемъ они признавали королевой только его мать и требовали, чтобы манифесты издавались отъ имени Іоанны и Карла, вмѣстѣ. Прежде чѣмъ Карлъ прибылъ въ Арагонію, нидерландцы успѣли возбудить въ испанцахъ такую ненависть къ нему, что король и его совѣтники сочли нужнымъ предупредить возстаніе въ пользу его брата, Фердинанда, отославъ его въ Германію, въ сопровожденіи господина де Вера. Кастильцы были особенно недовольны назначеніемъ нидерландцевъ въ должности, тѣмъ болѣе что новое правительство сдѣлало по смерти Хименеса архіепископомъ толедскимъ и примасомъ Испаніи не побочнаго сына покойнаго короля, архіепископа Альфонса сарагосскаго, а племянника де Шіевра, архіепископа канбрейскаго. Карлъ также смѣнилъ толедскаго городскаго старшину и мѣсто его отдалъ бельгійцу. Бельгіецъ Соважъ, заключавшій съ де Шіевромъ нойонскій миръ, былъ сдѣланъ кастильскимъ канцлеромъ, а когда въ слѣдующемъ году онъ умеръ, на его мѣсто Карлъ назначилъ не испанца, а бургундца Галинару, оказавшаго его кабинету большія услуги въ послѣдующіе годы. Когда наконецъ, въ 1518 году, онъ поѣхалъ въ Арагонію, чтобы принять управленіе этимъ государствомъ и Каталоніей, онъ назначилъ въ

Кастилію правительственный совѣтъ, въ который помѣстилъ множество бельгійцевъ; они подавали голоса и могли, заявляя волю короля, заставлять испанскихъ грандовъ молчать. Изъ испанскихъ вельможъ въ немъ засѣдали коннетабль, амиранте, герцогъ Альба, архіепископъ Санъ-Яго и другіе.

Причина неудовольствія городовъ была другаго рода, чѣмъ аристократіи, не желавшей дѣлить съ иностранцами выгоды управленія. Граждане были недовольны тѣмъ, что въ Нидерланды посылалось изъ Испаніи много денегъ. Историки показываютъ круглую сумму, добытую бережливыми нидерландцами изъ богатствъ Испаніи; но мы не намѣрены повторять этого, потому что не довѣряемъ подобнымъ даннымъ и разсчетамъ тѣмъ болѣе, чѣмъ, повидимому, они точнѣе и обстоятельнѣе и чѣмъ болѣе основаны на такъ называемыхъ научныхъ соображеніяхъ и выкладкахъ. Вѣрно то, что въ 1519, въ то время какъ Карлъ находился еще въ Арагоніи, кастильскіе города, покровительствуемые прежде Фердинандомъ и Хименесомъ, начали образовывать между собою союзъ, который могъ быть очень опасенъ для монархіи. Поводомъ къ образованію этого союза было неисполненіе обѣщанія, даннаго королемъ во время перваго собранія кортесовъ въ Вальядолидѣ. Сеговія первая предложила союзъ, и городъ Авила принялъ его. Авила требовала соучастія Толедо, съ которымъ съ давнихъ поръ была въ сношеніяхъ, а Толедо убѣдилъ вступить въ союзъ Куенсу и Хаенъ. Впрочемъ сначала хотѣли только серьезно представить королю положеніе дѣлъ и требовать реформъ.

Въ это время Карлъ получилъ извѣстіе о смерти своего дѣда, Максимиліана; это дало ему надежду быть избраннымъ римскимъ императоромъ, сдѣлаться обладателемъ большей части провинцій Западной Римской Имперіи и тѣмъ пріобрѣсти важнѣйшія права древнихъ римскихъ императоровъ. Послѣднее было тѣмъ болѣе возможно, что папа признавалъ германскихъ королей наслѣдниками Константина Великаго, а нѣмцы были такъ глупы, что считали гражданское право Юстиніана

и основанное на немъ уголовное въ процессахъ объ оскорбленіи величества императорскимъ германскимъ правомъ. Бросивъ взглядъ на конецъ царствованія Максимиліана I, мы разскажемъ о томъ, какими путями Карлъ V старался осуществить этотъ планъ, намѣреваясь воспользоваться для введенія абсолютизма расколомъ, обнаружившимся въ нѣмецкой церкви.

IV. ГЕРМАНІЯ, ИСПАНІЯ, ФРАНЦІЯ, АНГЛІЯ И ИТАЛІЯ

ВЪ ПЕРВОЕ ВРЕМЯ РЕФОРМАЦІИ.

---

1. Политическія дѣла Германіи въ послѣдніе годы царствованія Максимиліана I.

Мы уже видѣли, что Максимиліанъ I и его отецъ были въ постоянной борьбѣ съ сеймами, и что торгашество городовъ и своеволіе, грабежи и грубость нѣмецкихъ владѣтелей и рыцарей, отличавшихся другъ отъ друга только объемомъ владѣній, навлекли на бѣдную страну тяжкія страданія. Поэтому еще во время Фридриха III стали серьезно помышлять о томъ, чтобы замѣнить императорское правленіе сословнымъ (стр.175—80). Явилась мысль раздѣлить имперію на округи, каждому округу дать свою организацію, какъ бы отдѣльному государству, и учредить имперскій судъ для законнаго разбора тяжбъ, которыя до сихъ поръ рѣшались оружіемъ. Впродолженіе цѣлаго полустолѣтія шелъ споръ о томъ, какъ устроить этотъ судъ и округи; тѣмъ временемъ кулачное право дѣйствовало по прежнему. Разбойники назывались храбрыми и честными рыцарями, и ихъ грубое пьянство и драки до сихъ поръ описываются въ романахъ какъ какое-то поэтическое рыцарство. Чтобы показать разницу

между прозаической правдой рыцарства и поэтическими описаніями романовъ какого нибудь Вальтера Скотта и другихъ, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, относящихся къ началу XV столѣтія, пользуясь собственными признаніями Франца Зиккингена и его друзей.

Францъ Зиккингенъ, извѣстнѣйшій герой временъ Максимиліана и образецъ рыцарей, грабившихъ на большихъ дорогахъ, купилъ у своего нотаріуса, Бальтазара Слоера, тяжбу съ городомъ Вормсомъ и сталъ вести процессъ при помощи кулака. Онъ не хотѣлъ знать имперскаго верховнаго суда и императорскаго дворцоваго совѣта; свои понятія онъ впослѣдствіи (1522 г.) высказалъ имперскому правленію, старавшемуся удержать его отъ насилій. „Это старыя пѣсни: въ приказаніяхъ нѣтъ недостатка, а недостатокъ—въ повинующихся.“ Съ купцами онъ обращался какъ съ вормсцами и забиралъ на большой дорогѣ всѣ товары, которые везли на франкфуртскую ярмарку. Хотя его подвергли опалѣ, но ни онъ, ни другіе господа не обращали на это вниманія. Зиккингенъ говорилъ, что вормсцы купили опалу на него у императорскихъ дворцовыхъ совѣтниковъ, особенно у Николая Циглера. Несмотря на опалу, Зиккингенъ въ продолженіи восьми дней осаждалъ Ворисъ и довелъ его до крайности; наконецъ графъ фонъ-Гагенъ, президентъ имперскаго верховнаго суда, рѣшилъ споръ между совѣтомъ, гражданами и духовенствомъ, вслѣдствіе чего Зиккингенъ долженъ былъ отступить. Но въ теченіи двухъ лѣтъ онъ продолжалъ враждовать съ городомъ или, другими словами, грабить гражданъ на большихъ дорогахъ. Наконецъ, когда былъ объявленъ противъ него, въ Ландау такъ называемый римскій походъ, несчастнымъ ландаусцамъ пришлось дорого поплатиться. Онъ отнялъ у нихъ всѣ стада или, какъ сказано въ оригиналѣ, весь ихъ сыръ. При этомъ Зиккингенъ поступилъ очень оригинально и наивно; захвативъ при Сантъ-Викторѣ близь Майнца двѣнадцать возовъ, на которыхъ везли пармезанскіе сыры, онъ послалъ одинъ изъ этихъ сыровъ имперскому

уголовному судьѣ пфальцграфу Лудвигу V. Пфальцграфъ отослалъ украденное добро, но шпейерскій каноникъ, Филиппъ фонъ Флёрсгеймъ, зять Зиккингена, не обладалъ такой чувствительной совѣстью и принялъ посланный ему сыръ. Этотъ каноникъ посовѣтовалъ Зиккингену въ 1518 г. отправиться въ Инспрукъ къ императору Максимиліану, говоря, что тотъ, несмотря на опалу, приметъ его почетно. Предсказаніе это сбылось: болѣе тридцати имперскихъ рыцарей съ почестями встрѣтили Франца Зиккингена, а вышеупомянутый Николай Циглеръ прислалъ ему ведро витлахскаго вина, которое Зиккингенъ и графъ Эмихо фонъ Лейнингенъ, немедленно выпили до послѣдней капли, потому что были такіе же мастера пить, какъ и разбойничать.

Поведеніе Зиккингена показываетъ, что по учрежденіи имперскаго суда, почти постоянно молчавшаго или вовсе перестававшаго дѣйствовать и по раздѣленія имперіи на округи, законная власть не была еще достаточно сильна, чтобы справляться съ имперскимъ рыцарствомъ, жившимъ грабежемъ людей торговаго класса, притѣснявшимъ поселянъ и даже хвалившимся этимъ. Только въ 1512 г, была учреждена имперская исполнительная палата, которой были подчинены имперскій верховный судъ и восемь округовъ. На кёльнскомъ сеймѣ Максимиліанъ согласился на это учрежденіе, предложенное чинами, главною цѣлью котораго было уничтоженіе кулачнаго права. Округи назывались сначала округами земскаго мира. Кромѣ того, Бургундія была тогда же назначена девятымъ округомъ, а Австрія—десятымъ, такъ какъ Максимиліанъ давно старался поставить эти страны подъ покровительство имперіи. Но это учрежденіе было приведено въ исполненіе только черезъ десять лѣтъ, уже въ царствованія преемника Максимиліана, Карла V. Каждый округъ представлялъ подобіе имперіи; въ послѣднее время императоръ правилъ государствомъ вмѣстѣ съ имперскимъ правленіемъ; поэтому и въ округахъ за общественнымъ спокойствіемъ и безопасностью должны были наблюдать окружной начальникъ и прикомандированные къ нему

совѣтники. На нихъ была возложена также забота о скорѣйшемъ и правильномъ исполненіи имперскихъ постановленій.

Такъ какъ оба вѣдомства долгое время не могли исполнить своей задачи, то пока государи и города спорили о возстановленіи силою земскаго мира, образовался союзъ независимо отъ имперіи; онъ отражалъ силу силою и давалъ военачальникамъ и судьямъ возможность достигать своей цѣли. Это былъ швабскій союзъ, въ образованіи котораго принималъ участіе довѣренный совѣтникъ Фридриха III, Гуго фонъ Верденбергъ графъ Брегенцъ. Гуго фонъ Верденбергъ оказывалъ императору Фридриху въ имперскихъ дѣлахъ существенныя услуги: благодаря, ему нѣмецкіе чины защищали своего императора въ венгерскихъ и турецкихъ войнахъ и послѣ долгихъ противорѣчій, выбрали, еще при жизни Фридриха, сына его, Максимиліана, римскимъ королемъ. Въ 1488 Гуго фонъ Верденбергъ предложилъ императору, такъ какъ дѣло объ учрежденіи округовъ и имперскихъ судовъ не подвигалось, преобразовать союзъ св. Георгія, къ которому принадлежалъ и Гуго, въ болѣе обширный швабскій союзъ для водворенія земскаго мира. Слѣдуя этому совѣту, Фридрихъ въ февралѣ 1488 г. созвалъ въ Эслингенъ прелатовъ, графовъ и рыцарей союза св. Георгія; туда явилось двадцать два депутата отъ имперскихъ городовъ, которые примкнули къ союзу, графъ Эбергардъ Старшій Виртембергскій и Сигизмундъ Тирольскій. Будучи рыцарскимъ союзомъ св. Георгія, собраніе было австрійскимъ и носило австрійскіе цвѣта; но, принявъ названіе: „императорскаго и имперскаго союза въ швабской землѣ для поддержанія земскаго мира“ или, короче, швабскаго союза, оно считало въ числѣ своихъ членовъ рейнскихъ государей и даже курфирста бранденбургскаго. Въ началѣ союзъ былъ заключенъ только на извѣстное время; но императоръ не переставалъ просьбами, угрозами и приказаніями заставлять чины вступать въ союзъ, который для безопасности своихъ сочленовъ держалъ 10-тысячную армію, подчиненную впрочемъ не императору, а союзному совѣту.

Въ 1496 г., по настоянію умнаго курфирста Бертольда майнцскаго (стр. 226) союзъ былъ продолженъ еще на три года, и въ него вступилъ Эбергардъ Младшій Виртембергскій.

Максимиліанъ видѣлъ въ этомъ союзѣ ручательство за сохраненіе земскаго мира, котораго можно было достигнуть только при помощи постояннаго войска; поэтому, чтобы не допустить его до распаденія, онъ въ іюлѣ 1498 г. издалъ строгій указъ. Подъ страхомъ опалы членамъ воспрещалось выбывать изъ союза. Въ то же время онъ еще разъ убѣдительно просилъ членовъ германской имперіи пристать къ союзу. Тогда въ швабскій союзъ вступилъ и Ульрихъ, которому двоюродный братъ его, Эбергардъ Младшій, долженъ былъ уступить герцогство Виртембергское (стр. 177), и союзъ былъ продленъ еще на двѣнадцать лѣтъ. Союзъ наблюдалъ за спокойствіемъ южной Германіи, которымъ особенно дорожили города, такъ какъ вся торговля между сѣверомъ и югомъ шла тогда черезъ Германію, и посредствомъ ея пріобрѣтали богатство и могущество не только итальянскіе города, Миланъ, Флоренція и Венеція, но и южно-германскіе во Франконіи и Швабіи и Ганза въ сѣверной Германіи. Въ то время, когда было рѣшено продолжить союзъ на двѣнадцать лѣтъ, было сдѣлано постановленіе касательно выбора начальниковъ союза. По несчастному обычаю нѣмцевъ, они очень долго совѣщались и размышляли объ этомъ и, гоняясь за лучшимъ, упускали изъ рукъ хорошее. Съ 1498 г. толковали о продолженіи союза на двѣнадцать лѣтъ; но дѣло сдѣлали только въ 1500 г. Въ то самое время между союзомъ и швейцарцами возникли непріятности, въ которыхъ Максимиліанъ снова имѣлъ рыцарскія приключенія, не принесшія славы ни ему, ни швабамъ. Его тайный секретарь, Вилибальдъ Пиркгаймеръ, оказавшій безсмертныя услуги по возстановленію древней классической литературы, описалъ эту войну (bellum Helveticum) на классическомъ латинскомъ языкѣ. Если бы Вилибальдъ написалъ ее въ стилѣ Лютера, по нѣмецки, мы имѣли бы классическое произведеніе на нѣмецкомъ языкѣ, тогда

какъ теперь у насъ только больше однимъ произведеніемъ въ цицероновскомъ стилѣ.

Въ 1512 г. швабскій союзъ былъ возобновленъ на десять лѣтъ и при этомъ случаѣ союзному суду назначено постоянное мѣстопребываніе въ Аугсбургѣ. Въ союзъ были приняты епископъ бамбергскій и города Гейльброннъ, Вимпфенъ и Вейссенбургъ въ сѣверномъ округѣ. Но за то герцогъ Ульрихъ Виртембергскій отказался вступить въ него; онъ еще въ 1512 г. поссорился съ союзомъ. Ульрихъ, подобно герцогу Гельдернскому, рано началъ содержать шайку наемниковъ, и въ то время, какъ графъ Эмихо Лейнингенъ попалъ въ опалу, силою завладѣлъ его помѣстьями и замками. Хотя онъ для оправданія этого поступка приводилъ очень уважительныя причины, но императоръ не принялъ ихъ во вниманіе и оставилъ графу Эмихо его имѣнья, подлежавшія, вслѣдствіе опалы, конфискаціи. Но Ульриха не могли принудить возвратить его хищническія пріобрѣтенія. Черезъ четыре года Ульрихъ въ высшей степени разсердилъ все имперское рыцарство въ Швабіи, совершивъ убійство, о которомъ мы поговоримъ впослѣдствіи. Онъ отказался вступить въ возобновленный швабскій союзъ на томъ основаніи, что, вступивъ въ него, ему пришлось бы признать союзный судъ въ Аугсбургѣ. Когда же наконецъ онъ прислалъ объявленіе о вступленіи своемъ въ союзъ, оно было наполнено такимъ множествомъ условій и крючковъ, что принять его было невозможно.

На ряду съ швабскимъ союзнымъ судомъ, продолжалъ существовать и верховный имперскій судъ; но ему рѣдко удавалось постановлять приговоры противъ рыцарства, не говоря уже о государяхъ и городахъ. Кромѣ того, онъ не всегда былъ въ должномъ составѣ для судопроизводства: иногда членовъ было слишкомъ мало, а иногда они не получали жалованья, потому что назначенныя для нихъ деньги никогда не поступали аккуратно. Очень часто члены были несогласны между собою или съ гражданами города, въ которомъ было мѣстопребываніе суда. Во время

ссоры Франца Зиккингена съ вормсцами, судъ находился въ Вормсѣ. Какъ мы уже замѣтили, онъ вмѣшался въ эту ссору и вслѣдствіе этого долженъ былъ перенести свое мѣстопребываніе въ Шпейеръ, гдѣ, послѣ непродолжительнаго вторичнаго пребыванія въ Вормсѣ, оставался до тѣхъ поръ, пока долженъ былъ переѣхать въ Вецларъ.

Мы не упоминаемъ объ императорѣ, потому что онъ также не имѣлъ постоянной резиденціи и никакой власти въ имперіи. Хотя Максимиліанъ былъ ученый, поэтъ и романтикъ и постоянно затѣвалъ путешествія, сеймы, проекты и предпріятія, но мы не можемъ слѣдовать за нимъ въ лабиринтъ его жизни, полной приключеній. Нельзя однако умолчать, что Максимиліанъ, присоединившій къ имперскому союзу Бургундію, принадлежавшую его внуку и свое собственное герцогство австрійское, старался возвести Тироль въ курфиршество, но не могъ выполнить этого намѣренія.

Такъ какъ мы пишемъ европейскую, а не германскую только исторію, то чтобы связать послѣднюю съ всеобщей, выберемъ изъ событій послѣднихъ годовъ царствованія Максимиліана лишь такія, которыя находятся въ непосредственной связи съ первыми правительственными дѣйствіями внука и наслѣдника Максимиліана и показываютъ, какъ печально было положеніе государственнаго управленія въ Германіи. Въ этомъ отношеніи особенно важны два событія, которыя были причиною большаго и продолжительнаго измѣненія во внутреннемъ управленіи государства и относятся ко времени пріѣзда въ Германію внуковъ Максимиліана, Фердинанда и Карла. Событія эти—такъ называемая, гильдесгеймская усобица и ссора Ульриха Виртембергскаго со своими подданными и швабскимъ союзомъ, окончившаяся изгнаніемъ его изъ отечества. Къ этимъ двумъ событіямъ надо прибавить еще позднѣйшее предпріятіе трехъ рейнскихъ государей противъ Франца Зиккингена, при чемъ государственное начало одержало побѣду надъ рыцарствомъ.

Въ послѣдніе годы жизни Максимиліана почти всѣ планы

его рушились, потому что онъ никогда не разсчитывалъ заранѣе, можетъ ли выполнить ихъ и, не окончивъ одного, хватался за другое. Впрочемъ подъ конецъ, слѣдуя австрійскому девизу (Felix Austria, nube!), онъ пріобрѣлъ для своего дома Богемію и Венгріею, которыхъ не могли доставить ему ни арміи, ни дипломаты.

Въ Венгріи и Богеміи, временно присоединенныхъ императоромъ Альбрехтомъ II къ Австріи, царствовалъ со времени смерти Подѣбрада и Матфія Корвина Владиславъ VII, старшій сынъ польскаго короля Казиміра IV и дочери императора Альбрехта, Елизаветы (т. X, стр. 266, и т. XI стр. 91); въ Польшѣ же слѣдовали за Казиміромъ сначала второй сынъ его, Іоаннъ I Альбертъ, потомъ (1501) слѣдующій сынъ, Александръ и наконецъ (1506) младшій, Сигизмундъ I. Максимиліанъ старался отнять у Владислава Венгрію, но по обыкновенію помирился на деньгахъ, которыя немедленно истратилъ на смѣшную рыцарскую и придворную пышность (стр. 94). Впрочемъ при заключеніи съ Владиславомъ (1491 г.) мира, кромѣ этой суммы, ему была предоставлена надежда на наслѣдованіе венгерскаго престола и право немедленно принять титулъ венгерскаго короля. Когда, впослѣдствіи, у Владислава родился сынъ, Максимиліанъ сталъ стараться закрѣпить за своимъ домомъ Богемію и Венгрію посредствомъ брачнаго союза. Начатыя поэтому случаю переговоры прекратились на нѣсколько лѣтъ, пока въ 1514 г. за нихъ снова взялись самые ловкіе дѣловые люди и друзья Максимиліана, которые привели ихъ къ счастливому окончанію. То были два ученые, много содѣйствовавшіе улучшенію литературнаго вкуса Германіи, введенію классическаго латинскаго стиля и проясненію монастырскаго мрака школъ: одинъ, извѣстный уже намъ Матвѣй Лангъ, а другой Іоганнъ Куспиніанъ (латинизированное Шписгаммеръ), ученикъ и преемникъ въ званіи библіотекаря въ Вѣнѣ поэта и ученаго Конрада Цельта, замѣчательнаго въ исторіи классической и нѣмецкой

литературы. Благодаря ловкости этихъ двухъ людей, дѣло послѣ долгихъ переговоровъ кончилось тѣмъ, что Владиславъ VII богемскій и венгерскій и братъ его, Сигизмундъ король польскій, согласились выдать дочь Владислава за одного изъ внуковъ Максимиліана, а внуку императора за сына Владислава, впослѣдствіи короля Лудовика II.

Исторію этой помолвки и предшествовавшихъ ей переговоровъ, а также переписку и рѣчи на классическомъ латинскомъ языкѣ оставилъ намъ Куспиніанъ, а Буркгардъ Струве напечаталъ ихъ во второй части своихъ „матеріаловъ для нѣмецкой исторіи“, заимствовавъ ихъ изъ бумагъ Маркварда Фрегера. Мы не будемъ разбирать это сочиненіе и упоминаемъ о немъ только какъ объ одномъ изъ памятниковъ благороднаго стремленія положить конецъ варварству и невѣжеству среднихъ вѣковъ. Въ іюлѣ 1515 г. короли Владиславъ и Сигизмундъ прибыли въ Вѣну съ варварскою торжественностью и пышностью; Максимиліанъ, по своему обыкновенію, истратилъ на роскошныя празднества 150,000 гульденовъ, а потомъ снова принялся занимать подъ огромные проценты деньги у лицъ, которымъ продавалъ права и помѣстья. На этотъ разъ императоръ достигъ цѣли; Владиславъ согласился на бракъ своего сына съ внукою императора, Маріей. Въ тоже время произошла церемонія обрученія дочери Владислава, Анны, при чемъ жениха представлялъ самъ императоръ, хотя еще не было рѣшено, кто женихъ, Карлъ или Фердинандъ. Въ 1521 г. Анна вышла за Фердинанда, и когда въ 1526 г. братъ ея погибъ въ битвѣ при Могачѣ, она наслѣдовала Богемію и Венгрію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и войну съ турками, бывшую въ продолженіи двухъ столѣтій въ высшей степени пагубною для Австріи.

Максимиліану, такъ счастливо окончившему сватовство своихъ внуковъ, не удалось однако заставить курфирстовъ, выбрать еще при его жизни старшаго внука его, Карла, въ римскіе короли. Курфирсты нѣсколько разъ уклонялись отъ этого, а французскій

король Францискъ и папа употребляли всевозможныя старанія, чтобы помѣшать этому. Нѣмецкіе избиратели приводили при этомъ довольно смѣшной предлогъ, который никакъ нельзя было принять серьезно. Они говорили, намѣкая на то, что Максимиліанъ не былъ коронованъ папою императоромъ, что не могутъ имѣть въ одно и то же время двухъ римскихъ королей. Въ 1518 г., Максимиліанъ, будучи слабъ и боленъ, еще разъ сдѣлалъ попытку склонить курфирстовъ избрать Карла. Для достиженія этой цѣли, онъ воспользовался ввѣренною ему опекою надъ молодымъ королемъ Лудовикомъ II венгерскимъ и богемскимъ, а Карлъ чрезъ испанскихъ посланниковъ сыпалъ деньгами. Но Англія, Франція и папа съ успѣхомъ противодѣйствовали избранію, хотя курфирсты майнцскій, кёльнскій, пфальцскій и бранденбургскій еще въ сентябрѣ 1518 г. хотѣли издать избирательный декретъ въ пользу Карла. Чтобы воспрепятствовать этому, Францискъ I послалъ большія суммы, сталъ интриговать съ курфирстами майнцскимъ, трирскимъ и бранденбургскимъ и даже привлекъ на свою сторону герцога Генриха Люнебургскаго. Эти курфирсты были всегда расположены въ пользу французовъ; но всѣ остальные государи воспользовались споромъ о выборѣ императора, чтобы ограничить права будущаго главы имперіи. Лучшій и достойнѣйшій изъ нѣмецкихъ государей, курфирстъ Фридрихъ Саксонскій, извѣстный подъ прозваніемъ Мудраго, полагалъ, что въ виду церковной реформы, возвѣщенной въ его новомъ виттенбергскомъ университетѣ, было бы неблагоразумно избрать въ римскіе короли при жизни Максимиліана короля испанскаго.

Съ 1516 г. Францискъ I дѣйствовалъ очень коварно, стараясь быть выбраннымъ римскимъ королемъ или, по крайней мѣрѣ, помѣшать избрнію Карла. Объ интригахъ его мы можемъ судить по извѣстіямъ, сообщаемымъ маршаломъ Флеранжемъ, сыномъ Роберта де ля-Марка (стр. 254). Изъ словъ его видно, что французы смотрѣли на знаменитаго героя временъ кулачнаго

права, Франца Зиккингена, какъ на обыкновеннаго, хотя очень даровитаго атамана разбойниковъ. О предводителяхъ же наемниковъ маршалъ Флеранжъ (l'Aventureux, какъ называется онъ въ мемуарахъ) могъ судить вѣрно, потому что самъ былъ извѣстенъ во французской службѣ, какъ предводитель отряда нѣмецкихъ ландскнехтовъ. Флеранжъ разсказываетъ, что въ то время, какъ онъ познакомился съ Зиккингеномъ, послѣдній еще не былъ извѣстенъ какъ полководецъ и прославился только послѣ лотарингскаго похода, во время котораго Флеранжъ познакомился съ нимъ. За то онъ хвалитъ его, какъ человѣка образованнаго и краснорѣчиваго *). Зиккингенъ отправился въ Лотарингію, когда товарищи его, имперскіе рыцари и графы, пошли на помощь Іерольдзеку и герцогу Буйльону противъ герцога Лотарингскаго. У него одного было подъ начальствомъ 800 человѣкъ конницы и 6,000 пѣхоты. Герцогъ обратился къ французамъ, но они посовѣтовали ему сойтись съ Зиккингеномъ, и рыцарь получилъ отъ герцога извѣстную сумму и пожизненную пенсію въ 500 гульденовъ. Съ разбойничьими шайками, сопровождавшими его въ Лотарингію, Зиккингенъ отправился въ имперскій городъ Мецъ и вынудилъ у гражданъ 30 т. червонцевъ для себя и мѣсячное жалованье для своихъ рыцарей. Впослѣдствіи аббатъ фульдскій и дармштадтскіе рыцари наняли Зиккингена, чтобы напугать ландграфа Филиппа Гессенскаго, которому было тогда всего четырнадцать лѣтъ. Онъ осадилъ съ ними мо-

*) François de Sickingen estoit gentilhomme Allemand de bien petite race, mais bien gentil compaignon, et du temps, que je vous parle, avoit environ quarante ans, point homme de guerre, mais homme de grande honesteté, et aimoit fort la guerre, et jamais n'y avait esté, et estoit le plus beau langageur que je pense en ma vie avoir veu. (Францъ Зиккингенъ былъ нѣмецкій дворянинъ незнатнаго происхожденія. но славный товарищъ; въ это время ему было около сорока лѣтъ; онъ не былъ полководцемъ, но человѣкъ очень храбрый и любилъ войну, хотя никогда не участвовалъ въ войнахъ; онъ былъ самый прекрасный ораторъ, какого я видѣлъ во всю мою жизнь).

лодаго ландграфа въ Дармштадтѣ и собиралъ такую ужасную контрибуцію, что маркграфъ Филиппъ Баденскій, поспѣшившій на помощь ландграфу, счелъ, подобно герцогу Лотарингскому, за лучшее откупиться отъ разбойниковъ. Зиккингенъ и его товарищи получили 50,000 червонцевъ контрибуціи и 35,000 за военныя издержки.

Послѣ походовъ въ Мецъ, Дармштадтъ и противъ Ульриха Виртембергскаго Зиккингенъ сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ генераломъ всѣхъ рыцарей-разбойниковъ; съ этого времени онъ во главѣ своей шайки былъ такъ же страшенъ въ Германіи, какъ Франческо Сфорца и его отецъ—въ Италіи. Поэтому маршалъ Флеранжъ старался переманить его на сторону своего короля. Онъ взялъ его съ собой въ Анбуазъ, гдѣ король Францискъ осыпалъ подарками и почестями и его и его друзей. Хотя король не сказалъ ему прямо, что будетъ нуждаться въ его помощи при избраніи императора, но Зиккингенъ понялъ это. Онъ получилъ годовой окладъ въ 3,000 талеровъ и цѣпь, стоившую не менѣе той же суммы; всѣмъ его спутникамъ были подарены также цѣпи, цѣною отъ 500 до 1,000 талеровъ. За это онъ поклялся помогать королю Франциску во всемъ и противъ всѣхъ, за исключеніемъ де-ля-Марковъ. Государи, получившіе отъ короля деньги, говорилъ онъ, измѣнятъ ему *); онъ же никогда. Зиккингенъ хвалился, что можетъ выставить во всякое время 2,000 конницы и 10,000 пѣхоты. Зная, что Зиккингенъ можетъ собрать значительныя силы и нуждаясь въ немъ для избранія Карла, императоръ Максимиліанъ, предавшій его въ 1517 г. опалѣ по случаю вормской исторіи, въ 1518 г. принялъ его въ Инспрукѣ самымъ дружескимъ образомъ. Максимиліанъ такъ ревностно хлопоталъ за Карла, что къ концу того же года предоставилъ князьямъ и курфирстамъ, въ ущербъ народу и имперіи, новыя права и привиллегіи, которыя впослѣд-

*) Dites lui, que les grands princes le tromperont.

ствіи внукъ его долженъ былъ подтвердить такъ называемой избирательной капитуляціей.

Впрочемъ, Зиккингенъ вскорѣ совершенно разошелся съ королемъ французскимъ и съ маршаломъ Флеранжемъ, потому что, подобно плохимъ адвокатамъ, покупалъ несправедливыя тяжбы и рѣшалъ ихъ въ свою пользу кулакомъ, какъ адвокаты — языкомъ и перомъ. Какой-то нѣмецкій купецъ тягался съ городомъ Миланомъ и продалъ эту тяжбу Зиккингену, который, по своему обыкновенію, велѣлъ захватывать на большой дорогѣ товары всѣхъ миланцевъ. Миланцы обратились съ жалобой къ французскому королю, который былъ ихъ герцогомъ; король началъ усовѣщевать Зиккингена, но онъ не обратилъ на него вниманія. Зиккингенъ думалъ, говоритъ маршалъ Флеранжъ, что кулачное право имѣетъ такое же значеніе во Франціи, какъ и въ Германіи. Онъ прибавляетъ, что Зиккингенъ очень грубо отвѣтилъ королю; дѣйствительно отвѣтъ былъ грубъ *). Поэтому король прекратилъ выдачу рыцарю обѣщаннаго годоваго оклада, а герцогъ Буйльонъ переманилъ Зиккингена на сторону Карла.

Максимиліанъ умеръ въ январѣ 1519 г., и имперія оставалась безъ императора впродолженіи пяти мѣсяцевъ. Два курфирста, Фридрихъ Мудрый Саксонскій и Лудвигъ V Пфальцскій, каждый въ той части имперіи, которая назначалась имъ золотою буллою (т. X, стр. 208), исполняли должность имперскихъ ви-

*) De quoi le dict seigneur Roy en advertit le dict Francisque, lequel luy fist response d'nn vray Allemand; car il pensoit, qn'il n'y eust jnstice non plus qu'en Allemaigne; mais il s'abusait. Et feust la response du dict Francisque telle au Roy, que ce qu'il en avoit faict il l'avoit faict pour ung mieux, et afin que le dicts Milanois entendissent raison. (Король сказалъ объ этомъ Францу, который отвѣчалъ ему, какъ истый нѣмецъ, такъ какъ онъ думалъ, что во Франціи такая же неурядица, какъ въ Германіи; но онъ ошибался. Кромѣ того, Францъ сказалъ королю, что онъ сдѣлалъ все къ лучшему и чтобъ смирить миланцевъ).

каріевъ или намѣстниковъ; остальные нѣмецкіе князья старались извлечь себѣ выгоду изъ домогательствъ иностранныхъ государей. Францискъ I французскій, Генрихъ VIII англійскій и Карлъ арагонскій и кастильскій домогались императорскаго сана и старались подарками и интригами пріобрѣсти въ свою пользу голоса избирателей. Впрочемъ курфиреты упоминали о Генрикѣ VIII только потому, что нѣмецкимъ князьямъ хотѣлось поживиться англійскими деньгами; даже папа Левъ X, державшій, повидимому, его сторону, былъ въ душѣ противъ него. Когда наступилъ день избранія, Францъ Зиккингенъ и Казиміръ Бранденбургскій, подкупленные герцогомъ Буйльономъ въ пользу Карла, расположились лагеремъ по дорогамъ, ведущимъ въ Франкфуртъ съ войсками швабскаго союза, состоявшими изъ 20,000 человѣкъ; они угрожали князьямъ, въ случаѣ избранія иностраннаго короля, и воспрепятствовали противникамъ Карла помѣшать его избранію. Зиккингенъ подстерегалъ кромѣ того фуры съ деньгами, посланныя французами въ Франкфуртъ; но благодаря курфирсту трирскому, хлопотавшему въ пользу Франциска I, фуры были провезены благополучно. 28 іюня Карлъ I испанскій былъ избранъ римскимъ королемъ и какъ германскій императоръ принялъ имя Карла V.

Читая подробности этог оизбранія и видя, что Максимиліанъ и внукъ его, Карлъ, истратили на подкупъ менѣе Франциска I, нельзя однако удивляться ихъ удачѣ. Карлъ располагалъ богатствами Испаніи и новооткрытой Америки и повелѣвалъ Нидерландами, бывшими главнымъ звѣномъ существовавшихъ тогда торговыхъ сношеній между сѣверомъ и югомъ Европы. Но во Франціи уже было изобрѣтено искусство переводить деньги народа въ кассу правительства, т. е. то, что нынче называютъ финансовой наукой; въ Испаніи же и Германіи науку эту еще надо было изобрѣсти. Мы разъяснимъ это двумя примѣрами. Въ 1518 г., когда Максимиліанъ возвратился изъ Аугсбурга въ Инспрукъ, у него не было ни денегъ, ни кредита на продоволь-

ствіе своихъ людей и лошадей, и всѣ его придворные, лошади и экипажи должны были провести цѣлую ночь подъ открытымъ небомъ; изъ горожанъ никто не хотѣлъ принять ихъ, потому что имъ не было заплачено за продовольствіе и они сомнѣвались, въ состояніи ли будетъ императоръ расплатиться за ночлегъ. Когда новый императоръ пріѣхалъ въ Германію въ 1520 г., онъ былъ такъ же несостоятеленъ въ платежѣ, какъ и его дѣдъ, и ему пришлось занять 20,000 гульденовъ у Франца Зиккингена.

Дѣла по государственной полиціи, безопасности большихъ дорогъ и спокойствію въ странѣ были не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ финансовыя. Это ясно изъ исторіи усобицъ, которыя шли во всѣхъ частяхъ Германіи. Чтобы не теряться въ лабиринтѣ спеціальной исторіи, но пояснить нашъ выводъ нѣсколькими фактами, мы упомянемъ о двухъ усобицахъ, которыя Карлъ нашелъ по прибытіи въ Германію и употребилъ въ пользу габсбургскаго дома. Это были: борьба швабскаго союза съ Ульрихомъ Виртембергскимъ и такъ называемая гильдесгеймская усобица. Мы прибавили бы къ этому войну Зиккингена съ князьями, т. е. окончаніе рыцарскаго самоуправства и начало государственнаго самодержавія; но разсказъ о трагическомъ концѣ разбойнической и рыцарской жизни Зиккингена относится къ другимъ событіямъ.

2. Исторія герцога Ульриха Виртембергскаго до 1519 г.

Приключенія герцога Ульриха Виртембергскаго важны для всеобщей исторіи, независимо отъ другихъ основаній уже потому, что, благодаря имъ, во всей Германіи только одни виртембергцы достигли еще въ XVI вѣкѣ того, что мы теперь называемъ конституціей. Правда, нѣмецкія государства имѣли мѣстные чины, льготы и привиллегіи, но о договорѣ или основномъ законѣ нигдѣ не было и рѣчи. Кромѣ того, всѣ эти льготы и

права были разсѣяны въ безчисленномъ множествѣ актовъ и грамотъ императора и мѣстныхъ владѣтелей; притомъ они писались на латинскомъ языкѣ, такъ что о смыслѣ и приложеніи ихъ можно было безконечно спорить, что и происходило повсемѣстно. Мы, разумѣется, не рѣшимся утверждать, что виртембергцы, вслѣдствіе полученной ими въ 1514 году конституціи, былъ счастливѣе другихъ нѣмецкихъ подданныхъ, не имѣвшихъ конституціи, но сами они считали себя счастливыми, а мыслящему существу уже одного этого достаточно для счастья. До нашего времени, а можетъ быть даже и теперь, для виртембергцевъ Виртембергъ значилъ болѣе чѣмъ вся Германія; они были совершенно замкнуты въ своемъ ограниченномъ кругу и слѣпо пристрастны ко всему своему.

Во всякомъ случаѣ, понятіе о правахъ народа въ одномъ Виртембергѣ проникло во всѣ слои общества. Этимъ виртембергцы обязаны безсилію императора, глупости и безумію герцога Ульриха и отсутствію постояннаго войска, безусловно повинующагося государю.

Эбергардъ Старшій, прозванный въ шутку Бородатымъ, будучи графомъ Виртембергскимъ, пріобрѣлъ своими достоинствами и заслугами любовь и уваженіе подданныхъ и нѣмецкой націи и благосклонность императора Максимиліана; императоръ возвелъ его графство въ герцогство (см. т. X, стр. 415, и т. XI, стр. 177). Преемникъ его, Эбергардъ Младшій, напротивъ того, былъ грубый и дикій рыцарь. Онъ долженъ былъ удержать совѣтниковъ своего предшественника, помириться съ своей женой, добродѣтельной Елисаветой Бранденбургской, съ которой разошелся и уважать законъ. Но онъ недолго слѣдовалъ этому. Освободивъ изъ уголовной тюрьмы знаменитаго свою ссорой съ Рейхлиномъ августинскаго монаха Конрада Гольцингера и сдѣлавъ его канцлеромъ (т. X, стр. 417), Эбергардъ Младшій управлялъ совершенно произвольно и требовалъ отъ своихъ совѣтниковъ и чиновниковъ дѣйствій, въ которыхъ они по совѣсти должны были отказывать ему. Онъ жаловался, что содержаніе жены

стоитъ ему слишкомъ дорого и требовалъ согласія совѣтниковъ на ея удаленіе. Кромѣ того, онъ требовалъ, чтобы они перевели его канцелярію изъ Штутгарда въ Тюбингенъ, Урахъ или Нюртингенъ, вооружили и снабдили всѣмъ необходимымъ для войны его города и замки. По этому возникъ продолжительный споръ, кончившійся тѣмъ, что герцогъ долженъ былъ бѣжать въ Ульмъ; не только гофмейстеръ, прелаты, совѣтники и все простое населеніе, но впослѣдствіи даже чиновники, слуги и вся дворня герцога отказались служить ему, и назначили правительственный совѣтъ. Враги герцога напечатали противъ него прокламацію къ нѣмецкимъ чинамъ, которую должны были подписать слуги, ленники, канцелярію, придворный штатъ и даже поваръ и два трубача. Такъ какъ братъ Эбергардъ, Генрихъ, былъ слабоуменъ, то они провозгласили герцогомъ сына Генриха, Ульриха, который былъ утвержденъ императоромъ Максимиліаномъ, пріѣхавшимъ по этому случаю въ Ротенбургъ на Некарѣ.

Ульрихъ былъ тогда еще ребенкомъ. Его воспитаніе и временное управленіемъ герцогствомъ было поручено гофмейстеру графу Фюрстенбергу и двѣнадцати правительственнымъ совѣтникамъ. Не будемъ разбирать, правы ли были старые совѣтники, требуя, чтобы мальчикъ учился только наѣздничеству, охотѣ и фехтованію, такъ какъ для управленія не требуется знанія *), и правъ ли Шпитлеръ, желавшій, чтобы толстоголоваго малаго, вмѣсто того, чтобы мучить латынью и теологіей, отправили въ Парижъ для изученія французскаго языка и придворныхъ нравовъ. Во всякомъ случаѣ, швабскіе педанты, воспитавшіе молодаго герцога, были неправы. Тетингеръ, слова котораго можно прочитать у Шардта (т. II, стр. 911), говоритъ, что герцога выдрессировали такъ, что впослѣдствіи онъ говорилъ передъ дворомъ рѣчи на латинскомъ языкѣ (разумѣется, написанныя не имъ). При первомъ же случаѣ Ульрихъ постарался отдѣлаться

---

*) Nam reipublicae gubernandae sufficere patrias leges et instituta majorum

отъ педантовъ. Пышность, съ какою онъ явился въ Констанцѣ въ 1507 г. доказываетъ, что онъ жилъ уже очень весело. Онъ сошелся съ Максимиліаномъ, который тоже любилъ весело пожить и, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ Аугсбурга незадолго до своей смерти, выразилъ расположеніе къ этому городу за то, что часто кутилъ тамъ. Когда Ульрихъ пріѣхалъ въ Констанцъ, при немъ, кромѣ 300 рыцарей и свиты, былъ цѣлый экипажъ съ музыкантами; мальчикъ билъ въ литавры, и со всѣхъ концовъ къ нему стекались музыканты, такъ какъ Ульрихъ былъ извѣстный любитель музыки. Въ Констанцѣ онъ великолѣпно угощалъ императорскую свиту. Отъ беззаботной жизни, обжорства и пьянства, онъ такъ растолстѣлъ и ожирѣлъ, что, имѣя всего двадцать лѣтъ, возбуждалъ шутки своею толщиною. Въ видѣ лекарства онъ началъ вести неистовую охотничью жизнь и содержалъ цѣлыя стаи собакъ.

Ульриху было только шестнадцать лѣтъ (1503 г.), когда Максимиліанъ призналъ его совершеннолѣтнимъ. Поэтому регентство прекратилось, и мальчикъ сталъ управлять самъ, т. е. дѣлалъ множество долговъ, въ то время какъ его гофмейстеръ, канцлеръ и чиновники распоряжались герцогствомъ по своему, т. е. извлекали пользу для себя и для своихъ родственниковъ. Черезъ десять лѣтъ Ульрихъ былъ обремененъ страшными по тогдашнему времени долгами; впрочемъ теперь, при расточительности знатныхъ людей, долгъ этотъ, простиравшійся до полумилліона гульденовъ, покажется ничтожнымъ. Подданные герцога должны были платить пошлины съ предметовъ самой крайней необходимости, хотя и безъ того были обременены феодальными повинностями и задавлены, какъ египетскіе работники. Но Ульрихъ возбудилъ противъ себя не только бѣдныхъ мужиковъ; его долги, растрата государственной собственности и крутой нравъ ожесточили и феодальныя сословія, имѣвшія права, которыхъ герцогъ не уважалъ. Они отказались повиноваться ему, потому что сеймъ не собирался уже тринадцать лѣтъ. Бѣдное населеніе, не имѣвшее никакихъ

правъ, было доведено до отчаянія поведеніемъ чиновниковъ Ульриха, тяжелымъ налогомъ на вино, хлѣбъ, мясо и т. п. и введеніемъ меньшей мѣры и вѣсу.

Такимъ образомъ въ 1514 г. въ Виртембергѣ началась крестьянская война, которую называли войною бѣднаго Конрада (des armen Konrad). Это названіе не относится ни къ какому извѣстному лицу; это просто каламбуръ, достойный разъяренныхъ мужиковъ среднихъ вѣковъ. Возставшіе поселяне называли себя республикой бѣднаго Безъ-Совѣта (Kein-Rath), что́ по ихъ произношенію выходило Конрадъ (Konrad). Такимъ же образомъ острили они надъ своими имѣньями, находившимися въ Нѣтовой землѣ (Nirgends) и надъ своей родиной на Голодной горѣ (Hungerberg). Крестьяне возстали въ то самое время, когда и феодальныя сословія отказались повиноваться герцогу. Сначала они были возбуждены дряннымъ, дерзкимъ негодяемъ Гайнспетеромъ изъ Бейтельспаха, собрались во множествѣ близь Шорндорфа и начали совершать дикія неистовства.

Въ это время Ульрихъ, чтобы укрыться отъ преслѣдованій феодальныхъ чиновъ и кредиторовъ, отправился съ своимъ зятемъ, герцогомъ Генрихомъ Брауншвейгскимъ, въ гости къ Филиппу Гессенскому. Узнавъ о возмущеніи крестьянъ, онъ немедленно вернулся въ Виртембергъ, который засталъ въ полномъ возстаніи. Онъ былъ принужденъ удовлетворить по крайней мѣрѣ феодаловъ или, другими словами, прелатовъ, рыцарей и города, такъ какъ интересы противъ угнетаемаго народа были у нихъ съ нимъ общіе. Созвавъ сеймъ въ Штутгартъ, онъ обратился съ просьбой о посредничествѣ къ императору и ко многимъ государямъ. Крестьяне справедливо не хотѣли и слышать о сеймѣ, потому что каждый сеймъ налагалъ на нихъ новыя подати, и имъ постоянно приходилось платить за государей и аристократію. Ульриху пришлось позволить крестьянамъ подать ему письменную жалобу. Вскорѣ Ульрихъ такъ разсорился съ сеймомъ, что прервалъ его и перенесъ въ Тюбингенъ. Но распространеніе демократическаго движенія въ герцогствѣ, и тер-

роръ, наведенный на всѣ сословія неразумнымъ и неспособнымъ къ порядку народомъ, заставили герцога примириться по крайней мѣрѣ съ дворянской и гражданской аристократіей своей страны. Такимъ образомъ, въ іюлѣ 1514 года создалась первая нѣмецкая конституція или тюбингенскій трактатъ, бывшій основнымъ виртембергскимъ закономъ до 1819 года.

Императоръ и князья, угрожаемые крестьянскою войной, охватившей Франконію, Нижнюю Баварію и Рейнъ, содѣйствовали заключенію этого трактата. Посредниками и поручителями договора были: епископы констанцскій и страсбургскій, послы императора, курфирста Лудвига Пфальцскаго и брата его Фридриха, епископа вюрцбургскаго, и маркграфа Филиппа Баденскаго. Въ силу тюбингенскаго трактата, чины приняли на себя уплату долга 910,000 гульденовъ за своего безпутнаго герцога, разумѣется съ тѣмъ, чтобы принудить потомъ своихъ подданныхъ заплатить за все это. За это герцогъ подписалъ обязательство, въ которомъ обѣщалъ: не начинать никакой войны безъ воли чиновъ, не закладывать ни клочка земли и не требовать денегъ; позволить всѣмъ вывозить изъ страны имущество съ тѣмъ, чтобы въ первыя двадцать лѣтъ взимать извѣстный процентъ, а потомъ не брать и того. Наконецъ Ульрихъ даровалъ еще одну привиллегію, доказывающую, что въ Германіи уже въ то время произволъ правителей зашелъ далеко, а римское право испортило доброе старое право народное. Онъ обѣщалъ, что впредь никто не будетъ наказываться въ уголовныхъ дѣлахъ безъ суда. Тюбингенскій трактатъ противупоставилъ герцогской власти родъ сословной олигархіи; но крестьяне ничего отъ него не выиграли. Поэтому они обратились въ радикализмъ. Впрочемъ скоро вооруженная сила и жестокость рыцарей и герцога погубили ихъ; но восемь лѣтъ спустя въ ландграфствѣ штилингенскомъ началась настоящая крестьянская война, о которой мы будемъ говорить ниже и распространилась по Швабіи, Франконіи, Тюрингену и Рейну.

До 1515 года герцогъ Ульрихъ продолжалъ вести необузданную жизнь и принуждалъ чины заплатить за него новый долгъ въ 130,000 гульденовъ. Чины объявили, чтобы онъ отправлялся ко двору Максимиліана и жилъ тамъ на 5000 гульденовъ, а деньгами, сбереженными такимъ образомъ, они уплатятъ его долги. Кромѣ того, они требовали, чтобы онъ вступилъ въ швабскій союзъ, чего онъ рѣшительно не хотѣлъ, потому что ему пришлось бы въ такомъ случаѣ признать союзный судъ въ Аугсбургѣ. Онъ не могъ желать вступить въ союзъ потому также, что ссорой съ своей женой смертельно оскорбилъ ея брата, герцога Вильгельма IV Баварскаго, а умерщвленіемъ своего перваго придворнаго, рыцаря Ганса фонъ Гуттена, возстановилъ противъ себя все имперское рыцарство Швабіи, стало-быть главу и членовъ союза. Жена его Сабина, дочь покойнаго герцога Мюнхенскаго и сестры Максимиліана, помолвленная за него еще въ дѣтствѣ, была, кажется, вспыльчива, расточительна и склонна къ чувственнымъ наслажденіямъ, какъ и онъ. Если вѣрить сотой долѣ того, что говорилъ Ульрихъ на всю Германію въ манифестахъ о своей половинѣ, надо сознаться, что отношенія ея къ Гансу Гуттену, жена котораго наоборотъ бросалась въ объятія герцога Ульриха, были чрезвычайно двусмысленны, а поведеніе съ двумя фонъ Шпетенами и другими — весьма неблаговидно. Кромѣ того, Ульрихъ жаловался, что у нее „злой языкъ“ и что своею сварливостью и жестокими, гордыми словами, она часто отгоняла его отъ себя. Тогда, увѣряетъ онъ всю нѣмецкую націю въ своей несчастной брошюрѣ, онъ уходилъ отъ себя безъ ругательствъ и безъ брани, ни разу не ударивъ жены; только однажды, она довела его до крайности, и онъ ударилъ ее рукою, и то не очень сильно. Сабина же жаловалась своей вдовствующей матери въ особенности на частые побои; поэтому мать предложила ей бѣжать къ ней. Она послѣдовала этому совѣту, но обстоятельства ея бѣгства бросили на нее тѣнь, такъ что ни дядя ея, императоръ, ни братъ, Вильгельмъ IV

Баварскій, не приняли ея сторону, хотя преслѣдовали судебнымъ порядкомъ ея мужа за его тиранію и за убійство любовника жены, Ганса фонъ Гуттена (т. X, стр. 449); Ульрихъ называлъ это убійство казнью, порученною ему, какъ владѣтельному графу, вестфальскимъ тайнымъ уголовнымъ судомъ. Споръ продолжался цѣлый годъ (1515 г. до августа 1516 г.).

Имперское рыцарство Швабіи и Франконіи и швабскій союзъ были такъ озлоблены на Ульриха, что императоръ съ трудомъ удерживалъ Гуттеновъ и ихъ друзей отъ попытки отмстить за убійство родственника. Вѣроятно процессъ чиновъ кончился бы ничѣмъ, какъ вообще процессы слабыхъ противъ сильныхъ и бѣдныхъ противъ богатыхъ; но у герцога былъ страшный врагъ въ лицѣ Ульриха фонъ Гуттена. Мы уже говорили (т. X, стр. 429), что Ульрихъ фонъ Гуттенъ, своими памфлетами и сатирами вооружилъ противъ герцога все дворянство, такъ что императоръ Максимиліанъ былъ наконецъ принужденъ въ октябрѣ 1516 г. объявить Ульриха въ опалѣ или, другими словами, дать право врагамъ нападать на него. Гуттены и друзья ихъ были уже готовы напасть на герцога, когда императоръ далъ на нѣсколько дней отсрочку и уполномочилъ своего министра Матвѣя Ланга устроить свиданіе въ Блаубейренѣ. При этомъ свиданіи, 21 октября, Ульрихъ согласился на предложенныя ему условія, и императоръ снялъ съ него опалу. Максимиліанъ утвердилъ своею печатью договоръ, заключенный съ Ульрихомъ, и этотъ актъ назывался императорскимъ рѣшеніемъ или приговоромъ (Machtspruch). Въ немъ было сказано, что герцогъ долженъ отказаться на шесть лѣтъ отъ управленія; вмѣсто его, государствомъ будутъ управлять отъ его имени гофмейстеръ, канцлеръ, прелатъ, двое выборныхъ изъ дворянъ, двое отъ городовъ и членъ, назначаемый императоромъ; какъ намѣстники и совѣтники герцога, они должны собирать доходы и уплачивать изъ нихъ долги, проценты и все, что слѣдуетъ, выдавая герцогу и его женѣ годовое содержаніе. Отцу Ганса фонъ Гуттена, Лудвигу, слѣдовало выплатить из-

вѣстную сумму. Но, чтобы скрыть, что Лудвигъ удовлетворился деньгами за убійство сына, эта сумма отдавалась не непосредственно ему, а императору. Герцогство обязалось платить императору три года сряду по 9000 гульденовъ, а въ маѣ 1517 г. Максимиліанъ передалъ это обязательство Лудвигу Гуттену.

Герцогъ Ульрихъ не намѣревался уступить управленіе своею страной и, возвращаясь изъ Блаубейрена въ Штутгардъ, велѣлъ своимъ наемникамъ грабить, убивать и жечь въ своей собственной странѣ. Послѣ этого, онъ началъ править съ большей жестокостью, чѣмъ прежде; онъ не позаботился даже, чтобы Максимиліану выплатили первые 9000 гульденовъ и обращался съ каннибальскимъ звѣрствомъ со всѣми, даже съ канцлеромъ своимъ Лампартеромъ, долгое время мучившимъ и угнетавшимъ страну отъ его имени. Всякаго, кто осмѣливался сказать, что слѣдовало бы выполнить блаубейренскій договоръ, онъ предавалъ пыткѣ не для того, чтобы вынудить какое нибудь признаніе, а просто, чтобы только помучить. Одному изъ совѣтниковъ Ульриха, человѣку хорошей фамиліи, по приказанію герцога сожгли руки и ноги, а тѣло облили спиртомъ и зажгли. Старѣйшему изъ своихъ совѣтниковъ, восьмидесятилѣтнему старику, Ульрихъ велѣлъ отрубить голову, а потомъ четвертовать. За браконьерство выкалывали оба глаза, и т. п. Въ императорскихъ грамотахъ, манифестахъ и приговорахъ недостатка, правда, не было; только не было человѣка, который бы желалъ или могъ выполнять ихъ. Это продолжалось, пока Ульрихъ не возстановилъ противъ себя новымъ злодѣйствомъ швабскій союзъ.

Ульрихъ навлекъ на себя неудовольствіе швабскаго союза, занявъ по смерти Максимиліана городъ Рейтлингенъ, принадлежавшій къ союзу. Граждане этого города давно ссорились съ лѣсничими Ульриха за лѣсъ и охоту, и наконецъ виртембергскій смотритель убилъ въ Ахальмѣ рейтлингенскаго гражданина, за что рейтлингенцы убили смотрителя. Извѣстіе объ этомъ происшествіи герцогъ получилъ за обѣдомъ; онъ вскочилъ изъ за

стола, призвалъ своихъ людей къ оружію, окружилъ городъ и черезъ четыре недѣли принудилъ его къ сдачѣ, прежде чѣмъ союзная швабская армія успѣла собраться. Но вскорѣ въ виртембергскомъ герцогствѣ появилось швабское союзное войско, подъ предводительствомъ оскорбленнаго зятя Ульриха, герцога Вильгельма Баварскаго и прославившагося въ послѣднюю итальянскую войну, Георга Фрундсберга (стр. 232). Ульрихъ не могъ бы устоять противъ этой силы съ своимъ 12,000 крестьянскимъ ополченіемъ. Швейцарцы, которыхъ онъ ожидалъ, услышавъ, что герцогъ не въ состояніи уплатить обѣщанныхъ денегъ, вернулись назадъ. Поэтому въ маѣ 1519 г. Ульрихъ обратился въ бѣгство и отправился въ Мюмпельгардъ. Все его герцогство было занято союзными войсками, жестоко угнетавшими народъ и въ сущности не знавшими, что дѣлать. По занятіи Виртемберга, союзное войско было распущено, а герцогъ Ульрихъ старался возвратить свое герцогство. Онъ безъ труда набралъ буйную сволочь, въ которой тогда не было недостатка, такъ какъ войско набиралось на время и потомъ снова распускалось. Съ этими людьми онъ напалъ въ августѣ на Виртембергъ и завоевалъ его. Вмѣсто того, чтобы крѣпче привязать къ себѣ своихъ подданныхъ и такимъ образомъ найти въ нихъ опору противъ союза, онъ сталъ свирѣпствовать хуже прежняго. Такое поведеніе было тѣмъ неблагоразумѣе, что многіе города, напр. Эслингенъ, Гёппингенъ и Урахъ не покорялись ему и звали на помощь швабскій союзъ. Союзъ, назначивъ, разумѣется, нѣсколько собраній, на которыхъ происходили длинныя пренія, собралъ и вывелъ новое войска и заставилъ Ульриха снова бѣжать. Въ засѣданіи союза въ Аугсбургѣ 19 ноября 1519 г. было положено не допускать Ульриха никогда болѣе къ владѣнію своею страною; кромѣ того, былъ составленъ счетъ издержкамъ, по которому онъ никогда не былъ бы въ состояніи уплатить.

Такъ какъ Карлъ V уже былъ избранъ императоромъ, и виртембергское дѣло разбиралось имъ и его братомъ, то окон-

чаніе этихъ событій мы разскажемъ ниже. Теперъ же мы обратимся къ гильденгеймской усобицѣ; она не была еще окончена, когда въ Германію прибыли оба внука Максимиліана, Фердинандъ и Карлъ.

3. Гильдесгеймская усобица.

Несчастный обычай тогдашнихъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ фамилій дѣлить государства между сыновьями, какъ частную собственность, истощилъ націю и до того запуталъ исторію Германіи, что безъ генеалогическихъ таблицъ она совершенно непонятна. Поэтому мы постараемся по возможности сократить разсказъ о ссорѣ асканскаго дома съ вельфскимъ за владѣніе однимъ нижне-саксонскимъ епископствомъ.

Нижняя Саксонія была раздѣлена между вельфскими принцами или потомками Генриха Льва почти въ такой же мѣрѣ, какъ Верхняя Саксонія между внуками Фридриха Ратнаго Тюрингенскаго и Мейссенскаго; только въ Лауенбургѣ, гдѣ было введено право первородства, нераздѣльно господствовала одна линія саксонско-асканскаго дома. Вельфскіе принцы раздѣлялись, подобно пфальцско-баварскимъ, то на большее, то на меньшее число линій, носившихъ разныя названія, смотря по тому, какія земли доставались имъ въ надѣлъ. Когда началась гильдесгеймская усобица, въ Каленбургѣ, Грубенгагенѣ, Люнебургѣ и Брауншвейгъ-Вольфенбиттелѣ владѣли разныя линіи вельфскаго дома, члены котораго пользовались значеніемъ между соборными капитулами въ Нижней Саксоніи и Вестфаліи, и потому часто избирались въ епископы. Епископство гильдесгеймское, напротивъ того, принадлежало Іоганну, принцу саксонско-асканскаго дома, господствовавшаго въ Лауенбургѣ; это епископство уступилъ ему въ 1504 г. старшій его братъ. Сдѣлавшись епископомъ гильдесгеймскимъ, Іоганнъ завязалъ съ имперскимъ дворянствомъ своего епископства одинъ изъ такихъ споровъ, которые Францъ Зиккингенъ, Гётцъ фонъ-Берлихенгенъ и ихъ друзья заводили

на Рейнѣ, въ Швабіи и въ Виттерау съ государями гессенскимъ, майнцскимъ, пфальцскимъ и трирскимъ. Дѣло въ томъ, что помѣстья гильдесгеймскаго епископства прежде были заложены дворянству за самыя ничтожныя деньги, а Іоганнъ бережливостью и сокращеніемъ придворнаго штата накопилъ сумму и началъ выкупать эти земли. Это въ высшей степени раздражило дворянство, которому никогда въ голову не приходило, что помѣстья могутъ когда нибудь быть выкуплены. Фамиліи, съ которыхъ начался выкупъ, стали жаловаться на него и на то, что не получили достаточнаго вознагражденія за улучшенія, сдѣланныя ими въ имѣніяхъ. Болѣе всѣхъ были обижены фонъ-Зальдерны, которые поэтому въ 1516 г. соединились съ 65 рыцарями, владѣтелями помѣстій гильдесгеймскаго епископства. Союзники отдались подъ покровительство герцоговъ Брауншвейгъ-Вольфенбиттельскаго и Каленбергскаго и ужаснаго Франца Брауншвейгскаго, епископа минденскаго, чтобы по обычаю временъ кулачнаго права начать войну противъ сюзерена.

Іоганнъ, тяготясь этими распрями, сталъ искать союзника, который могъ бы защитить его, и въ 1519 г. нашелъ его въ герцогѣ Генрихѣ Люнебургскомъ, изъ брауншвейгскаго дома. Герцогъ согласился помогать епископу за то, что Іоганнъ сдѣлалъ своимъ коадъюторомъ, т. е. наслѣдникомъ десятилѣтняго сына его. Послѣ этого Генрихъ Люнебургскій разорвалъ семейный договоръ, соединявшій его съ врагами епископа и, не объявляя войны, напалъ на Брауншвейгъ, Каленбергъ и епископство минденское; въ апрѣлѣ 1519 г. онъ изгналъ безпокойнаго епископа Франца изъ его страны и занялъ весь Каленбергъ. Напрасно старался курфирстъ саксонскій, какъ имперскій викарій въ этой части имперіи, и герцогъ Генрихъ Младшій Брауншвейгъ-Вольфенбиттельскій, заставить герцога Люнебургскаго прекратить непріязненныя дѣйствія: войско, посланное курфирстомъ, ничего не сдѣлало. Наконецъ враги Генриха Люнебургскаго и Іоганна гильдесгеймскаго выступили противъ нихъ

со всѣми своими силами; изъ нихъ Эрихъ Календбергскій и епископъ минденскій уже прославились во многихъ войнахъ. На Зольтауской Полянѣ они встрѣтили соединенное войско непріятеля и дали кровопролитное, но неудачное для нихъ сраженіе, въ которомъ, послѣ упорной битвы, пало 4,000 человѣкъ, а Эрихъ Календбергскій и братъ Генриха Младшаго попались въ плѣнъ. Въ этой битвѣ нѣмецкіе князья выказали великое мужество и наивную гомерическую грубость, которая обнаруживалась потомъ въ спорахъ объ ученіи Лютера; въ то время многіе нѣмецкіе государи были еще просты, благочестивы, думали и чувствовали совершенно такъ же, какъ народъ, еще не испорченный ни роскошью, ни французскимъ тщеславіемъ, ни испанской спѣсью. Передъ битвой Генрихъ Люнебургскій написалъ Генриху Брауншвейгскому письмо, въ которомъ предлагалъ ему не дѣйствовать артиллеріей и рѣшить побѣду рыцарскою храбростью. Послѣ сраженія плѣнный герцогъ Эрихъ Календбергскій, который выигралъ двѣнадцать сраженій и взялъ двадцать замковъ, стоялъ у окна подлѣ герцога Генриха Люнебургскаго; въ это время мимо проносили его знамена, взятыя непріятелемъ; Генрихъ былъ такъ не деликатенъ, что спросилъ его насмѣшливо, чьи теперь эти знамена; при этихъ словахъ Эрихъ, какъ гомеровскій герой, залился горькими слезами.

Такъ какъ императора не было, а судьи и имперскіе викаріи не могли совладать съ нарушителями мира, то плѣннымъ пришлось обратиться къ третейскому суду, въ которомъ главные голоса принадлежали курфирстамъ бранденбургскому и майнцскому, герцогу Мекленбургскому и Іоганну Саксонскому. Но курфирсты по смерти Максимиліана получили отъ французовъ взятки и старались, подобно курфирсту трирскому, рѣшить выборъ въ пользу короля Франциска; герцогъ Генрихъ Люнебургскій для войны съ своими двоюродными братьями также разсчитывалъ на помощь французовъ, преимущественно на заклятаго врага бургундскаго дома, герцога Карла Гельдернскаго. Третейскій судъ произнесъ

поэтому явно пристрастный приговоръ, отмѣненный впослѣдствіи новымъ императоромъ. Чтобы получить свободу, Эрихъ долженъ былъ въ іюлѣ 1519 г. отдать въ залогъ восмнадцать лучшихъ своихъ замковъ. Карлъ V былъ избранъ въ самый день битвы на Зольтауской полянѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ Брюссель, герцогъ Брауншвейгскій обратился къ нему, прося его отмѣнить несправедливый третейскій приговоръ. Императоръ Карлъ V, хотя не былъ еще коронованъ римскимъ королемъ, постановилъ въ Брюсселѣ рѣшеніе, результатъ котораго мы скажемъ ниже, также какъ и о концѣ виртембергской ссоры и распри Зиккингена. Разумѣется, императоръ былъ также пристрастенъ въ пользу побѣжденныхъ, какъ курфирсты—въ пользу побѣдителей.

4. Реформація до прибытія Карла V въ Германію.

Опрометчивый поступокъ папы Льва X сдѣлалъ изъ пустаго несогласія политическую распрю, въ то самое время когда Карлъ V прибылъ въ Германію; къ поступку этому папу побудили его нѣмецкіе и италіанскіе схоластическіе богословы, По испанскому обычаю Карлъ, вѣроятно, поступилъ бы въ этомъ случаѣ произвольно; но онъ хотѣлъ напугать этимъ богословскимъ споромъ папу, въ которомъ нуждался, и сверхъ того искалъ дружбы курфирста Фридриха Саксонскаго. Фридрихъ Мудрый Саксонскій, подобно Лудвигу V Пфальцскому, много содѣйствовалъ избранію Карла и былъ почти единственнымъ изъ германскихъ владѣтелей, не навязывавшимъ, изъ уваженія къ Золотой Буллѣ *), императору условій и не бравшимъ взятокъ. Онъ даже возвратилъ 30,000 дукатовъ, которые посланные Карла хотѣли выплатить ему уже послѣ выборовъ и не позволилъ раздать своей дворцовой

*) Каждый курфирстъ долженъ былъ поклясться: Vocem meam et votum seu electionem praefatam dabo absque omni pacto, stipendio, pretio vel promisso, seu quocunque modo talia valeant appellare.

прислугѣ 10 т. гульденовъ, объявивъ, что хотя не можетъ запрещать принимать эти деньги, но не будетъ держать въ своей службѣ тѣхъ, которые возмутъ ихъ.

Курфирстъ Фридрихъ чрезвычайно заботился о благосостояніи своего университета, основаннаго въ Виттенбергѣ въ 1502, потому что въ тѣ времена лучшіе нѣмецкіе государи, какъ императоръ Фридрихъ III и Максимиліанъ I, подобно итальянскимъ владѣтелямъ и городамъ, старались пріобрѣсти славу, покровительствуя возродившейся наукѣ и цивилизаціи, какъ въ XVIII вѣкѣ потомки ихъ искали славы въ скачкахъ, балахъ, операхъ, балетахъ и содержаніи любовницъ. Фридрихъ, по рекомендаціи своего друга, провинціала августинскаго ордена Штаупица, назначилъ профессоромъ богословія монаха Мартина Лютера, въ дарованіяхъ и достоинствахъ котораго Штаупицъ убѣдился въ Эрфуртѣ, гдѣ Лютеръ училъ и проповѣдовалъ. Съ 1508 г., когда Лютеръ перешелъ въ Виттенбергъ, число слушателей въ университетѣ весьма возросло, потому что въ то время богословіе слушало множество людей, даже тѣ, которые дѣлались юристами или медиками. Изъ 200 человѣкъ, занесенныхъ до 1508 г. въ списокъ студентовъ, въ слѣдующіе года число ихъ возросло до 600 или 800, а впослѣдствіи даже до нѣсколькихъ тысячъ, и виттенбергскій университетъ совершенно затмилъ эрфуртскій и лейпцигскій. Мы не будемъ распространяться о томъ, что говорилъ Лютеръ, потому что пишемъ политическую, а не церковную исторію. Замѣтимъ только, что Лютеръ сталъ учить и проповѣдовать по библіи, между тѣмъ какъ библейское ученіе съ теченіемъ времени совершенно отдѣлилось отъ ученія римской церкви. Руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, Лютеръ напалъ на такъ называемыхъ ученыхъ богословъ, выработавшихъ свой особенный варварскій языкъ; но онъ нападалъ на нихъ не съ той стороны, какъ Рейхлинъ въ спорѣ съ Пфефферкорномъ и его друзья въ „письмахъ темныхъ людей“ (т. X, стр. 425). Рейхлинъ и сподвижники его требовали вкуса, искуства, классическаго стиля и классическаго

языка, что годилось для знати. Лютеръ же хотѣлъ простоты и патріархальности нравовъ, и дѣйствовалъ въ духѣ народа, къ которому въ то время еще принадлежали лучшіе князья и городскія власти. Поэтому Лютеръ весьма мало принималъ участія въ спорѣ Рейхлина и его эстетическихъ друзей съ грубыми и невѣжественными монахами; онъ изучалъ отцовъ церкви, библію, древнихъ и ученые языки не ради филологіи и классическаго стиля, но чтобы быть въ состояніи доказать, основываясь на библіи, что средневѣковыя занятія папскихъ теологовъ годны только для болтовни, но вредны для души. Онъ зналъ народный языкъ лучше всѣхъ позднѣйшихъ писателей, кромѣ Лессинга (Гёте писалъ не для народа). Народъ стремился на проповѣди Лютера, тысячи впечатлительныхъ юношей стекались на его университетскія лекціи; монахи же злобствовали.

Хотя до 1512 года Лютеръ былъ строгимъ проповѣдникомъ вѣры и покаянія и, ссылаясь на Августина, касался римскаго ученія о благодати; но онъ былъ очень остороженъ. Только съ 1512 г., когда онъ сдѣлался докторомъ богословія, онъ началъ нападать на главные авторитеты схоластической догматики, знаменитыхъ схоластовъ Бонавентуру и Ѳому Аквината, называя ихъ явными еретиками (пелагіанцами). Это было оригинальное школьное препирательство, такъ какъ Лютеръ имѣлъ свои взглядъ на благодать и на ея дѣйствіе, котораго не раздѣлялъ даже Эразмъ, хотя до разрыва Лютера съ папою, Эразмъ и Рейхлинъ считали его сподвижникомъ своимъ въ борьбѣ съ обскурантами. Вскорѣ Лютеръ поссорился съ доминиканцами, озлобленными на него еще съ 1515 г., съ Пиркгаймеромъ, Муціаномъ и Экомъ. Эти ссоры, возникшія до 1517 года, не относятся къ нашему разсказу, потому что для насъ интересно только то, что придало школьнымъ перебранкамъ политическое значеніе. Такое значеніе имѣли нападки Лютера на римскую торговлю индульгенціями. Нападеніе это со стороны человѣка, обладавшаго энергіей, популярностью и талантомъ, должно было или подвергнуть его участи

Гуса и Іеронима Пражскаго или произвести расколъ въ церкви, которая такъ искусно созидалась въ продолженіе многихъ столѣтій, что было нельзя тронуть ни одного камня безъ ущерба всему зданію. Онъ вѣроятно палъ бы, еслибы нѣмецкій народъ не стремился въ это самое время къ религіозной и политической свободѣ, и если бы государи того времени не принадлежали большею частью къ народу по сердцу, по языку и по духу. Лютеръ выразилъ это коротко и сильно, говоря, что Богъ, желая возвратить нѣмецкій народъ отъ лживой схоластики къ простой христіанской истинѣ, избралъ его своимъ орудіемъ.

Папа Юлій II началъ строить храмъ св. Петра; Левъ X, покровитель всѣхъ искуствъ, точно также процвѣтавшихъ тогда въ Италіи, какъ во время Перикла въ Аѳинахъ, продолжалъ эту постройку; кромѣ того, онъ жилъ въ Римѣ съ баснословною роскошью и потому былъ принужденъ не пренебрегать ничѣмъ, чтобы добыть денегъ. Средства придумывались самыя разнообразныя; изъ нихъ мы упомянемъ о самомъ гнусномъ — продажѣ отпущенія грѣховъ; странствующіе монахи развозили эти индульгенціи и какъ рыночные торгаши продавали свой товаръ, въ томъ числѣ даже прощенія будущихъ грѣховъ. Папа отдалъ продажу индульгенцій на откупъ, за что получилъ порядочную сумму; примасъ германскій, архіепископъ майнцскій Альбрехтъ, дѣлилъ съ нимъ барыши и пріискивалъ безстыдныхъ монаховъ, разъѣзжавшихъ повсюду и продававшихъ разрѣшенія. Архіепископу Альбрехту, человѣку образованному и расположенному къ новой наукѣ, торговля индульгенціями была съ руки, потому что ему приходилось много платить папѣ за такъ называемый паліумъ; къ тому же, владѣя, противно церковнымъ уставамъ, въ одно и то же время двумя архіепископствами (майнцскимъ и магдебургскимъ) и епископствомъ, онъ долженъ былъ жить въ ладу съ папой. Комиссаромъ архіепископа для продажи индульгенцій былъ доминиканецъ Тецель, который съ 1517 г. впродолженіе трехъ лѣтъ развозилъ индульгенціи и выкликалъ ихъ на базарѣ, какъ

разнощикъ; онъ дошелъ до того, что взялъ себѣ помощика, который велъ себя всюду еще безстыднѣе, чѣмъ Тецель. Церковь учила, что множество мучениковъ и святыхъ церкви имѣли такое обиліе заслугъ передъ Богомъ, что изъ нихъ составилось сокровище, которое глава видимой церкви можетъ дарить или продавать вѣрующимъ, имѣющимъ мало заслугъ или даже совершившимъ тяжкіе грѣхи. Съ перваго взгляда видно, куда могла повести подобная теорія. Тецель и его помощникъ пользовались ею для сбыта своего товара; люди же, подобные Льву X и Альбрехту майнцскому, вѣроятно въ душѣ не оправдывали ее.

Наконецъ Тецель открылъ свою лавочку близъ Виттенберга въ Ютербокѣ и Цербстѣ, и когда Лютеръ требовалъ отъ своихъ духовныхъ дѣтей покаянія, они въ отвѣтъ ссылались на индульгенціи, купленныя ими. Тогда набожный, но очень вспыльчивый Лютеръ вышелъ изъ себя и, говоря его словами: „Когда множество народа бросилось изъ Виттенберга въ Ютербокъ и Цербстъ за индульгенціями, я, клянусь Господомъ моимъ Іисусомъ Христомъ, не зналъ, подобно всѣмъ прочимъ, что́ такое отпущеніе, и сталъ осторожно проповѣдывать, что можно бы дѣлать что нибудь получше и повѣрнѣе, чѣмъ покупать разрѣшенія". Такой проповѣдникъ, какъ Лютеръ, превосходно владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, противопоставлявшій звучнымъ фразамъ классическихъ ученыхъ задушевное краснорѣчіе (Pectus facit disertum), и бывшій самымъ популярнымъ человѣкомъ въ народѣ и молодежи, былъ опаснымъ соперникомъ невѣжественному монаху, знавшему только діалектику. Тецель бранилъ и проклиналъ его или, какъ наивно говоритъ Матезій: „Онъ проклиналъ, ругалъ и бранилъ Лютера архіеретикомъ, какъ подобаетъ защитнику индульгенцій". Лютеръ вышелъ изъ себя и предложилъ своему противнику поединокъ, какъ дѣлали тогда ученые, подражая рыцарямъ. Рыцарь бросалъ перчатку или посылалъ противнику вызовъ; ученый же публиковалъ свой тезисъ и вызывалъ противника опровергнуть его

на публичномъ диспутѣ. Лютеръ сдѣлалъ это наканунѣ праздника всѣхъ святыхъ 1517 г.; онъ прибилъ къ дверямъ замковой церкви въ Виттенбергѣ 95 параграфовъ и предлагалъ защищать ихъ. Мы не будемъ говорить о содержаніи этихъ параграфовъ; для нашей цѣли достаточно сказать, что споръ двухъ монаховъ о церковномъ ученіи произвелъ расколъ въ церкви и въ государствѣ, чего не подозрѣвалъ и самъ Лютеръ, публикуя свои тезисы *).

Девяносто пять тезисовъ Лютера скоро распространились не только по всей Германіи, но и по всей Европѣ; охотниковъ оспаривать ихъ однако не нашлось. Тецель два раза публиковалъ возраженія на нихъ, и о вторыхъ возраженіяхъ его происходилъ 20 января 1518 г. диспутъ во Франкфуртѣ на Одерѣ. Вѣроятно невѣжественный Тецель убѣдилъ франкфуртскаго профессора и доктора богословія Вимпину написать возраженія, въ которыхъ схоластическое папское ученіе защищалось противъ Лютера. При этомъ Тецель ругалъ страшнымъ образомъ, хотя прямо не называя Лютера, преступную ересь и наконецъ въ качествѣ духовнаго судьи велѣлъ сжечь параграфы Лютера. Въ отместку друзья Лютера сожгли въ Виттенбергѣ, хотя, какъ онъ говоритъ, помимо его вѣдома и желанія, возраженія Тецеля.

Съ этого времени доминиканцы, которымъ были тогда предоставлены церковныя и свѣтскія каѳедры и право духовнаго суда, яростно проповѣдовали противъ августинскаго монаха, при-

*) «Когда я началъ дѣло противъ индульгенцій», говоритъ онъ: «я былъ такъ полонъ, напоенъ папскимъ ученіемъ, почти потопленъ имъ, что готовъ былъ на великое усердіе и еслибъ могъ, убилъ бы или, по крайней мѣрѣ, радовался бы и помогалъ убійству всѣхъ, кто не повинуется хотя одной буквѣ папской воли. (Da ich die Sache wider das Ablasz anfing, war ich so voll und trunken, ja so ersoffen in des Pabst Lehre, dasz ich für groszem Eifer bereit wäre gewesen, wenn's in meiner Macht gestanden, zu ermorden, oder hätte ja zum wenigsten Gefallen daran gehabt und dazu geholfen, dasz ermordet wären alle die, so dem Pabste in der geringsten Sylbe nicht hätten wollen gehorsam sein.)

званнаго курфирстомъ Фридрихомъ въ Виттенбергъ, по рекомендаціи провинціала его ордена, Штаупица; надо согласиться, что Лютеръ не остался у нихъ въ долгу. Онъ основательно зналъ терминологію эйслебенской черни, что впослѣдствіи и доказалъ. Лютеръ былъ человѣкъ смѣлый; сначала онъ долженъ былъ обратиться къ народу. Мы конечно не отрицаемъ его грубости, но она, какъ мечъ, разсѣкла узелъ, котораго никогда бы не развязали льстивыя придворныя рѣчи Эразма и мягкость Меланхтона. Говорятъ, что императоръ Максимиліанъ тотчасъ же понялъ это; но мы не рѣшаемся привести его слова, потому что даже прилежный Геберлинъ не нашелъ ихъ тамъ, гдѣ они должны бы были находиться. Отвѣтъ Лютера на возраженія Тецеля доказываетъ, что онъ разсчитывалъ на поддержку своего государя: „Я, докторъ Мартинъ Лютеръ, въ Виттенбергѣ, если найдется кто нибудь думающій, что можетъ ѣсть желѣзо и взрывать скалы, пусть знаетъ, что найдетъ здѣсь вѣрное убѣжище, открытыя двери, даровое пристанище и продовольствіе по милостивому слову достохвальнаго и христіанскаго государя, герцога Фридриха курфирста въ Саксоніи *).“ Въ первыя же недѣли 1518 г. это преніе превратилось въ споръ о значеніи римскаго престола и о томъ, должно ли давать важнѣйшимъ схоластическимъ писателямъ вѣсъ въ вопросѣ о сущности христіанства. По неосторожности двухъ богослововъ, занимавшихъ важное мѣсто въ церковной іерархіи, дѣло Лютера стало дѣломъ всей нѣмецкой имперіи, и когда въ него вмѣшался папа Левъ X—дѣломъ всего христіанства. Сильвестръ Пріэріасъ, доминиканскій монахъ и папскій придворный (Magister Sacri Palatii), и Іоганнъ Экъ, проканцлеръ ингольштадтска-

*) Hie bin ich zu Wittenberg, Doctor Martinus Luther, und ist etwa ein Ketzermeister, der sich Eisen zu fressen und Felsen zu reiszen bedünkt, dem lasse ich wiszen, dasz er hab' sicheres Geleit, offene Thor, frey Herberg und Kost darin durch gnädige Zusage des löblichen und christlichen fürsten Herzog Friederichen Kurfürsten zu Sachsen.

го университета и каноникъ эйхштедтскій, приняли на себя защиту ученія, на которое нападалъ Лютеръ; но они дѣйствовали такъ неблагоразумно, что исказили самый характеръ этого ученія. Пріэріасъ посвятилъ свой памфлетъ папѣ, при дворѣ котораго жилъ, но доказалъ имъ, что такъ же неспособенъ состязаться съ Лютеромъ, какъ въ XVIII ст. гамбургскій пасторъ Гётце—съ Лессингомъ. Пріэріасъ издалъ противъ Лютера діалогъ, на который Лютеръ написалъ отвѣтъ, все еще весьма умѣренный сравнительно съ позднѣйшими его сочиненіями противъ ученія и сторонниковъ папской церкви. Римскій придворный доминиканецъ относился въ своей книжкѣ, къ Лютеру такъ, какъ и у насъ еще относятся къ своимъ противникамъ знатныя особы, благоволящія взяться за перо писателя. Лютеръ, въ характерѣ котораго было нѣсколько санкюлотизма, разумѣется не могъ стерпѣть. Что касается тона, которымъ римскій придворный осмѣливался говорить папѣ о Лютерѣ, на котораго уже всѣ смотрѣли, какъ на гордость нѣмецкой націи, то о немъ можно судить по слѣдующему образчику: „Нѣкто (nescio quis) Мартинъ Лютеръ, говоритъ онъ, поднимаетъ свою дерзкую выю противъ самой истины и противъ священнаго престола.“ Далѣе авторъ увѣряетъ, что чувствуетъ себя довольно сильнымъ, чтобы не бояться въ предстоящей борьбѣ самого дьявола и жаждетъ посмотрѣть, желѣзный ли носъ у этого Мартына и мѣдная ли у него голова. Изъ подобныхъ пошлостей состоитъ все сочиненіе. Лютеру легко было показать, что̀ за жалкій шутъ этотъ монахъ, собирающійся бороться съ чортомъ.

Нападки римскаго доминиканца не такъ раздосадовали Лютера, какъ поступокъ одного изъ знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ богослововъ, котрый выступилъ за римскую продажу индульгенцій, огорчавшую всѣхъ честныхъ нѣмцевъ. Іоганнъ Экъ въ Ингольштадтѣ написалъ епископу эйхштадтскому язвительныя замѣчанія (obelisci) на тезисы Лютера; замѣчанія эти хотя не были напечатаны, но распространялись въ рукописяхъ. Это тѣмъ болѣе разсердило Лютера, что хотя онъ спорилъ объ этомъ съ Экомъ, но

былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ и въ перепискѣ. Онъ написалъ противъ обелисковъ Эка свои астериски. Мнѣніе, выраженное Лютеромъ въ этомъ сочиненіи, о знаніяхъ и наукѣ надменнаго и гордаго ученаго, привело послѣдняго въ такую ярость, что онъ успокоился только тогда, когда впуталъ въ это дѣло папу. Въ возраженіи своемъ Лютеръ говоритъ, что во всемъ хаосѣ этихъ обелисковъ онъ не нашелъ ничего ни изъ священнаго писанія, ни изъ отцевъ церкви, ни изъ постановленій соборовъ, но что все, приводимое Экомъ, есть суетное мудрствованіе, ничтожная діалектика (omnia scholasticissima, omnia opiniosissima) и пустыя бредни. Въ числѣ задѣтыхъ Лютеромъ защитниковъ папскаго и схоластическаго ученія былъ кёльнскій великій инквизиторъ Гоохстратенъ (т. X. стр. 428), преданный Гуттеномъ, Кротусомъ и другими во время ссоры съ Рейхлиномъ на посмѣшище всему свѣту; они не замедлили еще въ 1518 г. довести дѣло до папы. Незадолго до вмѣшательства папы, Лютеру удалось своимъ краснорѣчіемъ разъяснить многимъ свою мысль о значеніи ученаго богословія и о непогрѣшительности папы, которую онъ начиналъ слегка задѣвать. На общемъ собраніи ордена августинцевъ-эремитовъ въ Гейдельбергѣ въ концѣ апрѣля 1518 г. онъ произнесъ блистательную рѣчь въ присутствіи Буцера, Бренца, Шнепфа и Теобальда Биликана, которые стали потомъ распространять ученіе Лютера въ своихъ кружкахъ. Буцеръ примкнулъ къ Цвингли и Буллингеру, которые независимо отъ Лютера возбудили швейцарскіе города сбросить папскую власть, между тѣмъ какъ пастушескіе кантоны, Фрейбургъ и Люцернъ и другія мѣстности оставались вѣрны папѣ; такимъ образомъ черезъ шесть лѣтъ въ Швейцаріи, какъ и въ Германіи, началась ожесточенная борьба между двумя фанатизмами. Пфальцграфъ Вольфгангъ, братъ Лудвига V Пфальцскаго, тоже присталъ къ Лютеру, а на вюрцбургскаго епископа, Лоренца Бибру, гейдельбергская рѣчь произвела такое впечатлѣніе, что онъ горячо рекомендовалъ реформатора курфирсту Саксонскому. Курфирстъ взялъ Лютера подъ свою защиту, но далъ

понять, что съ своей стороны не намѣренъ ссориться съ папою и императоромъ, требовавшими прекращенія поднявшагося всюду крика о злоупотребленіяхъ римской церкви. Лютеръ покорился; онъ написалъ епископу своей епархіи объясненіе, въ которомъ оправдывался въ своихъ 95 тезисахъ и весьма покорное письмо къ папѣ, которое послалъ черезъ своего провинціала Штаупица. Въ письмѣ этомъ онъ говоритъ между прочимъ: „я вполнѣ убѣжденъ, что голосъ его святѣйшества есть голосъ Христа, который говоритъ и дѣйствуетъ чрезъ него.“

Императоръ былъ уже очень сердитъ на Лютера. Въ августѣ 1518 г. онъ писалъ папѣ изъ Аугсбурга, прося его прекратить брань, строченіе и диспуты о религіи; но при этомъ онъ говорилъ, что если не будетъ прекращена предосудительная торговля римскими индульгенціями, то можно опасаться, что многіе государи и города примутъ сторону Лютера. Еще до полученія письма императора, папа сдѣлалъ шагъ, сильно взволновавшій нѣмецкую націю. Онъ назначилъ въ Римѣ духовный судъ, прокуроромъ въ которомъ былъ назначенъ Сильвестръ Пріэріасъ, бывшій съ Лютеромъ въ сильной ссорѣ. Эта комиссія скоро окончила предварительное изслѣдованіе, и уже 7 августа Лютеру было прислано приглашеніе, составленное въ іюлѣ, явиться въ судъ въ теченіе шестидесяти дней. Но вслѣдъ за тѣмъ, въ Римъ пришло письмо императора, и сверхъ того курфристъ Саксонскій также просилъ папу, велѣть изслѣдовать дѣло Лютера въ Германіи нѣмецкимъ епископамъ. Поэтому папа Левъ согласился поручить дѣло Лютера кардиналу Томасу Віо или, какъ его называютъ, Каэтану, такъ какъ онъ родился въ Гаэтѣ. Кардиналъ былъ недавно посланъ, въ качествѣ папскаго нунція, на аугсбургскій сеймъ, гдѣ присутствовали шесть курфирстовъ. Ему было поручено поступить съ смѣлымъ Лютеромъ, какъ съ еретикомъ, если онъ не откажется безусловно отъ всего. Каэтанъ, немедля, хотѣлъ распорядиться этимъ, тѣмъ болѣе, что Лютеръ незадолго до того сильно напалъ на Пріэріаса, который до того

превозносилъ значеніе папы, что заслужилъ порицаніе всего духовенства, даже іезуита Маймбурга. Кромѣ того Лютеръ произнесъ и напечаталъ проповѣдь, въ которой отвергалъ право папы отлучать отъ церкви, съ смѣлостью, испугавшею всю Германію.

Курфирстъ Фридрихъ звалъ Лютера въ Аугсбургъ, и онъ поѣхалъ, хотя всѣ отговаривали его отъ этой поѣздки. Онъ сказалъ провизору своего ордена въ Веймарѣ, который предостерегалъ его: „пожалуста, прочитайте за меня отче нашъ; Господь услышитъ молитву ради своего Сына, Христа, за котораго я веду борьбу". *) Лютеръ отправился въ Аугсбургъ пѣшкомъ и только за нѣсколько миль до города нанялъ тележку, занявъ дорогою рясу у одного пріятеля, чтобы показаться въ приличномъ видѣ. Ему дали императорскую охранную грамоту лишь по прибытіи его въ Аугсбургъ. Онъ имѣлъ три совѣщанія, съ Каэтаномъ, который долженъ былъ или убѣдить его публично отрѣчься или же напугать Лютера и добиться его выдачи. Основываясь на слѣдствіи, произведенномъ надъ Лютеромъ, кардиналъ потребовалъ сначала полнѣйшаго отреченія; но когда Лютеръ протестовалъ противъ подобнаго поступка, онъ согласился на диспутъ съ нимъ. Лютеръ разсказываетъ слѣдующее о своемъ вторичномъ свиданіи съ этимъ важнымъ господиномъ, думавшимъ, что монахъ повергнется передъ нимъ ницъ: „Тогда легатъ закричалъ, чтобы я отрекся и произнесъ длинную рѣчь изъ сочиненій Ѳомы, думая, что побѣдилъ и заставилъ меня молчать. Я нѣсколько разъ пытался говорить, но онъ кричалъ и бушевалъ и властвовалъ одинъ. Наконецъ началъ и я кричать" **). Третіе свиданіе кончилось

*) «Bitt für mich ein Vaterunser, Gott wird seinem lieben Kind Christo, desz meine Sache ist, dieselbe schon erhalten».

**) «Da schrie der Legat, ich soll ein Widerspruch thun, und machet eine lange Rede aus St. Thomas fabeln, meynet und hielt dafür, er hätt mich überwunden und gestillt. Ich hub auch etliche Mal an zu reden, aber er donnert, und schnurret' alleweg und herrschet allein. Endlich hub ich auch an zu schreien».

тѣмъ, что Каэтанъ велѣлъ монаху уйдти, настаивая на простомъ отреченіи. Пристыженный и раздраженный кардиналъ послѣ трехъ аудіенцій не хотѣлъ принимать письменныхъ возраженій. Положеніе Лютера становились небезопасно, такъ какъ курфирстъ его уже уѣхалъ. Фридрихъ поручилъ, правда, Лютера своему послу и многимъ членамъ аугбургскаго магистрата; но уже 19 октября дѣло приняло такой оборотъ, что друзья Лютера неожиданно взяли его и потихоньку выпроводили изъ города, ворота котораго были уже заперты. Штаупицъ досталъ ему лошадь, на которую Лютеръ сѣлъ безъ нижняго платья и сапоговъ; аугсбургскій сенаторъ Лангемантель отворилъ калитку, и Лютеръ спасся только тѣмъ, что сдѣлалъ въ ночь восемь миль, не останавливаясь. Папа еще не находилъ удобнымъ поступить съ Лютеромъ строже, потому что курфирстъ Саксонскій хотя явно не признавалъ ученія Лютера, но покровительствовалъ ему. Въ январѣ слѣдующаго года умеръ императоръ Максимиліанъ, и Фридрихъ сталъ главнымъ лицомъ въ Германіи. Въ Римѣ не одобряли грубость и вспыльчивость Каэтана; но папѣ дали неблагоразумный совѣтъ издать особую буллу для защиты ученія о власти римскаго престола и отпущенія грѣховъ и предать проклятію противниковъ ихъ, не называя однако никого по имени.

Между тѣмъ, во время отсутствія Лютера, въ Виттенбергѣ надѣлалъ много шума Филиппъ Меланхтонъ, прибывшій туда не за долго до его отъѣзда. Когда Лютеръ возвратился, Меланхтонъ сталъ его достойнымъ помощникомъ. Въ немъ было все, чего недоставало Лютеру; онъ былъ мягокъ, кротокъ и миролюбивъ, тогда какъ Лютеръ былъ горячъ, вспыльчивъ, грубъ и одностороненъ. Недостатки Лютера были полезны для его дѣла, потому что добродѣтели Меланхтона никогда не произвели бы реформаціи; но его кротость и спокойствіе вновь привлекли къ ученію Лютера всѣхъ, устрашившихся горячности реформатора. Меланхтонъ былъ вполнѣ классически образованъ;

онъ помогалъ своему другу Лютеру въ ученыхъ языкахъ и, основательно изучивъ философію Аристотеля, напалъ на схоластическое богословіе, вышедшее изъ нея; но онъ дѣйствовалъ иначе, чѣмъ Лютеръ. Лютеръ, какъ человѣкъ народа, а не школы, опирался въ духѣ народа на врожденный здравый смыслъ, называемый практическимъ умомъ; Меланхтонъ же, напротивъ, какъ человѣкъ школы и науки, видѣлъ въ ходѣ философіи отъ Аристотеля до своего времени старанія человѣческаго ума облечь въ научную форму то, чему учитъ библія.

По отъѣздѣ Лютера изъ Аугсбурга, дѣло его взволновало всю Германію; диспуты его съ кардиналомъ Каэтаномъ были напечатаны противъ воли Лютера и его курфирста. Лютеръ аппелировалъ на кардинала папѣ, а послѣ появленія папской буллы будущему собору на папу. Папскій камерарій, саксонскій дворянинъ Карлъ фонъ Мильтицъ, пользуясь порученіемъ, возложеннымъ на него папою, сдѣлалъ попытку прекратить религіозный споръ. Папа еще прежде поручилъ Мильтицу передать курфирсту Саксонскому освященную золотую розу, что тогда имѣло такое же значеніе, какъ нынче посылка отъ одного государя другому 1-й степени важнѣйшаго ордена. При попыткѣ окончить споръ Мильтицъ велъ себя чрезвычайно благоразумно; сначала онъ постарался прекратить продажу индульгенцій и съ этою цѣлью отправился въ Лейпцигъ, гдѣ именемъ папы сдѣланъ Тецелю выговоръ и объявилъ ему, что его пороки и проступки заслуживаютъ наказанія. Тецель умеръ еще въ томъ же году. Историки, по своему обыкновенію, говорятъ, что онъ умеръ отъ страху, но, къ несчастію, люди, подобные Тецелю, отъ этого не умираютъ. Съ Лютеромъ у Мильтица были переговоры въ Альтенбургѣ, куда реформаторъ ѣздилъ къ нему по приказанію своего курфирста. Подъ вліяніемъ дружескихъ рѣчей и изъ опасенія грозящихъ непріятностей, Лютеръ хотя не согласился на безусловное отреченіе, но написалъ папѣ покорное письмо. Въ этомъ письмѣ онъ обѣщалъ молчать, если заставятъ молчать и

противниковъ его и изъявлялъ готовность подчиниться приговору епископа трирскаго, зальцбургскаго или фрейзингенскаго.

Еще до полученія отвѣта отъ папы, Мильтицъ, послѣ разныхъ подозрительныхъ совѣщаній съ нунціемъ Каэтаномъ, отправился къ архіепископу трирскому, который, не дожидаясь полномочія отъ папы, пригласилъ Лютера въ Эренбрейтштейнъ. Лютеру и его курфирсту это показалось подозрительнымъ, и они отклонили приглашеніе. Но за то Лютеръ давно уже согласился на диспутъ или ученый турниръ съ защитниками схоластическаго богословія Неизвѣстно, Экъ ли первый бросилъ перчатку своими десятью параграфами или Лютеръ, объявивъ съ своей стороны тринадцать параграфовъ. Параграфы эти были напечатаны. Диспутъ долженъ былъ происходить въ Лейпцигѣ, гдѣ была резиденція главы герцогской саксонской линіи, герцога Георга, слѣпаго фанатика и суевѣрнаго ханжи. Лютеръ настоятельно требовалъ у Георга стражи, чтобы безопасно вступить въ диспутъ, но ему дали ее лишь по прибытіи его въ Лейпцигъ и то по просьбѣ противника его, Эка. Впрочемъ главнымъ оппонентомъ былъ собственно не Лютеръ, а товарищъ его, Карлштадтъ; онъ еще въ прошломъ году въ Аугсбургѣ согласился на схоластическій турниръ съ Экомъ. Диспутъ начался 19 іюня 1519 г. и продолжался три недѣли при безчисленномъ стеченіи народа. Въ спорѣ Карльштадтъ оказался слабъ; Экъ же въ діалектикѣ былъ сильнѣе Лютера, и притомъ не только Лютеръ, но и Меланхтонъ говорили лишь о библіи и о сердечной сторонѣ религіи; поэтому Экъ могъ хвалиться, что одержалъ побѣду. Въ схоластическомъ отношеніи онъ былъ правъ. Но каждый нѣмецъ, полагавшій религію не въ символикѣ и церемоніяхъ, считалъ правымъ Лютера. При этомъ Меланхтонъ вкратцѣ выразилъ народу свое мнѣніе о той наукѣ, которая вытѣснила изъ школы и римской церкви истинное христіанство и которой онъ былъ знатокъ *).

---

*) De Scholasticis non est, ut multis agam, quibus divinae litterae quidvis

Экъ убѣждалъ курфирста саксонскаго сжечь книги Лютера; но это не удалось ему. За то онъ достигъ своей цѣли у папы Льва X. Въ 1520 г. онъ поѣхалъ въ Римъ, чтобы выхлопотать проклятіе Лютеру; ему была тайно передана булла, въ которой папа со всѣмъ римскимъ духовенствомъ неслыханно проклинали нѣмецкаго богослова. Экъ долженъ былъ отвезти ее въ Германію и обнародовать. Папа никакъ не подозрѣвалъ тогда, что проклятіе послужитъ сигналомъ въ церковной и политической революціи. Онъ не видѣлъ того, что предусматривалъ курфирстъ Фридрихъ, писавшій объ этомъ своему вассалу, Валентину Тейтлебену, сдѣлавшемуся вскорѣ потомъ епископомъ гильдесгеймскимъ и находившемуся тогда въ Римѣ; между тѣмъ Экъ и лейпцигскій профессоръ Іеронимъ Эмзеръ убѣждали папу предать Лютера анаѳемѣ *). Конечно, ни ученые, ни прелаты не могли сказать папѣ, что римское иго тягостно не только гражданамъ почти всѣхъ городовъ, но и многимъ нѣмецкимъ князьямъ. Однако онъ могъ бы понять это изъ одного пункта избирательной капитуляціи новаго императора. Этимъ пунктомъ императоръ обязывался: „Отмѣнить все, что римскій престолъ дотолѣ предпринималъ противъ конкордатовъ нѣмецкой націи и строго наблюдать за точнымъ исполненіемъ ихъ". Послѣ лейпцигскаго диспута самъ Лютеръ выступилъ смѣлѣе и рѣшительнѣе прежняго; съ необыкновеннымъ остроуміемъ и съ страшною грубостью напалъ онъ на лейпцигскаго профессора Эмзера, какъ представителя защит-

---

sunt potius quam simplices; imo nescio quem Proteum fingunt, cum eas in allegoricos, tropologicos, littarales, grammaticales, historicos sensus transformant et transfundunt in nescio quas lacunas.

*) Non esse cum nunc qui olim Germaniae statum, efflorescere bonas artes et litteras et plebejos etiam cognoscendae scripturae desiderio teneri, inde fore, si pontifex nonnisi vi ecclesiasticae potestatis agat et conditionem a Luthero propositam denegato examine doctrinae recuset, nec ex scriptura sacra testimonia et solida argumenta proferantur, ut maximi sint orituri motus, ex quibus ad pontificem mulla sit reditura utilitas.

никовъ схоластическаго богословія и ихъ ученій. Споръ начался тѣмъ, что Эмзеръ напечаталъ письмо противъ одного чешскаго еретика, при чемъ о многомъ, высказанномъ Лютеромъ на лейпцигскомъ диспутѣ, выражался такъ, какъ будто приписывалъ Лютеру лжеученіе чеха. Отвѣтъ на это письмо, изданный Лютеромъ, есть образецъ краснорѣчія и остроумія, но наполненъ недостойными личностями и грубостями, которыхъ Эмзеръ не могъ оставить безъ отвѣта. Дѣло впрочемъ уже приняло политическій оборотъ, потому что въ январѣ 1520 г. самъ Лютеръ писалъ къ новому императору и нападалъ на ученіе римской церкви о св. причастіи.

Булла объ отлученіи Лютера, изданная папою Львомъ X по неотступному требованію Эка, была готова къ 15 іюня 1520 г. Когда Экъ развезъ и разослалъ ее по Германіи, ею были оскорблены даже имперскіе епископы, которымъ она была сообщена для обнародованія. Они увидѣли въ ней посягательство на свои права, и весьма не многіе согласились обнародовать ее. Въ буллѣ предавались проклятію сорокъ одно положеніе изъ сочиненій Лютера, частью какъ дерзкія и соблазнительныя, частью какъ еретическія. Самому Лютеру предписывалось не позже шести недѣль послать въ Римъ отреченіе или явиться лично; въ противномъ случаѣ, по истеченіи этого срока, онъ будетъ отлученъ и лишенъ имущества и званія нетолько самъ, но и тотъ, кто будетъ защищать его. Въ Германіи Эку нигдѣ не удалось добиться обнародованія буллы; даже злѣйшій врагъ Лютера, Георгъ герцогъ Саксонскій, запретилъ лейпцигскому магистрату публиковать, пока не получитъ приказанія отъ епархіальнаго епископа (мерзебургскаго).

Лютеръ узналъ о приготовленіи буллы еще задолго до того, какъ Экъ привезъ ее въ Германію, и когда она появилась, онъ уже совершенно разошелся съ римской церковью. Въ книгѣ, подъ заглавіемъ „О христіанскомъ дворянствѣ нѣмецкой націи“, написанной въ іюнѣ 1520 г., Лютеръ приглашалъ имперское рыцарство сбросить съ себя папское иго. Въ этомъ со-

чиненіи онъ доказывалъ, что преимущества духовенства передъ свѣтскими ограничиваютъ наслѣдственныя права каждаго свободнаго нѣмца, въ особенности дворянина. Далѣе онъ доказывалъ, что право папъ, по которому они одни только смѣютъ толковать писаніе и созывать соборы, присвоено ими несправедливо. Рѣзкими и сильными чертами обрисовалъ онъ жадность папъ и ихъ креатуръ, ихъ торговлю приходами, властолюбіе и другіе извѣстные пороки, о которыхъ говорилось тогда во всѣхъ народныхъ пѣсняхъ, во всѣхъ нѣмецкихъ поэмахъ и сатирахъ. Воззваніе Лютера къ рыцарству сильно поддерживалъ Ульрихъ фонъ Гуттенъ своими брошюрами, мастерски задуманными и написанными. И двое самыхъ уважаемыхъ и грозныхъ рыцарей, стоявшихъ во главѣ имперскаго рыцарства, Зильвестеръ Шаумбургъ во Франконіи и Францъ Зиккингенъ на Рейнѣ, предложили Лютеру помощь и пріютъ у себя. Разумѣется, Лютеръ не желалъ, подобно Ульриху фонъ Гуттену, кровопролитія; онъ писалъ ему, что не желаетъ, чтобы Евангеліе защищали насиліемъ и убійствами. Тогда это было совершенно основательно. Но во время шмалькальденскаго союза Лютеръ поступалъ неблагоразумно, доводя эту мысль до крайности и пользуясь своимъ вліяніемъ на наслѣдника Фридриха Мудраго, Іоанна Постояннаго, чтобъ удерживать протестантовъ отъ своевременнаго употребленія силы.

Еще до появленія буллы Лютеръ писалъ Спалатину, что шумъ, поднятый обскурантами, и поведеніе римскаго двора заставляютъ его думать, что не есть ли папа тотъ антихристъ, о которомъ такъ много говорятъ *). Эти слова находятся въ частномъ письмѣ; но и въ сочиненіи къ нѣмецкому дворянству Лютеръ очень безцеремонно обращается съ папой и кардиналами. О первомъ онъ говоритъ, когда онъ является въ свѣтской

---

*) Ego sic angor, пишетъ онъ въ этомъ письмѣ, ut prope non dubitem, Papam esse proprie Antichristum, quem vulgata opinione exspectat mundus. Adeo conveniunt omnia, quae vivit, facit, loquitur, statuit.

пышности, защитники его утверждаютъ, что роскошь подобаетъ ему, потому что, по ихъ словамъ, онъ владыка міра. „Но они лгутъ", продолжаетъ онъ: „ибо Христосъ, коего онъ хвалится быть намѣстникомъ и исполнителемъ, сказалъ предъ Питатомъ: царство мое не отъ міра сего! А они дѣлаютъ папу намѣстникомъ Христа, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дьяволъ до того владычествуетъ, что они утверждаютъ, будто папа выше ангеловъ въ небѣ и можетъ повелѣвать ими; все это дѣло настоящаго антихриста *). О кардиналахъ Лютеръ говоритъ въ томъ же сочиненіи: „какой прокъ въ тѣхъ людяхъ, которыхъ называютъ кардиналами? А вотъ какой. Въ Италіи и Германіи много богатыхъ монастырей, обителей, приходовъ и леновъ, которыхъ Римъ не съумѣлъ пріобрѣсть; поэтому нарочно дѣлаютъ кардиналовъ и даютъ имъ епископства, аббатства и монастыри и служеніе Божіе. Оттого теперь Италія почти опустѣла; монастыри раззорены, епископства разграблены; сборъ со всѣхъ церквей и аббатствъ идетъ въ Римъ; города рушатся; страна и люди погибаютъ, ибо нѣтъ больше ни богослуженія, ни проповѣди" **).

Прежде чѣмъ Экъ сталъ развозить по Германіи буллу, Лютеръ въ первыхъ числахъ августа 1520 г. совершенно разошелся съ папской церковью, издавъ книгу о вавилонскомъ плѣненіи церкви; въ началѣ октября вышла его проповѣдь о ли-

---

*) Das ist erlogen; denn Christus, dessen Statthalter und Amtmann er sich rühmet, sprach vor Pilato: Mein Reich ist nicht von dieser Welt! Er ist auch nicht ein Statthalter des erhöhten, sondern des gekreuzigten Chrustus; aber nun machen sie den Pabst zum Statthalter des erhöhten Christus im Himmel, und haben einige den Teufel so stark lassen in ihnen regieren, dasz sie gehalten, der Pabst sei über die Engel im Himmel und habe ihnen zu gebieten; welches sind eigentlich die rechten Werke des rechten Antichrists».

**) «Wozu ist eigentlich das Volk nütze in der Christenheit, das man Cardinäle nennt? Das vill ich dir sagen. Welsch und Deutschland haben viel reicher Klöster, Stifte, Lehen und Pfarr, die hat man nicht gewuszt basz nach Rom zu bringen, denn dasz man Cardinäle macht» и т. д.

тургіи, содержаніе которой доказываетъ, что примиреніе между Лютеромъ и латинскою церковью стало невозможно; въ то же время ректору виттенбергскаго университета прислали буллу; но такъ какъ это было сдѣлано неофиціально, то онъ не обратилъ на нее вниманія. Въ своихъ сочиненіяхъ Лютеръ противопоставлялъ свою идеальную церковь, основанную на библіи, латинской, которая образовалась въ теченіи многихъ вѣковъ и была тѣсно связана съ феодальными учрежденіями и государствами. Объ этомъ, разумѣется, можно было поспорить; разрушить существующее государственное учрежденіе (церковь среднихъ вѣковъ) и водворить на его мѣсто новое, основанное на библіи или на философскихъ принципахъ не такъ легко, какъ устранить злоупотребленія. Этимъ поступкомъ Лютеръ совершенно отпалъ отъ римской церкви. Ученіе это проводилось въ книгѣ о литургіи, и Лютеръ допускалъ только три таинства: крещеніе, покаяніе и причащеніе.

Мильтицъ, находившійся еще въ Германіи, надѣялся однако уладить дѣло. Онъ добился, что Лютеръ еще разъ вѣжливо написалъ папѣ; но стоитъ только привести двѣ фразы изъ письма Лютера, чтобы доказать, что онъ уже не желалъ покоряться: „А ты, святой отецъ, сидишь, какъ овца среди волковъ, какъ Даніилъ среди львовъ, и какъ Езекіиль среди скорпіоновъ. Что можешь сдѣлать ты одинъ противъ такого множества чудовищъ? Даже если бы у тебя было три или четыре благочестивыхъ кардинала, что они значатъ въ этой кучѣ? Лучше бы вамъ отравиться, чѣмъ задумывать помочь дѣлу“. Въ другомъ мѣстѣ этого письма, гдѣ вообще личность папы Льва X пощажена, говорится: „Разумѣется, помочь этой бѣдѣ долженъ бы былъ ты и кардиналы; но болѣзнь смѣется надъ лекарствомъ, лошади и колесница не слушаютъ возницы. Вотъ причина, почему мнѣ всегда было грустно, что ты сталъ папой. Римскій престолъ недостоинъ тебя и подобныхъ тебѣ; лучше бы папой быть злому духу, который, разумѣется, болѣе тебя царитъ

въ этомъ Вавилонѣ *). Посылая это письмо въ Римъ Лютеръ приложилъ къ нему лучшее сочиненіе свое, книгу о христіанской свободѣ, которая должна была разсердить папу хуже всякихъ насмѣшекъ; въ ней кратко и ловко говорилось о предметѣ, о которомъ папская церковь, какъ извѣстно, не хочетъ и знать.

Въ томъ же мѣсяцѣ Лютеръ напечаталъ сочиненіе, въ заглавіи котораго называлъ антихристомъ папу, издавшаго противъ него буллу и сожигавшаго его книги, не будучи въ состояніи завладѣть его особой. Сочиненіе это называлось: „Противъ буллы антихриста“. Въ этой книгѣ Лютеръ со всею горячностью своего характера рѣзко нападалъ на принципы и догматы латинскіе, на сколько они основаны не на библіи. О сожженіи книгъ онъ говорилъ очень мѣтко: „Конечно, я знаю, что искуство и злодѣяніе двѣ разныя вещи, и я не уважаю неискуснаго злодѣянія; но сожиганіе книгъ дѣло столь легкое, что имъ могутъ заниматься даже дѣти, не говоря уже о святомъ отцѣ и его великихъ ученыхъ, которымъ, по моему мнѣнію, приличнѣе бы дѣлать что нибудь поискуснѣе, чѣмъ жечь книги **).

---

*) «Indessen sitzest du, heiliger Vater, wie ein Schaf unter den Wölfen, wie Daniel unter den Löwen und wie Ezechiel unter den Scorpionen. Was kannst du Einiger wider so viel Ungeheuer? Und ob dir schon drei oder vier fromme Cardinäle zuvielen, was wäre das unter solchen Haufen? Ihr müsztet eher durch Gift untergehen, ehe ihr fürnähmet der Sache zu helfen,... Es sollte wohl dein und der Cardinäle Werk sein, dasz ihr diesen Jammer wehret; aber die Krankheit spottet der Arznei, die Pferd und Wagen horchen nicht auf den Fuhrmann. Das ist die Ursach, warum es mir immer leid gewesen ist das du Pabst worden bist. Der römische Stuhl ist deiner und deinesgleichen nicht werth, sondern der böse Geist sollte Pabst sein, der auch gewisz mehr als du in diesem Babylon regieret».

**) «Nun weisz ich wohl, dasz Kunst und Frevel zwei Ding sind, und ich den unkünstlichen Frevel nicht achte; so ist Bücher verbrennen so leicht, dasz es auch die Kinder können, schweig denn der heilige Vater Pabst und seine Hochgelehrten, welchen es je fein anstünde meines Bedünkens, wenn sie etwas mehr Kunst beweiseten, als Bücher verbrennen.

Ульрихъ фонъ Гуттенъ напалъ на папу и на его духовную власть, основанную на средневѣковой догматикѣ, еще сильнѣе въ своемъ діалогѣ(т. X, стр. 433.) „Буллаубійца". Чего недосказалъ Лютеръ въ своемъ опроверженіи буллы, которую онъ считалъ дѣломъ Эка, а не папы, то впослѣдствіи съ большей силой договорилъ Ульрихъ фонъ Гуттенъ. Онъ издалъ буллу съкомментаріями и возваніемъ къ нѣмцамъ, выставилъ дѣло Лютера дѣломъ всей нѣмецкой націи и приложилъ къ изданію рѣчькъ папѣ Льву X, сила которой сильно подѣйствовала на всѣхъ образованныхъ нѣмцевъ. Съ этой минуты это дѣло стало государственнымъ, потому что булла была объявлена и признавалась въ весьма немногихъ мѣстахъ. Курфирстъ Саксонскій держалъ себя въ сторонѣ, и два папскихъ нунція тщетно старались убѣдить его удалить или преслѣдовать Лютера. Наконецъ рѣшеніе дѣла было предоставлено новому императору.

5. Карлъ V въ первое время по избраніи въ германскіе императоры.

Когда наконецъ пфальцграфъ Фридрихъ, братъ курфирста Лудвига V, привезъ Карлу V официальное извѣстіе о его избраніи въ германскіе или, какъ говорили, римскіе короли, и приглашеніе короноваться въ Ахенѣ, Карлу грозила опасность со стороны Испаніи и Франціи. Въ обоихъ испанскихъ королевствахъ господствовало сильное неудовольствіе; опасный союзъ могущественныхъ городовъ, о которомъ мы уже говорили (стр. 295), грозилъ междоусобною войной, которая могла вспыхнуть по отъѣздѣ короля. Со стороны французскаго короля Франциска I, которому не удалось получить германскую корону, грозила внѣшняя война; притомъ, Франценскъ, казалось, совершенно расположилъ къ себѣ короля Генриха VIII англійскаго черезъ его любимца, Ульси.

Ульси, въ лицѣ котораго соединялось тогда безчисленное множество аббатствъ и доходныхъ духовныхъ должностей, былъ съ 1511 г. первымъ министромъ Генриха VIII и накопилъ царскія богатства. Впрочемъ, онъ не думалъ строить, какъ утверждаютъ, козней противъ епископа Фокса уинчестерскаго; изъ актовъ англійской исторіи видно, что Фоксъ еще въ 1516 г. заключалъ договоры. Точно также онъ не изгонялъ и герцога Норфока, который вышелъ въ отставку только въ 1522 г. Но съ 1514 г. Ульси былъ главою кабинета; совѣтники, засѣдавшіе вмѣстѣ съ нимъ, назначались по его же представленію. Архіепископъ Уарэмъ кентерберійскій совершенно удалился въ 1515 г., и Ульси пріобрѣлъ такую силу у Генриха, который былъ безусловно преданъ церкви, что простиралъ свой деспотизмъ даже на папскихъ чиновниковъ. Когда, напримѣръ, нунцій Льва X, Адріанъ Корнето, прибылъ въ Англію для сбора динарія св. Петра, Ульси до тѣхъ поръ надоѣдалъ чрезъ короля папѣ, пока тотъ не отозвалъ нунція; дѣло въ томъ, что Корнето не хотѣлъ выхлопотать кардинальской шапки несмѣтно богатому и вслѣдствіе того безконечно жадному архіепископу. Помощника нунція, Полидора Виргилія, онъ даже посадилъ на шесть мѣсяцевъ въ Тоуэръ. Полидоръ, которому мы обязаны прекрасными замѣтками для англійской исторіи того времени, жестоко отмстилъ Ульси; въ сочиненіи своемъ онъ написалъ о немъ столько дурнаго, сколько могъ придумать. Король французскій и папа поочередно удовлетворяли безграничную алчность Ульси.

Отношенія короля Франциска I французскаго къ Ульси и Генриху VIII измѣнялись нѣсколько разъ со времени заключенія нойонскаго трактата. Примѣромъ тому можетъ служить образъ дѣйствій Франциска относительно епископства Турне. Когда Турне былъ завоеванъ Генрихомъ VIII (стр. 260), папа согласился отнять это епископство у французскаго епископа, сына президента Гильяра, и передать его Ульси въ силу папскаго полновластія или, какъ говорятъ, per provisionem. Но впо-

слѣдствіи, когда папа старался отнять герцогство урбинское у Франческо Марія делла Ровере, чтобы подарить его своему племяннику Лоренцо Медичи, нападеніе французовъ на Урбино поставило его въ такое затруднительное положеніе, что, чтобъ примириться съ нимъ, онъ сталъ дѣйствовать по желанію Франциска противъ Уольси. Онъ былъ принужденъ лишить англійскаго министра многаго, что прежде даровалъ ему. Но епископство осталось за Уольси до тѣхъ поръ, пока Турне снова не перешелъ къ Франціи. Чтобы убѣдить короля Генриха возвратить эту крѣпость, совершенно отрѣзанную отъ Кале новыми укрѣпленіями города Теруанія, Францискъ долженъ былъ вознаградить Уольси за потерю доходовъ съ епископства. Онъ предложилъ ему чрезъ своего посланника ежегодную пенсію въ 12,000 ливровъ и обѣщалъ склонить папу назначить его своимъ легатомъ въ Англіи, такъ какъ англійскій министръ уже былъ кардиналомъ. Подкупленный Уольси воспользовался затруднительнымъ денежнымъ положеніемъ своего короля, чтобы убѣдить его уступить Турне, не приносившій Англіи ни малѣйшей пользы. Францискъ обязался выплатить англійскому королю 600,000 червонцевъ, подъ предлогомъ вознагражденія за оставленные въ Турне боевые снаряды; но, не будучи въ состояніи немедленно уплатить деньги, онъ отдалъ Генриху зажиточныхъ турнейскихъ гражданъ въ заложники. Съ этого времени король французскій черезъ Уольси совершенно привлекъ на свою сторону Генриха; когда обоимъ королямъ не удалось достигнуть нѣмецкаго престола, они, повидимому, окончательно соединились противъ Карла V. Младшая дочь Генриха, Марія, была выдана замужъ за сына и наслѣдника французскаго короля; Францискъ обѣщалъ не злоупотреблять болѣе своими связями въ Шотландіи противъ вдовствующей шотландской королевы и ея молодаго сына, которыхъ Генрихъ взялъ подъ свою защиту. Кромѣ того, оба короля рѣшили лично повидаться другъ съ другомъ близь Кале, между Гинемъ и Ардромъ; они собирались съ своимъ высшимъ дворянствомъ уди-

вить свѣтъ роскошью и расточительностью на турнирѣ. Генрихъ уже отправился въ путь, но вдругъ получилъ извѣстіе, что императоръ хочетъ доказать ему свое уваженіе, посѣтивъ его; это вполнѣ расположило къ Карлу чваннаго короля, глупо гордившагося собою, своею властью и саномъ.

Карлъ спѣшилъ въ Германію, гдѣ дѣлами управлялъ братъ его, Фердинандъ. Карлъ желалъ по возможности скорѣе вернуться въ Кастилію, гдѣ дворянство и города были въ высшей степени недовольны, и можно было навѣрно предсказать, что возстаніе, уже вспыхнувшее въ Толедо, распространится въ отсутствіе короля по всѣмъ другимъ городамъ. Чтобы не усиливать неудовольствія испанцевъ назначеніемъ въ должности нидерландцевъ, Карлъ назначилъ донъ Хуана де Лануца — вице-королемъ Арагоніи, а донъ Діего де Мендосу графа Мелито — Валенсіи; но съ другой стороны намѣстникомъ въ Кастиліи онъ оставилъ своего учителя Адріана, сдѣланнаго имъ епископомъ дертозскимъ. 20 мая 1520 г. онъ сѣлъ на корабль въ Ла Корунѣ. Его сопровождало множество испанскихъ грандовъ и бельгійскихъ придворныхъ, съ прибытіемъ которыхъ въ Германію, нравы при тамошнихъ дворахъ такъ же измѣнились, какъ при Оттонахъ. Къ византійской чопорности присоединились испанская спѣсь и церемонность и бельгійско-французская вѣтреность.

26 мая король высадился въ Дуврѣ въ то самое время, какъ Генрихъ VIII съ многочисленной и блестящей свитой возвратился съ дороги въ Кале и поѣхалъ въ Кентербери. Карлъ отправился къ англійскому двору, чтобъ посѣтить своего дядю, Генриха VIII и его жену, Катарину. Набожностью онъ расположилъ къ себѣ короля, обѣщаніемъ денегъ — его могущественнаго министра и въ четырехдневное пребываніе въ Англіи уговорилъ Генриха съѣздить въ Нидерланды, надѣясь при этомъ вторичномъ свиданіи уничтожить всѣ результаты свиданія англійскаго короля съ французскимъ.

Едва Карлъ уѣхалъ изъ Англіи, какъ Генрихъ и Францискъ съѣхались въ такъ называемомъ лагерѣ Золотой Парчи (camp du drap d'or), устроенномъ между Гинемъ и Ардромъ. Оба короля любили великолѣпіе и были расточительны; во время этого свиданія, продолжавшагося восемнадцать дней (съ 7 до 24 іюня 1520 г.), они старались блескомъ и любезностью превзойти другъ друга и не жалѣли денегъ. О громадныхъ суммахъ, потраченныхъ на этотъ эфемерный золотой лагерь, гдѣ палатки были устроены какъ дворцы, на разныя празднества и турниры, можно прочесть у очевидцевъ, дю Белле и Флеранжа, въ ихъ разсказѣ, написанномъ офиціальнымъ языкомъ газетъ. Всѣ издержки со стороны Франціи пропали даромъ, потому что Карлъ безъ труда привлекъ на свою оторону Генриха, когда тотъ посѣтилъ его 10 іюля въ Гравелинѣ. Во время своего пребыванія въ Англіи онъ обезпечилъ себѣ вліяніе Уольси и черезъ него узналъ, какъ дѣйствовать на короля Генриха. Онъ обѣщалъ англійскому министру ежегодную пенсію въ 7000 дукатовъ, далъ ему епископство бадахосское и нѣсколько испанскихъ аббатствъ и даже подалъ надежду на папство, которое могъ доставить ему, какъ императоръ. Въ Гравелинѣ Генрихъ пробылъ только одинъ день; но Карлъ вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ въ Кале, гдѣ Генрихъ согласился заключить договоры, прямо противорѣчившіе всему, что онъ обѣщалъ Франциску. Уольси надѣялся уговорить своего короля уступить французамъ за деньги и Кале, какъ Турне; но одинъ намекъ на эту уступку возбудилъ въ Англіи такое волненіе, что кардиналъ долженъ былъ отказаться отъ этого плана. Францискъ также не думалъ болѣе исполнять свои обѣщанія относительно Шотландіи.

Карлъ началъ отправлять должность императора еще до коронаціи, совершившейся 23 октября 1520 г. въ Ахенѣ. Гильдейсгеймская усобица и ссора швабскаго союза съ Ульрихомъ Виртембергскимъ особенно обратили на себя его вниманіе. Герцогъ Генрихъ Младшій Брауншвейгъ-Вольфенбиттельскій ѣздилъ, какъ

мы знаемъ (стр. 324), въ Брюссель, чтобы убѣдить новаго императора отмѣнить пристрастный приговоръ третейскаго суда. Его сопровождала жена Эриха Каленбергскаго. Имъ удалось получить отъ императора три постановленія противъ герцога Генриха Люнебургскаго и епископа гильдесгеймскаго. Но послѣдніе, по обычаю имперіи, не покорились, а обратились къ третейскимъ судьямъ, прося ихъ ходатайствовать у императора о подтвержденіи произнесеннаго ими приговора. Архіепископъ кельнскій тщетно старался примирить партіи послѣ коронованія Карла въ Ахенѣ. Герцогъ Люнебургскій съ своими союзными графами и епископъ Іоганнъ гильдесгеймскій прибыли въ Кёльнъ и привезли съ собой своего плѣнника, брата Генриха Младшаго; послѣ долгаго и непріятнаго спора о томъ, чей приговоръ долженъ имѣть силу, императора ли, какъ верховнаго судьи, или третейскаго суда, побѣдившая сторона должна была наконецъ согласиться подчиниться рѣшенію, которое въ слѣдующемъ 1521 г. произнесутъ на сеймѣ императоръ и курфирсты. Пока же они должны были освободить плѣнныхъ.

На сеймѣ, созванномъ императоромъ въ Вормсѣ въ 1521 г., герцогъ Эрихъ былъ выслушанъ въ присутствіи всѣхъ князей. Генрихъ Люнебургскій, неявившійся лично, но приславшій сына, былъ такъ раздосадованъ проволочкой рѣшенія, что предоставилъ правленіе своимъ сыновьямъ, Оттону и Эрнсту, а самъ уѣхалъ во Францію. Обыкновенно разсказываютъ, будто онъ сдѣлалъ это, чтобы, не имѣя въ имперіи собственности, безпрепятственно воевать съ императоромъ; но такъ какъ одна изъ современныхъ хроникъ говоритъ, „что онъ былъ занятъ вѣтреными заботами о наложницахъ“, то Шпиттлеръ вѣроятно правъ, говоря, что причина рѣшенія герцога сложить управленіе была Анна Кампенъ, а не гильдесгеймская усобица. Императору очень не понравился этотъ поступокъ герцога, и по окончаніи сейма 27 мая онъ издалъ строжайшій декретъ по этому дѣлу. Этимъ декретомъ приказывалось обѣимъ сторонамъ подъ страхомъ опа-

лы и лишенія регалій и леновъ, полученныхъ отъ имперіи, передать императору въ теченіи мѣсяца всѣ завоеванные города, замки, мѣстечки и имѣнья и освободить плѣнныхъ; относительно выкупныхъ денегъ и другихъ требованій имъ было приказано подчиниться приговору императорскихъ комиссаровъ, графа Филиппа Ганау, Эбергарда Кенигштейна и трирскаго оффиціала. Но ни епископъ гильдесгеймскій, ни люнебургцы не послушались этого приказанія и заключили плѣнниковъ, которые не могли заплатить выкупъ, въ ужасныя тюрьмы. Поэтому 24 іюля 1521 г. императоръ объявилъ ихъ въ опалѣ и поручилъ датскому королю Христіану II (по Гольштейну) помогать герцогамъ Вольфенбиттельскому и Каленбергскому выполнить приговоръ.

Запутанные юридическіе споры и подробности новой ссоры, когда герцоги Вольфенбиттельскій и Каленбергскій заняли почти всю страну своего противника и когда наконецъ возвратился изъ Франціи герцогъ Генрихъ Люнебургскій, не относятся къ нашему предмету. Поэтому мы присовокупимъ только слѣдующее. Король Христіанъ былъ слишкомъ занятъ въ Даніи и Швеціи и потому предоставилъ исполненіе императорскаго приговора герцогамъ Каленбергскому и Вольфенбиттельскому. Герцоги еще въ 1520 году окончили несогласіе съ графами Гойя; въ 1521 г. Филиппъ Гессенскій своимъ вмѣшательствомъ прекратилъ споръ между графомъ Шаумбургомъ и исполнителями приговора, а въ октябрѣ того же года герцоги Саксонскіе примирили ихъ съ Люнебургомъ. Плѣнные были выпущены безъ выкупа, военныя издержки взаимно вознаграждены, а наслѣдственные договоры возобновлены; это называлось „полевымъ договоромъ“. Епископъ гильдесгеймскій былъ предоставленъ на произволъ судьбы. Онъ продолжалъ войну и въ 1522 г. передалъ управленіе епископствомъ соборному капитулу и земскимъ чинамъ, а самъ отправился за границу и призвалъ на помощь своего брата, епископа мюнстерскаго и герцога Карла Гельдернскаго съ его черной

шайкой. Но Оттонъ и Эрнстъ Люнебургскій не хотѣли пропускать чрезъ свои владѣнія собранную имъ сволочь, а когда въ концѣ 1522 года умеръ его братъ, епископъ мюнстерскій, онъ былъ принужденъ совершенно отказаться отъ своего епископства.

Война опустошила не только епископство, почти совершенно занятое непріятелемъ, но и владѣнія герцоговъ Эрнста и Оттона Люнебургскихъ; наконецъ Альбрехтъ и Георгъ Саксонскіе заключили въ Кведлинбургѣ миръ весьма невыгодный для Гильдесгейма; онъ былъ утвержденъ 20 октября 1523 г. Такъ какъ епископъ не хотѣлъ и знать о договорѣ, то его совершенно исключили изъ него; въ замѣнъ его соборный капитулъ, городъ Гильдесгеймъ и земскіе чины должны были согласиться уступить брауншвейгцамъ большую часть епископства въ вознагражденіе за издержки при исполненіи приговора, простиравшіяся до трехъ милліоновъ. Меньшая часть епископства, заключавшая въ себѣ городъ Гильдесгеймъ и аббатства Пейна, Штейервальдъ и Маріенбургъ оставалась за ними; но большая часть предоставлялась герцогамъ. При этомъ была сдѣлана дипломатическая закорючка; въ трактатѣ было сказано, что обѣ части, на которыя было раздѣлено епископство, не уступаются и должны „быть неприкосновенны"; Брауншвейгъ и Гильдесгеймъ различно толковали это выраженіе. Это дало поводъ папѣ, утвердившему, подобно императору, кведлинбургскій договоръ, попытаться снова отнять у брауншвейгскаго дома отданныя ему въ 1523 г. владѣнія. Епископъ обратился къ папѣ и въ 1540 г. добился отъ него благопріятнаго рѣшенія; но императоръ поручилъ дѣло имперскому суду, гдѣ оно пролежало до 1629 г.

Ссора герцога Ульриха Виртембергскаго съ подданными и швабскимъ союзомъ, какъ мы говорили (стр. 311—21), была причиною изгнанія его въ 1519 г. Въ первый разъ Ульрихъ, у котораго оставались только Мюнпельгардъ и Гогентвиль, бѣжалъ въ Йермерсгеймъ къ Лудвигу V Пфальцскмму; ссора членовъ союза между собою и поступки войскъ и предводителей союза въ его стра-

нѣ, вскорѣ подали ему надежду, что подданные поддержатъ его противъ союзной арміи, которая очень ослабла. Стратіоты Георга Фрундсберга (стр. 214), пришедшіе съ нимъ изъ Италіи и разбойничьи шайки Франца Зиккингена распоряжались въ странѣ одинаково, а Вильгельмъ Баварскій вывезъ серебряную посуду, драгоцѣнности и рѣдкости. Дѣйствительно, добрые виртембергцы были не прочь еще разъ попробовать его управленія; но, какъ намъ уже извѣстно, онъ началъ его тѣмъ, что уничтожилъ конституцію или тюбингенскій трактатъ, и потому въ октябрѣ 1519 г. союзная армія снова безъ труда изгнала его изъ страны.

Тогда началась ссора между противниками Ульриха. Виртембергцы требовали отъ швабскаго союза назначенія герцогомъ сына Ульриха, Христофора; а союзъ бралъ неслыханныя контрибуціи и не хотѣлъ удалить свои адскія шайки, пока ему не уплатятъ издержекъ, цѣнимыхъ баварцами очень дорого. Наконецъ и Австрія стала посягать на герцогства. Правительство, назначенное для Швабіи и братъ Карла V, Фердинандъ, управлявшій австрійскими дѣлами до пріѣзда императора, сначала воспротивились назначенію герцогомъ Христофора; потомъ, вслѣдствіе ихъ интригъ, Карлъ еще въ Барселонѣ вмѣшался въ эту запутанную ссору. Герцогъ Ульрихъ, бѣжавшій послѣ своего втораго изгнанія въ Швейцарію, обратился, какъ писали швабскому союзу швейцарцы, державшіе въ Золотурнѣ сеймъ, къ курфирстамъ и императору, предлагая, чтобы швейцарскій союзъ, курфирстъ Пфальцскій и императоръ нарядили надъ нимъ судъ. Однако швейцарцы не согласились на это, а императоръ, въ посланіи своемъ изъ Барселоны 7 октября 1519 г. къ правительству, назначенному имъ для Австріи, заранѣе объявилъ, какимъ образомъ намѣренъ устроить дѣло герцога и его многочисленныхъ кредиторовъ, жадныхъ союзниковъ, требовавшихъ денегъ, швабскаго союза, Виртемберга и его чиновъ. Въ этомъ посланіи австрійскому правительству было приказано выбрать изъ своей среды трехъ или четырехъ комиссаровъ и послать ихъ

въ Аугсбургъ на швабскій сеймъ, который долженъ былъ происходить въ этомъ городѣ. Комиссарамъ было поручено вступить въ переговоры съ союзными членами „для того, какъ говорилъ Карлъ, чтобы всѣ земли герцога Ульриха и дѣтей его были предоставлены на охраненіе австрійскому дому, а въ замѣнъ того союзнымъ чинамъ слѣдуетъ обѣщать изрядную плату отъ императора и его брата, эрцгерцога Фердинанда“.

На аугсбургскомъ сеймѣ не было и рѣчи объ Ульрихѣ и его сынѣ, Христофорѣ; совѣщались только о томъ, долженъ ли союзъ удержать землю за собой или уступить кому нибудь другому и въ послѣднемъ случаѣ кому именно. Для рѣшенія этого вопроса сеймъ обратился къ господамъ, назначеннымъ управлять Виртембергомъ и пригласилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Аугсбургъ. Они дали совѣтъ такого рода: „передать герцогство такому лицу, которое могло бы избавить союзные чины отъ набѣговъ и доставить деньги для уплаты долговъ, нетерпящихъ отлагательства, и въ особенности немедленно заплатить союзникамъ, что возстановило бы земскій кредитъ“. Союзные чины, которымъ надоѣло слышать упреки за ихъ поступки относительно Виртемберга, рѣшились поэтому свалить всю тяжесть съ себя на кого нибудь болѣе сильнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить требованіе молодаго императора. Но они старались какъ можно дороже продать ему добычу. Еще на аугсбургскомъ сеймѣ 30 ноября 1519 г. было рѣшено уступить земли Австріи, а въ февралѣ 1520 г. все было покончено двумя трактатами. Въ одномъ изъ нихъ четырнадцатью параграфами опредѣлялось сколько Австрія должна заплатить сыну Ульриха, Христофору, дочери его, Аннѣ и ихъ родственникамъ, а также швабскому союзу. Послѣдній получалъ 220,000 гульденовъ. Второй трактатъ, состоявшій изъ восьми параграфовъ, опредѣлялъ участь дѣтей Ульриха. Ихъ перевезли въ Инспрукъ и назначили сыну 5,000, а дочери 4,000 гульденовъ годоваго оклада. Самымъ замѣчательнымъ изъ императорскихъ упол-

номоченныхъ, позорно трактовавшихъ о грабежѣ невинныхъ дѣтей Ульриха, былъ чопорный кардиналъ Матвѣй Лангъ, недавно сдѣлавшійся архіепископомъ зальцбургскимъ. Впослѣдствіи Ульрихъ таскался отъ двора къ двору. Хотя онъ владѣлъ еще Гогентвилемъ и Мюмпельгардомъ, но первое владѣніе было ему въ тягость, а Мюмпельгардъ онъ заложилъ.

Австрійское правительство, овладѣвъ Виртембергомъ, безстыдно заложило всѣ монастыри и цѣлые приходы, чтобы выплатить купчую сумму, ничего не потерявъ; за то оно утвердило конституцію или тюбингенскій трактатъ. Карлъ, пріѣхавъ въ Германію, сталъ считать Виртембергъ не залогомъ, а своею полною собственностью. Въ 1522 г., не смотря на общее сопротивленіе, онъ ввелъ своего брата, Фердинанда, во владѣніе этой страною и далъ ему въ ленъ герцогства Виртембергъ и Текъ; это произошло впрочемъ во второй пріѣздъ Карла въ имперію (1530 г.). Карлъ хотѣлъ даже при этомъ распространить на Виртембергъ привиллегіи, которыми пользовалась Австрія. Ниже мы разскажемъ, какъ и когда возвратилъ себѣ свое владѣніе герцогъ Ульрихъ.

6. Карлъ V и Реформація до закрытія Вормскаго сейма.

Тотчасъ послѣ коронаціи императоръ Карлъ созвалъ сеймъ въ Вормсѣ, гдѣ долженъ былъ рѣшиться споръ Лютера съ папою и его учеными богословами. Съ перваго появленія Лютера въ 1517 г. (въ то время, какъ папство было еще безспорно господствовавшей религіей) евангеліе проповѣдовалось со всѣхъ каѳедръ, и папа былъ такъ неостороженъ, что проклялъ буллою Лютера; но Лютеръ нашелъ приверженцевъ между князьями, вельможами и городами. Дѣло Лютера сдѣлалось государственнымъ. Это называли возмущеніемъ Лютера противъ папы и папства;

и дѣйствительно, Лютеръ, въ изданномъ имъ сочиненіи противъ папской буллы отказался отъ общенія съ латинскою церковью и поносилъ ее самымъ рѣзкимъ тономъ.

Лютеръ не ограничился рѣзкими, революціонными рѣчами; публичными, символическими дѣйствіями онъ возвѣстилъ папѣ, отъ имени народа, что насталъ конецъ его царству и закону, на которомъ оно основано, т. е. декреталіямъ. Папа велѣлъ сжечь въ Римѣ портретъ и сочиненіе Лютера и когда въ 1520 г. императоръ прибылъ на Рейнъ, онъ добился отъ него приказанія поступить такимъ же образомъ въ Левенѣ, Кёльнѣ и Майнцѣ, т. е. въ тѣхъ городахъ, гдѣ и до нынѣ среди демократическихъ мечтателей гнѣздятся упорнѣйшіе приверженцы самаго мрачнаго суевѣрія. Лютеръ отмстилъ за это слишкомъ демагогически, такъ что мы не можемъ защищать его. Хотя онъ печатно защищалъ свой поступокъ, но не убѣдилъ насъ. Лютеръ публиковалъ прокламацію, въ которой приглашалъ всѣхъ виттенбергскихъ гражданъ, которые желаютъ присутствовать при сожженіи папской буллы и папскихъ декреталій, отправиться 10 декабря 1520 г. въ девять часовъ утра за городъ, въ сопровожденіи многихъ докторовъ, магистровъ и студентовъ; когда публика собралась, одинъ магистръ сложилъ и зажегъ костеръ, и за тѣмъ самъ Лютеръ сжегъ кодексъ каноническаго права со всѣми его дополненіями и нѣкоторыя сочиненія Эка и Эмзера, направленныя противъ него. Наконецъ онъ бросилъ въ огонь папскую буллу и воскликнулъ: „такъ какъ ты осквернилъ святыню Господню, то да пожретъ тебя огонь вѣчный!“ Народъ и студенты, любящіе подобныя зрѣлища, радостно привѣтствовали это сожженіе.

Мы и не упомянули бы объ этой сценѣ, еслибъ Лютеръ былъ частный человѣкъ или виттенбергскій профессоръ; но онъ дѣйствовалъ здѣсь, какъ глава партіи, какъ виновникъ начатаго имъ кореннаго преобразованія римской церкви, какъ представитель поколѣнія, воспитаннаго на библіи и классикахъ. Это ясно изъ того,

что папа тщетно осаждалъ просьбами важнѣйшаго нѣмецкаго государя, Фридриха Мудраго Саксонскаго, дѣйствуя чрезъ Эка и своихъ нунціевъ, кардиналовъ Алеандера и Караччіоли, которыхъ послалъ въ Германію исключительно противъ Лютера; онъ настаивалъ, чтобы Фридрихъ Мудрый отказалъ реформатору въ защитѣ, запретилъ въ своей странѣ его ученіе и велѣлъ сжечь его сочиненія. Но все это было тщетно. Самъ императоръ рѣшился на подобную мѣру только въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ имперіи. Онъ имѣлъ причину поддерживать дружбу и съ папой, и съ курфирстомъ Саксонскимъ; поэтому онъ не мѣшалъ распространенію ученія Лютера и не противился ниспроверженію ученія и римскаго порядка въ большей части областей; но въ то же время въ Бельгіи и рейнскихъ епископствахъ, гдѣ господствовалъ обскурантизмъ, онъ согласился запретить реформу и сжечь книги Лютера. Алеандеръ именемъ папы требовалъ, чтобы онъ эдиктомъ запретилъ ученіе Лютера во всей имперіи; однако Карлъ нашелъ это невозможнымъ. Вся Германія признала заслугу реформатора.

Императоръ, не желалъ дать поводъ думать, что держитъ сторону еретиковъ; это доказывается лучше всего тѣмъ, что въ 1521 году проповѣдь Лютера сдѣлалась провозвѣстницею революціи. Дѣло обсуживалось въ теченіи цѣлаго ноября императоромъ, курфирстомъ Фридрихомъ, бывшимъ въ то время въ Кёльнѣ, Алеандеромъ, Караччіоли и нѣсколькими фанатическими епископами. Къ курфирсту приставали, требуя, чтобы онъ нарядилъ надъ ученіемъ Лютера слѣдствіе, поручивъ производить его нунцію Алеандеру и доктору Эку, какъ уполномоченнымъ папы. Фридрихъ Мудрый отвѣчалъ папистамъ, что онъ не заступается за доктора Лютера, но что честные и ученые люди полагаютъ, что Лютеръ самъ не зашелъ бы такъ далеко, еслибъ не былъ вынужденъ своими противниками. При томъ никто не допрашивалъ Лютера, и сочиненія его не были признаны ложными или безбожными, чтобы ихъ слѣдовало сожигать. Если же Лютеръ

на основаніи ясныхъ текстовъ священнаго писанія и дѣльныхъ доказательствъ будетъ обвиненъ въ ереси, то онъ, курфирстъ, конечно не станетъ защищать его." Вслѣдъ за тѣмъ курфирстъ возвратился домой, а императоръ отправился вверхъ по Рейну. Мы полагаемъ, что отвѣтъ курфирста и его совѣтниковъ на требованіе предать благороднѣйшаго и величайшаго человѣка націи суду его злѣйшихъ враговъ, ободрило его на революціонный поступокъ 10 декабря.

Невѣрующіе дипломаты, бывшіе тайными совѣтниками императора, де Шіевръ и Генрихъ Нассаускій, вскорѣ послѣ отъѣзда курфирста Фридриха, писали къ нему изъ Оппенгейма, что, по настоянію ихъ, императоръ будетъ писать къ нему и требовать, чтобы онъ привезъ съ собою Лютера въ Ворисъ на сеймъ, имѣющій быть въ первыхъ мѣсяцахъ слѣдующаго года. Письмо императора было получено уже послѣ того, какъ Лютеръ сжегъ въ Виттенбергѣ папскую буллу, и Фридрихъ, отвѣчая въ концѣ декабря императору, просилъ его не требовать присылки Лютера въ Ворисъ. Папа, съ своей стороны, издалъ 3 января 1521 г. новую буллу, направленную не только противъ Лютера, но и противъ всякаго, кто будетъ защищать его, такъ что всѣ многочисленные князья и рыцари, преданные реформатору, подверглись папскому проклятію. Они были объявлены еретиками, потому что не отреклись въ срокъ, назначенный въ первой буллѣ. Императоръ былъ въ большомъ затрудненіи. Онъ уже дозволилъ курфирсту Фридриху не привозить съ собой Лютера, который былъ заранѣе осужденъ; но важнѣйшіе владѣтели имперіи, часть рыцарства и большая часть городовъ требовали, чтобы Карлъ по крайней мѣрѣ выслушалъ Лютера. Поэтому императоръ снова рѣшился выслушать Лютера на ворискомъ сеймѣ и распросить его объ его ученіи или, лучше сказать, припугнуть его присутствіемъ нѣмецкихъ чиновъ. Папскій легатъ Алеандеръ тщетно старался отклонить императора отъ этой мысли, которая давала Лютеру возможность дѣйствовать

своимъ краснорѣчіемъ и библейскимъ ученіемъ на нѣмецкіе умы среди блестящаго собранія въ Вормсѣ. Лютеръ ловко и иронически обрисовалъ этого пустого придворнаго ученаго. „Алеандеръ“, говоритъ онъ, „уже по однимъ языкамъ, которые знаетъ, величайшій человѣкъ въ мірѣ. Еврейскій — его природный языкъ, по гречески онъ знаетъ съ пеленокъ, по латыни учился и выучился. Онъ думаетъ, что принадлежитъ къ старинному дворянству, потому что родился жидомъ; крещенъ ли онъ — неизвѣстно. Но несомнѣнно, что онъ не фарисей, ибо не вѣритъ въ воскресеніе мертвыхъ и живетъ такъ, какъ будто полагаетъ, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ“.

Процессъ, которымъ угрожали Лютеру, представлялъ не мало противорѣчій. Попытка, какъ нибудь добиться отъ Лютера на вормскомъ сеймѣ отреченія и потушить яркое пламя возстанія противъ римскаго деспотизма, была безумна и напрасна. Лютеръ и папа, если даже не принимать въ соображеніе сцену 10 декабря, не могли примириться, такъ какъ Лютеръ съ мая 1520 г. по апрѣль 1521 г. говорилъ о папѣ и папствѣ рѣзче, чѣмъ рѣшился бы выражаться природный протестантъ, рискуя подвергнуться строгимъ наказаніямъ. Мы докажемъ это нѣсколькими примѣрами. Во второмъ сочиненіи, направленномъ противъ буллы, Лютеръ подробнѣе, чѣмъ въ первомъ, говоритъ о каждомъ отдѣльномъ параграфѣ ея; по поводу ученія о причастіи, онъ замѣчаетъ, что греки и чехи правы, принимая причастіе подъ обоими видами и затѣмъ продолжаетъ: „И молю васъ Христомъ Господомъ нашимъ, чтобы вы остались тверды въ вашемъ мнѣніи и не дались въ обманъ извращеннымъ, гнуснымъ законамъ римскаго тирана и антихриста, изъ недовѣрія лишающаго христіанъ одного вида и половины причастія, которое самъ Христосъ и всѣ апостолы давали, и церковь долго употребляла во всемъ мірѣ. Во вторыхъ скажу, что папа и всѣ его завѣдомые приверженцы въ этомъ дѣлѣ — еретики, отщепенцы, отлученные и проклятые, ибо учатъ иначе, чѣмъ евангеліе“. Го-

варя о Гуссѣ, Лютеръ нападаетъ еще рѣзче на латинскую церковь, къ которой тогда еще считалъ себя принадлежащимъ. „Всѣ положенія Іоанна Гусса“, говоритъ онъ, „осужденные въ Констанцѣ, совершенно христіанскіе, и я признаю, что папа со своими клевретами дѣйствовалъ тутъ какъ настоящій антихристъ, проклявъ съ Іоанномъ Гуссомъ святое евангеліе и воздвигнувъ вмѣсто него ученіе адскаго дракона“. Еще злѣе говоритъ Лютеръ въ сочиненіи противъ итальянца Амвросія Катарина, который былъ потомъ епископомъ козенцскимъ. Это сочиненіе прямо направлено противъ папства и папъ, потому что Катаринъ продолжалъ борьбу за папство противъ Лютера, начатую Пріэріасомъ. Отвѣчая этому ученому, обладавшему впрочемъ бо̀льшимъ талантомъ и знаніемъ, чѣмъ Пріэріасъ, Лютеръ развиваетъ положеніе, что царство антихриста, описанное въ библіи, есть ничто иное, какъ папство.

Въ Вормсѣ предполагалось не изслѣдовать дѣло, а прямо осудить Лютера. Это видно, во первыхъ, изъ того, что Алеандеръ цѣлые три часа говорилъ противъ Лютера и во вторыхъ, что для допроса Лютера о его религіозныхъ убѣжденіяхъ былъ избранъ Іоганнъ фонъ Экъ, который былъ не оффиціаломъ, какъ утверждаютъ, а канцлеромъ или викаріемъ архіепископа трирскаго, и котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ вышеупомянутымъ однофамильцемъ его, диспутантомъ и издателемъ буллы. Императорскіе придворные подготовили вормскую сцену съ цѣлью ускорить окончаніе дѣла. На сѣверо-востокѣ Германіи, до Лифляндіи, Курляндіи и Пруссіи, ученіе, позволявшее секуляризировать гроссмейстерства, командорства и помѣстья, дававшіяся доселѣ лишь пожизненно, было принято съ радостью. Въ Саксоніи ему всѣ сочувствовали, и если старый Фридрихъ осторожно уклонялся отъ него, то преемникъ его чтилъ въ Лютерѣ новаго учителя. Лудвигъ V Пфальцскій и Филиппъ Гессенскій еще колебались; но было ясно, что они скоро объявятъ себя въ пользу новаго ученія. Такимъ образомъ импе-

раторъ съ одной стороны боялся трехъ сильнѣйшихъ имперскихъ князей, а съ другой не хотѣлъ ссориться съ папой. Карлъ желалъ союза съ папой изъ видовъ, которые имѣлъ на Италію. Папа еще колебался, чью сторону принять въ войнѣ, которая необходимо должна была возгорѣться между Карломъ и французскимъ королемъ, — и императоръ могъ грозить ему сдѣлать изъ Германіи вторую Богемію. Но когда впослѣдствіи владѣтельные князья и аристократы обратились къ лютеранству, какъ въ Богеміи демократія къ ученію Гусса, императоръ изъ политическихъ цѣлей сталъ преслѣдовать лютеранство такъ же ревностно, какъ и папа.

Курфирстъ Саксонскій не намѣренъ былъ выдать врагамъ человѣка, котораго вся Европа считала величайшимъ изъ современниковъ, уже за одни латинскія сочиненія его, въ чемъ соглашаются даже Паллавичини, Маймбургъ и другіе лютые враги его. Карлъ, увидя это, изъявилъ ему благосклонность и былъ сначала доволенъ, что курфирстъ не привезетъ его; потомъ онъ обѣщалъ Лютеру покровительство, котораго тотъ требовалъ, когда Карлъ пригласилъ его прямо отъ себя, чрезъ имперскаго герольда, въ Вормсъ, чтобы дать отчетъ въ своемъ ученіи. 6 марта императорскій герольдъ Каспаръ Штормъ отправился съ пригласительнымъ письмомъ, которое было написано и адресовано очень вѣжливо *) и съ ручательствомъ въ личной безопасности Лютера на время поѣздки въ Вормсъ и возвращенія въ Виттенбергъ **) Въ этомъ письмѣ Лютера приглашали явиться не позже трехъ недѣль въ Вормсъ. Онъ рѣшился ѣхать, хотя папа въ то самое время внесъ его и всѣхъ его доброжелателей въ длинный списокъ враговъ Рима и Церковной области и въ пестрый рядъ еретиковъ, изчисленныхъ въ буллѣ „In coena domini“.

Въ сопровожденіи дѣльнаго юриста Іеронима Шурфа, Ни-

*) Honorabili, dilecto, devoto doctori Martino Lutheri.

**) Cum plena securitate ad iter et ad reditum.

колая Амсдорфа, бывшаго потомъ первымъ протестантскимъ епископомъ въ Саксоніи и Юста Іонеса, Лютеръ отправился въ Вормсъ въ лучшемъ экипажѣ, какимъ могъ снабдить его виттенбергскій магистратъ. Онъ совершилъ путешествіе при громкомъ крикѣ безчисленнаго народа, стекавшагося со всѣхъ сторонъ; не смотря на императорское запрещеніе, онъ проповѣдовалъ обращеніе къ евангелію въ Эйзенахѣ, Готѣ и Эрфуртѣ при такомъ стеченіи народа, какое нѣкогда было при проповѣди Св. Бернарда (т. VI, стр. 345 и т. VII, стр. 10). Описаніе почестей, оказанныхъ ему всюду и сцены въ Вормсѣ, читатель можетъ найти въ многочисленныхъ исторіяхъ реформаціи, которыя читаются всѣми; мы должны имѣть въ виду только политическую исторію и потому вкратцѣ разскажемъ главныя обстоятельства.

16 апрѣля Лютеръ въѣзжалъ въ Вормсъ въ покрытой полотномъ повозкѣ въ родѣ тѣхъ, въ какихъ нынче ѣздятъ переселенцы и маркитанты. Императорскій герольдъ ѣхалъ впереди; безчисленная толпа народа окружала повозку; много княжескихъ слугъ, дворянъ и городскихъ сенаторовъ выѣхали ему на встрѣчу и сопровождали его при въѣздѣ. На слѣдующій день наслѣдственный маршалъ имперіи, Уценъ или Ульрихъ Паппенгеймъ, ввелъ его въ собраніе сейма, куда Лютеръ страннымъ образомъ явился въ монашескомъ платьѣ. Твердость духа, доказанная Лютеромъ, его увлекательное задушевное краснорѣчіе и смиреніе, съ какимъ онъ, раскаяваясь въ своей горячности, готовъ былъ отречься отъ всѣхъ своихъ рѣзкихъ сочиненій, тогда какъ ничто не могло побудить его отступиться отъ того что, онъ могъ доказать библіею, — все это произвело необыкновенное впечатлѣніе. Чтобы понять силу этого впечатлѣнія, надо знать, что тотъ самый сеймъ, передъ которымъ стоялъ Лютеръ, обратился къ императору съ рѣзкой жалобой на церковныя злоупотребленія, требуя уничтоженія ихъ. Комиссія, назначенная сеймомъ, составила сто одну просьбу для подачи императору. Даже идеалъ ханжи и фанатика, герцогъ Георгъ Саксонскій, написалъ двѣнадцать просьбъ,

въ которыхъ между прочимъ говорилъ о торгѣ индульгенціями почти тономъ Лютера. Свой отвѣтъ сейму, императору и папѣ на требованіе отреченія, Лютеръ приводитъ вкратцѣ въ заключеніи своей удивительной и знаменитой рѣчи. Онъ сказалъ: „Отъ меня хотятъ простаго, прямаго отвѣта, и я дамъ такой, въ которомъ не будетъ ни сучка, ни задоринки (weder Hörner noch Zähne), а именно: пусть побѣдятъ и убѣдятъ меня свидѣтельствами священнаго писанія или ясными доказательствами и доводами. Такъ какъ я убѣжденъ указанными и приведенными мною текстами, и совѣсть моя во власти слова Божья, то я не могу и не хочу отрекаться; ибо не хорошо поступать противъ совѣсти. Вотъ я весь; иначе поступать не могу; да поможетъ мнѣ Богъ; аминь!

Потомъ перепробовали всѣ средства, чтобы дѣйствовать на Лютера комиссіею, составленною изъ многихъ владѣтельныхъ особъ, чрезъ фанатика канцлера или викарія трирскаго, Іоганна фонъ Эка, который отличался такимъ же рвеніемъ, какъ и его однофамилецъ, и наконецъ чрезъ болѣе кроткаго и благоразумнаго баденскаго канцлера Вегуса; но всѣ старанія были тщетны. Лютеръ былъ уже увѣренъ, что вліятельнѣйшіе государи не допустятъ нарушенія императорскаго слова, еслибъ Карлъ былъ даже готовъ на это. Даже герцогъ Георгъ Саксонскій и братъ его, Генрихъ, который жилъ или, лучше сказать, прозябалъ въ Фрейбергѣ, не боялись говорить, что необходимо преобразовать церковь, хотя Георгъ былъ личный врагъ Лютера, а Генрихъ, не смотря на желаніе своей жены, до 1523 г. не рѣшался приступить къ реформаціи. Лудвигъ Пфальцскій ждалъ только отъѣзда императора, чтобы объявить себя въ ея пользу; Филиппъ Великодушный ландграфъ Гессенскій далъ Лютеру, въ день его отъѣзда изъ Вормса, свободный пропускъ чрезъ свои владѣнія; наконецъ курфирстъ Фридрихъ тайно извѣстилъ его, что по возвращеніи его въ Виттенбергъ, онъ мимоѣздомъ возьметъ его и скроетъ въ безопасномъ мѣстѣ отъ приговора, котораго ожидали отъ императора.

26 апрѣля Лютеръ благополучно уѣхалъ изъ Вормса. Онъ отправилъ назадъ даннаго ему императорскаго герольда, котораго обратилъ въ свою религію; бояться ему было нечего, и притомъ онъ не хотѣлъ ѣхать въ Виттенбергъ прямою дорогой. Онъ зналъ, что замаскированные всадники задержатъ его въ мейнингенскихъ владѣніяхъ и отвезутъ глухими дорогами въ замокъ Вартбургъ близь Эйзенаха, гдѣ все было приготовленно къ его пріему и содержанію. Это случилось 4 мая при Альтенштейнѣ и Швейнѣ. Пребываніе его въ Вартбургѣ хранилось въ строгой тайнѣ, пока евангелическо-соціалистская дѣятельность Карлштадта не побудила его проповѣдывать противъ утопистовъ, которые хотѣли быть, но не были его учениками.

Въ то время, какъ Лютеръ занимался въ Вартбургѣ переводомъ библіи на нѣмецкій языкъ, а городскія власти и князья олѣе или менѣе измѣняли церковный порядокъ и проповѣдовалочь чистое евангеліе, императоръ началъ въ Италіи войну, въ которой ему нуженъ былъ папа. Поэтому, по изчезновеніи Лютера, Карлъ предоставилъ папѣ и его легатамъ неистовстовать противъ него на словахъ. Онъ согласился издать противъ Лютера и его приверженцевъ императорское и сеймовое осужденіе и опалу. Приговоръ былъ постановленъ 26 мая, когда курфирстъ Саксонскій, ландграфъ Гессенскій и многіе другіе члены сейма уже уѣхали изъ Вормса; но чтобы показать, что приговоръ изданъ съ общаго согласія всѣхъ членовъ, Карлъ помѣтилъ его заднимъ числомъ, 8 мая. Императоръ, которому дѣло Лютера было важно лишь своею политическою стороной и который сочувствовалъ искуственному, а не задушевному краснорѣчію, поручилъ Алеандеру бывшему прежде секретаремъ Цезаря Борджіи, пріискать приличный предлогъ для объявлепіы опалы и написать этотъ актъ. Читатели могутъ судить по отрывку въ примѣчаніи о томъ, какъ выполнилъ это кардиналъ *).

*) Illum unum (т. е. Lutherum) non ut hominem sed ut diabolum ipsum sub hominis specie, ad perniciem generis humani assumta monachi cuculla, pluri-

Дѣло Лютера было второстепеннымъ на вормскомъ сеймѣ, самомъ блестящемъ и многолюдномъ въ новѣйшее время. Дѣло шло главнымъ образомъ объ учрежденіи имперскаго правительства и о прочномъ устройствѣ имперскаго верховнаго суда, потому что всѣ предвидѣли, что новый императоръ будетъ рѣдко пребывать въ имперіи. Объ этомъ толковали съ 3 января до мая, и Карлъ велъ переговоры съ чинами успѣшнѣе, чѣмъ Максимиліанъ, такъ какъ при немъ находился его воспитатель, де-Шіевръ. Де Шіевръ умеръ въ маѣ въ Вормсѣ. Историки говорятъ, что онъ былъ отравленъ съ своимъ племянникомъ, архіепископомъ толедскимъ, испанцами изъ ненависти и зависти; но мы не рѣшаемся повторять этотъ разсказъ.

Въ преніяхъ объ имперскомъ правительствѣ уже ясно видно стремленіе Карла возстановить императорское значеніе и положить конецъ пагубному многовластію. При Максимиліанѣ имперіей правилъ аристократическій сенатъ, а императоръ превратился въ пѣшку. Карлъ хотѣлъ исподоволь и постепенно обратить республику въ имперію и возстановить всѣ монархическія формы. Съ этою цѣлью онъ совершенно измѣнилъ составъ и самую сущность правительственнаго совѣта. Совѣтъ и его президентъ или, какъ онъ титуловался, намѣстникъ императора, со времени вормскаго сейма были уже не „королевскимъ и имперіи совѣтомъ", а „совѣтомъ его императорскаго величества въ имперіи"; намѣстникъ и совѣтники присягали отнынѣ не императору и имперіи, а только императору. Число членовъ должно было простираться до 22. Изъ нихъ четверо назначались императоромъ, въ качествѣ главы имперіи и эрцгерцога Австрійскаго; курфирсты назначали каждый по одному; прочіе князья, графы и прелаты — че-

---

morum haereticorum damnatissimas haereses jam diu sepultas in unam sentinam congessisse, aliquas etiam de suo excogitasse et sub simulata fidei praedicatione et Evangelicae veritatis professione omnem Evangelicam pacem et charitatem omnemque rerum ordinem et pulcherrimam denique ecclesiae faciem invertere, labefacare et penitus pessundare moliri.

тырехъ; восемь городовъ, поименованныхъ въ актѣ, — двухъ; шесть старыхъ имперскихъ округовъ — шестерыхъ. Всякій разъ, какъ императоръ пріѣзжаетъ въ Германію, правительственный совѣтъ долженъ собираться въ назначенномъ имъ городѣ, но не сѣвернѣе Кёльна и не южнѣе Аугсбурга. Правительственный совѣтъ былъ уполномоченъ произносить безапелляціонныя рѣшенія во всѣхъ имперскихъ дѣлахъ и „противъ враговъ христіанской вѣры". Но это постановленіе было написано въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что императоръ удерживалъ за собою всѣ важныя государственныя, судебныя и ленныя дѣла, и кромѣ того безъ его утвержденія нельзя было заключать внѣшнихъ союзовъ.

Имперскій верховный судъ былъ утвержденъ съ прибавленіемъ къ нему двухъ совѣтниковъ, назначаемыхъ императоромъ. Вестфальскіе тайные суды были оставлены. Но курфирсту Кёльнскому было поручено наблюдать за ними и представлять о нихъ доклады. Снова объявили вѣчный земскій миръ, и швабскій союзъ былъ продолженъ на 11 лѣтъ. Наконецъ велѣно было составить проэктъ германскаго уголовнаго кодекса, который впослѣдствіи сталъ извѣстенъ подъ именемъ уголовнаго свода Карла V и къ сожалѣнію во многихъ мѣстахъ пережилъ имперію.

Право первородства въ австрійскихъ владѣніяхъ въ германской имперіи не было еще введено, и братъ Карла, Фердинандъ, долженъ былъ получить удѣлъ; это семейное дѣло императора было также рѣшено на вормскомъ сеймѣ. Наслѣдственное отчужденіе германскихъ земель было признано неудобнымъ; но 28 апрѣля 1521 г. Карлъ предоставилъ своему брату верхнюю и нижнюю Австрію, Штирію, Каринтію и Крайнъ, удержавъ прежнія австрійскія земли въ Швабіи и Эльзасѣ, Тироль, Истрію, Фріуль и область отъ Тріеста до Градиски. Въ февралѣ 1522 г. Карлъ, оставивъ за собой Нидерланды и все наслѣдіе своего отца, Филиппа, отдалъ кромѣ того брату, полагавшемуся во всемъ на его рѣшеніе, земли въ Швабіи и Тиролѣ и потомственно

уступилъ ему Виртембергъ, а области въ Эльзасѣ—пожизненно. Въ 1540 Фердинандъ получилъ всѣ германскія габсбургскія области въ наслѣдственное владѣніе.

7. Отношенія Карла V къ Франціи, Англіи и Италіи до конца 1522 года.

Во время пребыванія своего въ Германіи Карлъ домогался союза съ Львомъ X, безъ котораго ему нельзя было вести войну въ Италіи; поэтому дѣйствія Карла противъ Лютера приписываютъ желанію угодить папѣ. Левъ X помышлялъ не только о расширеніи Церковной области, но и о пріобрѣтеніи для своего семейства Тосканы. Когда въ 1519 г. умеръ во Флоренціи его племянникъ Лоренцо, онъ присоединилъ къ Церковной области его герцогство Урбино, Синигалію и Пезаро, а во Флоренцію послалъ своего двоюроднаго брата, кардинала Юлія Медичи, такъ какъ въ то время онъ еще не думалъ сдѣлать владѣтелемъ Флоренціи Александра Медичи, считавшагося побочнымъ сыномъ Лоренцо, но бывшимъ вѣроятно сыномъ Юлія. Въ 1520 г. и въ началѣ слѣдующаго онъ хлопоталъ о союзѣ съ королемъ Францискомъ I французскимъ, чтобы отнять у испанцевъ Неаполитанское королевство и при раздѣлѣ его увеличить Церковную область; но содѣйствіе Карла V въ дѣлѣ Лютера и надежда пріобрѣсти герцогства Феррару, Парму и Піаченцу и владѣнія императорскихъ вассаловъ въ Церковной Области, чего не могъ доставить ему Францискъ, побудили папу разойтись съ Франціей и заключить противъ нея союзъ съ императоромъ.

О союзѣ императора съ папою хлопотали легаты, находившіеся въ Германіи во время вормскаго сейма (стр. 357). По мнѣнію Робертсона, заключенію этого союза и отклоненію Льва X отъ Франціи содѣйствовалъ донъ Хуанъ Мануэль, уже извѣстный намъ, какъ совѣтникъ Филиппа Бургундскаго (стр. 202). Донъ Хуанъ

оказалъ Филиппу такія услуги противъ Фердинанда Католика, что послѣдній смертельно возненавидѣлъ его и впослѣдствіи велѣлъ даже посадить въ тюрьму; по смерти Фердинанда, Карлъ освободилъ его и отправилъ посломъ въ Римъ, гдѣ онъ завелъ съ Львомъ переговоры. Союзный трактатъ между папою и императоромъ былъ заключенъ 8 мая 1521 г. Главнымъ условіемъ его было то, что если удастся изгнать французовъ изъ Милана, то герцогомъ миланскимъ будетъ сынъ Лудовико Моро, Франческо Сфорца, жившій до сихъ поръ въ Тридентѣ; братъ его, герцогъ Массимиліано Сфорца, находился съ 1515 г. въ плѣну во Франціи (стр. 276).

Король Францискъ не могъ прямо объявить войны императору и папѣ, зная, что въ такомъ случаѣ Генрихъ VIII соединится съ ними. Поэтому онъ началъ непріязненныя дѣйствія подъ предлогомъ защиты двухъ слабыхъ союзниковъ, молодаго короля Генриха II наваррскаго и Роберта де-ля Марка герцога Буйльона. Генрихъ II былъ сынъ и наслѣдникъ Іоанна д'Альбре, изгнаннаго Фердинандомъ Католикомъ изъ испанской Наварры (стр. 250); впослѣдствіи онъ женился на сестрѣ короля Франциска, Маргаритѣ. Такъ какъ ни онъ, ни отецъ его не отказывались отъ владѣнія этой страной, то Францискъ хотѣлъ воспользоваться междоусобной войной, вспыхнувшей въ Испаніи, чтобы доставить Генриху II его наслѣдство. Кромѣ того Францискъ былъ поручителемъ въ договорѣ о Наваррѣ, въ которомъ испанцы обѣщали изгнанному королю пенсію, но не выполняли обѣщанія. Робертъ де-ля Маркъ герцогъ Буйльонъ былъ долго вѣрнѣйшимъ другомъ Карла V и много содѣйствовалъ его избранію (стр. 310); но судебный приговоръ, произнесенный противъ него въ Нидерландахъ, сдѣлалъ Роберта врагомъ императора. Будучи опекуномъ князя Шиме, Робертъ поссорился съ господиномъ д'Эмери за фортъ, занятый Эмери на французской границѣ, и хотя послѣдній подчинился рѣшенію буйльонскаго рыцарства, но аппелировалъ Карлу, какъ своему покровителю. Карлъ, занявшій у него

денегъ, которыя возвратить не могъ и не хотѣлъ, выручилъ его изъ бѣды, передавъ дѣло нидерландскому верховному совѣту (conseil souverain des Pays-Bas). Совѣтъ рѣшилъ дѣло въ пользу Эмери, и вслѣдствіе этого герцогъ Буйльонъ былъ принужденъ искать помощи у французскаго короля. Онъ получилъ ее, благодаря интригамъ женщинъ; его жена, невѣстка и сынъ, маршалъ Флеранжъ, вели переговоры съ Луизой Савойской и убѣдили ее примирить герцога съ королемъ, дать ему денегъ и позволить маршалу Флеранжу ввести въ герцогство Буйльонское значительный французскій корпусъ. Чтобы дать Франциску предлогъ вмѣшаться въ споръ, генералъ прокуроръ парижскаго парламента обвинилъ нидерландскій верховный совѣтъ и послалъ на границу экзекутора пригласить императора или, какъ говорилось въ декретѣ, графа Карла Артуаскаго и Фландрскаго съ президентами и генералъ-прокуроромъ верховнаго суда, явиться лично въ парламентъ. Этотъ поступокъ былъ такъ же оскорбителенъ, какъ и смѣшонъ; герцогъ Буйльонъ также послалъ въ Вормсъ герольда объявить Карлу войну въ присутствіи всѣхъ князей, что даже дю Белле находитъ пошлымъ *).

Война между Карломъ V и принцами, которымъ покровительствовалъ и помогалъ король Францискъ, началась почти въ одно время въ Арденнахъ и въ Пиринеяхъ; она неизбѣжно должна была породить войну между Карломъ и самимъ Францискомъ. Робертъ де-ля-Маркъ и его сынъ, впослѣдствіи маршалъ Флеранжъ, вели сначала войну въ Нидерландахъ на свой счетъ. Война въ Нидерландахъ началась тѣмъ, что Робертъ де-ля Маркъ взялъ укрѣпленный городъ на границѣ люксембургской области.

---

*) Envoya le dict Messire Robert, deffier l'empereur en plaine Diette, chose qui fut trouvée et prise tant par l'empereur qu'autres princes en grand desdain, qu'un simple Seigneur (comme Messire Robert) envoyast deffier un empereur, seigneur de tant de pays et d'hommes belliqueux.

**) Fit noyer en la rivière de la Meuse quelques habitans de Liège, qu'il ognoissait estre partiaux pour son père.

Но Генрихъ Насеаускій, Францъ Зиккингенъ и Эмери собрали грозную армію наемниковъ, и даже епископъ люттихскій, братъ Роберта, объявилъ себя противъ него. Дю Белле, не находя въ томъ ничего дурнаго или удивительнаго, разсказываетъ, что епископъ безъ дальнѣйшихъ околичностей велѣлъ утопить всѣхъ, кого считалъ друзьями брата *). Графъ Нассаускій поступалъ такимъ же образомъ съ защитниками городовъ, взятыхъ имъ въ герцогствѣ Бульйонскомъ. Въ одномъ городѣ онъ велѣлъ немедленно по сдачѣ повѣсить коменданта, де Низелля, и двѣнадцать солдатъ. Въ Мюзокурѣ, гдѣ солдаты продали ему своего коменданта и крѣпость, онъ велѣлъ повѣсить двадцать изъ нихъ и убилъ бы и коменданта, если бы его собственные офицеры не убѣдили его не дѣлать этого.

Большая часть городовъ герцогства Бульйонскаго была завоевана и разрушена императорскими союзниками. Главный городъ Бульйонъ также сдался, а французское войско не пришло на помощь герцогу. Робертъ де-ля Маркъ и сынъ его были ратными товарищами Зиккингена, и при его посредничествѣ герцогъ получилъ шестинедѣльное перемиріе **). Тогда началась война во Фландріи и въ Пикардіи между Карломъ V и Францискомъ I. Войска Карла завоевали Мортань, Сентъ Аманъ и Турне и раззорили Муссонъ и Ардръ. Но они были принуждены снять осаду Мезьера, потому что самъ Францискъ шелъ противъ императорской арміи и вторгся въ Нидерланды; однако онъ принялъ посредничество, предложенное англійскимъ королемъ, и согласился на конгрессъ въ Кале.

На конгрессѣ въ Кале, начавшемся 4 августа 1521, уполно-

*) Fit noyer en la rivière de la Meuse quelques habitans de Liège, qu'il cognoissait estre partiaux pour son père.

**) Apres ceci Messire Robert de la Mark, voyant tautes les forces de l'Allemagne sur ses bras, trouva moyen d'obtenir une trefve de l'empereur pour six septmaines par le moyen de Francisque de Sickingen, son amy et frere juré.

моченнымъ Генриха VIII былъ кардиналъ Ульси, явившійся съ такою роскошью и пышностью, что превзойти его могъ только великолѣпный папа Левъ. Мы уже говорили, что Ульси давно былъ всемогущимъ лицемъ въ Англіи, потому что умѣлъ незамѣтно управлять, какъ ребенкомъ, жестокимъ деспотомъ, гордившимся своимъ могуществомъ и мудростью. Хотя онъ изгналъ изъ Англіи кардинала Адріана Корнето за то, что тотъ не доставилъ ему кардинальскую шапку, а помощника его засадилъ въ Тоуэръ (стр. 346), но въ 1515 году, по ходатайству французскаго короля, получилъ кардинальское достоинство. Съ этого времени онъ продавалъ дружбу и расположеніе своего короля, то Франциску, то Карлу. Чтобы угодить и польстить смѣшному тщеславію Генриха VIII, Францискъ увѣрялъ, что намѣренъ подчиниться приговору конгресса; но требованія, предъявленныя въ Кале императорскимъ канцлеромъ Гаттинарой, были слишкомъ неумѣренны. Это побудило кардинала Ульси, который передъ отъѣздомъ изъ Англіи хвасталъ, что можетъ уговорить императора на все, отправиться изъ Кале въ Брюгге, чтобы лично объясниться съ Карломъ. Ульси прибылъ въ Брюгге съ блестящей свитой въ 500 всадниковъ. Онъ былъ принятъ съ величайшими почестями и въ продолженіи трехъ дней велъ тайные переговоры съ Карломъ; они написали трактатъ, который былъ потомъ заключенъ въ Кале, но вначалѣ хранился въ тайнѣ.

Возвратившись въ Кале, Ульси объявилъ отъ имени Генриха VIII Франциску и императору, что они должны отозвать свои войска, а касательно завоеванныхъ крѣпостей ждать рѣшенія англійскаго короля. Но когда вмѣсто того Францискъ послалъ подъ предводительствомъ Бониве второе войско въ Наварру, кардиналъ сбросилъ маску безпристрастія и явно перешелъ на сторону императора. 11 октября 1521 года онъ объявилъ, что такъ какъ войну начала Франція, то англійскій король, въ силу прежнихъ договоровъ, долженъ принять сторону императора. За тѣмъ между императоромъ, папою и Генрихомъ VIII

былъ заключенъ договоръ, о которомъ Уольси хлопоталъ въ Брюгге. Говорятъ, что Карлъ V привлекъ къ себѣ Уольси надеждою на папскій престолъ, хотя на самомъ дѣлѣ не думалъ исполнять это обѣщаніе. Въ договорѣ, заключенномъ въ Кале, Генрихъ и Карлъ обязались положить предѣлъ завоеваніямъ французскаго короля и съ этою цѣлью вторгнуться весною 1522 г. съ значительными силами во Францію, если до тѣхъ поръ не будетъ заключенъ миръ. Въ другомъ параграфѣ уничтожалось обѣщаніе выдать дочь Генриха VIII, Марію, за дофина и полагалось, что на ней женится императоръ; это условіе было, какъ говорилось, установлено для блага христіанства въ виду турецкой войны, которую предполагали начать. Договоромъ этимъ кончилась въ ноябрѣ 1521 г. война французовъ въ Нидерландахъ.

Въ Пиринеяхъ Францискъ велъ войну сначала также не отъ своего имени; ближайшій родственникъ Генриха II наваррскаго и наслѣдникъ его, еслибъ онъ умеръ бездѣтнымъ, Андре де Фуа сеньёръ де л'Эпарръ, собиралъ войско для завоеванія французской Наварры; Францискъ помогалъ ему деньгами и побуждалъ своихъ вассаловъ вступать къ нему на службу. Въ началѣ это предпріятіе шло чрезвычайно счастливо, такъ какъ въ Испаніи свирѣпствовала междоусобная война, вслѣдствіе чего коннетабль и амиранте Кастиліи отозвали въ Кастилію лучшую часть войска противъ бунтовщиковъ, и даже самъ вице-король наваррскій, герцогъ Нахера, уѣхалъ изъ Наварры по той же причинѣ. Французы заняли всю Наварру тѣмъ болѣе, что Хименесъ разрушилъ всѣ ея крѣпости, за исключеніемъ Пампелуны. Но и Пампелуна сдалась непріятелю, когда былъ опасно раненъ защитникъ ея, Игнатій Лойола, прославившійся впослѣдствіи какъ святой и основатель ордена Іезуитовъ. Къ несчастію, л'Эпарръ не ограничился завоеваніемъ Наварры; спустившись съ горъ, онъ перешелъ Эбро, осадилъ Логрогно и для этой осады привезъ въ равнину тяжелую артиллерію. Скоро онъ былъ принужденъ снять осаду (11 іюня 1521 г.), потому что герцогъ Нахера собралъ значительное вой-

ско. Съ вице-королемъ соединились войска амиранте и коннетабля, незадолго передъ тѣмъ одержавшіе побѣду надъ мятежниками. Вмѣсто того, чтобы поспѣшно удалиться въ горы, л'Эпарръ безразсудно аттаковалъ 30 іюня испанцевъ въ долинѣ Эскиросъ. Онъ потерпѣлъ страшное пораженіе и потерялъ 6000 человѣкъ убитыми; остальныя войска были или разсѣяны, или погибли во время бѣгства. Самъ л'Эпарръ попалъ въ руки непріятеля; но испанецъ, взявшій его въ плѣнъ, самъ привезъ его во Францію.

Затѣмъ испанцы вступили во Францію, и заняли Гасконь, пока не подоспѣла королевская армія. Главнокомандующимъ Францискъ назначилъ любимца своей матери, адмирала Бониве, который считался несравненно лучшимъ придворнымъ, чѣмъ генераломъ. Бониве долго не могъ даже собраться въ дорогу, хотя Сенъ-Жанъ Пье де Поръ еще до его прибытія былъ отнятъ у непріятеля. Весь сентябрь и большая часть октября прошли въ военныхъ приготовленіяхъ, и когда наконецъ Бониве отправился, онъ пошелъ не въ Наварру, а въ Гвипускоа и во время переговоровъ, происходившихъ въ Кале, завоевалъ Фонтарабію, что дало поводъ англійскому королю обвинить Франциска въ стремленіи къ завоеваніямъ.

Для всеобщей исторіи Европы, война, начавшаяся въ 1521 г. въ Италіи, имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ набѣги въ Испанію и Нидерланды. Эта война была вызвана договоромъ, заключеннымъ 8 мая 1521 г. Львомъ X съ Карломъ V, хотя папа былъ еще союзникомъ Франціи (стр. 369); главной цѣлью ея было изгнаніе французовъ изъ Италіи и провозглашеніе миланскимъ герцогомъ Франческо Сфорца. Карлъ, папа и король Францискъ I стали дѣйствовать другъ противъ друга сначала черезъ приверженцевъ, которыхъ имѣли въ городахъ, гдѣ впродолженіе цѣлыхъ столѣтій происходила постоянно борьба партій; Но когда тайныя происки ихъ не удались, они открыто взялись за оружіе. Партія папы начала войну тѣмъ, что напала на Геную,

гдѣ господствовали французы. Послѣ того французы попытались напасть на Реджіо. Когда обѣ попытки не удались, война стала неизбѣжною.

Въ Генуѣ Фрегозо правили подъ покровительствомъ французовъ, а Карлъ V и папа поддерживали Фіеско и Адорно. Послѣдніе хотѣли внезапно напасть на противниковъ и низвергнуть ихъ. Джироламо Адорно долженъ былъ войти въ гавань съ испанскими галерами и призвать къ оружію свою партію въ то время, какъ братъ его, Антоніотто, нападетъ съ горной стороны. Но Оттавіано Фрегозо не допустилъ въ гавань флотъ Адорно и наблюдалъ за партіей ихъ такъ внимательно, что никто не посмѣлъ пошевельнуться. Что касается до попытки французовъ противъ Реджіо, то французскій намѣстникъ въ Миланѣ составилъ планъ овладѣть этимъ городомъ или, по крайней мѣрѣ, стараться, чтобы папскія войска и сторонники дома Сфорца не могли собираться близъ Пармы, откуда папа могъ завладѣть Пармою и грозить Милану. Въ Реджіо собрались всѣ приверженцы дома Сфорца, въ томъ числѣ бывшій миланскій канцлеръ, Петръ Мороне, который перешелъ сперва на сторону французовъ, но потомъ разошелся съ ними и желалъ воспользоваться. неудовольствіемъ миланцевъ на французское правительство. Со времени отозванія Тривульціо, намѣстникомъ Милана былъ Оде де-Фуа, сеньёръ де Лотрекъ. Но онъ жилъ въ Парижѣ, вслѣдствіе интригъ папскаго посланника и матери короля, ненавидѣвшій его, какъ члена фамиліи де Фуа, а также потому, что онъ женился на дѣвицѣ д'Альбре. Въ Миланѣ должность намѣстника исправлялъ братъ его, маршалъ де Фуа, сеньёръ де Лекёнъ. Присутствіе Мороне и другихъ сторонниковъ Сфорца въ Реджіо внушило Лекену подозрѣніе, и онъ рѣшился внезапнымъ нападеніемъ на папскаго намѣстника Реджіо застигнуть его въ расплохъ. Въ твердой увѣренности, что гарнизонъ Реджіо весьма слабъ, онъ внезапно явился 24 іюля 1521 г. передъ городомъ съ 400 всадниковъ и 1000 человѣкъ пѣхоты и просилъ папскаго намѣстника,

историка Гвиччіардини, выйдти къ нему за городскіе вороты для переговоровъ. Но Гвиччіардини наканунѣ вечеромъ впустилъ въ Реджіо значительное число свѣжихъ воиновъ. Пока Лекенъ говорилъ съ нимъ въ высохшемъ рвѣ передъ воротами, люди его, желая ворваться въ городъ, завязали ссору съ приверженцами Сфорца, стоявшими на городскихъ стѣнахъ; произошла схватка, и попытка французовъ не удалась. При этомъ миланцы, находившіеся въ Реджіо, убили Александра Тривульціо, и самъ Лекенъ былъ бы взятъ въ плѣнъ или даже убитъ, еслибъ Гвиччіардини не взялъ его съ собой въ городъ и, когда волненіе утихло, отпустилъ въ Миланъ.

Этотъ случай послужилъ папѣ желаннымъ предлогомъ сдѣлать гласнымъ въ кардинальской коллегіи договоръ, заключенный имъ съ Карломъ V. Когда число войскъ и миланскихъ эмигрантовъ возрасло въ Реджіо до значительныхъ размѣровъ, венеціанцы, бывшіе единственными союзниками французовъ, выступили въ походъ. Лотрекъ поспѣшно вернулся изъ Франціи въ Миланъ, предполагая идти противъ соединенныхъ силъ императора, папы, флорентинцевъ и маркграфа Мантуанскаго; но въ Миланѣ онъ не нашелъ ни денегъ, ни войска, между тѣмъ какъ непріятель уже собралъ значительную армію. Союзная армія состояла изъ 600 чел. флорентинской и папской и того же числа императорской конницы, 4000 хорошей испанской инфантеріи, 6000 итальянскихъ кондотьери и 6 или 8000 нѣмцевъ, граубинденцевъ и швейцарцевъ. Главнокомандующимъ былъ Просперъ Колонна; подъ его начальствомъ Федерико Гонзага Мантуанскій командовалъ папскими войсками, а маркизъ Пескара—императорскими.

Причина, по которой Лотрекъ не могъ ничего противопоставить этой арміи, зависѣла отъ веденія дѣлъ и управленія государствомъ во Франціи. Францискъ I былъ идеаломъ любезнаго француза и, какъ называютъ его сами французы, блестящаго короля. Подобно Лудовику XIV, съ которымъ онъ имѣетъ очень много общаго, Францискъ умѣлъ расположить къ себѣ высшее

дворянство турнирами, балами и блестящими празднествами, народъ — разными великолѣпными зрѣлищами, художниковъ — поощреніемъ искуствъ, ученыхъ — собираніемъ книгъ, рукописей и рѣдкостей всякаго рода. Издержки на все это долженъ былъ платить народъ, и пока Маро создавалъ новѣйшую поэзію, а Рабле новѣйшую прозу, дворянство и дворъ уже начали пожирать трудъ народа и презирать нравственность и религію. Даже Миланъ, который щадилъ Лудовикъ XII, терпѣлъ при Францискѣ отъ жестокихъ поборовъ; этотъ богатый городъ считался прибыльною собственностью. Францискъ долженъ былъ угнетать Ломбардію, потому что его расточительность и великолѣпіе, за которыя французскіе ораторы и писатели доселѣ не нахваляться имъ, не позволяли ему помнить въ счастливыя времена своего царствованія о черномъ днѣ. При самомъ же началѣ войны съ Карломъ V и папою ему пришлось дорого поплатиться за свое легкомысліе. Французская казна была совершенно истощена, и не было никакой возможности назначить новые налоги; герцогство же миланское было совершенно раззорено гнетомъ самого Франциска и алчностью французовъ; поэтому множество жителей выѣхали изъ герцогства, а другіе были раззорены политическими процессами. Недоставало даже войскъ; они были частью распущены, потому что кончился срокъ ихъ службы, частью разошлись, потому что не получали жалованья. Кромѣ того Францискъ пересталъ заниматься организаціей стройной пѣхоты, которую думалъ учредить въ первое время царствованія; деньги нужны ему были на другое.

При такихъ обстоятельствахъ Лотреку, разумѣется, не хотѣлось ѣхать изъ Парижа въ Миланъ, и онъ только тогда отправился, когда королевскій министръ финансовъ (Surintendant des finances), Санблансе, побожился ему, что онъ или найдетъ въ Миланѣ или немедленно получитъ 400,000 талеровъ. Повѣривъ этому обѣщанію, не исполненному даже и въ слѣдующемъ году, Лотрекъ снова призвалъ швейцарцевъ, всегда готовыхъ идти за деньги; они одни могли противиться несравненной испанской

пѣхотѣ. Но покинутый своимъ правительствомъ, Лотрекъ долженъ былъ по турецки добывать деньги для швейцарцевъ. Онъ обложилъ контрибуціей всю Ломбардію, и страшными мѣрами принудилъ всѣхъ, считавшихся зажиточными, отдать ему всѣ наличныя деньги и достать сверхъ того большія суммы. Для французовъ было счастьемъ, что императоръ также нуждался въ деньгахъ, и что Просперъ Колонна, расположившійся съ союзною арміею близь Пармы, дѣйствовалъ медленно и нерѣшительно. Послѣ долгой проволочки, Колонна началъ въ августѣ осаду Пармы и и уже взялъ половину города, но отступилъ. Съ обѣихъ сторонъ главную силу составляли швейцарцы. Мы не ручаемся за достовѣрность числа, но говорятъ, что Лотрекъ призвалъ въ Италію 20,000 швейцарцевъ; въ французской же арміи въ Нидерландахъ ихъ было 12,000. Французскаго главнокомандующаго упрекали въ томъ, что онъ, послушавъ неблагоразумныхъ совѣтовъ, не аттаковалъ непріятеля, пока ему служили швейцарцы, которыхъ злило его высокомѣрное, повелительное и хвастливое обращеніе. Въ папскихъ войскахъ легаты, Юлій Медичи и извѣстный Матвѣй Шиннеръ, сносились съ швейцарцами и умѣли надувать и добродушныхъ и суевѣрныхъ поселянъ поповскими штуками и популярностью знатныхъ господъ.

Когда Лотрекъ не могъ болѣе платить, войско его стало видимо слабѣть. Сначала онъ расположился лагеремъ за Аддой, но потомъ отошелъ назадъ къ Милану съ 4000 человѣкъ оставшихся у него швейцарцевъ. Въ Миланѣ готовилось вспыхнуть возстаніе, подготовленное въ пользу Франческо Сфорцы II и ожидавшее только прибытія Петра Мороне. Отрядъ императорской кавалеріи подъ начальствомъ маркиза Пескары слѣдовалъ за французскимъ генераломъ и 19 ноября 1521 г. внезапно явился передъ воротами Милана. Войско Лотрека было разсѣяно; братъ его спалъ, а самъ онъ беззаботно ходилъ по улицамъ, когда пришла вѣсть, что маркизъ Пескара впущенъ въ городъ. Онъ поспѣшно уступилъ Миланъ союзникамъ, очистилъ Комо и распо-

ложился на зимнія квартиры въ венеціанскихъ владѣніяхъ. Еще въ декабрѣ Петръ Мороне провозгласилъ въ Миланѣ молодаго Франческо Сфорца герцогомъ; но перевезти его изъ Тридента въ Миланъ было трудно, потому что цитадель была еще занята французами. Франческо пришлось пробыть нѣкоторое время въ Павіи, но наконецъ съ большими трудностями онъ добрался до Милана. Лотрекъ снова отнялъ у непріятеля Кремону, и такъ какъ Треццо, миланская и новарская цитадели, Арона и другія мѣста были еще заняты французами, то въ началѣ будущаго года Лотрекъ могъ снова перейти Адду.

Въ это время умеръ Левъ X, всего сорока шести лѣтъ (1 декабря 1521 г.). Уже въ январѣ 1522 г. былъ избранъ на его мѣсто учитель и кастильскій намѣстникъ Карла V, принявшій имя Адріана VI. Онъ пробылъ еще нѣкоторое время въ Испаніи и прибылъ въ Римъ только въ концѣ августа. Вниманіе Италіи было обращено не столько на него, сколько на двухъ членовъ дома Медичи, изъ которыхъ Юлій, былъ кардиналомъ, а впослѣдствіи папою подъ именемъ Клемента VII; онъ принадлежалъ къ старшей линіи дома Медичи и былъ побочнымъ сыномъ брата Лоренцо Великолѣпнаго, Юліана. Другой, Іоаннъ, происходилъ отъ младшаго брата Косьмы Медичи и былъ членомъ младшей линіи и родоначальникомъ будущихъ великихъ герцоговъ Тосканскихъ *). По смерти Льва X они держались двухъ различныхъ партій. Юлій оставался вѣрнымъ политикѣ покойнаго папы; Іоаннъ, напротивъ того, далъ французамъ небольшой, но превосходный корпусъ, сформированный имъ самимъ. Онъ состоялъ изъ 3000 человѣкъ пѣхоты и 200 всадниковъ, изъ которыхъ первые прославили итальянскую пѣхоту; Іоаннъ тщательно выбралъ и выучилъ ихъ, какъ Наварро свою испанскую пѣхоту. Онъ далъ этому грозному отряду черныя знамена въ знакъ траура по покойному родственнику своему, Льву X; поэтому ихъ, какъ войска

---

*) См. генеалогическую таблицу т. IX, стр. 424

Льва X и другихъ (стр. 243 и стр. 259), называли впослѣдствіи черными шайками.

Между тѣмъ Джироламо Адорно и Георгъ Фрундсбергъ съ поразительною быстротою провели нѣмецкихъ наемниковъ черезъ Вальтелину и бергамскую область въ Миланъ, на который Лотрекъ тщательно нападалъ. Убѣдясь въ возможности взять Миланъ, Лотрекъ обратился противъ Павіи. Маркизъ Пескара, защищавшій этотъ городъ, былъ сильно стѣсненъ непріятелемъ; но на помощь къ нему явился Просперъ Колонна. Лотрекъ думалъ разстроить планы императорскаго генерала искусными маневрами; но швейцарскіе отряды, которыхъ онъ съ трудомъ удерживалъ при себѣ, требовали рѣшительной битвы. Они подняли крикъ: „завтра или отпускъ намъ, или битву!“ Поэтому Лотрекъ принужденъ былъ противъ воли начать сраженіе, хотя войско Проспера Колонны стояло за глубокимъ оврагомъ. Сраженіе произошло 29 апрѣля 1522 г. близъ виллы Бикокка, около $1^1/_2$ мили отъ Милана и кончилось совершеннымъ пораженіемъ французской арміи. 8000 швейцарцевъ Лотрека, начавшіе битву, увидѣли, что настало время, когда личной храбрости и силы недостаточно, и для побѣды нужны артиллерія и тактика. Противъ нихъ стояли два лучшіе тактики и стратеги XVI столѣтія, Георгъ Фрундсбергъ и маркизъ Пескара; ядра и пули союзниковъ истребляли швейцарцевъ прежде, чѣмъ они дошли до оврага. Не добравшись до непріятеля, швейцарцы лишились 3000 человѣкъ и должны были отступить; впрочемъ они спасли порученную имъ артиллерію и отступили въ порядкѣ. Потери ихъ были бы гораздо больше, если бы Гритти съ венеціанцами и черныя шайки Іоанна Медичи не прикрыли отступленія.

Послѣ пораженія удержать швейцарцевъ не было возможности, и потому Лотрекъ вмѣстѣ съ ними удалился изъ Италіи. Братъ его, маршалъ де Фуа, остался, чтобы спасти, что можно. Король не хотѣлъ принимать Лотрека, который едва добился черезъ коннетабля Карла Бурбона, чтобы выслушали по крайней

мѣрѣ его оправданіе. Лотрекъ доказалъ, что единственною причиною потери Италіи была недоставка денегъ, обѣщанныхъ интендантомъ Санблансе. Король, почитавшій министра, какъ отца, потребовалъ отъ него отчета, куда дѣлись 400,000 талеровъ, отпущенныхъ для Италіи. Санблансе квитанціями доказалъ, что ихъ забрала мать короля, Луиза Савойская. Луиза же утверждала, что деньги, полученныя ею отъ Санблансе, были ея собственныя. Кто укралъ деньги, интендантъ ли или королева-мать, мы не беремся рѣшать; однако министръ поплатился за это. Личный врагъ его, канцлеръ Дюпра, назначилъ надъ нимъ комиссію, какъ это съ тѣхъ поръ всегда дѣлалось во Франціи. Подобныя комиссіи составлялись съ цѣлью, во что бы то ни стало осудить обвиненнаго. Санблансе былъ осужденъ и въ 1527 г. умеръ на висѣлицѣ на шестедесятъ второмъ году жизни.

Со времени Франциска I государственная исторія Франціи вертится на любовницахъ, волокитствахъ, интригахъ женщинъ и придворныхъ. Изъ жизни матери короля французы сдѣлали цѣлый романъ, и вообще трудно довѣрять такимъ сборникамъ анекдотовъ, какъ напримѣръ сочиненіе Брантома. Однако и другіе разсказываютъ о любовницѣ короля, госпожѣ Шатобріанъ, что она дала своимъ братьямъ, Лотреку, Лекену и л'Эпарру возможность погубить французскіе интересы въ Италіи и Наваррѣ. Разсказываютъ на всѣ лады, что мать короля ненавидѣла братьевъ госпожи Шатобріанъ, портила все, что̀ они предпринимали, любила коннетабля Карла Бурбона и потомъ, за отвергнутую любовь свою, преслѣдовала его, и т. п.; мы съ намѣреніемъ пропускаемъ все это.

Въ маѣ 1522 г. французы потеряли и Генную. Лишь только войско Лотрека было разсѣяно, передъ городомъ, защищаемымъ Оттавіано Фрегозо и Педро Наварро, явились съ моря Адорно и Фіеско, а съ горной стороны маркизъ Пескара. Наварро и Фрегозо, ожидавшіе французской помощи, чтобы выиграть время вошли въ переговоры о капитуляціи съ Адорно. Но маркизу

Пескара это показалось слишкомъ скучно; онъ велѣлъ бить бреши и повелъ своихъ солдатъ на приступъ. Когда императорскія войска ворвались въ городъ съ горной стороны, союзники ихъ, занимавшіеся въ гавани переговорами, также бросились рѣзать, грабить и раззорять. Антоніотто Адорно получилъ санъ дожа, и французская партія была вытѣснена императорской со всѣхъ должностей. 26 мая Лекенъ былъ принужденъ заключить съ Колонной и Пескарой условіе, по которому обязывался выйти изъ страны, очистивъ всѣ мѣста, кромѣ цитаделей Новары, Милана и Кремоны, если по истеченіи сорока дней въ Италію не прійдетъ новое французское войско. По прошествіи этого срока онъ удалился.

Въ 1522 г., императоръ Карлъ V, на пути въ Испанію заѣхалъ въ Англію и убѣдилъ Генриха VIII объявить Франціи открытую войну. Хотя нападеніе англичанъ за сѣверныя провинціи Франціи весьма мало повредило Франциску I, но оно отвлекало его вниманіе и препятствовало безпокоить владѣнія Карла, который могъ исключительно заняться дѣлами Италіи и Испаніи.

8. Возстаніе кастильскихъ городовъ противъ Карла I (V).

Мы уже сказали (стр. 295 и 345), что еще до отъѣзда Карла въ Германію, въ Кастиліи начиналось возстаніе городовъ, и въ то самое время, какъ Карлъ уѣзжалъ въ 1520 г. изъ Испаніи, Толедо подалъ сигналъ къ соединенію всѣхъ кастильскихъ городскихъ общинъ противъ министерства и дворянскихъ привиллегій. Толедо выставилъ многочисленное инсуррекціонное войско, и два знатныхъ дворянина, Хуанъ де Падилья и Фердинандъ д'Авалосъ, дѣйствовавшіе какъ демагоги, велѣли задержать себя въ Толедо силою, когда Карлъ передъ отъѣздомъ требовалъ ихъ въ Сан-Яго. 17 мая 1520 г.

возстаніе вспыхнуло и въ Мурсіи. Здѣсь составилось верховное народное правленіе, прежнія власти потерпѣли жестокія оскорбленія, и на ихъ мѣсто общей подачей голосовъ было выбрано новое правительство. Тоже повторилось и въ Сеговіи. Когда 29 мая депутаты кортесовъ, состоявшіе въ Сеговіи, какъ и вездѣ, изъ старшинъ и членовъ городской думы, хотѣли отдать отчетъ въ томъ, что произошло на послѣднемъ собраніи кортесовъ, среднее сословіе возстало и учредило родъ республики. Самора и Вальядолидъ послѣдовали примѣру этихъ городовъ, и даже саморскій епископъ, донъ Антоніо д'Акугна, присталъ къ партіи гражданъ. Мадридъ, Бургосъ, Авила, Гвадалахара и Куэнса тоже примкнули къ движенію.

Епископъ Адріанъ, назначенный Карломъ намѣстникомъ Испаніи, хотя былъ добръ, кротокъ и ученъ, но увлекся надеждой, что строгимъ наказаніемъ Сеговіи можно подавить грозящее возстаніе. Поэтому въ началѣ іюня 1520 г. онъ послалъ въ Сеговію королевскаго чиновника, Ронкильо, котораго жители давно ненавидѣли за его строгость. При помощи Толедо они оказали сопротивленіе войску, приведенному Ронкильо; вспомогательныя войска городовъ, подъ начальствомъ Падильи, Санаты и Браво, принудили королевскій отрядъ къ отступленію. Тогда Адріанъ послалъ на помощь Ронкильо донъ Антоніо да Фонсеку, котораго Карлъ назначилъ главнокомандующимъ всею королевскою арміею. Но когда Фонсека хотѣлъ вывезти противъ Сеговіи орудія, хранившіяся въ арсеналѣ Медины дель Кампо, граждане этого города возстали и не подпустили генерала къ арсеналу. Фонсека велѣлъ штурмовать городъ, и солдаты совершали при этомъ такія звѣрства, что и прочіе города отказались повиноваться, если не королю, то правительству. Толедскіе граждане даже срыли до основанія домъ Фонсеки. Адріанъ испугался и выказалъ все свое малодушіе; онъ объявилъ недѣйствительнымъ всѣ насильственныя мѣры и отрекся отъ распоряженій королевскаго главнокомандующаго. Фонсека отправился въ Португалію, а оттуда во

Фландрію къ императору. Такимъ образомъ Падилья достигъ цѣли и сталъ готовиться къ учрежденію республики, которой несчастная мать Карла должна была придать видъ монархіи.

Эти обстоятельства, доставившія союзу городовъ много членовъ, происходили съ половины мая до половины сентября. Но уже въ іюлѣ депутаты всѣхъ городовъ, имѣвшихъ право участвовать въ собраніи государственныхъ чиновъ (кортесовъ), съѣхались въ Авилѣ и условились составить общую хунту или союзъ городовъ. Но они зашли слишкомъ далеко въ своихъ требованіяхъ и этимъ доставили своимъ врагамъ случай возстановить противъ нихъ всѣхъ. Скоро граждане были покинуты сельскимъ населеніемъ и пролетаріями городовъ, и промахи ихъ — что повторилось въ наше время во Франціи—дали поводъ и какъ бы нѣкоторое право совершенно уничтожить гражданскую свободу и ослабить значеніе кортесовъ. Еще при Карлѣ начали мало по малу пренебрегать кортесами; при сынѣ его, Филиппѣ II, оставался уже только призракъ свободы,

Чувство, породившее возстаніе кастильскихъ городовъ, было то же, которое произвело французскую революцію. Это доказываютъ требованія городского конвента Авилы. Онъ требовалъ отмѣны дворянскихъ привиллегій и преимуществъ, которыя сдѣлали среднее сословіе слугою другихъ, преобразованія кортесовъ, свободы и независимости ихъ совѣщаній, новыхъ общинныхъ порядковъ, лучшаго выбора чиновниковъ, распространенія податей на дворянство и возвращеніе государственныхъ имуществъ, отчужденныхъ съ 1504 г. Прежнія городскія власти должны были уступить мѣсто лицамъ, выбраннымъ общей подачею голосовъ. Впрочемъ, во многихъ городахъ выборъ палъ на людей очень ненадежныхъ, и это въ самомъ началѣ повредило испанской гражданской революціи.

Приведенныхъ нами требованій достаточно для примѣра; остальныя можно найдти въ спеціальныхъ историческихъ сочиненіяхъ. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, все этои и къ чему не привело.

Правительство, учрежденное авильскою хунтою, отправило депутатовъ въ Германію представить королю свои требованія; но посланные не рѣшились явиться къ Карлу. Между тѣмъ Падилья, отъ имени городоваго конвента, принялъ самыя рѣшительныя мѣры. Онъ насильственно овладѣлъ матерью Карла, которую испанцы, не взирая на ея сумасшествіе, все еще считали царствующей королевой; въ одну изъ ея свѣтлыхъ минутъ онъ вывелъ ее къ народу и вызвалъ хунту въ Тордезильясъ, который назначилъ резиденціей правительства. Но королева Іоанна снова впала въ сумасшествіе, и ее никакъ не могли заставить подписать приготовленные акты. Адріанъ былъ формально отставленъ; ему дозволили только жить въ Вальядолидѣ, не принимая участія въ дѣлахъ, но онъ бѣжалъ въ укрѣпленный замокъ Ріосеко. Хунта принимала такимъ образомъ крайнія мѣры; въ то же время пробудились королевская партія и рыцарство, которыхъ съ сентября среднее сословіе каждый мѣсяцъ глубоко оскорбляло. Они вывели въ поле своихъ вассаловъ. Андалузскіе же города, Севилья, Кордова, Хересъ и Гранада, не хотѣли и слышать о революціи.

Въ концѣ сентября императоръ отправилъ изъ Фландріи въ Испанію Луиса Уртадо и уполномочилъ коннетабля и амиранте помогать войсками регенту Кастиліи (Адріану). Адріанъ находился въ Ріосеко, а коннетабль въ Бургосѣ и вскорѣ къ нимъ собралось войско, которое было еще усилено корпусомъ амиранте; кромѣ того, какъ мы уже сказали (стр. 374), съ ними соединился герцогъ Нахера. Граждане также выставили многочисленное войско; но у нихъ не было кавалеріи, а пѣхота ихъ не могла противиться опытнымъ королевскимъ полкамъ. Къ тому же имъ не посчастливилось въ выборѣ полководца. Такъ какъ у нихъ не было офицеровъ изъ гражданъ, то они выбрали въ главнокомандующіе знатнаго человѣка изъ рыцарскаго сословія, дона Педро де Жирона. Этотъ выборъ обидѣлъ обоихъ патриціевъ, дона Падилью и дона Педро Лаго, которые думали,

что революція обязана имъ очень многимъ; сверхъ того, какъ часто бываетъ при народныхъ движеніяхъ, граждане на каждомъ шагу подозрѣвали своихъ начальниковъ, выбранныхъ изъ другаго сословія, въ измѣнѣ. Въ концѣ ноября донъ Педро де Жиронъ съ 10,000 пѣхоты, 400 латниковъ и 800 легкой кавалеріи двинулся противъ Ріосеко; королевское войско, начальство надъ которымъ амиранте и коннетабль передали донъ Гаро, выступило на встрѣчу ему. Послѣ нѣсколькихъ маневровъ королевская армія, предводимая опытнѣйшими генералами, обошла нестройныя и дурно управляемыя войска хунты и 5 декабря 1520 г. неожиданно явилась передъ Тордезильясомъ, который былъ взятъ приступомъ; королевскіе генералы овладѣли королевою Іоанною, печатью, архивомъ и частью депутатовъ хунты. Это было смертельнымъ ударомъ для юной республики, палладіумомъ которой была королева. Падилья, замѣнившій донъ Жирона, не могъ поддержать единства и порядка, равно какъ и совѣтъ тринадцати, назначенный ермандадой. Анархія взяла верхъ, и во всѣхъ частяхъ государства забушевала чернь. Это принудило всѣхъ любителей законности примкнуть къ дворянству и къ правительству Карла.

Не стоитъ разсказывать подробности этого междоусобія. Мы должны упомянуть только, что Падилья и епископъ саморскій вступили въ сношенія съ французами, которые вторглись въ Наварру подъ начальствомъ де-л'Эпарра (стр. 374). Епископъ былъ такой рьяный революціонеръ, что составилъ отрядъ изъ духовенства, отличавшійся при защитѣ Тордезильяса. Было рѣшено, что войско общинъ приблизится къ французамъ, которые перейдутъ къ нимъ черезъ Эбро. Л'Эпарръ вышелъ изъ Наварры, за которую не безпокоился, и осадилъ Логрогно; но королевское войско помѣшало соединенію городскихъ отрядовъ съ французами. При приближеніи королевской арміи Падилья былъ принужденъ отступить; но 23 апрѣля 1521 г. онъ былъ настигнутъ при Вальятарѣ, на голову разбитъ, взятъ въ плѣнъ съ

епископомъ саморскимъ, и оба они казнены, Вслѣдъ за тѣмъ французы были также побѣждены и выгнаны изъ Наварры, и въ теченіи 1521 года въ Испаніи водворился старый порядокъ.

Началась страшная месть и реакція, пока не явился король Карлъ и не объявилъ амнистіи. Толедо долго сопротивлялся, потому что вдова Падильи, донна Марія Пачеко, внушала мужчинамъ и женщинамъ геройство и патріотизмъ, которыми отличалась сама. Она пріобрѣла себѣ безсмертную славу; но свобода городовъ погибла безвозвратно. Вдова Падильи бѣжала съ сыномъ въ Португалію, гдѣ умерла печальнымъ образомъ. Въ слѣдующемъ году война продолжалась въ разныхъ мѣстахъ Испаніи; но ее вело почти исключительно дворянство, которому ни тогда, ни потомъ не было дѣла до городскихъ правъ. Впрочемъ это междоусобіе устранило главную причину недовольства правленіемъ Карла. Нидерландцы частью погибли, частью были выгнаны. Адріанъ получилъ папскую тіару и уѣхалъ въ Римъ, а Карлъ сталъ бояться назначать въ Испанію иностранцевъ.

Въ октябрѣ 1522 г. Карлъ возвратился въ Италію; возмущеніе уже было подавлено. Онъ объявилъ амнистію и казнилъ 28 человѣкъ. Мы впрочемъ сомнѣваемся въ этой цифрѣ, потому что въ виду новаго похода, который Францискъ замышлялъ въ слѣдующемъ году, Карлъ долженъ былъ дѣйствовать мягко и осторожно. Онъ не рѣшился даже уничтожить совершенно кортесы, но, воспользовавшись враждой, которую война поселила между сословіями и униженіемъ средняго сословія, мало по малу лишилъ собраніе чиновъ всякаго значенія. Онъ рѣдко созывалъ ихъ; сзывая, заставлялъ вотировать большія субсидіи; собиралъ сословія въ разныхъ мѣстахъ, не допуская между ними общенія и получалъ согласіе отдѣльно отъ каждаго. Городамъ король былъ нуженъ противъ духовенства и дворянства; поэтому дворянъ вовсе не спрашивали въ дѣлахъ, касающихся налоговъ; когда опасались сопротивленія со стороны городскихъ депута-

товъ, то не созывали ихъ въ собраніе, а спрашивали городскія думы порознь.

9. Войны Карла V и Франциска I съ 1523 по 1529 г.

По подавленіи испанскаго возстанія, вниманіе императора обратилось на Италію. Новый папа Адріанъ VI не понравился итальянцамъ и испанцамъ, потому что былъ простой, честный и религіозный человѣкъ. Художественное, романтическое христіанство, которое оставилъ ему его предшественникъ, было ему не по сердцу, и онъ не скрывалъ своего негодованія на злоупотребленіе религіей ради политическихъ или эгоистическихъ цѣлей. Его обвиняли, что мнѣнія его содѣйствовали распространенію ереси въ Германіи и Швейцаріи. Итальянцы жаловались, что, въ угоду императору, онъ дозволяетъ истощать и угнетать Италію. Какъ ученый богословъ, Адріанъ жестоко преслѣдовалъ въ Италіи евреевъ, мусульманъ и марранъ, а въ Азіи и Америкѣ дикарей; въ Италіи же онъ хотѣлъ возстановить миръ. Когда Генрихъ VIII и Францискъ I стали готовиться къ войнѣ, онъ издалъ буллу, въ которой увѣщевалъ государей принять его посредничество и обратить противъ турокъ силы, которыя они намѣрены употребить другъ противъ друга. Карлъ, Генрихъ и Францискъ послали для виду пословъ въ Римъ; но пока они вели безполезные переговоры, войска Карла угнетали Италію. Просперъ Колонна платилъ своимъ наемникамъ и содержалъ ихъ на деньги, выжатыя изъ итальянскихъ государствъ. Войска эти квартировали частью въ герцогствѣ миланскомъ, частью въ Церковной Области. Для уплаты другимъ войскамъ неаполитанскій вице-король, Ланнуа, бралъ ежемѣсячную подать съ миланцевъ, генуэзцевъ, флорентинцевъ и луккцевъ. Одинъ Миланъ платилъ на жалованье императорскимъ войскамъ 20,000 дукатовъ ежемѣсячно, Флоренція 15,000, Генуя 6,000, Сіэна 5,000

и т. д. Монтферратъ, Салуццо и всѣ мѣстечки, гдѣ стояли императорскія войска, были обложены контрибуціей.

Вся Италія соединилась съ Карломъ V противъ Франциска I: венеціанцы по своему обыкновенію еще въ прошлогоднемъ походѣ играли двухсмысленную роль, а теперь окончательно возстали противъ французовъ, противъ которыхъ дѣйствовалъ и папа Адріанъ, склоненный къ тому своимъ соотечественникомъ, неаполитанскимъ вице королемъ, (28 іюня 1523 г); Геную присоединили къ императорской партіи Адорно, а Флоренцію—Медичи; Франческо Сфорца былъ игрушкою императорскихъ генераловъ. Не смотря на это, французскій король рѣшился снова завоевать Италію. Однако въ 1524 году походъ былъ невозможенъ, потому что императоръ и король англійскій побудили къ неслыханному поступку ближайшаго родственника Франциска и перваго сановника и вассала его, Карла Бурбона.

Карлъ II графъ Монпансье бракомъ съ наслѣдницею Петра II Бурбона сдѣлался герцогомъ Бурбономъ; король Францискъ и мать его, Луиза Савойская, часть оскорбляли его и наконецъ начали оспаривать у него владѣнія его тестя. Объ отверженной любви королевы матери предоставляемъ разсказывать тѣмъ, кто желаетъ доискиваться до этого; приводимые нами факты достаточно доказываютъ, что король и его мать не любили своего гордаго, расточительнаго и обремененнаго долгами родственника. Напримѣръ, въ Муленѣ, гдѣ Карлъ Бурбонъ жилъ съ царскою роскошью, онъ угощалъ Франциска впродолженіе двухъ недѣль съ безумнымъ великолѣпіемъ и давалъ блестящіе пиры; но король не заплатилъ ему его пенсіи. Францискъ сначала отдалъ герцогу Карлу миланское намѣстничество; но потомъ отнялъ и передалъ одному изъ своихъ придворныхъ, Лотреку. Далѣе, въ 1521 г., при походѣ противъ Валансьена, Францискъ ввѣрилъ начальство авангардомъ, принадлежавшее Карлу, какъ коннетаблю, не ему, а своему зятю, герцогу Алансону и маршалу Шатильону. Но главной причиной неудовольствія Карла на короля и его мать былъ процессъ, затѣян-

ный по смерти жены Карла въ 1521 г. противъ него о наслѣдствѣ его тестя, Петра II Бурбона.

Карлъ Бурбонъ давно владѣлъ этимъ наслѣдствомъ, какъ вдругъ король Францискъ объявилъ герцогство Бурбонское выморочнымъ государственнымъ леномъ, а Луиза Савойская утверждала, что Божоле, Овернь, Ла Маршъ, Форе и Донбъ должны отойти къ ней, какъ дочери и наслѣдницѣ сестры Петра II, жены Филиберта Савойскаго. Послѣднее основывалось на спорѣ о правахъ, котораго разбирать мы не станемъ; но, кажется, право было на сторонѣ Карла. Юристы крючкотворцы не хотѣли согласиться съ этимъ, и Карлъ, не смотря на всѣ старанія своего адвоката, не могъ добиться даже, чтобы сняли запрещеніе, наложенное на всѣ его имѣнія. Поэтому онъ вошелъ въ переговоры съ Генрихомъ VIII и Карломъ V, съ первымъ черезъ Русселя, а съ вторымъ черезъ Адріана Бюрена. Эти посредники довели герцога Бурбона до того, что въ то время, какъ Францискъ снаряжалъ войско противъ священнаго союза, устроеннаго въ Италіи Адріаномъ VI, онъ переписывался съ Карломъ V изъ своей резиденціи, Мулена. Мы умалчиваемъ объ обѣщаніяхъ, которыми обманывали Карла Бурбона при этихъ переговорахъ. Достовѣрно, что Карлъ V и Генрихъ VIII обѣщали дать ему денегъ для найма 12,000 человѣкъ, съ которыми онъ предполагалъ вторгнуться въ Бургундію, когда Францискъ I уведетъ свою армію за Альпы; онъ намѣревался завоевать такимъ образомъ наслѣдство своего тестя. Упоминаютъ еще о предполагавшемся, будто бы, бракѣ герцога Бурбона съ сестрою Карла V, вдовствующею королевою португальской, Элеонорой, и о королевствѣ Прованса и Дофине, которое будто бы хотѣли создать для него; но это выдумка.

Король Францискъ хотѣлъ лично принять начальство надъ арміей, предназначенной въ Италію, оставивъ свою мать правительницей, а герцога Бурбона намѣстникомъ (lieutenant general); но въ Ліонѣ онъ узналъ о заговорѣ герцога съ его врагами и

перемѣнилъ намѣреніе. Понятно, что извѣстіе о союзѣ враговъ съ первымъ лицемъ въ государствѣ, коннетаблемъ Франціи и намѣстникомъ Лангедока, могло побудить Франциска остаться; стоило бы только вспомнить титулы и права Карла. Онъ назывался герцогомъ де-Бурбоне, графомъ де-Монпансье, де-Меркёръ, де-ла-Маршъ, де-Клермонъ-танъ-Бовуази, де-Форе, де-Божоле и княземъ де-Донбъ. Въ большей части его громадныхъ владѣній у него кромѣ того сохранились старинныя привиллегіи коронныхъ вассаловъ; онъ созывалъ чины, собиралъ налоги, содержалъ собственныя крѣпости и войска и имѣлъ королевскій дворъ, какъ нѣкогда Карлъ Смѣлый Бургундскій. По словамъ Брантома, на пирахъ, которые онъ задавалъ королю въ Муленѣ, при его дворѣ служили 500 дворянъ, одѣтыхъ въ рѣдкія для того времени бархатныя платья съ тяжелыми золотыми цѣпями, три раза обернутыми вокругъ шеи.

Получивъ это извѣстіе, король, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ армію, отправился въ Муленъ и просилъ коннетабля сопутствовать ему; но герцогъ прикинулся больнымъ и поспѣшилъ въ свой за̀мокъ Шантильи. Когда королевскія войска хотѣли аттаковать за̀мокъ, онъ пробрался чрезъ Шанбери и Безансонъ въ Германію; здѣсь онъ набралъ войско и въ слѣдующемъ году повелъ его въ Италію, гдѣ ему предложили или идти въ Испанію, или оставаться въ Италіи: онъ предпочелъ послѣднее. Между тѣмъ, вмѣсто короля начальство надъ французской арміей принялъ любимецъ Франциска и его матери, адмиралъ Бониве. Въ началѣ сентября онъ расположился при Сузѣ, и такъ какъ главнокомандущій императорской арміи, Просперъ Колонна, отправился въ Миланъ и захворалъ, то Бониве занялъ Асти, Новару и Алессандрію; 14 сентября онъ перешелъ Тичино и явился передъ Миланомъ. Онъ надѣялся голодомъ принудить этотъ городъ сдаться и ждалъ, что ломбардцы, угнетенные испанцами, непремѣнно возстанутъ и такимъ образомъ облегчатъ его предпріятіе. Но надежда эта не осуществилась, и Просперъ Колонна искусно защищалъ городъ,

гдѣ бѣдный Франческо Сфорца не имѣлъ никакого значенія. Но Проспeръ Колонна былъ старъ и остороженъ и, не смотря на свое искуство въ оборонительной войнѣ, былъ неспособенъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Онъ былъ боленъ и въ октябрѣ и ноябрѣ не тревожилъ Бониве, который давно снялъ блокаду Милана. Это заставило наконецъ императора передать начальство Ланнуа. Чтобы не обидѣть Проспера Колонну, Ланнуа ѣхалъ изъ Неаполя въ Миланъ очень медленно; его сопровождалъ маркизъ Пескара, удалившійся въ Неаполь, досадуя на нерѣшительность Колонны. Ланнуа каждый день ожидалъ извѣстія о смерти Колонны. Главнокомандующій умеръ 30 декабря 1523 г., и Ланнуа принялъ начальство.

Въ слѣдующемъ году (1524) явился въ Ломбардію Карлъ Бурбонъ съ авантюристами, набранными въ Германіи и съ полномочіемъ императора. Бониве, для сбереженія платы, распустилъ въ зимніе мѣсяцы много солдатъ, и многіе изъ его кирасиръ возвратились домой. Поэтому императорская армія поспѣшила начать походъ въ концѣ февраля. Она безъ бою вытѣснила французовъ съ позиціи, перешла Тичино и принудила Бониве къ отступленію за эту рѣку; онъ занялъ сильную позицію въ Новарѣ и окрестностяхъ, гдѣ ожидалъ подкрѣпленій, посланныхъ ему изъ Франціи и Швейцаріи. Императорскіе генералы не воспользовались удобнымъ случаемъ дать сраженіе, потому что овладѣли Верчелли и надѣялись выморить французовъ голодомъ. Наконецъ въ апрѣлѣ на подмогу Бониве пришли швейцарцы и французская кавалерія. Герцогъ Лонгвилль привелъ 400 жандармовъ черезъ Монъ Женевръ и стоялъ у Сузы, а черезъ Сенъ-Бернардъ пришло 10,000 швейцарцевъ на выручку своихъ земляковъ во французскомъ войскѣ. Швейцарскій корпусъ расположился къ сѣверу отъ Сесіи, но не хотѣлъ идти далѣе, хотя въ началѣ мая Бониве выступилъ изъ Новары и появился на противуположномъ берегу Сесіи. Поэтому пришлось переправиться черезъ рѣку съ большими потерями. Швейцарцы взялись проводить его

до Ивреи, чтобы дать ему возможность добраться домой черезъ Нижній Валлисъ. При переправѣ былъ раненъ самъ Бониве, въ то время какъ задерживалъ непріятеля. Онъ передалъ начальство надъ арріергардомъ герою Баяру, но Баяръ былъ также пораженъ пулей и умеръ геройской смертью. Французы, по своему обыкновенію, описываютъ смерть Баяра съ театральнымъ паѳосомъ. Они говорятъ, что онъ поцѣловалъ крестъ своего меча и, умирая, произнесъ церковныя слова (miserere mei, Domine!), велѣлъ положить себя подъ дерево и умеръ, обратясь лицемъ къ непріятелю. Французы безъ большой потери отступили за Иврею; Италія была для нихъ потеряна.

Если бы императорскіе генералы удовольствовались, какъ совѣтовалъ Пескара, своей побѣдой, Францискъ I вѣроятно пересталъ бы думать о Миланѣ; но въ угоду герцогу Карлу Бурбону они предприняли походъ противъ Марсели, который лишилъ ихъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ выгодъ. Имъ руководили Пескара и Карлъ Бурбонъ, смертельно ненавидѣвшіе другъ друга; предполагали, что походъ произведетъ возстаніе въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ герцога. Но французы начали уже процессъ противъ Карла Бурбона и наложили запрещеніе на его владѣнія; впрочемъ, во всякомъ случаѣ слѣдовало бы направить предпріятіе не на Марсель, гдѣ Карла ненавидѣли какъ измѣнника, а на Авиньонъ. Сверхъ того походъ былъ предпринятъ въ неблагопріятное въ тѣхъ странахъ время года. Императоръ выставилъ флотъ и войско, а англійскій король Генрихъ VIII далъ деньги.

Въ началѣ іюля Пескара и Бурбонъ перешли Варъ съ превосходнымъ 17,000 войскомъ, а Гуго де-Монкада явился съ испанскимъ флотомъ у береговъ Прованса. Этотъ флотъ значительно впрочемъ уступалъ французскому, подъ начальствомъ Андрея Доріи. Въ августѣ Пескара и Карлъ начали осаду Марсели. Она продолжалась сорокъ дней, но отъ зноя и лишеній они терпѣли гораздо болѣе, чѣмъ непріятель, потому что ветеранъ временъ Лудовика XI, Монморанси, имѣвшій почет-

ное порученіе защищать страну, уклонялся отъ сраженія, но препятствовалъ подвозу съѣстныхъ припасовъ и велъ малую войну. Филиппъ де-Бріонъ графъ де-Шабо и Ренцо да-Чери храбро защищали Марсель, а Андрей Дорія захватывалъ все, что провозилось къ осаждающимъ моремъ; между тѣмъ Францискъ собралъ въ Авиньонѣ грозную артиллерію и армію въ 8,000 легкой кавалеріи, 14,000 швейцарцевъ, 6,000 ландскнехтовъ и 10,000 французовъ и итальянцевъ. Съ этимъ войскомъ онъ перешелъ Рону; Карлъ Бурбонъ и Пескара должны были снять осаду Марсели и возвратиться въ Италію. Они начали отступать къ Ниццѣ, и Монморанси не препятствовалъ имъ; онъ преслѣдовалъ ихъ по пятамъ, но не рѣшился вступить въ сраженіе, потому что побѣда могла ему принести меньше пользы, чѣмъ пораженіе вреда.

Желая воспрепятствовать непріятелю занять Миланъ, Францискъ перешелъ Монъ-Сени и въ началѣ октября достигъ Сузы. Но Пескара предупредилъ его и двинулся съ Ланнуа въ Миланъ, гдѣ свирѣпствовала чума, принудившая герцога Франческо удалиться. Императорскіе генералы, убѣдившись, что по прибытіи французовъ, не будутъ въ состояніи защитить Миланъ, выступили изъ города чрезъ Порто Романо; въ то же время французы вступали въ Миланъ черезъ Порто Тичинезе и Верчеллина. Францискъ остался однако съ большею частью войска за городомъ, чтобы предохранить его отъ грабежа. Онъ немедленно двинулся противъ Павіи, за что его очень порицали: ему слѣдовало бы преслѣдовать императорскую армію и совершенно разбить ее, пользуясь замѣшательствомъ ея при поспѣшномъ отступленіи. Императорскія войска удержались въ Лоди, Алессандріи, Треццо, Комо и Павіи, и французы начали 28 октября осаду Павіи, которая была сильно укрѣплена. Гарнизономъ ея командовалъ Лейва. Онъ надѣялся защищаться до прибытія подкрѣпленій изъ Германіи. Въ этомъ случаѣ генералы Карла патріотически жертвовали собою для императора. Чтобы выручить Па-

вію, они собрали войско въ Лоди на свой счетъ. Для этой цѣли Ланнуа заложилъ доходы Неаполя, Карлъ Вурбонъ свои драгоцѣнныя вещи, а Георгъ Фрундсбергъ свое помѣстье Миндельсгеймъ въ Баваріи. Однако этого было мало для уплаты 18 или 19 тыс. чел., собранныхъ ими; но испанцы, находившіеся въ войскѣ, обѣщали, въ угоду своему любимому генералу, маркизу Пескарѣ, прослужить мѣсяцъ безъ жалованья; нѣмецкіе отряды Георга Фрундсберга и графа Зиттиха Зальма также обѣщали рѣшиться на все, чтобы освободить сына Георга, Каспара, запертаго съ Лейвой въ Павіи.

Въ декабрѣ 1524 года дѣло императора было очень сомнительно, такъ какъ незадолго до того умеръ Адріанъ VI, и папой былъ выбранъ, подъ именемъ Клемента VII, кардиналъ Юлій Медичи, неограниченно господствовавшій въ Тосканѣ. Онъ постоянно хлопоталъ о составленіи союза для изгнанія нѣмцевъ и испанцевъ изъ Италіи. Вступивъ на престолъ, онъ не утвердилъ договора съ императоромъ и убѣдилъ герцога Феррарскаго снабдить французовъ боевыми припасами и артиллеріей; по его наущенію, венеціанцы, по своему обыкновенію, готовились вступить въ переговоры съ французами; наконецъ онъ самъ заключилъ союзъ съ Франціей. Францискъ обязался поддерживать Медичи во владѣніи Тосканою; за это папа обѣщалъ помочь ему завоевать Неаполь, гдѣ вовсе не было войскъ. Затѣмъ Климентъ послалъ во Флоренцію Ипполита Медичи, впослѣдствіи кардинала, и Александра, который, вѣроятно, былъ сынъ папы (стр. 369); онъ неистовствовалъ впослѣдствіи во Флоренціи, какъ Фаларидъ.

Францискъ поступилъ неосторожно, пославъ въ Неаполь значительное войско, не будучи еще увѣренъ въ побѣдѣ. Войскомъ этимъ, состоявшимъ изъ 10,000 пѣхоты, командовалъ Джонъ Стюартъ герцогъ Ольбони. Онъ двинулся въ Тоскану черезъ Гарфаньяну; при Луккѣ къ нему примкнуло нѣсколько тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Ренцо да Чери; по желанію папы онъ измѣнилъ сіэнское правительство; но вдругъ между

Франциском и императорскими войсками произошло сраженіе при Павіи, ниспровергнувшее всѣ надежды папы и французовъ. Лейва съ 6,000 человѣкъ съ 28 октября защищалъ Павію противъ всей французской арміи; въ началѣ февраля онъ былъ доведенъ до крайности, и потому императорскіе генералы, къ которымъ съ недавняго времени присоединился молодой маркизъ дель Гасто, рѣшились аттаковать французскаго короля въ его лагерѣ передъ Павіей. Всѣ совѣтовали Франциску снять осаду и отступить; но по своему гасконству и по рыцарскимъ понятіямъ о чести онъ считалъ это постыднымъ и рѣшился ждать нападенія непріятеля въ невыгодной позиціи при Павіи. Тщетно старый Ла-Тремуйль, Луи д'Аръ и маршалы де-Шабаннь и де-Фуа доказывали ему, что армія его не такъ сильна, чтобы вступать въ битву; онъ отвергалъ всѣ совѣты и слушалъ только Бониве, который, какъ придворный, совѣтовалъ то, чего желалъ государь. Упорство, съ которымъ онъ настаивалъ на своемъ желаніи, было тѣмъ болѣе нелѣпо, что не задолго до того 6,000 граубинденцевъ вернулись домой, потому что какой-то авантюристъ рыцарь занялъ Кіавенну и загородилъ проходы Вальтелины. 24 февраля 1525 г. произошло сраженіе при Павіи, въ которомъ швейцарцы, служившіе во французской арміи, не выполнили своей обязанности, кромѣ роты Дисбаха, и французы были на голову разбиты. Сраженіе было кровопролитное, и въ немъ пали умный семидесятипяти-лѣтній Ла-Тремуйль, маршалы де-Шабаннь и де-Фуа, Луи д'Аръ, Бюсси д'Амбуазъ, Клермонъ-Тонерръ, Сенъ Поль и множество другихъ французскихъ генераловъ и дворянъ. Король Францискъ I, молодой король Генрихъ наваррскій и батардъ Савойскій были взяты въ плѣнъ. Но король наваррскій былъ освобожденъ своимъ слугою. Что касается числа убитыхъ, показанія колеблятся между 8 и 15 тыс.; во всякомъ случаѣ достовѣрно, что французское войско было совершенно уничтожено. Честь побѣды приписываютъ племяннику Пескары, молодому дель Гасто, по распоряженію котораго открыта была канонада

противъ стѣны парка, прикрывавшаго тылъ непріятеля. Плѣннаго короля привезли сначала въ Пиццигетоне; побѣдители до того нуждались въ деньгахъ, что его, противъ воли Пескары и Карла Бурбона, перевезли въ Мадридъ изъ опасенія, что солдаты возмутъ его въ заложники для полученія должнаго имъ жалованья.

Послѣ битвы при Павіи Италію стало гнести еще худшее иго, чѣмъ прежде. Императоръ вытребовалъ 1,200,000 дукатовъ за пожалованіе лена герцогу Франческо Сфорцѣ, и сверхъ того Миланъ долженъ былъ выплачивать ежедневно по 5,000 дукатовъ; кромѣ того каждый генералъ, каждый предводитель наемной шайки, наконецъ каждый солдатъ угнеталъ народъ въ свою пользу. Чтобъ обезпечить своему дому владѣніе Флоренціей папа заключилъ въ апрѣлѣ договоръ съ императоромъ и съ герцогомъ миланскимъ; но вскорѣ онъ вступилъ въ тайный союзъ итальянскихъ государствъ противъ ига императорскихъ войскъ и генераловъ. Душею этого тайнаго союза былъ миланскій канцлеръ, Мороне, уже не разъ участвовавшій въ постыдныхъ интригахъ. Мороне старался завлечь въ заговоръ и маркиза Пескару, стоявшаго въ Миланѣ, но ошибся въ немъ; желая вывѣдать все, маркизъ притворился, что согласенъ на предложеніе; при этомъ онъ разсчитывалъ овладѣть при помощи Мороне Неаполемъ, а въ случаѣ неудачи погубить доносомъ герцога миланскаго.

Многія обстоятельства благопріятствовали цѣлямъ тайнаго союза противъ испанскаго ига. Во первыхъ, Карлъ V обманулъ Генриха VIII и кардинала Ульси, которому обѣщалъ тіару; во вторыхъ, онъ хотѣлъ предписать Франциску такія условія, какихъ тотъ не могъ выполнить, и наконецъ, въ третьихъ, его солдаты и ихъ предводители совершенно губили Италію. Мать Франциска, какъ правительница Франціи, вошла въ сношенія съ итальянцами, послала имъ небольшой отрядъ войска и привлекла на свою сторону кардинала Ульси и Генриха VIII, которые обѣщали ей субсидіи. Въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ шли переговоры

о томъ, чтобы аттаковать императорскія войска, какъ только въ Италіи явится вспомогательный французскій корпусъ. Но въ октябрѣ маркизъ Пескара, лежавшій больнымъ въ Новарѣ, неожиданно сбросилъ маску. Онъ вызвалъ къ себѣ изъ Милана канцлера Мороне, который пошелъ въ западню, хотя онъ и всѣ итальянцы считали маркиза человѣкомъ жестокимъ, коварнымъ, презирающимъ честь и религію. Во время переговоровъ съ Мороне Пескара помѣстилъ за перегородкой Лейву и другихъ, чтобы имѣть противъ канцлера свидѣтелей; затѣмъ онъ отправилъ его въ Павію, гдѣ предалъ суду. Все это дѣлалось съ цѣлью изгнать герцога Франческо Сфорца, который недавно такъ дорого заплатилъ за свои владѣнія. Его еще прежде принудили впустить императорскіе гарнизоны въ Лоди и Павію, а теперь заставили очистить Кремону, Треццо, Лекко и Пиццигеттоне. Онъ удержалъ миланскую цитадель, гдѣ лежалъ больной; но вскорѣ узналъ, что приняты всѣ мѣры, чтобы во всякое время, въ случаѣ надобности, отнять ее у него. Пескара умеръ въ ноябрѣ 1525 года, и послѣ него начальство надъ императорскими войсками перешло къ Карлу Бурбону. Тогда Италія стала терпѣть еще больше, потому что солдаты, не получавшіе жалованья, не уважали его, и не онъ повелѣвалъ ими, а они имъ.

Въ это время родоначальникъ домовъ Гизъ, Майенъ и Омаль пріобрѣлъ во Франціи такое значеніе, что, при послѣдующихъ царствованіяхъ, когда католическая линія вымерла, и право на престолъ перешло къ реформатскому принцу, дома эти должны были неизбѣжно сдѣлаться опасными для двора. Клавдій Гизъ, младшій братъ котораго палъ при Павіи, былъ второй сынъ Рене II Лотарингскаго и по смерти его получилъ Омаль, Майенъ, Гизъ, Жуанвиль и Эльбёфъ, тогда какъ старшему брату, Антону, досталась Лотарингія. Во время плѣна короля онъ не допускалъ непріятеля за французскую границу и въ то же время препятствовалъ распространенію во Франціи крестьянской войны, свирѣпствовавшей въ Германіи.

Пока венеціанцы, папа и Англія вели переговоры о союзѣ, цѣлью котораго должно было быть освобожденіе Италіи, причемъ разсчитывали на содѣйствіе Франціи, король Францискъ впродолженіе всего 1525 года томился въ тяжкой неволѣ въ Мадридѣ подъ строгимъ надзоромъ испанца Аларкона. Въ концѣ года онъ опасно занемогъ съ горя и отчаянія, и тогда Карлъ V наконецъ серьезно подумалъ о заключеніи мирнаго трактата; Францискъ согласился принять его, хотя въ немъ были условія, которыя онъ не могъ бы выполнить, еслибъ даже хотѣлъ. Трактатъ этотъ, заключенный 14 января 1526 г., называется мадридскимъ миромъ; но его нельзя было выполнить, потому что въ силу его Францискъ долженъ былъ между прочимъ уступить Бургундію и Франшъ Конте и не вмѣшиваться въ дѣла Италіи. Далѣе, было положено заключить оборонительный союзъ между императоромъ и королемъ, который отказался отъ притязаній на Миланъ и Неаполь и отъ всѣхъ ленныхъ правъ въ императорскихъ владѣніяхъ. Карлъ самъ сомнѣвался въ исполненіи многихъ тяжкихъ условій трактата и потому требовалъ въ заложники обоихъ сыновей короля, дофина и герцога Орлеанскаго. Онъ хотѣлъ держать ихъ въ Испаніи до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ Ланнуа, сопровождавшаго короля во Францію, увѣдомленія, что всѣ условія исполнены.

По заключенія трактата, Францискъ позвалъ (что во всякомъ случаѣ было совершеннно по іезуитски) къ себѣ въ комнату всѣхъ французовъ, бывшихъ въ его свитѣ, и протестовалъ противъ всѣхъ пунктовъ трактата, уменьшавшихъ предѣлы его государства, на томъ основаніи, что подобныя условія не могли быть постановлены безъ согласія чиновъ. 18 марта 1526 г. онъ отправился, въ сопровожденіи Ланнуа, къ рѣкѣ Бидассоа, отдѣляющей Францію отъ Испаніи. На встрѣчу ему пріѣхалъ Лотрекъ съ принцами, которые были обмѣнены на него на серединѣ рѣки. Послѣ того Францискъ поспѣшилъ въ Бордо, гдѣ встрѣтилъ свою мать и любовницу. При немъ любовницы его играли важную роль, и потому фран-

цузскіе историки постоянно упоминаютъ о нихъ. Одна изъ нихъ была Діана де Пуатье, дочь господина де Вальри, замѣшаннаго въ процессъ Карла Бурбона; вторая, Анна де Писслё, сперва графиня де Пантьевръ, а потомъ герцогиня д'Этанпъ.

Францискъ не согласился на требованіе Ланнуа подтвердить по пріѣздѣ во Францію мадритскій трактатъ; еще въ Бордо онъ одобрилъ союзъ, заключенный его матерью съ Генрихомъ VIII. Затѣмъ онъ созвалъ въ Коньякъ французскихъ нотаблей, чтобы выслушать ихъ мнѣніе о мадритскомъ трактатѣ. Нотабли объявили, что король не имѣетъ права отчуждать государственныя владѣнія, и потому Францискъ отвѣчалъ Ланнуа, что не можетъ ратификовать трактатъ, ибо не въ его власти выполнить его. 22 мая онъ присоединился въ Коньякѣ къ такъ называемой Клементинской или священной лигѣ, заключенной Клементомъ VII, Венеціей, Миланомъ, Флоренціей и Англіей для освобожденія Италіи отъ испанскаго ига; швейцарцы согласились послать въ Италію 15,000 человѣкъ. Королю англійскому была обѣщана при раздѣлѣ италіанскихъ владѣній Испаніи часть неаполитанскаго королевства, а кардиналу Ульси 10,000 дукатовъ доходу. Францискъ долженъ былъ послать въ Италію 30,000 человѣкъ, если императоръ не возвратитъ ему безъ выкупа сыновей. Когда принцъ Оранскій прибылъ, чтобы вступить во владѣніе Бургундіей, ему показали этотъ договоръ.

Война началась въ Италіи прежде, чѣмъ Францискъ отправилъ свои войска; ходъ ея былъ неблагопріятенъ для папы и герцога миланскаго. Французскія войска, посланныя въ 1525 г. въ Неаполь подъ предводительстомъ герцога Ольбэни, узнавъ дорогою о пораженіи при Павіи, частью разбѣжались, частью отправились изъ Чивитавекіи моремъ въ Провансъ. Городъ Миланъ былъ жестоко угнетенъ сначала Пескарою, по смерти его племянникомъ его, дель Гасто и наконецъ Карломъ Бурбономъ. На выручку Франческо Сфорцы, осажденнаго въ миланской цитадели, собрали войско; но герцогъ Урбино, предводительство-

вавшій венеціанскимъ войскомъ, нарочно медлилъ, а Іоаннъ Медичи и Вителло Вителли, командовавшіе папскими отрядами, были задержаны переговорами, начатыми императоромъ въ Римѣ чрезъ Гуго Монкада. Несчастные миланцы тщетно питали надежду получить возможность возстать за своего герцога; герцогъ Урбино не рѣшался вывести своихъ рекрутовъ противъ закаленныхъ солдатъ Лейвы и дель Гасто; поэтому испанцы угнѣтали миланцевъ ужаснымъ образомъ (rubandoli, bastonandoli, ferendoli). Большая часть народонаселенія была уже изгнана изъ города, когда наконецъ въ началѣ іюля передъ Миланомъ явилось союзное войско. Но въ то же время въ городъ вступилъ Карлъ Бурбонъ, возвратившійся въ началѣ 1526 г. изъ Испаніи. Такъ какъ швейцарцы все не приходили, а союзное войско бездѣйствовало при Мариньяно, то 24 іюля несчастный герцогъ долженъ былъ сдать цитадель Карлу Бурбону. При этомъ онъ выговорилъ себѣ условіе, что можетъ отправиться въ Лоди, который союзники отняли у испанцевъ. Въ Лоди онъ присталъ открыто къ клементинской лигѣ. Герцогъ Урбино помогъ ему овладѣть Кремоною, цитадель которой оставалась за нимъ. Къ этому времени пришли наконецъ въ Ломбардію 13,000 швейцарцевъ, которыхъ такъ долго ждали. Дѣла папы Клемента шли не лучше, чѣмъ дѣла герцога миланскаго, Клементъ VII находился во враждѣ съ Колонна и отослалъ свои лучшія войска къ союзной арміи; поэтому въ Римѣ не было войска, когда Гуго Монкада, намѣстникъ Ланнуа въ Неаполѣ, ненадолго помирившій папу съ Колоннами, настроилъ ихъ снова противъ него. Монкада былъ достойнымъ ученикомъ своего друга, Цезаря Борджіа и былъ также вѣроломенъ, какъ и Веспасіано Колонна, которому папа наиболѣе довѣрялъ. По наущенію Монкады, Веспасіано и Асканіо Колонна, поддерживаемые кардиналомъ Помпео Колонна, внезапно нагрянули въ Римъ съ 800 конницы, состоявшей изъ бандитовъ. Папа растерялся до того, что ему съ трудомъ втолковали, чтобы онъ бѣжалъ въ

замокъ св. Ангела. Его осадили; дворецъ его, ватиканскую церковь, треть Борго Нуово и дома посланниковъ лиги разграбили, и въ городѣ совершались неслыханныя злодѣйства. Замокъ св. Ангела не былъ снабженъ продовольствіемъ, и потому Клементъ долженъ былъ согласиться на перемиріе, предложенное ему Монкадою. Главнымъ условіемъ этого перемирія было, чтобы папа отозвалъ свои войска отъ союзной арміи; это помѣшало союзникамъ продолжать осаду Милана, начатую по завоеваніи Кремоны при помощи швейцарцевъ и французовъ. Клементъ старался обойти это условіе, оставивъ въ арміи Іоанна Медичи съ его отрядами подъ предлогомъ, что солдатамъ его платитъ французскій король. Вслѣдъ за тѣмъ онъ объявилъ перемиріе вынужденнымъ и, когда войска его пришли изъ Ломбардіи въ Римъ, жестоко отмстилъ Колонна. Онъ велѣлъ разрушить до основанія ихъ дворцы въ Римѣ, лишилъ кардинала его сана и разослалъ повсюду свои отряды, которые самымъ вандальскимъ образомъ опустошили помѣстья, сады, дома и владѣнія другихъ членовъ этой фамиліи.

Когда папскія войска снова присоединились къ союзникамъ, герцогъ Урбино началъ тѣснить испанцевъ въ миланскомъ герцогствѣ. Онъ двинулся противъ Георга Фрундсберга, чтобы разбить его прежде, чѣмъ его 14,000 ландскнехтовъ успѣютъ соединиться съ арміею Карла Бурбона. Войска Фрундсберга, были навербованы въ Германіи, гдѣ много толковали о добычѣ, легко добываемой подъ его начальствомъ; поэтому онъ далъ имъ въ задатокъ по талеру, утѣшая ихъ надеждами на несмѣтныя сокровища богатой Италіи. Герцогъ Урбино полагалъ, что Фрундсбергъ не имѣетъ артиллеріи, но у Боргофорте убѣдился въ противномъ; здѣсь Іоаннъ Медичи былъ смертельно раненъ пушечнымъ ядромъ и умеръ. Фрундсбергъ получилъ артиллерію отъ Альфонса Феррарскаго, который, хотя былъ членомъ лиги, но заискивалъ расположеніе императора и потому поддерживалъ его войска противъ союза.

Въ это время (начало 1527 г.) Карлъ Бурбонъ такъ нуждался въ деньгахъ, что притворился, будто хочетъ казнить арестованнаго канцлера Мороне; этимъ онъ хотѣлъ принудить его выкупиться за 20,000 дукатовъ. Получивъ деньги, онъ подружился съ Мороне. Въ январѣ 1527 г., соединясь съ Фрундсбергомъ, онъ отъ недостатка денегъ рѣшился идти на Римъ, гдѣ папа впродолженіи всей зимы съ трудомъ держался противъ Ланнуа, безпокоившаго его изъ Неаполя. Разбой и грабежъ были единственной цѣлью этого похода, на которомъ Карлу Бурбону съ января до апрѣля пришлось усмирять не менѣе четырехъ или пяти возстаній въ своемъ войскѣ, состоявшемъ изъ храбрыхъ разбойничьихъ шаекъ всѣхъ націй. Когда онъ выступилъ въ походъ (въ мартѣ 1527 г.), Ланнуа только что заключилъ съ папою восьмимѣсячное перемиріе, и папа имѣлъ безразсудство распустить свои войска, которымъ не могъ платить, какъ императоръ своимъ. Поэтому 31 марта Климентъ страшно перепугался, когда Карлъ Бурбонъ объявилъ, что не намѣренъ обращать вниманія на перемиріе вице-короля. Ланнуа тщетно ѣздилъ въ лагерь Карла передъ Флоренціей, которую защищалъ маркизъ Салуццо; солдаты Карл акричали и шумѣли такъ, что Ланнуа, чтобы спасти свою жизнь, долженъ былъ поспѣшно удалиться. Тогда Карлъ Бурбонъ пошолъ въ Ареццо, а оттуда быстро двинулся на Римъ.

5 мая 1527 г. Карлъ Бурбонъ, преслѣдуемый по пятамъ итальянскимъ союзнымъ войскомъ, явился передъ Римомъ. Онъ понялъ, что необходимо, во чтобы то ни стало, взять Римъ или погибнуть отъ нападенія непріятеля и отъ недостатка продовольствія; поэтому онъ рѣшился немедленно идти на приступъ и поставить все на карту. 6 мая городъ былъ взятъ, причемъ первый и единственный убитый былъ Карлъ Бурбонъ. Онъ палъ въ ту минуту, когда приставлялъ къ стѣнѣ лѣстницу.

При тогдашнихъ обстоятельствахъ смерть Карла Бурбона была несчастіемъ для Рима; солдаты его были страшно озлоблены за потерю предводителя; притомъ у нихъ не было начальника:

Лаппуа они ненавидѣли, какъ врага, а начальники отрядовъ дѣйствовали совершенно произвольно, пока главнокомандующимъ не былъ избранъ принцъ Филибертъ Оранскій (въ половинѣ мая). Яростная орда грабила весь городъ, не исключая церквей и монастырей; чтобы добыть денегъ, солдаты мучили съ страшной жестокостью знатную часть народонаселенія и перерѣзали нѣсколько тысячъ жителей. Число убитыхъ ими считается нѣкоторыми въ 8,000 человѣкъ; но вѣроятно это на половину преувеличено. Всѣ писатели единогласно говорятъ, что походъ на Римъ былъ разбойничьимъ набѣгомъ и что солдаты надѣялись найдти въ Римѣ богатѣйшую добычу; нѣкоторые увѣряютъ, что злодѣйства происходили преимущественно потому, что Фрундсбергъ и многіе изъ его солдатъ были лютеране; но на это можно возразить, что испанцы и французы, которые не были еретиками, еще менѣе щадили церкви и святыню, чѣмъ Фрундсбергъ и его нѣмцы, и что незадолго до того солдаты кардинала Колонны грабили ватиканскую церковь и храмъ св. Петра. Папа при взятіи города заперся въ замкѣ св. Ангела, гдѣ его осадили. При этомъ случаѣ извѣстный художникъ Бенвенуто Челини, въ своей хвастливой, но наивной автобіографіи, изданной Гёте на нѣмецкомъ языкѣ, похваляется, что управлялъ въ замкѣ св. Ангела артиллеріей и что убилъ бы весь генералитетъ и самого Филиберта, еслибъ ему не помѣшалъ Орсини. Мы предоставляемъ желающимъ доискиваться правды въ этой гасконадѣ.

Итальянское союзное войско слѣдовало за императорскимъ двумя отрядами; однимъ командовалъ графъ Гвидо Рангоне, другимъ герцогъ Урбино; Рангоне имѣлъ мало войска, а Урбино колебался и медлилъ, такъ что войска соединились только 16 мая при Орвіето. Въ это время Гуго Монкада и кардиналъ Помпео Колонна прибыли наконецъ въ Римъ и прекратили буйство, длившееся дни и ночи; но они не могли уговорить солдатъ признать Лаппуа главнокомандующимъ. Онъ былъ даже принужденъ выѣхать изъ города, и войско, какъ мы сказали, избрало

принца Филиберта Оранскаго. Принцъ сталъ серьезно готовиться къ осадѣ зàмка св. Ангела, потому что союзное войско послѣ долгихъ размышленій сочло за лучшее, вмѣсто того чтобы напасть на Римъ, возвратиться въ Витербо. Папѣ не было основанія надѣяться на своихъ союзниковъ тѣмъ болѣе, что флорентинцы выгнали Александра и Ипполита Медичи, венеціанцы отняли у Церковной Области Равенну и Червію, Малатеста снова взяли Римини, а Альфонсъ Феррарскій получилъ Модену и Реджіо.

Папа держался въ зàмкѣ св. Ангела цѣлый мѣсяцъ. Но 5 іюня онъ рѣшился сдаться на капитуляцію императорскимъ разбойничьимъ ордамъ, потому что отъ союзниковъ нечего было ждать помощи. Условія, которыя онъ долженъ былъ принять, были неисполнимо-тяжелы; такъ, офицеры императорскаго войска, съ которыми онъ заключилъ 6 іюня капитуляцію, требовали для себя непомѣрныхъ суммъ, для императора земель и сверхъ того уничтоженія отлученія, произнесеннаго противъ Колонна. Папа долженъ былъ заплатить немедленно 100,000 дукатовъ, потомъ черезъ двадцать дней еще 50,000, черезъ два мѣсяца снова 250,000 и, пока не будутъ уплачены первыя двѣ суммы (150,000), оставаться въ плѣну подъ присмотромъ того самого Аларкона, который стерегъ Франциска I. Кромѣ того, онъ обязывался передать императору зàмокъ св. Ангела, крѣпости Остію, Чивитавекію и Читу Кастеллану и очистить Парму и Піаченцу. Политика Карла V, находившагося тогда въ Испаніи, разумѣется, требовала, чтобы онъ прикинулся, будто ничего не знаетъ и въ высшей степени недоволенъ оскорбительнымъ обращеніемъ его войска съ плѣннымъ папою. По этому случаю онъ велѣлъ отложить назначенныя празднества, надѣлъ трауръ и изъявлялъ свое сожалѣніе объ этой случайности. Но онъ не выпускалъ папу и настаивалъ на выполненіи всего, вынужденнаго у него солдатами. Впрочемъ условія не выполнялись, потому что Чита Кастеллана была уже занята союзнымъ войскомъ, Андрей

Доріа отказался впустить императорскія войска въ Чивитавеккію, а Парма и Піаченца получили отъ папы тайный приказъ защищаться противъ испанцевъ. Въ самомъ Римѣ чума поглотила тысячи необузданныхъ солдатъ, но, не смотря на эпидемію, они не хотѣли выходить изъ города до полученія жалованья.

Короли англійскій и французскій выказали намѣреніе отмстить за тяжкій плѣнъ папы. Хотя король Францискъ по возвращеніи изъ Италіи объявилъ, что вступаетъ въ клементинскую лигу, но ни въ 1526 г., ни въ 1527 г. не дѣлалъ приготовленій для поданія помощи угнетенному герцогу миланскому. Францискъ ясно показывалъ, что принялъ угрожающій видъ съ цѣлью принудить императора отказаться отъ герцогства Бургундіи и освободить его сыновей. Поэтому онъ послалъ къ итальянской союзной арміи слабый корпусъ подъ начальствомъ маркграфа Салуццо. Переговоры французовъ съ Генрихомъ VIII англійскимъ начались еще до освобожденія короля Франциска; но главныя условія были рѣшены по прибытіи его въ Бордо. Генрихъ принялъ его сторону вслѣдствія того, что Францискъ обѣщалъ содѣйствовать разводу короля англійскаго съ женою, Катариною Арагонскою, чего Генрихъ страстно желалъ.

Наконецъ въ маѣ, когда заключеніе папы сдѣлалось извѣстнымъ, былъ составленъ опредѣленный планъ для освобожденія Италіи. Ульси отправился въ Амьенъ, куда прибылъ и король Францискъ. Англійскій министръ былъ принятъ во Франціи съ такими почестями, съ какими принимаютъ только коронованныхъ особъ. Самъ король выѣхалъ верхомъ за четверть мили отъ Амьена ему на встрѣчу. Хотя интриги Карла V на нѣкоторое время задержали заключеніе этого наступательнаго союза, но не могли совершенно помѣшать ему, и 18 августа Францискъ I и Генрихъ VIII заключили четыре договора. Въ первомъ изъ нихъ былъ рѣшенъ вѣчный дружественный союзъ между королями; во вторымъ — бракъ между дочерью Генриха VIII, Маріей, и самимъ Францискомъ или его вторымъ сыномъ, герцогомъ Орлеанскимъ; въ третьемъ дого-

ворѣ полагалось, чтобы Генрихъ впродолженіи полугода ежемѣсячно давалъ по 30,000 дукатовъ на веденіе войны въ Италіи; въ четвертомъ, короли обязывались не соглашаться, во время заключенія папы, ни на созваніе всеобщаго собора, ни на какую либо буллу, противную ихъ правамъ или правамъ ихъ подданныхъ. Это относилось, какъ мы увидимъ, къ разводу Генриха VIII съ его женою, теткою Карла V.

Армія, посланная для освобожденія папы, прибыла въ Италію въ іюлѣ, и маркграфъ Салуццо получилъ приказаніе соединиться съ ней. Швейцарцы также послали къ ней 10,000 человѣкъ, имѣя впрочемъ въ виду лишь покровительствуемаго ими герцога миланскаго; содѣйствовать же французамъ въ завоеваніи Неаполя они не располагали. По настоятельному требованію англійскаго короля и венеціанцевъ, главнокомандующимъ союзной арміи, состоявшей изъ 50,000 человѣкъ, былъ назначенъ Лотрекъ, которому Генрихъ VIII далъ въ помощники сэра Роберта Джернигэма. Когда эта армія достигла Ломбардіи, въ сентябрѣ явились передъ Генуей съ суши Чезаре Фрегозо и Педро Наварро, а съ моря Андрей Доріа, и принудили городъ снова подчиниться французамъ, владычество которыхъ стало вскорѣ очень тягостно. Лотрекъ шелъ между тѣмъ впередъ, одерживалъ побѣды, дѣлалъ завоеванія и 4 октября занялъ Павію. Лейва, имѣвшій въ Миланѣ всего нѣсколько тысячъ человѣкъ, готовился уже очистить Миланъ и Комо, какъ въ лагерь къ Лотреку явился кардиналъ Чибо и убѣдилъ его идти не на Миланъ, а на Римъ для освобожденія папы. Швейцарцы, пришедшіе только для герцога Франческо Сфорца, не согласились на это; они ушли домой, и Лотрекъ потерялъ такимъ образомъ 10,000 человѣкъ. Вмѣсто того чтобы торопиться, Лотрекъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Піаченцѣ, можетъ быть боясь чумы, жертвой которой въ церковной области сдѣлались императорскій генералъ Ланнуа и много нѣмецкихъ солдатъ. Гуго де Монкада, замѣтившій Ланнуа въ качествѣ вице-короля неаполитанскаго, велъ съ папой

переговоры, между тѣмъ какъ Лотрекъ все еще медлилъ, ожидая исхода переговоровъ, которые Францискъ завелъ съ императоромъ. Наконецъ англійскіе комиссары подкупомъ доставили папѣ свободу. Онъ бѣжалъ 5 декабря 1527 г., переодѣвшись, въ Орвіето; но посѣщеніе англійскихъ пословъ принесло ему новыя заботы. Они потребовали, относительно развода ихъ короля, такихъ вещей, на которыя папа не могъ согласиться, не желая оскорбить императора, въ которомъ нуждался, какъ въ Германіи противъ еретиковъ, такъ и въ Италіи для себя и своей фамиліи.

Переговоры между Карломъ V, Францискомъ I и Генрихомъ VIII, удержавшіе въ 1527 г. французскаго полководца Лотрека въ Верхней Италіи, рушились совершенно въ январѣ 1528 г., и короли послали въ Испанію герольдовъ, которые 28 января объявили императору въ Бургосѣ войну; Карлъ велѣлъ ихъ арестовать. Поэтому въ февралѣ 1528 г. Лотрекъ началъ свой походъ противъ Неаполя и пошелъ не черезъ Церковную Область, а чрезъ Мархіи. Онъ располагалъ большими силами, потому что къ нему примкнуло все союзное войско; но мы не вѣримъ сочинителямъ, увѣряющимъ, будто у него было 60 или даже 80 тысячъ пѣхоты и 20,000 конницы. Во всѣхъ неаполитанскихъ городахъ приверженцы анжуйскаго дома принимали французовъ съ радостью, и въ маѣ 1528 г. у императора остались только Неаполь, Манфредонія и Гаэта. Между тѣмъ въ февралѣ Филибертъ Оранскій расплатился выкупными деньгами папы съ солдатами, которые не хотѣли выходить изъ Рима до полученія жалованья; въ концѣ марта онъ прибылъ въ Неаполь. 1-го мая передъ Неаполемъ явился Лотрекъ. Сынъ Андрея Доріи, Филиппъ Доріа, обѣщавшій прослужить нѣсколько мѣсяцевъ французскому королю, одержалъ съ генуэзскимъ флотомъ рѣшительную побѣду. Императорскій флотъ былъ совершенно истребленъ, и командиръ его, маркизъ дель Гасто, взятъ въ плѣнъ. Но онъ воспользовался неудовольствіемъ Доріевъ на поступки

французовъ въ ихъ городѣ и склонилъ Андрея къ союзу съ императоромъ. Генуэзцы жаловались на многое, въ особенности на стѣсненіе, въ пользу Савойи, ихъ торговли солью. Лотрекъ совѣтовалъ королю ладить съ Доріа, но канцлеръ Дюпра препятствовалъ этому, и король передалъ начальство надъ флотомъ Франсуа де-ля-Рошфуко сеньёру де Барбзьё, забывъ, что генуэзскіе моряки будутъ охотнѣе повиноваться дворянину своего города, чѣмъ французу. Доріа дождался срока своей службы, распростился съ французами, оставилъ французскіе корабли и перешелъ со своими къ императору.

Это рѣшило участь французской арміи Лотрека. Лѣтомъ тысячи французовъ пали жертвой лишеній и климата; Лотрекъ и множество его солдатъ умерли отъ болѣзней, распространившихся отъ зноя и нездороваго воздуха Поджіо Реале. Преемникъ Лотрека, маркизъ Салуццо, отправился съ войскомъ въ Аверсу, гдѣ былъ запертъ и въ августѣ 1528 г. сдался на позорную капитуляцію. Въ Калабріи война продолжалось еще нѣсколько времени.

Въ Ломбардіи военныя дѣйствія также происходили въ теченіе всего лѣта. Герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій пришелъ туда съ нѣмцами и содѣйствовалъ Лейвѣ одержать побѣду. Но затѣмъ герцогъ съ неудовольствіемъ возвратился въ Германію, и вслѣдствіе этого графъ Сенъ Поль, прибывшій съ швейцарцами на помощь союзникамъ, одерживалъ нѣкоторое время верхъ, пока 21 іюня Лейва не разбилъ его при Ландріано, причемъ онъ самъ попался въ плѣнъ. Андрей Доріа, съ помощью императора, освободилъ отъ французовъ Генную. Онъ выказалъ при этомъ много благородства и патріотизма Когда Карлъ V хотѣлъ доставить ему власть надъ Генуей, онъ выпросилъ, какъ единственной награды себѣ, возстановленія прежней республиканской свободы.

Италія была раззорена, опустошена страшными болѣзнями, которыя называли общимъ именемъ чумы, и всѣ партіи желали мира. Онъ былъ заключенъ 3 августа 1529 г. въ Канбре. Из-

вѣстный подъ именемъ дамскаго мира, онъ сдѣлалъ императора властелиномъ Италіи и защитникомъ папы и его свѣтскихъ плановъ. Здѣсь мы остановимся и прежде чѣмъ скажемъ объ условіяхъ трактатовъ, заключенныхъ въ 1529 г. Карломъ V съ разными государствами Италіи и въ особенности съ папой, бросимъ краткій вглядъ на образованность и литературу этого времени.

V. ЛИТЕРАТУРА И ОБРАЗОВАННОСТЬ

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVI СТОЛѢТІЯ.

I. Вступительныя замѣчанія.

Мы уже говорили (т. X, стр. 376), что образованность и литература Италіи достигли въ XVI столѣтіи той же степени развитія, на какой мы видимъ греческую цивилизацію во времена Птоломеевъ, римскую въ эпоху императоровъ и, пожалуй, нашу въ настоящее время. Это была та пора, когда творческая сила генія исчезаетъ или оскудѣваетъ, и литературою овладѣваетъ холодный разсудокъ или дикая фантазія. Мы могли бы поэтому прямо перейти къ новой цивилизаціи и литературѣ, постепенно возникшей въ XVI стол. изъ требованій времени по ту сторону Альпъ; но къ этому столѣтію относится нѣсколько литературныхъ произведеній и писателей, слишкомъ важныхъ для германскаго и французскаго развитія. Языкъ и форма этихъ произведеній были такъ классически-прекрасны, что служили идеаломъ и недосягаемымъ образцомъ для французовъ до половины XVII вѣка, а для нѣмцевъ даже до третьей четверти XVII-го. Итальянская литература, какъ и греческая, перешла отъ философіи къ софистикѣ, отъ естественности къ изысканному изяществу, отъ геніальной свѣжести къ риторикѣ, декламаторству и сантиментализму, отъ сильной и сжатой рѣчи къ многословному и вычурному языку,

годному скорѣе для пѣнія, чѣмъ для серьезнаго слова. Объ успѣхахъ образованности не могло уже быть и рѣчи: Италія въ началѣ XVI столѣтія была лишена политической свободы, и въ искуствѣ и литературѣ процвѣтало только то, что служило роскоши дворянства или придворной лести. Прогрессъ былъ лишь мнимый; развитіе же реальныхъ и математическихъ знаній и примѣненіе ихъ къ жизни, только начинавшейся, не входятъ въ задачу нашей книги.

Такимъ образомъ въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ мы беремъ за основаніе мысль, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ главную роль въ литературѣ играли богословіе или богословская полемика и политико-историческій родъ. Богословская литература господствовала, возбуждая и фанатизируя, по сю сторону Альпъ, въ Германіи, Пруссіи, Польшѣ, Лифляндіи, Курляндіи, Скандинавіи, Англіи и Франціи. Разсматривать ее въ подробности намъ не надо, потому что въ наше время богословіе и богословская полемика не играютъ той роли, какъ въ XVIII столѣтіи. Напротивъ, мы остановимся на историко-политической литературѣ и на софистикѣ дипломатическихъ писателей. Эти два рода достигли самого высокаго развитія именно въ Италіи, и мастерскія произведенія въ историческомъ и стилистическомъ отношеніи, появившіяся въ XVI вѣкѣ, остались до нынѣ образцовыми. Рядомъ съ ними слѣдуетъ упомянуть въ немногихъ словахъ и о признанныхъ классическими произведеніяхъ итальянской поэзіи, объ историко-политической литературѣ Италіи и о новой литературѣ по сю сторону Альпъ.

2. Итальянская литература.

а. Поэзія.

Германскіе народы шли къ цивилизаціи и поэзіи тѣмъ же ложнымъ путемъ, какъ новые народы, стремящіеся къ свободѣ и думающіе достигнуть своей цѣли путемъ конституціоннаго

устройства. Имъ казалось, что достигнуть высшей цивилизаціи можно лишь воспроизведеніемъ на новыхъ языкахъ всѣхъ родовъ и видовъ поэзіи, какіе были у древнихъ, и что поэтому слѣдуетъ вновь создать и трагедію, и комедію, и эпосъ, и всѣ лирическія формы, и сатиру, и идиллію древнихъ. Такъ же точно въ новѣйшее время въ политическомъ отношеніи хотѣли копировать англійское государственное устройство въ существенныхъ и случайныхъ чертахъ его и доходили до смѣшныхъ результатовъ. Само по себѣ и то и другое было похвально: во многомъ примѣръ древнихъ былъ очень полезенъ, и въ основѣ англійской конституціи лежитъ то, чего добивались всѣ народы во всѣ времена. Бѣда лишь въ томъ, что въ этомъ случаѣ не обращали никакого вниманія на преданія, способности и потребности націи, не принимали въ расчетъ различія національностей, времени и обстоятельствъ; оттого все оказалось ребячествомъ, и цѣль не могла быть достигнута. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ разсужденія по этому поводу; мы хотѣли только указать, что стараніе воспроизвести и даже превзойти всѣ роды поэзіи древнихъ породило въ Италіи еще въ XVI вѣкѣ то извращеніе вкуса, которое распространилось потомъ и во Франціи, прежде чѣмъ наступило господство истиннаго вкуса. Мы пишемъ не исторію литературы и потому лишь мимоходомъ упомянули объ усиліяхъ создать итальянскую трагедію и комедію, хотя въ свое время Аріосто и Макіавелли казались безсмертными творцами въ этомъ отношеніи. Время показало, что итальянцы слишкомъ склонны къ фарсу, чтобы не только создать, но и оцѣнить правильную комедію, и слишкомъ склонны къ мелодрамѣ, чтобы понять или создать настоящую трагедію. Такъ, въ наше время страшный ненавистникъ французовъ Альфьери, воображая, что создаетъ итальянскую трагедію, вывелъ на сцену не что иное, какъ подраженіе французскому напыщенному паѳосу.

Ни одному изъ новыхъ народовъ, не смотря на всѣ старанія и возгласы, не удалось произвести эпоса или—иными сло-

вами—героической національной поэмы во вкусѣ поэмы Гомера, хотя нѣмцы и шотландцы ближе всѣхъ подошли къ этой цѣли. Говоря о нѣмцахъ мы имѣли въ виду, конечно, не Клопштока съ его „Мессіадой“, а „Книгу героевъ“ и „Пѣснь Нибелунговъ“. И та, и другая выросли на нашей почвѣ и не были ни подражаніемъ Гомеру, ни фабрикаціей по правиламъ Аристотеля. Даже „Энеида“ Виргилія, плѣняющая музыкальностью языка и сентенціями въ греческомъ вкусѣ, совсѣмъ не то, что хотѣлъ сдѣлать изъ нея Виргилій, какъ ни превосходна она, въ чемъ согласны всѣ мы, вышедшіе изъ старыхъ школъ и наизусть вызубрившіе Гораціевъ и Виргиліевъ.

Итальянцы еще въ раннюю пору своей исторической жизни искали и нашли повѣтствовательную форму въ поэзіи (т. X, стр. 379). Это была форма не гомеровская, но вполнѣ національная, полная занимательности и ироніи. Ею были однако недовольны и, во что̀ бы то ни стало, хотѣли имѣть Гомера или Виргилія. Это побудило Тассо соединить два противуположные элемента, эпическій и романтическій, изъ чего не могло выйдти ничего хорошаго Поэзія Гомера вполнѣ демократична; его цари лишь первые между равными. Эпопея Виргилія была уже аристократична, какъ и его буколики. Поэма Тассо (что̀ бы ни толковали о распѣваніи строфъ изъ нея венеціанскими гондольерами и т. под.) произведеніе не народное, а монархическое и принаровленное къ вкусу роскошной эпохи Льва X Медичи и Альфонса Феррарскаго. Все это не вредитъ красотѣ классическихъ произведеній этого времени; мы пишемъ исторію, а не критику, и эстетика не наше дѣло. Въ дальнѣйшихъ замѣткахъ мы укажемъ только на то, какъ романтически-повѣствовательная поэзія среднихъ вѣковъ, возникшая въ народѣ и своими формами обличавшая недостатокъ внѣшняго образованія, была переработана Пульчи и другими, и ихъ ироническими дополненіями, насмѣшками и поруганіемъ народныхъ вѣрованій пришлась по вкусу скептической аристократіи XV столѣтія..

Мы скажемъ далѣе, какъ Аріостъ, не думая вовсе о Гомерѣ и Аристотелѣ, воспользовался матеріаломъ, собраннымъ Боярдо и Берни (т. X. стр. 384), чтобы произвести оригинальную героическую поэму; тамъ же покажемъ мы и поводы, заставившіе нѣсколько позже Тассо принорόвлять эпосъ и и идиллію къ вздорнымъ эстетическимъ требованіямъ. Теперь намъ слѣдуетъ сказать, что въ этомъ столѣтіи, когда только при дворахъ, да въ кружкахъ высшей аристократіи можно было найти вкусъ и образованность, когда всякая еретическая мысль, всякое революціонное слово строжайшимъ образомъ запрещались и жестоко наказывались, читателей и сбытъ находили лишь самые распущенныя въ нравственномъ отношеніи поэмы, сатиры и повѣсти, точь въ точь какъ при Людовикахъ XIV и XV и въ наше время. Для доказательства стоитъ только назвать одного писателя, который въ площадномъ и грязномъ безстыдствѣ превзошелъ все, что только было писано и печатано циническаго и подлаго, включая сюда и „Pucelle“ Вольтера. Характеристично то, что подобному автору покровительствовалъ папа, что его уважали и щедро награждали Карлъ V и всѣ современные ему государи, что наконецъ его защищало даже вообще столь неумолимо-грозное и строгое аристократическое правительство Венеціи. Писатель этотъ извѣстнѣе всего подъ именемъ Петра Аретина или Піетро д'Ареццо, по городу, гдѣ онъ родился. Онъ съ молоду былъ злобенъ и распутенъ, и его тогда еще выгнали изъ родного города. Но въ тѣ времена остроуміе и злость считались геніальностью, и слава Аретина скоро далеко распространилась, потому что онъ, какъ французъ Вольтеръ, владѣлъ языкомъ, колкой насмѣшкой и стихомъ, какъ немногіе изъ его современниковъ. Льву X, собиравшему при своемъ блестящемъ дворѣ художниковъ и ученыхъ, которые превозносили его до небесъ, нравились возмутительно-циническія стихотворенія Аретина, и онъ далъ ему незначительную должность.

Въ Римѣ Аретинъ познакомился съ Николо Франко,

занимавшимся такимъ же грязнымъ и богохульнымъ сочинительствомъ, за которое ему подъ конецъ пришлось дорого поплатиться. Онъ помогалъ Аретину своими учеными познаніями, которыхъ у того не было. Понятно, что такіе люди, какъ Николо Франко и Петръ Аретинъ, не могли долго оставаться друзьями. Впослѣдствіи они забавляли въ теченіе двадцати лѣтъ знатную публику своего времени отвратительно-грязными, циническими и полными ругательствъ сатирами, которыя писали другъ противъ друга. Николо Франко написалъ на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ книгу, съ грубой сальностью которой могутъ сравниться развѣ только творенія Аретина. Эта книга содержитъ въ себѣ двѣсти восемнадцать сатиръ на Аретина и наполнена неслыханными гадостями. И такая-то книга могла въ странѣ самого рьянаго религіознаго фанатизма разойтись въ промежутокъ 1543—48 гг. въ трехъ изданіяхъ *)! Мы упомянули о Николо Франко и о Петрѣ Аретинѣ только съ тѣмъ, чтобы показать, какіе люди и какія произведенія были терпимы въ Италіи въ то время, какъ Савонаролу, Оккино, Петра Мученика и другихъ благочестивыхъ людей жгли и изгоняли. Николо Франко болѣе двадцати пяти лѣтъ безпутствовалъ въ Римѣ; наконецъ папа Пій V вышелъ изъ терпѣнія и въ 1569 г. велѣлъ его повѣсить.

Петръ Аретинъ, какъ человѣкъ и писатель, былъ ни на волосъ не лучше; но онъ пользовался всемірной славой и ему покровительствовали государи и города. Изъ Рима ему пришлось выѣхать по слѣдующему поводу. Джуліо Романо (или даже, какъ утверждали нѣкоторые, Рафаэль) нарисовалъ съ удивительнымъ

*) Она озаглавлена: «Commentario sulla Priapea di Nicolo Franco». Дерзость посвященія показываетъ, что за отребье человѣчества былъ авторъ. Въ немъ говорится: «Agli infami principi dell'infame secolo suo Nicolo Franco Beneventano. Principi! Jo v'ho parlato in prosa. Che parte haggiate frà tante infamie v'el potre connoscere, se la vostra trascuraggine non sia cosi cieca in leggiere com'è sta in danare.»

мастерствомъ шестнадцать возмутительныхъ для чистаго чувства сценъ утонченнаго сладострастія, и къ этимъ-то рисункамъ, превосходно вырѣзаннымъ на мѣди въ Болоньѣ Марко Антоніо, Аретинъ написалъ шестнадцать непристойныхъ сонетовъ (sonnetti lussuriosi). Изъ-за этихъ сонетовъ ему пришлось удалиться изъ Рима, и онъ отправился на родину въ Ареццо. Здѣсь онъ явился удивительно ловкимъ дипломатомъ, поражая своими ядовитыми пасквилями тѣхъ, кто не могъ ему вредить и, напротивъ, ссужая своимъ жаломъ людей сильныхъ и щедрыхъ къ нему. Онъ получилъ почетную золотую цѣпь отъ Франциска I, а отъ папы позволеніе возвратиться въ Римъ. Находясь въ венеціанскомъ посольствѣ къ Карлу V, онъ пользовался большимъ вниманіемъ императора, чѣмъ кто либо изъ посланниковъ. Аретинъ былъ такъ же хвастливъ и грубъ, какъ злобенъ, колокъ и ловокъ въ выраженіяхъ. Зная всѣ слабости своего времени, всѣ пороки и распутства государей и аристократіи; Аретинъ хвалился, что онъ могущественнѣе и страшнѣе папы и императора. Мы приведемъ его собственныя слова, чтобы показать, какъ скромно онъ выражался. „Чего вамъ нужно?“ говоритъ онъ: „я извѣстенъ персидскому шаху и индійскому моголу; во всемъ мірѣ никто не сравнится съ моею славой. Такъ чего же вы хотите?

Намъ, нѣмцамъ, трудно найти что нибудь хорошее въ этомъ дрянномъ человѣкѣ и въ его гнусныхъ сочиненіяхъ. Даже Монтань, умѣвшій подчасъ находить остроуміе и философію въ грязномъ цинизмѣ, признаетъ въ Аретинѣ лишь посредственное дарованіе. Но не такъ думаютъ о немъ итальянскіе авторитеты. Такъ Альфьери, съ неслыханнымъ прилежаніемъ изучавшій родной языкъ и старавшійся возвратить его отъ опернаго тона и изнѣженности къ древней мужественной силѣ, говоритъ, что многимъ обязанъ изученію діалоговъ Аретина. Насъ впрочемъ не должны удивлять успѣхъ и удача Аретина. Онъ былъ истый итальянецъ, имѣлъ природное дарованіе, не боялся ни Бога, ни людей и былъ знакомъ съ самыми извращенными наслажде-

ніями своихъ развратныхъ земляковъ, нравственно испорченныхъ дворовъ и утопавшаго въ роскошной праздности духовенства. Сочиненія его, за исключеніемъ комедій, такого рода, что иногда даже заглавіе ихъ трудно произнести, не краснѣя; къ счастію они очень рѣдки. Только въ комедіяхъ своихъ онъ не былъ циниченъ, и онѣ отличаются народнымъ тономъ. Нельзя поэтому не пожалѣть, что въ Италіи, изъ-за господства импровизированной комедіи и оперы, пренебрегали правильной комедіей (Comedia del arte), превосходные опыты которой представили Аретинъ, Аріосто и Макіавелли.

Ѣдкая сатира Аретина совпадала съ настроеніемъ времени. Негодованіе общества рвалось наружу рѣзкими путями. Стоитъ только вспомнить, какой длинный списокъ людей, владѣвшихъ ироніей и злою сатирой, представляетъ намъ XVI в. Во Флоренціи низшіе классы отличались остроуміемъ и оригинальностью, такъ что два безсмертныя имени въ исторіи литературы XVI стол. принадлежатъ — одно сапожнику, другое портному этого города. Сапожникъ Джелли былъ авторомъ очень популярныхъ „Діалоговъ“ во вкусѣ „Разговоровъ“ Лукіана, а смерти его, въ 1569 г., портной Микель Капри произнесъ надъ гробомъ его рѣчь, которая считается образцовымъ произведеніемъ народнаго итальянскаго краснорѣчія.

Чтобы имѣть успѣхъ между своими современниками, даже высшіе классы должны были поддѣлываться подъ тонъ Аретина. Всѣ требовали, чтобы писатели дѣйствовали не утонченностями діалектики, а грубымъ смертоноснымъ оружіемъ. Классическія сатиры Аріосто и Нелли, написанныя въ аристократическомъ тонѣ Горація, имѣли читателей, но не публику. Напротивъ, Берни (т, X, стр. 385) пришелся больше по вкусу своимъ землякамъ, Сатиры его не такъ грязны, какъ сатиры Аретина, но едва ли не язвительнѣе ихъ *).

*) Мы приведемъ изъ нихъ лишь два образца и при томъ въ подлинникѣ, такъ-какъ никакой переводъ, какъ бы ни былъ хорошъ, не дастъ полнаго

Что касается эпоса, то мы уже упоминали (т. X, стр. 380 и сл.), что не мало поэтовъ занималось составленіемъ героическихъ поэмъ на маперъ Гомера. Собранный ими матеріалъ представилъ Боярдо въ огромной массѣ стиховъ. Но произведеніе Боярдо было лишено изящной формы. По этому три итальянскихъ поэта въ XVI стол. пытались создать истинно національную героическую поэтому, двое — изъ матеріаловъ, представляемыхъ Боярдо, а третій — изъ романтическаго сюжета, которому онъ хотѣлъ дать классическую форму, не бывшую въ виду у двухъ первыхъ. Три поэта эти были: Аріосто, жившій и писавшій до 1533 г., Берни, умершій въ 1538 или въ 1544 г. и Тассо, дожившій до 1595 г.

Не обращая вниманія на піитику Аристотеля, Берни и Аріосто, придерживались „Влюбленнаго Роланда" Боярдо или—другими

понятія о нихъ характерѣ. Беремъ сначала стихи Берни противъ Адріана VI. Этотъ папа былъ, какъ извѣстно, сынъ портного, на что намекаетъ стихотвореніе, а также на нидерландское происхожденіе Адріана и на то, что онъ былъ намѣстникомъ Карла V въ Испаніи и преемникомъ флорентинца Льва X, вслѣдствіе чего упоминается о «Tedeschi» (нѣмцахъ), «Marrani» (маврахъ) и «Fiorentini» (флорентинцахъ). Вотъ самые стихи:

«O poveri infelici cortegiani,
Usciti delle man dei Fiorentini
E dati in preda a Tedeschi e Marrani,
Che credete che importin quegli uncini
Che porta per impresa quest' Arlotto,
Figliol' d'un cimador de'panni lini?

Слѣдующіе стихи Берни направлены противъ Александра Медичи, который былъ навязанъ флорентинцамъ Клементомъ VII и предавался въ Венеціи жестокостямъ и распутству, неслыханнымъ со временъ Каракаллы.

«Empio signor, che de la roba altrui
Lieto ti vai godendo e del sudore:
Venir ti possa un canchero nel cuore;
Che ti porti di peso regni bui.
E venir possa un canchero a colui (Клементу VII),
Che di quella citta ti fe signore.
E s' egli è altro che ti diu favore
Possa venir un canchero anche a lui».

словами — поэтическихъ народныхъ былинъ о Карлѣ Великомъ и его паладинахъ, былинъ, которыя жили въ устахъ народа и пѣлись странствующими пѣвцами во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Берни, очень остроумный сатирикъ, слѣдовалъ въ точности Боярдо и только переработалъ его, но съ паладинами и ихъ подвигами поступилъ такъ же, какъ Пульчи въ „Morgante“ т. X, стр. 380 и сл.), только не пускаясь въ крайности, какъ тотъ. Въ „Orlando Inamorato“, который ему первому обязанъ своею извѣстностью, Берни выбросилъ всѣ тривіальные и плохіе стихи, другіе же обработалъ, исправилъ и вставилъ множество сентенцій и остротъ, но сохранилъ наивную и народную манеру разсказа *). Онъ воспользовался при этомъ успѣхами, сдѣланными въ его вѣкъ итальянскимъ языкомъ, надъ которымъ работали классическіе ученые и многіе писатели.

Аріосто также удержалъ шутливый и часто ироническій тонъ повѣствовательной народной поэзіи. Тонъ этотъ, въ подражаніяхъ Виланда, Алькзингера и Никола и другихъ, слѣдовавшихъ Аріосту, кажется намъ, нѣмцамъ, по несходству нѣмецкаго характера съ итальянскимъ, нѣсколько натянутымъ, и остроты названныхъ авторовъ бываютъ часто пошлы. Величавая поэзія Аріосто, это очаровательное соединеніе чудеснаго и причудливаго съ ироніей, проницательностью и возвышенностью, ускользаетъ, правда, отъ вниманія обыкновеннаго читателя: но за то знатокъ классической литературы найдетъ въ „Неистовомъ Роландѣ“ Аріоста все то, чѣмъ плѣнялся въ „Разговорахъ“ Платона. Плавность и естественность стиховъ, ихъ натуральное благозвучіе, не нарушаемое ни однимъ искуственнымъ тономъ, увлекающая сила, полнота и порывистость рѣчи, меткость въ выраженіи и выборѣ словъ, — всѣ эти достоинства Аріосто такъ очаровали итальянцевъ, что онъ сдѣлался для нихъ, какъ Гомеръ для грековъ, образцомъ и источникомъ истинно-итальянской поэзіи. Сила во-

*) Онъ прибавилъ къ поэмѣ, какъ говорятъ итальянцы, copia de lepidezze.

ображенія у Аріосто была такъ же плодовита и неистощима, какъ у Данте, но въ другомъ родѣ. Всѣ описательныя мѣста отличаются у него естественностью, точнымъ и яркимъ колоритомъ и правдой. Онъ не объясняетъ, не описываетъ, не разсказываетъ, а ставитъ все живьемъ передъ глазами читателя. Странно слушать, когда его обвиняютъ въ томъ, что манера его разсказа не такова, какъ у Гомера. Въ томъ-то и великое преимущество его передъ Тассо, что онъ не хотѣлъ быть ни Виргиліемъ, ни Гомеромъ, а оставался только итальянцемъ и сыномъ своего времени. Это забывалъ Альфьери, упрекая Аріосто въ безпорядочности разсказа. Этотъ мнимый недостатокъ находился и въ источникахъ, которымъ слѣдовалъ Аріосто; притомъ эта довѣрчивая манера, это обращеніе съ читателемъ съ добродушной фамильярностью, какъ съ старымъ знакомымъ, очень нравится итальянцамъ въ Аріосто. Впрочемъ, стоитъ только прочитать начальныя строфы каждой пѣсни поэмы, чтобы убѣдиться, что, не смотря на свои веселыя шутки и небрежность своей манеры, Аріосто въ должныхъ мѣстахъ постоянно возвышается до страсти и является столь же серіознымъ, какъ Аристофанъ въ хорахъ своихъ далеко не утонченныхъ комедій.

Мѣсто не позволяетъ намъ привести болѣе двухъ отрывковъ изъ поэмы Аріосто, чтобы показать серьезность его философскихъ замѣчаній, легкое теченіе его стиховъ и живость и прелесть его описаній. Мы не прилагаемъ къ нимъ перевода, потому-что другой языкъ не можетъ передать всей музыкальности подлинника. Оба отрывка взяты изъ шестой пѣсни,—одинъ изъ начала ея *),

*) Miser, chi male oprando si confida,
Ch' ognor star debbia il maleficio occulto;
Che quando ogni altro tace, intorno grida
L' aria e la terra istessa, in ch' è sepulto:
E Dio fa spesso, che'l peccato guida
Il peccator, poich' alcun di glin ha indulto,
Che se medesmo, senz' altrui richiesta,
Inavedutamente manifesta.

другой изъ середины, гдѣ описываются сады герцога Альфонса Феррарскаго *).

Тассо хотѣлъ удовлетворить требованіямъ классическихъ ученыхъ своего времени и новаго поколѣнія, воспитаннаго на грамматикѣ и риторикѣ послѣднихъ двухъ столѣтій, хотѣлъ угодить придворнымъ и дамамъ, желавшимъ имѣть эпопею во вкусѣ Виргилія. Тассо достигъ этой цѣли. Заслуга его не умаляется тѣмъ, что онъ къ Аріосто и Данте, и даже къ Берни, стоитъ въ такомъ же отношеніи, какъ Еврипидъ къ предшествовавшимъ ему трагикамъ. Какъ его, такъ и послѣдующее время видѣли дѣйствительный и существенный прогрессъ въ томъ, что было лишь усовершенствованіемъ формы. Кто же дерзнулъ бы противупоставить свое одиночное сужденіе взгляду столькихъ поколѣній? Тѣ или другіе недостатки, находимые у Тассо, были недостатками времени, для котораго онъ работалъ. Въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ о немъ читатель не найдетъ безусловной похвалы; но это происходитъ оттого, что въ Тассо, усовершенствовавшемъ форму, художникѣ поэтическаго языка, пренебре-

*) . . . Culte pianure e delicati colli,
Chiare acque, ombrose ripe e prati molli;
Vaghi boschetti di soavi allori,
Di palme e d' amenissime mortille;
Cedri ed aranci, ch' avean frutti e fiori
Contesti in varie forme e tutte belle,
Facean riparo ai fervidi calori
De' giorni estivi con lor spesse ombelle;
E tra quei rame con sicuri voli
Cantando se ne giano i rosingnuoi.
Tra le purpuree rose ed i bianchi gigli
Che tepida aura freschi ognora serba,
Sicuri si vedean lepri e conigli
E cervi con la fronte alta e superba,
Senza temer ch' alcun gli uccida o pigli,
Pascano o stiano ruminando l'erba:
Saltano i dami ed i capri snelli, e destri,
Che sono in copia in quei luoghi campestri.

гавшаго и силою Данте и естественностью Аріосто, мы видимъ какъ и въ Еврипидѣ, высшую степень цивилизаціи, съ которой вездѣ и всегда, въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ, начинается упадокъ. Тассо взялъ сюжетъ для своего произведенія тоже изъ цикла рыцарскихъ былинъ, но не о паладинахъ Карла Великаго или Круглаго Стола, а о религіозныхъ походахъ на Іерусалимъ. Какъ Боярдо, Аріосто и Берни, онъ воспѣвалъ любовь, рыцарство и христіанскій энтузіазмъ; но онъ откинулъ иронію и шутку и пустился въ свѣтскій сантиментализмъ. Онъ пишетъ про чудеса и волшебства, но воздаетъ должную честь и святымъ, и въ особенности церковной іерархіи.

Данте бралъ „Энеиду" съ тѣмъ, чтобы одухотворить разсужденія и поэтическую декламацію Виргилія, и превратить ихъ въ новую, аристократическую философію. Тассо только перифразируетъ Виргилія, заботясь о занимательности и о благозвучіи. Онъ обращается съ древними, какъ Виргилій съ Гомеромъ. Его можно объяснять цитатами древнихъ поэтовъ, которыхъ онъ часто цѣликомъ переводитъ, какъ Гейне, объясняющій въ своихъ примѣчаніяхъ Виргилія Гомеромъ. Читая Данте и Аріосто, любитель древнихъ авторовъ вездѣ чувствуетъ, подъ вліяніемъ какого именно мѣста, какого древняго поэта они написали то или другое; но воспроизведеній въ собственномъ смыслѣ у нихъ очень мало. Совсѣмъ не то у Тассо *). Это не отнимаетъ цѣны у его произведенія, а показываетъ только, что Тассо — о чемъ только мы и можемъ говорить здѣсь — жилъ въ такое время, когда въ поэзіи гладкость, занимательность и пріятность, цѣнились болѣе чѣмъ оригинальность, геній и глубина. Оттого-то Тассо довольно точно соблюдалъ правила Аристотеля и,

*) Съ первыхъ же странъ «Освобожденнаго Іерусалима» видно, какъ подступалъ Тассо. Его «Canto l'arme pietose e'l Capitano» есть ни что иное, какъ перифразъ начала «Энеиды» Виргилія: «Arma virumque cano», и пр. «Musa, tu che non di caduchi allori», и пр., напоминаетъ стихи Данте, а «Cosi porgiamo a l'egro faciul», и пр. есть просто переводъ стиховъ Лукреція.

чтобы не утомлять своей публики, далъ своей поэмѣ гораздо меньшій объемъ, чѣмъ его предшественники своимъ. Произведеніе Боярдо представляется чѣмъ-то въ родѣ депо богатырскихъ сказокъ; Берни тоже не могъ добраться до конца своей поэмы, и Аріосто, предполагающій читателя знакомымъ съ произведеніемъ Берни и какъ бы продолжающій его, страшно растягиваетъ свою поэму. Въ первомъ изданіи (1516 г.) она состояла изъ сорока, а во второмъ, исправленномъ (1533 г.) изъ сорока шести пѣсенъ, изъ которыхъ въ каждой около восьмидесяти восьмистишныхъ строфъ (октавъ).

Какъ ни романтиченъ „Освобожденный Іерусалимъ", но Тассо старался сблизить содержаніе его съ исторіей, или, лучше сказать, вмѣстить историческія черты въ поэтическій вымыселъ, не думая о томъ, что такіе элементы несовмѣстимы. Историческое у Гомера и Виргилія есть миѳъ или національное преданіе изъ темной давней эпохи, съ которымъ можно дѣлать, что угодно; „Фарсалія" Лукана не эпосъ, а скорѣе поэтическо-историческій разсказъ стоика. Тассо часто слѣдуетъ съ такою точностью извѣстіямъ писателей временъ крестовыхъ походовъ (которыми могъ пользоваться еще въ рукописи), что нерѣдко стихи его могутъ служить историческимъ дополненіемъ или объясненіемъ дѣйствительной исторіи.

Та же манера, та же передѣлка Виргилія, та же сентиментальность, которыя мы видимъ въ поэмѣ Тассо, встрѣчаются и въ его идилліяхъ; но здѣсь не видно уже ни того мастерства формы и языка, ни того чувства, какими отличается „Освобожденный Іерусалимъ"; отъ идилліи Тассо только одинъ шагъ до того извращенія вкуса, которое произвело „Вѣрнаго Пастушка" („Pastor Fido") Гварини. Упадокъ итальянской поэзіи въ лицѣ Гварини и Марини совпадаетъ со временемъ возникновенія классической французской поэзіи, въ особенности же съ возрожденіемъ древней, истинной комедіи въ произведеніяхъ Мольера въ XVII в. Потому мы отнесемъ наши замѣчанія объ отношеніи „Аминты" Тассо

къ „Pastor Fido" Гварини и къ литературнымъ фабрикаціямъ Марини въ отдѣлъ французской литературы этого столѣтія.

б. Исторія.

Важнѣйшимъ литературнымъ событіемъ XVI столѣтія было безспорно возникновеніе церковной исторіи, какъ науки, и спеціальная обработка ея въ смыслѣ и духѣ папизма кардиналами Бароніемъ и Райнальдомъ, въ антипапскомъ, хотя и католическомъ духѣ—Паоло Сарпи, и въ протестантскомъ—такъ называемыми магдебургскими центуріаторами. Труды первыхъ были вызваны послѣдними, и потому объ итальянскихъ церковныхъ историкахъ и ихъ произведеніяхъ умѣстнѣе будетъ поговорить въ слѣдующемъ томѣ.

Такимъ образомъ мы остановимся здѣсь только на политической исторіи. Въ XVI столѣтіи она приняла въ Италіи то же направленіе, какое мы видимъ въ ней вездѣ въ наши дни. Она была риторическаго, софистическаго, дипломатическаго и руководительно-политическаго характера. Безъ всякихъ разсужденій ясно, какъ страдаетъ сущность дѣла, когда вниманіе обращается преимущественно на форму; какъ исчезаетъ простая философія жизни, когда историкъ, для того ли, чтобы быть полезнымъ, или чтобы прославиться, или для того лишь, чтобы быть читаемымъ, долженъ писать то, чего требуетъ отъ него такъ называемое образованное общество его времени. Такъ точно, обращаясь къ итальянскимъ историкамъ XVI вѣка, мы можемъ удивляться въ нихъ, какъ въ Тассо, великимъ достоинствамъ и высокому художественному генію и съ благодарностью признавать ихъ заслуги; но нельзя не видѣть, что они были сынами времени перетонченной цивилизаціи и должны были подлаживаться подъ духъ этого времени. Мы можемъ указывать здѣсь только на послѣднее, такъ какъ обстоятельная критическая оцѣнка авторовъ принадлежитъ уже къ области спеціальной исторіи литературы. Мы ограничимся лишь указаніемъ и намеками, — пусть читатель не ждетъ отъ насъ ни правилъ, ни

описанія характеровъ, ни оракульскихъ изрѣченій. Мы обязаны замѣтить это, чтобы насъ не укоряли, будто намъ хочется противорѣчить тому, что твердо укоренилось, или умалять то, что съ другой точки зрѣнія представляется неоспоримо-великимъ. Только глупцы или упрямцы могутъ говорить, что вещи, поставленныя очень высоко одобреніемъ вѣковъ и большинствомъ голосовъ, не стоятъ этого мѣста; но въ то же время большинство и ученые неправы, негодуя на то, что человѣкъ высказываетъ свое собственное воззрѣніе, составленное собственнымъ изслѣдованіемъ и размышленіемъ.

Въ теченіи XV столѣтія, какъ было уже замѣчено (т. IX, стр. 437), передовые люди Италіи во всѣхъ городахъ и областяхъ старались писать исторію своего отечества классическою латынью, такъ какъ всѣ акты, дипломатическія ноты, письма и пр. писались на этомъ языкѣ, и слѣдовательно каждый дипломатъ и министръ долженъ былъ владѣть въ совершенствѣ латинскимъ языкомъ. Это измѣнилось, когда итальянскій языкъ былъ вполнѣ разработанъ и возродилась древняя цивилизація. Мы будемъ поэтому говорить здѣсь только о людяхъ, писавшихъ исторію своего времени на родномъ языкѣ. Только по нимъ можно судить о характерѣ времени, такъ какъ тѣ, которые, чтобы быть признанными, писали по латыни, должны были до смѣшнаго и нелѣпаго гоняться за древне-классическимъ способомъ выраженія. Тѣмъ не менѣе между латинскими историками, изданными Муратори въ его большой коллекціи итальянскихъ историческихъ источниковъ, есть не мало хорошихъ произведеній. Но наше дѣло не критиковать историческіе источники XVI вѣка, а взглянуть на духъ и образованность этого времени. Мы ограничимся указаніемъ лишь на нѣсколькихъ писателей и на ихъ труды, которые покажутъ намъ, что и лучшія, донынѣ считающіяся классическими, историческія произведенія носятъ на себѣ характеръ своего вѣка. Въ глазахъ людей здравомыслящихъ это такъ мало вредитъ имъ, что напротивъ они заслуживали бы по-

рицанія, еслибъ были не сынами своего времени, а фигурами въ костюмѣ Ѳукидида или Тацита, какъ это часто встрѣчается у нѣмцевъ.

Изъ числа историковъ слѣдуетъ по многимъ причинамъ прежде всего назвать Макіавелли. Взглядъ на его практическую дѣятельность покажетъ, что онъ долженъ былъ предпочитать политическую мудрость философской и по привычкѣ съ необыкновеннымъ искуствомъ, софистикой и изяществомъ слога писать политическія и дипломатическія творенія; взглядъ этотъ покажетъ, что онъ былъ склоннѣе къ умному и полезному, чѣмъ къ мудрому, истинному и благому. При вступленіи его въ общественную жизнь, мы находимъ Макіавелли республиканцемъ, на службѣ аристократической партіи во Флоренціи, стало быть противникомъ Медичи, стоявшихъ во главѣ демократической партіи. Козьма Медичи и сыновья его играли роль Цезаря; Макіавелли, напротивъ, пока аристократія была въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, разыгрывалъ Цицерона. Въ эту пору онъ былъ государственнымъ секретаремъ флорентинской республики и въ качествѣ посланника брался за важнѣйшія дѣла, которыхъ никогда не взялъ бы на себя человѣкъ съ строгими принципами или, взявшись, повелъ бы дурно. Въ 1499 г. Макіавелли былъ посланъ для веденія интригъ къ графу Форли. Четыре раза (1500, 1503, 1510 и 1511 г.) съ подобными же цѣлями ѣздилъ онъ къ французскому двору. Такъ же точно былъ онъ посланъ въ Пизу и сблизился въ 1502 г. съ Цезаремъ Борджіа, котораго восхваляетъ какъ политика, не заботившагося о нравственности. Въ 1503 и 1506 г. интриговалъ онъ въ Римѣ; а какую политическую мудрость тамъ искали и чтили, можно легко судить по тому, что̀ было разсказано нами прежде. Въ 1505 г. Макіавелли былъ посланъ въ Перуджію, тогда же и потомъ еще разъ (1509 г.) въ Мантую и къ синьйору Піомбино, въ 1504 г. три раза въ Сіену, въ 1507 г. къ императору Максимиліану I. Впослѣдствіи онъ служилъ совсѣмъ иной политикѣ, ѣздилъ въ

1521 г. въ Капри и въ 1523 г. въ Венецію. Въ 1526 г. Макіавелли былъ посланъ къ Гвиччіардини, который управлялъ тогда папскими дѣлами въ Ломбардіи. Изъ всего этого видно, что для правильнаго обсужденія различныхъ историческихъ и политическихъ мнѣній и взглядовъ Макіавелли слѣдуетъ изучить сначала его посольскія донесенія или письма къ своему правительству (Signoria). Дипломатъ не можетъ оставить ихъ безъ вниманія; но они показываютъ въ то же время, что политикъ съ полнымъ довѣріемъ можетъ обратиться за поученіемъ къ произведеніямъ Макіавелли, историкъ же, напротивъ, долженъ читать ихъ съ тою же осмотрительностью, съ какою нѣмецъ читаетъ произведенія Іоганна Миллера. Дипломатическія извѣстія Макіавелли, изданныя въ первый разъ во Флоренціи подъ заглавіемъ „Legazioni", въ 1767 г., занимаютъ два тома въ миланскомъ изданіи „Classici Italiani". Мы встрѣчаемся и въ нихъ со всею утонченностію образованнаго итальянца изъ высшаго класса общества, со всею образованностью и ученостью знатока классической древности и въ то же время со всѣми хитростями и увертками софистическаго поколѣнія, совершенно лишеннаго честности, правды и религіозности.

Въ 1512 г. Макіавелли, Каппони, Босколи и нѣсколько другихъ приверженцевъ старой аристократической республики были запутаны, справедливо или нѣтъ, въ процессъ по поводу заговора, который имѣлъ цѣлью истребить во Флоренціи всю фамилію Медичи. Пытка ужасно изуродовала Макіавелли. Съ этого времени началось для него удаленіе отъ политической дѣятельности, длившееся съ 1513 г. по 1519 г. и бывшее для него тяжелѣе, чѣмъ для другихъ. Въ это время Макіавелли трудился надъ своими сочиненіями, которыя, не смотря на свои совершенства, обличаютъ повсюду, какъ стихотворенія лорда Байрона, безпокойный характеръ автора. Замѣчательнѣйшіе люди трехъ послѣднихъ столѣтій и въ особенности многочисленные политики нашего времени, возвратившагося къ государственному искуству

Макіавелли, какъ либералы, такъ и нхъ противники, превозносятъ его, однако, до небесъ. Если брать въ разсчетъ только геній, то они правы; мы же говоримъ только о впечатлѣніи, которое производятъ на непредубѣжденную, богобоязненную душу эти мастерскія произведенія, написанныя такимъ увлекательнымъ слогомъ и обличающія великій геній, многостороннія дарованія и рѣдкую изобразительную способность. Въ основѣ всѣхъ политическихъ и историческихъ произведеній Макіавелли—принципъ безнадежный, хотя нельзя не сознаться, что онъ совершенно вѣренъ для круга опытности Макіавелли. Этотъ принципъ состоитъ въ томъ, что во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ главное не нравственность, а умъ, власть и сила. Макіавелли при этомъ и не подозрѣваетъ, къ какимъ страшнымъ результатамъ повела бы такая мысль, еслибы стала обще-признанною истиной.

Идеалами Макіавелли были аристократическій Римъ и олигархическое правительство Венеціи; кромѣ того, имъ руководилъ и собственный опытъ въ эпоху, какой мы ее изобразили прежде,—и потому ему было не трудно принаровить римскую исторію къ своимъ политическимъ взглядамъ. Онъ сдѣлалъ это въ своихъ „Бесѣдахъ о Ливіи“ („Discorsi sulla storia di Tito Livio“), основою которымъ служили лекціи, читанныя имъ аристократической молодежи Флоренціи въ садахъ Руччелаи. Художественныя достоинства этихъ разсужденій о римской исторіи признаны всѣми и, не имѣя въ виду критическаго разбора, мы не станемъ распространяться о нихъ. Макіавелли старался въ своихъ бесѣдахъ, съ талантомъ и пріемами древнихъ ораторовъ, доказать юношамъ, воодушевленнымъ энтузіазмомъ къ Риму и древней Флоренціи, что нѣтъ ничего выше римскихъ учрежденій. Онъ совершенно забываетъ при этомъ, какъ наши англоманы, что обиліе и блескъ еще вовсе не совершенство и не благо для всѣхъ безъ различія гражданъ. Впрочемъ, съ своей ученостью и искуствомъ въ дипломатической софистикѣ, Макіавелли было не трудно возвысить значеніе римскихъ учрежденій; приводя въ

сравненіе тогдашнюю Францію и Англію и имперію временъ Тацита, онъ могъ доказать, что все позднѣйшее хуже. Какъ государственный человѣкъ и софистъ блестящей эпохи, какою была пора его молодости, Макіавелли извиняетъ всѣ злодѣянія; онъ старается представить неважными распри народа съ патриціями; политическое воззрѣніе римлянъ кажется ему превосходнымъ; напротивъ, христіанство онъ отодвигаетъ на второй планъ и приписываетъ упадокъ Италіи папству и его власти. Натяжки и парадоксы онъ подкрѣпляетъ фактами съ такимъ искуствомъ и съ такою ученостью, что величайшіе археологи приходили въ восторгъ, находя у Макіавелли доказаннымъ, по ихъ мнѣнію, то, что имъ страстно хотѣлось считать доказаннымъ. Впрочемъ, бесѣды Макіавелли о Титѣ Ливіи очень подробны, и для пониманія ихъ необходимо серьезное изученіе древности и близкое знакомство съ аристотелевскими принципами государственной мудрости. Поэтому ихъ едва ли понимали или даже читали съ должнымъ вниманіемъ люди, наиболѣе кричавшіе о нихъ въ наше время.

Сочиненіе Макіавелли „О войнѣ“ (Della guerra), въ семи книгахъ показываетъ намъ его человѣкомъ, далеко превышающимъ свой вѣкъ и историкомъ—политикомъ, который видѣлъ насквозь недостатки людей и правительствъ своего времени, указалъ настоящія средства поправить зло и вслѣдствіе этого не нашелъ послѣдователей. Онъ старается пробудить италіянцевъ отъ сна, въ который погрузила ихъ роскошь и изнѣженность, и указываетъ на причины ихъ слабости, которою воспользовались иностранцы для подавленія Италіи. Онъ обращаетъ вниманіе на вредъ системы заставлять сражаться за себя людей, нанятыхъ за деньги (кондотьери) и совѣтуетъ образовать родъ земскаго ополченія; чтобы совѣтъ его былъ дѣйствительнѣе, онъ пользуется пробудившимся тогда въ Италіи энтузіазмомъ къ древнему Риму и его учрежденіямъ. Въ этомъ случаѣ его превосходное знаніе исторіи служитъ ему не для под-

крѣпленія софизмовъ, а для историческихъ цѣлей. Макіавелли показываетъ итальянцамъ, что Клавдій Марцеллъ, Марій, Сципіоны, Юлій Цезарь съ одними итальянцами побѣдили всѣ тѣ народы, которые теперь подавляютъ Италію.

Это сочиненіе посвящено молодымъ друзьямъ автора, Буондельмонте и Луиджи Аллеманни, которымъ онъ читалъ лекціи о римской исторіи. Для нихъ же написалъ онъ еще небольшую книгу, въ которой старается опровергнуть тѣхъ, которые утверждаютъ, будто то, что было возможно въ Италіи во времена древнихъ римлянъ, теперь невозможно. Эта книга — біографія Каструччіо Кастракани (т. VIII, стр. 130 и сл.). Отношеніе ея къ цѣли всѣхъ произведеній Макіавелли — пробудить прочный патріотизмъ и благородное національное чувство въ своихъ соотечественникахъ, погруженныхъ въ роскошный и изнѣженный сонъ—было, повидимому, упущено изъ виду многими, писавшими о Макіавелли. Даже Генгене, очень подробно говорящій о Макіавелли въ VIII томѣ своей „Исторіи италіанской литературы", не указываетъ, въ чемъ именно состоитъ значеніе этой біографіи, хотя, судя по одному мѣсту въ его сочиненіи, онъ, кажется, чувствовалъ это значеніе. Макіавелли смотрѣлъ па исторію не какъ на цѣль или—другими словами—не какъ на изображеніе случившагося, а какъ на средство. Вотъ почему онъ выбралъ жизнь гражданина такого маленькаго государства какъ Лукка, чтобы на ней осязательно показать, что человѣкъ съ характеромъ и талантомъ, даже и въ падшей Италіи, можетъ, начавъ съ немногаго, возвеличить и себя, и свое отечество. Макіавелли и здѣсь остается вѣренъ своему политическому принципу, противупоставляемому имъ іезуитизму и лицемѣрной католической философіи. Герой Макіавелли формулируетъ свой принципъ такъ: „Человѣкъ не долженъ ни передъ чѣмъ робѣть и отступать, онъ долженъ все испытывать, на все рѣшаться". Это лишь одинъ изъ выводовъ, сдѣланныхъ Макіавелли изъ своего опыта; само собою разумѣется, что кто на все рѣшается и хочетъ все испытать, подвергается и опасности

быть побѣжденнымъ и погибнуть, такъ какъ жизнь сравнивается съ лоттереей.

Собственно историческая сторона была въ этой біографіи дѣломъ постороннимъ, и Макіавелли вовсе не строго держался фактовъ; поэтому Альдъ Мануцій Младшій напрасно нападалъ на нее. Этотъ основательно-ученый мужъ употреблялъ всѣ старанія, путешествовалъ, вдавался въ изслѣдованія и изысканія, наводилъ справки, чтобы раскрыть историческія ошибки Макіавелли и доказать, что этотъ великій человѣкъ пренебрегалъ точнымъ изученіемъ фактовъ. Пункты, исправленные, какъ говорятъ, Альдомъ (мы не видали его книги), вовсе не относятся къ главной цѣли Макіавелли. Тѣмъ не менѣе, желательно бы было, именно для историческихъ изысканій, чтобы сочиненіе Альда *) не было такою библіографическою рѣдкостью. Этого сочиненія не видали не только Генгене, но и Ренуаръ, посвятившій всю свою жизнь библіографіи альдинскихъ изданій. Книга Макіавелли превосходна какъ политическое наставленіе, плоха какъ исторія и посредственна какъ біографія. Римское изящество, которому Макіавелли и въ ней, какъ въ своей „Флорентинской исторіи“ жертвуетъ простотою и безискуственною истиной, производитъ непріятное впечатлѣніе; самая характеристика слаба и лишена поэтической смѣлости Плутарха.

Единственное въ полномъ смыслѣ слова историческое сочиненіе Макіавелли, его „Флорентинская исторія“ въ восьми книгахъ **) посвящено папѣ Клементу VII. Уже одно это показываетъ, что она, хотя пропитана классицизмомъ, но не могла бы быть написана перомъ какого-нибудь Дино Компаньи или даже Велутелло. Въ своей „Флорентинской исторіи“ Макіавелли также слѣдуетъ политической цѣли, упуская изъ виду неприкра-

*) «Le azioni di Castruccio Castracani degli Antelminelli, signore di Lucca, con la genealogia della famiglia», Roma 1590, 4°.

**) «Istorie Fiorentini di Nicolo Machiavelli, cittadino e secretario Fiorentino».

шенную и безискуственную историческую правду; но эта цѣль самая благородная изъ всѣхъ, какія можетъ задавать себѣ писатель. Жаль только, что часто изысканное подражаніе древнимъ образцамъ, длинныя вставныя рѣчи, ухищренно-приводимыя сентенціи и съ изумительнымъ искуствомъ построенные періоды, отвлекая отъ дѣла, обращаютъ вниманіе на художественность автора. Какъ бы то ни было, Макіавелли одинъ обладалъ искуствомъ сдѣлать изъ исторіи города—всемірную исторію. Это было возможно для него лишь потому, что до него многіе превосходные писатели обстоятельно писали на родномъ языкѣ обо всемъ, относящемся до внѣшней исторіи Флоренціи, и онъ могъ предполагать въ читателяхъ своихъ фактическое знаніе и заняться преимущественно разработкою внутренней исторіи города.

Цѣль, которую преслѣдуетъ Макіавелли въ этомъ сочиненіи, мы назвали превосходною, потому что онъ старался показать своимъ соотечественникамъ, на ихъ собственной исторіи, ходъ и результатъ всей исторіи міра. Макіавелли показываетъ, что ошибки предшествующаго поколѣнія идутъ въ ущербъ послѣдующему и разбираетъ самыя ошибки. Онъ доказываетъ ясными доводами, что физическое разслабленіе и нравственная смерть тѣсно связаны другъ съ другомъ, и что всѣ государства процвѣтаютъ лишь до тѣхъ поръ, пока въ нихъ господствуетъ простота нравовъ и пока роскошь и изнѣженность гражданъ не ослабили силы народа. Во Флоренціи, какъ показываетъ Макіавелли, правительственная власть и сила были сначала, какъ въ древнемъ Римѣ, исключительно въ рукахъ дворянства или, лучше сказать, патриціевъ; но флорентинскіе патриціи, какъ и римскіе, утратили господство отъ гордости и алчности, и оно перешло въ руки средняго сословія или буржуазіи. Это сословіе, какъ доказываетъ Макіавелли, къ недостаткамъ, свойственнымъ среднимъ классамъ, вскорѣ присоединило и недостатки своихъ предшественниковъ, патриціевъ, и такимъ образомъ открылся путь къ власти тѣмъ, кто ста-

новился во главѣ народной массы и именемъ ея стремился къ абсолютизму. Макіавелли показываетъ читателямъ и объясняетъ постоянно измѣняющееся движеніе, волненіе и борьбу сословій и партій; въ этомъ онъ неподражаемъ. Его глубокое пониманіе всей итальянской политики и вѣрный тактъ одинаковы всюду; поэтому о весьма важныхъ предметахъ, если они чужды его характеру, онъ разсуждаетъ только какъ дипломатъ. Въ примѣръ можно, между прочимъ, привести то, что о вліяніи католицизма онъ судитъ только по злоупотребленіямъ, вкравшимся въ него, и что такое міровое событіе, какъ крестовые походы, онъ приписываетъ исключительно политикѣ папы Урбана II.

„Флорентинская исторія" Макіавелли всегда считалась произведеніемъ художественнымъ, твореніемъ образцовымъ по стилю и силѣ описанія; мы не возьмемъ на себя смѣлости опровергать это мнѣніе, какъ прилично развѣ тѣмъ, кто предпочитаетъ слогъ Ѳукидида разсказу Тита Ливія. Впрочемъ итальянскіе писатели, Тирабоски и Джіованни Андресъ (tom. III, parte II) справедливо порицали нѣкоторыя стороны сочиненій Макіавелли. Послѣдній говоритъ: „Не смотря на всѣ свои преимущества, Макіавелли еще далекъ отъ совершенства истиннаго историка. Каждая книга его исторіи начинается разсужденіемъ (dissertazione) и политическими соображеніями, которыя, по собственному его признанію, слишкомъ подробны, такъ какъ относятся къ событіямъ, происходившимъ внѣ Тосканы. Кромѣ того, онъ очень часто съ мелочною обстоятельностью разсказываетъ о предметахъ, имѣющихъ мало интереса. Слогъ его не довольно живъ и одушевленъ *). Рѣчи, которыя онъ вставляетъ впрочемъ не очень часто и только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ кстати, часто очень холодны и блѣдны и далеко уступаютъ рѣчамъ Тита Ливія и другихъ древнихъ историковъ.

*) По нашему мнѣнію оттого, что въ немъ слишкомъ много ума и искусства и мало души и естественности.

Папа Климентъ VII принялъ „Флоринтинскую исторію“ Макіавелли далеко не такъ благосклонно, какъ Левъ X комедію Макіавелли, „Мандрагола“. Левъ пожертвовалъ значительныя суммы на постановку этой пьесы на сцену и вызвалъ автора въ Римъ, чтобъ руководить представленіемъ. Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ только объ историческихъ трудахъ, то мы умолчимъ о другихъ произведеніяхъ Макіавелли. Изъ нихъ знаменитѣе всѣхъ его „Наставленіе государю“, который хочетъ утвердить за собою власть („Del Principe“); оно вполнѣ политическаго содержанія. На тотъ родъ политики, который рекомендуетъ Макіавелли въ своей книгѣ монарху, часто нападали съ ожесточеніемъ, и даже Фридрихъ Великій написалъ опроверженіе ея. Но стоитъ только вспомнить, что Макіавелли былъ дипломатъ до мозга костей, чтобы понять, какъ могъ онъ, нѣкогда республиканецъ, написать такую книгу. До насъ дошелъ документъ, въ которомъ Макіавелли разсказываетъ, какія мученія онъ терпѣлъ, когда былъ удаленъ съ 1513 по 1519 г. отъ общественной дѣятельности, и какъ онъ не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью, пока Медичи не возвратили ему свою благосклонность и допустили къ дѣламъ. Этотъ документъ—письмо, написанное Макіавелли въ 1513 г. къ Франческо Веттори, но напечатанное только въ 1810 г. въ Миланѣ. Читая это письмо, невольно приходишь къ мысли, не написалъ ли дипломатъ своей книги „О государѣ“ для лицъ, къ которымъ хотѣлъ попасть въ посланники.

Другой великій итальянскій историкъ, котораго можно поставить на ряду съ древними и произведеніе котораго служитъ въ то же время главнымъ источникомъ для исторіи послѣднихъ годовъ XV-го и первыхъ XVI-го стол., — Франческо Гвиччіардини. Онъ родился въ 1482 г., былъ сначала учителемъ правовѣдѣнія во Флоренціи, потомъ адвокатомъ и затѣмъ посланникомъ. Еще въ 1512 г. онъ былъ посланъ флорентинской республикой къ королю Фердинанду арагонскому. Позднѣе онъ

былъ намѣстникомъ папы въ Реджіо, гдѣ, какъ мы упомянули выше (стр. 376), обезсмертилъ себя тѣмъ, что разстроилъ нападеніе французовъ на этотъ городъ, и этимъ способствовалъ ихъ изгнанію изъ Италіи. Онъ былъ совершенно иного образа мыслей, чѣмъ Макіавелли. Аристократическая республика была ему не по сердцу; напротивъ, онъ съ дѣтства клонился къ монархизму. Поэтому Медичи воспользовались имъ по возвращеніи своемъ, а флорентинцы, бывшіе въ то время вполнѣ монархистами, не смотря на свою республику, избрали его въ 1515 г., для произнесенія въ Кортонѣ отъ имени республики привѣтственной рѣчи папѣ Льву X. Папа принялъ его къ себѣ на службу и сдѣлалъ намѣстникомъ Реджіо, Модены и Пармы. При Павлѣ III онъ возвратился во Флоренцію, гдѣ снова занялъ мѣсто въ управленіи.

Многословность и удивительные, художественно-изящные, но запутанные періоды Гвиччіардини вошли въ пословицу. Съ похода Карла VIII въ Италію (1494 г.) до битвы при Павіи, Гвиччіардини до мельчайшихъ подробностей слѣдитъ, съ перваго вступленіи французовъ, за всѣми измѣненіями, произведенными ихъ вторженіемъ до окончательнаго изгнанія ихъ изъ Италіи. Критики извѣстнаго рода упрекаютъ его въ томъ, что онъ не вставилъ въ свою исторію замѣчаній объ искуствахъ и ремеслахъ, о промышленности и наукахъ; исторія ихъ, конечно, должна излагаться очень точно, но не должна прерывать разсказа о дѣлахъ и стремленіяхъ людей; а Гвиччіардини, какъ Ѳукидидъ, слѣдилъ только за событіями своего времени. Онъ не покидалъ нити событій и, не особенно заботясь о внѣшности, старался освѣтить духъ и смыслъ дѣла. Гвиччіардини превосходно понималъ свое время, воззрѣнія людей и двигавшія ими нравственныя пружины, а стало быть и средства руководить и управлять ими; другими словами, онъ былъ представителемъ практической и положительной политики, тогда-какъ Макіавелли, не только прежде, какъ противникъ Медичи, но и потомъ, какъ

ихъ совѣтникъ, былъ въ политикѣ доктринеромъ. Указанныя нами качества Гвиччіардини подверждаются тѣмъ, что его произведеніе и исторія Филиппа Комина были настольными книгами Карла V.

Исторія Гвиччіардини, подобно латинской „Всеобщей исторіи“ президента де-Ту, была долго извѣстна въ искаженномъ видѣ. Всѣ мѣста, направленныя противъ римскаго двора и противъ интригъ аристократіи, были выпущены. Даже въ великолѣпномъ изданіи, напечатанномъ Паскуали въ двухъ фоліантахъ въ Венеціи въ 1738 г., не было бы двухъ мѣстъ, истребленныхъ и запрещенныхъ съ 1603 г., если бы издатель не прибѣгъ, чтобы напечатать ихъ, къ хитрой уловкѣ; но и въ этомъ изданіи не достаетъ еще нѣсколькихъ мѣстъ. Только въ 1775 г. найденъ былъ экземпляръ, поправленный рукою автора, и по этому экземпляру исторія Гвиччіардини была тогда же напечатана въ четырехъ томахъ in—4° во Флоренціи (на заглавномъ листѣ выставлено впрочемъ: Friburgo).

Гвиччіардини отличается глубокимъ знаніемъ людей, проницательностью взгляда, благородствомъ духа и серьезнымъ изученіемъ древнихъ. Къ нему не относится упрекъ, дѣлаемый Макіавелли, что онъ не даетъ средствъ повѣрять свои сужденія и не указываетъ, гдѣ должно, на источники; Гвиччіардини разсказываетъ только о событіяхъ своего времени или о такихъ, въ которыхъ самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ. Впрочемъ мы очень далеки отъ мнѣнія Болинброка, смотрѣвшаго на человѣчество такъ же, какъ Гвиччіардини и предпочитавшаго италіанскаго историка Ѳукидиду. Итальянецъ Андресъ, оцѣнившій его заслуги, справедливо спрашиваетъ: „Гдѣ у него эти оживленныя картины, эти выхваченныя изъ жизни, увлекательныя характеристики, эти меткіе очерки, которымъ мы удивляемся у древнихъ?“ Во всякомъ случаѣ многословію Гвиччіардини мы предпочитаемъ стиль и манеру Макіавелли, не смотря на отсутствіе простоты, на подозрительную въ историческихъ произведеніяхъ

аффектацію и странность подражанія античному стилю, — мы предпочитаемъ Макіавелли за сжатость, опредѣленность, ясность и геніальную стройность. Гвиччіардини несносенъ еще тѣмъ, что постоянно перемѣшиваетъ одно съ другимъ. Вѣчныя повторенія, обратившіяся въ поговорку, о ничтожной въ сущности войнѣ флорентинцевъ съ пизанцами (стр. 130), непріятны и скучны; утомительная обстоятельность, съ какою онъ говоритъ обо всѣхъ большихъ и малыхъ причинахъ и основаніяхъ каждаго рѣшенія и каждаго совѣщанія, очень надоѣдаютъ, тогда какъ художественность и краткость Макіавелли невольно увлекаютъ. Тѣмъ не менѣе ни одно историческое произведеніе новыхъ народовъ не стоитъ такъ близко къ лучшимъ древнимъ историкамъ, какъ „Исторія Италіи“ Гвиччіардини. Вставныя рѣчи, нестерпимыя при изложеніи недавнихъ событій, не такъ дики и неумѣстны у Гвиччіардини, такъ какъ въ его время дипломатическія дѣла дѣлались на словахъ, какъ теперь въ дипломатическихъ нотахъ и меморандумахъ.

3. Литература и образованность Германіи.

Относительно вліянія нѣмецкой литературы на жизнь и цивилизацію мы должны принять иной путь, чѣмъ тотъ, которому слѣдовали, говоря объ Италіи и которому будемъ слѣдовать, когда рѣчь зайдетъ о Франціи. Только съ половины XVIII столѣтія нѣмецкая литература сдѣлалась мало по малу классическою для нашей націи и получила значеніе для другихъ народовъ, хотя и ранѣе у нѣмцевъ не было недостатка въ наукѣ и образованности. Нѣмецкой литературы не было уже потому, что наша нація повиновалась не нѣмецкому, а римскому императору и римской имперіи, такъ же какъ и римской церкви. Нѣмецкіе ученые, если хотѣли быть читаемы всѣми, должны были продолжать писать на языкѣ Рима даже и въ то время, когда итальян-

цы, испанцы, французы и англичане давно перестали разсуждать по латыни о предметахъ, интересныхъ для большаго круга читателей. Вслѣдствіе этого до половины XVIII вѣка мы можемъ, пожалуй, указать на скромную и пріятную образованность, сообразную съ нѣмецкою частною жизнью и съ очень ограниченнымъ кругомъ потребностей нашихъ среднихъ классовъ; но не можетъ быть и рѣчи о такой блестящей литературѣ или такихъ блестящихъ заведеніяхъ для ея воздѣлыванія, какія процвѣтали во Франціи еще при Францискѣ I. Такимъ образомъ мы не можемъ указать въ Германіи ни на одно національное произведеніе, оставшееся до нашего времени классическимъ, какъ напримѣръ во Франціи грязная книга о Гаргантюа и Пантагрюэлѣ. Такъ какъ нѣмцы не имѣютъ классическихъ твореній, то намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на стремленія отдѣльныхъ лицъ распространить между своими учениками классическое образованіе и чистое христіанство. Изъ этого само собою будетъ ясно, что въ то время, какъ наука и искуство древнихъ были въ Италіи роскошью и препровожденіемъ времени для знатныхъ и богатыхъ, а во Франціи въ самомъ началѣ вызвали огромныя издержки и царственныя щедроты, въ Германіи они служили мирнымъ облегченіемъ въ бѣдности угнетеннымъ честнымъ людямъ. Въ подкрѣпленіе нашихъ словъ стоитъ вспомнить о Лютерѣ. Этотъ великій человѣкъ, въ которомъ самые враги его признавали высокія природныя дарованія и научное развитіе, безъ жалобы перенесъ бы бѣдность и недостатокъ, если бы могъ свободно мыслить и преподавать. Другъ его, Меланхтонъ, мудрый и благодушный основатель среднихъ училищъ въ Германіи, которымъ наше отечество обязано болѣе, чѣмъ пышнымъ заведеніямъ университетовъ, хотя безъ нихъ они не могли бы прочно существовать, — Меланхтонъ принадлежалъ, правда, по двоюродному брату своему, Рейхлину, къ болѣе высокимъ и богатымъ классамъ; но и онъ болѣе гордился тѣмъ, что былъ учителемъ въ среднихъ шко-

лахъ, чѣмъ какимъ бы то ни было открытіемъ, которое могло бы обезсмертить его въ ученомъ мірѣ.

Страсть къ мудрствованію, къ собиранію и наслажденіе чистымъ изслѣдованіемъ не разъ навлекали на нашу націю насмѣшки сосѣдей; но они не знали, что наши духовные, наши школьные учители и магистры, удовлетворялись тѣмъ счастіемъ, какое доставляли имъ занятія науками, не думая о притязаніяхъ, которыхъ нельзя было удовлетворить, не взваливая на народъ бремя цивилизаціи и ученаго блеска. Вѣдь отправился же Лютеръ въ Аугсбургъ къ кардиналу Каэтану пѣшкомъ и явился къ нему въ платьѣ, взятомъ на прокатъ; поѣхалъ же онъ на вормскій сеймъ (стран. 334 и 361) въ какой-то крестьянской колымагѣ! И Меланхтонъ, выросшій въ хорошемъ обществѣ, произвелъ даже на Лютера очень непріятное впечатлѣніе своею скудною одеждою и непредставительнымъ видомъ, когда переѣхалъ изъ Тюбингена въ Виттенбергъ и въ первый разъ показался тамъ. Лютеръ описываетъ его маленькимъ человѣчкомъ и съ своею комическою манерой представляетъ его такъ, какъ представили бы мы какого нибудь тюбингенскаго отшельника, который цѣлые годы не видалъ людей. Но Лютеръ прибавляетъ, что какъ только Меланхтонъ заговорилъ, виттенбергцы увидали, что Тюбингенъ прислалъ имъ великаго человѣка, который не уступитъ лучшимъ итальянцамъ.

Въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій нѣмецкой націи пришлось вести борьбу за вопросъ, должна ли ея государственная религія удовлетворять художниковъ, поэтовъ, королей, князей, графовъ и рыцарей или питать нравственное чувство гражданъ. Въ этой борьбѣ за духовное благо приходилось жертвовать всѣми внѣшними благами и подъ конецъ отказались даже отъ политической свободы, чтобы только пользоваться свободою въ дѣлѣ вѣры и преподаванія. Поэтому, одного взгляда на испанцевъ, итальянцевъ и французовъ XVI и XVII в. будетъ достаточно, чтобы показать, какого рода цивилизацію стремились основать ученые Гер-

маніи. Они не хотѣли, подобно ученымъ Франціи и Италіи, основывать большія и блестящія, обременительныя для государства учрежденія или образовывать великихъ и знаменитыхъ ученыхъ; имъ хотѣлось распространить въ среднихъ сословіяхъ, а чрезъ нихъ и въ народѣ, посредствомъ школъ, духовное и нравственное образованіе. Имъ удалось это, и Германія одна изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, не исключая самой Англіи, издавна отличалась тѣмъ, что самые бѣдные и самаго низкаго происхожденія люди могли съ ничтожными издержками достигать высшаго образованія. Поэтому, едва только въ XVI в. угомонились богословскіе споры на варварской латыни о формулахъ, у нѣмцевъ стала расцвѣтать поэзія, въ особенности духовная и миѳическая, и германскіе астрономы нашли вѣчные законы мірозданія, которые и не снились древнимъ. Послѣдовавшій въ XVII в. застой зависѣлъ уже не отъ націи и не отъ ученыхъ.

Чтобы изложить это обстоятельнѣе, мы будемъ руководствоваться соображеніемъ, которое не можетъ быть вполнѣ ошибочнымъ, да если бы и было, могло бы пригодиться для предположенной нами цѣли. Соображеніе это состоитъ въ томъ, что съ одной стороны Лютеръ и Меланхтонъ были главными лицами XVI в., какъ для образованія нѣмецкой націи, такъ и для религіозныхъ споровъ, съ другой же стороны Тюбингенъ, Виттенбергъ, Гейдельбергъ и Прага были въ этомъ столѣтіи и въ первые десять лѣтъ слѣдующаго вѣка, главнымъ средоточіемъ и разсадниками нѣмецкой учености. Такъ какъ Меланхтонъ былъ равно главнымъ лицомъ какъ для Тюбингена, такъ и для Виттенберга, то мы будемъ говорить сначала о немъ и о Лютерѣ, который училъ въ Виттенбергѣ; что касается Гейдельберга и Праги, то мы откладываемъ нашу рѣчь до слѣдующаго тома, который будетъ посвященъ изложенію исторіи второй половины XVI столѣтія.

Дѣятельность Меланхтона тѣсно примыкаетъ къ борьбѣ Рейхлина и Ульриха Гуттена за свѣтъ и свободу и за благородное образованіе въ духѣ гуманности; занятія его, начатыя въ

Гейдельбергѣ, принесли плоды только въ Тюбингенѣ, гдѣ онъ получилъ мѣсто учителя шестнадцати лѣтъ отъ роду. Мы скажемъ поэтому сначала о Тюбингенѣ, а за тѣмъ перейдемъ къ Виттенбергу, откуда потомъ, какъ изъ миссіонерскаго заведенія, онъ разсылалъ во всѣ стороны Германіи провозвѣстниковъ свѣта. Мы тѣмъ болѣе можемъ связать съ его именемъ наше теперешнее изложеніе, что въ пунктахъ, которые опускаемъ, имѣемъ возможность указать на диссертацію виртембергскаго пастора Гейда, напечатанную въ тюбингенскомъ журналѣ „Zeitschrift für Theologie“ (1839). Замѣчанія наши ограничатся однако прежде всего стараніями и заботами протестантскихъ ученыхъ объ общемъ образованіи Германіи, такъ какъ до второй половины XVI в. эти люди стояли одиноко, и лишь тогда начались попытки іезуитовъ пробудить любовь къ наукѣ въ своемъ смыслѣ и между своими единовѣрцами. Значеніе ордена іезуитовъ, о которомъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ томѣ, основывается именно на томъ, что онъ, признавая потребности времени относительно высшаго образованія, не хотѣлъ предоставить протестантамъ заслугу основанія школъ и научной пропаганды и тоже основывалъ школы, чтобы знаніемъ бороться съ знаніемъ. Училищамъ и свободной наукѣ Меланхтона былъ нанесенъ смертельный ударъ именно въ то время, какъ іезуиты стали заводить свои школы и относиться къ наукѣ съ своей точки зрѣнія. Виною было то, что лютеране, въ родѣ Озіандера и ему подобныхъ, возились съ concordiae formula, преслѣдовали свободные умы изъ школы Меланхтона какъ полуреформатовъ или, какъ ихъ называли, крипто-кальвинистовъ, и навязывали нѣмцамъ новую догматическую схоластику и тупой и нелѣпый формализмъ. Такимъ образомъ, нашъ разсказъ о стараніяхъ и заслугахъ Меланхтона долженъ показать, что этотъ человѣкъ возбуждалъ научную жизнь какъ между послѣдователями новаго ученія, такъ и между приверженцами стараго, и возбудилъ борьбу науки, которая одна даетъ жизнь, ибо въ спокойствіи — смерть, какъ въ смерти спокойствіе.

Меланхтонъ обязанъ образованіемъ своимъ двоюродному брату, Рейхлину. Онъ сошелся съ нимъ еще въ Форцгеймѣ, гдѣ посѣщалъ школу и жилъ въ домѣ сестры Рейхлина. Этотъ ученый, бывшій, какъ извѣстно, знатнымъ и робкимъ преобразователемъ нѣмецкой учености, возбудилъ своего маленькаго двоюроднаго брата заняться частнымъ образомъ изученіемъ греческаго и еврейскаго языковъ, которыхъ тогда еще не преподавали въ школахъ. Какъ самъ Меланхтонъ, такъ и Рейхлинъ, въ письмахъ своихъ представляютъ трогательныя черты простыхъ отношеній тогдашняго времени; изъ нихъ мы видимъ, что Рейхлинъ еще въ Тюбингенѣ предназначалъ молодаго родственника своего быть реформаторомъ нѣмецкихъ школъ и преподаванія.

Штутгартъ, гдѣ жилъ Рейхлинъ въ качествѣ надворнаго судьи до самой смерти Эбергарда I, и Тюбингенъ, куда онъ часто пріѣзжалъ по своей служебной обязанности, еще при началѣ споровъ по сожженію раввинскихъ книгъ (т. X. стр. 421 и сл.), были мѣстомъ жительства нѣсколькихъ скромныхъ людей, довольныхъ малымъ, бывшихъ бы всемірно-знаменитыми, еслибы жили въ Римѣ, Миланѣ или Флоренціи. Мы назовемъ только Штёфлера, Бебеля, Брассикана и Зиммлера. Изъ нихъ наиболѣе важенъ Штёфлеръ, особенно въ отношеніи соединенія математики съ археологическими знаніями, которое было введено въ основанныхъ Меланхтономъ школахъ. Штёфлеру нѣмецкая нація обязана тѣмъ, что въ концѣ этого столѣтія имѣла Кеплера, котораго всѣ ставятъ на ряду съ Ньютономъ. Мы ставимъ его выше Ньютона, потому что онъ былъ не только астрономъ, но и платоническій философъ и поэтъ, тогда какъ Ньютонъ корпѣлъ надъ отвлеченными объясненіями, соображеніями и выкладками. Штёфлеръ въ математикѣ и астрономіи былъ послѣдователемъ Пеурбаха и Регіомонтана, о важныхъ заслугахъ которыхъ по астрономіи и по литературѣ вообще мы уже говорили (т. IX, стр. 408 и слѣд.), Регіомонтанъ изобрѣлъ инструменты, которыми были возобновлены наблюденія, сдѣланныя Клавдіемъ Птолемеемъ и Гиппархомъ.

Ученикъ его, Вальтеръ, исправилъ ихъ; замѣтивъ, вмѣстѣ съ своимъ учителемъ, невѣрность астрономическихъ таблицъ, которыя употреблялись до нихъ, они составили новыя. Вся Европа изумилась, когда два нѣмца обнародовали новыя исчисленія небесныхъ измѣненій *), которыхъ не былъ въ состояніи изготовить ни одинъ итальянецъ. Вслѣдствіе этого папа Сикстъ IV призвалъ Регіомонтана въ Римъ, пользовался его знаніями для исправленія календаря и сдѣлалъ его епископомъ регенсбургскимъ. Регіомонтанъ умеръ въ 1476 г. въ Римѣ; но ученикъ его, Вальтеръ, прожившій до 1504 г., продолжалъ его наблюденія и исчисленія.

По стопамъ этихъ людей пошелъ учитель Меланхтона, Штёфлеръ, основатель математической школы въ Тюбингенѣ и новаго календаря. Онъ примѣнилъ труды своихъ предшественниковъ, назначенныя для однихъ астрономовъ, къ народнымъ потребностямъ, превративъ то, что астрономы называли эфемеридами, въ календарь. Его календари на первые тридцать два года XVI столѣтія были встрѣчены всеобщимъ сочувствіемъ въ Европѣ. Штёфлеръ былъ въ то же время искусный механикъ и читалъ въ Тюбингенѣ лекціи о математикѣ, астрономіи и въ особенности о математической и физической географіи, привлекавшія много слушателей; эти лекціи имѣютъ особенное значеніе для успѣховъ нѣмецкой культуры потому, что тогда не было еще книгъ по этимъ предметамъ. Штёфлеръ читалъ лекціи ежедневно и приносилъ ими больше пользы, чѣмъ книгами. Онъ побудилъ Меланхтона перевести на латинскій языкъ Арата; онъ же образовалъ Себастіана Мюнстера, который потомъ содѣйствовалъ въ Базелѣ разработкѣ географіи и ея успѣхамъ, тогда какъ ученый товарищъ его, Меланхтонъ, вводилъ въ школы математику. Это заставило іезуитовъ ревностно стараться о распространеніи математическихъ и точныхъ наукъ и въ католическихъ школахъ.

Что Штёфлеръ сдѣлалъ для математическихъ и географиче-

*) Ephemerides astronomicae ab anno 1475 ad 1506.

скихъ наукъ, то Бебель для латинскаго языка, а Рейхлинъ для еврейскаго и греческаго. Латынь Бебеля привлекла Меланхтона изъ Гейдельберга въ Тюбингенъ, гдѣ онъ и нѣсколько другихъ лицъ, какъ напр, Гейприхманъ, Брассиканъ, Кокциній и Альтенштайгъ, заключили родъ ученой лиги противъ дрянной латыни и варварства своего времени. Меланхтонъ, по собственному признанію (въ перепискѣ съ Рейхлиномъ, изданной въ 1544 г.), учился у Бебеля и Брассикана вводить въ жизнь плоды знанія; итальянцы научили его образовывать вкусъ націи въ ученыхъ школахъ, которыя до тѣхъ поръ старались только о набиваніи памяти фактами. Такую цѣль имѣлъ въ виду Бебель въ лекціяхъ о латинскихъ писателяхъ, и на тоже были направлены старанія этихъ ученыхъ по латинской стилистикѣ. Не надо забывать, что всѣ члены высшаго класса писали тогда только по латыни, и латинскій языкъ, а не французскій былъ въ то время обще-европейскимъ и дипломатическимъ. Близкое подражаніе стилю высокообразованныхъ римскихъ патриціевъ необходимо вело за собою улучшеніе тона въ хорошемъ обществѣ.

Въ греческомъ языкѣ или, лучше сказать, въ чтеніи греческихъ авторовъ руководителемъ Меланхтона былъ магистръ Гильдебрандъ, котораго онъ очень хвалитъ, но который не оставилъ ни одного сочиненія. Зиммлеръ тоже давалъ ему частные уроки. Слѣдуетъ при этомъ припомнить, что вмѣстѣ съ Меланхтономъ о распространеніи и усовершенствованіи въ Германіи вспомогательныхъ средствъ для изученія греческаго языка старался Эколампадій, слушавшій лекціи въ нѣсколькихъ итальянскихъ университетахъ; онъ основалъ такое же общество для греческаго языка, какъ Бебель для латинскаго. Изъ этого уже видно, чѣмъ былъ Тюбингенъ для германской культуры, пока его не затмилъ Виттенбергъ, и что совершилъ Меланхтонъ еще до своей профессуры въ Виттенбергѣ, стало быть еще не имѣя двадцати одного года отъ роду.

Въ Тюбингенѣ Меланхтонъ находился въ подчиненномъ

положеніи. Политическія обстоятельства Виртемберга по смерти благороднаго Эбергарда I были такого рода, что приглашеніе (1518 г.) Меланхтона въ Виттенбергъ было счастьемъ для Германіи. Меланхтонъ успѣлъ заслужить въ Тюбингенѣ уваженіе своими познаніями не только въ древнихъ языкахъ и математическихъ наукахъ, но и въ исторіи, философіи и краснорѣчіи. Во время переселенія его въ Виттенбергъ, къ Лютеру стремились всѣ друзья свѣта изъ Германіи и изъ чужихъ краевъ. Здѣсь только возможно было достигнуть цѣли, и Меланхтонъ достигъ ея: самые современники признали это, давъ ему прозваніе „наставника нѣмцевъ“ („Praeceptor Germaniae“). Онъ самъ говорилъ, что задачею его жизни было очищеніе всѣхъ наукъ и методовъ преподаванія въ высшихъ и низшихъ школахъ, посредствомъ сообразнаго съ потребностями времени изученія древнихъ и здравой философіи. Это, конечно, было непонятно для многихъ его современниковъ, занимавшихся глупыми схоластическими спорами.

Первое появленіе Меланхтона въ Виттенбергѣ (въ августѣ 1518 г.) хорошо описано Лютеромъ въ одномъ письмѣ. Онъ рельефно рисуетъ невзрачность и ничтожность его фигуры и всей его внѣшности, въ противуположность блеску и силѣ его вступительной рѣчи. Въ этой рѣчи, произведшей на всѣхъ глубокое впечатлѣніе, Меланхтонъ говорилъ именно о томъ, что было цѣлью и задачею всей его жизни,—о превращеніи высшихъ и низшихъ школъ Германіи въ заведенія для развитія истинной гуманности (De corrigendis studiis). Эта рѣчь должна была понравиться Лютеру въ особенности потому, что отъ нея не могло поздоровиться схоластической философіи и ея приверженцамъ. Появленіе Меланхтона въ качествѣ учителя возвѣщало нѣмцамъ возвратъ ихъ школьнаго преподаванія отъ Пруденція и его собратій къ Гомеру и отъ Ѳомы Аквината и ему подобныхъ къ апостолу Павлу. Меланхтонъ въ самомъ началѣ сталъ читать объ „Иліадѣ“ и о „Посланіи къ римлянамъ“. Все направленіе его было таково, какъ тѣхъ ученыхъ итальянцевъ, которые старались возсоздать

изъ древней литературы новую и призвать весь народъ къ высшему образованію, а не наполнять страну буквоѣдами филологами и перезубрившими академиками, питающимися цитатами. Впослѣдствіи, обстоятельства, къ сожалѣнію, вовлекли его въ безутѣшную богословскую полемику, пробудившуюся въ Германіи по смерти Лютера. Споръ между кальвинистами и лютеранами, между филиппистами или крипто-кальвинистами и приверженцами сочиненныхъ въ Тюбингенѣ согласительныхъ формулъ, и затѣмъ между всѣми этими протестантскими партіями и іезуитами, произвели подъ конецъ кровавую религіозную войну и помѣшали насажденіямъ Меланхтона въ Германіи пронести плоды, которыми Франція пользовалась уже въ XVI и въ особенности въ XVII столѣтіи.

Юность Меланхтонъ провелъ въ обществѣ образованныхъ женщинъ; потомъ близкія отношенія къ Рейхлину и его бодрымъ, но чуждымъ всякой грубости и стремившимся къ высшему образованію университетскимъ товарищамъ держали Меланхтона вдали отъ грубости ученыхъ его времени, образовавшихся въ монастыряхъ и монастырскихъ школахъ, отъ ихъ ругательствъ, брани и безобразныхъ выходокъ. Меланхтонъ неусыпно работалъ въ Виттенбергѣ надъ распространеніемъ въ Германіи вкуса и тона хорошаго общества Греціи и Рима. Онъ объяснялъ Квинтиліана, Цицерона и Виргилія, имѣя въ особенности въ виду подражаніе имъ. Онъ и самъ переводилъ много съ греческаго на чистый латинскій языкъ, предоставивъ другу своему, Лютеру, заботу объ усовершенствованіи роднаго языка, которымъ тотъ занимался. Меланхтонъ перевелъ лучшія рѣчи изъ приводимыхъ Ѳукидидомъ, рѣчи Демосѳена, Сократа „о мирѣ“, афоризмы Ѳеогниса, рѣчь Лукіана „Противъ Клеветы“, Пиндара и Еврипида. Кромѣ того, при совершенномъ отсутствіи въ Германіи учебниковъ, Меланхтонъ составилъ съ отличавшимъ его педагогическимъ талантомъ прекрасно-написанныя руководства къ грамматикѣ, исторіи и математикѣ. По отношенію къ послѣдней, онъ составилъ краткое начертаніе на-

чалъ Евклида. Онъ писалъ кромѣ того о „Германіи“ Тацита, издалъ кое-что изъ „астрономіи“ Птолемея, хлопоталъ о напечатаніи знаменитой въ его время хроники своего земляка Науклера и придалъ ей лучшую редакцію; онъ написалъ и самъ нѣсколько историческихъ опытовъ и между прочимъ „исторію Лудвига Баварскаго“. Полное собраніе его сочиненій, не смотря на то, что состоитъ изъ четырехъ томовъ in-folio, выдержало съ 1568 г. до 1601 г. въ Страсбургѣ четыре изданія; рѣчи его были изданы отдѣльно въ шести томахъ въ восьмую долю листа.

Взглядъ на дѣятельность и вліяніе скромныхъ людей, шедшихъ по стопамъ Меланхтона, покажетъ намъ, что эти люди, не смотря на трудныя обстоятельства и препятствія и на недостатокъ сочувствія, сдѣлали для истинно народнаго просвѣщенія и для мирныхъ, ученыхъ трудовъ нѣмцевъ, столь презираемыхъ за свою кабинетную ученость, болѣе, чѣмъ блестящіе, хвастливые „безсмертные“ французовъ, ихъ Скалигеры, Сомезы и Казобоны. Для должной оцѣнки этихъ людей, болѣе дѣйствовавшихъ, нежели писавшихъ, намъ слѣдовало бы остановиться на обстоятельствахъ жизни каждаго изъ нихъ долѣе, чѣмъ совмѣстно съ цѣлью нашей книги; поэтому, чтобы пояснить отчасти сказанное, мы приведемъ лишь нѣсколько именъ и фактовъ.

Между людьми, неусыпно старавшимися, подобно Меланхтону, ученіемъ и преподаваніемъ просвѣтить мракъ нѣмецкихъ школъ, слѣдуетъ прежде всего упомянуть о Эобанусѣ Гессусѣ, названномъ такъ по его родинѣ. Онъ былъ близокъ съ Меланхтономъ еще въ то время, какъ тотъ жилъ въ Тюбингенѣ. Онъ преподавалъ по методѣ Меланхтона въ Нюренбергѣ и Эрфуртѣ, гдѣ былъ профессоромъ поэзіи и исторіи, и умеръ въ 1540 г. Вторымъ Меланхтономъ былъ пфальцкій уроженецъ Камерарій, написавшій прекрасную біографію Меланхтона. Онъ былъ первымъ замѣчательнымъ лицомъ фамиліи, которая оказала большія услуги нѣмецкой наукѣ и государственной исторіи. Всѣ сыновья и внуки пошли по его слѣдамъ. Знаменитѣе всѣхъ между послѣдними былъ канцлеръ

несчастнаго пфальцскаго курфирста Фридриха V; впослѣдствіи его призвалъ къ себѣ на службу шведскій король Густавъ Адольфъ, такъ какъ онъ считался замѣчательнѣйшимъ государственнымъ человѣкомъ Германіи. Въ Пфальцѣ, пока живы были курфирсты Лудвигъ V и братъ его, Фридрихъ, ничего нельзя было сдѣлать для народнаго просвѣщенія и исправленія религіи: ученикъ Меланхтона, Гринеусъ и друзья его, Себастіанъ Мюнстеръ и Германъ фонъ демъ Буше, оставили Гейдельбергъ, потому что не могли жить на 50 или 60 гульденовъ, составлявшихъ тамъ профессорское жалованье. Камерарій же основалъ нюренбергскую ученую школу, которую ректоръ ея, Эобанусъ Гессусъ сдѣлалъ однимъ изъ первыхъ разсадниковъ классической науки и краснорѣчія въ Германіи. Самъ Камерарій былъ вызванъ въ Тюбингенъ, а оттуда въ Лейпцигъ, гдѣ и умеръ въ 1574 г. Списокъ сочиненій его въ „Лексиконѣ Ученыхъ“ Йёхера поражаетъ многочисленностью и разнообразіемъ. Они обнимаютъ всю древность, и изъ нихъ нѣтъ ни одного незначительнаго. Они и до сихъ поръ достойны прочтенія, и очень жаль, что наши современники, гоняющіеся за новизной, не читаютъ ихъ чаще и внимательнѣе. Жаль также, что составленная Камераріемъ „Исторія Шмалькальденской войны“, помѣщенная у Фрегера, написана на греческомъ языкѣ. Будь она написана по нѣмецки, мы имѣли бы для важнаго періода нашей исторіи хорошо составленное сочиненіе въ духѣ древнихъ, какого теперь у насъ нѣтъ.

Послѣ приведенныхъ нами именъ слѣдуетъ назвать Гольцманна, который передѣлалъ свое имя на греческій ладъ—Ксиландеръ, такъ же, какъ и Меланхтонъ, звавшійся по-нѣмецки Шварцердъ. Ксиландеръ былъ замѣчательный математикъ, знатокъ и переводчикъ древнихъ, такъ что трудно сказать, чѣмъ онъ болѣе принесъ пользы отечеству, гдѣ греческій языкъ былъ тогда еще очень мало распространенъ — своими ли математическими трудами, или переводами съ греческаго. При совершенномъ отсутствіи словарей и грамматикъ, при изученіи греческаго

приходилось руководствоваться латинскими переводами. Германія была такъ же неблагодарна къ Ксиландеру, какъ впослѣдствіи къ величайшему человѣку XVII столѣтія, Кеплеру. Кеплеръ умеръ въ нищетѣ; Ксиландеръ, которому приходилось переводить за самое жалкое вознагражденіе, заморилъ себя трудомъ. Онъ умеръ въ 1576 г. Кестнеръ въ своей „Исторіи математики" воздвигъ ему достойный памятникъ, не вдаваясь въ декламаторскія похвалы. О трудахъ Ксиландера можно судить по одному перечню ихъ. Онъ перевелъ Плутарха, Страбона, Цедрина и Сцилица, сочиненіе Пселла „О математическихъ наукахъ", Діона Кассія, книгу императора Марка Аврелія „Къ самому себѣ", Өеокрита, Флегона и высшую ариөметику Діофанта. Послѣдній переводъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, трудъ которыхъ былъ хоть сколько нибудь окупленъ Ксиландеру: онъ получилъ за него отъ герцога Виртембергскаго 500 талеровъ. Ксиландеръ перевелъ, кромѣ того, книгу Стефана Византійца „О городахъ", Павзанія, „Жизнь Прокла" Марина, Антонія Либералиса, „Чудеса" Аполлонія, такого же рода книгу Антигона, и сочиненія Діодора Сикула. Полибія онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ. Затѣмъ онъ написалъ много математическихъ, оптическихъ и астрономическихъ сочиненій, комментаріи къ Гомеру и Горацію и евклидовскую алгебру.

Къ числу людей, которые, подъ вліяніемъ Меланхтона, посвятили свою жизнь отечеству, не ища иной награды, кромѣ сознанія, что двигаютъ впередъ духовное развитіе германской націи, принадлежатъ братья Лотихіи. Одинъ изъ нихъ былъ аббатомъ въ Шлюхтернѣ (въ Ганау), другой способствовалъ ему учредить ученую школу въ Шлюхтернѣ. Оба прославились въ свое время весьма изрядными латинскими стихотвореніями; но здѣсь мы упоминаемъ о нихъ, какъ о помощникахъ въ дѣлѣ насажденія новой науки. О другихъ лицахъ, содѣйствовавшихъ распространенію знакомства съ классическою древностью, мы упомянемъ въ слѣдующемъ томѣ, говоря о процвѣтаніи реформат-

скихъ училищъ въ Гейдельбергѣ и въ Прагѣ. Здѣсь же, имѣя въ виду только Виттенбергъ, мы остановимся ве вадолго на Лютерѣ и ва той долѣ нѣмецкой образованности, которая принадлежитъ ему и его вліянію.

Все, что дѣлалось, говорилось и писалось въ Германіи въ XVI столѣтія, относилось болѣе или менѣе къ Лютеру или исходило отъ вего и его друзей. Поэтому слѣдовало бы разсмотрѣть здѣсь подробво сочиненія Лютера. Но этого не позволяетъ намъ сдѣлать самое содержаніе ихъ, ибо мы избѣгаемъ всего богословскаго и всякихъ теологическихъ преній. Притомъ и не мѣсто здѣсь останавливаться въ частности на этихъ сочиненіяхъ, такъ какъ вся предыдущая и непосредственно слѣдующая политическая исторія Германіи исключительно занимается Лютеромъ и часто должна останавливаться съ достаточнымъ вниманіемъ на важнѣйшихъ изъ нихъ. Поэтому мы ограничимся краткимъ указаніемъ ва отвошеніе Лютера къ вѣмецкой литературѣ и поэзіи и къ нѣмецкому языку.

Переводъ Библіи, сдѣланный Лютеромъ, не только положилъ освованіе книжному языку, во и возвелъ извѣстное нарѣчіе на степень общенѣмецкаго языка. Библейскій языкъ Лютера былъ для Германіи тѣмъ же, чѣмъ въ Англіи разговорный товъ лучшаго лондонскаго, а во Франціи парижскаго общества. Вслѣдствіе лютерова перевода Библіи одно нѣмецкое нарѣчіе вытѣснило изъ литературы всѣ прочія, и нація пріобрѣла книгу, полную образцовъ для подражанія. Отъ „пѣсни пѣсней", отъ Іова и псалмовъ до первой книги Моисея и книги „Руѳь", какое разнообразіе! И какъ мастерски примѣнилъ Лютеръ въ Іовѣ и въ Псальмахъ нѣмецкое выраженіе къ смыслу подлинника! Также метко, какъ латинскій текстъ Вульгаты, которому онъ часто слѣдовалъ, такъ же правильно и какъ бы инстинктивво передалъ онъ духъ и тонъ временъ и авторовъ. Такимъ образомъ Библія его, сдѣлавшись настольною квигой протестантской части нѣмецкой націи, создала ей языкъ и извѣстный родъ об-

разованности, которой мы не встрѣчаемъ въ тѣхъ, кто остался вѣренъ латинству и писалъ или на своемъ еще невыработавшемся языкѣ или на латинскомъ языкѣ своей церкви.

Переводъ Лютера представляетъ мѣстами невѣрности въ частностяхъ, не смотря на помощь, оказанную ему при этомъ трудѣ его другомъ и товарищемъ, Меланхтономъ, который зналъ по-еврейски, какъ раввинъ, а по-гречески, какъ греческій ученый. Такія ошибки легко можетъ исправить записной богословъ; но что касается до передачи духа, сущности и жизни временъ, озаренныхъ Богомъ, а не индустріальною мудростью и не оглушенныхъ трубою Гердера, Лютеръ не имѣетъ равныхъ себѣ, и нѣмецъ только у него можетъ научиться языку, говорящему сердцу. Весьма естественно и справедливо, что ученые нашего времени сдѣлали переводы, принаровленные къ успѣхамъ времени; но имъ никогда не произвести того, что совершила Библія Лютера. Она сдѣлалась у насъ такимъ же національнымъ твореніемъ, какъ у грековъ поэмы Гомера. Какъ у насъ лютеровъ переводъ Библіи сдѣлался вскорѣ настольной книгой всей націи отъ послѣдняго пролетарія до перваго государя, такъ во Франціи жизнеописанія древнихъ героевъ Плутарха, переведенныя въ XV столѣтіи, пріобрѣли такую же популярность и остались народною книгой на томъ же основаніи, какъ и переводъ Лютера. Лютеръ и французскіе переводчики Плутарха понимали то, что переводили, въ смыслѣ народа, не только умомъ, но и сердцемъ, и воспроизводили такъ, какъ имъ подсказывало ихъ время. Они вдохновенно возсоздали языкъ и смыслъ оригинала, согласно духу времени, а не какъ прежде по буквальному смыслу. Поэтому въ этомъ образцовомъ произведеніи можно порицать и исправлять многія частности, но цѣлое неподражаемо. И въ наше время то, что исходитъ отъ полноты сердца, лучше всего выражается языкомъ и въ духѣ лучшихъ временъ нашего народа.

Относительно духовной лирики Лютеръ, бывшій въ то же время отчасти и музыкантомъ, самъ можетъ быть сдѣлалъ менѣе, чѣмъ

обыкновенно утверждаютъ; но онъ былъ родоначальникомъ рода поэзіи, который пришелся по сердцу нѣмцамъ болѣе, чѣмъ другимъ. Здѣсь не мѣсто пускаться въ мелочи; мы замѣтимъ только, что Кохъ, въ своемъ „Руководствѣ къ литературѣ" приводитъ имена тридцати поэтовъ, замѣчательныхъ по своимъ духовнымъ стихотвореніямъ въ періодъ отъ Лютера до Опица.

Лютеръ возбудилъ соревнователей себѣ и въ другихъ отрасляхъ народной литературы; но религіозныя пренія двухъ послѣдующихъ столѣтій, которыя велись по латыни, задушили нѣмецкую литературу. Не лишнимъ будетъ однако замѣтить, что изъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XVI стол. до насъ дошло нѣсколько истинно нѣмецкихъ и совершенно оригинальныхъ произведеній; они заставляютъ жалѣть, что открытый ими путь не нашелъ послѣдователей. Первый, о комъ слѣдуетъ упомянуть въ этомъ отношеніи, былъ составитель баварской и нѣмецкой хроникъ, извѣстный по мѣсту своего рожденія, Абенсбергу, подъ именемъ Іоанна Авентина. Какъ его „Баварская Хроника", такъ и „Хроника о происхожденіи древнихъ германцевъ" (напечатанная уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1534 г.), написаны съ такимъ безпристрастіемъ, что баварскую исторію его сильно преслѣдовали за его нападки на духовенство, хотя онъ самъ былъ католикъ. Циглеръ издалъ въ 1554 г. „Баварскую Хронику" Авентина на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Annales", но выкинулъ изъ нея все, на что могли бы ссылаться протестанты. Послѣдніе достали однако подлинную рукопись и напечатали ее въ 1580 г. въ Базелѣ у Іоганна Циснера. Обѣ хроники, написанныя по нѣмецки, замѣчательны своимъ наивнымъ и свободнымъ тономъ; кромѣ того, они разслуживаютъ особеннаго вниманія потому, что были плодомъ изученія старой рукописной нѣмецкой литературы и архивныхъ документовъ, изъ коихъ многое, чѣмъ могъ еще пользоваться Авентинъ, для насъ потеряно. Множество преданій и сказокъ въ его хроникахъ плохо вяжутся, конечно, съ крити-

ческимъ изложеніемъ исторіи; но онѣ какъ нельзя болѣе кстати въ книгѣ, назначенной для ознакомленія народа съ исторіей и возбужденія въ немъ интереса къ ней.

Другая нѣмецкая книга временъ Лютера замѣчательна тѣмъ, что на нее ожесточенно нападали какъ Лютеръ, такъ и Меланхтонъ; изъ нея мы видимъ, какой контрастъ представляла рьяная тогда, а теперь чрезвычайно мирная литература анабаптистовъ съ литературою реформатовъ. Эта секта относилась къ реформатамъ точно такъ же, какъ въ наше время радикалы, соціалисты и коммунисты къ конституціонистамъ. Самые принципы ихъ были тѣ же, что и у французскихъ соціалистовъ, если только къ нимъ можно причислить Ламне. Главный писатель ихъ, Себастіанъ Франке, родился въ 1500 г. въ Донаувертѣ; онъ писалъ на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ оригинальныя книги и сатиры или, пожалуй, пасквили, до которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, нисходилъ и самъ Лютеръ. Писаніе, печатаніе и продажа книгъ были, кажется, для него средствами жизни. Онъ жилъ въ Нюренбергѣ, въ Ульмѣ и въ Страсбургѣ, но былъ принужденъ удалиться оттуда, такъ какъ его страстныя сочиненія и неистощимая плодовитость, въ особенности въ нѣмецкихъ его сочиненіяхъ, угрожали безопасности государства и только-что возникающей цивилизаціи. Большая часть его произведеній относятся къ періоду 1528—1545 г., стало быть къ тому времени, когда его утопіи о „внутреннемъ словѣ“, о полной реформѣ и о несущественности всякой внѣшней формы въ государствѣ и церкви не могли уже быть очень опасны для реформаціи. Лютера особенно бѣсилъ написанный Франке по латыни пасквиль противъ женщинъ; одинъ изъ друзей Лютера написалъ опроверженіе этого сочиненія, а самъ Лютеръ—предисловіе къ нему въ свойственномъ ему, не слишкомъ кроткомъ тонѣ.

Себастіанъ Франке ни на волосъ не уступалъ Лютеру ни въ пониманіи нѣмецкой націи и ея исторіи, ни въ умѣніи владѣть языкомъ. Изъ сочиненій его ничто не раздражило Лютера такъ,

какъ изданная имъ въ 1533 г. книга подъ заглавіемъ: „Парадоксы или 280 изреченій“; эта мистическая книга выдержала множество изданій и была даже перепечатана уже въ 1690 г. въ Ригѣ. По внутреннему смыслу своему она вовсе не такъ вредна, какъ казалось Лютеру и Меланхтону, сбитымъ съ толку странными выраженіями автора. Въ ней иногда, правда, Себастіанъ Франке доходитъ до пантеизма, лежавшаго въ основѣ древнѣйшей философіи, какъ напримѣръ въ религіи брамановъ, буддистовъ и китайцевъ. Это особенно возбудило противъ Франке реформатовъ, какъ противъ Серве Кальвина, который сжегъ своего противника.

Собраніе нѣмецкихъ пословицъ, два раза изданное Себастіаномъ Франке подъ различными заглавіями, не заключаетъ въ себѣ, сколько намъ извѣстно, ничего фанатическаго и утопическаго. Поэтому его часто издавали и, не смотря на ненависть Лютера къ Франке, книга эта стала для мѣщанъ и крестьянъ популярною. Въ ней заключаются правила здраваго смысла, и она безспорно заслуживаетъ предпочтенія передъ изданнымъ почти въ то же время сборникомъ пословицъ Агриколы.

Франке написалъ также два замѣчательныхъ историческихъ сочиненія. Одно изъ нихъ — всемірная исторія, подъ заглавіемъ: „Хроника, Лѣтопись отъ начала міра до 1531 г.“; другое—нѣмецкая исторія, называемая: „Германія, то-есть хроника всей нѣмецкой земли и происхожденія всѣхъ германскихъ народовъ, и проч.“. Двѣ эти книги, написанныя вслѣдствіе оригинальной идеи Франке обработать исторію на родномъ языкѣ, пополнили пробѣлъ, котораго не могли восполнить своими трудами тогдашніе ученые, стремившіеся подражать грекамъ и римлянамъ; онѣ такъ пришлись къ общей потребности, что распространились по всей Германіи, и ни одна хорошая нѣмецкая библіотека не могла обойтись безъ нихъ. Всеобщую Исторію Франке позволили напечатать лишь послѣ того, какъ онъ объявилъ, что въ ней не встрѣчается ничего противнаго господствующей вѣрѣ. Вскорѣ однако оказалось против-

ное, поэтому автору дѣлали упрекъ, что онъ извиняетъ всѣхъ еретиковъ и признаетъ ихъ еретическія мысли и ученія. Франке пришлось отвѣчать передъ городскою полиціей; онъ не могъ, разумѣется, отпираться отъ того, что было напечатано и былъ высланъ изъ города. Сочиненіе это тотчасъ по смерти Лютера пришлось такъ по вкусу нѣмцамъ, что мы могли бы, еслибъ было здѣсь кстати, насчитать цѣлый рядъ изданій книги Франке, явившихся въ XVI стол. Читатели могутъ найти списокъ этихъ изданій во многихъ руководствахъ къ исторіи нѣмецкой литературы; мы замѣтимъ только, что частію самимъ авторомъ, частію по смерти его какимъ-то неизвѣстнымъ были прибавлены къ нему продолженія, такъ-что книга Франке была напечатана въ 1554 г. въ Ульмѣ уже въ трехъ фоліантахъ. Такимъ образомъ обвиненіе ея въ ереси протестантскими богословами и юристами и ужасный крикъ, поднятый противъ нея ученымъ католическимъ богословомъ Кохлеусомъ, произвели только то, что доставили историческому руководству утописта еще болѣе читателей.

„Нѣмецкая Исторія“ Франке замѣчательна тѣмъ, что въ ней находится одно изъ трехъ краткихъ объясненій (clavis) къ „Тейерданку“ МельхіораФинцинга (т. X, ст. 410и сл.). Изъ этихъ объясненій одно написано самимъ Мельхіоромъ Финцингомъ, другое Себастіаномъ Франке, а третье Матвѣемъ Шультесомъ. Всѣ три помѣщены въ одномъ сочиненіи Іог. Давида Кёлера, которое издалъ Гуммель въ 1790 г. въ Нюренбергѣ. На заглавномъ листѣ бывшей у насъ въ рукахъ „Нѣмецкой Хроники“ Франке значится: „Gedruckt zu Bern in Vchtland bei Matthia Apiario vnnd vollendet auf den ersten Tag Martii 1539“ (fol'). Но есть и еще изданія того же года и даже предшествующаго, напечатанныя въ другихъ мѣстахъ. Эту книгу также часто перепечатывали и въ 1598 г. издали въ Ригѣ.

4. Переходъ классицизма изъ Италіи во Францію и начало новой французской національной литературы.

а. Общія замѣчанія.

Во Франціи XVI вѣка мы видимъ длинный рядъ людей, стараніями которыхъ изученіе классической древности стало дѣйствительно плодотворнымъ какъ для новѣйшей литературы, такъ и для жизни вообще; другими словами — они содѣйствовали тому, чтобы новѣйшая цивилизація, сдѣлавшая съ XIV стол. такіе важные успѣхи при помощи древней литературы, совершила во Франціи новые, столь же большіе шаги впередъ, а во многихъ отношеніяхъ даже бо́льшіе. Такихъ достойныхъ людей явилось очень много, и во Франціи (чего не было въ Германіи) обнаружилось огромное соревнованіе, рвеніе и пытливость духа между учеными какъ католической, такъ и протестантской школъ. Уже по одному обилію фактовъ пришлось бы намъ отложить подробности этого движенія до слѣдующаго тома; но сверхъ того то, что намъ нужно сказать, относится ко второй половинѣ XVI стол. Поэтому о великихъ и ревностныхъ усиліяхъ французскихъ ученыхъ мы будемъ подробно говорить далѣе, когда объ итальянцахъ не будетъ уже и рѣчи, а о нѣмцахъ придется сказать очень немного; здѣсь же мы ограничимся относительно ученыхъ сочиненій тѣмъ, что было сдѣлано при Франциске I, а относительно собственно французской литературы сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣчаній о произведеніяхъ въ стихахъ и прозѣ, написанныхъ на старинномъ, наивномъ и грубомъ французскомъ языкѣ. Этотъ старинный языкъ вошелъ въ послѣднее время опять въ честь у нѣкоторыхъ французовъ, которые желали оставить избитую дорогу плоской, но ясной новой рѣчи. Въ старинномъ языкѣ они находили — какъ нахо-

димъ мы въ Лютерѣ — силу, естественность и свѣжесть, а въ содержаніи — народность, бодрость и то жесткое остроуміе, котораго не терпѣла придворная литература XVII и XVIII столѣтій.

в. Изученіе древности до Франциска I.

Въ дѣлѣ политики, дипломатическаго искуства, хитрости и изворотливости, французы при Лудовикѣ XI и при Карлѣ VIII были учениками итальянцевъ, съ которыми иногда имъ удавалось даже равняться. При Лудовикѣ XII они старались упрочить у себя преподаваніе, древнихъ языковъ и процвѣтавшихъ въ Италіи наукъ. Какъ итальянцы XI и XII в., они соединили новую науку съ изученіемъ римскаго права. Въ юридическихъ школахъ Буржа, Орлеана и Дижона находимъ мы слѣды классическихъ занятій, которыхъ не поощряло правительство. Еще Лудовикъ XII старался приглашать во Францію грековъ, перенесшихъ въ Италію древнюю науку. Онъ обратился къ Іоанну Ласкарису, котораго осыпалъ почестями; но Ласкарисъ выступилъ съ большимъ успѣхомъ въ качествѣ преподавателя только въ царствованіе преемника Лудовика XII, Франциска I.

Лудовику XII хотѣлось также имѣть для Франціи историка, пишущаго по латыни, но такого во Франціи не оказывалось, и его пришлось выписать изъ Италіи. Искусство писать по-латыни, подражая слогу Цицерона, Тита Ливія и другихъ древнихъ, было, какъ извѣстно, развито между итальянцами XV и XVI столѣтій до безвкусія. Кто хотѣлъ имѣть историческое произведеніе или государственный актъ, которые могла бы читать вся Европа, долженъ былъ велѣть написать его на латинскомъ языкѣ и употребить для этого итальянскаго стилиста, образованнаго въ новой школѣ. Когда Лудовикъ XII вздумалъ заказать исторію Франціи на изящномъ латинскомъ языкѣ, онъ обратился за совѣтомъ къ епископу Этьенну Понше, и послѣдній рекомендовалъ ему итальянца Эмиліо, ко-

торый сдѣлался, подъ именемъ Павла Эмилія, историкомъ Франціи, имѣвшей до тѣхъ поръ однѣ хроники. Павелъ Эмилій пріѣхалъ въ Парижъ вѣроятно около 1499 г. Король наименовалъ его исторіографомъ и далъ ему мѣсто каноника, чтобы онъ безпрепятственно могъ предаться исполненію своей задачи. Павелъ Эмилій такъ трудился надъ внѣшнею формой и языкомъ своего произведенія, что только черезъ 16 лѣтъ, посвященныхъ выправкѣ слога, явились четыре первыя книги его труда. Въ 1516 г. онъ издалъ эти первыя четыре книги „Французской Исторіи" («De Rebus Gestis Francorum libri IV», Paris, fol), и только черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти его (1539 г.) появилось цѣликомъ все сочиненіе, состоящее изъ 10 книгъ. Исторія Франціи доведена въ немъ до начала царствованія Карла VIII. Здѣсь не мѣсто разбирать это произведеніе. Павелъ Эмилій выполнилъ свою задачу — воспроизвести стиль древнихъ и показать французамъ, какъ надо писать по-латыни. Ученый латинистъ Липсіусъ превозноситъ его до небесъ и утверждаетъ, что исторія Павла Эмилія совершенно равняется образцамъ древности. Но въ историческомъ отношеніи его никто не станетъ сравнивать съ де-Ту, писавшимъ тоже классическою латынью. Лудовикъ XII пригласилъ въ Парижъ другаго латинскаго стилиста, оказавшаго услуги Цезарю Борджіа. Это былъ тотъ самый Алеандеръ, котораго Лютеръ описалъ со своею ѣдкой ироніей (стр. 358). Алеандеръ началъ въ 1508 г. въ Парижѣ преподаваніе стилистики; но потомъ занялъ мѣсто епископскаго довѣреннаго въ Римѣ и вмѣстѣ съ порученными ему дѣлами устроилъ такъ ловко свои собственныя, что вскорѣ получилъ санъ кардинала.

Для преподаванія греческаго языка Лудовикъ XII выписалъ въ Парижъ Георга Гермонима; но онъ былъ не въ состояніи преподавать то, чего самъ не зналъ. Напротивъ, ректоръ дижонскаго университета, Пьерръ Тюрро или Петръ Турреллусъ возбудилъ соревнованіе одного француза, бывшаго его ученикомъ и сдѣлалъ для преподаванія болѣе, чѣмъ кто либо, ибо пользо-

вался полнымъ довѣріемъ короля Франциска и былъ вполнѣ достоинъ его. Пьерръ Тюрро писалъ много и самъ, но о сочиненіяхъ его не стóитъ здѣсь упоминать, и мы назвали его только по поводу признательнаго ученика его, Пьерра Дюшателя или Петра Кастеллануса. Съ одиннадцатаго по шестнадцатый годъ своей жизни Дюшатель съ великимъ прилежаніемъ изучилъ греческій языкъ въ такомъ совершенствѣ, что Тюрро поставилъ его во главѣ класса. Изъ этого видно, что этотъ первый творецъ греческаго преподаванія во Франціи началъ учиться такъ же рано, какъ Меланхтонъ. Узнавъ, что Эразмъ Роттердамскій, считавшійся тогда по сю сторону Альпъ величайшимъ знатокомъ древнихъ языковъ и лучшимъ учителемъ новой науки, учитъ въ Базелѣ, Дюшатель поспѣшилъ къ нему изъ Дижона, поступилъ въ базельскую типографію Фробена корректоромъ и пользовался наставленіями Эразма. Изъ Базеля онъ отправился въ Буржъ, гдѣ занялся изученіемъ права. Потомъ предпринялъ путешествіе по странамъ, бывшимъ центрами древней культуры, а именно въ Италію, Египетъ, Палестину и Грецію. Онъ прожилъ два года въ Кипрѣ преподавателемъ латинскаго языка. Этому ученому король Францискъ I обязанъ славой человѣка, сдѣлавшаго Парижъ средоточіемъ классической науки и соединившаго въ своей столицѣ всѣ средства для нравственнаго образованія.

c) Учрежденія короля Франциска I для преобразованія системы преподаванія.

О развитіи Франциска I въ молодости никто не заботился; но скоро живой умъ его понялъ необходимость просвѣщенія, и онъ тѣмъ ревностнѣе старался доставить своей впечатлительной націи цивилизацію новаго времени, чѣмъ болѣе сознавалъ недостатокъ воспитанія въ себѣ. Знакомство съ Италіей, гдѣ государи, высшая аристократія и даже папы искали славы и блеска въ томъ, чтобы именоваться покровителями и двига-

телями науки и искуства, побудило Франциска I окружать себя не только придворными и льстецами, но и поэтами и людьми со вкусомъ. Въ этомъ отношеніи незначительный самъ по себѣ поэтъ Коленъ далъ ему совѣтъ гораздо лучше, нежели кардиналъ дю Белле. Послѣдній рекомендовалъ ему геніальнаго, но негоднаго монаха Рабле, а первый, напротивъ, благороднаго священника Дюшателя, который оказалъ Франціи безсмертныя услуги въ наукѣ и искуствѣ и въ ихъ распространеніи. Дюшатель пріобрѣлъ милость короля и упрочилъ ее за собою; онъ былъ возвышаемъ отъ епископства до епископства и получилъ при дворѣ санъ великаго милостынедателя. Онъ далъ королю совѣтъ основать, кромѣ стараго, неудовлетворительнаго для новой поры парижскаго схоластическаго университета, новый королевскій университетъ для той науки, которая была неизвѣстна въ средніе вѣка, а теперь пренебрегалась. Король согласился на это предложеніе и назначилъ въ 1530 г. четырехъ новыхъ профессоровъ греческаго и еврейскаго языка; къ нимъ въ 1534 г. былъ присоединенъ профессоръ латинскаго краснорѣчія, чтобы положить конецъ монашеской латыни. Впослѣдствіи были учреждены еще три королевскія каѳедры — одна для математики, другая для римской философіи, третья для медицины. Учрежденіе послѣдней дало поводъ основать медицинскія вспомогательныя науки на опытѣ и наблюденіи. Видіусъ, вызванный, по совѣту Дюшателя, изъ Флоренціи въ Парижъ, перешелъ отъ изученія арабскихъ врачей къ Галену и Гиппократу. Преемникъ ѐго, Готье, лейбъ-медикъ короля, доказалъ, что греки и арабы не могли заниматься анатоміею согласно требованіямъ науки, и знаменитый ученикъ его, Андрей Везалій, прибывшій въ Парижъ изъ Брюсселя, пошелъ по стопамъ Готье и создалъ совершенно новую науку анатоміи, такъ что можетъ считаться основателемъ и творцомъ новой анатоміи.

Въ первое время царствованія Франциска I возвратился Ласкарисъ; на этотъ разъ онъ нашелъ уже готовую почву для сво-

ихъ основательныхъ ученій. Лудовикъ XII послалъ его въ Венецію; оттуда, по смерти короля, Ласкарисъ переѣхалъ въ Римъ; здѣсь, при папѣ Львѣ X, онъ руководилъ заведеніемъ для образонія молодыхъ грековъ и вмѣстѣ съ тѣмъ управлялъ типографіей; въ 1515 г. Левъ X отправилъ его въ Парижъ. Здѣсь онъ возвысилъ значеніе занятій греческимъ языкомъ и имѣлъ такое же вліяніе на Бюде или Будеуса, о которомъ мы скажемъ подробно ниже, какъ Рейхлинъ на Меланхтона. Главною заслугою его было то, что онъ, съ помощью Бюде, собралъ въ Фонтенбло превосходную коллекцію рукописей на счетъ короля.

Король Францискъ I соединялъ рвеніе къ преуспѣянію древнихъ языковъ и новой наукѣ съ живымъ чувствомъ къ процвѣтавшему тогда въ Италіи искуству и старался насадить его и во Франціи. Мы не рѣшаемся оцѣнивать эти старанія, такъ какъ судъ о изящныхъ искуствахъ требуетъ особенныхъ знаній, которыхъ мы не имѣемъ. Мы упомянемъ только объ одномъ, а именно, о томъ, что Францискъ вошелъ въ самыя дружескія отношенія къ скульптору Бенвенуто Челлини, знаменитому своими металлическими работами въ полурельефъ. Король взялъ его на нѣкоторое время во Францію. Объ отношеніяхъ этого художника авантюриста къ Франциску есть занимательные анекдоты въ автобіографіи Бенвенуто Челлини, переведенной на нѣмецкій языкъ Гёте. Какъ ни хорошо рисуютъ они характеръ короля, но мы не можемъ однако во всемъ довѣрять имъ; какъ извѣстно, Бенвенуто Челлини до того лгалъ въ своей автобіографіи, что подъ конецъ самъ повѣрилъ своимъ выдумкамъ. Король Францискъ былъ, впрочемъ, не только щедръ, но и расточителенъ въ своихъ издержкахъ на искуство и науку, точно такъ же, какъ для своихъ любовницъ и ихъ друзей. Поэтому нельзя не считать счастіемъ для Франціи заботъ Дюшателя о томъ, чтобы покровительствуемые королемъ ученые были люди достойные и чтобы собранія рукописей и древности составлялись съ большимъ разборомъ.

Для покупокъ въ пользу этихъ собраній Францискъ I упо-

треблялъ, кромѣ Іоанна Ласкариса, еще троихъ, именно Пелиссье, Данеса и Постеля. Ласкарисъ, которому въ то же время были поручены и политическія дѣла, былъ посланъ въ Венецію, куда изгнанные турками греки принесли съ собою все, что могли спасти. Пелиссье былъ отправленъ съ тою же цѣлью въ Венецію. Данесъ же, по порученію короля, объѣхалъ всю Италію и Грецію и всѣ азіатскія страны, которыми нѣкогда владѣли греки. Но наибольшія услуги заведеннымъ Францискомъ собраніямъ оказалъ безспорно Гильйомъ Постель.

Постель (1510—1581 г.) былъ профессоромъ въ Парижѣ, но оставилъ свое мѣсто и поѣхалъ сначала въ Вѣну, а потомъ въ Римъ. Здѣсь онъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ, но его изгнали изъ него и продержали до 1559 г. въ заключеніи. Изъ Рима онъ переѣхалъ въ Венецію, а позднѣе преподавалъ математику въ Дижонѣ. Наконецъ его, какъ индиферентиста, заключили въ монастырь, гдѣ онъ и умеръ въ 1581 г. Мы упоминаемъ о немъ только по поводу двухъ путешествій его въ Константинополь, но давалъ ли ему на это и какія именно средства Францискъ, намъ неизвѣстно. Какъ бы то ни было, Постель оказалъ своему отечеству безсмертныя услуги. Эти услуги состояли главнымъ образомъ въ покупкахъ рукописей, которыми было спасено многое, что безъ того погибло бы, и соединено въ такомъ мѣстѣ, какъ Парижъ, гдѣ ими лучше всего можно было пользоваться для успѣховъ науки. Мы не упоминаемъ о его пятнадцати сочиненіяхъ, потому что не приписываемъ имъ значенія для того времени. Постель, очень хорошо знавшій языки греческій, латинскій и сирійскій, сопровождалъ посланника своего короля, Ла Форè, въ Константинополь и воспользовался для своихъ научныхъ и артистическихъ цѣлей вліяніемъ, которое имѣлъ Ла Форе на султана, составившаго чрезъ него съ королемъ заговоръ противъ христіанства. Постель весьма годился для такого дѣла; для него исламъ имѣлъ равную цѣну съ христіанствомъ, что̀ онъ и высказывалъ неосторожно, такъ

что іезуиты, не смотря на его ученость, выгнали его изъ своего ордена. Онъ былъ, повидимому, большой чудакъ и всю свою жизнь не находилъ себѣ мѣста. Кромѣ упомянутыхъ городовъ, мы встрѣчаемъ его и въ Женевѣ, и въ Базелѣ. Драгоцѣнныя коллекціи, составленныя имъ во время его путешествій, впослѣдствіи перешли въ королевскія собранія; такимъ образомъ суммы, употребленныя на это Постелемъ и заслуга его были приписаны королю Франциску.

Мы показали заслуги правительства и нѣсколькихъ профессоровъ и собирателей по основанію во Франціи высшихъ и низшихъ училищъ, въ которыхъ науки преподавались по примѣру древнихъ и итальянцевъ; намъ слѣдовало бы, по настоящему, упомянуть и объ ученыхъ и привести главные ихъ труды. Но мы назовемъ изъ нихъ только двоихъ, принадлежащихъ къ первой порѣ; ученыхъ, содѣйствовавшихъ развитію наукъ въ этомъ столѣтіи, было много, но мы не можемъ говорить здѣсь о нихъ, ибо они имѣютъ слишкомъ спеціально ученое значеніе, за исключеніемъ немногихъ, которые относятся уже ко второй половинѣ столѣтія и будутъ упомянуты нами въ слѣдующемъ томѣ. Если бы въ сочиненіи, назначенномъ для всеобщаго чтенія, было умѣстно строго слѣдовать хронологическому порядку и строго-научной полнотѣ, намъ слѣдовало бы прежде всего перечислить заслуги классически образованныхъ богослововъ, и между ними въ особенности труды Кальвина и Безы, а также юристовъ называвшихся прежде изящными, а теперь историческими. Мы должны ограничиться всеобщими науками и не можемъ имѣть въ виду ни полноты, ни спеціальныхъ отраслей учености. Поэтому мы съ намѣреніемъ не упоминаемъ о славныхъ ученыхъ, имена которыхъ около полувѣка ежедневно слышатся съ нѣмецкихъ каѳедръ, Дуарена, Балдуина, Куяція, Діонисія и Якова Годофреда. За то мы взглянемъ ближе на двухъ другихъ превосходныхъ практическихъ юристовъ, Пьерра Питу въ слѣдующемъ, и Гильйома Бюде или Будеуса въ этомъ томѣ. Въ то время въ Германіи

практическому юристу или даже профессору римскаго права рѣдко приходилось заниматься чѣмъ либо, кромѣ своей исключительной спеціальности (purum putum jus), частію по недосугу, частію потому, что онъ поглощался политикой, частію по страху экзамена, рано отнимавшему у него охоту на иное дѣло. Тѣмъ интереснѣе для насъ припомнить двухъ ученыхъ, которые оказали такія же важныя заслуги своею судейскою дѣятельностью, какъ и развитіемъ гуманитарныхъ наукъ. Въ слѣдующемъ томѣ мы прибавимъ къ нимъ третьяго—президента де-Ту. Всѣ трое отличались полезною и прочною дѣятельностью, какъ государственные чиновники по устройству правосудія, по примѣненію и безпристрастному толкованію права и законовъ, и какъ ученые по изученію исторіи, древнихъ языковъ и своего собственнаго, и даже по наукѣ древностей въ самомъ широкомъ объемѣ и самомъ благородномъ ея значеніи.

Гильйомъ Бюде или Будеусъ, родившійся въ 1467 г., былъ тотъ ученый, которому изученіе греческой древности обязано прочною опорой; собственно онъ одинъ сдѣлалъ его возможнымъ не только во Франціи, но и вообще у народовъ по сю сторону Альпъ. Онъ началъ свою дѣятельность двумя сочиненіями, имѣвшими почти безпримѣрный успѣхъ; въ нихъ онъ рекомендовалъ новую систему изученія права, которая въ началѣ XVI столѣтія привлекала въ Орлеанъ, Буржъ и Дижонъ учениковъ схоластическаго парижскаго университета и очень много чужестранцевъ. Сочиненія эти — комментарій къ 24 книгамъ пандектовъ и спеціальное юридическое изслѣдованіе въ 5 книгахъ („De asse et partibus ejus"). Послѣднее въ одномъ Парижѣ было издано съ 1516 по 1548 г. шесть разъ, и кромѣ того въ Венеціи, Кёльнѣ, Ліонѣ и вѣроятно еще въ другихъ мѣстахъ. Бюде почувствовалъ потомъ необходимость изучить греческій языкъ и, по совершенному отсутствію какихъ бы то ни было вспомогательныхъ книгъ, обратился къ Гермониму, вызванному въ Парижъ, какъ мы видѣли, Лудовикомъ XII. Гермо-

нимъ читалъ съ нимъ Гомера; но Бюде жалуется на его незнаніе, на недостатокъ въ немъ образованности и на его грубость. Его ученіе пошло успѣшнѣе, когда онъ обратился къ Ласкарису, происходившему изъ царственнаго византійскаго дома; Бюде говоритъ, что этотъ учитель принесъ ему много пользы. Еще при Лудовикѣ XII Бюде пользовался большимъ значеніемъ; при Францискѣ I онъ, кромѣ другихъ должностей, получилъ мѣсто директора королевской библіотеки, стоившей королю много денегъ и стараній. Бюде былъ сдѣланъ также maitre de requêtes или совѣтникомъ по пріему прошеній, а вскорѣ парижскимъ старшиною. Поэтому онъ съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ право грековъ, ихъ ораторовъ, которые вели гражданскіе и уголовные процессы въ судѣ и народномъ собраніи, и ихъ рѣчи. Плодомъ этихъ занятій былъ главный трудъ его—полное руководство къ изученію греческаго языка (Commentarii lingaeu graecae), которое имѣло 4 изданія съ 1529 по 1536 г. Этотъ трудъ, обличающій чрезвычайную точность и прилежаніе, сохранилъ свою цѣну и послѣ появленія греческаго словаря („Thesaurus“) Стефана, въ особенности во всемъ касающемся греческихъ ораторовъ и греческаго права. Въ немъ не только указываются, но и приводятся цѣликомъ и объясняются всѣ примѣры, что нѣсколько затрудняетъ пріискиваніе.

Бюде и Ласкарисъ образовали человѣка, который первый занялъ ново-учрежденную каѳедру греческаго языка. Это былъ Пьерръ Данесъ. Онъ прославился впрочемъ не столько своими трудами по изученію древности, сколько горячею полемикой своей изъ за Аристотели и аристотелевской философіи съ Пьерромъ Раме или Петромъ Рамусомъ и его школою. Раме до смѣшнаго не терпѣлъ Аристотеля и образовалъ многочисленную философскую школу рамистовъ, которая имѣла приверженцевъ во всѣхъ университетахъ. Тогда всюду шла борьба аристотеліанцевъ съ рамистами, и споры ихъ были такъ же ожесточенны и привлекали такое же вниманіе въ XVI столѣтія, какъ въ

предшествовавшихъ вѣкахъ споры номиналистовъ и реалистовъ въ школахъ схоластиковъ. Мы, впрочемъ, упомянули здѣсь о Данесѣ лишь потому, что онъ также принадлежалъ къ числу лицъ, которымъ король поручалъ собирать вспомогательные источники. Онъ жилъ съ 1534 по 1537 г. въ Италіи съ исключительною цѣлью — покупать древности и рукописи. Какъ профессоръ греческаго языка, онъ не совершилъ ничего особенно замѣчательнаго. Что же касается услугъ, оказанныхъ имъ въ качествѣ епископа и посланника на тридентскомъ соборѣ, — то не наше дѣло оцѣнивать ихъ.

Братья Галланы, Пьерръ и Гильйомъ, преподававшіе греческій языкъ послѣ Данеса, способствовали возбужденію охоты къ изученію его; рѣчи ихъ даже въ то время считались главнымъ произведеніемъ ихъ. Трое соотечественниковъ ихъ до нынѣ считаются основателями науки древностей по сю сторону Альпъ. То были Турнбёфъ, Ламбенъ и Мюре. Мы не можемъ входить въ подробный разборъ, какъ и чѣмъ содѣйствовали они въ этомъ столѣтіи развитію школьнаго преподаванія въ Европѣ, и національной образованности, литературы и языка французовъ. Мы замѣтимъ только, что ихъ дѣятельность обнимала всѣ стороны классической науки и продолжалась въ теченіе всего XVI вѣка: Турнбёфъ умеръ въ 1565, Ламбенъ въ 1572, а Мюре въ 1585 г.

d) Первые шаги къ соединенію древней образованности съ чисто французскими національными элементами.

Въ то время, какъ во Франціи упрочилось изученіе классической древности и подъ вліяніемъ латинцевъ вновь усвоился риторически-торжественный слогъ въ исторіи и другихъ отрасляхъ литературы, какимъ отличались галльскія школы еще въ римское время, — въ это время возникла оригинальная литература французовъ, господствовавшая до Вольтера, полная сомнѣнія, насмѣшки, поруганія, остроумія и разумнаго взгляда на жизнь.

Для примѣра мы возьмемъ одного поэта и одного прозаика. Въ нихъ мы увидимъ, какой элементъ приняли французы въ свою литературу и языкъ въ то время, какъ въ Германіи вліяніе Лютера и его учениковъ придавало характеръ строгости языку, литературѣ и жизни нѣмцевъ. Иронія и скептицизмъ, смѣшеніе серьезнаго съ самою непристойной, площадной насмѣшкой надъ самымъ благороднымъ и безнравственный грязный фарсъ шли рука объ руку и чередовались. Это было въ національномъ вкусѣ, потому-что живой французъ съ удовольствіемъ читаетъ то, что раздражаетъ тяжелаго нѣмца. Поэтому мы считаемъ достаточнымъ сдѣлать лишь нѣсколько замѣчаній; было бы слишкомъ высокомѣрно и дерзко обсуживать и критиковать съ точки зрѣнія совершенно противуположной національности произведенія, которыя до нашего времени признавались и признаются французами за національныя и имѣющія значеніе для образованія и жизни.

Первый писатель, котораго слѣдуетъ упомянуть въ этомъ отношеніи, не имѣетъ, собственно говоря, ничего общаго съ древними, и былъ извѣстенъ какъ поэтъ еще въ XV столѣт. Это Вилльонъ, родители и предки котораго были жалкіе бѣдняки. Онъ былъ шутъ и даже хуже. Своими стихотвореніями онъ состязался съ отцомъ Лудовика XII, герцогомъ Карломъ Орлеанскимъ. Аббатъ Саллье говоритъ, что герцогъ Карлъ, а не Вилльонъ, первый проникъ въ духъ французскаго языка и оригинальностью презошелъ всѣхъ предшествовавшихъ поэтовъ. Но какъ ни были хороши стихотворенія герцога и какъ ни близки они къ манерѣ Вилльона, за исключеніемъ излишней жесткости и плоскости послѣдняго, но слава эта должна остаться за Вилльономъ, хотя этотъ поэтъ часто тривіаленъ, грубъ, непристоенъ и низокъ въ своихъ фарсахъ, считающихся остротами. Вилльонъ родился въ 1431 г. и въ 1461 г. написалъ свое лучшее произведеніе: „Большое завѣщаніе". Мы упоминаемъ здѣсь о немъ по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что Маро, шедшій по его стопамъ, собралъ, по приказанію короля Фран-

циска, всѣ его главныя произведенія; во вторыхъ потому, что, по мнѣнію французовъ, Виллёонъ первый представилъ примѣры того, что они называютъ тонкою шутливостью (badinage délicat), которая составляетъ средину между легкимъ (l'agréable) и шутливымъ (bouffon). По ихъ мнѣнію, Маро, Сенъ-Желе, Вуатюръ и Сарразенъ довели этотъ родъ до совершенства. Виллёонъ самъ говоритъ въ своихъ стихотвореніяхъ, что ученіе было не по его части *), и что онъ жилъ между людьми, которые таскаются по трактирамъ, гдѣ можно научиться веселости и презрѣнію къ законамъ и нравственности, но никакъ не хорошимъ манерамъ. Онъ называетъ себя по этому мастеромъ и образцомъ въ мошенничествѣ **). Въ своемъ „Большомъ завѣщаніи", раздѣленномъ на баллады, онъ разсказываетъ, что еще въ ранней молодости часто попадалъ въ тюрьму за мелкія воровства, и наконецъ за воровство большаго размѣра, намъ неизвѣстное, былъ приговоренъ къ висѣлицѣ съ пятью сообщниками. Онъ апеллировалъ парламенту, и смертная казнь была замѣнена изгнаніемъ, о чемъ онъ свидѣтельствуетъ самъ въ своей благодарственной балладѣ парламенту. Ему было не лучше тамъ, куда онъ удалился; онъ попалъ въ руки судьи епископа Тибо д'Оссиньи орлеанскаго, на тюрьмы котораго онъ очень жалуется ***).

---

*) Hé! Dieu si j'eusse estudié
Au tems de ma jeunesse folle
Et à bonnes meurs dedié,
J'eusse maison et couche molle.
Mais quoy? je fuya escolle
Comme fait le mauvays enfant.
En escrivant ceste parole,
A peu que le cueur ne me fend.

**) La mère nourricière
De ceux, qui n'avoient point d'argent
A tromper devant et derrière,
Estoit un homme diligent.

***) Dieu mercy et Jacques Thibaut,
Qui tant d'eau froide m'a fait boire

На этотъ разъ Лудовикъ XI освободилъ его, за что онъ отъ души благодаритъ короля въ своемъ „Большомъ завѣщаніи“, которое, какъ и „Малое завѣщаніе“ его, касается разныхъ случаевъ его жизни. Кромѣ этихъ двухъ завѣщаній, къ числу главныхъ произведеній его слѣдуетъ прибавить „Le Jargon“ и „Les Repues franches“. Но мы уже достаточно, кажется, указали на тонъ и направленіе этого писателя, и говорить о немъ болѣе находимъ лишнимъ для нашей цѣли.

Намъ слѣдовало бы теперь сказать нѣсколько словъ о Клеманѣ Маро, который шелъ по слѣдамъ Виллььона; но мы сдѣлаемъ это въ слѣдующемъ томѣ. Мы остановимся здѣсь не надолго на Франсуа Рабле, который былъ предшественникъ прозаиковъ, какъ Виллььонъ — поэтовъ, и отличался не меньшею веселостью, легкомысліемъ, оригинальностью, неисчерпаемою насмѣшливостью и ироніей и циническою непристойностью. Рабле изучилъ въ совершенствѣ Виллььона, Въ своемъ „Пантагрюэлѣ“ онъ заставляетъ его (что многіе принимаютъ за чистую монету) ѣхать въ Англію, жить на самой дружеской ногѣ съ тамошнимъ королемъ и быть дѣйствующимъ лицомъ въ разныхъ комическихъ приключеніяхъ. Французы до сихъ поръ или—лучше сказать—теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, считаютъ Рабле величайшимъ философомъ изъ буффоновъ иписателемъ, наиболѣе богатымъ оригинальными мыслями. Онъ родился въ 1483 г., близь Шинона, въ Турени и велъ, какъ Виллььонъ, трактирную жизнь съ тою

Et en bas lieu, non en lieu haut
Manger d'angoisses maintes poires
Enferré, si j'en ay mémoire
Pour lui, je prie et reliqua
Que dieu lui doint et voire
Ce que je pense et cetera.
Toutefois je n'y pense mal
Pour lui et pour son lieutenant,
Aussi pour son official.
Je les ayme tous d'ung tenant
Ainsi que Dieu fait le Lombard.

развицей, что ве дѣлалъ, какъ тотъ, уголовныхъ преступлевій. Онъ посѣщалъ университетъ, и главное произведеніе его, рѣзкое и часто тривіальное, вабитое ученостью, обличаетъ необыкновенвую начитанность. Овъ вступилъ въ орденъ фравцисканцевъ и, не покидая своего пристрастія къ вину, принялся съ неутомимымъ рвеніемъ изучать древніе языки и авторовъ. Наскучивши францискавцами и наскучивъ имъ, онъ вашелъ прибѣжище у бенедиктинцевъ. Какъ бенедиктинецъ, онъ занимался преподаваніемъ, пріобрѣлъ большія позванія и написалъ вѣсколько учевыхъ и поучительныхъ книгъ, которыхъ никто ве читалъ и ве читаетъ, тогда какъ его главное твореніе, ваполвенное шутовствомъ и всякими чудесами, читается и восхваляется до вынѣ. Онъ былъ полезевъ кардивалу дю-Белле, на мемуары котораго мы часто ссылаемся, и служилъ ему шутомъ. Кардиналъ взялъ его съ собою въ Римъ, гдѣ папа въ 1523 г. разрѣшилъ Рабле отъ нарушенныхъ уже имъ монастырскихъ обѣтовъ. Рабле принялся затѣмъ изучать медициву. Когда покровитель его, дю-Белле, сталъ епископомъ парижскимъ, Рабле былъ его врачемъ и шутомъ и получилъ въ награду мёдонскій приходъ близь Парижа. Здѣсь онъ жилъ съ 1545 до 1553 г.

Рабле былъ человѣкъ умный и обладалъ необыкновенными познаніями; овъ видѣлъ свѣтъ, жилъ въ Парижѣ и два раза былъ въ Римѣ; рѣчь его лилась какъ рѣка; онъ не боялся ни Бога, ни людей. Повятво, что это былъ имевво такой человѣкъ, который могъ изобразить съ комической сторовы все, что люди его времени дѣлали или терпѣли. Онъ сдѣлалъ это въ произведеніи, которое по идеѣ и по комизму своему сравнивали съ „Донъ-Кихотомъ“ испанца Сервантеса. Но между ними великая развица. Сервантесъ былъ честный и хорошій человѣкъ и осмѣивалъ ослѣпленіе и глупости своего времени; Рабле же былъ циническій мовахъ, осквернявшій своимъ поруганіемъ все чистое и своимъ остроуміемъ вовлекавшій все высокое и святое въ кабацкій кругъ. Этотъ жалкій монахъ страшно осмѣиваетъ въ

своемъ романѣ, который теперь опять въ большомъ ходу, папу, не смотря на оказанныя ему милости, насмѣхается, надъ высшимъ и низшимъ духовенствомъ, и всю жизнь остается чѣмъ-то въ родѣ домашняго шута у кардинала дю-Белле, отъ котораго получаетъ мёдонскій приходъ и пребенду церкви St. Maux des Fossés. Такому человѣку вовсе не къ лицу разыгрывать роль Катона и Персія; но это не смущаетъ французовъ. Его охраняетъ мракъ загадочности, окружающій его. Дѣйствительно непонятно, какъ въ то время, когда при Францискѣ 1 и Генрихѣ II вездѣ преслѣдовались и предавались казни лучшія и благороднѣйшія духовныя лица, могъ быть терпимъ въ священствѣ этотъ шутовской и циническій пьяница.

Романъ, о которомъ мы говоримъ, есть „Исторія великана Гаргантюа и его сына, Пантагрюэля“ („De la vie, faits et dits héroiques de Gargantua et de son fils Pantagruel avec la prognostication Pantagrueline“). Четыре первыя книги романа явились при жизни Рабле, пятая была издана по смерти его, такъ какъ онъ опасался выпустить ее. Успѣхъ ея между современниками былъ безпримѣрный. Разсказываютъ, что Рабле началъ печатать переводъ Гиппократа, и когда книгопродавецъ сталъ жаловаться на дурной сбытъ его, онъ далъ ему для напечатанія первую книгу „Гаргантюа“. Три слѣдующія книги явились одна за другой, и книгопродавецъ, какъ разсказываютъ, говорилъ, что въ два мѣсяца было продано болѣе экземпляровъ первой книги романа, чѣмъ другой книги въ цѣлый годъ. Утверждаютъ также, что знаменитый и остроумный Анри Этіенъ помогалъ Рабле въ сочиненіи послѣднихъ двухъ книгъ романа, но это подвержено сомнѣнію. „La Prognostication Pantagrueline“ написана вѣроятно не самимъ Рабле; приписываемыя ему „Странствія Панюржа на неизвѣстныя острова„ принадлежатъ также не ему. Французы считаютъ „Гаргантюа и Пантагрюэля“ неисчерпаемымъ источникомъ остроумія, естественности, прямоты, свободомыслія и жесткаго отступленія отъ всякихъ условныхъ

приличій, — качества, совершенно исчезнувшія потомъ подъ вліяніемъ придворной литературы. Иностранецъ не можетъ судить объ этомъ, потому-что ему невозможно читать этой низко-грязной и непристойной книги безъ комментаріевъ къ ея темнымъ мѣстамъ. Остается вѣрить Монтаню, Мольеру, Лафонтену, Буало, Вольтеру и Поль-Луи Курье, которые говорятъ, что Рабле былъ главнымъ руководителемъ ихъ въ житейской философіи и въ философическомъ изученіи роднаго языка.

Не трудно сообразить, что новѣйшая французская литература должна была необходимо идти совершенно инымъ путемъ, нежели нѣмецкая, хотя бы всѣ другія обстоятельства были совершенно одинаковы въ обѣихъ націй. Вспомнимъ, что съ XVI столѣтія нѣмецкіе писатели смотрѣли на переводъ Библіи Лютера, какъ на источникъ богатства роднаго языка и на образецъ тона, въ какомъ слѣдуетъ говорить съ народомъ. Мы не хотимъ выводить изъ этого заключеній въ пользу нѣмцевъ или въ укоръ французамъ; это было бы односторонне и несправедливо. Мы думаемъ только, что въ этомъ выражается основное различіе національныхъ характеровъ, и что съ самаго возстановленія новѣйшей французской литературы шутка и насмѣшка, цинизмъ и иронія, скептицизмъ и легкомысліе составляютъ ея главные элементы, что́ подтвердится въ исторіи культуры послѣдующаго времени. Какъ распространенъ былъ романъ Рабле, не смотря на свою темноту и растянутость, видно изъ того, что библіографы насчитываютъ болѣе шестидесяти изданій его. Къ числу лучшихъ принадлежатъ: амстердамское 1711 г. въ пяти томахъ съ объясненіями ле Дюша и ла Моннѐ, парижское 1823 г. въ трехъ томахъ, и приготовленное Эмангаромъ и Жоанно съ подробнѣйшими примѣчаніями (называемое поэтому Variorum), которое выходило съ 1823 по 1826 г. и составило девять томовъ.

КОНЕЦЪ XI-ГО ТОМА.